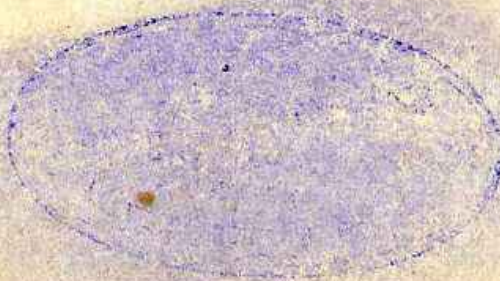

ВЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

39217
БИБЛИОТЕКА
Орловского Дома
Красной Армии

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 8 АВГУСТЪ 1906

1950г.

ПРОВЕРЕНО

ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Незданныя произведенія Т. Г. Шевченко . II. Предисловіе къ „Кобзарю“	1
2. Къ біографіи Т. Г. Шевченко (новые матеріалы)	4
3. „Земля и Воля“ наканунѣ Воронежскаго съѣзда. М. Р. Попова	13
4. Воспоминанія чайковца. С. С. Синегуба	39
5. Эпизодъ изъ жизни въ Шлиссельбургской крѣпости. И. Л. Манучарова	81
6. Дѣло П. А. Мартынова (по неизданнымъ источникамъ) М. Н. Лемке	83
7. Къ біографіямъ А. И. Желябова и С. Л. Перовской	108
8. У подножія вѣшницы. Ф. Я. Кона	136
9. Мое знакомство съ И. М. Ковальскимъ . В. С. Илича-Свитыча	142
10. Изъ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ въ началѣ 80-хъ годовъ.	158
11. Изъ прошлаго. Ад. Бяловеснаго	193
12. Въ Шлиссельбургской крѣпости. М. В. Новорусскаго	208
13. Михаилъ Александровичъ Бакунинъ (біографическій очеркъ). Жемса Гильома	228
14. Судейкинъ и Дегаевъ. Н. П. Маклецовою . (Дегаевою).	265
15. Письмо г. Курицына и отвѣтъ на него редакціи	273
16. Историческая бібліографія. М. П. Драгомановъ . Собраніе политическихъ сочиненій. Т. П. С. Ф. Русовой . В. М. Иллминскій . Архангельская ссылка. В. Русина . В. Е. Якушкинъ . Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Н. К. П-ва . <i>Кабанесъ и Нассъ</i> . Революціонный неврозъ (переводъ подъ редакціей Д. Ф. Коморскаго). Б. В.	280

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія «ЭНЕРГІЯ», Загородный просп., 17.
1906.

17. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію . . .	29
18. Современная лѣтопись . . .	30
19. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. (Къ процессу П. Л. Лаврова—35. По поводу портрета А. И. Желябова—А. П. Прибылевой-Корбы—106. Къ исторіи заговора Сухинова—130. „Изъ дѣла о предсѣдѣлѣ Таврич. губ. зем. управы Винбергъ и его единомышленникахъ“—188. Рѣдчайшее революціонное изданіе (Свобода № 2. 1863 г.)—189. Письмо М. А. Бакунина къ неизвѣстному—255.	
20. Объявленія	322

Къ этой книгѣ приложены портреты: А. И. Желябова (гимназической и студенческой поры его жизни), С. Л. Перовской (дѣвочкой и въ группѣ съ тремя подругами), барона А. П. Штромберга, М. В. Новорусскаго и М. А. Бакунина.

Кромѣ окончанія воспоминаній М. В. Новорусскаго и С. С. Синегуба въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предложены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: П. Е. Щеголевъ—Агитационная литература декабристовъ и С. И. Муравьевъ-Апостолъ (историко-психологическій этюдъ); Е. В. Тарле—Самодержавіе Николая Перваго и общественное мнѣніе Франціи; А. Бахъ—Воспоминанія народовольца; С. А. Иванова-Борейша—Первая типографія «Народной Воли»: Н. А. Морозовъ—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ въ 1879 году); Е. Е. Лазаревъ—Гавайскій сенаторъ; А. И. Столбовъ—Л. Ф. Яновичъ въ ссылкѣ Н. Л. Геккеръ—Политическая каторга на Карѣ; М. Р. Гоцъ—С. В. Зубатовъ (изъ воспоминаній); В. А. Старосельскій—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи; М. О. Гершензонъ—Семья декабристовъ; С. А. Жебуневъ—Страница изъ воспоминаній; І. Д. Лукашевичъ—Дѣло 1 марта 1887 года; Ф. Л. Ястржембскій—Записки петрашевца; М. Ф. Фроленко—Изъ воспоминаній; М. Н. Тригони—Изъ воспоминаній; Л. Н. Гартманъ—Изъ воспоминаній; А. В. Прибылевъ—О процессѣ 17; В. Л. Бурцевъ—Изъ воспоминаній; О. С. Миноръ—Драма 1889 года въ Якутскѣ; З. Ралли—Изъ воспоминаній о М. А. Бакунинѣ. А. Л.—Организація «Рабочее Знаніе»; М. К. Лемке—Процессъ Н. А. Серно-Соловьевича; обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, (между прочимъ будетъ помѣщенъ отчетъ о кассационномъ процессѣ И. П. Каляева, процессъ 17-ти народовольцевъ: Богдановича, Буцевича, Грачевскаго, Корбы, Сав. Златопольскаго и др. Обзоры дознаній по дѣламъ Грачевскаго, В. Фигнеръ, А. Корбы, Н. А. Морозова), письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: Н. А. Серно-Соловьевича, П. И. Вайноральскаго, П. А. Алексѣева, Н. В. Чайковскаго, С. С. Синегуба, В. А. Осинскаго, Д. А. Лизогуба, Н. И. Колодкевича, А. В. Буцевича, М. Ф. Грачевскаго, Н. Л. Зотова, А. Л. Гаусмана, Л. М. Коганъ-Бернштейна, Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова. виды Карійской и Акатуйской каторги, и проч.

Андрей Иванович
ЖЕЛЯБОВЪ.

Студенческой поры жизни.

Неизданныя произведенія Шевченка.

II.

Предисловіе къ „Кобзарю“.

Въ тетради, взятой у Т. Г. Шевченка при арестѣ, среди чисто переписанныхъ стихотвореній оказалось и помѣщаемое нами „Предисловіе“ къ „Кобзарю“. Покойный Н. В. Стороженко, изучавшій дѣло Шевченка, не могъ въ свое время цѣликомъ напечатать это предисловіе и лишь въ выдержкахъ цитировалъ его въ статьѣ „Мелочи для біографіи Шевченка“ (Н. Стороженко. Изъ области литературы. Статьи, рѣчи, лекціи и рецензіи М. 1902, стр. 452 и слѣд.). Кромѣ того это предисловіе, неполно и съ искаженіями, напечатано, за границей, въ книгѣ Конискаго «Тарасъ Шевченко. Хроніка его житія». (Львовъ, 1898). Мы совершенно буквально воспроизводимъ съ подлинника текстъ предисловія. Фразы и слова, напечатанныя разрядкой, подчеркнуты въ рукописи самимъ Шевченко, а фразы, набранныя курсивомъ, подчеркнуты въ III отдѣленіи.

Воскреснемъ ли когда отъ чужезвастья модъ?
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за пѣмцевъ.
А Грибоѣдовъ.

Випускаю оце въ люде другого кобзаря свого, а щобъ не спорожніми торбами, то наділяю ёго предисловіємъ. До васъ слово мое, о братія моя Українська возлюблена.

Великая туга осила мою душу. Чую, а иноди и читаю, ляхи дрюкуютъ, чехи, сербы, болгаре, черногоры, москали, вси дрюкуютъ, а въ насъ а ни телень нынче всемъ зацпило, чого се вы такъ братія моя? Може злякалысь нашествія иноплеменныхъ журналистивъ. Не бійтесь, собака лае а витерь несе. Воны кричать чомъ мы по московскій не пишемо? А чомъ москали сами ничего не пишуть по

своему, а тилько переводять, та й то чортъ зна по якому. Натовкмачать якихсь индивидуализмивъ то що, такъ що ажъ языкъ отерпне помы вимовишь, крычать о братствѣ и грызуща мовъ скажени собаки. *Крычать о единой Славянской литературы, а не хотять и залянуть шо робиця у Славянъ!* Чи розибирали вони хочъ одну книжку польску, чешску, сербску, або хочъ и нашу? Бо и мы таки слава Богу не нимци! не розибирали. Чомъ? Тымъ шо не нетямлять. Наша книжка якъ попадеця у ихъ руки то вони ажъ репетують та хвалять же шо найпоганше. А наши патріоты хутаряны й соби за ними. Преочарователно въ чарахъ тыхъ ось шо. Жиды, шинки, свини и пьяни бабы. Може це по ихъ утонченой натурѣ, и справди добре, а на наши мужицьки очи то дуже погано. Воно и то правда, шо и мы сами тутъ трохи винни. Бо мы не бачимо нашего народу, такъ якъ его богъ сотворивъ, у шинку и нашъ и москаль и навить немецъ вси похожи на свиню, а нанцини то ще поганше. У хату прийты до ёго, або до себе покликать по братерскій не можно, не можно бо винъ злякаеця, та може ще й те шо винъ пизнае дурня у жупани.

Прочитали соби поскладахъ Энеиду та потынялысь коло шинку, та й думаютъ шо отъ колы вже мы распизнали своихъ мужикивъ. Э ни братыки, прочитайте вы думы, письни, послушайте якъ вони спиваютъ, якъ вони говорятъ межъ собою шапокъ не скидаючи, або на дружнему бенкети якъ вони згадують старовину и якъ вони плачутъ нынче справди въ турецкій неволи або у польского магнатства кайданы волочать, то тойди и скажите—шо Энеида добра, а всетаки смиховина на московскій шталть.

Отакъ то братія моя возлюбленная шобъ знать людей то треба пожить зными. А шобъ ихъ списувать то треба самому стать чоловікомъ, а не марнотрателемъ черныла и паперу. Отойди пышитъ и дрюкуйте, и трудъ вашъ буде трудомъ честнымъ, а на москаливъ не вважайте, нехай вони соби пишуть по своему а мы по своему, у ихъ народъ и слово и у насъ народъ и слово. А чіе крашче нехай судять людѣ. Вони здаюця на Гоголя шо винъ пише не по своему а по московскому, або на Вальтеръ Скотта шо

й той не по своему писавъ.—Гоголь вырись въ Нижени а не въ Малороссіи—и своего языка не знае, а В: С: въ Эдемборгъ а не въ Шотландіи—а може ище було шо небудь, шо вони себе одцуралесь не знаю. А Бориць усе таки поэтъ народный и великій. И нашъ Сковорода такимъ бы бувъ, якби ёго не збила зплыву латынь а потимъ московщина.

Покойный Основьяненко дуже добре прыглядився на народъ, та не прислухався до языка, бо може ёго не чувъ у колысци одъ матери, а Г: Артемовскій хоть и чувъ, такъ забувъ, бо въ паны пострыгся. Горе намъ! безуміе насъ обуяло отымъ мерзенымъ и богу-противнымъ панствомъ, нехай-бы вже оти карпы—гнучко—шіенки сутяги—ихъ богъ, за тяжкіе грихи наши, ще до зачатія во утробі матерній, осудывъ киснуть и гныть въ чернилахъ, а то мужи мудри, учени.

Проминялы свою добру ридну матиръ—на пьяныцю непотребную, а въ придатокъ ще и въ додалы.

Чому В. С. Карадж: Шафар: и иные не постриглись у нимци, (имъ бы зручніше було) а осталесь славянами, щирими сынами матерей своихъ, и славу добрую стяжали, горе намъ! но братія не вдавайтесь въ тугу, а молитесь богу, и *работайте разумно, во имя матери нашей Украины безталанной. Аминь.*

Послѣ слова «Аминь» сдѣлана сноска, и въ сноскѣ читаемъ слѣдующее:

А щобъ вы знали, шо трудъ вашъ не мимо иде и щобъ не дуже чванылась московская братія своею Ростопчиною—то отъ вамъ Свячаная вода написано панночкою та ще й хорошою тилько не скажу якою, бо воно ще молоде боязлыве.

А перевернить пудови журналы та пошукайте чи нема тамъ чого небудь такого я С: В: и не турбуйтеся бо ей богу не найдете.

Седневъ.

1847 г.

Марта 8.

Изъ біографіи М. А. Шевченка.

Эпизодъ привлеченія Т. Г. Шевченка къ дѣлу Кирилло-Мееодіевскаго общества является мало выясненнымъ въ біографіи поэта. Н. И. Стороженко, имѣвшій доступъ къ подлинному дѣлу, воспользовался имъ далеко не полно. Мы печатаемъ подлинное слѣдствіе по дѣлу Т. Г. Шевченко, до сихъ поръ въ печати не появившееся.

I.

Честъ имѣю довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества, что художникъ Шевченко учился въ Академіи Художествъ, и, сколько извѣстно, занимался живописью подъ руководствомъ профессора Брюлова. До 1845 года былъ въ Петербургѣ; въ томъ же году прибылъ въ Кіевъ и изъявилъ желаніе поступить въ Университетъ преподавателемъ рисованія, въ каковую должность назначенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ началѣ нынѣшняго года, но еще въ оную не вступилъ.

Докладывая о семъ Вашему Императорскому Высочеству, и встрѣчая необходимость имѣть о Шевченкѣ ближайшія свѣдѣнія, долгомъ считаю покорнѣйше просить удостоить меня, сколь возможно поспѣшнѣйшимъ увѣдомленіемъ какъ о томъ, не находится ли означенный Шевченко и нынѣ при Академіи, такъ и о мнѣніи на его счетъ ближайшаго его Начальства.

Подписаль: Генераль-Адъютантъ Графъ Орловъ.

Скрѣпилъ: Генераль-Лейтенантъ Дубельтъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Надв. Сов. Нордстремъ.

12-го апрѣля 1847 года.

Его Императорскому Высочеству Герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому.

II.

Министерство Императорскаго Двора. Императорская Академія Художествъ. 14-го апрѣля 1847 г., № 448. Господину Генераль-Адъютанту Графу Орлову.

Въ слѣдствіе вопроса, въ запискѣ Вашего Сіятельства, отъ 12-го сего апрѣля о художникѣ Шевченкѣ мнѣ сдѣланнаго, симъ отвѣтствую, что Художникъ Шевченко учился въ Императорской Академіи Художествъ Художеству съ 1838 по 1845 годъ, въ которомъ году признанъ Художникомъ и съ того времени, занимаясь свободнымъ искусствомъ, отъ Академіи не зависить.

Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что Шевченко имѣеть даръ къ Поэзіи и на Малороссійскомъ языкѣ написалъ нѣкоторыя стихотворенія, уважаемая людьми, знакомыми съ Малороссійскимъ языкомъ и прежнимъ бытомъ этого края; почитался онъ всегда человѣкомъ нравственнымъ, быть можетъ, нѣсколько мечтателемъ и читателемъ Малороссійской старины, но предосудительнаго на счетъ его ничего не доходило до свѣдѣнія Академіи.

Президентъ Герцогъ М. Лейхтенбергскій.

III.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Начальникъ Кіевской губ. По Канцеляріи. 6-го апрѣля 1847 г. № 660. Кіевъ. Секретно. Въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Въ числѣ лицъ, на которыхъ, по полученному мною отъ г. Кіевского Военнаго Подольскаго и Волянскаго Генераль-Губернатора обращено было вниманіе, указанъ былъ художникъ С.-Петербургской Академіи Тарасъ Григорьевичъ, сынъ Шевченко.

Художникъ этотъ при возвращеніи изъ Черниговской губерніи былъ задержанъ вчерашняго числа у вѣзда въ городъ Кіевъ и представленъ прямо ко мнѣ. — Между бумагами его оказалась рукописная книга съ Малороссійскими, собственнаго его сочиненія, стихами, изъ коихъ многіе возмутительнаго и преступнаго содержанія. — Почему, какъ эти, такъ и всѣ прочіе оказавшіяся у Шевченко стихи, равно частную его переписку я почелъ обязанностью представить въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. — Вмѣстѣ съ симъ препровождается и Художникъ Шевченко подъ строгимъ карауломъ при одномъ полицейскомъ офицерѣ и одномъ рядовомъ жандармѣ.

Гражданскій Губернаторъ Фундуклей.

Описаніе бумагамъ художника Тараса Шевченко, препровождаемымъ при отношеніи отъ 6-го апрѣля 1847 г. за № 448.

- 1) Связка стиховъ, писемъ и разныхъ бумагъ на.
- 2) Книга писанныхъ стиховъ, подъ заглавіемъ: «Три Литы».
- 3) Маленькій альбомъ со стихами и рисунками.

Гражданскій Губернаторъ Фундуклей.

IV.

КВИТАНЦІЯ.

Дана сія Квартальному Надзирателю Кіевской Полиції Гришкову въ томъ, что доставленный имъ, въ сопровожденіи одного Жандарма изъ Кіева, Художникъ Шевченко съ его бумагами и вещами, принятъ въ исправности въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Апрѣля 17-го дня 1844 года.

Подписаль Старшій Чиновникъ Поповъ.
Вѣрно: Надворный Совѣтникъ Нордстремъ.

V.

Вопросы, предложенные художнику Шевченкѣ. Апрѣля 21-го дня 1847 года.

В. 1) Опишите ваше происхожденіе, случай, по которому вы освобождены изъ крѣпостнаго состоянія, воспитаніе ваше въ Академіи Художествъ, занятія ваши по выпускѣ изъ Академіи, побѣдки по Малороссіи и причины, склонившія васъ къ занятіямъ болѣе стихотворнымъ, нежели живописью?

О. Я сынъ крѣпостнаго крестьянина, въ дѣтствѣ лишился отца и матери; въ 1828 году былъ взятъ помѣщикомъ во дворъ; въ 1838 году былъ освобожденъ изъ крѣпостнаго состоянія Августѣйшей Императорской фамиліей, чрезъ посредство Василя Андреевича Жуковскаго, Графа Михаила Юрьевича Веліогорскаго и Карла Павловича Брюлова. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго для Императорской фамилии, и на эти деньги я былъ выкупленъ у помѣщика. Учился я рисованію и живописи въ Академіи Художествъ по 1844 годъ. По выпускѣ изъ Академіи опредѣлился въ Кіевскую Археографическую Коммиссію сотрудникомъ по части рисованія и собранія народныхъ преданій, сказаній и пѣсенъ въ Южно-Русскихъ губерніяхъ. Стихи я любилъ съ дѣтства и началъ писать въ 1837 году. Первое мое стихотвореніе подъ названіемъ: „Катерина“ посвящено Жуковскому, которое возбудило энтузіазмъ въ Малороссіяхъ, и я сталъ продолжать писать стихи, не оставляя живописи.

В. 2) Противъ васъ имѣются показанія, что вы участвовали въ замыслахъ Славянскаго общества св. Кирилла и Меодія. Объясните подробно: когда и кѣмъ было учреждено это общество, а если предположеніе объ учрежденіи его еще не приведено въ исполненіе, то кѣмъ и когда были дѣлаемы эти предположенія?

О. Показанія, что я участвую въ замыслахъ Славянскаго общества, несправедливы.

В. 3) Кѣмъ сочинены и въ чемъ именно состояли уставъ и правила Славянскаго общества, кто распространялъ и у кого находились экземпляры ихъ?

В. 4) Не было ли у васъ тетради, называемой: «Законъ Божій» съ возмутительными воззваніями въ концѣ и кто распространялъ экземпляры оной?

В. 5) Кѣмъ изобрѣтены символическіе знаки общества: кольца и образа во имя св. Кирилла и Меодія, кто именно имѣлъ и не было ли у васъ оныхъ?

В. 6) Въ чемъ состояли подробности предположеній Славянистовъ какимъ образомъ надѣялись они соединить Славянскія племена, возстановить самобытность каждого племени и особенно Малороссій?

В. 7) Какіе замыслы были противъ настоящаго образа правленія въ Россіи, и какое правленіе предполагалось ввести въ Малороссіи и вообще въ Славянскихъ земляхъ?

В. 8) Какимъ образомъ Славянисты предполагали распространять образованіе между крестьянами и тѣмъ готовить народъ къ возстанію?

В. 9) Кто и въ какомъ видѣ хотѣлъ учреждать школы для простаго народа, сочинять книги и какого содержанія, кто собиралъ деньги для этихъ цѣлей и не предназначались ли эти деньги для какихъ либо другихъ преступныхъ цѣлей?

В. 10) Не было ли предположеній дѣйствовать оружіемъ и если было, то когда и какимъ образомъ намѣрены были употребить это средство?

В. 11) Кто изъ приверженцевъ Славянства наиболѣе дѣйствовалъ, склонялъ и возбуждалъ къ преступнымъ замысламъ, и не было ли одного, который всѣмъ руководилъ?

В. 12) Правда ли, что Костомаровъ былъ представителемъ умѣренной Славянской партіи, а Гулакъ его послѣдователемъ и что въ съ Кулѣшемъ были представителями неумѣренной Малороссійской партіи Славянскаго общества?

Отв. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 мнѣ совершенно неизвѣстны.

В. 13) Опишите подробно всѣ дѣйствія Костомарова, Гулака,

Кулѣша, также Бѣлозерскаго, Навроцкаго, Андрузскаго, Марковича, Посяденка, помѣщика Савича, бывшаго профессора Чижова и другихъ вамъ извѣстныхъ лицъ, каждаго особенно и о каждомъ все, что знаете, въ отношеніи къ замысламъ Славянистамъ?

О. Съ Костомаровымъ я познакомился въ прошедшемъ году въ Кіевѣ, весною; на лѣто онъ уѣзжалъ въ Одессу лечиться, въ Августѣ мѣсяцъ онъ возвратился въ Кіевъ, и я съ нимъ не видѣлся до Декабря мѣсяца, потому что я ѣздилъ по порученію коммисіи для срисованія Почаевской лавры; а 9-го Января текущаго года я опять отлучился изъ Кіева и послѣ того я съ нимъ не видѣлся; переписки съ нимъ не имѣлъ, кромѣ одного письма, Гулака я почти не зналъ и потому, что видѣлся съ нимъ всего раза три въ Кіевѣ, да пробѣжалъ съ нимъ отъ Кіева до Борзны, и послѣ того не видѣлся. Съ Кулѣшемъ я познакомился въ Кіевѣ, въ 1842 году, весною, во время отлучки моей изъ Академіи, и не видѣлся съ нимъ до Декабря 1846 года въ Кіевѣ; переписки съ нимъ не имѣлъ, кромѣ письма, въ которомъ онъ мнѣ совѣтуетъ поправить нѣкоторыя мѣста въ моихъ печатныхъ сочиненіяхъ. Бѣлозерскаго, Навроцкаго, Андрузскаго и Марковича весьма мало знаю; съ Посяденкомъ и Чижовымъ со всѣмъ не знакомъ. Помѣщика Савича я встрѣчалъ два раза у Костомарова.

Объ обществѣ Славянистовъ я никогда ни отъ кого не слышалъ ни слова.

В. 14) Правда ли, что Славянисты въ Кіевѣ въ побуждали къ болѣе дѣятельности, что въ отсутствіе ваше нѣкоторые изъ нихъ охладѣвали въ замыслахъ своихъ, а съ возвращеніемъ вашего снова приходили въ движеніе; что вы не знали границъ въ выраженіи преступныхъ мыслей и всѣхъ монархистовъ называли подлецами?

О. Неправда, потому, что когда я былъ въ Кіевѣ, то всегда былъ занятъ рисованіемъ; нигуда не выходилъ и къ себѣ никого не принималъ, чѣму свидѣтель товарищъ мой художникъ Сажинъ, съ которымъ я постоянно жилъ вмѣстѣ.

В. 15) Съ какою цѣлью вы сочиняли стихи, могущія возмущать умы Малороссіянъ противъ нашего правительства; читали эти стихи и разные пасквили въ обществахъ друзей вашихъ и давали имъ списывать оныя. Не сочиняли ли вы эти стихи для распространения идей тайнаго общества и не надѣялись ли приготовить этимъ возстаніе Малороссіи?

О. Малороссіянамъ нравились мои стихи и я сочинялъ и читалъ имъ безъ всякой цѣли; списывать не давалъ, а былъ неостороженъ, что не пряталъ.

В. 16) Какими случаями доведены вы были до такой наглости,

что писали самыя дерзкія стихи противъ Государя Императора и до такой неблагодарности, что, сверхъ великости Священной Особы Монарха, забыли въ Немъ и Августѣйшемъ семействѣ Его лично вашихъ благотворителей, столь нѣжно поступившихъ при выкупѣ васъ изъ крѣпостнаго состоянія?

О. Будучи еще въ Петербургѣ я слышалъ вездѣ дерзости и порицанія на Государя и Правительство. Возвратясь въ Малороссію, я услышалъ еще болѣе и хуже между молодыми и между степными людьми; я увидѣлъ нищету и ужасное угнетѣніе крестьянъ помѣщиками, поссесорами и экономами шляхтичами, и все это дѣлалось и дѣлается именемъ Государя и Правительства: я всему этому повѣрилъ и, забывъ совѣсть и страхъ Божій, дерзнулъ писать наглости противъ моего Высочайшаго благодѣтеля, чѣмъ совершилъ свое безуміе.

В. 17) Кто иллюстрировалъ рукописную книгу вашихъ сочиненій и не принадлежатъ ли тотъ, кто столько занимался вашими стихотвореніями, къ злоумышленнымъ Славянистамъ?

О. Иллюстрировалъ мои сочиненія Графъ Яковъ де-Бальмень, служившій адъютантомъ у одного изъ Корпусныхъ Генераловъ и убитъ на Кавказѣ въ 1845 г., и нѣкто Башиловъ. Съ первымъ я видѣлся одинъ разъ, а втораго совсѣмъ не знаю.

В. 18) Почему стихотворенія ваши были въ такомъ уваженіи у друзей вашихъ, тогда какъ они лишены истиннаго ума и всѣхъ изящности; не покланялись ли они вамъ болѣе за ваши дерзости и возмутительныя мысли?

О. Стихотворенія мои нравились можетъ быть потому только, что по Малороссійски написаны.

В. 19) Съ какою цѣлью вы побуждали въ Кіевѣ Костомарова и другихъ Славянистовъ къ изданію журнала на всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, вызываясь сами участвовать въ ономъ, и не было ли при этомъ намѣренія распространять посредствомъ журнала преступныхъ идей?

О. Не я, а бывшій ректоръ Кіевскаго Университета Максимовичъ просилъ меня и Костомарова участвовать въ его журналѣ или составить сборникъ изъ статей, относящихся къ Южной Россіи, на Великороссійскомъ и Малороссійскомъ нарѣчіяхъ.

В. 20) Между бумагами вашими находятся стихотворенія Чужбинскаго и Забѣллы, перваго возмутительнаго, а втораго пасквилянаго. Кто такіе Чужбинскій (если это не псевдонимъ) и Забѣлла?

О. Чужбинскій псевдонимъ; фамилія его Авонасьевъ Александръ, помѣщикъ Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда. Забѣлла Викторъ тоже помѣщикъ Черниговской губ. Борзенскаго уѣзда.

В. 21) Кто такі Штрандманъ и Карпо и почему они въ письмахъ своихъ называли вась: первый «Остатнимъ изъ козаковъ», а второй «Отомане нашъ». Не участвовали ли и они въ замыслахъ Славянистовъ?

О. Съ Штрандманомъ я познакомился въ Яготинѣ у Князя Рѣпина; онъ былъ тамъ домашнимъ учителемъ, а теперь не знаю гдѣ онъ. Почему онъ называетъ меня «остатнимъ изъ козаковъ», не знаю; Карпо ученикъ Академіи Художествъ, онъ и еще два ученика жили со мною на одной квартирѣ, и какъ я былъ старше ихъ лѣтами, то они и называли меня «отоманомъ».

В. 22) Не извѣстно-ли вамъ, сверхъ предложеннаго въ предыдущихъ вопросахъ, еще что-либо о Славянистахъ, ихъ тайномъ обществѣ и замыслахъ?

О. Сверхъ всего, что я объяснилъ, я больше ничего не знаю.

Художникъ Тарасъ Шевченко.

VI.

Очная ставка Шевченкѣ съ Андрузскимъ 15-го мая 1847 года.

Андрузскій говорилъ: Шевченко былъ неумѣреннымъ представителемъ Малороссійской партіи въ Славянскомъ обществѣ, которое имѣло цѣлью возстановить Гетманщину, если возможно отдѣльно, а если нельзя, то въ Славянинѣ; въ послѣдствіи меньше нападалъ на ляховъ и былъ непрочъ отъ Славянщины; онъ всѣхъ монархистовъ называлъ подлецами; побуждалъ къ большой дѣятельности Славянское общество; предположеніе Славянистовъ издавать журналъ на Славянскихъ или, по крайней мѣрѣ, на Рускомъ и Малороссійскомъ языкахъ, съ отъѣздами Шевченки изъ Кіева приостанавливалось, а съ возвращеніемъ его оживлялось; Шевченко изъ Малороссійскихъ Гетмановъ превозносилъ Мазепу, и на вечерахъ у Костомарова читалъ пасквильные стихи. Андрузскій при дальнѣйшихъ объясненіяхъ показалъ, что заключеніе о принадлежности къ Славянскому обществу онъ вывелъ только изъ того, что Шевченко былъ знакомъ со всѣми Славянистами.

Георгій Андрузскій.

Шевченко отвѣчалъ: Шевченко, сознавая въ сочиненіи имъ дерзкихъ и возмутительныхъ стиховъ, во всемъ прочемъ совершенно отвергъ показаніе Андрузскаго.

Тарасъ Шевченко.

VII.

Художникъ С. Петербургской Академіи Художествъ Тарасъ Шевченко. Этотъ художникъ вмѣсто того, чтобы вѣчно питать благоговѣйныя чувства къ особамъ Августѣйшей фамиліи, удостоившимъ выкупить его изъ крѣпостнаго состоянія, сочинялъ стихи, на Малороссійскомъ языкѣ, самаго возмутительнаго содержания. Въ нихъ онъ то выражалъ плачь о мнимомъ порабоженіи и бдѣствіяхъ Украйны, то возглашалъ о славіи Гетманскаго правленія и прежней волнищѣ козачества, то съ невѣроятною дерзостью изливалъ клеветы и желчь на Особѣ Императорскаго Дома, забывая въ нихъ личныхъ своихъ благодѣтелей. Сверхъ того, что все запрещенное увлекаетъ молодость и людей съ слабымъ характеромъ, Шевченко приобрьлъ между друзьями своими славу знаменитаго Малороссійскаго писателя, а потому стихи его вдвойнѣ вредны и опасны. Съ любимыми стихами въ Малороссіи могли посягаться и въ послѣдствіи укорениться мысли о мнимомъ блаженствѣ временъ Гетманщины, о счастіи возвратитъ эти времена и о возможности Украйнѣ существовать въ видѣ отдѣльнаго государства.

Судя по этому чрезмѣрному уваженію, которое питали лично къ Шевченко и къ его стихотвореніямъ всѣ Украйно-Славянисты, сначала казалось, что онъ могъ быть если не дѣйствующимъ лицомъ между ними, то орудіемъ, которымъ они хотѣли воспользоваться въ своихъ замыслахъ; но съ одной стороны, эти замыслы были не столь важны, какъ представлялось при первомъ взглядѣ, а съ другой—и Шевченко началъ писать свои возмутительныя сочиненія еще съ 1837 года, когда славянскія идеи не занимали Кіевскихъ ученыхъ; равно и все дѣло доказываетъ, что Шевченко не принадлежалъ къ Украйно-Славянскому обществу и дѣйствовалъ отдѣльно, увлекаясь собственною испорченностью. Тѣмъ не менѣе, по возмутительному духу и дерзости, выходящей изъ всякихъ предѣловъ, онъ долженъ быть признаваемъ однимъ изъ важныхъ преступниковъ.

По Высочайше утвержденному рѣшенію постановлено:

Шевченко опредѣлить рядовымъ въ Отдѣльный Оренбургскій корпусъ, съ правомъ службы, подъ строжайшій надзоръ, съ запрещеніемъ писать и рисовать, и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій.

Шевченко переданъ Военному Министру 30-го мая 1847 года.

VIII.

Бывшій художникъ Шевченко, при объявленіи ему Высочайшаго рѣшенія объ опредѣленіи его рядовымъ въ Отдѣльный Оренбургскій Корпусъ, принялъ это объявленіе съ величайшею покорностію, выражалъ глубочайшую благодарность Государю Императору за дарованіе ему права службы, и съ искреннѣйшимъ раскаяніемъ, сквозь слезы, говорилъ, что онъ самъ чувствуетъ сколько низки и преступны были его занятія.

По его словамъ, онъ не получилъ никакого воспитанія и образованія до самаго того времени, когда былъ освобожденъ изъ крѣпостнаго состоянія, а потомъ вдругъ попалъ въ кругъ студентовъ и другихъ молодыхъ людей, которые совратили его съ прямой дороги. Онъ общается употребить всѣ старанія вполне исправиться и заслужить оказанное къ нему снисхожденіе¹⁾.

Мая 1847 года.

„Земля и Воля“ накануне Воронежскаго съѣзда.

«Назвался груздемъ,—полѣзай въ кузовы!» Вотъ съ чѣмъ я прежде всего обращаюсь къ читателямъ «Былого».

Пока я сидѣлъ въ Шлиссельбургскомъ застѣнкѣ и смотрѣлъ на мѣр божій черезъ рѣшетку, мнѣ казались всѣ пережитыя мной событія, начиная съ 74 года и вплоть до моего ареста въ 80 году, 22 февраля, такими безспорными и простыми, что слѣдуетъ только повѣдать ихъ міру, и они всѣмъ будутъ казаться таковыми же. Вотъ почему, когда редакция «Былого» предложила мнѣ написать о Воронежскомъ съѣздѣ, я съ легкимъ сердцемъ согласился исполнить ея желаніе. Теперь же, по мѣрѣ того, какъ горизонтъ предомной раздвигается, и я знакомлюсь съ мнѣніями и взглядами другихъ на пережитыя мной событія, я начинаю думать, что я поступилъ нѣсколько легкомысленно, взявъ на себя такую задачу, еще не вполне осмотрѣвшись на волѣ. Мнѣ становится съ каждымъ днемъ все яснѣй и яснѣй, что Воронежскій съѣздъ, о которомъ я долженъ буду дать отчетъ читателямъ «Былого», былъ явленіемъ не такимъ простымъ, какимъ онъ казался мнѣ въ Шлиссельбургѣ. Я теперь узналъ то, чего я прежде не зналъ. Я узналъ, напр., что о Воронежскомъ съѣздѣ и событіяхъ, предшествовавшихъ ему, существуетъ два мнѣнія, одно другое оспаривающія. Это именно и навело меня на мысль, что простое описаніе съѣзда, если-бъ даже и могъ по памяти возстановить все то, о чемъ на этомъ съѣздѣ велись дебаты,—чего, конечно, моя память не въ состояніи воспроизвести,—то и въ такомъ случаѣ Воронежскій съѣздъ для многихъ остался бы непонятнымъ, ибо всѣ дебаты, внѣ связи со всѣмъ предшествующимъ Воронежскому съѣзду, ничего не сказали бы ни уму, ни сердцу читателя. Помимо этого соображенія, въ виду наличности разногласія мнѣній по поводу Воронежскаго съѣзда, или вѣрнѣе по поводу того, чѣмъ онъ былъ вызванъ, сказать просто, что это было не совсемъ такъ, какъ думаетъ такой-то, и не такъ, какъ думаетъ другой, а такъ-то и такъ-то,—значило бы не сказать ровно ничего, а прибавить къ существующимъ уже мнѣніямъ еще одно новое.

Для меня такая задача кажется неблагодарной. Къ Воронежскому съѣзду и къ событіямъ, предшествовавшимъ ему, пора отнестись съ безпристрастіемъ историка, а не сторонника той или другой партіи.

¹⁾ Эта записка составлена въ III-мъ отдѣленіи и самимъ Шевченко, конечно не подписана. Тенденціозность ея очевидна.

Понимаю хорошо, что я недостаточно подготовлен къ тому, чтобы выполнить задачу мою именно такъ, какъ я находилъ бы это нужнымъ.

Прежде чѣмъ взяться за такую задачу, мнѣ слѣдовало бы познакомиться съ существующимъ литературнымъ матеріаломъ, имѣющимъ отношеніе къ Воронежскому съѣзду. Можетъ быть, со временемъ я такъ и поступлю. Пока же я прошу моихъ читателей помнить, что я пишу только то, что осталось въ моей памяти объ этомъ.

Начну съ того, что познакомлю моихъ читателей съ той точкой зрѣнія, съ которой я смотрю на эволюцію программы «Земли и Воли» къ программѣ «Народной Воли». Я думаю, что моя точка зрѣнія на социальные явленія сдѣлалась общепризнанной въ социологии и, мнѣ кажется, что она въ достаточной степени выяснена Марксомъ въ его «Историческихъ очеркахъ Германіи».

«Времена суетвѣрія, приписывающаго революціи проискамъ многочисленныхъ агитаторовъ, давно прошли. Теперь всякій знаетъ, что, гдѣ есть революціонныя судороги, тамъ должна быть за ними кака-нибудь общественная потребность, удовлетворенію которой мѣшаютъ устарѣлыя учрежденія. Потребность эта можетъ ощущаться еще не такъ сильно, не такъ повсемѣстно, чтобы обезпечить непосредственный успѣхъ... Задачи—въ изученіи причинъ, обусловившихъ, какъ прошлый взрывъ, такъ и его пораженіе, причинъ, которыя нужно искать не въ случайныхъ поступкахъ, талантахъ, недостаткахъ, ошибкахъ или измѣнѣ нѣкоторыхъ вождей, а въ общемъ социальномъ положеніи и бытовыхъ условіяхъ каждой изъ потрясенныхъ націй». Затѣмъ, мнѣ кажется далѣе, что въ 70-хъ годахъ состояніе Россіи было таково, что по отношенію къ ней съ большимъ, быть можетъ, правомъ можно сказать то, что сказалъ Марксъ въ томъ же самомъ трудѣ по поводу Германіи въ 40-хъ годахъ, «Развитіе условій существованія многочисленнаго, сильнаго, концентрированнаго и сознательнаго класса пролетаріевъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ условій существованія численно богатаго, концентрированнаго и вліятельнаго средняго класса. Движеніе рабочаго класса никогда не принимаетъ исключительно пролетарскій характеръ, пока различныя части среднихъ классовъ и, въ частности наиболѣе прогрессивная доля ихъ, не завоевуютъ политической власти и не передѣлаютъ государства сообразно своимъ потребностямъ». Всего этого въ 70-хъ годахъ въ Россіи не было, и нашъ капитализмъ вмѣстѣ со всѣми обывателями Россіи въ томъ числѣ и съ пролетаріемъ находился въ полной опекѣ бюрократическаго абсолютизма.

Для полнаго выясненія моего взгляда на социальные явленія считаю нужнымъ сказать, что я не думаю, что высказанное Марксомъ о Германіи буквально должно повториться и въ Россіи. Не нужно думать, чтобы эти подробности въ измѣненіи государственнаго строя непременно измѣнились бы въ направленіи специфическихъ потребностей капиталистическаго строя. Такъ это было на западѣ,

но такъ ли это будетъ и у насъ или, по меньшей мѣрѣ, въ такой ли степени,—это будетъ зависеть отъ историческаго соотношенія социальныхъ силъ, съ одной стороны, у насъ и съ другой стороны—отъ соотношенія таковыхъ же силъ въ Европѣ, которое, несомнѣнно, при наличныхъ международныхъ отношеніяхъ отразится и у насъ. За это говоритъ, напр., хоть бы то, что Россія не пережила того болѣзненнаго процесса возникновенія капиталистическаго производства въ ней, каковой пережила Англія. Роды капитализма въ Россіи сравнительно съ родами капитализма въ Англіи прошли не такъ болѣзненно и гораздо быстрее.

Я буду смотрѣть съ этой точки зрѣнія на мои иллюстраціи пережитыхъ событій партій «Земли и Воли» наканунѣ Воронежскаго съѣзда. Не заходя въ болѣе ранніе періоды революціоннаго настроенія выступившей на арену политической дѣятельности интеллигентной молодежи, я ограничусь тѣмъ, что при помощи иллюстрацій событий и настроенія представителей партій «Земли и Воли» постараюсь познакомить съ тѣмъ, какъ и почему программа «Земли и Воли» эволюционировала въ программу «Народной Воли». Но предварительно я остановлюсь вотъ на чемъ. Въ предисловіи къ «Истории революціонныхъ движеній въ Россіи» Туна мой очень близкій въ то время по взглядамъ товарищъ Г. В. Плехановъ познакомилъ меня со взглядами на Воронежскій съѣздъ и событія, предшествующія ему, какъ своими, такъ и г. Серебрякова. Я разыскалъ потомъ и брошюру Серебрякова. Прочитавъ и то и другое, я пришелъ къ заключенію, что какъ Г. В. Плехановъ, такъ и Серебряковъ, первый защищающій деревенщиковъ, второй—горожанъ, взяли совершенно не соответствующую дѣйствительности подраздѣленія партіи «Земли и Воли». Насколько я помню, «Земля и Воля» предъ раздѣленіемъ на партіи «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла» не дѣлились ни на специалстовъ деревенщиковъ, ни на специалстовъ горожанъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто были наканунѣ раздѣла «Земли и Воли» А. Д. Михайловъ, М. Ф. Фроленко, Квятковский, Желябовъ, Баранниковъ, Гартманъ, Богдановичъ, Соловьевъ и пр.? Я думаю, что всѣ эти революціонеры, только въ концѣ 78 года начавшіе появляться въ Петербургѣ, могутъ считать себя не въ меньшей степени деревенщиками, чѣмъ тѣ, кто составлялъ правую въ партіи «Земли и Воли»; явились они въ городъ не съ готовымъ намѣреніемъ покинуть деревню и посвятить себя дѣятельности городской, вступить изъ чувства мести въ непосредственную борьбу съ правительствомъ, какъ это говоритъ Г. В. Плехановъ. Я не отрицаю, что чувство мести клекотало въ груди революціонеровъ въ болшей мѣрѣ, чѣмъ у другихъ обывателей Россіи того времени. И это само собой понятно, потому что суровая рука правительства давила главнымъ образомъ на нихъ, людей, ставившихъ себѣ задачей реализовать свои идеалы въ жизни; но странно было бы думать, что только личная месть революціонеровъ могла толкнуть ихъ въ непосредственную борьбу съ правительствомъ и развить въ такой мѣрѣ ихъ дѣятельность, грандиозность которой, принявъ во вниманіе усло-

вия, при которых им приходилось действовать, никто не станет отрицать. Несомненно значить, нужно допустить, что их чувство мести к правительству разделяли все честно мыслящие и политически развитые люди того времени, чѣм и объясняется то сочувствие, которое революционеры вѣрчали въ культурных слоях общества. А тогда почему не сказать, что государственный режим уже и въ то время такъ былъ узокъ въ своихъ рамкахъ, что для всѣхъ людей съ общественными стремлениями было ясно, что въ рамкахъ его никакая, не говоря уже политическая, но и социальная въ самыхъ простѣйшихъ формахъ дѣятельность, напр., обзавождение народа, не была возможна? Да и для однихъ ли политически развитыхъ людей такъ это казалось!

Ниче возражая Г. П. Плеханову, по мнѣнію котораго, революционеры толкнуло въ сторону отъ деревни то обстоятельство, что крестьянство, къ которому явились они съ проповѣдью социализма, вырисовалось предъ ними, какъ представитель труда, который его собственными производственными отношениями толкался въ сторону отъ социализма, я скажу о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя и я самъ вынесъ изъ столкновения съ крестьянствомъ на этой почвѣ, а также и о впечатлѣніяхъ другихъ, предпринимавшихъ экскурсіи въ народъ. Сейчас же я кончу съ вопросомъ, кѣмъ были накануне образования «Народной Воли» будущіе видные ея дѣятели. Я рѣшительно утверждаю, что большинство изъ нихъ смотрѣло на дѣятельность въ деревнѣ, какъ и всѣ знакомые съ деревней, и ясно представляло себѣ дѣятельность тамъ. Скорѣе, они увлеклись «непосредственной борьбой съ правительствомъ», благодаря своему боевому темпераменту и сознанию, что деревенская дѣятельность безъ грозной разрушительной организации въ центрахъ мало будетъ имѣть значенія. Въ то время всѣ представители партіи «Земли и Воли» ясно сознавали, что вызвать революцію можно не организацией въ слояхъ народа, а, наоборотъ, сильной организацией въ центръ можно будетъ вызвать революционные элементы и организовать изъ нихъ революционные очаги. Относительно А. Д. Михайлова читатели найдутъ подтвержденіе сказаннаго мной въ автобиографіи самого Александра Дмитриевича. Я только прибавлю, что когда Александръ Дмитриевичъ возвратился изъ своихъ экскурсій въ область сектантовъ Саратовской губерніи, мнѣ пришлось быть въ то время въ Петербургѣ, и я собственными ушами слышалъ, съ какимъ энтузіазмомъ онъ говорилъ о благодарной дѣятельности въ этой области и возвратился онъ отсюда въ Петербургъ не съ цѣлью вступить въ «непосредственную борьбу съ правительствомъ» изъ чувства мести, а съ намереніемъ наработать себѣ товарищей для дѣятельности въ средѣ самого народа. И, если въ исходѣ 78-го года онъ отказался съ болью въ сердцѣ отъ своихъ плановъ, то только потому, что онъ понималъ ясно, что какіхъ бы онъ не достигъ результатовъ среди сектантовъ Поволжья, все же его организационныя работы въ средѣ этой представлялись бы оторванными ломтемъ и оставались бы таковыми до тѣхъ поръ,

пока не образовалась бы въ центръ могущественная боевая организация, способная непосредственно вступить въ борьбу съ правительствомъ не изъ чувства мести, а съ надеждой поколебать увѣренность правительства въ то, что единственное дѣленіе революціонной судоорого того времени кроется въ репрессіяхъ. О Бараниковѣ, Фроленко, Колодзевичѣ, В. Н. Финерѣ, Богдановичѣ и другихъ, мнѣ кажется, я имѣю основаніе сказать то же. Въ концѣ 78 года, послѣ убійства Мезенцева, мнѣ пришлось довольно долго прожить съ Бараниковымъ въ Воронежѣ, и въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ раздѣлялъ мнѣ мое и Квятковского. Въ концѣ 79 года, уже послѣ Воронежскаго съѣзда, когда предъ партіей «Земля и Воля» стоялъ вопросъ, — какъ быть съ либералами? — и когда Желобовъ, въ то время стоявший за чисто политическую программу предлагалъ совершенно прекратить писать въ органъ «Земля и Воля» объ аграрномъ вопросѣ, дабы не отпугивать либераловъ, которые относятся къ партіи «Земля и Воля» съ недоброуміемъ и считаютъ представителей организации «Земли и Воли» волками въ овечьей шкурѣ, Бараниковъ былъ противъ этого и предлагалъ мистифицировать либераловъ изданіемъ особаго листка отъ Исполнительнаго Комитета, программа котораго должна была быть только политической, продолжая изданіе газеты «Земля и Воля» по той же программѣ. Такимъ оставался Бараниковъ и до конца моей свободной жизни. Наканунъ моего ареста я получилъ отъ Бараникова письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что усталъ отъ напярженной террористической дѣятельности, и что онъ желаетъ только одного, — поскорѣе покончить съ начатымъ уже дѣломъ. «Ей-ей, — писалъ онъ мнѣ, — только одно удерживаетъ меня здѣсь: не хочется оставить разъ начатое дѣло неоконченными! Какъ только дѣло (убійство Александра II-го) будетъ окончено, нужно будетъ приняться за осуществленіе воронежскихъ поселеній». Въ такомъ же родѣ было и письмо Перовской ко мнѣ, переданное мнѣ въ Киевѣ Владиміромъ Жебуневымъ въ день моего ареста, съ которымъ я былъ арестованъ, и которое какимъ-то чудомъ осталось нетронутымъ въ моемъ карманѣ и было уничтожено мной, когда я уже былъ подъ замкомъ¹⁾. Съ Ширевымъ я помню мой разговоръ въ Воронежѣ уже въ то время, когда я былъ въ этомъ городѣ, во время моихъ поѣздокъ по юго-востоку, когда въ качествѣ полномочнаго отъ партіи «Земли и Воли» имѣлъ порученіе созвать членовъ «Земли и Воли» на съѣздъ. Ширевъ сказалъ мнѣ, что онъ самъ крестьянинъ и, конечно, будетъ стоять за то, чтобы программа «Земли и Воли» принципиально оставалась той же, какою она была до послѣдняго времени, и никогда не откажется отъ основныхъ положеній «Земли и Воли», хотя и находить нужнымъ рас-

¹⁾ Перовская писала изъ Курска и въ письмѣ сообщала адресъ, по которому она оставалась, и представить себѣ: полицейскій чинъ поѣхалъ въ Курскъ, и я писалъ письма; я думаю — умилисто.

ширение дезорганизаторской деятельности, входящей в программу «Земли и Воли» со времени ее основания.

Каково было, вообще, общее настроение революционеров в это время, видно из следующего. Возвратившись в Петербург после объезда вновь юго-восточных губерний с резолюциями, к которым пришел Воронежский съезд, я, по пути на конкв в Лёс-нон, где была одна из наших конспиративных квартир, разминувшись со Стефановичем, почему и узнав, что он и Дейч возвратились из-за границы. В квартиру, куда я ххался, я застал только одну В. Н. Фигнер, сообщил ей, что встретил Стефановича и спросил, что думает Стефанович и Дейч о воронежских резолюциях. Вера Николаевна сказала мне так: когда Тихомиров спросил Стефановича, что он скажет на то, если главные силы и средства партии будут направлены на борьбу с центральным правительством и прибавил, что Воронежский съезд пришел к такому решению, то на это Стефанович ответил Тихомирову словами: «что же делать, если таково общее настроение! Кратко, нужно было бы пережить то, что переживали в это момент земледельцы, чтобы судить о том, какое царило настроение среди них».

Я лично принадлежал к правой «Земли и Воли», не потому, что я был против борьбы с центральным правительством, а потому, что левая была сильней, и мне казалось, что она круто поворачивает в сторону чисто политической борьбы, и тем не менее я принимал деятельное участие косвенно и непосредственно во всех террористических актах, которые были совершены в период от конца 78 года вплоть до раздѣла партии «Земли и Воли». И не подвернись Стефанович с надеждами его на то, что в Чигиринѣ вновь возможно будет организовать крестьянство, не прибѣгая къ мистификациям с царскими манифестами, то, вѣроятно, я остался бы и продолжал мою революционную деятельность со старыми моими товарищами по революционному дѣлу и мне не пришлось бы выйти из партии, чтобы через какой нибудь мѣсяц, полтора вновь войти въ нее. Прѣдъ мной, какъ будто это было всего вчера, стоять какъ живые, молчаливо, съ укоромъ на лицѣ, ни то себѣ, ни то мнѣ подписавшіе вмѣстѣ со мной условія раздѣла партии «Земли и Воли». Помню, какъ больно отозвались въ моемъ сердцѣ слова Тихомирова,—увѣ! такъ далеко теперь ушедшаго отъ насъ,—«кто-кто, Родіонічъ, а вы пожалѣте о раздѣлѣ! Въдъ всѣ мы остаемся тѣми же самими, что и были, и различаемся только въ оцѣнкѣ настоящаго момента». И у меня едва повернулся языкъ сказать ему въ отвѣтъ: «разъ завертѣвшееся колесо въ одну сторону, трудно будетъ повернуть въ другую».

Наканунѣ Воронежскаго съѣзда я былъ ближе всѣхъ съ Квятковскимъ; съ нимъ мы спали бокъ-о-бокъ въ одной телѣтѣ въ нашихъ скитаніяхъ по Воронежской губерніи съ конца іюня до 20 ноября 78 года и знали поэтому душу другъ друга, какъ могутъ узнать только люди съ одной завѣтной душой въ головѣ,

когда имъ остается одна возможность повѣрить свои мысли и чувства только другъ другу. Въ началѣ 78 года составила въ Петербургѣ поселенческая группа.

Квятковскому и мнѣ выпало на долю произвести рекогносцировку Воронежской губерніи, гдѣ предполагала эта группа разселиться. После попытки освободить Мышкина по пути въ централку, я, Квятковскій, Марія Николаевна (Ошанина), Баранниковъ и М. Ф. Фроленко собрались въ Воронежѣ. Купили мы въ Воронежѣ лошадь и, нагрузивъ телѣгу товаромъ, я и Квятковскій отправились сначала по направленію въ Нижнедѣвицкѣ, гдѣ незадолго прѣдъ тѣмъ поселились докторъ и 2 фельдшерщи: Наталья Николаевна Оловяникова и Геронимусъ.

Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на нашихъ похожденіяхъ и говорить подробно о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя мы переживали и вынесли изъ нашего скитанія съ ярмарки на ярмарку и изъ села въ село. Достаточно сказать, что мы нашли самымъ подходящимъ для цѣлей нашихъ Бобровскій уѣздъ, именно, рядъ сель: Чесменку, Козочковку, Хрѣновое и др. Все это—имѣнія дворянскаго вѣдомства, между экономіями котораго и крестьянствомъ существовали такіа обостренныя отношенія, о которыхъ мнѣ нигдѣ раньше не слышать, ни видѣть не приходилось. Не малое значеніе въ обостреніи этихъ отношеній сыграло и то обстоятельство, что въ это время, какъ говорила молва,—не по своей доброй волѣ проживалъ въ Чесменкѣ Николай Николаевичъ старшій, а неподалеку отъ него, въ Козачковкѣ—Числова (актриса), и въ самый разгаръ полевыхъ работъ они занимались травлѣй волковъ, для облавы на которыхъ стонялись крестьяне, невзирая на то, что этимъ самымъ ихъ отрывали отъ полевыхъ работъ, работъ, не терпящихъ откладыванія.

Мы съ Квятковскимъ рѣшили, что Бобровскій уѣздъ—самое подходящее мѣсто для поселенія воронежской группы, и, отбывъ ярмарку въ Урюпинской станицѣ, въ концѣ октября направились въ Воронежѣ. Квятковскій довезъ меня до одной станицы, и я отправился по желѣзной дорогѣ въ Воронежѣ, а самъ онъ отправился въ село Копанце Коротояскаго уѣзда, чтобы тамъ оставить лошадь и товаръ у знакомаго намъ крестьянина Гукова. Мы отправились въ Воронежѣ, чтобы познакомиться, по нашимъ предположеніямъ, уже собравшуюся въ Воронежѣ нашу группу. Но въ Воронежѣ насъ ожидало письмо отъ А. Д. Михайлова, въ которомъ онъ сообщалъ намъ о разгромѣ въ Петербургѣ и объ арестѣ многихъ членовъ изъ предполагаемой воронежской группы. Александръ Дмитріевичъ сообщилъ намъ, что онъ остался безъ всякихъ средствъ и почти одинъ, и предлагалъ немедленно продать все, что можно продать, и ѣхать въ Петербургъ. Прискавъ безопасное мѣсто для Баранникова въ одномъ имѣніи Харьковской губерніи, такъ какъ Александръ Дмитріевичъ рекомендовалъ позабиться о его безопасности, мы съ Квятковскимъ стали обсуждать,—какъ намъ быть въ виду настоятельнаго требованія Александра Дмитріевича? Какъ

это ни было намъ горько, что наши планы о поселеніи при ходится отложить и при томъ въ такой моментъ, который казался намъ такимъ благоприятнымъ, тѣмъ не менѣе мы ясно понимали, что пока Петербургъ, какъ центръ нашей организаціи, не будетъ возстановленъ, наши усилія при всѣхъ надеждахъ на возможность организованнаго протеста среди крестьянъ противъ насилій и безобразій, которая совершалась мѣстной администраціей, чтобъ сдѣлать все возможное и даже невозможное для великокавказской охоты, останутся отдѣльными фактомъ и потому безрезультатнымъ. И мы, скрѣпя сердце рѣшили, что я отправлюсь въ Петербургъ. Но въ то же время у насъ было твердое намѣреніе не откладывать надолго планъ предполагаемаго поселенія въ Воронежской губерніи. Квятковский, провожая меня въ Петербургъ, напутствовалъ меня словами не поддаваться соблазнамъ дѣятельности въ Петербургѣ и какъ только дѣло мало-мальски наладится въ Петербургѣ, ѣхать обратно въ Воронежъ. Онъ же рѣшилъ оставаться въ Воронежѣ и уѣхать въ Петербургъ въ томъ только случаѣ, если я найду, что его прїѣздъ туда настоятельно необходимъ.

Прїѣхавши въ Петербургъ, я нашелъ, что за время отъ разгрома, который лишилъ насъ такихъ товарищей, какъ Адрианъ Михайловъ, Ольга Николаевна Натансонъ, Колѣнкинъ и другихъ, до того времени, какъ я прїѣхалъ въ Петербургъ, А. Д. Михайловъ настолько успѣлъ задѣлать бреши, причиненныя III-мъ отдѣленіемъ нашей организаціи и настолько обезпечилъ въ денежномъ отношеніи организацію, что чувствовался недостатокъ только въ руководящихъ людяхъ, чтобъ приступить къ организаціи такихъ фактовъ, какъ отищеніе шефу жандармовъ Дрентелну за погромъ, только что пережитый, и изыятіе особенно вредныхъ шпионовъ, какъ напр. Рейнштейна. Всѣ единодушно рѣшили, что въ такомъ направленіи на первыхъ порахъ и предстоитъ дѣятельность. Я помню такую сцену. Нѣкто, остающийся въ живыхъ и по сіе время, нарисовалъ медвѣдя и вдвли охотника, прицѣливающагося въ него. Показывая свое произведеніе мнѣ, онъ спросилъ, что я думаю на этотъ счетъ? Понимая вполне содержаніе рисунка, я отвѣтилъ ему, что тѣ впечатлѣнія, съ которыми я возвратился сюда изъ моего путешествія по Воронежской губерніи за то, что въ центрѣ необходимо создать грозную боевую силу, если желаемъ всколыхнуть Россію. Мысль, высказанную мной, поддержалъ Тихомировъ, заявивъ, что и онъ съ тѣмъ же впечатлѣніемъ возвратился изъ провинціи. Пишу Квятковскому подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ того, что я нашелъ въ Петербургѣ, и сообщаю, что нужна большая ошущается въ людяхъ. Прїѣзжаетъ Квятковский. При встрѣчѣ нашихъ въ первые дни, онъ неоднократно, дѣлалъ со мной своими мыслями, навѣянными Петербургомъ, говорилъ мнѣ, что все это, несомнѣнно, необходимо, но на это можно найти людей и здѣсь, мы же должны помнить, что у насъ есть начатое дѣло, и мы не должны бросить его.

На время, короткое въ обыкновенной жизни, но продолжительное въ переживаемое тогда нами время, когда въ Петербургѣ дѣятельность кипѣла ключомъ, и одни впечатлѣнія смѣнялись другими, мы расстались съ Квятковскимъ. Я уѣхалъ въ началѣ января, а во второй половинѣ марта я опять въ Петербургѣ и нахожу всѣхъ моихъ друзей, стремящихся по наклонной плоскости къ той дѣятельности, которая стала потомъ программой партіи «Народной Воли». И увы! Квятковский, который такъ предупреждалъ меня не поддаваться соблазнамъ городской дѣятельности, самъ нуждался теперь въ совѣтахъ. Какъ разъ въ то время, какъ я прїѣхалъ въ Петербургъ, въ тотъ же вечеръ, въ совѣтѣ обсуждался вопросъ о покушеніи на убійство Александра II. Правая партія была противъ этого акта, я тоже былъ въ рядахъ правой по этому вопросу. Мнѣ казалось, что убійство Александра II будетъ политической ошибкой партіи, ибо Александръ II въ глазахъ народа—освободитель миллионъ русскихъ крестьянъ отъ крѣпостного рабства. То же обстоятельство, что роль освободителя была навязана ему безвыходнымъ положеніемъ послѣ Крымской войны, а также и то, что царствованіе вслѣдъ за реформами мало въ чемъ отличалось отъ царствованія его отца и, подъ конецъ, сдѣлалось столь же реакционнымъ,—это могло быть оправдательнымъ документомъ въ глазахъ историка, среднему же обывателю Россіи того времени всѣ эти тонкости оставались неизвѣстными. Кромѣ всего этого, среди правой партіи «Земли и Воли» ходилъ слухъ, что рѣшившійся взять на себя убійство Александра II былъ не кто другой, какъ Гольденбергъ, еврей по національности, и это еще болѣе подкрѣпляло меня и правую сторону въ томъ, что это будетъ роковой ошибкой «Земли и Воли». Совѣтъ по этому поводу былъ самымъ бурнымъ. Когда со стороны лѣвой было заявлено, что нѣкто проситъ довести до свѣдѣнія организаціи «Земли и Воли» о своемъ рѣшеніи во что бы то ни стало пойти на убійство Александра II-го, и что онъ останется при этомъ своемъ рѣшеніи и въ томъ случаѣ, если организація выскажется противъ и откажется ему въ помощи въ этомъ дѣлѣ, то поднялась фѣлая буря. Помню, одна изъ дамъ подходила поочередно къ правой, то къ лѣвой совѣтъ съ просьбой успокоиться и помнить, что можетъ услышать прислуга, у которой къ тому же сейчасъ въ гостяхъ дворникъ; все это мало успокаивало взволнованный совѣтъ. Особенно потеряли мѣру два друга, я и Квятковский, очутившіеся въ этотъ разъ въ противоположныхъ лагеряхъ. Я, въ качествѣ праваго, заявилъ: «Г., если среди насъ возможны Каракозовы, то поручите ли вы, что завтра изъ среды нашей не явится и Коммисаровъ со своимъ намѣреніемъ, не стѣсняясь тѣмъ, какъ отнесется къ его намѣренію наша организація?» На это Квятковский съ такой же запальчивостью отвѣтилъ по моему адресу: «Если Коммисаровымъ будешь ты, то я и тебя застрѣлю». Но какимъ бурнымъ это засѣданіе совѣта ни было, о раздѣлѣ и рѣчи въ это время еще не заходило. Чаше конфликты случались между редакторами «Земли и Воли», люди же дѣла, послѣ

столь бурного заседания, ясно сознавали, что в единении нашмет сила, и в тот же вечер в ложь театра я, Квятковский, Михайлов, Зунделевич (других не помню) вновь обсудили этот вопрос. Здесь я узнал, что этот нѣток, рѣшившийся на столь важный фактъ, не еврей и что такъ или иначе, «Земля и Воля» не должна остаться въ сторонѣ въ этомъ дѣлѣ.

Я остановилъ внимание читателей «Былого» на этомъ фактѣ, чтобы показать, какъ еще крѣпки были узы, связывающіе членовъ организации «Земли и Воли», что даже и такіе противоположные взгляды, какъ въ данномъ случаѣ взгляды на царевубійство, не грозили раздѣломъ. Правда, этотъ острый конфликтъ по поводу намѣренія Соловьева ясно далъ понять всѣмъ необходимость общаго сѣзда земледельцевъ; но о раздѣлѣ въ это время никто не думалъ. Объясняется это не однимъ товариществомъ и доверіемъ другъ къ другу членовъ организации «Земли и Воли»; но и тѣмъ, что теоретическіе взгляды большинства членовъ «Земли и Воли» немногимъ разнились. Всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большинство единодушно сознавали, что только сила грозная, импонирующая народу и культурному обществу, сила, способная непосредственно вступить въ борьбу съ правительствомъ, можетъ надѣяться всколыхнуть недовольные, но пока инертные элементы, разсѣянные въ достаточномъ количествѣ въ Россіи. Вопросъ состоялъ лишь въ томъ, какимъ путемъ и какими средствами создать эту грозную боевую организацию. Начать ли съ конька государственнаго зданія Россіи или постепенно подойти къ коньку. Конечно, было бы хорошо одними и тѣми же средствами стремиться къ этой цѣли и сверху и снизу, и это подсказывалось самой жизнью.

Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, за два дня до покушенія Соловьева, съ полномочіемъ созвать сѣздъ земледельцевъ въ одномъ изъ городовъ средней Россіи, то въ Козловѣ на вокзалѣ кондукторъ, пріѣхавшій изъ Ростова, держалъ къ толпѣ, окружившей его и разбиравшейся въ двухъ событіяхъ дня, о которыхъ только что телеграфъ принесть извѣстія — о покушеніи на жизнь Государя и бунтѣ въ Ростовѣ-на-Дону—такую рѣчь: «когда,—говорилъ онъ,—революціонеры рѣшили убить царя, то они разослали по всѣмъ городамъ своимъ агентамъ приказъ разгромить полицейскіе участки и перебить все начальство и, если-бъ Соловьевъ убилъ государя, то, что произошло въ Ростовѣ, было бы вездѣ по Россіи; но Соловьевъ промахнулся, и потому изъ Петербурга былъ посланъ приказъ поправить; но въ Ростовѣ, то ли не попалъ второе распоряженіе,—то ли они забыли послать туда; въ Ростовѣ поэтому и произошелъ разгромъ полиціи. Несомнѣнно, это—созданіе народной фантазіи ни больше, ни меньше, тѣмъ не менѣе оно реально представляетъ ту программу, которая привела бы революціонеровъ къ побѣдѣ. И такая программа представлялась нашимъ умамъ ясно; но, вѣроятно, въ то время не созрѣли еще ни силы, нужная для этого, ни средства. По крайней мѣрѣ, я, вмѣстѣ съ толпой, слушавшей эту фантазію кондуктора, сказалъ про себя: вотъ наша программа, устами

кондуктора провозглашенная. Открытымъ, слѣдовательно, вопросомъ было,—могли ли земледельцы выполнить такую программу или нѣтъ, и рѣшеніе его, конечно, обуславливалось наличностью накопленности революціоннаго чувства во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества; но что на этотъ вопросъ былъ лишь этотъ одинъ отвѣтъ, т. е., что только сильная и грозная боевая организация могла всколыхнуть матушку Русь и принудить правительство пойти на уступки, въ этомъ никто не сомнѣвался.

Теперь приступаю къ вопросу: только ли политическіе развитые люди, такъ называемая интеллигенція, находили тѣсными рамки бюрократическаго строя Россіи, или уозсть этихъ рамокъ, если не сознавалась, то чувствовалась и некультурнымъ обывателямъ Россіи. И правда ли то, что говорить Г. В. Плехановъ въ своемъ предисловіи къ Туну, т. е., будто бы революціонеры оттолкнуло отъ революціонной дѣятельности въ деревнѣ то, что предъ ними выпирало крестьянство, какъ представителю труда, который его собственными производственными отношеніями толкался въ сторону отъ социализма. Вотъ что приходилось слышать о насъ, революціонерахъ, въ некультурныхъ слояхъ Россіи. Сидимъ мы съ Львомъ Николаевичемъ Гартманомъ въ его квартирѣ въ Тамбовѣ и слышимъ за стѣной разговоръ сейчасъ возвратившихся съ молебна по поводу спасенія государя отъ руки убійцы хозяина квартиры Гартмана и его гостя. Гость возмущается злодѣйствомъ Соловьева и предлагаетъ самую суровую мѣру противъ революціонеровъ; хозяинъ же въ отвѣтъ на его возмущеніе говоритъ: «я тебѣ скажу,—нѣтъ дыму безъ огня! Помнишь, вотъ этотъ нашъ,—вѣдь онъ изъ нашей губерніи,—который тоже стрѣлялъ въ государя, Каракозовъ... Я слышалъ,—пришелъ къ нему въ тюрьму Муравьевъ и говоритъ ему: ты долженъ мнѣ сказать все,—знаешь, вѣдь я русский медвѣдь! А тотъ ему въ отвѣтъ: я тоже, говоритъ, бѣлый медвѣдь и сказалъ ему что-то. Что сказалъ,—не знаю и врать не буду, а только слыхалъ я, что когда Муравьевъ передалъ эти его слова государю, то государь на это вотъ что сказалъ Муравьеву: эту тайну ты долженъ унести съ собой въ могилу и тутъ же показалъ ему шелковый шнурокъ, т. е. понимай, молъ! Вотъ оно и выходи,—дѣло-то не такъ просто, братецъ ты мой! Намъ, темнымъ людямъ, многое невдомекъ, а образованные люди все это по писанному разбираютъ, и у нихъ все это какъ на ладони».

Или вотъ. Выѣхалъ я встрѣтить Фроленко въ Козловѣ, предупредить, что сѣздъ состоится не въ Тамбовѣ, какъ предполагалось, а въ Воронежѣ. Въ ожиданіи поѣзда на Воронежъ, мы зашли въ трактиръ напиться чаю. Въ трактирѣ сидѣтъ группа прасоловъ и ведетъ разговоры о нашемъ братѣ, революціонерѣ. Одинъ изъ нихъ резюмируетъ обмѣнъ ихъ мыслей такъ: мы смотримъ, братцы мои, на все, что кругомъ насъ дѣлается нашими темными глазами, а вѣдь они смотрятъ въ микроскопъ и то, что намъ кажется въ горошину, то имъ въ гору представляется. Если правду сказать,—неправды въ нашей матушкѣ Россіи много. А вотъ что я слышалъ

въ парикмахерской въ Киевѣ, послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ. Телеграммы о взрывѣ принялъ сочувствующій революціонерамъ телеграфистъ и, конечно, тотчасъ же сообщилъ намъ. Я вышелъ на Крещатикъ въ ожиданіи телеграммъ, чтобъ видѣть, какое это извѣстіе произведетъ впечатлѣніе на публику. Оказалось, что Судейкинъ задержалъ опубликованіе телеграммы, какъ самъ на судѣ сказалъ онъ намъ, чтобъ установить тотъ фактъ, что революціонеры знали въ Киевѣ о имѣющемъ быть взрывѣ, ибо до него дошли свѣдѣнія, что на одномъ изъ базаровъ города Киева предполагалась демонстрація¹⁾. Наскучивъ шататься по Крещатику въ ожиданіи телеграммъ и не желая мозолить собою глаза полиціи, которая, по моимъ наблюденіямъ, тоже была настроена въ ожиданіи чего-то необычайнаго, я зашелъ въ парикмахерскую. Только что парикмахеръ принялся за мою голову, вскакиваетъ изъ сосѣдней пивной какой-то господинъ съ телеграммой въ рукѣ, во всѣмъ видимость, знакомый парикмахера, и какъ громомъ поражаетъ публику: «взрывъ въ царскомъ дворцѣ!» Сидишь тутъ же какой-то полицейскій чинъ, вѣроятно, какъ и я, зашедшій къ парикмахеру въ ожиданіи телеграммъ, схватилъ со стола фуражку и помчался на улицу. Въ парикмахерской происходитъ обмѣнъ мнѣній по поводу необычайнаго событія. И вотъ что я слышу. «И что думаетъ наше правительство! Взрывъ подъ Москвою, теперь взрывъ въ дворцѣ, а тамъ завтра революція... Что же будетъ потомъ,— рѣзня! Такъ же нельзя, правительство должно выслушать ихъ и обратить вниманіе на тѣ неполадки, на которые ему указываютъ. Въдъ это не какіе-нибудь люди, это люди ученые! Зачѣмъ тогда и ученые люди, въдъ зачѣмъ же нибудь ихъ учать?»...

Мнѣ на это могутъ сказать, что это отдѣльные случаи. Можетъ быть, пока такихъ случаевъ было еще и немного, я хочу сказать только, что такіе разговоры вызывались, несомнѣнно, творцами такихъ фактовъ, какъ взрывъ, и эти разговоры, несомнѣнно, множились бы по мѣрѣ развитія дѣятельности въ этомъ родѣ,— другими словами, этими фактами русское общество революционизировалось, и мнѣ кажется, что я вправѣ думать, что, если-бъ наличныя силы людьми и средствами позволили народолюбцамъ развить ихъ дѣятельность въ большихъ размѣрахъ, если-бъ предательство Гольденберга и Дегаева не подорвало этихъ силъ, то тотъ переполохъ, который уже началъ проявляться среди состоятельныхъ классовъ (въдъ извѣстно теперь, что послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ знать и богатые классы прятали и увозили свои драгоценности за границу), заставилъ бы уже и тогда потерявшееся правительство пойти на большія уступки, чѣмъ тѣ, на которыя оно уже было готово пойти въ диктаторство Лорисъ-Меликова даже и при той степени развитія революціонной дѣятельности въ этомъ направленіи, которой оно достигло въ этотъ моментъ. Что же касается крестьянства и дѣя-

тельности революціонеровъ среди него, то мнѣ кажется, что крестьянство остается и теперь такимъ же, какимъ оно было и въ наше время; дѣятельность среди него съ тѣхъ поръ ни мало не измѣнилась—и разница только въ интенсивности революціоннаго чувства среди крестьянъ въ наше время и теперь. Если Г. В. Плехановъ правъ, и дѣйствительно крестьянство своими производственными отношеніями толкается совершенно не въ ту сторону, какую рекомендуетъ ему революціонеръ, то еще въ большей степени эти производственные отношенія должны были бы толкать и теперь въ этомъ направленіи крестьянство. За эти почти 30 лѣтъ эти производственные отношенія должны были выступить еще болѣе рѣзко, если имѣть въ виду, что за это время капиталистическое производство сравнительно далеко ушло. Правда, съ того времени умственный кругозоръ крестьянина сталъ шире, съ одной стороны, подъ влияніемъ измѣнившихся условій передвиженія,—пароходы и желѣзныя дороги, несомнѣнно, усилили социальное трѣніе,—а съ другой стороны, и народное образованіе съ умноженіемъ школы сдѣлало прогрессъ. Но въдъ новыя данныя народной жизни могутъ представлять плюсъ при моемъ взглядѣ на социальный прогрессъ, въ глазахъ же Г. В. Плеханова, какъ социаль-демократа, это скорѣй минусъ, чѣмъ плюсъ въ развитіи революціоннаго чувства среди крестьянства. Ужели и въ наше время производственные отношенія крестьянъ требуютъ повелительно отъ революціонеровъ пройти мимо крестьянства, невзирая на то, что крестьянство составляетъ 80% населенія Россіи? Отвѣчу на это нѣсколькими иллюстраціями отношеній крестьянства къ революціонерамъ нашего времени. Алексѣй Андреевичъ Емельяновъ, осужденный по дѣлу Казанской демонстраціи подъ именемъ Боголюбова вмѣстѣ съ Мозговымъ, и нынѣ здравствующимъ гдѣ-то въ Забайкальѣ, проживали въ деревнѣ Пески, Воронежской губерніи, Хоперскаго уѣзда. Имъ удалось въ такой степени достигнуть довѣрія среди крестьянъ, что, когда жандармы явились арестовать Мозгового, бывшаго въ Пескахъ волостнымъ писаремъ, то крестьяне съ колыями въ рукахъ окружили волостное правленіе, чтобъ не допустить ареста своего писаря, и Мозговой только потому былъ арестованъ, что не хотѣлъ самъ воспользоваться предложеніемъ крестьянъ увести его, чѣмъ воспользовался Боголюбовъ. Вотъ что рассказывалъ мнѣ Алексѣй Андреевичъ о своей дѣятельности въ Пескахъ. Былъ онъ съ однимъ крестьяниномъ Семеномъ въ полѣ на работѣ. Нужно сказать, что это было приблизительно въ 74-мъ году, когда мы, юные революціонеры, думали, что и крестьяне такъ же легко могутъ разбираться въ сочиненіяхъ Лассалля и Прудона, какъ и мы, и потому не стѣснялись подкрѣплять свою пропаганду ссылками на Лассалля и Прудона. Мнѣ кажется, что иллюстраціей этого примѣра успѣха пропаганды среди крестьянъ, я дамъ возможность читателю представить себѣ, насколько крестьянство и въ то время способно было идти за людьми, сулящими ему исполненіе завѣтной мечты—доступности матушки-земли. Изъ этой маленькой картинки читатель ясно увидитъ, что крестьяне

¹⁾ Дѣйствительно, въ ожиданіи статнаго исхода взрыва, готовилась демонстрація на такъ называемомъ Житнемъ базарѣ, имѣвшая выстѣпить цѣль взрыва.

каким-то чутьем угадывали въ пропагандистахъ своихъ истинныхъ друзей. Проходящи на Донъ крестьяне Пензенской губернии и заходящи на поле къ Семену напиться воды, Семень честь-честью приглашаетъ присѣсть случайныхъ гостей, угощаетъ водою и начинаетъ держать къ нимъ такую рѣчь: «чи будете и куда Богъ несетъ?»—Получивъ въ отвѣтъ, что гости его идутъ на Донъ на заработки, Семень спрашиваетъ: «Скажите мнѣ, будь у васъ земли вдвое, сколько вашей силухи хватить одолѣть ее кормилицу, пошли ли бы вы на край свѣта киселя хлебать?»—«Что говорить»,—отвѣчаютъ гости,—кто отъ добра добра ищетъ? Самъ знаешь, братикъ мой,—нужда всѣхъ насъ гонитъ,—вотъ кто». «А кто тому причиной»,—спрашиваетъ вновь Семень,—скажи-ка мнѣ,—кто тому причиной, что у насъ земли нѣтъ? Не знаешь»,—спѣшитъ съ отвѣтомъ на поставленный имъ же вопросъ Семень,—такъ слушай: царствіе, жандармствіе, дворянствіе, поповствіе. А вотъ если бъ всѣхъ ихъ, аспидовъ нашихъ, заласали, запрудонитъ, дѣло бы то приняло другой оборотъ и не было бы у насъ на Руси, что у одного чрезъ край, по горло, вонъ какъ у нашего барина, а у другихъ, прямо сказать, нѣтъ ничего. И я вотъ тоже все къ Господу вздыхалъ,—а что имъ Господь, коли въ ихъ рукахъ сила,—да вотъ спасибо люди открыли глаза,—указывая на Алексѣя Андреевича, сказалъ Семень.—И я тебѣ теперь прямо говорю, пока въ ихъ рукахъ власть, не выдать крестьянству земли, какъ ушей своихъ».

То же самое было и въ Саратовской губернии. И тамъ точно также, когда, послѣ покушенія Соловьева, разслѣдованіе дѣла о немъ обнаружило, что Соловьевъ предъ этимъ былъ въ Вольскомъ уѣздѣ поселенцемъ вмѣстѣ съ другими, то революціонеры избѣгли ареста только благодаря помощи крестьянъ. Подробности объ этомъ я слышалъ и отъ Богдановича въ Тамбовѣ и отъ Иванчина Писарева въ Петербургѣ, но за давностью лѣтъ забылъ. Но вотъ чего я самъ былъ свидѣтелемъ. Проѣздомъ чрезъ Тамбовъ я остановился у Довеля, у котораго проѣздомъ же былъ въ это время прокуроръ, производившій слѣдствіе по этому дѣлу среди крестьянъ въ Вольскомъ уѣздѣ Саратовской губернии. Прокуроръ этотъ передавалъ намъ о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ опроса крестьянъ. Не зная, кто мы, онъ съ горечью въ сердцѣ говорилъ намъ, что никогда и въ мысляхъ не допускалъ, чтобы революціонеры такъ глубоко пустили корни среди крестьянства. «Мы, жители города, ровно ничего не знаемъ, что дѣлается подъ нашимъ носомъ въ деревняхъ нашихъ»,—говорилъ прокуроръ. Съ кѣмъ изъ крестьянъ мнѣ ни приходилось говорить—и мужики, и бабы самаго лучшаго мнѣнія о нихъ. Особенно возмущенные отзывы я слышалъ объ одной фершалкѣ, какъ они называютъ. Эта фершалка, по ихъ словамъ, какая-то богородица. Увѣряю васъ,—говорилъ негодующе прокуроръ,—одинъ изъ ямщиковъ такъ-таки и сказалъ мнѣ: «что ужъ и говорить, баринъ,—наша фершалка на рѣбкость. Ужъ истинно кого Господь захочетъ благословитъ на добрая дѣла. Придешь это къ ней: ночь ли, дождь, и какая тамъ ни будь погода,—ни тебѣ слова! Съла себѣ и

поѣхала, а то и пѣши пошла. Просто сказать вамъ, баринъ, истинно святая душа!».—«Да знаешь ли ты, говорю я ему,—передаетъ намъ прокуроръ,—что это за люди? Въдѣ это враги Царя, враги закона». «А онъ себѣ, ровно это для него такіе пустики, о которыхъ и говорить не стоить», отвѣчаетъ: насчетъ этого ничего вамъ, баринъ, не могу сказать. А что она вотъ какой человѣкъ, какъ я вамъ докладывалъ, это истинно такъ, какъ передъ Богомъ говорю».

Я могъ бы многое поразсказать объ этомъ и изъ моихъ личныхъ воспоминаній въ моихъ скитаніяхъ по Волгѣ вмѣстѣ съ Медвѣдевымъ и по Воронежской губ. съ Квятковскимъ, и читатель увидѣлъ бы, что завоевать симпатіи крестьянъ въ такой мѣрѣ, чтобы потомъ вести среди нихъ пропаганду совершенно откровенно, не составляло большого труда. Въ небольшое сравнительно время, въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца, мы съ Квятковскимъ пользовались такимъ довѣріемъ крестьянъ, что на ярмаркахъ насъ отыскивали. Ни одна баба не соглашалась при продажѣ своего холста, какъ купивши ей холстъ прасолой самъ мѣрилъ.—«Продать то я продамъ тебѣ»,—говорила баба прасолу,—но мѣрить пойдемъ къ Ликсандру (Квятковскому), потому онъ ужъ смѣрять по-божески». И кулакъ волей-неволей уступалъ. Предъ нашей палаткой постоянно стояла вереница бабъ съ холстами и среди нихъ съ аршиномъ въ рукахъ Квятковскій. Въ деревнѣ Шестаково Бобровскаго уѣзда крестьяне предлагали намъ поселиться, общали построить намъ лавку. Мнѣ казалось страннымъ, что люди мало—малыски скомпрометированные убѣждали за границу и въ 79 году, на предложеніе Стефановича ѣхать за границу, я отвѣтилъ, что если-бъ я, по какимъ-либо соображеніямъ нашелъ нужнымъ бросить дѣятельность въ городѣ, то вмѣсто того, чтобы ѣхать за границу, поселился бы въ деревнѣ Воронежской губернии и находилъ бы себя тамъ въ большей безопасности, чѣмъ за границей. Конечно, быть можетъ, это было увлеченіе, но только въ томъ смыслѣ, что едва ли я чувствовалъ бы себя удовлетвореннымъ въ моихъ культурныхъ запросахъ. Я думаю, что въ наше время крестьянство вовсе не было недоступно пропагандѣ, и вопросъ состоялъ совсѣмъ не въ томъ,—возможно ли крестьянство вызвать на протесты всякаго рода, а въ томъ, насколько создаваемые среди крестьянъ протесты соотвѣтствовали бы наличной подготовкѣ революціонной дѣятельности въ центрѣ. Другими словами, революціонныя организаціи въ центрахъ не были еще развиты въ такой мѣрѣ, чтобы онѣ могли использовать въ своихъ цѣляхъ разсѣянные протесты среди крестьянской массы. Революціонеры на первыхъ порахъ дѣйствительно поражало то, что крестьянство возлагало надежды на царя въ улучшеніи своей горькой доли, но не нужно было осбеннаго ума, и достаточно было небольшого знакомства съ психологіей народа, чтобы понять въ чемъ дѣло. Народъ не зналъ иной реальной политической силы, которая могла бы, если-бъ, конечно, хотѣла, осуществить завѣтныя мечты крестьянства насчетъ земли. И крестьянство въ то время заслуживало упрековъ не больше въ этомъ отношеніи, чѣмъ и всѣ остальные слои русскаго общества, не

исключая и культурных и даже высокообразованных слоев его. Помню, когда Александр II-й послѣ взятія Плевны возвращался съ театра войны, въ Петербургскомъ университетѣ по какому-то поводу происходили студенческія волненія, и профессоръ государственнаго права Градовскій совѣтовалъ студентамъ успокоиться, ибо,—сказалъ онъ,—говорятъ, государь возвращается съ войны въ благодушномъ настроеніи и можно ожидать, что онъ дастъ конституцію. Или вотъ. Во время такъ называемыхъ контрактовъ въ Кіевѣ я отправился въ одинъ изъ ресторановъ, гдѣ обыкновенно въ то время проводило время дворянство, съѣхавшееся на контракты, чтобы прислушаться къ тому, что волнуется дворянство въ ожиданіи 25-ти лѣтняго юбилея востанія на престолѣ Александра II. Конечно, разговоры шли о милостяхъ, которыя, несомнѣнно, по мнѣнію бѣдѣдовавшаго за бутылкой дворянства, были бы, если-бъ не всѣ эти взрывы и убійства, которые совершаетъ недоучившаяся наша молодежь. Еще приведу одинъ случай изъ моей революціонной дѣятельности въ пользу того, что революціонеры конца 70-хъ годовъ были правы, думая, что только реальная творческая сила, вступившая въ борьбу съ правительствомъ, могла всколыхнуть Россію и внушить ей убѣжденіе, что пора перестать возлагать надежды на кого бы то ни было и позаботиться о себѣ самимъ. Правда, этотъ случай изъ полонковъ русскаго общества, тѣмъ не менѣе онъ хорошо иллюстрируетъ мою мысль, которая была почти общей мыслью революціонеровъ конца 70-хъ годовъ. Сидѣлъ я въ Ростовѣ въ одномъ торговомъ заведеніи у моего знакомаго. Входитъ приказчикъ и докладываетъ хозяину, что у амбаровъ то ли пьяный, то ли больной кто. «Говорю ему, что лежишь здѣсь,—шелъ бы себѣ куда-нибудь. Молчи, ничего не отвѣчаетъ». Выходимъ вмѣстѣ съ хозяиномъ къ амбарамъ. Дѣйствительно, у амбара одного лежитъ человѣкъ. «Что, милый человѣкъ, лежишь здѣсь—боленъ что ли?» спрашиваетъ хозяинъ. «Чай, сами видите», отвѣчаетъ неизвестный. «Шелъ бы въ больницу, коли боленъ», говоритъ хозяинъ. Молчишь. Хозяинъ обращается ко мнѣ и говоритъ: «Вотъ и больница есть, но поиди туда,—вылѣчать, потомъ посадятъ въ тюрьму и начнутъ вытарить по этапамъ. Вѣдь это босякъ. Возьми Василій его въ контору». Привели мы его въ контору, уложили и принялись лѣчить. У него было возвратный тифъ. Лѣчили мы его и вмѣстѣ съ тѣмъ читали ему революціонныя изданія: «Хитрую механику», «Сытые и голодные» и пр. Особенно понравилась ему «Понизовая вольница» Мордовцева. Нашъ знакомый оказался крестьяниномъ Петербургской губерніи Ямбургскаго уѣзда, звали его Алексѣй, а среди босяковъ Алешка. Алешка съ каждымъ днемъ проникался пропагандируемыми ему идеями социализма и къ выздоровленію онъ окончательно принялъ наше ученіе и сдѣлался самъ пропагандистомъ въ своей средѣ. Интересно то, что по какой-то непонятной намъ застѣнчивости или, быть можетъ, чтобы мы не мѣшали ему въ его своеобразной пропагандѣ, онъ въ присутствіи нашемъ никогда не заводилъ рѣчи съ босяками въ роли пропагандиста, но намъ было извѣстно, что онъ дѣятельно

работаетъ въ своей средѣ. Разъ только мнѣ удалось быть свидѣтелемъ его пропагандистской дѣятельности. Проходилъ я мимо одной харчевни и замѣтилъ собравшуюся толпу предъ харчевней. Среди толпы, стоявшей кругомъ, я замѣтилъ Алексѣя. Онъ съ обнаженной головой, наступивъ одной ногой на шапку, почему-то брошенную имъ на землю, декламируетъ изъ «Параднаго подъѣзда» Некрасова со своими собственными вставками: Волга, Волга, Донъ и Азовское море, весной многоводной вы не такъ заливаете поля, какъ великой скорбью народной переполнена наша земля и пр., въ такомъ же родѣ съ своими прибавленіями. Меня заинтересовала эта сцена, я стою и молча слушаю. Кончилъ Алексѣй весь «Парадный подъѣздъ». Въ толпѣ раздалось: «Браво, браво Алеша! Вотъ куплетистъ, такъ куплетистъ!»

«Дураки вы, дураки,—отвѣтилъ Алексѣй своей публикѣ, надѣвая на голову шапку.—Куплетистъ!.. Вамъ все театры! Раскусите своей башкой, что я вамъ сказалъ. «Не стая вороновъ слеталась на трупы тлѣющихъ костей,—удалыхъ шайка собиралась!»—заключилъ Алексѣй словами Пушкина, взятыми Алексѣемъ изъ извѣстной книги Флеровскаго, поставленными авторомъ въ видѣ эпиграфа. Молча вышелъ изъ круга и пошелъ по направленію къ угольному складу, гдѣ онъ проживалъ въ качествѣ разгрузчика вагоновъ съ углемъ. Я остался въ толпѣ наблюдать впечатлѣніе, произведенное на нее своеобразной пропагандой Алексѣя. Толпа угрюмо и молча стояла ни то, не оправившись отъ суроваго упрека Алексѣя, брошеннаго ей, ни то, по собѣту Алексѣя, она задумалась надъ словами поэмы Некрасова. Послѣ этого случая я рѣшилъ воспользоваться Алексѣемъ, чтобы съ помощью его проникнуть въ среду бросой команды, какъ ее называли въ Ростовѣ, и не разъ просилъ его собрать ночью босяковъ въ амбарѣ склада, но Алексѣй на мои просьбы отвѣчалъ: «да они, Родіонычъ, никогда не годятся, какъ только что слизать, что плохо лежитъ. Пропашій это народъ,—не совѣтую вамъ съ ними возиться. А понадобится они намъ, я отвѣчаю вамъ головой,—они будутъ съ нами. Зимой по полушубку и рюмкѣ водки и они пойдутъ, куда мы ихъ поведемъ». Конечно, я не мирился съ такими средствами воздѣйствія, предлагаемыми Алексѣемъ, и въ этомъ смыслѣ возражалъ ему. Въ концѣ концовъ и онъ задумался надъ этимъ вопросомъ и однажды сказалъ мнѣ: «Вотъ что я вамъ скажу, Родіонычъ. Смотрите, какъ ваши босяки, ровно на барина, работаютъ Борискъ (еврей, содержавшій притонъ): воду ему носить, краденный уголь ему несутъ и все это они дѣлаютъ только за ночлегъ. Я видѣлъ въ вашей компаніи есть старичекъ еврей, откройте притонъ, и босяки въ вашихъ рукахъ. Только я вамъ прямо говорю,—даромъ въ притонъ не пускайте. Три коп. и никакихъ, а то они васъ заберутъ въ руки, а не вы ихъ. Довольно будетъ и того, что вы будете поступать съ ними по-человѣчески и во время болѣзни не выбросите ихъ на дворъ, какъ Бориска». Наконецъ, Алексѣй уступилъ моимъ настояніямъ и собралъ человѣкъ 10 босяковъ въ одну ночь въ амбарѣ. Начались у

нась разговоры. Алексѣй сидѣлъ въ сторонѣ и не принималъ участія въ бесѣдахъ. Остальные слушали меня и поддакивали. Встаѣтъ Алексѣй, подходитъ къ одному и говоритъ: «слушай, что я скажу тебѣ Марко. «У Родіоновича сейчасъ въ карманѣ 200 р. денегъ,—вѣрно тебѣ сказываю,—нука попадись онъ тебѣ, гдѣ-нибудь на Темерикѣ (глухое тогда предмѣстье) или на Богатомъ (тоже), какъ бы ты заговорилъ тамъ? Правду только говори, вѣдь меня не обманешь!» Аудиторія переглянулась, Марко сконфузился и сказалъ: «что ты Алешка, Богъ съ тобой!»—«Богъ то Богъ, а только вотъ что, Родіоновичъ: дайте мнѣ по 3 коп.,—пускаяй они идутъ къ своему Борисѣ и больше сюда не приходять». Этими и кончился мой опытъ съ босками. Я сталъ замѣчать, что Алексѣй смотритъ на насъ, какъ на представителей силы, гдѣ-то стоящей за нашей спиной. Изъ разговора между нами, революціонерами, онъ узналъ, что люди подобные намъ есть и въ Харьковѣ, и въ Саратовѣ, и въ Петербургѣ и, можетъ быть, по всей Россіи. Словомъ, мы представлялись ему какой-то таинственной силой, которую ему пока не удасть учесть. Не составивъ себѣ понятія объ этой таинственной для него силѣ здѣсь, въ Ростовѣ, онъ проситъ меня отправить его въ Саратовъ или вообще куда-нибудь на Волгу. Снабдивъ паспортомъ, я отправилъ его въ Царицынъ, гдѣ были тоже революціонеры. Недѣли три пробылъ онъ тамъ, затѣмъ попалъ оттуда въ Саратовъ, и въ одинъ день возвращается въ Ростовъ. Приходить ко мнѣ подъ хмелкомъ, отчего онъ воздерживался со времени нашего знакомства. Спрашиваю о томъ, какъ ему понравилось тамъ, на Волгѣ. «Да, что, Родіоничъ, и тамъ все одни слова, а дѣла никакого. Я прямо вамъ скажу, Родіоничъ, хорошіе вы люди, и я полюбилъ васъ всей душой, но скажу вамъ, если и вездѣ такъ, какъ здѣсь и тамъ, гдѣ я былъ, то все же дѣло не выгоритъ». Отвѣчаю ему, что такія дѣла скоро не дѣлаются, что нужна для этого дѣла продолжительная подготовка и пр. Возразить онъ мнѣ не умѣетъ, но глаза его ясно говорили мнѣ, что все сказанное мной его не убѣждаетъ. Самымъ откровеннымъ образомъ онъ высказался послѣ извѣстной расправы Трепова съ Боголюбовымъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. По пути въ квартиру, гдѣ жили Булановъ и другіе, пріѣхавшіе изъ Петербурга въ Ростовъ, чтобы, преобразившись здѣсь, отправиться чрезъ Калачъ на Волгу, я захватилъ газету, въ которой сообщалось объ этой расправѣ. Нѣтъ нужды говорить, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на насъ это насилие надъ личностью товарища. Мы прошли и угнетенные новостью молчали. Былъ при этомъ и Алексѣй, на котораго это насилие тоже произвело тяжелое впечатлѣніе. Вотъ что онъ тутъ же сказалъ мнѣ. «И что вы будете дѣлать, Родіоновичъ, послѣ этого? Какой вашъ отвѣтъ будетъ?» Я не нашелся, что сказать ему на это и молчалъ. «А я вотъ что скажу. Моя жизнь,—грошъ ей цѣна, а и мнѣ жалъ бросить ее ни за что!» затѣмъ попохался и ушелъ. Послѣ этого я его долго не видѣлъ; но, проходя разъ по набережной Дона, я увидѣлъ Алексѣя въ числѣ разгрузчиковъ баржи, по-

дозвалъ и спросилъ, что онъ не заходитъ ко мнѣ. «Вы знаете, я васъ люблю и уважаю, но, право, дѣлать мнѣ у васъ нечего. Подумаєте еще, что хожу къ вамъ, чтобы получить пятачекъ. Два дня спустя послѣ этого онъ зашелъ ко мнѣ, убѣждалъ меня бросить это дѣло, говорилъ, что ему просто больно думать, что меня засажатъ въ тюрьму. «Вы все говорите: народъ, народъ, а я вамъ скажу: народъ вашъ такой, что коли ему дадутъ, онъ возьметъ, а самаго его съ мѣста не сдвинешь». Это было послѣднее наше свиданіе. Онъ попросилъ у меня на память «Положеніе рабочаго класса въ Россіи» Флеровскаго и паспортъ, и съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались.

Прощу читателя извинить меня, что я такъ долго остановился на исторіи моего знакомства съ Алексѣемъ. Эта встрѣча съ Алексѣемъ оказала громадное значеніе на рѣшеніе моего вопроса, что дѣлать. Она укрѣпила во мнѣ то убѣжденіе, что только за силой, способной вступить въ непосредственную борьбу съ правительствомъ, пойдеть нашъ русскій народъ. Говоря такъ, я имѣю въ виду наше время, время 70-хъ годовъ. Если всѣмъ тѣмъ, что я до сихъ поръ сказалъ, я достигъ того, что желаю, то читатель долженъ придти къ заключенію, что никакими ни горожанъ, ни деревенщиковъ въ дѣйствительности не было. И если-бъ у меня спросили, — много ли наканунѣ Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ было среди членовъ «Земли и Воли» людей, которые признавали лишь только политическую борьбу, и обратно — много ли было людей, которые относились отрицательно къ террористическимъ актамъ, совершеннымъ до покушенія Соловьева на жизнь Александра II-го, то я затруднился бы дать опредѣленный отвѣтъ, ибо разница во взглядахъ сказывалась скорѣе, по крайней мѣрѣ, среди большинства членовъ «Земли и Воли» не въ теоретическихъ взглядахъ, а въ практической программѣ дѣятельности. Было ясно всѣмъ, что средствъ и людей было слишкомъ мало, чтобы можно было вести борьбу на два фронта, — въ одно и то же время и съ правительствомъ вверху, и вести къ протесту крестьянство внизу. Вопросъ, за какое дѣло приняться въ первую голову, — былъ вопросомъ по которому мнѣнія членовъ «Земли и Воли» разнились. Одни стояли за то, что нужно въ первую очередь поставить на прочную ногу борьбу съ центральнымъ правительствомъ. Другіе за то, что начатое Соловьевымъ дѣло нужно привести къ концѣ. И, наконецъ, третьи за то, что нужно, путемъ аграрнаго террора и особенно мести губернаторамъ за экзекуціи, чинимыя ими среди крестьянства, популяризировать себя въ крестьянскихъ массахъ.

Мнѣ теперь остается очертить вѣтшіе контуры Воронежскаго съѣзда. Сначала я избралъ мѣстомъ съѣзда землевольцевъ Тамбовъ, въ предмѣстьи котораго, въ одномъ уединенномъ мѣстѣ, куда нужно было ѣхать по рѣкѣ Цнѣ, и предполагались засѣданія съѣзда. Въ Тамбовѣ уже были: Вѣра Николаевна Фингеръ, Титычъ (Тищенко), Іосифъ Васильевичъ (Аптектманъ), Хотинскій, Девель. Изъ Воронежа и Саратова должны были пріѣхать: Сергѣичъ (Хоризо-

меновъ), Юристъ (Преображенскій), Щедринъ, Прѣсняковъ. Многие изъ Саратова не могли прѣхать, такъ какъ имъ нельзя было бросить мѣста, и поручили свои голоса мнѣ и Юристу. Но сѣздъ въ Тамбовѣ не состоялся по слѣдующимъ независимымъ обстоятельствамъ. Находящиеся лѣтомъ въ Тамбовѣ землепользователи для обмена мислей по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію на сѣздѣ, собирались въ томъ единенномъ мѣстѣ, гдѣ предполагались и заведенія сѣзда. Отправляясь однажды на двухъ лодкахъ по Цнѣ въ это мѣсто, мы не приняли во вниманіе, что по дорогѣ туда на рѣкѣ Цнѣ есть загородное мѣсто для прогулокъ тамбовцевъ, и упростили Евгению Николаевну Фингеръ (теперь Сажина) спѣть намъ «Бурный потокъ», который она очень хорошо пѣла. Она начала пѣть и своими пѣніемъ вызвала на берегъ Цны гуляющихъ тамбовцевъ, которые и провожали наши лодки по берегу Цны. Эти невдомомъ откуда взявшіеся въ Тамбовѣ люди вмѣстѣ съ пѣвщицей привлекли и вниманіе полиціи. Дѣло кончилось тѣмъ, что на возвратномъ пути полиція насъ прослѣдила и къ нѣкоторымъ изъ насъ, человѣкамъ тремъ, явилась и потребовала паспорта. Паспорта, конечно, были подложные, и обладателямъ ихъ пришлось на другой день выхѣхать, оставивъ паспорта полиціи. Значитъ, Тамбовъ былъ скомпрометированъ какъ мѣсто сѣзда.

Я съ Вѣрой Николаевной отправились въ Воронежъ и, облюбовавъ два уединенныхъ предмѣстья въ Воронежѣ, извѣстныхъ и раньше мнѣ, дали знать о перемѣнѣ мѣста сѣзда въ Петербургъ. Перемѣна мѣста имѣла лишь то неудобство, что мнѣ пришлось провести два дня въ Козловѣ, гдѣ я встрѣчалъ прѣзжавшихъ на сѣздъ землепользовцевъ и снабжалъ ихъ адресами бюро сѣзда въ Воронежѣ. Къ вѣшперечисленнымъ лицамъ, перѣбывавшимъ изъ Тамбова въ Воронежѣ, присоединились: А. Д. Михайловъ, Фроленко, Плехановъ, Тихомировъ, Желябовъ, Ширяевъ, М. Н. Ошанина, Баранниковъ, Перовская, Морозовъ, Квятковский, Колоткевичъ, Исаевъ, Сергѣева. Не ругаясь, что я перечислилъ всѣхъ съѣхавшихся на Воронежскій сѣздъ членовъ организаци «Земли и Воли»; но ошибка не превышаетъ 2—3-хъ человѣкъ. Почти каждый изъ присутствующихъ голосовалъ по порученію за отсутствующаго, а нѣкоторые имѣли въ своемъ распоряженіи и по два—три голоса. Всѣхъ засѣданій сѣзда было четыре: два засѣданія имѣли мѣсто въ одномъ изъ уединенныхъ мѣстъ ботаническаго сада и два—въ рошѣ по рѣкѣ Воронежу близъ водяной мельницы. Предсѣдателемъ сѣзда былъ избранъ Титычъ; онъ формулировалъ и постановленія сѣзда. Прежде всего приступили къ пересмотру программы, которая и была прочитана по параграфамъ; предлагаемая поправки того или другого параграфа обсуждалась и, по выслушаніи преній по тому или другому параграфу, вопросъ объ измѣненіи параграфа ставили на голоса. Основныя положенія программы «Земли и Воли» остались неизмѣнными. Революціонная дѣятельность по-прежнему должна имѣть основною интересъ народа. Экономическая революція—цѣль этой дѣятельности. Къ параграфу о дѣятельности среди кре-

стьянства, которая раньше сѣзда опредѣлялась такъ: «вызывать протесты въ народѣ, на почвѣ мѣстныхъ нуждъ, и вообще пользоваться всякимъ возможнымъ случаемъ, чтобы вызывать крестьянство на протесты», на сѣздѣ было сдѣлано добавленіе: признавалась необходимой и своевременной организациа въ деревнѣ аграрнаго террора и мѣсть правительственнымъ агентамъ на мѣстахъ за экзекуціи, совершаемыя ими надъ крестьянами.

Вторымъ вопросомъ на сѣздѣ былъ вопросъ о политическомъ террорѣ. Параграфъ программы «Земли и Воли» о такъ называемой дезорганизаціи дѣятельности, которая раньше опредѣлялась такъ: «устранять всѣхъ правительственныхъ агентовъ, вредящихъ дѣятельности организаци», былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что устраненію подлежатъ тѣ высшіе агенты правительствъ, которыми опредѣляется внутренняя политика Россіи. Затѣмъ поставленъ былъ вопросъ о начатомъ уже дѣлѣ, т. е. объ убійствѣ Александра II-го, который и былъ рѣшенъ большинствомъ въ положительномъ смыслѣ. Въ принципѣ же вопросъ о царевубійствѣ остался открытымъ, и рѣшеніе его предоставлялось слѣдующему очередному сѣзду. Что касается органа «Земли и Воли», то было постановлено, что газета «Земля и Воля» сохраняетъ то направленіе, которое выражено въ исправленной и дополненной программѣ сѣзда. Изъ прежняго состава редакціи «Земли и Воли» редакторами оставались два: Тихомировъ и Морозовъ, и къ нимъ выбрали третьяго Титыча; администрація выбрана была изъ трехъ лицъ: предсѣдателя совѣта Титыча, Фроленко и Михайлова. Закончился конгрессъ тѣмъ, что рѣшено было тратить на террористическую дѣятельность не больше $\frac{1}{3}$ имѣющихся денежныхъ средствъ, остальные $\frac{2}{3}$ предназначались для деревенской дѣятельности. Такъ называемая мной лѣвая фракція «Земли и Воли», извѣстная потомъ подъ именемъ террористовъ, разсчитывая на то, что въ деревнѣ пока нѣтъ дѣла, которое требовало бы большихъ денежныхъ средствъ, согласилась на такое распределеніе средствъ, въ надеждѣ на то, что не будутъ же тратиться деньги, ассигнованныя на дѣятельность среди крестьянъ, если этой дѣятельности не будетъ. Ихъ расчѣты, вѣроятно, и оправдались бы, ибо дѣйствительно, дѣятельность въ деревнѣ нужно было еще организовать, для чего прежде всего нужны люди, а люди,—даже и тѣ, которые стояли за дѣятельность въ народѣ, но которые вмѣстѣ стояли и за то, чтобы начатое дѣло было приведено къ концу и, слѣдовательно, до окончанія его были заняты — не могли заняться организаціей дѣятельности въ народѣ; но неожиданно являются изъ-за границы Стефановичъ и Дейчъ, которые говорили, что у нихъ есть основательныя надежды на то, что въ Чигиринѣ возможна вновь организациа крестьянства, и что крестьянство тамъ настроено революціонно. Народники, ясно сознавая, въ томъ числѣ и я, вашъ покорный слуга, что, чтобы остановить революціонные элементы на пути къ чисто политической дѣятельности, нужно создать какое-нибудь громкое дѣло въ крестьянствѣ, ухватились за эти надежды. Это

и было поводомъ къ конфликту между народниками и террористами, который и привелъ къ расколу «Земли и Воли» на двѣ партіи. Такимъ образомъ, общество «Земли и Воли» и печатный его органъ перестали существовать; ни одна изъ двухъ образовавшихся партій не имѣетъ права присваивать себѣ названія «Земли и Воли»; матеріальныя средства дѣлятся пополамъ. Обѣ партіи обязуются оказывать одна другой всевозможную поддержку и, такимъ образомъ, являются въ Россіи двѣ партіи: «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ».

Настроение съезда было самое мирное: какъ правая, такъ и лѣвая сѣхавшихся членовъ организаціи «Земли и Воли» ясно выражали желаніе не доводить дѣло до раскола, отчасти въ силу доброй другъ къ другу, товарищескихъ привязанностей, но больше такое настроеніе вытекало изъ сознанія обѣихъ сторонъ, что не такъ-то легко создать такую организацію, какой была «Земля и Воля»,—единственная въ то время революціонная организація, которая пользовалась авторитетомъ въ широкихъ кругахъ не только революціонеровъ, но за дѣятельностью которой слѣдило съ напряженнымъ интересомъ все культурное русское общество. До какой степени въ каждомъ изъ сѣхавшихся на съездъ господствовало сознательное желаніе обойти возможность раскола общества, за это говорить то, что каждый старался сдерживаться и, если тотъ или другой ораторъ выходилъ изъ подъ своего собственнаго контроля и начиналъ незамѣтно для себя самого увлекаться, сейчасъ же кто-нибудь изъ близкихъ друзей напоминалъ ему объ этомъ и при общей помощи успокаивалъ оратора. Помню, когда Желябовъ сталъ развивать программу политической борьбы, какъ единственной, соответствующей переживаемому Россіей моменту, я возражалъ ему, что свести всю дѣятельность нашей организаціи на политическую борьбу легко, но едва ли такъ же легко будетъ указать предѣлы, дальше котораго идти социалистамъ не позволительно.

Но едва Желябовъ, чтобъ отвѣтить мнѣ, успѣлъ сказать мнѣ: «не нами міръ начался, не нами и кончится», какъ вмѣшался Фроленко и сказалъ: «По-моему, и ты, Андрей, и ты, Родіонъ, оба вы говорите ерунду, не имѣющую отношенія къ дѣлу. Предъ нами вопросъ,—какъ быть съ начатымъ раздѣломъ, и этотъ вопросъ мы и должны рѣшать,—а какъ будетъ потомъ, намъ скажетъ будущіе».

Точно также при выборѣ лицъ въ администрацію, когда кто-то предложилъ Юриста (Преображенскаго), Михайловъ вскипятился и сказалъ: «ну ужъ нѣтъ, кого хотите, но только не Юриста, — это заядлый народникъ!» Сейчасъ же вмѣшалась Марія Николаевна и замѣтила своему другу: «Ахъ, дворники! Какъ вы плохо владѣете собой! Вы даже забыли, что о присутствующихъ такъ не говорятъ; не говоря ужъ о томъ, что не всѣ же такого мнѣнія о Юристѣ, какъ вы». Кратко, на съездѣ царилъ общее желаніе — не раздѣляться.

М. Поповъ.

Къ процессу П. Л. Лаврова.

27 августа 1886 г. по высочайшему повелѣнію былъ преданъ военному суду членъ конференціи и преподаватель математическихъ наукъ въ Михайловской артиллерійской академіи полковникъ Лавровъ за храненіе у себя сочиненій преступнаго содержанія и по обвиненію «въ соучастіи и близкихъ сношеніяхъ съ людьми, извѣстными правительству своими преступнымъ направленіемъ».

Соціалистическая дѣятельность Лаврова, какъ русскаго эмигранта, представляетъ большой интересъ. Поэтому любопытно и первый о немъ политическій процессъ. Ниже приводятся свѣдѣнія объ этомъ процессѣ, тѣмъ болѣе важныя, что о дѣлѣ Лаврова правительство не опубликовало ни строки, почему о немъ вовсе не упоминается и въ сборникѣ В. Богучарскаго «Государственные преступления въ Россіи» (въ I-мъ томѣ).

Обративъ на себя вниманіе полиціи своею политическою неблагонадежностью, Лавровъ, наконецъ, дождался объясна, при которомъ у него была обнаружена нелегальная литература и письма, доказывавшія его сношенія съ извѣстными политическими дѣятелями, какъ то: съ профессоромъ Павловымъ, Чернышевскимъ, Утинымъ, Альбертини. Обыскъ доказалъ, что Лавровъ занимался сборомъ денегъ въ пользу Павлова и, состоя сотрудничкомъ литературныхъ органовъ, старался проводить въ печати мысли тенденціозной окраски: между прочимъ, книгопродавцу Тиблехену Лавровъ писалъ, что «можно сначала приняться за выпускъ невинныхъ вещей, а затѣмъ, заткнувъ издателей и пріучивъ наблюдателей, въ изданіе пустить вещи посерьезнѣе».

Въ числѣ рукописей у Лаврова было найдено нѣсколько стихотвореній его собственнаго сочиненія. Въ стихотвореніи «Пророчество», помѣченномъ 1852 годомъ, изображалось угнетеніе народовъ монархической властью до тѣхъ поръ, пока она не была потрясена бурей — французской революціей; но «напѣтокъ равенства былъ тогда еще хмѣленъ для дѣтей», и міръ задремалъ, а деспотизмъ царей возобновился, пока снова «вѣсть свободы не пронеслась отъ береговъ Сены, и монархи для усмиренія разгнѣванныхъ народовъ не стали бросать имъ права». По силѣ проклятія «свободы хищникамъ, Европы королямъ», Лавровъ дѣлается обращается къ русскому царю:

«Не вѣчетъ будетъ сонъ, настанетъ пробужденіе,
И устыдится Русь невѣственной тьмы,
И вырастетъ тогда общественное мнѣніе,

Призывает русский царь народные права.
 Молись, чтобы тогда не выстрадали науки,
 За все величие, за всё твои дѣла!
 Молись, чтобы без слезъ, безъ крови и безъ мукъ
 Освобождения минута перешла.
 Молись, чтобы лучъ одинъ теперешней святости
 Въ печальный часъ твоихъ потомковъ освѣтилъ,
 Чтобы грѣхъ отца не наказался въ сынѣ,
 Молись, чтобы тебя народъ твой не забылъ».

Слѣдующее стихотвореніе «Русскому царю» было написано Лавровымъ въ апрѣлѣ 1854 г. Здѣсь онъ, между прочимъ, указываетъ, что вокругъ царя

«Клеймимихели, Орловы,—
 Временщицковъ надменныхъ строй».

и совѣтуетъ съ особою разборчивостью набирать себѣ приближенныхъ, выражаясь:

«Но помни, русский царь, ты нашей силой крѣпокъ,
 Величьемъ нашимъ ты великъ.
 Безъ русской доблести престолъ твой—груда щепокъ.
 Народовъ мощь—есть мощь владыкъ!»

Въ стихотвореніи «Русскому народу», написанномъ въ ноябрѣ 1854 г., Лавровъ выражалъ мысль, что императоръ Николай I, принявъ на себя обязанность думать за всѣхъ и царствуя самовластно, уснилъ чрезъ то духовныя силы и энергію русскаго народа и допустилъ злоупотребленія и безпорядки по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, что и выразилось въ неудачахъ Крымской кампаніи. Дѣлая обращеніе къ Россіи, Лавровъ писалъ:

«Проснись, мой край родной, названный ворами,
 Подавленный рабствомъ.
 Позорно скованный безумными властями!
 Шпионствомъ, ханжествомъ!
 Давно гнетутъ тебя надѣшники Батия,
 Нѣтъ права для тебя!
 Проснись, проснись, возстань, несчастная Россія,
 Твой Богъ зоветъ тебя!
 Встань, ты предъ идоломъ когѣна преклоняешь,
 Внимаешь духу лжи.
 Свободный, вѣчный духъ ты рабствомъ оскверняешь,
 Оковы развяжи!
 Предъ трюмомъ деспота, безъ криковъ и проклятій,
 Предстань судей, народъ!
 За славу русскую, за кровь всѣхъ падшихъ братьевъ
 Пускай онъ дастъ отчетъ.
 Скажи ему: не Богъ вознесъ тебя надъ нами,
 Твой тронъ—не Божій тронъ!
 Не онъ насъ осудилъ твоими быть рабами,
 Рабство не есть законъ!».

Въ стихотвореніи «Новому царю» Лавровъ осуждаетъ большія затраты на коронаціи и говоритъ:

«И судъ тотъ перейдетъ къ сынамъ другого вѣка,
 И правнучки его въ исторіи прочтутъ.
 Для нихъ даръ земли—служителя народа.
 Для нихъ короны блескъ—лишь отраженный свѣтъ.
 Для нихъ не святъ престолъ—одна свята свобода,
 И кровь истинны другихъ законовъ нѣтъ.
 И говорятъ они: твой пиръ есть расхищеніе
 Народнаго труда, народныхъ, вѣжныхъ силъ.
 Россіи собственности—твой всѣ помысленія,
 И въ пышныхъ торжествахъ ты долъ царя забылъ».

По поводу всѣхъ этихъ стихотвореній Лавровъ объяснилъ, что они писаны подъ влияніемъ того общаго неудовольствія и того раздраженія, которыя существовали въ концѣ николаевскаго времени. Читалъ же свои стихи онъ жевъ, сестрѣ и друзьямъ. Какъ всякое стихотвореніе, они выражали его субъективное настроеніе, отнюдь не являясь публицистическими проповѣдями.

Въ прозаической статьѣ «Мысли вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи», напечатанной у Лаврова, авторъ осуждалъ все государственное и административное устройство тогдашней Россіи; въ одной изъ главъ этой статьи «Тайная полиція и гласность» авторъ повстаналъ противъ военнаго направленія внутренней политики и высказывалъ убѣжденіе, что присоединеніе Россіею Польши—такое же зло, какъ и покореніе Кавказа, и что связать душу Польши съ тѣломъ Россіи—задача противоестественная и неисполнимая. По показанію Лаврова, эта статья была имъ получена отъ кого-то посторонняго, и часть ея была переписана рукою его покойной жены.

Далѣе у Лаврова были найдены два письма о современныхъ вопросахъ, гдѣ между прочимъ была изложена мысль, что такъ называемые люди порядка суть самыя опасныя демагоги. По признанію Лаврова, два письма были имъ напечатаны еще въ 1856 или 1857 г., а одно писмо было задержано цензурой.

Особенно обнаруженной у Лаврова рукописи «Строй идей, среди которыхъ развивался Исусъ», подписанной Костевичемъ 1-мъ, онъ отозвался, что это былъ одинъ изъ пробныхъ переводовъ, представленный въ редакцію «Заграничнаго Вѣстника», дѣлами котораго онъ одно время заведывалъ. Въ статьѣ было сказано, что оппозиція всегда дѣлаетъ честь странѣ, и что самыя великія люди націи тѣ, которыхъ она приговариваетъ къ смерти.

Авторомъ стихотворенія «Первая книга Бытія» Лавровъ призналъ себя. Стихотвореніе писано въ видѣ діалога между пасторомъ и его сномъ, выражающимъ сомнѣніе въ истинѣ библейскаго ученія о происхожденіи вселенной; пасторъ же сравнивалъ процессъ библейскаго мірознанія со свѣтлымъ утромъ, возникающимъ изъ тьмы. Стихотвореніе по ошибкѣ перепечатано означенно посвященнымъ государю, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно посвящено нѣмецкому поэту Гердеру, которому принадлежитъ сравненіе сотворенія міра съ разсвѣтомъ утренней зары.

Въ „Сказкѣ“ найденной у Лаврова, повѣствуется, какъ славянской князь Гостомысль, потерявъ подѣ старость, присовѣтовалъ славянамъ избрать чужеземнаго царя; славяне набрали безземельнаго варяга, „который и до сихъ поръ даетъ намъ законъ“.

Въ стихотвореніи „Шарманка“ говорится, что звуки народной пѣсни о царѣ фальшивы, и что исправить инструментомъ для того, чтобы эта пѣсня была сыграна правильно, невозможно.

Въ стихотвореніи „На смерть императора Николая I“ разсказывается, что апостолъ Петръ, не пустивъ Николая въ рай, на вопросъ послѣдняго, что же тамъ за сбрѣдь, отвѣчалъ: „это воздушныя дворяне и вольные крестьяне, которые всѣ по міру пошлѣ и вниши въ рай пришли“.

Наконецъ, у Лаврова были найдены листки „Голосовъ изъ Россіи“ и письма, доказывающія, хотя и дѣловыя, сношенія съ лицами неблагонадежными.

Судъ присудилъ Лаврова къ трехмѣсячному аресту; товарищъ генераль-фельдцейхмейстера генералъ-адъютантъ Баранцовъ находилъ еще, что Лаврову неудобно оставаться въ рядахъ артиллеріи.

Генералъ-Аудиторіатъ полагалъ вѣнчить въ наказаніе предварительное содержаніе подѣ арестомъ до суда и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ, что въ виду обнаруженія вреднаго образа мыслей Лаврова, „который не только въ занимаемой имъ должности преподавателя въ Михайловской Артиллерійской Академіи, но и вообще на государственной службѣ, теримъ быть не можетъ“, онъ долженъ быть уволенъ отъ службы и „отосланъ“ на житье въ одну изъ внутреннихъ губерній, съ подчиненіемъ строгому полицейскому надзору и съ воспрещеніемъ вѣзда въ столицу.

Заключеніе Генералъ-Аудиторіата было высочайше подтверждено 5 января 1867 г.

Воспоминанія чайковца ¹⁾.

1.

Кружокъ чайковцевъ еще въ концѣ 1871 года началъ заводить знакомства съ рабочими. Первыми, вступившими въ непосредственное общеніе съ рабочими изъ нашего кружка, были: Сердюковъ, я, Чарушинъ, Леонидъ Поповъ и Стаховскій (не бывшій въ то время въ центральномъ кружкѣ, но имѣвшій постоянное общеніе съ нами).

Въ то время я, Чарушинъ, Поповъ, Надежда Купреянова и Марія Нагорская жили такъ называемой «коммунѣ», т. е. занимали собою квартиру гдѣ-то возлѣ Измайловскихъ ротъ, изъ четырехъ комнатъ съ передней и кухней. Въ нашей квартирѣ раза два собиралась въ довольно большомъ количествѣ молодежь, —душъ до 50-ти, если не больше. Разъ молодежь собралась на лекцію о Лассалѣ, которую читалъ артиллерійскій полковникъ Фалейскій, и читалъ, сказать по-правдѣ, довольно плохо, такъ что молодежь осталась очень недовольна этой лекціей. Въ другой разъ собралась у насъ та молодежь, которая задумала было устроить демонстраціонныя поминки на могилѣ Добролюбова, кажется, въ 10-лѣтіе его кончины. Молодежь, а въ томъ числѣ и вся наша коммуна, пришла на кладбище, но наткнулись на предупредительную полицію и, потоптавшись кучками на кладбищѣ то здѣсь, то тамъ, порѣшила собраться у насъ на квартирѣ, чтобы выслушать рѣчь, приготовленную студентомъ-технологомъ Чиковымъ для произнесенія на могилѣ дорогаго намъ писателя, и хотъ такимъ путемъ справиться по немъ поминки. Послѣ рѣчи Чикова молодежь долго не расходилась, а, разбившись по нашимъ четыремъ комнатамъ, разговаривала, спорила, шумѣла на тему служенія народу, сверженія самодержавія, народовластія и т. п.

На одномъ изъ этихъ собраній я познакомился со студентомъ Петербургскаго университета Граціанскимъ, черезъ него познакомился потомъ съ кружкомъ бывшихъ рязанскихъ семинаристовъ, поступившихъ въ Петербургскій университетъ, и со студентомъ же

¹⁾ Воспоминанія эти принадлежатъ одному изъ самыхъ выдающихся „семидесятниковъ“ Сергію Слюпочу Сивегубу, осужденному по знаменитому процессу 193-хъ.

университета Ждановым. Жданов, вместе со своим братом, инженером-технологом, был владельцем довольно известного в то время химического завода бр. Ждановых, изготовлявшего «ждановскую жидкость», уничтожавшую зловоние и изобретенную инженером-технологом Ждановым. Студент Жданов замышлял в то время приносить пользу рабочим своего завода и устроил вечерние занятия с ними, для чего и пригласил из кружка рязанцев охотников заниматься с рабочими, в качестве лекторов по истории, физикѣ и географіи, а также в качестве учителей грамотѣ и счету. Грацианскій, познакомив меня, Чарушина, Попова и Стаховскаго со Ждановымъ, предложилъ ему и насъ въ качествѣ учителей. Впрочемъ, Чарушинъ и Поповъ скоро отстали отъ этого дѣла: первая поглощала разрастающаяся конспираторская дѣятельность кружка по нашему «книжному дѣлу» (издательство, основаніе библиотекъ въ провинціи въ средѣ учащихся и разсылка книгъ) и по пропагандѣ среди интеллигенціи въ столицѣ, а кромѣ того, какъ мнѣ кажется, и того, и другого не увлекло «яшканіе съ рабочими», въ то время только что зарождавшееся. Я же, напротивъ, увлекся знакомствомъ съ рабочими: оно мнѣ казалось въ то время «самымъ настоящимъ дѣломъ» и заправскимъ служеніемъ народу,—служеніемъ, къ которому были устремлены всѣ мечты тогдашней молодежи.

Для молодежи того времени главнѣйшей задачей было рѣшить, какую избрать дѣятельность, чтобы приносить наибольшую пользу народу, передъ которымъ она,—интеллигентная молодежь,—считала себя неоплатнымъ должникомъ, купившимъ свое развитіе цѣною тяжкихъ народныхъ страданій, и какую надо было вести жизнь, чтобы по-возможности меньше эксплуатировать и обездоливать народъ, такъ какъ тогда молодежь полагала, что все, что она тратитъ на свою жизнь,—не только роскошь, но даже самое скромное довольство,—было «стяжаніемъ неправымъ», отнятіемъ у трудового народа ему принадлежащаго.

Вмѣстѣ съ другомъ моего дѣтства Стаховскимъ,—съ конца 1871 года вплоть до лѣта 1872, когда наши знакомые рабочие разбѣхались, да и Ждановъ охладѣлъ къ своей затѣѣ, и занятія прекратились,—весьма усердно мы посѣщали тотъ подвальный этажъ, какаго-то несурзаднаго зданія во дворѣ завода, который служилъ жилищемъ для рабочихъ.

Надо сказать, что я и Стаховскій не сошлись со своими сотрудниками рязанцами и съ самимъ Ждановымъ въ цѣли и характерѣ обученія рабочихъ. Въ то время, какъ они ограничивались исключительно передачею рабочимъ знаній по физикѣ, географіи, ариеметикѣ и грамотой, мы, сами охваченные вопросами жизни народа, вопросами о его судьбѣ, о неправдѣ, царящей надъ нимъ, о гнетущей нуждѣ его и о всевозможномъ произволѣ надъ личностью мужика, неизбежно сводили свое обученіе рабочихъ на пропаганду. Послѣ урока чтенія, письма, ариеметики и пр. мы заводили съ рабочими разговоры о ихъ житиѣ-бытѣ; разговоры сводились зача-

стую на религіозныя темы, и мы толковали объ Евангеліи и съ точки зрѣнія евангельской разбирали неправду русской жизни. Читали мы рабочимъ и соотвѣтствующія книжки, касались и шепетильнаго вопроса объ отношеніи хозяевъ къ рабочимъ. Помню, какъ разъ, собравшись у Грацианскаго, всѣ участвовавшіе въ занятіяхъ съ рабочими Жданова завели, между прочимъ, и разговоръ о томъ, что напрасно я и Стаховскій поднимаемъ среди рабочихъ «соціальныя вопросы» и позволяемъ себѣ критику священнаго писанія, причѣмъ одинъ изъ рязанцевъ горячо замѣтилъ мнѣ: «да развѣ вы не знаете, что критика священнаго писанія въ Германіи привела къ реформациі и къ сильнѣйшему народному волненію, къ крестьянскимъ войнамъ? Неужели вы хотите вызвать то же и въ Россіи?»—Я совершенно искренно и наивно отвѣчалъ, что отъ души желалъ бы, чтобы въ результатъ нашихъ усилій получилосъ что-нибудь, похожее на реформацию и крестьянскія войны.

Какъ бы то ни было, но среди рабочихъ оказались у насъ искренніе друзья,—хотя и не болѣе пяти человѣкъ,—для которыхъ наши бесѣды и наши книжки, какъ это чувствовалось нами, были желанной духовной пищей, отвѣчавшей тѣмъ запросамъ ихъ души, которые возбудила въ нихъ сама жизнь. Къ сожалѣнію, моя память не удержала именъ этихъ первыхъ моихъ друзей изъ рабочихъ, изъ нихъ я помню только одного, молодого, лѣтъ 22-хъ, Ляпунова, еще до знакомства съ нами бывшаго грамотнымъ и жадно накунувагоса на наши книжки. Лѣтомъ, при расставаніи съ нимъ, мы снабдили его книжками, вроде «Прохожаго» Григоровича, «Анютки безпятаго» Майкова, фабричныхъ разсказовъ Голицинскаго и др.; онъ уѣзжалъ въ свою деревню и думалъ тамъ заняться пропагандой.

Судьба не привела насъ встрѣтиться съ нимъ вновь, какъ и съ другими лицами изъ нашего перваго опыта сходященія съ рабочими. Только долго спустя, въ 1877 году, когда шелъ процессъ 193-хъ, въ которомъ я фигурировалъ въ качествѣ обвиняемаго, я встрѣтилъ въ числѣ нашихъ защитниковъ и помощниковъ присяжнаго повѣреннаго Грацианскаго, но мы уже не признали другъ друга и даже не поздоровались.

II.

Однажды, когда мы еще жили въ коммунѣ, выпалъ такой вечеръ, что всѣ мы, кромѣ Чарушина, были дома и, собравшись въ моей комнатѣ (у насъ у каждаго было по комнатѣ, кромѣ Нагорской и Купряновой, у которыхъ была одна общая и самая большая комната) читали, «Историю одного города» Щедрина, одного изъ самыхъ любимыхъ нами писателей. Читалъ я; публика—Купрянова, Нагорская и я, въ особенности Попова—хохотала до изнеможенія!.. Но пришелъ Чарушинъ, человекъ «рыжий-красный», въ синихъ очкахъ, сквозъ которые или сверхъ которыхъ смотрѣли голубые конспираторскіе глаза, юноша съ крутымъ, выдающимся, умнымъ лбомъ, высокимъ, худой и стройный, и нарушилъ наше даже чрезмѣрно веселое настроеніе. Онъ сообщилъ намъ, между прочимъ, о томъ,

что имъ получено письмо изъ Вятки отъ его знакомой, нѣкоей Кувшинской (впоследствии ставшей его женой), которая, будучи классной дамой въ епархіальномъ духовномъ училищѣ и пользуясь величайшей любовью воспитанницъ старшихъ классовъ, кой-кого изъ воспитанницъ просвѣтила насчетъ народа и служения ему, и нѣкоторыя изъ нихъ, по выходѣ изъ училища, попытались устроить свою жизнь сообразно своимъ убѣжденіямъ, но наткнулись на жестокой семейный деспотизмъ. Такъ, одна изъ нихъ, лучшая ученица, блистательно окончившая на 16 году епархіальное училище, Соня Ч—ва, дочь сельскаго священника, попала дома въ такіе тиски отцовскаго деспотизма, что рѣшилась бѣжать изъ дому, но была поймана отцомъ на 80-й верстѣ отъ дому и водворена вновь подъ кровъ отчій; къ ней приставили шпионовъ изъ дѣтей и прислуги, лишили переписки съ кѣмъ бы то ни было, приходившія на ея имя письма перехватывались, и почти всѣ книги были отъ нея отобраны, кромѣ тѣхъ, которыя Соня тайкомъ ухитрилась какъ-то спрятать на чердакѣ дома. Ни съ кѣмъ, кромѣ дочери мѣстнаго діакона, имѣть сношеній ей не дозволялось. Ко всему этому, отецъ и мать порѣшили во что бы то ни стало выдать ее замужъ за мѣстнаго мирового судью, которому Соня приглянулась. И бѣдная дѣвушка черезъ сочувствовавшую ей тайнѣй дочку діакона послала отчаянное письмо своей бывшей классной дамѣ Кувшинской, моля о спасеніи и угрожая покончить съ собою, если къ концу года Кувшинская не устроитъ ей хотя бы фиктивнаго брака, ибо-де жить такъ, какъ хотятъ, чтобы она жила, ея отецъ, мать и родные, она не можетъ и предпочитаетъ лучше лечь въ могилу. Кувшинская въ письмѣ своемъ къ Чарушину и писала объ этой отчаянной просьбѣ Сони, прося его подумать и съ помощью кружка выручить дѣвушку изъ бѣды, человѣка, воплотивъ «годнаго къ дѣлу». Такъ какъ другого средства спасенія при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ очутилась Соня, кромѣ фиктивнаго брака придумать было нельзя, то какъ Кувшинская въ письмѣ, такъ и Чарушинъ съ друзьями остановились на немъ. Вся задача заключалась лишь въ томъ, чтобы подыскать человѣка, который пожелалъ бы взять на себя эту миссію и сумѣлъ бы ее исполнить.

Разсказывая въ этотъ вечеръ намъ о томъ, что писала ему Кувшинская, и обрисовавъ судьбу Сони, которую никто изъ насъ лично не зналъ и не видалъ, Чарушинъ сообщилъ и мысль о фиктивномъ бракѣ, какъ и о томъ, что онъ и другіе друзья рѣшительно не знаютъ, кто бы могъ за это дѣло взяться.

Я, зная, что нашъ кружокъ въ число своихъ задачъ включалъ и освобожденіе людей, страдавшихъ за свои убѣжденія,—отъ ссылки, тюрьмы и домашняго гнета, лишавшихъ то или другое лицо возможности служить народному дѣлу,—не колеблясь предложилъ свои услуги. Чарушинъ, никакъ не ожидавшій такого скорого разрѣшенія ихъ затрудненія, очень обрадовался моему предложенію, и было тутъ же рѣшено, что онъ напишетъ объ этомъ Кувшинской, и что я буду готовъ во всякое время, какъ только того потребуетъ она, явиться на мѣсто дѣйствія. На этомъ пока и остановились.

Разговоръ съ Чарушинымъ происходилъ въ февралѣ или мартѣ 1872 г. Какъ я уже сказалъ, въ маѣ мѣсяцъ этого года коммуна наша разбѣжалась, и такъ какъ до мая мѣсяца меня не потребовали къ исполненію намѣченной задачи,—устройству фиктивнаго брака,—то я сталъ уже предполагать, что тамъ, въ Вяткѣ, перестали объ этомъ думать, и самъ на этотъ счетъ успокоился.

Изъ Питера я уѣхалъ въ Москву, или, лучше сказать, подѣ Москву, къ старшему брату своему Владимиру. Братъ былъ уже человѣкомъ семейнымъ и жилъ въ это время, какъ бы на дачѣ, въ деревушкѣ Печатниково въ получасѣ ѣзды изъ Москвы по Московско-Курской ж. д. Во дни юности этотъ братъ участвовалъ въ украинфильскомъ движеніи и присоединился съ частью украинофиловъ къ возстанію поляковъ въ 1863 году. Все его участіе, впрочемъ, выразилось въ неудачной попыткѣ, вмѣстѣ съ помѣщикомъ Перяславскаго у. Полтавской губ. Потоцкимъ вызвать возстаніе тамошняго казачества одновременно съ возстаніемъ поляковъ. Вызвать такое же возстаніе попытался въ Кіевской губ. въ имѣніяхъ Трепова и небезызвѣстный Павелъ Платоновичъ Чубинскій. Мнѣ извѣстны только эти два члена «Кіевской громады», попытавшиеся вызвать возстаніе хохловъ одновременно съ поляками для возстановленія Украины. Оба они и платились: Чубинскій былъ посланъ въ Пинегу, а братъ мой, высидѣвши 2 года въ кіевской Прозоровской башнѣ, былъ потомъ посланъ въ Вятку. Въ то время какъ онъ жилъ въ Печатниковѣ, прошло болѣе пяти лѣтъ со времени возвращенія его изъ ссылки.

Мы съ братомъ, впрочемъ, не располагали праздно проживать въ Печатниковѣ. Мы съ нимъ составили такой планъ: я отправлюсь въ деревню къ отцу, а братъ—въ Екатеринославъ, гдѣ онъ долженъ былъ устроить побѣгъ изъ семьи тоже одной дѣвушкѣ, которую онъ хорошо зналъ, и которая, какъ и мнѣя дѣвушки въ то время, рвалась на волю, на самостоятельную жизнь и на службу народу. Она тоже попала въ семейную тюрьму, и родители прочили ее замужъ, находя все ея стремленія чистѣйшими глупостями. Если бы побѣгъ не устроился, братъ долженъ былъ пріѣхать въ деревню къ отцу (деревня была въ Екатеринославской г. въ Александровскомъ у.), откуда мы намѣревались пройтись по землѣ Войска Донскаго, потолкаться среди казачества, поразузнать, какъ велико недовольство казачества своимъ положеніемъ, живы ли въ немъ старія преданія о казацкихъ вольностяхъ, о казацкихъ «кругахъ», о Стенькѣ Разинѣ и пр. Ждать брата я долженъ былъ три недѣли, и если бы послѣ трехъ недѣль онъ въ деревню не явился, то я долженъ былъ отправиться въ Ростовъ-на-Дону, подождавъ его дня четыре тамъ и постаравшись встрѣтить на вокзалѣ Ростовско-Таганрогской ж. дор. Условленная три недѣли истекли, а братъ въ деревню не явился. Взявши у родителей съ сотно рублей, я уѣхалъ въ Бердянскъ, а оттуда по Азовскому морю въ Таганрогъ. Это короткое путешествіе по морю, въ продолженіе всего какихъ-нибудь 12 часовъ, я прожлялъ отъ всей души. Какъ только пароходъ вышелъ въ открытое

море, меня начало тошнить. Приѣхавши въ Таганрогъ, я чувствовалъ себя больнымъ, и меня очень огорчало, что я оказался такой хлябоватый по своимъ физическимъ силамъ, — а еще мечталъ жить такъ, какъ живетъ простой рабочій, а ничтожной качки не могъ вынести, чтобъ не раскиснуть», думалъ я про себя съ упрекомъ. Изъ Таганрога я въ тотъ же день выѣхалъ въ Ростовъ-на-Дону.

Здѣсь я остановился близъ вокзала на какомъ-то постояломъ дворѣ, отвратительномъ и довольно подозрительномъ. Хозяинъ постоялаго двора то и дѣло шушукался съ какими-то приходившими къ нему подозрительнаго вида фигурами мужескаго и женскаго пола, и мнѣ казалось, что тутъ какой-то притонъ. Вечеромъ здѣсь поднялась самая ужасная ругань пьяныхъ людей; за стѣнкой, въ сосѣдней комнатѣ, дѣло доходило до драки между мужчиной и пьяной бабой. Прожить мнѣ пришлось здѣсь двое сутокъ. Наконецъ, пріѣхалъ и братъ, и въ этотъ же день мы уѣхали съ нимъ обратно подъ Москву. Всѣ наши планы разстроились. Дѣвушка, за которой ѣздилъ братъ, отъ побѣга отказалась, такъ какъ успѣла за это время по уши влюбиться и готовилась къ бракосочетанію съ возлюбленнымъ, а изъ-подъ Москвы отъ жены брата было получено письмо, въ которомъ она просила брата вернуться немедленно, чтобы не упустить открывшагося для брата мѣста въ какомъ-то земельномъ банкѣ. У меня тоже пропала охота путешествовать по Дону безъ компаніи.

III.

Въ этомъ году лѣтомъ южные города — Бердянскъ, Мариуполь, Таганрогъ и, въ особенности, Одесса — были переполнены безработными людьми. Въ Одессѣ ихъ скопились десятки тысячъ. Урожай былъ по всему югу необыкновенно плохой, и пришедше на заработокъ издалека рабочіе оставались ни при чемъ, голодали и болѣли. Съ нами въ вагонѣ ѣхало нѣсколько такихъ скорбныхъ и огорченныхъ людей. Въ особенности былъ жалокъ одинъ изъ нихъ, типичнѣйшій русскій захудалый мужичекъ. По его словамъ, онъ уже четверо сутокъ ничего не ѣлъ и страдалъ, какъ мнѣ кажется, такъ называемымъ «голоднымъ тифомъ». Ыхать ему надобно было до Курска, а оттуда въ свою деревню; ни гроша денегъ и полная потеря силъ. Мы съ братомъ, собравши въ его пользу среди пассажировъ своего вагона, что-то могъ дать, въ Славяносербскъ отвезли его въ больницу.

Рабочіе возвращались домой ни съ чѣмъ. Голодные иногда воровали у такихъ же голодныхъ послѣднее, и это вызывало иногда безобразныя сцены поимки вора, вѣштательство жандармовъ, составленія протоколовъ. Пассажиры, ѣхавшіе изъ Одессы, рассказывали, то какъ очевидцы, то какъ слышавшіе отъ очевидцевъ о душу раздражающихъ сценахъ на улицахъ Одессы, среди скопившейся тамъ массы голодныхъ безработныхъ. Рассказывали о случаяхъ голодной смерти прямо на улицахъ мужчинъ и женщинъ съ грудными дѣтьми; рассказывали о томъ, какъ голодная толпа требо-

вали у начальства или заработка, или отправки ихъ на казенный счетъ домой, и въ отвѣтъ на это ихъ избивала полиція. Кругомъ было гнетущее настроеніе. Несмотря на то, что мы съ братомъ были принципиальные противники филантропіи и подачи милостыни, мы роздали все, что было съ нами — съѣстное, одежду, деньги, оставивъ себѣ только, чтобы доѣхать до Москвы. Наконецъ, приѣхали и въ Печатниково.

Къ этому времени въ Екатеринбургской гимназіи во время экзаменовъ старшіе классы взбунтовались и, какъ кажется, побили своего директора Всеволодова. Ученики были озлоблены систематическимъ, нарочитымъ отравленіемъ ихъ жизни со стороны этого чиновника-человѣконенавистника. Друзья, оставшіеся въ Питерѣ, узнавъ, что я вернулся съ юга въ Печатниково, предложили мнѣ катить въ Екатеринбургъ, такъ какъ пріѣхавшіе туда студенты технологи изъ екатеринбургскаго кружка, съ которымъ имѣлъ связи нашъ кружокъ, просили прислать кого-нибудь изъ чайковцевъ, чтобы утилизировать гимназическое движеніе въ революционномъ смыслѣ. Надо было ѣхать. И вотъ я очутился въ Екатеринбургѣ, но, какъ и слѣдовало ожидать, опоздалъ. Въ дѣло гимназическаго бунта вмѣшались уже жандармерія, и петербургскіе друзья екатеринбуржцы, — Каликинъ, Поповъ Григорій, Коротковъ, Волковъ, и дѣвушка Кочка, попитихли и совѣтовали мнѣ временно скрыться изъ Екатеринбургa, такъ какъ за ними и за изгнанными гимназистами уже усиленно слѣдила жандармерія. Мнѣ указали на Невьянскій желѣзодобывательный и чугуноплавильный заводъ, гдѣ я могъ безопасно прогостить у студента-технолога Бердникова, сына тамошняго купца (у него былъ складъ пожарныхъ машинъ). Не желая преждевременно попадаться въ руки жандармовъ, я послѣдовалъ благоразумному совѣту пріятелей и уѣхалъ на Невьянскій заводъ, захвативъ съ собой и привезенныя заграничныя изданія, — нѣсколько №№ «Народнаго Дѣла» (газета, издававшаяся знаменитымъ Сергѣемъ Нечаевымъ) и сочиненія Чернышевскаго, изданная за границей эмигрантомъ Эллидинымъ.

Эллидинъ — участникъ казанскаго дѣла въ началѣ 60-хъ гг. Дѣло это, по распространенію «золотыхъ грамотъ» среди крестьянъ Казанской и Вятской губ. и пропагандѣ въ войскахъ города Казани, окончилось для нѣкоторыхъ участниковъ изъ военныхъ смертной казнью, для нѣкоторыхъ — каторгой или тюремнымъ заключеніемъ. Изъ послѣднихъ я лично знавалъ двухъ: бывшаго студента-медика Казанскаго университета Орлова, котораго я уже встрѣтилъ въ Забайкальѣ, гдѣ онъ, по полученіи правъ, былъ присвоенъ фельдшеромъ и горько пилъ, и другого студента Казанскаго университета Красноперава, вращавшагося въ нашемъ кружкѣ и принимавшаго участіе въ литературѣ.

Итакъ, я очутился на Невьянскомъ заводѣ и, пробивъ тамъ большую часть іюля, въ началѣ августа уѣхалъ отсюда. Однако, дѣло у меня здѣсь не обошлось безъ приключенія. Намъ съ Бердниковымъ удалось здѣсь составить кружокъ изъ учителя народной

школы Перезолова, изъ горного чиновника Бурцева, изъ сестры и брата Башениныхъ, дѣтей тамошняго купца, почтеннаго и умнаго Петра Ивановича, въ домъ котораго, главнымъ образомъ, мы и собирались для чтенія книгъ и рефератовъ. Помню, что я читалъ, между прочимъ, рефератъ по утилитаризму, а изъ книгъ читали Писарева и популярная въ то время «Сказки кота Мурлыки», не особенно давно только явившіяся въ свѣтъ. Наибольшую симпатію изъ этихъ сказокъ среди молодежи пользовались двѣ: «Колесо жизни» и «Максъ и Волчекъ», а среди рабочихъ еще и «Курилка», чтеніе которой въ слушателяхъ-рабочихъ вызывало неудержимый хохотъ.

Своихъ новыхъ знакомыхъ я не преминулъ снабдить привезенными съ собою ограниченными изданиями. Товарищъ мой по технологическому институту Бердниковъ и сынъ Башенина основали тайную библиотеку, которая помѣщалась въ лавкѣ Башенина. Въ библиотеку были включены и привезенныя мною сочиненія Чернышевскаго «Объ общинномъ земледѣлѣніи».

При чтеніяхъ реферата и книгъ возникали разговоры и споры, при чемъ касались различныхъ политическихъ, экономическихъ и моральныхъ темъ, касались и, конечно, весьма неблагоприятно и русскаго безправія, и русскаго самодержавія и пр.

Какъ-то дошло до невьянскихъ властей, а именно до невьянскаго становаго пристава съ невьянскимъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ, что какой-то прѣхавшій откуда-то молодой человекъ мутитъ людей, завелъ какой-то кружокъ, читаетъ тамъ книги, ведетъ непотребныя рѣчи. Жилья въ это время на одной квартирѣ съ горнымъ чиновникомъ Бурцевымъ и, живя въ Невьянскѣ, я очень кстати занялся, между прочимъ, собираніемъ минералогической коллекціи,—благо въ Невьянскомъ заводѣ мнѣ щедро дарили всевозможные минералы почти всѣ изъ моихъ знакомыхъ. У меня образовалась довольно хорошая коллекція горныхъ хрусталей, топазовъ, аметистовъ, малахита, изумруда, разныхъ яшмъ и др. штукъ болѣе сотни. И вотъ въ то время, какъ Бурцевъ былъ на службѣ, я, оставивъ одинъ въ квартирѣ, принялся за разборку и упаковку своей коллекціи, разложившись съ нею на полу. Вдругъ, въ сопровожденіи хозяйки, входитъ въ комнату рослый дѣтина въ формѣ жандармскаго унтеръ-офицера. Усаживается онъ на стулъ и очень вѣжливо вступаетъ со мною въ разговоръ,—сначала, прилично случайно, о коллекціи:

— Для чего, молъ, вамъ это?

— Я-де изучаю науку о каменныхъ—минералогію—въ Технологическомъ Институтѣ и вотъ прѣхалъ на Уралъ специально затѣмъ, чтобъ собрать коллекцію.

— А нельзя-ли взглянуть мнѣ на вашъ паспортъ? —

— Извольте!—и я досталъ ему изъ дорожной сумки бишетъ, выданный мнѣ изъ Технологическаго Института для поѣздки въ Екатеринбургъ. Жандармъ съ министерской миной разсматривалъ мой билетъ довольно долго и въ заключеніе выразилъ нѣкоторое со-

мнѣніе насчетъ печати на билетѣ—почему-де не сургучная?—Печать была мастичная.

— Я ужъ этого не знаю, ужъ такова воля институтскаго начальства,—отвѣчаю я.

— Я все-таки долженъ васъ пригласить со мной къ господину становому!

— Съ удовольствіемъ!

Сложивъ свою коллекцію на столъ, гдѣ были книги, за которыя я очень боялся во все время разговора съ жандармомъ, такъ какъ на столѣ лежалъ № «Народнаго Дѣла» и «Объ общинномъ земледѣлѣніи» Чернышевскаго, и я боялся какъ бы онъ не вздумалъ ихъ пересматривать, но онъ почему-то не обратилъ на столъ никакого вниманія; мы пошли къ становому. Такъ какъ пришлось идти черезъ торговую площадь, то торговцы, а въ томъ числѣ и старикъ Башенинъ, увидѣли меня, сопровождаемаго куда-то жандармомъ. Это обстоятельство вызвало говоръ, а старикъ Башенинъ, оставивъ сына въ лавкѣ, въ тревогѣ пошелъ якобы домой, а на самомъ дѣлѣ отправился къ Бердникову, чтобъ увѣдомить его о казусѣ со мной.

Пришли къ становому. Вышелъ средняго роста, съ приличнымъ брюшкомъ, довольно выхолонный господинъ въ бѣломъ военномъ кителѣ, съ серьезнымъ, довольно красивымъ лицомъ, еще не старый.

— Скажите, молодой человекъ, вы откуда прѣхали сюда?

— Я прѣхалъ сюда изъ Екатеринбурга, въ Екатеринбургъ—изъ Петербурга.

Жандармъ подаль въ это время становому мой видъ.

Но какъ же вы прѣхали сюда безъ разрѣшенія начальства? Вѣдь билетъ вамъ выданъ только до Екатеринбурга? — довольно строго спрашиваетъ становой.

— Развѣ я не имѣю права отлучиться изъ Екатеринбурга по этому билету въ сторону на 90 верстъ?

— Не имѣете права! Да.. и зачѣмъ вы сюда прѣхали?

— Прѣхалъ въ гости къ товарищу по институту Бердникову, а кромѣ того, мнѣ сказали, что я здѣсь могу собрать хорошую минералогическую коллекцію, которую и собралъ. Вотъ и они видѣли!—указалъ я на жандарма.

Становой пристально посмотрѣлъ на меня своими черными и умными глазами.

— А скажите, какой это у васъ тутъ образовался кружокъ и какія это вы устраиваете чтенія?

— Кружокъ?!—изумился я.—Это кто вамъ наслетничалъ? Никакого кружка нѣтъ! Просто собираются иногда знакомые у старика Башенина, котораго вы, вѣроятно, знаете, и читаемъ, поемъ и вообще проводимъ время!

— Но, однако, что же вы тамъ читаете?

— Читали Писарева, «Сказки кота Мурлыки».

— Нѣтъ, позвольте-съ,—перебилъ жандармскій унтеръ, сдѣлавъ

строгую физиономию, — вы там говорили возмутительные речи про это императорское величество!

— Что-о? Кто это вам сказал? Я бы просить васъ, — обратился я къ становому, — сейчасъ же вытребовать сюда того, кто это сказалъ господину унтеръ-офицеру, и пусть это лицо тутъ же, при мнѣ, скажетъ, что ему извѣстно про наши чтенія! Я требую этого!

Становой еще пристальнѣе поглядѣлъ на меня и, послѣ нѣкоторой паузы, сказалъ:

— Вотъ что, молодой человѣкъ, вы не имѣете права быть въ Невьянскомъ заводѣ. Я предлагаю вамъ, чтобы вы въ 24 часа выѣхали отсюда, чтобы васъ завтра въ это время здѣсь не было. Иначе, я отправлю васъ отсюда по этапу. Можете идти.

— Что-жъ, ваша воля, — сказалъ я, и мы вмѣстѣ съ жандармомъ вышли.

— Мнѣ тутъ съ вами немножко по дорогѣ, — сказалъ мнѣ ласково жандармъ, и мы пошли вмѣстѣ.

— Вы откуда уроженцы будете? — спросилъ онъ меня.

— Я—Екатеринославской губернии.

— Ну? — радостно воскликнулъ жандармъ. — Вѣдь и я оттуда! — И онъ сталъ меня спрашивать, давно ли я тамъ былъ, въ какихъ мѣстахъ, и пр. При разставаніи онъ дружески трясъ мою руку и желалъ «земляку» счастливаго пути. Проходилъ я теперь по торговой площади безъ жандарма, и меня съ любопытствомъ провожали взоры торговцевъ и торговцевъ. Отправился я прямо на свою квартиру, чтобы поскорѣе прибрать тамъ все запрещенное. Я опасался, какъ бы начальство, успокоивъ меня, не вздумало произвести обыскъ, а потому надо было торопиться. Но на пути я встрѣтилъ Бердникова, который, запихавъ за пазуху своей блузы все запрещенное, найденное имъ въ моей квартирѣ, уже уносилъ его къ себѣ, чтобы надежнѣе припрятать. Я объявилъ ему объ ультиматумѣ станowego и просилъ его, какъ жителя Невьянска, найти кого-нибудь, кто завтра увезъ бы меня въ Екатеринбургъ, такъ какъ ѣхать на почтовыхъ у меня не было денегъ, а отправляться на казенный счетъ я, само собою разумѣется, не желалъ. Бердниковъ подумалъ и рѣшилъ, что онъ самъ поѣдетъ на своихъ коняхъ въ Екатеринбургъ, кстати ему туда надо было все равно съѣздить на дняхъ по дѣлу отца, — увезетъ за одно и меня. Рѣшилъ ѣхать рано утромъ. Подходя къ своей квартирѣ, я увидѣлъ, что старикъ Башенинъ сидитъ у открытаго окна своего дома, вмѣсто того, чтобы быть въ своей лавкѣ и, замѣтивъ меня, зоветъ знаками къ себѣ. Я зашелъ и разсказалъ, что и какъ произошло. Старикъ въ волненіи посылалъ много недоброежелательнаго по адресу начальства и очень сожалѣлъ, что приходится такъ скоро разставаться.

Простившись со своими добрыми знакомыми, съ которыми на короткое время свела меня судьба, я на другой день, вмѣстѣ съ Бердниковымъ, возвратился въ Екатеринбургъ. Покидалъ я Невьянскъ съ нѣкоторымъ чувствомъ досады. У меня возникло предположеніе, которое недурно было бы, на мой взглядъ, осуществить. Я предполагалъ завести знакомство съ заводскими рабочими; я уже два раза поѣхалъ чугуноплавильный заводъ, осмотрѣлъ его устройство, познакомился съ главнымъ механикомъ-самоучкой, хохломъ по происхожденію, который установилъ здѣсь молота, приводившіеся въ движеніе водными колесами, сдѣлалъ многія приспособленія въ томъ отдѣленіи, гдѣ обрабатывались огромныя раскаленные глыбы желѣза подъ этими молотами. Вообще, этого механика-самоучку знамоя мнѣ публика ставила очень высоко, какъ выдающагося «самородка-механика». Вступать я уже въ разговоры и съ рабочими, и, если бы мнѣ безпрепятственно пришлось прожить здѣсь еще съ мѣсяцъ, я всенепременно завелъ бы близкія знакомства и съ ними.

Въ Екатеринбургѣ я прожилъ съ недѣлю. Дѣло съ гимназическимъ бунтомъ кончилось довольно печально. Нѣсколько учениковъ изъ старшихъ классовъ были изгнаны изъ гимназіи, кто совсѣмъ, кто временно съ правомъ вновь поступить въ гимназію черезъ извѣстный промежутокъ времени. Учитель математики Обреимовъ, пользовавшійся популярностью среди учениковъ, устраивавшій имъ приватныя лекціи по математикѣ, собиравшій кое-кого изъ учениковъ у себя на квартирѣ для чтенія и собесѣдованій и, вообще, заботившійся о развитіи учениковъ, былъ сочтенъ за вредно влияющаго на нихъ, а стало быть, и косвеннымъ, если не прямо виновникомъ случившейся въ гимназіи исторіи, почему и былъ высланъ административно въ одинъ изъ уѣздовъ. Вятской губ.

Большинство изгнанныхъ изъ гимназіи учениковъ уже выѣхало изъ Екатеринбурга, кто домой, кто въ Москву, или въ Питеръ, или въ Казань. Въ числѣ изгнанныхъ былъ и ученикъ 6 класса Андреевъ. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Питеръ и тамъ подготовиться къ университету. Отецъ его этому рѣшительно воспротивился и категорически отказалъ ему въ своемъ согласіи. Какъ быть? Бѣжать? Но при этомъ нельзя иначе, какъ ѣхать на почтовыхъ, а попутчика такого, который не зналъ бы его или его отца, и который бы ѣхалъ до Перми, и подъ прикрытіемъ по дорожной котораго Андреевъ могъ бы безопасно добраться до Перми въ качествѣ «будущаго», не находилось. Такимъ образомъ, мой пріѣздъ изъ Невьянска былъ для Андреева какъ нельзя болѣе кстати. Я могъ его увезти въ качествѣ своего попутчика до Перми на почтовыхъ, да и потомъ ему, совершенно неопытному юношѣ, я былъ бы полезенъ и на пароходѣ, и на желѣзной дорогѣ, и въ самомъ Питерѣ, пока онъ устроится. Андреевъ былъ увѣренъ, что отецъ его споряча могъ и въ погоню пуститься и, вообще, начать рвать и метать, но что разъ Андреевъ очутится въ Питерѣ, то отецъ примирится съ совершившимся фактомъ и не откажетъ даже въ средствахъ для существованія, въ особенности послѣ того, какъ тревожное состояніе отъ неизвѣстности — что съ сыномъ? — смѣнится радостью при извѣстии, что онъ живъ, здоровъ и веселъ. Я, конечно, охотно взялся довести подъ

своими прикрытием юношу до Питера, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ екатеринбургскихъ друзей—Каликинъ—отъзвался объ Андреевѣ, какъ объ одномъ изъ выдававшихся и подававшихъ надежды бунтарей-гимназистовъ. Правда, я вскорѣ же разочаровался въ Андреева, и уже дорогою онъ показался мнѣ и мало развитымъ, и мало отзывчивымъ и, въ общемъ, и въ умѣ, и чувствахъ туповатымъ и узкимъ субъектомъ. Да и рекомендовавшій его Каликинъ очень скоро по возвращеніи въ Петербургъ оказался человѣкомъ, съ которымъ вести конспиративныя дѣла было, по меньшей мѣрѣ, небезопасно. Будучи задержанъ въ III отдѣленіе, онъ тамъ въ своихъ показаніяхъ такого напелъ, что жандармерія намѣтила многихъ изъ насъ, о которыхъ до тѣхъ поръ не вѣдала и не беспокоилась. Его скоро освободили, и съ тѣхъ поръ, къ счастью для конспираторовъ, Каликинъ совершенно устранился отъ «революціи» и, прелогополучно, окончивъ университетъ, погрузился въ болото обывательщины. И какъ о его дальнейшей судьбѣ, такъ и о судьбѣ Андреева, я ничего уже не слышалъ.

IV.

Пустились мы съ Андреевымъ въ путь и къ концу августа 1872 года были въ Питербъ. Здѣсь я остановился у брата Владимира, переѣхавшаго сюда изъ Москвы, такъ какъ именно въ банкъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита нашлось ему мѣсто, и поселившася на Петербургской сторонѣ. Въ тотъ же день разыскали мы съ Андреевымъ екатеринбургскую коммуну, въ которой были Серебrenниковъ, Короваевъ, Расповъ, Дьяконовъ и одинъ изъ старыхъ нашихъ екатеринбургскихъ друзей—Шамаринъ. Въ этой коммунѣ временно пріютились и Андреевъ.

Разговаривая съ Серебrenниковымъ, я узналъ отъ него, что онъ не особенно давно совершенно случайно свелъ знакомство съ нѣсколькими фабричными рабочими ткачами съ ткацкихъ фабрикъ на Выборгской сторонѣ. Случилось это такъ: Серебrenниковъ, гуляя въ Александровскомъ паркѣ, присѣлъ на скамью, на которой сидѣли два парня, по внѣшности—фабричные. Одинъ изъ нихъ читалъ другому прелупѣишую книженку лубочнаго изданія, подъ заглавіемъ «Улыбка за рубль». Вслушавшись въ чтеніе, Серебrenниковъ не вытерпѣлъ и обратился къ рабочимъ: «Неужели вамъ интересно читать такую дрянь?»—Рабочіе очень охотно вступили съ нимъ въ разговоръ сначала на тему, что они—люди малограмотные и въ книгахъ разбираться не мастера, а затѣмъ оказалось, что они давно хотѣли поучиться получше, да вотъ-де не приходится никакъ; сказывали имъ, что «студенты» иногда даромъ учатъ рабочихъ, такъ они и мечтали, какъ бы имъ со студентами познакомиться, да вотъ до сихъ поръ не случилось. Серебrenникову рабочіе понравились: молодые, остроумные и, видимо, серьезно жаждавшие просвѣщенія. Онъ предложилъ имъ придти къ нему раза два въ недѣлю по субботамъ и воскресеньямъ и заниматься у него

обученіемъ. Рабочіе чрезвычайно обрадовались такому предложенію, — «наконецъ-то Богъ пошлетъ намъ студента», — и въ первую же субботу вечеромъ явились къ Серебrenникову по данному адресу. Два этихъ рабочихъ—Шабунинъ и Абакумовъ—привели съ собою третьяго, нѣсколько постарше ихъ и посидиливѣе по уму и по характеру. Это былъ довольно извѣстный потомъ, одинъ изъ выдающихся рабочихъ, Григорій Крыловъ.

Серебrenниковъ въ первомъ же разговорѣ со мной высказалъ, что онъ, приступивши къ занятіямъ, зачастую чувствовалъ себя не на высотѣ требованій, которыя предъявляли приходившіе рабочіе: кромѣ простаго обученія письму, чтенію, счету, они искали чего-то большаго, закидывали Серебrenникова вопросами, въ которыхъ онъ еще и самъ не разобрался, почему и у него пропадала охота обучительствовать. Онъ предложилъ мнѣ познакомиться съ его рабочими и взять дѣло обученія на себя. Само собою разумѣется, что я ухватился за это предложеніе, и въ ближайшую же субботу вечеромъ Серебrenниковъ познакомилъ меня съ Шабунинымъ, Абакумовымъ и Крыловымъ. Всѣ трое произвели на меня чрезвычайно хорошее впечатлѣніе: это были тѣ «мірскіе» люди, для которыхъ «міръ»—великое дѣло, и которые, поэтому, давно задумались надъ жизнью крестьянскаго міра, надъ, впрочемъ—гдѣ искать настоящую правду, и какъ изъбѣть горе и нужду крестьянскую?

Первый вечеръ знакомства прошелъ у насъ въ горячихъ разговорахъ на темы, насъ одинаково глубоко занимавшія, которыя были тою нашею болью, о которой мы не могли не говорить. Далеко за полночь разошлись мы, при чемъ было рѣшено, какъ того пожелали всѣ трое рабочихъ, познакомиться меня съ тою артелью ткачей, съ которой жили Шабунинъ и Абакумовъ. Крыловъ жилъ въ другой артели, съ которой впоследствии я, конечно, познакомился тоже.

Хотя всѣ эти ткачи были фабричные рабочіе, но, въ сущности, это были ткачи-крестьяне, приходившіе изъ деревень въ городъ на заработки, при чемъ большинство изъ нихъ, проработавъ осень, зиму и часть весны до начала пахоты и посѣва, старалась ко времени полевыхъ работъ вернуться обратно въ деревню. И если это не всегда и далеко не всѣмъ удавалось осуществить, то, во всякомъ случаѣ, такое желаніе было обще всѣмъ имъ. Весь этотъ людъ былъ тѣсно связанъ съ деревнею, спалъ и видѣлъ, какъ бы получше устроить житыя свое въ деревнѣ; всѣ горести и радости деревни считалъ своими родными горестями и радостями. Городъ былъ для нихъ временнымъ пунктомъ пребыванія, станціей на ихъ жизненномъ пути, а конечнымъ пунктомъ его и постояннымъ желаннымъ мѣстомъ жительства была деревня. Я близко сходялся съ артелями, не разъ ночевалъ у нихъ, проводилъ праздники съ утра до ночи и, въ общемъ, вынесъ впечатлѣніе о замѣчательной нравственной чистотѣ этихъ людей, принесшихъ эту чистоту изъ глубины своихъ тверскихъ и новгородскихъ деревень. Искренность,

правды, честности и вечно присущее их душ искание правды, — вот те моральные черты у тогдашней фабричной среды. Я говорю, конечно, про общий характер среды; само собою разумеется, что были исключения, — были единицы и растлѣнные, и гнусныя.

Къ этому деревенскому люду, къ фабричнымъ ткачамъ, — на стоящие городскіе рабочіе, вродѣ рабочихъ Семяниковаго механическаго завода или патроннаго завода на Васильевскомъ островѣ, относились свысока, презрительно-снисходительно, и называли этотъ людъ — «сѣрымъ».

По прибытіи изъ деревни въ городъ, рабочіе одной губерніи и зачастую одного и того же уѣзда старались группироваться вмѣстѣ, старались, поскольку было возможно, попасть на одну и ту же фабрику; устраивали тотчасъ же общестія, называвшіяся на ихъ языкѣ «артелями», т. е. находили себѣ одну общую хозяйку, снявши общую квартиру, и возлагали на хозяйку за извѣстную плату въ мѣсяцъ съ души обязанности поить, кормить ихъ, держать помѣщеніе въ чистотѣ и заботиться о мойкѣ ихъ неказистаго бѣлья. Положеніе ткачей было не изъ удовлетворительныхъ. Зарабатывалъ ткачъ въ среднемъ не болѣе 70 коп. въ день, работая съ 5 часовъ утра и до 8 вечера, съ перерывомъ на ѣду не болѣе 2-хъ часовъ, такъ что рабочий день, въ большинствѣ случаевъ, былъ не менѣе 11 часовъ.

Какъ-то мои друзья ткачи повели меня на фабрику во время работы. Боже мой! какой это адъ! Въ ткацкой съ непривычки нѣтъ возможности, за грохотомъ машинъ, слышать въ двухъ шагахъ отъ человѣка не только то, что онъ говоритъ, но даже, что онъ кричитъ. Воздухъ — невозможный, жара и духота, вонь отъ людскаго пота и отъ масла, которымъ смазываютъ станки; отъ тонкой хлопковой пыли, носящейся въ воздухѣ, въ ткацкомъ отдѣленіи получается своеобразный видъ мглы. И въ такой обстановкѣ надо простоять человѣку болѣе 10 часовъ на ногахъ, внимательно наблюдая, чтобы не упустить момента, когда порвется нитка въ основѣ, чтобы ее тутъ же, на ходу машины, связать, и чтобы переменить челнокъ, какъ только остановится станокъ (станокъ самъ останавливается, какъ только утокъ челнока весь выйдетъ). Стоять приходится неизбежно, такъ какъ сидѣть не полагается, да и сѣсть, кромѣ подоконника негдѣ; а на подоконникѣ сидѣть нельзя, — «свѣтъ застигнетъ», не дозволяется. Я пробывъ на фабрикѣ не болѣе 2-хъ часовъ и вышедъ оттуда очумѣлымъ и съ головной болью. Это мое посѣщеніе фабрики вызвало впоследствии появленіе на свѣтъ моего стихотворенія «Дума ткача», получившаго потомъ большое распространеніе среди молодежи и, въ особенности, среди рабочихъ. Его, кажется, и до сихъ поръ поютъ и въ Россіи, и въ Сибири; я слышалъ, какъ его пѣли въ далекой Нишанской тайгѣ, не особенно далеко отъ Охотскаго моря.

Познакомившись съ артелью, гдѣ жилъ Шабунинъ и Абакумовъ, я сталъ ходить въ артель съ тѣмъ, чтобы по вечерамъ читать книжки вслухъ всей артели и по поводу прочитаннаго заводитъ

сужденія о житіи-бытѣ русскаго крестьянства. Изъ другихъ артелей, а въ томъ числѣ и изъ той, въ которой жилъ Крыловъ, стали тоже приходиться нѣкоторые рабочіе, чтобы послушать, что «студентъ» читаетъ и какія рѣчи ведетъ. Я получилъ отъ нихъ приглашеніе побывать въ ихъ артеляхъ съ книжкой. Знакомство съ рабочими завязывалось большое. Во время моихъ посѣщеній многіе рабочіе въ артеляхъ заявляли желаніе учиться грамотѣ. Такихъ желающихъ набралось столько, что я единолично рѣшительно не могъ удовлетворить всѣхъ желающихъ учиться. Пришлось думать о томъ, чтобы подыскать для нихъ учителей. Я пообщалъ рабочимъ таковыхъ найти...

Но на этотъ разъ мнѣ пришлось прервать начатая съ рабочими занятія и отложить организацію занятій съ ними рѣшавца на три.

V.

Однажды я былъ у брата Владимира и собирался отъ него идти вечеромъ въ артель, какъ пришелъ къ брату Чарушинъ.

— А я васъ разыскиваю, — обратился онъ ко мнѣ, — по важному дѣлу.

Оказалось, что Кувшинская, которая въ августъ мѣсяцъ этого года прѣхала въ Петербургъ и поступила на медицинскіе курсы, вновь получила отъ Сони Ч. письмо, съ настоятельной просьбой, какъ можно скорѣе послать обѣщаннаго ранѣе жениха для фиктивного брака, такъ какъ домашній режимъ становится все невыносимѣе... Такъ какъ я еще въ мартѣ мѣсяцѣ предложилъ свои услуги для спасенія «погибающей души», то Чарушинъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, готовъ-ли я и теперь на сей подвигъ? Конечно, я былъ готовъ, такъ какъ никакихъ причинъ отказываться отъ этого дѣла рѣшительно не было.

Сказано — сдѣлано. Начались сборы «жениха» въ путь. Такъ какъ приходилось ѣхать въ деревню, въ которой едва-ли можно было достать необходимое для свадьбы — вродѣ подвѣчной фаты для невесты, цвѣтовъ для фаты, соответствующей одежды для жениха — чернаго сюртука, цилиндра, перчатокъ, — то пріобрѣсти все это взяли наши друзья — дамы, жившія въ Басковомъ переулкѣ отдѣльной коммуной. Въ составъ этой коммуны входили — Кувшинская, Палицына, Надя Кочурова, Надя Купренцова, Рязанцева и Олеса Охременко.

Наиболѣе горячую дѣятельность по сбору жениха проявили Кувшинская и Кочурова. Первая потому, что дѣло шло о ея духовномъ дѣтищѣ, Сонечкѣ Ч. — ой, которую она общала выручить изъ бѣды во что бы то ни стало, вторая потому, что была подружкой Сонечки; обѣ онѣ одновременно кончили училище, одинаково мечтали «о разумной самостоятельной жизни на пользу народа», и обѣимъ приходилось вырываться изъ семейнаго омуты. Надя только что довольно успѣшно справилась съ послѣдней задачей, а потому очень горячо принялась за устройство «спасенія» и для Сонечки.

Надя была дочерью разбогатѣвшаго вятскаго крестьянина, имѣвшаго торговлю въ Сарапулѣ. Хотя отецъ ея, умный и съ добрымъ сердцемъ человѣкъ, и не представлялъ собою тропотлида, способнаго заѣсть и отравить жизнь дочери, и хотя онъ и противъ дальнѣйшаго образованія дочери ничего не имѣлъ, но какъ отпустить одну дѣвушку въ столицу, гдѣ ни родныхъ, ни близкихъ знакомыхъ, которымъ можно бы было поручить попеченіе и надзоръ за нею? А ей всего 17 лѣтъ! Этотъ вопросъ смущалъ отца, и онъ, по окончаніи дочерью духовнаго училища, воспрепятствовалъ ей отправиться въ Петербургъ, куда она стремилась на медицинскіе курсы, которые существовали въ то время для женщинъ (въ 1872 г.) и были прикрыты при Александрѣ III. Надя не покорилась, и живя въ Сарапулѣ, въ городѣ съ пароходной пристанью, списалась съ Соней бѣжать одновременно, въ одинъ прекрасный день съѣла на пароходѣ и укатила въ Казань, откуда и перебралась въ Питеръ. Тутъ уже были ея знакомыя вятчичи, а главнымъ образомъ, «обожаемая» Анна Дмитриевна Кувшинская, къ которой она и явилась подъ покровительство.

По пріѣздѣ въ Питеръ, она увѣдомила отца о томъ, гдѣ она, какъ для того, чтобы успокоить естественную тревогу отца, такъ и полагая притомъ, что отецъ съ совершившимся фактомъ примирится. Отецъ же, какъ только узналъ о мѣстопробываніи дочери-бѣглянки, не замедлил явиться въ Питеръ, съ твердымъ намѣреніемъ увезти ее обратно. Онъ уговорилъ ее сначала перейти къ нему и жить съ нимъ, пока онъ будетъ въ Петербургѣ, но затѣмъ заявилъ ей, что разрѣшитъ ей остаться здѣсь никакъ согласится не можетъ, такъ какъ боится, что она по молодости и безъ надзора спугнетъ себя. Но въ Питерѣ выполнить ему свое намѣреніе увезти обратно дочку было трудно, а убожать и скрывать отъ него было куда легче, чѣмъ въ Сарапулѣ. И Надя, выбравъ удобный часъ, исчезла съ квартиры отца.

Отецъ забилъ тревогу и кинулся прежде всего къ Кувшинской, съ которой познакомилъ его Надя, затѣмъ—къ его знакомой Рязанцевой, но и тамъ ему было заявлено, что гдѣ Надя, имъ неизвѣстно. Отецъ былъ въ отчаяніи. Опасались, какъ бы онъ не поднялъ на ноги полицію, но онъ оказался настолько путевымъ человѣкомъ, что къ полиціи не прибѣгъ.

Тѣсно являлся онъ въ продолженіе недѣли почти ежедневно къ Кувшинской и къ Рязанцевой за справками о Надѣ, но никакихъ свѣдѣній отъ нихъ не получалъ. Ясно понимая, что онъ знаетъ гдѣ она и лишь не хотѣтъ ему сказать, онъ, наконецъ, вступилъ съ ними въ переговоры напрямки и сталъ славаться: онъ просилъ прислать Надю къ нему для переговоровъ, давая слово, что никакого насилія надъ нею не сдѣлаетъ. Хотя Надя и говорила, что, зная отца, она вполнѣ довѣряетъ его слову и готова была идти къ нему, но друзья все-таки поопасались пустить ее къ отцу. Порѣшили предложить отцу свиданіе съ Надей на квартирѣ моего брата,—въ домѣ човѣка семейнаго и съ нѣкоторымъ общественнымъ по-

ложеніемъ. Рязанцева передала это предложеніе отцу Нади, и онъ на него согласился. Въ опредѣленный день я пріѣхалъ съ Надей къ брату, куда въ назначенный часъ явился и ея отецъ... Часа два толковалъ отецъ съ Надею, уговаривалъ и умолялъ ее ѣхать обратно съ нимъ въ Сарапулѣ, но Надя, несмотря на всю свою любовь къ отцу, на которую, очевидно, онъ сильно рассчитывалъ, оставалась непреклонной. Побѣдился, побѣдился отецъ, даже плакалъ при объясненіи, наконецъ, махнувъ рукой и сказавъ: «Богъ съ тобой, пусть будетъ по твоему»,—согласился ее оставить въ Питерѣ, подъ поручительство и надзоръ Рязанцевой, семью которой онъ зналъ.

Устроивъ Надю у Рязанцевой, еще не жившей тогда въ коммунахъ въ Басковомъ пер., а занимавшей отдѣльную квартиру, снабдивъ Надю деньгами и нарядами, отецъ мирно съ нею простился и уѣхалъ восвояси. Въ слѣдующее же лѣто Надя побывала у отца въ Сарапулѣ и вернулась въ Питеръ уже безпрепятственно.

Итакъ, Кувшинская и Надя хлопотали о снаряженіи жениха, у котораго, кстати сказать, весь гардеробъ былъ весьма несоотвѣтственъ предстоящей задачѣ—разыграть роль богатаго жениха. Являться въ домъ зажиточнаго и виднаго среди мѣстнаго духовенства священника въ качествѣ небогатаго, хотя и благороднаго жениха, было нельзя. Такой женихъ не представлялъ бы ничего пріятельскаго въ смыслѣ партіи для дочери. Поэтому въ планъ успѣшнаго выполненія предстоявшей кампаніи входило разыграть роль именно богатаго жениха, сына помѣщика (каковымъ я и былъ), «столового дворянина». Между тѣмъ въ кругѣ ближайшихъ моихъ друзей, кромѣ моего брата, ни у кого нельзя было достать ни крахмальныхъ сорочекъ, ни ботинокъ, ни цѣнныхъ брюкъ и сюртука. Приходилось всю подходящую къ случаю обмундировку раздобыть на сторонѣ, у знакомыхъ «буржуевъ». Завести все новое на деньги,—для этого требовались такіе капиталы, какихъ у насъ обрѣтаться не могло, тѣмъ болѣе, что и безъ того капиталы нужны были и на поездку въ неблизкій край туда и назадъ,—при чѣмъ часть поѣздки приходилось совершать на лошадахъ, да и на всякій случай нужно было имѣть про запасъ съ собою хотя бы небольшую толику денегъ. Дамы наши, въ особенности Кувшинская, Кочурова и Рязанцева, раздобыли все, что нужно для жениха; друзья доставили нѣкоторую сумму денегъ. У Рязанцевой я захватилъ на всякій случай хорошенькіе золотые дамскіе часы, съ золотой цѣпочкой, якобы для подарка невестѣ, съ тѣмъ, чтобы, если кампанія окончится удачно, возратить ихъ обратно, но и съ рискомъ потерять ихъ, если дѣло у меня сорвется, и мнѣ придется совершенно налегкѣ улупетывать безъ оглядки изъ половскаго дома.

Напутствуемый благословеніями друзей, я отправился туда, гдѣ жила Сонечка Ч. (Ларочка—тожь), которую я никогда не видалъ, и Карточку которой мнѣ вручила Кувшинская лишь въ день отбѣзда, съ поясненіемъ, что на карточкѣ Соня очень мало похожа, и что въ дѣйствительности она много красивѣе. Кромѣ того, снабженъ былъ

Известно, что в этом городе Вятки съ подробным указанием, где находились епархиальные училище, как оно устроено, где городской садъ, какія главные улицы и пр. и пр. Мнѣ все это необходимо было знать, такъ какъ я въ этомъ городѣ никогда не бывалъ, а въ то же время надо было разыграть жениха, бывшаго, въ качествѣ туриста, въ этомъ городѣ въ послѣдній годъ пребыванія Сони въ училищѣ, здѣсь въ это время съ нею познакомившагося, влюбившагося въ нее и встрѣтившаго въ ней сочувствіе, наконецъ, сдѣлавшаго ей предложеніе съ обещаніемъ въ тотъ же годъ явиться къ ея родителямъ просить ея руки, но, въ силу сложившихся обстоятельствъ, не могшаго въ обещанный срокъ выполнить предположенное, что и побудило Сону бѣжать изъ дому къ возлюбленному. Вооруженный, какъ намъ казалось, всѣмъ необходимымъ для затѣяннаго предпріятія, я двинулся въ походъ.

VI.

За годъ до моего пріѣзда, Соня Ч.,—наткнувшись дома на невыносимый родительскій гнетъ, разбивавшій всѣ ея молодыя мечты и стремленія и разочаровавшій ее въ отца, который въ послѣдній годъ ея пребыванія въ училищѣ при свиданіяхъ съ нею либерализировался и, повидимому, сочувственно и даже поощрительно относился къ ея стремленію „служить народу“,—порѣшила бѣжать изъ дому сначала въ Казань, гдѣ жилъ ея дядя, докторъ П—ринъ, котораго она съ дѣтства «ужасно» любила и, у котораго, несомнѣнно, она нашла бы защиту и покровительство и, во всякомъ разѣ, помощь пробраться дальше въ Петербургъ. Задумано—и при первомъ удобномъ случаѣ выполнено.

Однажды отецъ съ матерью и съ маленькими сестренками уѣхали на именины къ знакомымъ въ одно изъ ближнихъ селъ, верста за 15—20 отъ села У. Дома оставалась съ Сонею одна только сестра ея Люба, годомъ ея моложе, пользовавшаяся особенной любовью и довѣріемъ отца и матери, но втайнѣ сочувствовавшая сестрѣ и знавшая о ея намѣреніи бѣжать изъ дому.

Впослѣдствіи и сама Люба бѣжала; она была выкрадена, изъ окна постоялаго двора въ Вяткѣ, гдѣ остановились ея родители по пріѣздѣ туда изъ У. Въ нарядѣ мальчика она прибыла въ Москву, съ мужскимъ паспортомъ. (Устроилъ этотъ побѣгъ Люба—Вершининъ, потомъ офицеръ, извѣстный Сибири своими лекціями о Вѣренскомъ землетрясеніи). Соня наняла мужика увезти ее до ближайшаго городка Н., отсюда она думала на почтовыхъ докатить до Казани. Въ Н—ѣ въ это время была ея же подруга по училищу Анна Михайловна Овчинникова, довольно извѣстная впослѣдствіи врачъ-женщина, а также были тамъ секретарь земской управы Р. съ сестрой,—все люди, знавшіе о горькой судьбѣ Сонечки, сочувствовавшіе ей и, въ случаѣ надобности, всегда готовые оказать ей помощь.

Мужикъ заложилъ тройку добрыхъ коней, и взявши за 80 в.

что-то около 12-ти рублей, увезъ бѣглянку съ ея узелкомъ бѣлы и платишекъ, въ легкой шубейкѣ, въ Н., гдѣ она раздобыла у своихъ друзей денегъ на расплату съ мужикомъ и на продолженіе путешествія до Казани.

Быль ноябрь мѣсяцъ. Въ г. Н. пріѣхали поздно, къ часамъ 6 вечера. Побывавъ наскоро въ городкѣ, Соня поѣхала прямо на берегъ рѣки Вятки, въ верстахъ 3—4 отъ города, гдѣ находились избушки перевозчиковъ. Соня надѣялась успѣть переѣхать на другой берегъ рѣки, на которомъ, по случаю ледохода, находилась почтовая станція. По случаю же ледохода паромъ пересталъ уже ходить, и перевозчики перевозили желающихъ попасть на другой берегъ на лодкѣ.

Когда Соня пріѣхала къ избушкамъ перевозчиковъ, то уже стало темнѣть, да и порѣкъ на ея несчастье шель въ этотъ разъ густой ледъ, и перевозчики ни за какую плату не соглашались ее перевозить, предлагая ей подождать до утра. Дѣлать было нечего, пришлось заночевать въ одной изъ лачугъ, ютившихся тутъ на берегу. На одной изъ деревянныхъ лавокъ, стоявшихъ внутри у стѣнъ бревенчатой лачужки, устроилась на ночь Соня. Перевозчикъ съ бабой и ребятishками умылились на печкѣ. Потушили огонь, и только лучъ луны бѣлой полосой падалъ черезъ замерзшее оконце на грязный полъ лачужки и наполнялъ ее фантастическимъ полусвѣтомъ. Положивъ подъ голову свой узелокъ, прикрывшись своей шубенкой, Соня лежала на лавкѣ, но благодатный сонъ не приходилъ къ ней, чтобы успокоить ея разгулявшіеся нервы.

И вотъ, когда, наконецъ, долгожданный сонъ сталъ овладѣвать ею и погружалъ ея мысль въ міръ неуловимыхъ грезъ, около полуночи въ окно лачуги кто-то сильно и продолжительно постучалъ... Соня очнулась и насторожилась.

Стучавшій въ окно, не слыша движенія въ лачугѣ, вновь нетерпѣливо и настойчиво забарабанилъ по стеклу, съ крикомъ: «Йй, хозяйинъ, отвори!» Ужасъ захлопоталъ сердце Сони: это былъ голосъ отца!.. Соня инстинктивно съ головой укрывалась шубенкой и уткнулась въ свой узелокъ...

Наконецъ, съ печи слѣзъ проснувшійся мужикъ, зажегъ лучину и, отворивъ дверь, впустилъ въ лачугу къ своему изумленію высокаго попа.

Отецъ Василій былъ взволнованъ и, быстро оглядѣвъ избу, сразу увидѣлъ, гдѣ лежала Соня, подошелъ къ ней, и взволнованно, хотя и ласково, произнесъ: «Сонечка, вставай! Поѣдемъ домой!»

Соня сѣла на лавку въ какомъ-то полубезумномъ состояніи.

— Поѣдемъ, родная моя! Поѣдемъ домой!—говорилъ о. Василій—Господи! Господи! до чего мы дожили! Что ты дѣлаешь съ нами, родная!

Отъ о. Василія пахло виномъ, выпитымъ на именинахъ, но онъ былъ совершенно трезвъ.

Соня нѣкоторое время была въ какомъ-то оцѣпенѣнніи, и лишь

когда отецъ взялъ, езе за руки и попытался поднять съ лавки, прося ее одѣться, чтобы ѣхать, она очулась.

Неужели опять домой? — Мысль эта наполняла душу бѣдной дѣвушки горькимъ отчаяньемъ.

Съ рыданіемъ кинулась она передъ отцомъ на колѣни, и обнимая ихъ, и цѣлуя его руки, горько молила его отпустить ее на свободу; она говорила, что жить она дома не можетъ, что легче ей умереть.

Но ни мольбы, ни слезы, ничто на отца не дѣйствовало. Безъ угрозы, безъ злобы, онъ твердилъ рѣшительно и настойчиво лишь одно: «не могу! не могу! ъдемъ домой!»

На эту сцену, столь неожиданно разыгравшуюся въ ихъ бѣдной лагушкѣ, перевозчикъ съ женой смотрѣли изумленными, безмолвными свидѣтелями.

Наконецъ, Соня поднялась, перестала плакать, молча съ минуту постояла и рѣшительно произнесла: «Хорошо! ъдемъ!»

Побѣгъ не удался. Два или три дня послѣ возвращенія Сони домой, отецъ и мать съ особой осторожностью относились къ ней, но затѣмъ опять вошли въ свою колею и систематически стали отравлять жизнь дочери.

При всякомъ удобномъ случаѣ ей кололи глаза ея побѣгомъ. Подвыпивши съ гостями, отецъ при нихъ устраивалъ издѣвательства надъ дочерью, заводилъ рѣчь объ нигилистахъ, о стриженныхъ дѣвкахъ, записаться въ которыя желала-де его дочь; ругательски пробѣждался по адресу Кувшинской, зная, какъ это больно задѣваетъ Соню. Переписку съ Кувшинской онъ перехватывалъ и раньше, и изъ этой переписки онъ уразумѣлъ, какое вліяніе имѣетъ Кувшинская на его Соню.

Если Соня не вытерпѣливала и начинала, какъ выражались родители, грубить отцу, отецъ поднималъ ругань, подкакивалъ къ дочери съ кулаками, топталъ ногами и грозилъ сгноить ее дома, только бы не допустить ее стать развратной стриженной дѣвкой. Мать, систематически поджучивая отца, и сама, что называется, точила дочь, съ оутнями и причитаньями на судьбу, что до чего-де дожили, и какъ-де дочка осрамила на весь свѣтъ семью своимъ побѣгомъ.

Словомъ, жизнь дѣвушки обращена была въ сплошную пытку; хотъ ложись и умирай!

Черезъ Таню Любимову, дочь діакона, которую Соня подготовляла къ экзамену на селскую учительницу, Соня устроила переписку съ Кувшинской. Таня убѣждала иногда въ Н., и Соня пользовалась этими побѣдами, правда, весьма рѣдкими, чтобы послать письмо Аннѣ Дмитріевнѣ или получить отъ нея отвѣтъ черезъ живущую тамъ Инну Овчинникову.

Къ тому же случилось однажды, что о. Василій съ матушкой Ан. Ал. задумали съѣздить въ Вятку и на этотъ разъ захватили съ собою и Соню, быть можетъ, боясь оставить ее дома, какъ бы она не воспользовалась ихъ отсутствіемъ для новаго побѣга. Здѣсь,

въ городѣ, несмотря на то, что къ ней былъ приставленъ шпионъ въ лицѣ братишки, гимназиста-второклассника, материнскаго баловня, при всякомъ удобномъ случаѣ по-мальчишески глумившагося надъ сестрой къ удовольствію родителей, и безъ котораго, по приказанію родителей, Соня не могла отлучаться въ городъ, Сонѣ удалось обмануть бдительность сквернаго мальчугана и при помощи родственника, гимназиста 5 класса Петра Неволдина, ей было устроено свиданіе въ городскомъ саду съ Анной Дмитріевной. На этомъ свиданіи Соня обрисовала своей «обожасмой» Аннѣ Дмитріевнѣ то положеніе, въ которое она попала,—и тутъ же было окончательно рѣшено устроить фиктивный бракъ, за что бралась хлопотать Анна Дмитріевна.

Съ этою надеждою на спасеніе Соня возвратилась въ деревню домой и на этотъ разъ замѣтно измѣнила свою тактику съ родителями и свое поведеніе. Она стала вникать въ хозяйство, стала аккуратно ходить въ церковь, добровольно начала выходить къ гостямъ и занимать ихъ и даже дозволяла мировому судѣѣ, намѣченному жениху ея, ухаживать за собой. Словомъ, родители стали радоваться, глядя на дочь, и уповать, что она въ концѣ концовъ пойдетъ по протореннымъ дорожкамъ. Соня стала поменьку подготавливать родителей къ появленію и другого жениха. Иногда, она, якобы смѣшкомъ, сама заводила рѣчь о своемъ побѣгѣ и дѣлала намеки, что какъ знать, можетъ быть, и у нея есть кто-нибудь, кто былъ милъ ей сердцу.

У родителей начала вкрадываться мысль: ужъ не было ли точно у ихъ дочери романа, побудившаго ее бѣжать къ совратителю? Иногда мать пыталась заставить Соню протоговориться, и въ такихъ случаяхъ, изъ якобы шутливыхъ намековъ дочери, дѣлала выводъ, что что-то есть въ предполагаемомъ ею родѣ,—и поэтому утверждалась въ мысли поскорѣе сбыть дочку за все больше и больше влюблявшагося въ Соню мирового судью. Но мое появленіе въ с. У. разбило всѣ расчеты о. Василія и матушки-попадья. Это было въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1872 года.

VII.

Изъ Петербурга я отправился въ Нижній-Новгородъ, а изъ Н.-Новгорода на пароходѣ—въ Казань.

Въ Казани я заѣхалъ къ братьямъ Евгенію и Михаилу Овчинниковымъ, студентамъ медику и математику казанскаго университета. Евгений Овчинниковъ былъ провинціальнымъ членомъ кружка чайковцевъ; черезъ него велись сношенія съ казанскими пропагандистами среди учащейся молодежи. Отъ него я получилъ письмо къ его сестрѣ Иннѣ Михайловнѣ, жившей, какъ я уже упоминалъ, въ г. Н., черезъ который я долженъ былъ пробѣжать, пробираясь въ с. У. Отъ нея, а также отъ секретаря земской управы Р., я могъ получить указаніе насчетъ того, что въ данное время творится въ домѣ Сони Ч., о которой они хотя и не часто,

но все-таки получили довольно вѣрную извѣстку через Таню Л. Пробывъ въ Казани не болѣе двухъ дней, я уѣхалъ на почтовыхъ въ Н.

Прѣхавъ туда и разыскавъ Инну Михайловну, съ которой то-часъ же отправился къ Р., я сталъ совѣщаться съ ними насчетъ предстоящаго мнѣ похода на освобожденія Сони. На этомъ совеща-нии мы пришли къ заключенію, что безъ предварительнаго сноше-нія съ Соней ничего изъ моего плана не выйдетъ. Во-первыхъ, Соня не знала ни имени моего, ни отчества, ни фамилии,—и, нагрянувъ безъ предупрежденія въ домъ о. Василія, я могъ бы поставить и себя и Соню въ безвыходное положеніе при разыгрываніи ролей давно знакомыхъ, близкихъ уже и влюбленныхъ субъектовъ; а очень умный и ловкій поэтъ Василій, славившійся какъ законникъ и сутяга, сразу сообразилъ бы, что тутъ что-то неладно, и какъ бы, вмѣсто освобожденія Сони, не получилось въ результатъ преданіе меня о. Василіемъ въ руки властей, какъ проходимца. Во-вторыхъ, необходи-мо было дѣло повести такъ, чтобы согласіе на бракъ со стороны родителей было вполне добровольное, а поэтому нужно, чтобы дѣло шло гладко и естественно. Какъ же быть? И Инна Михайловна, и Р. категорически заявили мнѣ, что у нихъ сейчасъ нѣтъ возмож-ности снестись съ Соней, такъ какъ единственный человѣкъ, черезъ котораго можно было бы сдѣлать это, Таня Л., лишь нѣсколько дней тому назадъ уѣхала изъ Н., и скоро ждать ее едва ли можно. Я рѣшилъ возвратиться въ Казань и оттуда списаться съ друзьями въ Питерѣ по вопросу: какъ быть?

Оставаться въ Н. мнѣ было нельзя: городочко маленькій, всѣхъ жителей тамъ знаютъ наперечетъ всѣ и каждый; жить безъ дѣла, значитъ, обратить на себя вниманіе, вызвать о себѣ толки, кото-рые могли достигнуть и села У., а для меня все это было невы-годно. Я вернулся въ Казань.

Дорогою у меня явилась такая мысль: устроиться близъ У. въ сельской школѣ народнымъ учителемъ и, пользуясь этимъ поло-женіемъ, по-провинціальному, запросо познакомиться съ домомъ о. Василія, начать у него бывать, и затѣмъ, шепнувъ Сонѣ, что и какъ, приступить къ жениханію, говоря по-хохлацки, а потомъ и къ сватовству. Правда, такой планъ для своего выполненія требовалъ времени, а для Сони нужно было освобожденіе сейчасъ,—но пока ничего другого въ голову не приходило.

На этотъ разъ я прожилъ въ Казани около двухъ недѣль. Отсюда я написалъ въ Питеръ письмо о томъ, какъ обстоитъ дѣло съ моей миссіей, прося совѣта, какъ поступать дальше, при чемъ изложилъ имъ и свой вышеприведенный планъ.

Въ ожиданіи отвѣта отъ друзей, я, при помощи Евгения Овчинни-кова, познакомился со студенчествомъ, былъ на пробной лекціи проф. Песковского о теоріи холеры Петенкофера, нѣсколько разъ былъ на собраніи кружка, который группировался около Овчинни-кова, написалъ рефератъ по политической экономіи Милля (о томъ, что считать производительнымъ трудомъ), — словомъ, по своему, пропагандаторскому дѣлу, что могъ, дѣлалъ.

Въ общемъ пьяное казанское студенчество произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Часовъ въ 9-ть утра мнѣ, напр., пришлось видѣть такую сцену, идя въ университетъ съ Овчинниковымъ: кучка изрядная пьяныхъ студентовъ шла посреди улицы и орала, что есть мочи—«знамена побѣдно шумятъ!»—причемъ одинъ изъ нихъ ге-ройски несъ впереди кучки, поднявъ кверху, грязнѣйшую метлу. Въ частной студенческой столовой, гдѣ приходилось обѣдать и мнѣ, было обыкновенно много пьяныхъ; и въ пьяномъ видѣ заборныхъ, лѣзущихъ на скандалъ студентовъ, переругивавшихся иногда тутъ же за столомъ площадными словами; тутъ приходилось опасаться, какъ бы совсѣмъ нехотя, не нарваться на исторію, окончаніе ко-торой, обыкновенно, въ полицейскомъ участкѣ.

Мои знакомые говорили, что таково большинство казанскаго студенчества, — кутилы-мученики и забулдыги. Но былъ процентъ и очень хорошихъ и дѣльныхъ. Этотъ послѣдній элементъ студен-чества имѣлъ, между прочимъ, довольно основательную бібліотеку, съ завѣдующимъ которой, студентомъ Ивановымъ, умнымъ, нерв-нымъ и идейнымъ человѣкомъ, я познакомился.

Въ бібліотекѣ былъ, кромѣ легальныхъ книгъ, и нелегальный отдѣлъ различнаго рода литературныхъ произведеній; впрочемъ, пользовались этимъ отдѣломъ и знали о немъ только лица вполне вѣрные и надежныя.

Наконецъ, я получилъ въ одинъ и тотъ же день два письма: изъ Питера отъ Чарушина, въ которомъ онъ писалъ, что друзья нахоятъ необходимымъ, чтобы я ѣхалъ въ село У. и пытался, хотя бы съ рискомъ потерять сраженіе, выручить Соню, и изъ Н. отъ Инны Михайловны, съ извѣщеніемъ, что Таня Л. совершенно неожиданно прѣехала въ Н., пробудеть въ немъ нѣсколько дней и что, такимъ образомъ, получилась полная возможность обстоя-тельно снестись съ Соней.

Неожиданный прѣздъ Тани въ Н., конечно, окончательно рѣ-шалъ возникшее затрудненіе по вопросу, какъ продолжать нача-тую кампанію. Это обстоятельство давало мнѣ полную возмож-ность приступить къ немедленному осуществленію задуманнаго по такому стратегическому плану дѣйствія, который давалъ бы мнѣ много шансовъ на побѣду.

Отвѣтивъ въ Питерѣ, что выѣзжаю изъ Казани на мѣсто дѣй-ствія, я въ тотъ же день выѣхалъ на почтовыхъ въ Н.

Прѣхавъ я въ Н. во время: Таня предполагала еще пребы-тъ здѣсь дня два. Съ нею я и отправилъ обстоятельное письмо къ Сонѣ.

Въ этомъ письмѣ я откомендовался ей, кто я,—сообщилъ ей не только паспортныя свѣдѣнія—имя, отчество, фамилію, званіе, лѣта и вѣроисповѣданіе, но и болѣе подробныя біографическія дан-ныя,—и предложилъ ей такой планъ дѣйствія: прѣбду я въ «среду (почему-то мнѣ помнится именно этотъ день) и явлюсь въ домъ о. Василія въ 6 часовъ вечера; откомендовавшись отцу, заявлю ему, что имѣю къ нему очень важное дѣло, Соня же, какъ только услы-

шить, что я появился въ залѣ отца, то, если только будутъ при этомъ посторонніе свидѣтели, а не одни домашніе, должна вѣбжать въ комнату и съ крикомъ: «Сережа! наконецъ-то ты прѣхалъ!»—кинуться ко мнѣ на шею. Мы, конечно, страстно облобызаемся и будемъ говорить другъ другу—«ты», эта первая вступительная сцена, несомнѣнно, огоршитъ отца и мамашу и отшибетъ у нихъ сообразительность, а посторонніе свидѣтели разнесутъ по всему селу вѣсть о случившемся въ домѣ попа. Словомъ, такой фактъ можно будетъ обѣлить только бракомъ. Если вслѣдъ за первой сценой отецъ вступитъ со мною въ переговоры, то Соня должна внимательно слушать, что я буду сочинять о. Василію и матушкѣ о нашей встрѣчѣ въ Вяткѣ, о нашей страстной любви, о томъ, какъ я обѣщалъ жениться, какъ я узналъ о ея побѣдѣ изъ дому и пр. и пр. Но если постороннихъ свидѣтелей не будетъ, то сцены страстной свиданія не разыгрывать, такъ какъ безъ постороннихъ свидѣтелей она, пожалуй, можетъ возмѣть отрицательное дѣйствіе на о. Василія, и онъ, вмѣсто всякихъ объясненій, турнетъ меня изъ дому въ шею, а Соноу опять забереетъ въ ежовыя рукавицы. При отсутствіи постороннихъ свидѣтелей, я просто поведу дипломатическіе переговоры съ отцомъ послѣ того, какъ мы покажемъ только, что мы близко знаемъ другъ друга. Тania тайкомъ доставила письмо Сонѣ. Соня тайкомъ же прочла его—и, тщательно запомнивъ то, что ей было тамъ преподано, самое письмо изжевала. И съ душевнымъ трепетомъ стала ожидать бѣднаго дѣвушка вечера слѣдующаго дня, когда я долженъ былъ появиться въ ихъ домѣ и разрѣшить ей вопросъ: «быть или не быть?»

VIII.

Черезъ день послѣ отъѣзда Тани, я тоже собрался въ путь. Заказавъ лошадей вольному ямщику, я прежде, чѣмъ уѣхать, пошелъ проститься къ Р.—мъ и здѣсь, при разговорѣ съ сестрой Р., доброй скромной и симпатичной дѣвушкой, оказалось, что при сборахъ жениха, позабыли снабдить его небольшою вещицей,—тѣмъ не менѣе весьма важной,—кольцомъ, которое должно фигурировать при обрученіи. Въ Н. купить уже нельзя было, такъ какъ меня уже ждали лошади, и идти въ лавку было поздно, тѣмъ болѣе, что я долженъ былъ прибыть въ с. У. въ такое время, чтобы въ назначенные 6 часовъ вечера быть уже въ домѣ о. Василія, какъ было условлено въ письмѣ къ Сонѣ. У брата Р. кольца не оказалось, у Инны Михайловны—тоже, и лишь оказалось у сестры Р., но такого размѣра, что едва приходилось на 4 палецъ моей руки. Дѣлать нечего, пришлось взять у нее хоть это колечко, съ условіемъ, конечно, возвратитъ его, при обратномъ проѣздѣ черезъ Н. съ Соной, какъ мы тогда предполагали. Наконецъ, прибылъ я въ с. У.: это было, если не измѣняетъ мнѣ память, числа 12 октября. Прибылъ я часовъ около 4-хъ пополудни и приказалъ везти себя на постоялый дворъ, если таковой въ У. обрѣтается. Къ моему счастью, таковой оказался. Село У.—довольно большое село, съ большою красивою цер-

ковью, съ тремя священниками и двумя діаконами. Одинъ изъ этихъ трехъ священниковъ, о. Василій, былъ настоятелемъ этой церкви. О. Василій былъ человѣкомъ съ характеромъ боевымъ, далекий отъ елейнаго поповскаго настроения, развитый, образованный и достаточно уживчивый. Со своими товарищами поами онъ не жилъ въ дружбѣ. Будучи большимъ законовѣдомъ, онъ помогалъ совѣтами въ сутяжничествѣ всѣмъ, кто только обращался къ помощи его юридическаго таланта. Красивый, высокій, худощавый, нѣсколько сутуловатый, о. Василій въ своемъ священническомъ облаченіи и бархатной темнолиловой камилавкѣ, производилъ во время службы въ храмѣ внушительное впечатлѣніе и служилъ, какъ говорится, красиво. Большой любитель пѣнія и музыки, онъ прекрасно игралъ на гусляхъ, игралъ самоучкой по слуху на фортепиано, и когда пѣлъ подъ аккомпаниментъ того или другого инструмента,—а пѣлъ онъ умѣло,—то слушать его было приятно, хотя въ то время, когда я его слышалъ, у него уже не было ни молодой силы голоса, ни какой чистоты его.

Отецъ Василій былъ въ авантажѣ у мѣстнаго архіерея, былъ однимъ изъ «свѣтныхъ» поповъ его епархіи, и дочь о. Василія Соня даже воспитывалась въ епархіальномъ духовномъ училищѣ Вятки за счетъ архіерея.

Ямщикъ завезъ меня на постоялый дворъ. Хозяинъ двора,—маленькій, веселый, худенькій человѣчекъ, съ жиденькой козлиной бороденкой, производившій впечатлѣніе немножко глуповатаго, ввелъ меня въ свою половину, въ чистую крестьянскую избу съ русской печью и палатами. Жена его, тоже маленькая, но пухлая и круглая, какъ шаръ, на которомъ былъ посаженъ другой, только немного поменьше, шарикъ, съ маленькимъ розовымъ отверстіемъ для рта, съ маленькимъ, напоминавшимъ пуговицу носомъ, съ двумя круглыми приятными синими глазками, съ маленькими оттопыренными круглыми ушками,—аттаковала меня разпросами, какъ только былъ поданъ на столъ самоваръ, и она съ мужемъ успѣла вмѣстѣ со мной пить чай. Она шепелявила, по-дѣтски произносила вмѣсто ш—с, вмѣсто ч—ц. Чувствовалось при томъ, что эта маленькая, шаровидная женщина—большой руки сплетница съ романтическими наклонностями.

Лишь только она и ея мужъ узнали, что я дальше с. У. не намѣренъ ѣхать, и что я прѣхалъ исключительно къ о. Василію, какъ они оба въ одинъ голосъ воскликнули «Знаемъ! знаемъ! женихъ будете, женихъ!»—Не подтвержая и не отрицая, я улыбаясь и подзадорилъ ихъ любопытство: «Тамъ видно будетъ—кто!»

Вслѣдъ за этимъ шаровидное существо женскаго рода, поддерживаемое мужемъ, стало мнѣ полушепотомъ сообщать, что въ семьѣ о. Василія не все благополучно,—что старшая дочка-то уѣбжала было изъ дому, и что тутъ такая бѣда была, такая бѣда—что и не сказать! Къ ихъ изумленію, я заявилъ, что всю эту исторію я знаю, и знаю лучше даже другихъ, зачѣмъ и куда она бѣжала.

«Ну, значитъ, женихъ и есть!» взвизгивала въ восторгѣ хозяйка. «Поди есцо къ тебѣ и бѣжала-то!»

«Все может быть!» дразнил я любопытство шаровидного существа и ея хозяйина, все время чему-то лукаво-весело и глуповато улыбававшегося. Прекрасно,—думал я про себя,—еще прежде, чѣмъ совершится что-либо въ домѣ о. Василія, какъ только я уйду туда съ постоялаго двора, зтотъ шарикъ въ образѣ хозяйки покатится по селу У. къ своимъ кумушкамъ и разбуритъ по всему селу вѣсть, что къ о. Василію прѣхалъ женихъ, къ которому его дочка убѣжала было изъ дому, и создастъ такое обстоятельство, съ которымъ о. Василію придется считаться и подумать, какъ утихомирить толки, которые вновь поднимутся вокругъ его дома, какъ густой рой спугнутыхъ мухъ.

Но приближался роковой часъ: скоро шесть часовъ. Я, уже одѣтый во все франтовское, попросилъ хозяина постоялаго двора проводить меня въ домъ о. Василія. Не скажу, чтобы я шелъ туда со спокойной душою. Сердце било-таки преизрядную тревогу. Наступалъ часъ, быть можетъ, огромого скандала. По всѣмъ разсказамъ объ о. Василіѣ, онъ шутить не любитъ и за скандалъ въ его семьѣ можетъ отомстить безпачадѣйшимъ образомъ. Но—жребій брошенъ и Рубиконъ переицденъ. Вотъ и домъ о. Василія. Поднявшись по лѣсенкѣ двухэтажнаго дома о. Василія, я, ведомый хозяиномъ постоялаго двора, вошелъ въ переднюю. Въ дверяхъ изъ передней въ залу меня встрѣтилъ о. Василій, изумленно вопросительно глядѣвшій на меня сквозь очки своими большими красивыми глазами.

— Вы о. Василій Ч.—въ? спросилъ я.

— Да, къ вашимъ услугамъ!..

— Позвольте вамъ рекомендоваться,—продолжалъ я введенный о. Василемъ въ залу. Я—такой-то (имя, отчество и фамилія) потомственный дворянинъ, сынъ помѣщика Екатеринославской губерніи, студентъ С.-Петербургскаго технологическаго института.

— Очень радъ,—проговорилъ о. Василій,—протягивая мнѣ руку. Прошу садиться!

Онъ указалъ мнѣ на стулъ возлѣ стола, на которомъ горѣла лампа подъ бѣлымъ абажуромъ, а самъ сѣлъ у противоположнаго конца того же стола и сталъ продолжать прерванную моимъ приходомъ работу—набивку папирсныхъ гильзъ табакомъ.

— Вотъ сейчасъ я угощу васъ папирской,—продолжалъ онъ,—сейчасъ набью, ни одной готовой нѣтъ.

— Такъ пока позвольте мнѣ угостить васъ своею, любезно раскрывъ свой серебряный портсигаръ—(тоже взятый у кого-то на подержаніе) протянулъ я его къ о. Василію. О. Василій, взявъ изъ него папиросу, и мы стали перекидываться обычными фразами о дорогѣ, о погодѣ, и т. п.

Кстати замѣтить, что какъ только я увидѣлъ на порогѣ передней о. Василія, почему-то малѣйшій слѣдъ тревожнаго состоянія души моментально у меня исчезъ. Я почувствовалъ себя такъ, какъ еслибы все, что предстояло мнѣ совершить, было самымъ нормальнымъ, самымъ естественнымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, въ залѣ о. Василія я чувствовалъ себя абсолютно хладнокровнымъ и говорилъ и

шутилъ съ о. Василемъ съ полчаса самымъ непринужденнымъ образомъ. Отецъ Василій мнѣ понравился.

Мы, однако, были не одни. При входѣ въ залу, я замѣтилъ въ одномъ изъ ея угловъ, гдѣ въ полусвѣтѣ помѣщался маленькій кожаный диванчикъ съ недалеко отъ него стоящими гуслями, сидѣвшую на диванчикѣ массивную фигуру, въ подрясникѣ, приподнявшаюся и отвѣсившую мнѣ поклонъ при моемъ входѣ,—это былъ причетникъ. Присутствіе этой молчаливой фигуры было для насъ съ Соней обстоятельствомъ благоприятнымъ; какъ посторонній свидѣтель онъ тутъ былъ весьма кстати. Въ передней же, изъ которой я вошелъ въ залу, несомнѣнно, толпились любопытные, и отъ времени до времени дверь притворялась и чьи-то любопытные глаза смотрѣли въ образовавшуюся щель, очевидно, на меня. Въ числѣ этихъ любопытныхъ, какъ потомъ оказалось, былъ и приведшій меня хозяинъ постоялаго двора.

Когда разговоръ нашъ какъ-то смолкъ, я заявилъ, прерывая наступившее молчаніе, что мнѣ необходимо съ нимъ—о. Василемъ—поговорить объ очень важномъ дѣлѣ, которое именно и привело меня въ его домъ.

Отецъ Василій отклонилъ мое предложеніе, говоря «сначала согрѣйтесь-де, да вотъ попьемъ-де чайку, а потомъ и о дѣлѣ поговоримъ». Изъ залы веда другая дверь въ гостиную; тамъ было совершенно темно.

Вдругъ, въ гостиной послышался какой-то шепотъ и шорохъ, и на порогѣ ея появилось молодое существо поразительной красоты,—стройная, довольно высокая, съ чудными глазами, блѣдная дѣвушка. Я стремительно поднялся со стула. Еще моментъ—и чудная молодая красавица, съ крикомъ—«наконецъ-то, ты Сережа прѣхалъ»—кинулась ко мнѣ, обвила мою шею руками, и уста наши слились въ такой страстный поцѣлуй, какой рѣдко бываетъ на блѣломъ свѣтѣ!.. Эффектъ былъ поразительный!..

Отецъ Василій отскочилъ въ уголъ залы и остолбѣлъ.

Поднявшійся съ диванчика саженный гигантъ причетникъ въ изумленіи и растерянности приготовился бѣжать. Въ двери передней выснулось нѣсколько, какъ громомъ пораженныхъ, любопытствовавшихъ фигуръ. Въ темной гостиной раздался истерическій плачъ,—то плакала мать попададя, шедшая вслѣдъ за Соней въ залу.

IX.

Соня, схвативъ меня подъ руку и крѣпко ко мнѣ прижавшись, повела меня черезъ темную гостиную въ спальню матери, гдѣ послѣдняя уже лежала въ истерическихъ слезахъ на кровати. Я съ Соней подошелъ къ ней. Взявъ руку и цѣлуя ее, я просилъ мать успокоиться, выслушать мои объясненія.

Мать, глядя на меня вопросительно-испуганно, твердила только одно: «Да, кто ты такой! Кто ты такой!»

Наконецъ, придя нѣсколько въ себя и видя, что Соня какъ

успелилса за мою руку и такъ прижался ко мнѣ, такъ и застыла мать съ раздразненіемъ въ голосъ разъединила насъ своими руками произнося: „Да разойдитесь же!“

Соня такимъ образомъ была отъ меня оторвана. Я оглянулся, и, видя у двери стояшаго, блѣднаго и совершенно растеряннаго о. Василія, обратился къ нему съ выраженіемъ сожалѣнія, что все это такъ неожиданно случилось, хотя со стороны Сони все это было такъ естественно; конечно, лучше бы было ей сдержатъ себя, при постороннихъ людяхъ въ особенности, но сдѣланнаго не воротишь,—и пр. и пр. Бѣдный о. Василій только болѣзненно недоумѣнно отъ времени до времени произносилъ:

— Господи! Что же это такое? Ничего не пойму! Что такое?

— Я вотъ сейчасъ вамъ все объясню. Только Бога ради успокойтесь. Вы увидите, что во всемъ этомъ ничего ужаснаго нѣтъ,—говорилъ я уходя съ о. Василіемъ въ залу.

Въ залѣ я сталъ излагать о. Василію небывалый романъ между мной и Соней. Случайно-де, послѣ пѣздки на Уралъ, заѣхалъ я въ Вятку и черезъ своего московскаго знакомаго, уроженца г. Вятки, нѣкоего Максимовича, известнаго и о. Василію, познакомился съ Соней; послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ мы влюбились другъ въ друга и поклялись другъ другу въ вѣчной любви. Я общалъ Сонѣ жениться, на ней и съ этимъ рѣшеніемъ я вернулся домой, чтобы испросить у отца, жившаго въ своемъ имѣніи, разрѣшенія на женитьбу; согласіе отъ отца я получилъ, но съ условіемъ предварительно сдѣлаться дѣйствительнымъ студентомъ Технологическаго института, а не вольнослушателемъ, каковымъ я былъ, для чего я долженъ былъ сначала выдержать окончательный экзаменъ въ гимназіи; вслѣдствіе вотъ этого послѣдняго обстоятельства и задержалось на цѣлый годъ исполненіе обещанія, даннаго мною Сонѣ, явиться въ домъ о. Василія и просить ея руки. Услыхавъ же, что Соня ѣхала изъ дому и зная, что она ѣхала ко мнѣ, я очень мучился, что не могъ въ назначенный срокъ выполнить свое обещаніе. Наконецъ, мытарства мои кончились, и я вотъ прошу о. Василія не отказать мнѣ въ рукѣ его дочери. Человѣкъ-де я обезпеченный; я послѣдній сынъ у отца,—всѣ братья мои на службѣ по разнымъ вѣдомствамъ,—а я пока учусь; но, женившись, могу бросить Технологическій институтъ и ѣхать въ деревню къ отцу, и заниматься тамъ хозяйствомъ, помогать отцу въ управленіи имѣніемъ. Приданнаго мнѣ никакого не надо, такъ какъ мнѣ нужна только Соня, безъ которой мнѣ жизнь не въ жизнь. Я замѣтилъ при этомъ, что отецъ мой сейчасъ въ Петербургъ и ждетъ моего возвращенія съ женой. Мы въ Петербургѣ вырѣшимъ съ нимъ собою вопросъ—какъ мнѣ быть, оставаясь ли въ Технологическомъ институтѣ и кончить курсъ или ѣхать въ деревню и жить съ отцомъ. Чтобы будущее дочери о. Василія представлялось ему какъ можно менѣе мрачнымъ, я сказалъ, что отецъ мой вдовъ и, такимъ образомъ, устранялось такое неблагоприятное обстоятельство

въ будущемъ. Сони, какъ свекровь въ домѣ, въ которомъ Соня явилась бы въ положеніи единственной хозяйки.

Романъ былъ сочиненъ довольно складно и правдоподобно; правда, все это сочиненіе не было экспромтомъ; объ этомъ было думано и передумано и въ пути, сидя въ почтовой повозкѣ, и въ комнаткѣ постоялаго двора въ г. Н.

Отецъ Василій, выслушавъ очень внимательно мой разсказъ, неожиданно огоршилъ меня:

— Хорошо, если все это правда! Я, знаете, ужасно боюсь—не фиктивный ли это бракъ затѣвается?

Нужно было огромное усиліе воли, чтобы не выдать того смущенія, которое поднялось при этомъ въ душѣ моей,—и къ счастью, настолько воли у меня хватило; я не только не выпалъ волною хлынушаго въ душу смущенія, но почти съ неподдѣльнымъ презрительнымъ негодованіемъ возразилъ:

— Вы меня, о. Василій, оскорбляете! Вы навязываете мнѣ Богъ знаетъ что!

Надо сказать, что о. Василій въ одномъ изъ перехваченныхъ имъ писемъ къ Сонѣ вычиталъ предположеніе о фиктивномъ бракѣ,—письмо это онъ читалъ давно и ясно его не помнилъ, но возможность фиктивнаго брака не исчезла изъ его представленія. Показался ли о. Василію мой тонъ вполне искреннимъ, или вообще и мой разсказъ, и я самъ произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ все болѣе и болѣе примирялся со мною, но уже въ тотъ моментъ, какъ матушка, поупокоившись, вошла въ залу, мы съ о. Василіемъ уже разговаривали обо мнѣ, о моемъ отцѣ и братьяхъ, о Сонѣ и прочемъ довольно миролюбиво и спокойно. Матушка, еще не старая, но уже многогрозившая женщина, худощавая, маленькая, со слѣдами былой миловидности,—приведшая себя немногимъ въ порядокъ послѣ слезъ и неожиданнаго огорченія, вошла въ залу и, усадившись на стулъ, учинила мнѣ отъ себя довольно обстоятельный допросъ—кто я, откуда я, зачѣмъ я у нихъ, какъ случилось, что я сталъ такъ близокъ Сонѣ? Конечно, въ этотъ промежутокъ времени она успѣла уже допросить дочку обо мнѣ и уже была ознакомлена со мной со словъ Сони, но я повторилъ ей все, только что разсказанное мною о. Василію. Соня въ это время сидѣла въ темной гостиной и внимательно слушала сочиненный мною романъ.

Такъ какъ сцена, разыгранная нами,—сцена страстнаго свиданія двухъ влюбленныхъ существъ послѣ долговременной разлуки,—создала безсознательно для о. Василія и матушки неодолимое желаніе выйти чисто и благородно изъ положенія, созданнаго этой сценой, о которой въ тотъ моментъ уже было растроулено по всему большому с. У. и хозяиномъ постоялаго двора, и гигантомъ причетникомъ, и прислугой о. Василія—то мой разсказъ съ заключительнымъ предложеніемъ жениться тотчасъ же на Сонѣ невольно подкупалъ ихъ въ мою пользу и настраивалъ на мирный ладъ. Кромѣ того, я ясно замѣтилъ, что самъ я произвелъ на о. Василія и въ особенности на матушку весьма благоприятное впечатлѣніе.

Отец Василий и матушка удалились, чтобъ посоветоваться тѣте а тѣте, какъ имъ быть, а я остался на некоторое время въ залѣ одинъ. Вошла Соня, блѣдная, но уже улыбающаяся. Мы сѣли съ нею у окна и шепотомъ стали разговаривать и знакомиться ближе другъ съ другомъ. Такъ какъ Соня была очень близорука и обладала глазами, которые, по шутивому замѣчанію писателя Флеровскаго (Берви), «были созданы только для другихъ», то ей было необходимо поближе рассмотреть мое тогда безбородое съ едва пробивавшимися усиками лицо, по которому мнѣ никакъ нельзя было дать болѣе 18 лѣтъ, хотя на самомъ дѣлѣ мнѣ было уже около 21 года. Сонѣ же было—16½ лѣтъ.—Она шептала мнѣ:

— Все идетъ хорошо! Кажется, дѣло выгоритъ!

Мы условились при людяхъ говорить другъ другу—«ты» и вообще пропускать аллюры влюбленныхъ...

Нечего грѣха таить, а я въ первый же вечеръ не могъ надлюбоваться Соней. Я никакъ не ожидалъ встрѣтить такую красавицу въ лицѣ моей фиктивной невесты. Карточка, которую мнѣ дали, никакого представленія не давала о томъ, что я встрѣтилъ въ действительности. Вотъ какъ, печальной извѣстности, Левъ Тихомировъ, бывшій когда-то моимъ дорогимъ другомъ, описываетъ Соню въ своихъ воспоминаніяхъ, изданныхъ за границей еще въ 80-хъ годахъ: «сказать, что она была красавицей, было бы недостаточно. Она была рѣдкой красоты, достойной благородной расы сѣвера, сумѣвшей такъ хорошо сохранить древнеславянской типъ... Черты интеллигентнаго лица поразительной правильности были полны той спокойной смѣлости, которая характеризуетъ женщинъ необычайной красоты,—глаза же поражали выраженіемъ дѣтской невинности».

Всякій долженъ согласиться, что играть въ продолженіе мѣсяца роль влюбленнаго жениха, при случаѣ ласкать и цѣловать такую молоденькую красавицу такому молодому парню, какимъ былъ я, было небезопасно. И, увы! коварный демонъ все больше и больше овладевалъ сердцемъ бѣднаго фиктивного жениха.

X.

Наконецъ, вошли вновь въ залу о. Василий и матушка послѣ своего совѣщанія, заставши насъ съ Соней, якобы, нѣжно воркующими; я, заслушавъ ихъ шаги, взялъ руку Сони и сталъ цѣловать ея пальчики, что родители, несомнѣнно, замѣтили. О. Василий и матушка сказали мнѣ, что рѣшить вопросъ о бракѣ они сейчасъ не могутъ, что завтра они пошлютъ за ближайшимъ своимъ родственникомъ, священникомъ отцомъ Михаиломъ, женатымъ на родной сестрѣ матушки, и посоветуются съ нимъ.

Было уже поздно, и матушка съ Соней ушли на покой, причемъ матушка не дозволила намъ съ Соней поцѣловаться на прощанье. Мы же съ о. Василиемъ, который, очевидно, порѣшилъ учинить мнѣ основательный допросъ, остались и, ходя взадъ-впередъ

по залѣ, проговорили до третьяго часу ночи. Съ 5 часовъ вечера я ничего не ѣлъ, такъ какъ въ домѣ о. Василия было въ этотъ вечеръ не до ѣды, и отъ пережитаго волненія я сильно усталъ. Усталъ, конечно, и о. Василий, который рѣшилъ, наконецъ, что пора кончить допросъ мнѣ. Произведенный имъ экзаменъ я, очевидно, въ его глазахъ выдержалъ блистательно; онъ, отпуская меня съ провожаемымъ на постоянный дворъ, и пожимая мнѣ на прощанье руку, заявилъ:

— А завтра съ утра перебирайтесь ко мнѣ!

Когда я пришелъ на постоянный дворъ, хозяинъ съ шаровидной хозяйкой, проснувшись, имѣли большое намѣреніе осадить меня допросами, но я, усталый, довольно недружелюбно уклонился отъ разговора съ ними, заявивъ, что я сейчасъ хочу спать, а завтра съ утра переихожу къ о. Василию. Это послѣднее сообщеніе дало поводъ розовому шарикъ женскаго рода нарисовать картинку вслухъ, какъ я и Соня будемъ стоять поцѣпъ вънцомъ—«какъ два ангелочка».

Я заснулъ крѣпко и проснулся къ 9 часамъ утра. Меня уже ожидалъ посланный отъ о. Василия работникъ, чтобы перевести мои вещи.

По прибытіи въ домъ о. Василия я тотчасъ же предложилъ ему ознакомиться съ моими документами,—съ копіей съ протокола о дворянствѣ, съ метрическимъ свидѣтельствомъ и со свидѣтельствомъ, выданнымъ изъ Технологическаго института для проживанія; о. Василий не отказался отъ этого удовольствія и основательно ихъ осмотрѣлъ.

На третій или на четвертый день моего пребыванія въ домѣ о. Василия пріѣхалъ отецъ Михаилъ съ молодой, цѣвѣющей и миловидной попадѣй Елизаветой.

Эти дни я больше всего пребывалъ въ компаніи о. Василия и иногда матушки. Съ Соней оставаться приходилось раза два урывками; родители, особенно матушка, не допускали насъ до поры до времени сходить другъ съ дружкой и оставаться вдвоемъ. Впрочемъ, я уже ясно видѣлъ, что и о. Василий, и матушка начинаютъ въ меня влюбляться, и что я имъ очень прихожусь по душѣ. Четыре младшія сестренки, познакомившись, стали обращаться со мной, какъ съ давно знакомымъ; маленькій братишка Сони, недавно только начавшій ходить, охотно шель ко мнѣ на руки и забавлялся со мной, къ удовольствію матушки. Отецъ Михаилъ, средняго роста, довольно тучный и геркулесовой силы попъ, и его миловидная жена Лиза познакомились со мной и вынесли изъ этого знакомства самое для меня благоприятное впечатлѣніе. Я чувствовалъ, что вокругъ меня въ домѣ о. Василия создалась субъективная мнѣ атмосфера.

На третій день по пріѣздѣ отца Михаила, послѣ довольно продолжительнаго шушуканья въ кабинетѣ о. Василия между двумя попами и двумя попадѣями, меня и Соною поставили въ гостиную на коврикъ передъ образами и въ присутствіи всѣхъ домашнихъ отецъ Михаилъ прочелъ предбрачную молитву, и намъ съ Соней разрѣшено было поцѣловаться уже на законномъ основаніи.

Началась предсвадебная канитель.

Самое неприятное обстоятельство въ этой предсудебной канители было то, что о. Василий съ матушкой нашли необходимымъ ѣхать со мной и съ Соней въ Вятку, гдѣ обучалась въ епархіальномъ училищѣ Соня, и гдѣ въ то время училась ея сестра Люба, а въ гимназій—братишка второклассникъ. О. Василий и матушка хотѣли во что бы то ни стало сводить меня съ Соней къ архіерею, воспитанницей котораго была Соня, и испросить у него благословеніе на нашъ бракъ и, кромѣ того, они поставили непреклоннымъ условіемъ, чтобы я по телеграфу, по крайней мѣрѣ, вытребовалъ благословеніе на бракъ отъ моего отца.

Повѣзка въ Вятку была для меня въ высшей степени неприятнымъ обстоятельствомъ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ городѣ было когда-то въ числѣ ссыльных мой братъ, о чѣмъ я, конечно, умолчалъ передъ о. Василиемъ. Здѣсь братъ женился на одной изъ дочерей тамошняго исправника, съ которымъ о. Василий былъ знакомъ, и могъ, встрѣтившись съ нимъ, разговориться о готовящейся свадьбѣ своей дочери, которую выдаетъ за Синегуба, и тутъ выпололо бы многое, о чѣмъ я тщательно утаилъ отъ о. Василия при сообщеніи ему свѣдѣній о нашей семьѣ. Въ этомъ городѣ могли оказаться у о. Василия и другіе знакомые, которые знали брата. Кромѣ того, здѣсь могло обнаружиться полное мое незнакомство съ городомъ, въ который я, по моимъ разсказамъ, специально заѣзжалъ, когда познакомился съ Соней, чтобы ознакомиться съ однимъ изъ старѣйшихъ городовъ Россіи. Правда, въ Вяткѣ, если бы сорвалось мое дѣло, я имѣлъ много шансовъ скрыться и бѣжать, такъ какъ здѣсь были сильные, знавшіе обо мнѣ (какъ напр., Трошанскій по нечаяевскому дѣлу), и которые, несомнѣнно, оказали бы мнѣ помощь. Во всякомъ случаѣ, эта повѣзка грозила разстроитъ мое предпріятіе.

Но дѣлать нечего, надо было ѣхать, съ единственнымъ упованіемъ, что «авось» какъ-нибудь вывезетъ.

Было еще и другое неприятное обстоятельство, это—требованіе благословенія на бракъ отъ моего отца. Я сказалъ о. Василию и матушкѣ, что мой отецъ въ Петербургѣ и ждетъ тамъ меня съ молодой женой; стало быть, испросить у него благословеніе по телеграфу ничего не стоитъ. Я, конечно, безъ колебанія согласился послать отцу въ Петербургъ телеграмму съ просьбой благословенія на бракъ, какъ только мы приѣдемъ въ Вятку. Но, вѣдь, на самомъ дѣлѣ отца моего въ Петербургѣ не было,—онъ жилъ въ своемъ имѣніи на югѣ, ни снами, ни духомъ не вѣдая, что творить его сынъ гдѣ-то въ одной изъ отдаленныхъ губерній Россіи.

Пришлось мнѣ и тутъ расчитывать на «авось».

Я рѣшилъ послать въ Питеръ телеграмму на имя отца, но на адресъ брата. Къ сожалѣнію, мысль о благословеніи моего отца на бракъ никому изъ насъ въ Питерѣ, участвовавшихъ въ устройствѣ фиктивного брака, не пришла въ голову, и я уѣхалъ оттуда, не думая о немъ, и съ братомъ не сговорился. Но я расчитывалъ, что, если братъ получитъ телеграмму на свой адресъ, но на имя отца, онъ сразу смекнетъ, что тутъ что-то есть, и получить ее за

отца; а прочитавши ее, онъ ужъ, конечно, тотчасъ же пошлетъ мнѣ телеграмму съ благословеніемъ, съ подписью отца.

Какъ я ни раскидывалъ умомъ, а отказаться отъ повѣзки въ Вятку и отъ посланія телеграммы отцу съ просьбой о благословеніи на бракъ не находилъ никакого резона, вполне убѣдительно и удобоприемлемого о. Василиемъ и матушкой, которымъ крайне хотѣлось при этомъ, чтобы бракъ совершился по благословенію архіерея.

Мы съ Соней наединѣ потужили о томъ, что такъ было наладившее наше дѣло приходилось подвергать такому риску, съ массою шансовъ провалить его въ концѣ. Но, порѣшили,—либо панъ, либо пропалъ! Будь, что будетъ!

Итакъ, отправились мы на долѣхъ въ Вятку: о. Василий, матушка, я и Соня; о. Василий со мной въ кибиткѣ, матушка съ Соней въ возкѣ.

Отецъ Василий дорогой все больше и больше становился со мной на родственную ногу, иногда даже переходилъ на «ты», посвящая меня во всѣ свои семейныя тайны, разсказывая мнѣ о своей борьбѣ съ другими попами въ У., которые интриговали противъ него, о своихъ судейскихъ дѣлахъ и пр.

Матушка, съ нѣжностью и материнской лаской, заботилась о томъ, чтобы мнѣ было тепло и удобно въ дорогѣ, а на остановкахъ, чтобы я не сидѣлъ голодомъ, а побольше бы ѣлъ и пилъ. Сердце ея, очевидно, приняло меня и облюбовало, да и я чувствовалъ къ ней искреннее расположеніе, и иногда мнѣ было больно сознавать, что на самомъ дѣлѣ я былъ для нея совсѣмъ чужой человѣкъ и по существу—безпощаднѣйшій врагъ имъ обоемъ.

Приѣхали мы въ Вятку и остановились на постояломъ дворѣ, на которомъ обыкновенно останавливался о. Василий съ семьей, когда приѣзжалъ въ городъ. Такъ какъ мы приѣхали утромъ, то въ тотъ же день я отправился на телеграфную станцію и послалъ телеграмму въ Питеръ на имя отца на адресъ брата: «Шлите ваше благословеніе, за нимъ остановка, до востребованія». Отецъ же Василий отправился къ архіерею.

Къ вечернему чаю мы всѣ,—о. Василий, матушка, Соня и я,—отправились по заказу архіерея къ нему. Архіерей пожелалъ лично познакомиться съ женихомъ. Пошли. Въ своихъ апартаментахъ, не пораженныхъ, впрочемъ, особенной роскошью обстановки, встрѣтилъ насъ пожилой, краснощекій, значительно ожирѣлый, небольшого роста архипастыръ, пухлую руку котораго пришлось всѣмъ намъ благоговѣнно облобызывать, подходу подъ его благословеніе. Онъ усадилъ меня и Сою за столъ на диванъ. На этомъ столѣ, возлѣ котораго на стульяхъ усѣлись также архіерей и о. Василий съ матушкой, очень скоро очутились подносъ со стаканами и чашками чаю, съ вареньемъ и печеньемъ.

Добродушно и весело говорилъ все время благодушный пухлый архіерей. Очевидно, большой охотникъ говорить и неохотникъ слушать. Между прочимъ, онъ свелъ разговоръ на вопросъ о святости и нерасторжимости брака, причемъ прилепъ и романъ Искандера—«Кто виноватъ».

— А? кто виновать?—спрашивает! И думает, что мы не раскусим, кто виновать, по его мнѣнію! Выходить, видите ли, что законный неразрывный брак виновать! Ха! ха! ха! Каково? Ха! ха! ха!.. думаетъ, не поймемъ! Ха! ха! ха!..—и красноречіе пухлый архіерей заливался искреннѣйшимъ смѣхомъ при мысли, что хитрость Искандера не ускользнула отъ его проницательности.

Глядя на потѣшно колымажавшаго отъ смѣха пухлаго архіерея, смѣявшагося притомъ очень заразительно, я тоже смѣялся совершенно чистосердечно. Во время разговора, я позволилъ себѣ почитительно вставить нѣсколько замѣчаній благонамѣренного свойства о святости брака и установленіи церкви православной, которая пришлось по душѣ архипастырю. И, какъ потомъ говорилъ мнѣ о. Василій, я очень понравился архіерею, какъ симпатичный и разсудительный молодой человекъ.

Когда мы вернулись отъ архіерея на постоялый дворъ, о. Василій заявилъ мнѣ, что архіерей приказалъ явиться къ нему вновь, когда будетъ получена телеграмма отъ моего отца съ благословеніемъ, и тогда онъ насъ благословитъ на бракъ. На другой день я нѣсколько разъ заходилъ на телеграфъ справляться объ отвѣтѣ, но отвѣта все не было. Я начиналъ беспокоиться. Неполученіе отвѣта могло означать, что братъ не получилъ моей телеграммы; ее въ отсутствіе брата домашніе могли отказаться принять, какъ адресованную не брату, а отцу. Неполученіе телеграммы отъ отца разстраивало и о. Василія, и матушку, и Соноу. Кстати сказать, на постояломъ дворѣ съ нами была въ это время и сестра Люба, отпущенная изъ интерната епархіальнаго училища. Приходилъ сюда съ перваго же дня и двоюродный братъ Сони, гимназистъ 5 класса, Петя Неволинъ; также былъ здѣсь и братишка Сони, гимназистъ, еще не такъ давно бывшій шпиономъ при Сонѣ.

Какъ Люба, такъ и Петя, какъ потомъ я узналъ отъ Сони, были посвящены въ тайну того, что мы совершали тогда съ Соней, и были ея союзниками въ душѣ. Впрочемъ, черезъ Петю, въ случаѣ надобности, я могъ и скрыться къ ссыльнымъ, съ которыми онъ имѣлъ связи.

Прощало трое сутокъ, а телеграммы нѣтъ и нѣтъ! Наконецъ, на 4-й день, часамъ къ 10 утра я зашелъ на телеграфную станцію съ намѣреніемъ, если отвѣта не будетъ, послать новую телеграмму; на этотъ разъ оказалось, что мнѣ есть телеграмма изъ Питера. Съ величайшимъ волненіемъ вскрывалъ я ее: что-то въ ней? И... читаю: «Шлю тебѣ свое благословеніе, твой отецъ Сила Синегубъ». Отъ радости я готовъ былъ прыгнуть до потолка. Какъ я расцѣливался, такъ и случилось. Братъ, увидѣвъ, что телеграмма адресована на его адресъ, хотя на имя отца, тотчасъ еще смекнулъ, что она относится именно къ нему, и что тутъ что-то есть, получилъ ее, какъ Сила Синегубъ, и по прочтеніи ея немедленно повидался съ Анной Дмитриевной и Чарушинымъ и махнулъ мнѣ отвѣтъ за подписью отца.

Въ совершенно искреннемъ восторгѣ явился я на постоялый дворъ

и, объявивъ всѣмъ заинтересованнымъ о полученномъ благословеніи отца на бракъ, вызвалъ всеобщее ликование. Матушка въ первый разъ обняла меня и поцѣловала, какъ мать, ласково говоря: «ну, теперь Вы наши!» и приказала Любѣ и Колѣ, послѣ того, какъ мы съ о. Василіемъ обнялись и облобызались, поцѣловаться со мной, какъ съ роднымъ. Сонѣ цѣловаться со мной съ этого дня не только не возбранялось, а даже не одобрялось, если она, по мнѣнію матушки, не проявляла ко мнѣ достаточной нѣжности.

Къ 4 часамъ мы вчетверомъ отправились къ архіерею. Узнавъ о полученіи отъ отца моего благословенія (ему была о. Василіемъ предъявлена полученная утромъ телеграмма), онъ отъ души насъ поздравилъ и повелъ въ свою домовую церковь, гдѣ, поставивъ насъ на колѣни передъ алтаремъ, благословилъ, впрочемъ, одну только Соноу иконой св. Софіи, какъ свою воспитанницу; мнѣ же, послѣ того, какъ мы поднялись, далъ все обычное архипастырское благословеніе. Надо замѣтить, что при крещеніи моя невеста была названа Лариссой, но архіерею почему-то вздумалось переименовать ее въ Софію, такъ что въ нѣкоторыхъ документахъ она значилась Лариссой, какъ въ метрическомъ свидѣтельствѣ, въ другихъ—Софіей, какъ въ свидѣтельствѣ объ окончаніи епархіальнаго училища и, наконецъ, въ моемъ документѣ, куда ее вписали послѣ вѣнчанія, она уже названа Софія—Ларисса.

При уходѣ отъ архіерея, онъ, прощаясь, подарилъ отъ себя Сонѣ въ приданое десять червонцевъ (чрезвычайная рѣдкость въ то время) и наказалъ мнѣ звать ее—Софіею, «ибо»,—пояснилъ онъ,—Софія означаетъ—мудрость.»

Впрочемъ, по прибытіи отъ архіерея, я сталъ звать свою невесту Лариссой, заявивъ ей родителямъ, что имя Ларисса нравится мнѣ больше, чѣмъ Софія, и ужъ какъ она крещена, такъ пусть и называется, съ чѣмъ охотно согласился и отецъ Василій.

До сихъ поръ пока все шло благополучно. Но долго ли мы пробудемъ въ Вяткѣ? Чѣмъ дольше продолжалось бы наше здѣсь пребываніе, тѣмъ больше прибавлялось бы шансовъ для провала до сихъ поръ прекрасно наладившагося дѣла.

Мать занялась теперь заказываніемъ подвѣчнаго платья и разныхъ нарядовъ и трипокъ въ приданое городскимъ мастерамъ. Эта вся совокупъ ненужная для насъ съ Соней дребедень требовала не менѣе недѣли времени. Матушка, исполнивши заказы, порѣшила, что она съ Соней уѣдетъ въ У. обратно, и тамъ онѣ займются подготовленіями къ свадьбѣ, какимъ-то шитьемъ, мытьемъ да печеніями; до свадьбы же времени оставалось немого, такъ какъ вѣнчанье съ разбѣжана архіерей (не помню ужъ почему именно) понадобилось тогда спеціальное его разрѣшенія) назначено было на 12 ноября (Кажется, послѣ наступалъ Филипповскій постъ, а 12 приходилось въ пятницу, въ день, въ который вѣнчать нельзя безъ архипастырскаго разрѣшенія).

Мы же съ о. Василіемъ должны были оставаться въ Вяткѣ, подождать изготовленія заказаннаго и затѣмъ забрать его и ѣхать въ У.

Отец Василий безпрекословно и съ удовольствіемъ согласился на это рѣшеніе. Онъ любилъ бывать въ городѣ безъ матушки, онъ безъ нея навѣщалъ на свободѣ своихъ знакомыхъ и покучивалъ съ ними, такъ какъ выпить въ компаніи, погѣть и повеселиться было не прочь. Ему теперь улыбалась такая перспектива послѣ довольно долгого лишенія такого удовольствія. Матушка вела домъ строго, аккуратно и не находила приличнымъ для священнаго сана даже безобидныя выпивки въ компаніи со знакомыми, которыя только и позволяли себѣ о. Василій, будучи въ личномъ поведеніи вполнѣ доблестнымъ человѣкомъ. Такъ какъ я былъ юношей скромнымъ, чистенькимъ барченкомъ, ничего не пилъ, былъ деликатенъ и разсудителенъ (такимъ я былъ въ представленіи матушки, по крайней мѣрѣ), то матушка охотно оставляла о. Василія на мое попеченіе въ ея отсутствіе, глядя на меня, какъ на лицо, котораго постысняется о. Василій и не очень позволялъ себѣ покучивать, главнымъ образомъ, бражничать, чего она не хотѣла, такъ какъ лишнія возлання разстраивали здоровье о. Василія. Но если такая комбинація была въ расчѣтахъ матушки, то намъ съ Ларой она совсѣмъ не нравилась. Для насъ, напротивъ, чѣмъ скорѣе выбраться изъ города, тѣмъ было лучше. За недѣлю или полторы пребыванія въ Вяткѣ могло обнаружиться обо мнѣ, при хожденіи о. Василія по знакомымъ, много такого, что могло все наладившееся не мало расхodoвъ, матушка ни за что не оставитъ одного о. Василія въ городѣ, гдѣ онъ не удержался бы и разстранжилъ бы не мало денегъ въ тѣ моменты, когда муха залетала бы ему за галстухъ, мы съ Ларисой, пошептавшись, рѣшили пристать къ «мамѣ», какъ и я началъ называть теперь матушку, съ просьбой не разлучать насъ на цѣлыхъ двѣ недѣли, такъ какъ мы и такъ уже наскучили другъ за дружкой достаточно. Мать на нашу просьбу охотно склонилась, видя нашу голубиную нѣжность другъ къ дружке, которую мы нарочно весьма повысили въ эти дни,—новая бѣда въ томъ,—какъ же быть съ заказами? Кто же ихъ получить и доставить въ У.? Дипломатично не настаивая, о. Василій все-таки подавалъ голосъ за то, что, въ случаѣ крайности, что совсѣмъ—придется ему одному остаться въ городѣ ради заказовъ, что совсѣмъ не нравилось матушкѣ. Выручилъ насъ изъ затрудненія неожиданно подвернувшийся попъ Николай, прѣхавшій въ городъ къ архіерею, и зашедшій поэтому на постоялый дворъ къ о. Василію за свѣтомъ. Казъ радъ недѣли черезъ 1½ онъ собирался обратно въ свое село, а путь туда лежалъ черезъ с. У. Отецъ Николай охотно взялся получить заказы и доставить ихъ въ У. Отецъ Василій чинхалъ носомъ, а мы съ Ларой ликовали. Матушка согласилась на то, чтобы отецъ Николай увезъ заказы, но закуски и вина порѣшила увезти съ собой и изъ-за нихъ мы просидѣли въ городѣ лишніе сутки.

Вспоминается мнѣ одно маленькое обстоятельство, когда я, было,

«проврался». Пришелъ какъ-то этотъ самый попъ Николай и, разговаривая со мной, интересовался по-провинциальному узнать все отъ меня лично, бывалъ ли я въ Вяткѣ и сколько разъ, какъ познакомился съ Ларой и пр. Я ему разсказывалъ приблизительно то же, что и о. Василію. Пришелъ въ это время еще знакомый о. Василія одинъ изъ мировыхъ судей Вятки,—необыкновенно уродливой наружности человѣкъ, съ огромнымъ въ видѣ какого-то кулака носомъ, съ какими-то буграми на физиономіи, но скромный и очень застѣнчивый человѣкъ. О. Василій за чѣмъ-то вышелъ, а я остался съ двумя этими гостями, и вотъ мировой судья пожелалъ вступить со мной въ разговоръ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ бывалъ ли я раньше въ Вяткѣ? — И я, о ужасъ! совсѣмъ въ эту минуту забывшись ляпнулъ: «нѣтъ! я въ первый разъ здѣсь!». Минуту спустя, я невольно взглянулъ въ сторону попа Николая, но, къ счастью, онъ не слыхалъ моего отвѣта, погрузившись въ разсужденіе какой-то книги, а затѣмъ я постарался свести разговоръ на другую тему. И вскорѣ послѣ того, какъ въ комнату вошелъ о. Василій, мировой судья ушелъ... Нѣтъ, положительно, надо было поскорѣе удирать изъ Вятки!

XI.

Наконецъ-то мы двинулись въ путь обратно въ с. У. Я пытался ускорить свадьбу, мотивируя тѣмъ, что задерживать отца въ Петербургѣ долго нельзя, и что мнѣ необходимо застать его еще тамъ въ ноябрѣ, — но несмотря на мои настоянія, свадьба по всѣмъ хозяйственнымъ соображеніямъ матушки не могла состояться раньше, какъ черезъ двѣ недѣли, т. е. 12 ноября. Пришлось съ этимъ волей-неволей примириться. По прѣздѣ въ с. У. я облекся въ данный мнѣ о. Василіемъ подрясникъ и по цѣлымъ днямъ скучалъ. Женщины занялись усердно шитьемъ бѣлыхъ невестъ и всякаго другого, по мнѣнію ихъ, весьма необходимаго для невесты барахла, при чемъ къ досадѣ матушки я предложилъ привезенные съ собой роскошную подвѣшенную фату и прекрасные искусственные цвѣты для вѣнка, такъ что купленная въ Вяткѣ матушкой безъ моего вѣдома фата и цвѣты оказались напрасно купленными да и по сравненію съ моими никакуда негодными, а деньги на нихъ потраченныя—выброшенными. Тутъ же я преподнесъ невестѣ золотыя часы съ цѣпочкой, взятые у Рязанцевой на поддержаніе, съ условіемъ при благополучномъ возвращеніи въ Петербургъ возвратить ихъ ей. Часики и цѣпочка были очень хорошенкіе и цѣнные и привели въ восхищеніе окружающую женскую публику. Какъ фата съ цвѣтами, такъ и мой подарокъ весьма подняли мой престижъ жениха-барича въ глазахъ всѣхъ родичей и домочадцевъ.

Всѣмъ родичамъ,—все попадающимъ съ попами,—жившимъ въ другихъ селахъ и уѣздахъ Вятской губ., были разосланы спеціальныя приглашенія на свадьбу. Стали съѣзжаться попы съ женами и дѣтьми.

Отец Василий, въ качествѣ регента, началъ готовить двухъ диаконовъ къ пѣнію вѣчныхъ пѣсней въ церкви: старый диаконъ—басъ (отецъ Тани) и молодой диаконъ второй теноръ. Самъ о. Василий пѣлъ первого тенора. Иногда заходилъ и присоединялся къ хору гигантъ псаломщикъ. Въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, недѣли въ залѣ дома о. Василия каждый день съ утра раздавалось пѣніе: «Исайя ликуй», «Гряди, гряди, отецъ Ливана невѣсто», «Положилъ еси на главы ихъ вѣнцы» и т. п. Пѣніе перемежалось выпивкой и закуской пѣвцовъ и прѣбывавшихъ поповъ, не принимавшихъ участія въ пѣніи.

Въ гостиной и другихъ аппаратахъ шло шитье, въ которомъ принимали участіе и прѣбывавшія попадаи, изъ которыхъ только жена отца Михаила отличалась милосердіемъ и большимъ умственнымъ развитіемъ.

Съ утра я не зналъ, куда мнѣ дѣваться. Читать было нечего, да и читать было невозможно. Я то сидѣлъ въ залѣ и слушалъ пѣніе, въ которомъ диаконъ басъ вралъ неистово къ досадѣ о. Василия, то уходилъ въ гостиную къ сидѣвшимъ за шитьемъ женщинамъ, присаживался тамъ къ невѣстѣ, а иногда отъ скуки начиналъ дурить и надобѣять ей шутками и мѣшанинѣмъ работать ей и Танѣ, къ ихъ серьезной досадѣ. Кстати сказать, невѣста моя стала не выдерживать своей роли, — и вмѣсто того, чтобы стремиться «влюбитьную душою» быть возможно чаще съ возлюбленнымъ, напротивъ того, больше проводила теперь время съ Таней, помогавшей въ качествѣ подружки въ изготовленіи приданнаго тряпья. По цѣлымъ часамъ она оставляла безъ всякаго вниманія своего жениха, не знавшаго рѣшительно, какъ довести день до вечера. Это начало замѣчать и матушка. Она не разъ говорила Лариссѣ: «да поди-жъ ты къ жениху-то! Ты съ утра съ нимъ сегодня и слова, какись, еще не сказала!».

Я счелъ это неудобнымъ, и мы условились съ Ларой, что въ тѣ часы, когда въ домѣ маленько стихала сутолока, и публика расходилась по отведеннымъ ей угламъ на покой, — что обыкновенно было къ часамъ 10-ти вечера, мы будемъ сходиться въ залѣ, и проводить часокъ вмѣстѣ. Здѣсь, въ залѣ, освѣщенной только свѣтомъ лампы изъ гостиной черезъ открытую дверь, мы ходили съ нею взадъ и впередъ и полупшепотомъ разговаривали то о Питерѣ и дѣлахъ и людяхъ, то о Шпильгагенскихъ герояхъ, то иногда я рассказывалъ сказку изъ Кота Мурлыки. Если я при этомъ замѣчалъ, что въ освѣщенной гостиной появлялась фигура матери или отца, я начиналъ довольно громко цѣловать свою собственную руку, что достигало своей цѣли и объясняло матушкѣ нѣсколько холодное обращеніе Лары со мною при людяхъ. Подслушавъ эти поцѣлуи, матушка однажды, смѣясь, замѣтила при всѣхъ жившихъ женщинахъ по адресу Лариссы: «Небось, сейчасъ вонъ какая скромница сидитъ; а какъ останется съ женихомъ въ темной залѣ, такъ то и знай цѣлуются!».

Приготовленія были всѣ закончены, — подошелъ и долго ждан-

ный день. Часовъ въ пять вечера, 12 ноября, сельскій красивый храмъ былъ торжественно освѣщенъ. Все с. У. и много изъ ближнихъ деревень стеклось въ храмъ. Я одѣлся во фракъ (въ первый и послѣдній разъ въ жизни!), въ крахмальную сорочку, въ бѣлый галстухъ и пр. и пр. (шапо-кляксъ, захваченный мною въ числѣ принадлежностей жениховскаго гардероба, оставался, впрочемъ, въ моемъ чемоданѣ, и я ѣздилъ вѣнчаться въ барашковой шапкѣ). Посадили меня въ экипажъ съ отцомъ Михаиломъ, и мы вышли первые со двора.

Гдѣ-то въ отдаленномъ сосѣднемъ селѣ начался пожаръ. Въ раннихъ зимнихъ сумеркахъ большое зарево охватило полнеба. Выскочивши изъ воротъ, лошади въ нашемъ экипажѣ почему-то шархнулись въ сторону и задрუსили. Но кучеръ довольно скоро съ ними сдѣлалъ, и мы подкатили къ ступенькамъ паперти храма.

Я вошелъ съ отцомъ Михаиломъ въ храмъ. Толпа, бывшая въ храмѣ, разступилась... Масса любопытныхъ глазъ устремила на меня... Слышался шепотъ: «какой молоденькій!»... Я чувствовалъ себя конфузно и употреблялъ большія усилія, чтобы подавлять смущеніе и держать себя болѣе или менѣе развязно. Совершался послѣдній актъ затѣянной игры! Неприятное овладѣвало мною, и мнѣ казалось, что невѣста страшно долго не ѣдетъ.

Въ домѣ происходилъ обрядъ облаченія и благословенія невѣсты, во время котораго присутствовалъ и шаферъ невѣсты, тотъ самый влюбленный въ нее мировой судья, за котораго ее прочли родители, — и смотря на необыкновенную красавицу въ подвѣнечной фатѣ, блѣдную и взволнованную и оттого еще болѣе прекрасную, онъ молча плакалъ...

Вотъ прибыла въ храмъ и невѣста съ шаферомъ и подружками... Я пошелъ къ ней навстрѣчу... Ларисса была такъ блѣдна, рука ея была холодна, какъ ледъ, что у меня мелькнула мысль объ обморокѣ. Не глядя на меня и на людей, она пошла за мною къ указанному намъ мѣсту.

Нашъ хоръ, — о. Василий, диаконъ-басъ, диаконъ-теноръ и гигантъ псаломщикъ, — грянулъ: «Гряди, гряди отецъ Ливана невѣсто!». Когда священникъ, родной братъ о. Василия, совершилъ обрядъ обрученія и обмѣнялъ насъ кольцами (съ моей стороны фигурировало кольцо, взятое въ г. Н. у сестры Р.) въ толпѣ раздался возгласъ: «Ну, теперь, значитъ, — шабаш!».

Во все время вѣнчанія я чувствовалъ себя скверно. Мнѣ было жарко отъ смущенія. Я неимоверно потѣлъ. Вѣнечъ, надѣтый мнѣ на голову, былъ великъ и то и дѣло слѣзалъ мнѣ на глаза. Кто-то, кажется отецъ Михаилъ, спасибо ему, догадался подсунуть мнѣ подъ вѣнечъ свой носовой платокъ, чтобы вѣнечъ не сралъ. Насилу я дождался конца этой муки и уже съ Лариссой и отцомъ Михаиломъ вернулся домой.

Гости ѣли и пили, пили и ѣли. Пѣли намъ многократно многолѣтніе всѣ присутствующіе за столомъ, при чемъ диаконъ болѣе всѣхъ пугалъ и вралъ, но зато гремѣлъ во всю глотку. Безчи-

сленное множество разъ насъ заставляли цѣловаться при крикахъ: «горько!»

Кончилися ужинъ,—кое-какіе гости разѣхались,—другіе разошлись по отведеннымъ имъ въ домѣ о. Василия угламъ, а насъ, мужа и жену, родители препроводили въ спальню.

Мы заперли дверь и остались въ маленькой спальнѣкѣ tête à tête. Было намъ обидно нестерпимо конфузною... Но дѣлать нечего, надо было доводить комедію до конца. Я предложилъ Лариссѣ, чтобы она легла на единственную душпадную стоявшую тутъ кровать, снабженную роскошною периною и широкимъ одѣяломъ; а я, придивнувшись къ двери, отворявшейся внутрь спальни, стоявшій тутъ сундукъ съ вещами Лариссы, улегся на немъ. Погасивъ огонь, Ларисса сняла съ себя вѣнчальные одежды и утонула въ перинѣ; а я, свернувшись въ калачикъ на сундукѣ, провелъ ночь вполне по-походному. На утро, когда Ларисса, подъ одѣяломъ накинувъ на себя одѣду, вышла изъ спальни, я увидѣлъ, что на перинѣ выдвинутъ слѣдъ только одной фигуры. Чтобы это не показалось подозрительнымъ для того, кто будетъ убирать эту постель, я, притворивъ дверь, улегся на перину, чтобы выдвинуть слѣдъ и другой фигуры. Конечно, въ это утро нужно было ожидать отъ родственниковъ всякихъ двусмысленныхъ намековъ и шутокъ... Но тутъ ужъ надо было претерпѣть.

Такъ мы провели цѣлыхъ три ночи...

По моему настоянію, послѣ того, какъ мы, по желанію родителей, объѣздили съ визитами всѣхъ тузовъ села У., и даже ѣздили къ одному изъ враждовавшихъ съ о. Василиемъ поповъ (неизвѣстно изъ чего!), и послѣ того, какъ вся родня разѣхалась къ своимъ пенатамъ, въ ночь съ 15 на 16 ноября, мы съ Ларой съѣли въ возокъ и покинули У.

Проводы со стороны родителей Лариссы были самыя сердечныя, и матушка, плача, крестила дочь и меня, благословляла и цѣловала насъ. Прощаясь съ нею, мнѣ было глубоко ее жаль, и я горячо цѣловалъ ея руки, съ лаской и любовью меня крестившия.

Вотъ мы и за селомъ... Слѣдъ снѣжокъ, выравнивая намъ дорогу.

— Ну, поздравляю васъ со свободой!—обратился я къ Лариссѣ, протягивая ей руку.—Она молча и крѣпко отвѣтила на мое рукопожатіе.

— Что же вы, довольны мной?—спросилъ я ее съ усмѣшкой.

— Да, да! глубоко благодарна!—горячо сказала она въ отвѣтъ.

Путь нашъ лежалъ черезъ г. Яр., гдѣ жилъ священникъ, женатый на одной изъ тетокъ Лариссы, бывшій у насъ на свадьбѣ; мы общались къ нимъ заѣхать на нѣсколько часовъ, пока подадутъ почтовыхъ лошадей, что и исполнили. Прогостивъ тутъ до вечера, мы ночью двинулись дальше. Помню, что гдѣ-то мы переѣзжали съ большой опаской по льду рѣкѣ Вытегру. Дѣхали до Нижняго и здѣсь на лодкѣ переѣхали Волгу, по которой уже начался ледоходъ. Кольцо, взятое въ г. Н., такъ какъ черезъ него намъ не

пришлось ѣхать, Ларисса отдала Танѣ, которая и передала потомъ сестрѣ Р.

Въ концѣ ноября 1872 г. я привезъ свою фиктивную жену въ ту женскую коммуны, которая жила въ Басковомъ переулкѣ и «сдалъ» ее на руки Аннѣ Дмитріевнѣ. Надо сказать правду, что нѣкоторое время, какъ въ своемъ кружкѣ, такъ и среди знакомой и незнакомой мнѣ публики, я былъ героемъ дня. О моемъ фиктивѣ разсказывали, и съ моимъ именемъ сталъ соединяться извѣстный геройскій престижъ.

Въ это время у меня было двѣ важныхъ заботы,—одна личная, а другая общественнаго характера. Моя фиктивная жена совершила весьма основательную брешь въ моемъ сердцѣ. Но показать это ей было бы преступленіемъ. Какъ-нибудь, я долженъ былъ залатать эту брешь во что бы то ни стало. Въ этомъ могла помочь мнѣ моя общественная забота. Надо въ нее погрузиться, и никакія глупости не будутъ имѣть мѣста!

Не медля ни дня, я явился въ артель Шабунина и Абакумова, побывавъ и у Крылова и общавъ имъ, что черезъ нѣсколько дней у желающихъ рабочихъ будутъ учителя и учительницы.

Я убѣдилъ женскую коммуны переѣхать на Выборгскую сторону въ д. Байкова, и каждой изъ жившихъ тамъ женщинъ, а также и нѣкоторымъ изъ товарищей, переѣхавшихъ туда же, я предложилъ учениковъ по 3—5 человѣкъ, такъ какъ учиться пожелало очень много рабочихъ.

Домъ Байкова былъ большой домъ, раздѣленный парадными сѣнями на двѣ половины. Въ одной половинѣ, состоявшей изъ 2-хъ большихъ комнатъ съ передней, поселились Стаховскій, Жуковъ, Самаринъ, Красовскій и Леонидъ Поповъ, въ другой, состоявшей изъ 4 комнатъ (три поменьше, и одна — большое зало) помѣстились женщины,—Кушинская, Кочурова, Язычанова, Охременко, Куряева и Ларисса. Изъ коммуны сюда не переѣхала только Палицына. Съ конца ноября и по февраль я руководилъ этимъ знакомствомъ съ рабочими. Тутъ шли занятія школьнаго характера: обученіе чтенію, письму, счету, сообщались знанія по географіи, физикѣ и исторіи; въ большой залъ устраивались лекціи. Такъ, здѣсь читалъ князь Крапоткинъ передъ собравшимися рабочими объ Интернаціоналѣ, Александра Корнилова—о нѣмецкихъ и австрійскихъ рабочихъ ферейнахъ, съ которыми они основательно познакомились во время своего пребыванія за границей, Клементъ читалъ изъ русской исторіи о народныхъ движеніяхъ. Довольно часто, послѣ школьныхъ занятій со своими отдѣльными учительницами и учителями, ученики рабочіе, по большей части взрослые парни, сходились въ этотъ большой залъ, гдѣ, угощаясь чайкомъ, вели разговоры и споры, или слушали чтеніе какой-нибудь интересной книги. Если я въ это время не пребывалъ въ какой-либо артели или не былъ занятъ по конспираторскому дѣлу у себя на квартирѣ (я жилъ отдѣльно въ одномъ домѣ съ Чарушинымъ, но въ разныхъ комнатахъ, тоже на Выборгской сторонѣ), то обыкновенно вслухъ

читалъ я. Въ февралѣ я уѣхалъ въ Тверь, (о чемъ я разсказалъ въ другомъ мѣстѣ,—въ воспоминаніяхъ своихъ о кружкѣ чайковцевъ)—и попалъ въ народные учителя въ село Губинъ-Уголь Тверской губ. Корчевскаго уѣзда, близъ знаменитаго сапожнаго села Кимары.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Синегубъ.

Эпизодъ

изъ жизни въ Шлиссельбургской крѣпости.

Въ третьей книгѣ «Былого» В. Н. Фигнеръ въ воспоминаніяхъ о Л. Ал. Волкенштейнѣ между прочимъ пишетъ обо мнѣ: «онъ былъ избитъ въ присутствіи коменданта Покрошинскаго, вполнѣдствіи отрицавшаго этотъ фактъ».

Я думаю, интересно дополнить это сообщеніе нѣкоторыми подробностями и изложеніемъ обстоятельствъ, при которыхъ полковникъ Покрошинскій отвергнулъ фактъ нанесенія мнѣ при немъ побоевъ.

Былъ осенній день, около 3—4 часовъ послѣ обѣда. Книгъ въ это время мнѣ еще не давали. Желѣзная кровать на день складывалась и замыкалась на скобу. Ни въ какомъ положеніи днемъ не позволяли дремать.

Въ этотъ день мнѣ что-то было грустно. Точно не помню, по какому поводу я былъ не въ духѣ; кажется, меня обидѣлъ сосѣдь или я его обидѣлъ (конечно стукомъ въ стѣну)—положительно не могу вспомнить изъ-за чего. Я, сидя на табуреткѣ, наклонился головой къ столу вплотную на руки и... хотѣлъ забыться и заснуть...

Жандармъ стукнулъ въ двери, чтобъ не дать мнѣ задремать на стулѣ. Я поднялъ голову и легъ на другое ухо. Жандармъ повторилъ стукъ и, видя, что я не обращаю на него вниманія, сталъ стучать непрерывно.

— Когда такъ,—подумалъ я,—такъ вотъ же вамъ!

Я разсердился и зашѣлъ громко извѣстную малороссійскую пѣсню: «Ще не вмерла України и слава и доля! Ще намъ, братцы-молоды усмихнется воля!» Съ припѣвомъ: «Душу тіло мы положимъ за свою свободу» и т. д.

Поднялась въ корридорѣ бѣготня жандармовъ...

На куплетѣ «Сгинуть наши вороги, якъ роса на солнці, запануемъ, братцы, мы на своей сторонці»—дверь открылась. Я замолкъ. Вошло нѣсколько жандармовъ, двое взяли меня подъ руки. Я не сопротивлялся, тѣмъ не менѣе меня потащили, а когда вывели изъ тюрьмы, то человекъ восемь жандармовъ стали наносить мнѣ удары кулаками по головѣ, спинѣ и, забѣгая впередъ, даже по лицу и груди.

Я не сердился. Меня, какъ будто даже забавляло это подсакивание ко мнѣ солдатъ. Въ монотонной крѣпостной жизни это было развлеченіемъ по пословицѣ «хоть и гирише, да инше». Объ оскорбительности побоевъ я даже не подумалъ. Я не сердился еще потому, что мнѣ казалось, что жандармы наносятъ побои, какъ будто исполняя какую-то формальность по службѣ. Теперь я почти убѣжденъ, что били они, чтобъ показать свое усердіе передъ начальствомъ.

Такъ какъ меня со всѣхъ сторонъ толкали, то я подвигался очень медленно. Я не сопротивлялся и молчалъ, сказалъ только: «Бейте, бейте!—такъ били и Христа». Таково было мое настроеніе.

И въ это время я случайно оглянулся назадъ. Я былъ недалеко отъ крыльца и увидѣлъ на крыльцѣ полковника Покрошинскаго и около крыльца капитана Соколова (Ирода). Полковникъ смотрѣлъ на нашу группу. Позже я слышалъ его шаги въ старой тюрьмѣ.

Когда шестіе, наконецъ, приблизилось къ «сарая» (старой тюрьмѣ) оттуда вышли еще два жандарма и ткнули мнѣ въ грудь свои кулаки.

Меня привели въ камеру № 10, гдѣ, связаннаго по рукамъ и по ногамъ въ сумасшедшую рубашку, оставили на асфальтовомъ полу. Часовъ въ 11 ночи меня развязали и перевели въ камеру № 1, гдѣ я могъ улечься на кровати.

Здѣсь я просидѣлъ до весны, когда былъ переведенъ въ новую тюрьму вмѣстѣ со всѣми сидѣвшими тамъ, кромѣ Грачевскаго, который съжегъ себя въ эту зиму.

Командантъ каждый мѣсяцъ обходилъ наши камеры и спрашивалъ: «Какъ здоровье заключеннаго? Нѣтъ ли у заключеннаго какой-либо жалобы, заявленій?»

Когда полковникъ Покрошинскій въ первый разъ явился въ мою камеру послѣ побоевъ, я на обычные его вопросы замѣтилъ: «Мнѣ слѣдуетъ поблагодарить васъ, полковникъ, за то, что вы присутствовали, когда меня били, а то меня безъ васъ могли бы исколѣчить».

Командантъ посмотрѣлъ недоумѣвающимъ взглядомъ на «Ирода». Тотъ пожалъ плечами, и оба смотрѣли на меня наглымъ взглядомъ лжецовъ.

Меня это взорвало.

— Вы лжете, вскричалъ я,—вы безсовѣстные люди!

И я рванулся къ нимъ, стоящимъ у дверей.

Жандармы, конечно, схватили меня за руки и удержали на мѣстѣ. Полковникъ поспѣшно вышелъ, за нимъ высочили по зову «Ирода» жандармы.

Послѣ этой сцены полковникъ Покрошинскій болѣе года не захотѣлъ ко мнѣ въ камеру и посѣтилъ меня только незадолго до оставленія имъ должности команданта крѣпости.

И. Манучаровъ.

Дѣло П. А. Мартыанова¹⁾.

(По неизданнымъ источникамъ).

На совѣсти правительства Александра II есть много политическихъ преслѣдованій, вопіющихъ своимъ беззаконіемъ, какъ, наприѣръ, дѣло Чернышевскаго, но нѣтъ болѣе возмутительнаго, съ точки зрѣнія даже самаго умѣреннаго челоѣка, чѣмъ дѣло Мартыанова.

Благодаря знакомству съ этимъ дѣломъ, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ, я имѣю возможность познакомиться съ нимъ и читателей нашего журнала.

I.

Петръ Алексѣевичъ Мартыановъ родился въ 1835 г. въ селѣ Промзинѣ, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи, принадлежавшемъ знатному вельможѣ, гр. А. Д. Гурьеву, весь свой досугъ употреблявшему на усовершенствованіе изобрѣтенной имъ «гурьевской каши»... Отецъ Мартыанова былъ крѣпостнымъ графа и много лѣтъ управлялъ Промзиннымъ на правахъ бурмистра. Только благодаря «высокому» положенію своего отца, Мартыановъ попалъ въ конторскую школу въ другомъ графскомъ имѣніи, с. Никитинѣ, Корсунскаго уѣзда, которую и кончилъ на одиннадцатомъ году. Затѣмъ мальчика пустили по судоходству, которымъ занималось все Промзино. Пройдя въ нѣсколько лѣтъ эту учебу, онъ былъ потомъ приставленъ къ хлѣбной торговлѣ... Сравнительный просторъ торговой жизни и вольнолюбивая атмосфера Волги въ связи съ личнымъ темпераментомъ, заронили въ юношу страстное стремленіе къ свободѣ... Онъ только и мечталъ о ней...

¹⁾ О замѣчательномъ и высокохарактерномъ для личности Александра II дѣлѣ П. А. Мартыанова въ русской «легальной» литературѣ никакихъ свѣдѣній не появилось. Въ № 96 «Сенатскихъ Вѣдомостей» за 1863 г. былъ опубликованъ по лѣту Мартыанова лишь приговоръ и ничего болѣе. (Перепечатанъ въ 1 томѣ собраніиъ Базилевскаго «Государственные преступленія въ Россіи» загр. изд. стр. 216—217, русское—стр. 120). Письмо Мартыанова къ Александру II было напечатано въ №№ 132 и 178 «Колокола» (перепечатано въ сбор. Базилевскаго «Материалы для исторіи революціоннаго движенія въ 60-хъ годахъ» загр. изд. стр. 76—88; русское—стр. 55—64).

И вот, будучи как-то во время Восточной войны в Петербург по торговым делам своего владки, Мартянов ршил попытать счастья... Но смлости не хватало заговорить сразу о полной свобод, и потому молодой парень ршил начать дло исподволь. Сначала он просил графа разршить ему жить в Петербург... Разршние было получено... Ежегодно Мартянов являлся к своему владык и приносил мзу от трудов своих по хлбному экспорту. Затм отец вял просб сына и самъ попробовал заговорить съ графом о его свобод, но получил категорический отказ.

В свой прїздъ въ Петербург въ 1859 г. Мартяновъ вдругъ получилъ экстренное извстие о смерти отца. Онъ поспшил къ графу. Послдний, узнавъ объ его отъздъ въ Промзиня, поручилъ ему сдать имние новому бурмистру, избранному по совту молодого Мартянова. Провожая, его сятельство изволило похлопать Мартянова по плечу и сказать: «прїзжай, Богъ съ тобой, судьба твоя ршится»... Слова недостаточно внятные, но понятнѣе и пространнѣе баре тогда не говорили съ «крпостными животными».

Мартяновъ, однако, понялъ это, какъ залогъ будущей своей свобод. Какъ только онъ сдалъ имние новому старост, такъ сейчасъ же поспшилъ въ Петербургъ, чтобы разгадать графский ребусъ. Гурьевъ принялъ его, но о волѣ ни слова... Черезъ нѣсколько недѣль управляющій петербургскою конторою графа, Михайловскій, вдругъ спросилъ Мартянова, сколько бы онъ предложилъ барину за свой выкупъ?.. Обыкновенная цѣна въ тогдашнее время по ихъ мстамъ была 500—600 рублей, но Мартяновъ сказалъ, что готовъ предложить за мать и себя (только ихъ и было) 1500 руб. серебромъ...

Гурьевъ изволилъ очень разгнѣваться и заявилъ черезъ управляющаго, что меньше 10,000 рублей не возьметъ ни копейки.

Нечего было дѣлать—пришлось ухажать домой... Тамъ Мартяновъ рассчитывалъ сколотить необходимую сумму самымъ энергичнымъ и упорнымъ трудомъ. Дѣла его пошли прекрасно; пять мельницъ размалывали скупенный имъ хлбъ, тридцать большихъ расшивъ готовились принять его и везти вверхъ по Волгѣ.

Но вотъ въ самый разгаръ торговыхъ операций промзинскій управитель графа сообщилъ Мартянову, что только что получилъ срочную эстафету отъ владыки, въ которой приказано сообщить ему: или немедленно 10,000 рублей выкупа, или будетъ плохо... Положение безвыходное: наличность Мартянова была пока неизмѣримо меньше, ее вотъ-вотъ предстояло получить. Что было дѣлать?... А черезъ нѣсколько дней Мартянову пишетъ уже и Михайловскій, чтобы онъ спшилъ продать двѣ-три расшивы, но скорѣе присылать деньги, иначе дѣло можетъ принять самый худой оборотъ... Но условия тогдашней торговли хлбсомъ были таковы, что исполнить петербургскій совѣтъ совсмъ не представлялось никакой возможности. Мартяновъ пишетъ Михайловскому, проситъ обо-

ждать до начала лѣта, когда, получивъ въ Рыбинскѣ деньги, онъ прямо отправится въ столицу и представитъ выкупъ.

А молва бѣжала... Быстро распространились слухи, что графъ требуетъ денегъ, что ихъ нѣтъ... Кредитъ былъ подорванъ...

Но такъ или иначе, а Мартянову удалось нагрузить весной 60,000 кулей хлба, отравить караванъ по Сурѣ, проводить его вверхъ по Волгѣ до Нижняго и похажъ въ Петербургъ. Михайловскій доложилъ графу о прїздѣ Мартянова, но его не приняли и приказали ждать.

Время шло. Напрасно Мартяновъ увѣрялъ Михайловскаго, что еще немного—и дѣла его въ Рыбинскѣ лопнутъ, благодаря отсутствію, что поставка его казенная, обусловленная громадною неустойкой. Ничего не помогало. Гурьеву было некогда поговорить со своимъ крпостнымъ, онъ былъ занятъ церемоніей открытія только что законченнаго Исаакіевского собора.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, въ началѣ іюня, Михайловскій сказалъ Мартянову, что онъ можетъ заплатить деньги, взявъ съ него 6000 наличными и заемное письмо на 2000 р. и выдать отпускную... На прощанье графъ принялъ Мартянова и былъ съ нимъ очень любезенъ.

Прискакавъ въ Рыбинскъ, Мартяновъ увидѣлъ, что положеніе его дѣлъ уже непоправимо: кредитъ потерянъ совершенно, и весь хлбъ былъ поразобранъ кредиторами.

Въ отчаяніи онъ попробовалъ послѣднее средство: пользуясь полученной свободой, внесъ повинности по первой гильдии купечества, но кредита, все-таки, не возстановилъ и разорился совершенно... Вскорѣ ему нашлось мсто у извѣстнаго откупщика Кокорева, а потомъ у Новосельскаго. Еще немного спустя Мартяновъ поступилъ въ паровое общество «Кавказъ и Меркурій», но скорѣе былъ оттуда уволенъ по интригѣ одного изъ своихъ кредиторовъ.

Въ результатъ—исключеніе изъ купеческаго сословія въ мщанское...

II.

Наступилъ 1861 годъ, годъ особеннаго расцвѣта «Колокола», когда изданіе Герцена почти открыто ходило по рукамъ въ самыхъ различныхъ темныхъ углахъ Россіи. Внимательно читалъ его Мартяновъ и... и пришелъ къ заключенію, что, повидимому, на Руси правды не сыскать, что съ владыки, бывшаго барина, буски судомъ не взыскать. Долго сверлила голову эта мысль и, наконецъ, Мартяновъ ршится ѣхать въ Лондонъ, чтобы оттуда требовать съ Гурьева всѣ свои убытки.

Съ 400 рублями, занятыми у кого-то случайно, онъ выѣзжаетъ въ августѣ въ Лондонъ, взявъ заграничный паспортъ въ июлѣ.

Какъ только онъ очутился на территоріи государства, гдѣ былъ гарантированъ во всѣхъ своихъ человѣческихъ правахъ, такъ сейчасъ же пишетъ Гурьеву вполне вѣжливое и ясное письмо, въ которомъ проситъ вознаградить его за все потерянное, исключительно

благодаря графу. Отвѣта, разумеется, не послѣдовало. Мартыановъ пишетъ вторично и предупреждаетъ, что, въ случаѣ и дальнѣйшаго молчания, онъ приметъ мѣры, не совсѣмъ для графа пріятныя... Отвѣта и на этотъ разъ не было.

Тогда наивный и все еще вѣрившій въ возможность найти правду черезъ престолъ Мартыановъ пользуется пребываніемъ въ Англіи великаго князя Константина Николаевича и обращается къ нему съ письменнымъ прошеніемъ. Секретарь его высочества сообщи́лъ Мартыанову, что ему слѣдуетъ обратиться непосредственно въ русскій судъ черезъ генеральнаго консула въ Лондонѣ.

Не слѣдуя этому совѣту, Мартыановъ пишетъ тогда прошеніе «самой государинѣ Маріи Александровнѣ» и получаетъ отвѣтъ, что прошеніе его передано шефу жандармовъ. При этомъ было прибавлено, что Гурьева въ Россіи нѣтъ, онъ—въ Теплицѣ.

Надежда крѣпнеть. Мартыановъ благодаритъ секретаря государини и пишетъ, что, въ случаѣ отказа Гурьева вернуть деньги, готовъ вернуться въ Россію на счетъ виновнаго, такъ какъ у него нѣтъ своихъ денегъ, и подвергнуться суду. При этомъ онъ прибавилъ, что, если просьба его окажется справедливою, то онъ будетъ взыскивать съ графа уже всѣ свои убытки (около 100,000 рублей), а если—несправедливою, то онъ обязуется всѣ израсходованныя на дорогу и на прожитіе по дѣлу деньги заработать потомъ въ рабочемъ домѣ и подвергнуться, какъ клеветникъ, ссылкѣ въ каторжную работу на всю жизнь.

Долгорукову же Мартыановъ сообщилъ, что рѣшился добиться полнаго правосудія, «если только есть правосудіе въ Россіи»...

Шефъ жандармовъ, разумеется, не считъ долгомъ что-либо написать просителю. Последний вторично обратился къ государинѣ... Черезъ нѣкоторое время Долгоруковъ сообщилъ ему черезъ лондонскаго консула, избѣгая письменнаго отвѣта, что предметъ его просьбы не входитъ въ кругъ его вѣдомства.

Мартыанову стало совершенно ясно, что правды въ Россіи не сыскать и черезъ престолъ... Тяжело было это сознаніе, но его пришлось принять, какъ неопровержимый фактъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ и не имѣя никакихъ рекомендательныхъ писемъ, Мартыановъ позаботился обезпечить свое тамъ пребываніе какимъ-нибудь заработкомъ. Для этой цѣли онъ сейчасъ же отправился въ книжный магазинъ Трибнера, торговавшего всѣми герценовскими изданіями. Не найдя тамъ никого, говорящаго по-русски, онъ узналъ все-таки городской адресъ Герцена и написалъ ему сейчасъ же письмо, въ которомъ сообщилъ, что пріѣхалъ въ Лондонъ почти безъ всякихъ средствъ и знакомствъ и просилъ указать хоть какое-нибудь дѣло. Но Герценъ былъ въ это время внѣ города, и письмо лежало, пока его не переслали по другому адресу. Со свойственной отзывчивостью Герценъ поспѣшилъ отвѣтить, что вернется не скоро и совѣтовалъ обратиться къ Огареву. Почему-то Мартыановъ не послѣдовалъ этому совѣту и рѣшился дожидаться пріѣзда самого Александра Ивановича.

29 октября, вернувшись въ Лондонъ, Герценъ писалъ Мартыанову:

«Милостивый Государь,
Вы меня застанете дома завтра около 3-хъ часовъ (въ среду) или въ воскресенье въ 2 часа — въ обоихъ случаяхъ я буду очень радъ васъ видѣть у себя.

«Съ истиннымъ почтеніемъ

А. Герценъ.»

Мартыановъ поспѣшилъ увидѣться со знаменитымъ эмигрантомъ.

Оказалось, что никакихъ практическихъ связей у него въ Лондонѣ не было. Можетъ быть, Герценъ и имѣлъ ихъ, но изъ осторожности не называлъ, не зная еще, съ кѣмъ имѣеть дѣло: вѣдь около него вертѣлось довольно русскихъ агентовъ...

Тогда Мартыановъ рѣшился заняться русской исторіей и такимъ путемъ заработать хоть немного для скромной жизни во время своего процесса, въ который онъ тогда еще вѣрилъ.

Герценъ помогалъ ему въ этихъ занятіяхъ, и въ скоромъ времени они сблизились, особенно съ сыномъ Александра Ивановича. Въ короткое время упорнымъ трудомъ Мартыановъ пріобрѣлъ массу знаний и вотъ, отчаявшись уже въ своемъ личномъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ рѣшается выступить ходатаемъ уже за цѣлую страдавшую Россію... Ему приходитъ въ голову мысль обратиться къ государю съ пространнымъ письмомъ съ изложеніемъ всѣхъ основныхъ нуждъ горячаго любимого отечества. Мысль эта стояла неотвязно, и Мартыановъ не мешдилъ ея осуществленіемъ.

15 апрѣля онъ пишетъ Александру II свое, ставшее роковымъ письмо.

Привожу его съ подлинника, имѣющагося въ сенатскомъ дѣлѣ¹⁾.

III.

«Государь! Мы ждемъ отъ Васъ великихъ мѣръ въ годовщину тысячелѣтія Россіи²⁾...—мы ждемъ рѣшительнаго признанія правъ земства въ отношеніяхъ его къ государству, мы ждемъ осужденія недостойнаго предразсудка о незрѣлости крестьянъ для участія въ дѣлахъ общественныхъ, ждемъ возвращенія имъ права выборовъ безъ всякаго ограниченія, ждемъ созванія Великой Земской Думы для обсужденія и рѣшенія дѣлъ народныхъ, ждемъ поворота внѣшней политики Вашего правительства съ позорной колѣи священнаго союза 1815 года.

«Исторія неумолима, Государь! исторія безпристрастна; цари въ Россіи не завоеватели, и самодержавны они не по праву оружія, народъ же имъ самодержавія не давалъ, стало—сами взяли. У Васъ завидная возможность испустить грѣхъ предшественниковъ Вашихъ,—

¹⁾ Въ „Колоколѣ“ оно начато было съ довольно значительными отступленіями.

²⁾ Оно праздновалось 8 сентября 1862 года.

отдать народу долгъ за нихъ и не быть Самому должникомъ его. Мы конституціи дворянской не хотимъ, конституціи лично-земле-владѣтельской—тоже, мы хотимъ монархіи народной, рука объ руку союзной съ земствомъ, текущей въ живительное земство. Мы хотимъ, чтобы земство было постоянно при царѣ въ лицѣ лучшихъ членовъ его по выбору всей земли. Не думайте, Государь, что народъ русскій не готовъ еще къ принятію правъ своихъ и обязанностей, не думайте, что не пойметъ онъ ихъ и не сдѣлаетъ хорошихъ выборовъ. По праву крови, текущей въ жилахъ моихъ, по праву знанія, пріобрѣтеннаго жизнью въ народѣ, я свидѣтельствую и говорю за народъ: онъ выберетъ представителей своихъ лучше всѣхъ другихъ сословій.

«Но слова безъ доказательствъ ничего не значатъ, на слово вѣрить никому не обязаны. Доказательства вотъ: пусть, Государь, укажутъ Вамъ другую страну, въ которой было бы больше мѣстныхъ, областныхъ святыхъ заступниковъ и ходатаевъ за народъ передъ Богомъ—это наши выборные, нашъ парламентъ, за немѣнемъ выхода въ дѣйствительности. Дайте, пусть укажутъ, гдѣ было бы столько популярныхъ людей въ каждой мѣстности отдѣльно. Въ деревнѣ свой челоѣкъ, въ селѣ свой, въ уѣздномъ городѣ челоѣкъ народный извѣстенъ всему уѣзду, въ губернскомъ—всей губерніи. Есть люди, которыхъ знаетъ народъ отъ края и до края всего Царства Русскаго, которые живо дѣлаются мѣрами, кумирами, идолами для народа. Не будь Никоновской реформы церковной и Петра Великаго—гражданской, и теперь народъ признавалъ бы вновь усопшихъ заступниковъ и угодниковъ, и прославлялъ бы память ихъ. А люди живые, люди народа выражаютъ народъ, они его представители въ жизни общественной, они же будутъ его представителями, его выборными и въ совѣтахъ всей земли, въ Великой Земской Думѣ. Могутъ ли быть ими по своимъ знаніямъ, своему пониманію обязанностей представителя, — вопросъ излишний. Народъ знаетъ, кого знаетъ, и они знаютъ, за что народъ ихъ знаетъ. Это главное. Остальное, знаніе вѣншихъ условий, знакомство съ общими политическими отношеніями, значеніемъ и интересами народа дома и за границей пріобрѣтутся опытомъ и сознаніемъ своего новаго положенія, своего великаго призванія и отвѣтственности. Да объ этомъ и говорить нечего. Отрицать подобную разумность людей, ставшихъ народными и уже тѣмъ какъ будто предызбранными, значило бы ложно и бездоказательно оскорблять въ лицѣ ихъ весь народъ нашъ и, въ сущности, указывать только на ту оторванность, которая цѣлой бездной незнанія и непониманія другъ другомъ раздѣляетъ съ народомъ самого такого отрицателя, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ нашлся. Неужели народъ не равняется больше умомъ съ предками, представителями которыхъ собирались при Іоаннѣ Грозномъ на одной изъ Земскихъ Думъ разсуждать, продолжать войну или нѣтъ; и обсудивъ вѣншія политическія отношенія, внутреннія силы, выгоды и невгоды, рѣшили продолжать. Пропуская всѣ другія Думы, я спросилъ бы

такого отрицателя, неужели народъ русскій выродился, измельчалъ и не можетъ болѣе достойно представить себя въ совѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ, сознавъ необходимость борьбы народной, выдвинулъ Кузьму Минина, пригласилъ князя Пожарскаго и, управившись съ врагами вѣншими, порѣшили дѣла домашніе всѣмъ міромъ? Нѣтъ, народъ нашъ слишкомъ добръ — до христіанскаго отреченія отъ личнаго блага въ пользу общую, и терпѣливъ, и только. А когда приходитъ время постоять за дѣло общее, народъ является красой-богатыремъ русскимъ во всеоружіи разума и силы.

«Теперь—процессъ выборовъ. Каждая община (я говорю о главныхъ выборахъ, т.-е. въ Земскую Думу) выбираетъ извѣстное число старшинъ-избирателей, тѣхъ, которымъ народъ вѣритъ, кого дома знаетъ, кого любитъ. Эти старшины собираются для предварительныхъ совѣщаній въ волости и затѣмъ, съѣзжаясь въ мѣстный областной городъ, избираютъ кандидатовъ по три челоѣка на каждого представителя. Возвращаются домой, сообщая народу имена кандидатовъ; народъ поголовно избираетъ любого изъ нихъ. Но, чтобы всякій поводъ, всякая возможность недоразумѣнія, недоборѣнности, происковъ были устранены, между выборами старшинами-избирателями кандидатовъ, послѣ объявленія именъ послѣднихъ народу, и окончательнымъ избраніемъ народомъ депутатовъ изъ числа объявленныхъ ему кандидатовъ изустно, чтобы было дано время и устроена возможность областной сходки въ областномъ городѣ для всего народа, кто захочетъ быть тамъ. На этой сходкѣ народъ можетъ заявить рѣшительное неудовольствіе на выборъ кандидатовъ и заставить старшинъ избрать еще разъ другихъ, если изъ прежнихъ народу ни одинъ не нравится. На дѣлѣ такихъ явленій переизбранія будетъ мало, но самое право протеста со стороны народа послужитъ побудительной причиной для старшинъ въ выборѣ кандидатовъ руководиться заранѣе извѣстной имъ самостоятельной волей народа. Процессъ простъ, а между тѣмъ, тутъ нѣтъ никакой возможности чего-нибудь, подобнаго подкупамъ и тѣмъ незаконнымъ вліяніямъ, которыя мы видимъ въ парламентскихъ системахъ другихъ странъ. Онъ соответствуетъ духу народа, какъ продуктъ его жизни, его понятій. Представители избираются безъ различія ихъ занятій, (кромѣ, разумѣется, запрещенныхъ), состоянія, общественнаго положенія (кромѣ осужденныхъ и судимыхъ) и національности. Для вступленія въ званіе представителя нужно одно условіе: кого народъ захочетъ. Вознагражденіе назначается изъ общихъ доходовъ, срокъ служенія отъ 3 до 5 лѣтъ. Засѣданія Земской Думы постоянныя, за исключеніемъ трехъ-четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, необходимыхъ представителямъ для непосредственнаго сношенія съ народомъ и ознакомленія съ его текущими насущными потребностями, съ его мѣстными, областными, бытовыми интересами, съ его мнѣніями; для передачи ему собственныхъ свѣдѣній, видовъ и убѣжденій, вынесенныхъ изъ общаго собранія представителей и, вообще, для отданія отчета народу на областныхъ сходкахъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Я ни слова не говорю о

правахъ и обязанностяхъ Земской Думы вообще, здѣсь рѣчь идетъ только о процессѣ выборовъ и о нѣкоторыхъ общихъ чертахъ сношеній и отношеній выборныхъ къ избирателямъ. Число представителей относительно сообразается съ общими правилами, принятыми исключительно въ этомъ отношеніи въ другихъ парламентскихъ странахъ.

«Изложивъ соображенія по вопросу о главныхъ выборахъ, второстепенныя обхожу; духъ ихъ одинъ, и они похожи на первые, только съ уменьшеніемъ общирности, проще.

«Лучше всѣхъ другихъ сословій, я сказалъ выше.

«Да и сословія-то другихъ, розни въ самомъ себѣ, народъ не хочетъ больше. Отреченіе русскаго дворянства отъ сословныхъ правъ своихъ и привилегій, выраженное тверскими членами въ постановленіи дворянскаго собранія и въ поднесенномъ Вашему Величеству адресѣ—мы признаемъ совершившимся фактомъ. Съ самаго начала крестьянскаго освобожденія, предпринятаго лично Вами, всѣ симпатіи наши и любовь стремились къ Вамъ; въ такой же мѣрѣ мы враждебно относились къ дворянству, видя въ немъ противниковъ освобожденія и сторонниковъ началъ несправедливости и привилегій. Но съ той поры, какъ бывшее дворянство наше само уничтожило сословность свою, мы отъ всей души и всего сердца нашего готовы подать ему руку въ лицѣ тѣхъ членовъ его, гражданская доблесть которыхъ высоко возведетъ въ исторіи духъ бывшаго дворянства русскаго, добровольно, искренно и самоотверженно отказавшагося все-таки отъ правъ, долго, по распоряженію государства, принадлежавшихъ ему, и привлечь къ нимъ всѣ благородныя сердца въ Россіи, точно такъ же, какъ привлекли Вы ихъ началомъ крестьянскаго освобожденія. Мы каемся, мы винимся, мы признаемся всенародно,—мы не ожидали, что дворянство наше рѣшится на такой гражданскій подвигъ; надѣяться не смѣли, тѣмъ болѣе, тѣмъ искреннѣе отъ всѣхъ чувствъ нашихъ спѣшимъ поздравить его и засвидѣтельствовать, что подвигъ бывшаго дворянства нашего мы признаемъ безсмертнымъ!

«Такъ называемое высшее сословіе съ его подраздѣленіями во всякой странѣ представляетъ и олицетворяетъ собою государство, стремящееся господствовать надъ народами. По законамъ социальныхъ и политико-экономическихъ, интересы двухъ сосѣднихъ и несосѣднихъ осѣдлыхъ *народовъ* столкнутся между собою не могутъ, а, напротивъ, интересы и потребности одного обуславливаются, дополняются, сохраняются и удовлетворяются интересами и потребностями другого и такъ взаимно. Не то бываетъ съ *государствами*. Интересы государствъ, вслѣдствіе ненормальнаго ихъ отношенія къ народамъ, между собою сталкиваются, борятся,—возникаютъ государственный войны, несправедливо, но тѣмъ не менѣе, по необходимости, ложащіяся на народъ и гнетущія всею своею тяжестью на народъ. Наконецъ, одно государство слабѣе, уступаетъ и, если почему-нибудь невозможна мировая сдѣлка, подпадаетъ подъ господство другого, взявшаго верхъ государства, при чемъ послѣд-

нее исключаетъ для побѣжденнаго исключительное государственное надѣ страной, т. е. право высшаго сословія эксплуатировать и вообще угнетать сословія низшія, присваивая преемственно, по праву силы и побѣды, значительную долю этого права себѣ. Точно такое столкновение произошло между государствами русскимъ и польскимъ. Государство русское одолѣло, польское подпало подъ владычество русскаго.

«Русское государство не имѣетъ довѣрія къ польскому и должно постоянно употреблять насилие противъ всегдашней вѣроятности возстанія. Польское государство, естественно, сохраняя чувство непримиримой вражды къ русскому и, только покоряясь силѣ, терпитъ его преобладаніе. А народу, не причастному враждѣ государствъ, грозитъ постоянная опасность въ чужомъ пиру похмѣлья, своею кровью и головами принимая главное участіе въ борьбѣ, успѣхъ и неудачъ равно для него вредной, противозаконной, противоестественной, противоречивой и противородовой. А пока нѣтъ борьбы, для постоянной къ ней готовности государства, народъ несетъ тяготу поставкой рекрутъ на усиленіе армій, увеличеніемъ податей на содержаніе ихъ, трудится, забивается, мучается. Народъ поработеннаго государства польскаго несетъ всѣ тяготы въ такой же степени съ усиленной только горечью, что сыны его идутъ подъ знамена чуждыя, что кровными деньгами, зарабатываемыми по копейкамъ съ язвами и потомъ, онъ удовлетворяетъ не только пановъ польскихъ, но и чиновниковъ-москалей, и казну государства московскаго. Итакъ, отношенія запутаны, натянуты, неестественны...

«Гдѣ же выходъ? Мы слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ польскихъ братьяхъ соплеменникахъ, мы слишкомъ хорошо знаемъ въ нихъ родныхъ намъ славянъ съ общимъ духомъ всего славянскаго міра, кровь, ширину натуры, свойственную всѣмъ славянамъ вообще; мы слишкомъ хорошо чувствуемъ, что въ великихъ бытовыхъ вопросахъ, рѣшающихъ быть или не быть единому нераздѣльному, свободному славянскому народу, сердце ихъ бьется въ одинъ тактъ съ сердцемъ нашимъ и всѣхъ славянъ,—чтобъ сомнѣваться, что польскіе благородные паны, шляхта и вся аристократія на минуту задумаются надъ великимъ актомъ самоубиенія, надъ отреченіемъ отъ сословныхъ правъ и привилегій, надъ признаніемъ равенства правъ всего народа, и хлоповъ—собственниковъ земли. Тѣмъ болѣе чести, тѣмъ болѣе славы за подвигъ ихъ, чѣмъ старѣе, чѣмъ блестяще исторія и воспоминанія дворянства польскаго, воспоминанія, которая не изгладится, но укрѣпится и глубже втиснется въ память народной, сословной жертвой ихъ ходу судьбъ человечества, справедливости и ихъ собственному пониманію правъ народныхъ и логически слѣдующему изъ того на права *человѣка* воззрѣнію. Мы думаемъ, мы надѣемся, что благородное польское дворянство произнесетъ рѣшеніе, какъ бывшее дворянство русское, и сольется съ народомъ своимъ, со всѣмъ хлопствомъ безсословно и безразлично; мы увѣрены, что оно убѣ-

дится, что другого выхода, кроме взаимного самоуничтожения государства русского и польского и признания на мѣсто ихъ единого безосновного народного царства славянскаго на федеративныхъ началахъ отношеній областей — нѣтъ. Неужели же освободители крестьянства явятся защитниками сословной розни, вопреки волѣ даже того сословія, котораго отжившія, недостойныя взрослага челоѣчества привилегіи онъ сталъ бы сохранять. Мы этому не вѣримъ, мы не хотимъ вѣрить этому: это противно чувству, оскорбляетъ разумъ; мы думаемъ, мы увѣрены, увѣждены, что Александръ II видѣть перстъ Божій, призывающій Его; что не противоѣствовать, а содѣйствовать станеть Онъ мирному сліянію, насильственно или случайно, во всякомъ случаѣ противоестественно, разорваннаго на сословія народа въ одно цѣлое, общее, нераздѣльное. Вѣка пройдутъ, а на землѣ другого случая не будетъ сдѣлать столько, даже борьбой и подвигами цѣлой жизни, добра ближнимъ, сколько можете сдѣлать Вы, Государь, однимъ почеркомъ пера. Да и мало можете, Вы должны это сдѣлать, Вы обязаны предъ лицомъ Бога и челоѣчества, если не хотите отвѣчать предъ ними и передъ потомствомъ. Да снидеть же на Васъ благодать Бога Вышняго, да благословитъ Онъ Васъ за все доброе и поможетъ въ дѣлахъ ко благу народному! Мы Васъ любимъ, Государь! очень любимъ. Подумайте же, каково намъ было бы вырвать любовь эту съ кровью изъ сердца во имя разума и правды.

«...Обстановка Ваша народу не нравится, Государь! Илья Муромецъ встаетъ на ноги, и время Харлафовъ и Фальстафовъ прошло безвозвратно! Взятки сладострастныхъ рыцарей позорятъ вѣкъ Вашъ, раздача мѣстъ служебныхъ въ имперіи любовниками ихъ—оскорбляетъ общество. Откупъ съ такой и безъ таксы, съ торгами и переторжками, и безъ торговъ и безъ переторжекъ, съ платой впередъ и съ ежегодными взносами платежей за должность отъ 50 до — 100 — 200 — 500 — 1000, 2—3—4—5 тысячъ и т. д., и т. д., откупъ съ главными конторами его въ Петербургѣ и съ агентствами въ городахъ, приводить народъ въ ужасъ и изумление и заставлятъ его видѣть въ чиновникахъ правительства грабителей и служителей тьмы, проклятыхъ и въ сей жизни, и въ будущей и на самомъ правительствѣ—печатъ антихриста и сатаны. Царь отдѣленъ, понятие о немъ отвлеченно. Всѣ эти люди, окружающие Васъ, неужели, наконецъ, выведутъ народъ изъ терпѣнія, сдѣлаютъ его неблагодарнымъ и подернутъ личность Вашу грустными флеромъ для исторіи! Неужели система государственнаго управленія, допускающая возможность подобныхъ несообразностей и личностей, будетъ самими Вами долѣе и долѣе терпима и сохраняема...

«Искра производитъ пожаръ, а при порохѣ—взрывы. Въ чѣмъ умъ родилась мысль разогнать студентовъ изъ университетовъ возмущительнымъ требованіемъ денегъ за науку и съ тѣхъ, у кого нѣтъ ихъ ни копейки, чьи отцы съ горемъ и нуждой честно жили въ обществѣ, не грабили денегъ для обезпеченія семьи своей, и вдовы ихъ, перебиваясь со дня на день, обливая слезами всякую

корку хлѣба, которой онѣ сыты, съ утра до вечера жили одной надеждой увидѣть, наконецъ, сына, кончившаго курсъ въ университетѣ и имѣющаго какую-нибудь возможность улучшить сколько-нибудь горькій бытъ ихъ подъ старость. И вдругъ Ваши старцы, владычѣ маюратами, утопившіе душу и сердце въ чернильницѣ, гонятъ дѣтей съ приговоромъ смерти—съ горя—матери, нищеты и загубленной, разорванной жизни—сыну за то, что отцы ихъ, ихъ мужья не грабили народа русскаго, не запасались благопріобрѣтеннымъ, не имѣли капиталовъ въ банкахъ, ни пенсии, ни протекціи. Боже мой, Боже мой! Чернѣ пятна на всемъ царствованіи Вашемъ быть не можетъ. Наказаны ли скареды ума и духа, опозорившіе Васъ, вооружившіе противъ Васъ все образованное общество, или Вы ждете, Государь, когда народъ потребуетъ ихъ у Васъ, какъ у царя Алексѣя тѣхъ беззаконниковъ, которыхъ съ проклятіями и неистовствомъ на части изорвалъ на площадяхъ московскихъ! Съ науки берутъ деньги; въ университетѣ, какъ въ питейномъ откупѣ, считаютъ выручку. Да, гдѣ Вы, Государь! Куда Вы зашли! Огласитесь ради Бога и святыхъ силъ Его.

«...Правительство, говорятъ, хочетъ принять проектъ выкупа земли въ собственность государственными крестьянами. Въ Америкѣ система продажи государственныхъ земель, можетъ быть, очень хороша, только надо помнить, что правительство Соединенныхъ Штатовъ открывало и занимало, открываеъ и занимаетъ, покупало и покупаетъ земли ненаселенныя или оставляемыя туземцами; правительство поступаетъ справедливо, продавая такія земли переселенцамъ. А у насъ, въ Россіи, народъ владѣетъ землей изстаріи, съ незапамятныхъ временъ, онъ занялъ и населилъ ее задолго до того, какъ создалъ себѣ правительство. Земля составляетъ, и въ сущности, и по понятіямъ народа, его неотъемлемую, неотчуждаемую, не имѣющую въ отношеніи къ общинамъ владѣющихъ ея селеній и деревень, поселенныхъ на ней, никакой продажной цѣнности, наследственную собственность. Такъ какъ же правительство то будетъ продавать народу его же народную, непродажную землю? Въ этомъ смысла нѣтъ; а если есть, такъ очень плохой. Это будетъ похоже на того господина въ «Венеціанскомъ куплѣ», который добивался вырвать кусокъ мяса изъ тѣла живого челоѣка, только здѣсь не за долгу будетъ вырвано мясо, а просто съ цѣлью взять деньгами за операцию вырѣзки и приращенія вырѣзаннаго куска къ больному мѣсту. Народъ представитъ проше: въ его глазахъ это будетъ все равно, что вытасить у челоѣка рукавицы изъ-за пазухи и отдать ихъ за деньги тому же, кому принадлежать. Если слухъ о продажѣ земли государственнымъ крестьянамъ справедливъ, то, если-бъ я не боялся быть невѣжливымъ, не зная притомъ, къ кому лично относятся мои слова, я сказалъ бы, что можно подумать, что составители проекта—чужеземцы, или русскіе, забывшіе исторію въ бюро, и о народѣ и жизни его, объ отношеніяхъ его къ землѣ забывшіе по рассказамъ наставника-француза. Да это сигналъ для всеобщаго возстанія.

«Вот оттого же, от ложного воззрения правительства на отношения его къ землѣ и народу, не идетъ, и, если не измѣнится воззрѣніе это, то и не пойдеть и крестьянско-помѣщичье дѣло. Призовите «Землю» и сравняйте ее въ совѣтъ съ государствомъ, иначе, слейте ихъ въ одно общее, сдѣлайтесь сами Земскимъ Государемъ, тогда въ одинъ годъ вопросъ крестьянской разбѣжки, денегъ будетъ много, и всѣ финансовыя операціи обезпечены прочно.

«За что страдаютъ старообрядцы, за что отрываютъ ихъ отъ работы въ дорогое для крестьянина лѣтнее время и гоняютъ въ губернскіе города гуртомъ, сотнями человѣкъ, изъ-за сотни верстъ, разные взяточники въ образѣ полицейскихъ и поповъ, къ взяточникамъ консисторскаго и губернскаго грабленій? Къ чему народъ озлобляется безтолковыми и бессмысленными — осмысленными съ одной точки зрѣнія взятокъ — разорительными мѣрами, прижимками и истязаніями? Да такихъ беззаконій, насилій и губительствъ монголы не совершали надъ русскимъ народомъ, въ Турціи ничего подобнаго въ дѣлахъ вѣры не видимъ. Вы, говорятъ, не хотите гнать старообрядцевъ, да имъ-то развѣ легче отъ того? Развѣ Вы въ силахъ привести въ исполненіе волю свою, пока Вы не царь Земли Русской, а императоръ и самодержецъ; развѣ любой блюститель порядка, опираясь на законы императорскаго самодержавія, любой становой и исправникъ, станкувшись съ попомъ и не станкувшись, не могутъ усмотрѣть, что вотъ эти беззубыя старухи собираются на свои мирныя богомолыя съ цѣлью составленія тайныхъ обществъ, заговоровъ, съ возмутительными намѣреніями противъ правительства, распространения вреднаго ученія неповиновения властямъ? Ну, вотъ власти-то, какъ шайка разбойниковъ и нападаютъ на несчастныхъ и грабятъ, что попало подъ руку, и книги, и иконы въ дорогихъ окладахъ и безъ дорогихъ, и молитвенники, и листовки, и свѣчи, и ладонь, и масло, все въ квартиру становаго да благочинному въ сундукъ. Мелочи? — да ими жизнь народа отравляется! Нѣтъ! не мелочи, а крупная и наглая злодѣйства мелкой власти. Подъ чѣмъ же, подъ какимъ высокимъ принципомъ та власть совершаетъ ихъ. На комъ лежитъ позоръ ея насилій, гдѣ власть другая, крупная, которая даетъ существованіе мелкой, наглой власти! ¹⁾ Власти, власти, не людей. Люди, представители ея, эти жалкіе становые, исправники, ни больше, ни меньше, какъ жертвы системы, несчастные мученики и невольники престу-

¹⁾ Я на себѣ испыталъ ослѣдствіе самодержавнаго безправія и воззрѣнія государства на человѣка; а былъ крестьянинъ дѣйств. тайн. сов. графа Александра Гурьева; графъ, находя, что имѣю достаточно силъ и, подвигнутый рескриптомъ объ участіи бѣга крестьянъ, отравилъ и до тѣхъ разорилъ меня изустически-насилственными мѣрами. Да объ этомъ послѣ, — я не хотѣлъ говорить, къ слову пришлось. Я говорю объ этомъ, когда въ Россіи будетъ гласный судъ, а до той поры правосудіе у насъ представляется развѣ статуей на углу какого-нибудь памятника, да и то по мелочи — съ беззачетомъ. Грабитель засѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ, и въ судахъ да царствуетъ правда!...

Прим. Мартыанова.

плений, втиснутые силой нужды и необходимостью дарить въ восходящихъ линіяхъ чиновачалія, въ душную атмосферу взяточничества, а тутъ жена, дѣти, семья, исключительность воспитанія, не допускающая другой дѣятельности, кромѣ службы. Мы людей не винимъ, система виновата, а не люди. Потому допросы, допросы на мѣстѣ, допросы въ уѣздномъ городѣ, допросы въ губернскомъ, насмѣшки, оскорбленія, истязанія, грабительства, побои... Боже мой! Боже мой! Да гдѣ мы, да что мы? Сонъ это бредимъ или живемъ!!! Государи! правительство хлопочетъ о привлеченіи американскихъ чеховъ на берега Амура, а не хочетъ или не можетъ прекратить гоненій, заставляющихъ народъ изстари бѣжать въ Турцію, бѣжать въ Австрію, бѣжать въ Пруссію, въ Польшу, пока была свободна, въ Швецію съ одной стороны, въ Персію — съ другой. Что же, въ самомъ дѣлѣ, старообрядцы-то враги что-ли какіе-нибудь или просто гадины, отверженные Богомъ и человѣчествомъ? Чѣмъ они хуже магометанъ, евреевъ, буддистовъ, шамановъ, и другихъ, что не позволяютъ имъ жить, по крайней мѣрѣ, такъ же неприкосновенно въ дѣлѣ вѣры, какъ первымъ. Отчего въ другихъ странахъ Европы и въ Америкѣ религіозныя секты свободны, а у насъ нѣтъ? Вѣдь, не оттого же только, что тамъ нѣтъ Филаретовъ, — защитниковъ розогъ, плетей и кнута для народа, проповѣдниковъ и истолкователей христіанства въ пользу ссылокъ, каторжной работы, клейменія, рванья носовъ и пр. и пр. и тѣлеснаго наказанія всякаго свойства для христіанскаго воинства. Да и кто даетъ возможность существованія у насъ такимъ Филаретамъ, кто обращается за совѣтами къ нимъ, кто первый слушатель и послѣдователь проповѣди ихъ и ихъ толкованій на скорбь и горе всего народа русскаго! Вѣдь есть же кто-нибудь? Въ судахъ нѣтъ правды, въ народѣ — денегъ, кредитъ уничтоженъ, уваженія къ церкви не существуетъ, свободы въ дѣлѣ вѣры нѣтъ, народъ въ недоумѣніи. Въ предтечи революціи налицо! Русской землѣ грозитъ волненіе, электричество рветъ въ воздухъ, гроза собирается со всѣхъ сторонъ, у Васъ въ рукахъ снарядъ громоотвода. Проводники устроены ли въ почву — мы не видимъ! не видимъ! Противостественная, варварская, губительная система рекрутскихъ наборовъ такимъ проволочникомъ быть не можетъ. Вспомните, Государи, что рекрутчина — жертвоприношеніе со стороны народа государству, насильственно требуемое и потребляемое въ страшной пропорціи. Кто попалъ въ солдаты — погибъ человѣкъ! выхода, какъ отъ кровожаднаго божества, для обреченной на всеожоженіе жертвы треножника, нѣтъ. Да и всеожоженіе-то совершается мучительнымъ, пожизненно-мелденнымъ, томительнымъ огнемъ. Охотно ли народъ приносить эту жертву, а насколько она полезна для него самого, отбѣтмовъ слушать вопли и плачь, съ которыми народъ провожаетъ дѣтей своихъ и братьевъ въ рекрутскія присутствія. А развѣ нѣтъ другой системы?

«Кто же поддерживаетъ, кто обуславливаетъ разбѣдающую и разлагающую жизненные соки народа рутину? Бюрократія, окру-

жающая Васъ, чиновначіе, канцелярское управленіе Россіей, заключающееся въ накопленіи и очисткѣ безчисленнаго количества *№№* текущихъ бумагъ, сношеній, отношеній, выравокъ, справокъ, предписаній и донесеній и проявляющееся въ страшныхъ безжизненныхъ отношеніяхъ государства къ народу и въ полномъ взаимномъ непониманіи одного другимъ. Вотъ она, чѣмъ заглушается, вотъ она, къѣмъ морится, измучивается и замучивается жизнь народная, вотъ она, хроническая проказа, поражающая общественный организмъ во всѣхъ суставахъ, во всѣхъ оконечностяхъ его,—плохой проводникъ!

«Тѣлесное наказаніе, розги (женщинъ съкуты!), къ стыду Вашего царствования не отмѣненные еще въ Россіи, и которыми всякая чиновная сволочь орудуетъ, сколько душъ угодно,—проводникъ не лучший. Воля крестьянская... чѣли на рукахъ и ногахъ ослаблены до возможности сбросить ихъ; но крестьянину сказано, что чѣли эти не есть чѣли, что они—непремѣнное условіе его жизни, пока не... умереть. И эти чѣли-не-чѣли приказано носить по-прежнему; проводникъ ненадежный, испорченъ.

«Губернаторы...

«Государство смотритъ на народъ, какъ на массу, изъ которой въ правѣ выдѣлывать шарики и фигурки по усмотрѣнію; такое положеніе дѣлъ должно прекратиться.

«Какъ?!

«Государь! я говорю голосомъ народа, моя обязанность—свобода, мое право—кровь и страданія. Мнѣ повѣрка—народъ и его люди; мы ждемъ отъ Васъ созванія Великой Земской Думы, для постоянныхъ совѣщаній, вокругъ Васъ. Тысячелѣтіе...

«Съ глубокимъ уваженіемъ и великой преданностью, честь имѣю быть Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій слуга
Лондонъ, 2/15 апрѣля 1862 г.

П. Мартыяновъ.

IV.

Письмо это обнаруживающее въ Мартыяновѣ довольно ясное пониманіе тогдашняго положенія дѣлъ, было послано Александру II просто по почтѣ и достигло своего назначенія.

Но Мартыяновъ не былъ увѣренъ въ этомъ. Ему справедливо казалось, что камарилье не передастъ письма по адресу. Любость къ родинѣ и къ государю—это очень важно имѣть въ виду все время—побуждали Мартыянова принять всѣ завистлившія отъ него мѣры, чтобы письмо, на которое онъ возлагалъ большія надежды, не пропало въ мрачныхъ канцеляріяхъ. Кровь того, ему казалось, что Александру II могло прийти въ голову, что письмо выражало желанія и надежды исключительно самого автора и только. Надо было показать, что это не такъ, что за авторомъ стоитъ общественное мнѣніе. Достичь такой поддержки нельзя было иначе; какъ путемъ широкаго оглашенія самаго письма. Но гдѣ? Понятно, въ «Колоколъ», который читала вся Россія.

И Мартыяновъ проситъ Герцена напечатать свое письмо. Герценъ не отказалъ, потому что и самъ придавалъ этому документу большое политическое значеніе, считая его прекрасно выражающимъ именно народные идеалы, хорошо рисующимъ идеалъ земскаго царя, который такъ же похожъ на «царя Зимняго дворца». Письмо было напечатано въ началѣ мая, въ № 132, и сопровождало письмомъ Мартыянова къ Герцену:

«Мѣсяцъ тому назадъ я написалъ, полмѣсяца—послалъ письмо къ Александру Николаевичу. Цѣль письма ясна: кто пойметъ, для того разсказывать не нужно; кто не пойметъ, для того—напрасно. Прочитайте и, если не мѣшаетъ, напечатайте его въ «Колоколъ». А то, кто знаетъ, дойдетъ ли съ почтой по назначенію; да и то хорошо, что въ звонѣ Колоколовъ, для повѣрки, по народу разойдется... Я не врагъ Александру Николаевичу. Наши страданія, наши муки, нашу скитальческую жизнь по свѣту бѣлому мы относимъ къ императорскому безправію, а не къ личности. Варвары-помѣщики, разорившіе насъ, сбившіе насъ съ ногъ, погубившіе, сокрушившіе жизнь нашу, прикрываются и объясняютъ императорскимъ самодержавіемъ, по милости его недоступны законамъ правды, не признаютъ ихъ и въ виду страданій нашихъ живутъ внѣ страха отвѣтственности за грабежъ и насилие, и все-таки мы ждемъ и Александру Николаевичу не враги. Народъ не врагъ ему даже за кровь мученика, ходатая и пераго—по чистотѣ своихъ намѣреній и убѣжденій, по искренности чувствъ — подвижника всего крестьянства, Антона Казанскаго ¹⁾ и всѣхъ убитыхъ съ нимъ. Пусть кровь ихъ, ихъ смерть вопіетъ къ престолу Бога Вышняго и проситъ объ отмщеніи—кому отомстить, кого простить—Богъ знаетъ. Не мести просимъ мы,—правды! Кровавое пятно безднискнаго убійства и лезенскихъ побоищъ—дѣло страшное. Ни одинъ изъ насъ не подумаетъ, что Александръ II хотѣлъ крови, зато всѣ мы думаемъ, раздумываемъ и знать хотимъ, отчего, зачѣмъ, кто допустилъ, кто разрѣшилъ пролить ее? Развѣ убитые не видали въ Александрѣ, какъ мы хотимъ видѣть, царя *земскаго*... Царь земскій не велитъ за вопросъ стрѣлять въ земство, онъ сердцемъ пойметъ его, любовью обниметъ, не съ штыками поидетъ къ нему навстрѣчу!... Въ народѣ стрѣляло государство—опричники, наслѣдники монгольского самоуправства, враги и ненавистники народа русскаго на смерть и жизни! Кто далъ право стрѣлять этому государству? Мы подождемъ, букву пропустимъ. Самъ Александръ II отвѣтитъ на этотъ вопросъ,—народъ повѣритъ безусловно, отвѣтъ будетъ ясенъ... Александръ не создалъ государственный строй; онъ наслѣдовалъ его. Мы думали, что, отмѣняя крѣпостное право, онъ хотѣлъ бы отмѣнить и дворянство, да не можетъ, не въ силахъ, ждетъ времени; теперь ждѣтъ нечего, дворянство само себя отмѣнило; оно не существуетъ. Государство держалось дворянствомъ; дворянство уни-

¹⁾ Антонъ Петровъ, вдохновитель своеобразнаго крестьянскаго движенія въ Казанской губерніи.

чтожило само себя; государство влилось въ земство, фактъ совершился. Вотъ и отвѣтъ: царь не возобновитъ государства, не захочетъ создать новаго дворянства, не будетъ величать трупъ его живымъ человѣкомъ, онъ не виноватъ въ убійствѣ Антона, — народъ оправдаетъ его, и исторія ему отпуститъ. Если не такъ, если съ государствомъ онъ не разстанется, изъ дворянства создастъ мумію (воскреситъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ, время чудесъ прошло) и велитъ чтить, какъ моши, выдавая за святыню, — если, слѣдовательно, признаетъ себя государемъ государства, онъ приметъ кровь Антона-мученика на себя. Мы этого не хотимъ, это народу было бы горько»...

И Мартыановъ, дѣйствительно, страстно хотѣлъ видѣть обновленную Россію во главіи съ царемъ народа, а не государства, съ царемъ правды, царемъ истины и справедливости... Это было его идѣе fixe, столь дорогая тогда многимъ миллионамъ въ Россіи...

Письмо, дѣйствительно, было прочитано всюду.

Но имъ не ограничились искавшій правды Мартыановъ. Свои политическіе взгляды онъ выразилъ еще и въ особой брошюрѣ, право изданія которой продалъ лондонскому книгопродавцу Трюбнеру. Это — ставшая теперь большой рѣдкостью книжка: «Народъ и государство», выпущенная въ концѣ 1862 года, въ Лондонѣ.

Я не буду подробно останавливаться на этомъ сочиненіи Мартыанова, не буду даже излагать все вкратцѣ, потому что основная мысль очень проста: выяснялась полная противоположность между двумя понятіями, часто тогда смѣшивавшимися — что такое *народъ* и что такое *государство*. Мартыановъ говорилъ по этому поводу:

«Подъ словомъ «государство» я разумѣю не національную или географическую цѣлость, а *неотвѣтственное правительство* или правительство сословія, господствующія и эксплуатирующія подъ его покровительствомъ и съ его помощью.

«Народъ, это то, что эксплуатируютъ, это *земство*, которое гнетется *государствомъ*. Государство это то, что эксплуатируетъ земство, это — правительство неотвѣтственное, это — дворянство съ принадлежащими къ нему частями, живущее на счетъ народа, угнетающее и обирающее его съ помощью правительства неотвѣтственного, само же и составляя его въ видѣ чиновниковъ разнаго калибра, на что и имѣетъ почти исключительную монополію.

«Вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ и случайностей, вопреки характерныхъ особенностей народа русскаго, правительство наше изъ *выборно-совѣщательнаго* быстро превратилось въ абсолютное господствующее, безконтрольно-управляющее, неотвѣтственное и существуетъ въ этомъ видѣ нѣсколько вѣковъ. Опять разная случайности, а отчасти и соображенія мѣшали народу русскому сбросить беззаконный гнетъ правительства, насильно захватившаго власть, превышающую границы, установленныя для нея народомъ при Рюрикѣ, возстановляемая по мѣстамъ при удѣльныхъ князьяхъ и отчасти для всей Россіи, при выборѣ на царство М. Ѳ.

Романова. Кромѣ тѣхъ разныхъ случайностей и соображеній о необходимости терпѣнія правительственнаго самоуправства, во избѣжаніе большихъ какихъ-нибудь золь, народъ не разъ возставалъ фактически противъ беззаконно-дѣйствующихъ законовъ государственныхъ, всегда направлявшихся къ захвату правъ народныхъ, его свободы; но всѣ эти попытки борьбы и возстанія были подавляемы силой, и послѣ нихъ неправды правительства и гнетъ его власти все усиливались да усиливались, видоизмѣняясь во внѣшней формѣ своей и принимая болѣе стройный видъ и организованный строй, по мѣрѣ перерожденія государства по образу и подобію бога имперіи Римско-Нѣмецкой съ остатками типа Монголо-Византійскаго. Правительство наше, вмѣсто того, чтобы соображать дѣйствія свои съ потребностями и интересами земли, стало рѣшительно помыкать народомъ, эксплуатировать его и господствовать во вся тяжкая, позабывъ *десятую* заповѣдь скрижалей Господнихъ и навязывая всѣмъ первую, въ которой говорится: «Азъ есмь Господь Богъ твой и нѣтъ тебѣ Бози иніи развѣ мене!» цѣлкомъ примѣняя ее къ себѣ и обращая къ народу, котораго оно ни изъ какого Египта не изводило, а только привело...

Вотъ общее знакомство съ *Русскимъ государствомъ*.

Схема нашей государственной исторіи представлялась Мартыанову въ такомъ оригинальномъ видѣ: имперія Петра Великаго... Да что имперія! Возстаніе народа съ Пугачевымъ ясно говоритъ объ отношеніяхъ ея къ народу.

«Петръ I-й и дубинка, стрѣльцы и казни, перепись и подати, работы и служба, зазорская каша и земское масло... сынъ и дыбы, жена-монахиня, земство во колодахъ, расколъ на крестѣ...

«Екатерина и Меншиковъ.

«Петръ и Долгоруковъ.

«Избраніе Анны, Анна Іоанновна, Іоаннъ Антоновичъ, Анна Леопольдовна, Биронъ и Минихъ, пытки и казни, срубы и пламя — костры и огонь, и душно, и смрадно, и дымно!

«Елисавета и Лейбъ-компанія, Шлиссельбургъ и Іоаннъ Антоновичъ.

«Петръ III-й...

«Екатерина, Пугачевъ...

«Павелъ, во всемъ Екатеринѣ противорѣчившій, въ одномъ совершенно подражавшій ей, въ раздачѣ любимцамъ крестьянъ.

«Александръ, крестьянъ не раздававшій, что-то думавшій и ничего не сдѣлавшій, кромѣ ужасовъ аракчеевскихъ и военныхъ поселеній.

«Николай марширующий... Съ нами Богъ! Разумѣйте языки и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!

Патетически заканчивалъ авторъ изложеніе своего идеала — перехода власти къ народу:

«Если самая власть государственная перестанетъ быть властью, съ современнымъ намъ характеромъ ея, государство, этотъ враждебный станъ народу, не перестанетъ быть станомъ народу вра-

желебным, пока существует; потому не перестанет быть враждебным, что самая его станообразность народу уже враждебна. Чтобы вражды этой не было, надо, чтобы одна сторона из враждующих уничтожилась, войдя в другую, а так как народ уничтожиться не может, ему отречься от самого себя нельзя, то и остается уничтожиться стану государственному, т. е. дворянству, составляющему его, отречься от сословности.

«А власть государственная должна превратиться во власть правительственную, сообразную съ духом, ростом и потребностями народа, самоуправляющегося посредством представительной формы правления съ Великой Всенародной Земской Думой во главѣ, какъ выражениемъ союза и неразрывнаго единства всего Мира Славянскаго.

«Да здравствуетъ Царство Славянское! Единое, неразрывное, безсословное, народное Царство Славянское!

«Да здравствуетъ!

«Да здравствуетъ Царство Славянское!—союзное, свободное, могучее Царство Славянское!

«Да здравствуетъ!

«Да здравствуетъ Царство Славянское! Отъ моря Бѣлаго и Балтики до моря Чернаго и Босфора, отъ волнъ Адриатическихъ до океановъ Тихаго и Ледовитаго!

«Да здравствуетъ!»

V.

Написавъ письмо и книгу, Мартыановъ пришелъ къ заключенію, что онъ исполнилъ все, что могъ сдѣлать въ тотъ моментъ... Когда наступилъ кровавый 1863-й годъ, онъ насилию сдерживалъ свое горе при видѣ польскаго возстанія, которому совершенно не сочувствовалъ, какъ апологетъ всеславянской федерации... Много по этому поводу было у него споровъ съ Герценомъ и, въ особенности, съ Бакунинымъ...

Герценъ даетъ очень выпуклый образъ Мартыанова. «Человѣкъ, испитанный всѣми горями и бѣдствіями русской жизни, одаренный необыкновеннымъ умомъ, энергическій, глубоко страстный, Мартыановъ сосредоточился весь на вопросѣ о судьбѣ русскаго народа; тутъ была его поэзія, его религія, любовь и ненависть... Въ мнѣніяхъ Мартыанова была та законченность, которую мы встрѣчали въ глубоко религіозныхъ людяхъ, которой мы дивились въ П. В. Кирѣевскомъ. Тутъ нѣтъ больше колебаній, сомнѣній. Мартыановъ скоро усталъ на чужбинѣ и, натура цѣльная и фанатическая, пошелъ домой. Въ его возвращеніи было столько простоты, мужества, довѣрія, скажемъ не обинуясь, столько трогательнаго величія, что дѣйствительно, надобно не имѣть слѣда человѣческаго сердца, чтобы его послать на каторгу. Всѣ останавливали Мартыанова, онъ не послушался. Онъ не вѣрилъ, что откровенное слово, обращенное

къ представителю народной правды и народной воли, можетъ быть наказано хуже воровства»¹⁾.

Да, Мартыановъ рѣшилъ, что больше ему на Западѣ дѣлать нечего, и направился въ Россію...

Въ этомъ было такъ много простоты и наивности, что никто изъ окружающихъ не могъ его понять. Любопытное письмо написалъ онъ Огареву какъ-то послѣ одного изъ такихъ разговоровъ почти наканунѣ своего отбѣзда изъ Лондона.

«Я потому, безъ сомнѣнія, написалъ письмо къ государю и книжку, что жилъ въ Англии, но потому же ѣду и въ Россію, что написалъ это. Сказать печатно слово и отвернуться отъ Россіи для Америки—не хорошо, а оставаться въ Лондонѣ стало не къ чему.

«По какой причинѣ?

«Посмотрите письмо мое къ Вамъ по поводу разныхъ переписокъ, напечатанныхъ въ «Колоколѣ» по польскимъ дѣламъ, и Вы найдете, почему мнѣ незачѣмъ жить въ Англии²⁾. Да это Вы уже знаете. Знамя мое—единство всей земли славянской съ безсословнымъ представительствомъ въ одной центральной всенародной земской думѣ и съ думами по областямъ для мѣстныхъ дѣлъ. Къ тому же личныя дѣла окончились. Другую содержанія не стало. А какъ не стало въ жизни содержанія, пришлось искать его въ Россіи. Чего найду? Кто знаетъ! Хочу добра и правды.

П. Мартыановъ.

«Я имѣлъ дерзость думать, это не личное желаніе, это принципъ всего народа славянскаго, за исключеніемъ того, и то отчасти только, что называется «государствомъ». Такую рознь въ желаніяхъ народа съ государствомъ видимъ ясно въ Польшѣ».

«Хочу добра и правды»—въ этомъ и была ужасная вина Мартыанова...

Его уже давно разыскивали и, когда онъ, 12 апрѣля 1863 года, вступилъ на русскую землю въ Вержбовѣ, его сейчасъ же арестовали и немедленно доставили въ Петербургъ въ III Отдѣленіе.

14-го Александръ II повелѣлъ передать дѣло о его преступленіи особу учрежденной тогда комиссіи кн. А. Ѳ. Голицына, съ дѣятельностью которой читатели моихъ изслѣдованій въ «Быломъ» уже знакомы... Въ тотъ же день Мартыанова перевезли въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ уже сидѣли Чернышевскій, Серно-Соловьевичъ, Писаревъ, Шелгуновъ и др. Чѣмъ долженъ былъ пережить, перечувствовать и передумать человѣкъ, такъ страстно и такъ просто искавшій правды и добра? Это было маленькое «девятое января» Александра II...

¹⁾ «Колоколъ» 1864 г. № 176.

²⁾ Въ этомъ письмѣ Мартыановъ выражалъ свою скорбь и негодованіе на то, что русскіе, забывая притязанія поляковъ на коренныя свои земли, сочувствуютъ польскому дѣлу больше, чѣмъ сами поляки; говорилъ, что поляки могутъ, какъ хотѣтъ, отстаивать свое дѣло, но дѣло русскіхъ—оставать единство и дѣлать всей землѣ съ ея народной земскою думой.

VI.

15 апрѣля шефъ жандармовъ, кн. Долгорукій, сообщалъ кн. Голицыну о высочайшей волѣ.

Теперь, когда мы знаемъ истинный ходъ событій личной жизни Мартянова, для насъ безынтересно ознакомиться съ ихъ изложеніемъ въ официальной бумагѣ главноуправляющаго III Отдѣленіемъ.

Тамъ прежде всего сообщалось, что Мартяновъ растратилъ состояние своего отца... Очевидно, надо было подготовить комиссію къ наиболѣе неблагоприятному отношенію къ подсудимому. Затѣмъ говорилось, что изъ общества «Кавказъ и Меркурій» онъ уволенъ за растрату денегъ. «Видя послѣ того и съ обнаруженіемъ нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ его поступковъ трудность своего положенія въ Россіи, онъ отправился за границу и, находясь въ Лондонѣ, сблизился съ Герценомъ и его сообщниками»...—такъ объяснялся вызвъ въ Лондонъ.

20 апрѣля комиссія вытребовала Мартянова на допросъ.

Я не буду повторять здѣсь тѣхъ показаній его, которыми воспользовался выше при разсказѣ, а приведу другія.

Не желая впутывать хоть какъ-нибудь Герцена и его друзей, Мартяновъ сказалъ, что никого у Герцена и Огарева не встрѣчалъ, что Герценъ, кажется, очень остороженъ и едва ли станетъ принимать постороннихъ людей другъ при другѣ. «О дѣятельности его мнѣ ничего не извѣстно, кромѣ общихъ мѣстъ, извѣстныхъ по «Колоколу». У Бакунина не бывалъ».

Комиссія увидѣла, что отъ Мартянова много не получишь и, считая достаточнымъ самые факты послыки государю и опубликованія его и другого письма въ „Колоколъ“, представила Александру II докладъ, въ которомъ находила необходимымъ передать дѣло Мартянова на судъ сената. 5 мая докладъ этотъ былъ утвержденъ.

Сенатъ велъ себя тоже весьма просто и безъ дальнихъ проволочекъ прямо приступилъ къ составленію опредѣленія на основаніи матеріаловъ, переданныхъ комиссіею.

VII.

Приведу главную часть опредѣленія.

«Изъ вышеизложеннаго оказывается, что мѣщанинъ Мартяновъ, оставивъ Россію по случаю разстройства торговыхъ дѣлъ своихъ, и поселившись въ Лондонъ, познакомился съ Герценомъ, Огаревымъ и другими изгнанниками русскими. Не получивши почти никакого образованія, не начитавшись русскихъ сочиненій, издаваемыхъ изгнанниками и проникнутыхъ враждою противъ русскаго правительства, онъ прислалъ изъ Лондона его императорскому величеству письмо, въ коемъ дерзостно порицалъ установленный го-

сударственнымъ законамъ самодержавный образъ правленія. Затѣмъ, наполнивъ письмо свое нелѣпыми мнѣніями своими о вредѣ самодержавія и предлагая планы, въ головѣ его родившіяся, о сознаніи земской думы и о томъ, какимъ образомъ должны быть произведены выборы въ члены этой думы, онъ порицалъ существующія нынѣ учрежденія, упрекалъ въ существованіи ихъ и въ злоупотребленіяхъ, по мнѣнію его, отъ нихъ происшедшихъ, государя императора, и кончилъ письмо свое воззваніемъ къ государю созвать Великую Земскую Думу для постановки совѣщаній вокругъ государя. Такимъ образомъ, сочиненное Мартяновымъ и посланное имъ изъ Лондона къ государю императору письмо заключаетъ въ себѣ дерзостное порицаніе установленнаго государственными законами образа правленія и, хотя сіе преступленіе имъ учинено внѣ предѣловъ государства, подвергаетъ его, на основаніи 189 ст. уложенія наказанію по 2 ч. 286 ст. того же уложенія, т. е. заключенію въ крѣпость на время отъ одного года до двухъ лѣтъ.

«Но, независимо отъ сего, Мартяновъ, это же самое письмо, съ ничтожными токомъ измѣненіями, не переимѣняющими смысла, напечатать въ журналѣ «Колоколъ», издаваемомъ въ Лондонѣ русскими изгнанниками, Герценомъ съ компаніею, имѣющимъ постоянное направленіе къ опроверженію существующаго въ Россіи правленія. Такого рода дѣйствіе Мартянова есть распространеніе противозаконнаго его сочиненія и подвергаетъ его наказанію по 1 части той же 286 ст. уложенія, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводы отъ четырехъ до шести лѣтъ, безъ наказанія плетью и наложенія клеймъ, на основаніи высочайшаго указа 17 апрѣля сего года. По совокупности преступленій онъ долженъ быть подвергнутъ послѣднему, какъ строжайшему роду наказанія».

«Обращаясь засимъ къ опредѣленію мѣры наказанія подсудимаго, сенатъ находитъ, что при отсутствіи обстоятельствъ, вину его уменьшающихъ, она увеличивается тѣмъ, что съ противозаконнымъ сочиненіемъ своимъ онъ обратился къ лицу самого государя императора (6-й пунктъ 141 ст.) и, дозволяя себѣ нѣкоторымъ образомъ выраженія, имѣющія въ себѣ видъ упрека къ лицу императорскаго величества, даже въ формѣ нарушилъ порядокъ обращенія къ священноі особѣ русскаго самодержца, подобающій всякому русскому подданному, подписавшись «покорнѣйшимъ слугою», а не вѣрноподданнымъ. Объясненіе его, будто бы искренняя любовь къ государю и народу побудила его написать и послать письмо это, не заслуживаетъ по своей неправдоподобности ни малѣйшаго уваженія, ибо все содержаніе письма проникнуто озлобленіемъ, которое возымѣлъ онъ по случаю разстройства частныхъ дѣлъ своихъ, и озлобленіе это онъ излилъ на правительство русское; такимъ образомъ, во всемъ письмѣ его нѣтъ и тѣни любви къ государю и народу, которую приводитъ онъ въ оправданіе свое; онъ дышетъ злобою противъ правительства и наполнено несбыточными предположеніями. По симъ основаніямъ, мѣра наказанія подсудимому Мартя-

янову должна быть назначена средняя. Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: подсудимаго, мѣшанина Петра Мартянова, 28 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на пять лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибирь навсегда».

Государственный совѣтъ, конечно, согласился съ сенатомъ и получилъ высочайшее утвержденіе своего мнѣнія безъ всякаго даже уменьшенія срока наказанія.

7 декабря Мартяновъ былъ отправленъ въ Сибирь безъ публичнаго объявленія приговора на площади... Очевидно, понимали, что народъ преступленіе Мартянова вполнѣ одобряетъ...

Такой исходъ дѣла очень возмущилъ лучшую часть русскаго общества, уже раздѣленного тогда надвое свирѣпой реакціей. Герценъ сказалъ пару горячихъ словъ русскому деспотизму, вновь напечатать все письмо Мартянова...

Любопытно, что этимъ возмущился Ю. Е. Самаринъ. Онъ писалъ Герцену, что въ письмѣ Мартянова къ государю нѣтъ искренности... «По содержанію его письмо пошло; по тону оно заносчиво и дерзко, какъ поступокъ, въ которомъ обличаются побужденія писавшаго; оно лживо отъ первой строки до послѣдней. Можно лгать двоякимъ способомъ: изъ страха или расчёта, говоря противное тому, что думаешь и знаешь; можно также лгать на самого себя, натягивая свою мысль и свое чувство, становясь преднамѣренно въ заученную позу, разыгрывая роль, затверженную съ чужого голоса и выдавая суетное желаніе произвести эффектъ за избытокъ кипучаго вдохновенія. Въ этомъ смыслѣ письмо Мартянова самая противная ложь и натяжка, вѣрный признакъ растравленнаго самолюбія... Не то его озабачиваетъ, чтобы мысль, кажущаяся ему новою, дошла до государя и озаарила его, вовсе не то. Его радуетъ самый фактъ письма и огласка его, совершенно независимо отъ содержанія и послѣдствій. Онъ беретъ за перо, чтобы заявить, что вотъ, молъ, простой человѣкъ, бывший холопъ, а тоже помимо всѣхъ лѣзу къ государю и кричу на него; онъ потираетъ себѣ руки отъ удовольствія, воображая себѣ, какъ эта бомба изъ Лондона полетитъ въ Зимній дворецъ; какъ ее тамъ разорветъ, и какъ отъ осколковъ ея разбѣжится вся придворная челядь. Скандала онъ жаждетъ, скандала ради, а вовсе не вразумленія и обращенія. Все это вы чувствовали и понимали лучше меня. Отчего же вы приняли это письмо и напечатали его?...

«Вамъ донесли изъ Россіи, что Мартяновъ за это письмо сосланъ на каторгу. Объ этомъ я ничего не знаю; отъ васъ въ первый разъ слышалъ я имя Мартянова и, разумѣется, никакихъ справокъ не успѣлъ еще о немъ собрать; но не выжидая справокъ, теперь же, на свою отвѣтственность, я готовъ поручиться, что вамъ нагнали ваши корреспонденты въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ. Одно изъ двухъ: или Мартяновъ не на ка-

торгѣ, или онъ сосланъ не за это письмо, а за другое дѣло, и вамъ, и мнѣ неизвѣстное ¹⁾»...

Письмо весьма характерное. Авторъ его, конечно, не могъ допустить мысли, чтобы за это могли послать человѣка на каторгу и на вѣчное поселеніе!.. И какъ неловко было ему потомъ признаться Герцену въ своей ошибкѣ...

Въ юнѣ 1866 года Мартяновъ умеръ на каторгѣ... ²⁾

Мих. Лемке.

¹⁾ „Русь“, 1883 г. № 1.

²⁾ Непрологъ Мартянова помѣщенъ въ № 224 „Колокола“.

По поводу портрета А. И. Желябова.

(Письмо въ редакцію).

Какъ ни жаль огорчать уважаемую редакцію «Былого», но приходится сказать, что портретъ А. И. Желябова, появившійся въ мартовской книжкѣ «Былого», абсолютно непохожъ, и не даетъ ни малѣйшаго представленія о Желябовѣ. Прежде всего это былъ человѣкъ чрезвычайно красивый, не только чертами лица, но также выраженіемъ смѣлости и рѣшимости, которое проявлялось во всей его внѣшности.

Красивъ былъ темно-русый цвѣтъ волосъ, курчавой бороды, и небольшихъ усовъ, красивъ былъ бѣлый высокій лобъ и румянецъ, который говорилъ о цвѣтушемъ здоровьи. Голова и лицо были большихъ размѣровъ, лицо—широкое съ нѣсколько выдающимися скулами. Брови подымались легкой черной дугой надъ сѣрыми умными глазами, носъ былъ прямой и короткій. Когда Желябовъ говорилъ или смѣялся, то сверкали два ряда бѣлыхъ и крѣпкихъ зубовъ, которые онъ имѣлъ обыкновеніе стискивать съ большой силой въ минуты душевнаго волненія или крѣпкихъ думъ.

Чаше всего голова бывала слегка откинута назадъ и приподнята, что придавало Желябову особенное выраженіе повелительной энергіи и гордаго сознанія собственной личности.

Ходилъ онъ по улицамъ быстрой походкой, крѣпко задумавшись, незамѣтно для себя стиснувъ зубы, и съ силою сжимая руки, вытянутыя вдоль туловища. Обыкновенно онъ пользовался переходами съ одного дѣловаго свиданія къ другому, чтобы сосредоточиться на предстоящихъ разговорахъ или дѣйствіяхъ.

Повидимому, Желябовъ старался свыкнуться съ мыслью о томъ, что ему придется погибнуть на висѣлищѣ. Онъ самъ иногда затѣвалъ разговоръ объ этомъ предметѣ, безстрастно рисуя себѣ картину своей смерти.

Иногда шутя онъ говорилъ, когда его убѣждали въ конспиративныхъ цѣляхъ сбрить свою красивую окладистую бороду, къ которой онъ питалъ большую привязанность, что его могутъ повѣсить, но съ бородой онъ не разстанется.

Чтобы дополнить образъ Желябова, надо сказать, что онъ былъ высокаго роста, т. е. нѣсколько выше средняго, широкъ въ плечахъ, обладалъ хорошо развитой мускулатурой и большой физической силой.

А. Прибылева (Норба).

Отъ редакціи. Въ настоящей книжкѣ мы помѣщаемъ два портрета А. И. Желябова, воспроизведенные съ фотографическихъ карточекъ. Правда, оба портрета относятся къ юношескому періоду жизни Андрея Ивановича (одинъ гимназической, другой—студенческой поры) и не даютъ, слѣдовательно, полного представленія о внѣшности Желябова въ пору высшаго расцвѣта его физическихъ и духовныхъ силъ, но зато оба помѣщаемые портрета,—какъ о томъ писалъ намъ товарищъ А. И. Желябова по гимназій, университету и революціонной дѣятельности М. Н. Тригони,—«поразительно похожи». Такимъ образомъ, черты лица Желябова, хотя бы только и юношескаго періода его жизни, все же спасены для потомства. Редакція горячо благодаритъ лицъ, доставившихъ ей для воспроизведенія и помѣщенія на страницахъ «Былого» фотографическія карточки Желябова. Редакція увѣрена, что изъявленіемъ такой благодарности она выражаетъ не только чувства собственныя, но и чувства всѣхъ своихъ читателей-друзей.

Къ біографіямъ А. И. Желябова и С. Л. Перовской¹⁾.

I.

Весною 1879 г. самой крупной организацией въ Россіи, безъ сомнѣнія, была «Земля и Воля», имѣвшая нѣкоторые слабые отпрыски на югъ, но цѣлкомъ созданная сѣверомъ. Располагая собственной типографіей и газетой, имѣя, по крайней мѣрѣ, десятки тысячъ рублей, устраивая довольно солидныя поселенія въ 3—4 губерніяхъ, располагая, наконецъ, значительнымъ числомъ членовъ, сравнительно опытныхъ и энергичныхъ, этотъ кружокъ, сверхъ того, пользовался большою извѣстностью, а это въ революціонномъ дѣлѣ, можетъ быть, самое главное. Но среди самой организации было разное.

Обстоятельства были такого рода. Правительство, раздраженное террористическими попытками, не только не ослабило, но еще болѣе усилило мѣры къ искорененію социализмъ. Оно усилило полицію, умножило шпионовъ; генералъ Дренгельнъ задумывалъ систему мѣръ къ «очищенію» столицы. Все это вызвало необходимость нѣкоторыхъ террористическихъ фактовъ. Такъ, напр., было убить шпионъ Рейнштейнъ, который могъ погубить множество народа. Тѣмъ же побужденіями вызвано покушеніе на жизнь Дренгельна. Но, разумеется, всѣ эти факты еще болѣе раздражали правительство. Становилось очевиднымъ, что изъ этой борьбы нѣтъ другого исхода, какъ, или уничтоженіе социально-революціонной партіи, или же—политическій переворотъ. Становилось вмѣстѣ съ тѣмъ очевиднымъ, что политическій переворотъ невозможно произвести такими ничтожными мѣрами, какъ, напримѣръ, убійство Мезенцева, да и то производимыми не систематически, а какъ случится. Для людей, близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣла, было несомнѣнно, что какая бы то ни было дѣятельность въ пользу народныхъ массъ немыслима въ сколько-нибудь крупныхъ

размѣрахъ при существующемъ государственномъ порядкѣ. Перемена же характера государства, т. е. политическій переворотъ—задача страшно трудная, требующая всѣхъ силъ партіи, серьезной дѣятельности и крѣпкой дисциплинированной организации. Въ то время, когда «городская» часть земледельцевъ приходила къ такимъ заключеніямъ, «деревенская» часть, т. е. всѣ, проживавшіе уже по году, по два въ деревнѣ, видя преслѣдованія правительства, напротивъ, приходили къ заключенію, что терроръ оказался вреднымъ, и его необходимо бросить, тѣмъ болѣе, что онъ увлекаетъ партію на путь политической дѣятельности и отвлекаетъ отъ задачъ въ народѣ.

Въ 1879 г. нѣкоторая часть земледельцевъ,—убѣжденная, что при нашихъ условіяхъ игнорированіе политическаго элемента и уступка правительству, въ такъ или иначе завязавшей борьбѣ, были бы равносильны самоубійству партіи,—начала нѣсколько измѣнять прежній характеръ дѣйствій. Лица, придерживавшіяся этого взгляда, скоро пришли къ убѣжденію въ необходимости измѣнить всю программу и довести свои силы до возможности оказывать сильное сопротивленіе правительству; если же оно не откажется отъ своей системы, то они рѣшились поставить государственный переворотъ прямою цѣлью партіи. Все это представлялось въ то время крайне непопулярнымъ новшествомъ, конституціонализмомъ и т. п. Поэтому новаторы принуждены были дѣйствовать очень осторожно. Они не теряли надежды, что вся «Земля и Воля» окажется способной понять требованія времени, но надежды эти не могли быть велики, а поэтому они старательно разыскивали поддержку вездѣ, гдѣ было можно. Желябовъ былъ однимъ изъ людей, обратившихъ на себя ихъ вниманіе, и онъ дѣйствительно оказался ихъ единомышленникомъ, такъ что съ весны 1879 г. онъ уже былъ постояннымъ союзникомъ земледельческихъ «террористовъ», какъ ихъ тогда, очень неправильно называли.

Въ 1879 г. осенью, согласно уставу «Земли и Воли», долженъ былъ собраться общій сѣздъ земледельцевъ, для окончательнаго обсужденія дѣла и постановки практическихъ задачъ организации, впрямь до слѣдующаго сѣзда. Для этого собранія выбранъ былъ Воронежъ, какъ мѣсто, куда дешевле всего было съѣхаться большинству членовъ. Новаторы очень желали воспользоваться сѣздомъ для окончательнаго упроченія реформы. Самые же рьяные охранители старой программы, напротивъ, надѣялись, что на сѣздѣ имъ удастся искоренить изъ «Земли и Воли» даже тѣ ростки новшества, которые успѣли туда проникнуть.

Въ виду такого положенія вещей, новаторы рѣшили за нѣсколько дней до Воронежскаго сѣзда собрать *свой* по близости, въ Липецкѣ, съ тѣмъ, чтобы взвѣсить силы и явиться въ Воронежъ уже съ ясно опредѣленной программой и съ полнымъ представленіемъ о томъ, насколько обстоятельства позволяютъ быть требовательнымъ. Воронежскій сѣздъ былъ исключительно земледельческимъ. Липецкій сѣздъ организованъ, главнымъ образомъ,

¹⁾ Въ 1882 году организація «Краснаго Креста» опубликовала за границей, полученныя ею изъ редакціи газеты «Народная Воля», двѣ чрезвычайно интересныя брошюры, содержащія матеріалъ изъ біографій А. И. Желябова и С. Л. Перовской. Мы воспроизводимъ здѣсь эти брошюры въ ихъ наиболѣе существенныхъ чертахъ. Всѣ неогворенныя приписанія къ брошюрамъ принадлежать ихъ авторамъ.

землеуольцами-новаторами, по соглашению съ нѣкоторыми сторонними лицами, въ томъ числѣ и Желябовымъ. Приглашены же были на съѣздъ люди изъ разныхъ мѣстъ и кружковъ, не имѣвшие пока между собою ничего общаго, кромѣ сознанія необходимости измѣнить программу, въ смыслѣ усиленія въ ней политическаго элемента, организационной централизаціи и активной борьбы.

Желябовъ не былъ «землеуольцемъ», точно такъ же, какъ не была ими большая часть, приглашенныхъ въ Липецкъ. Понятно, что «воронежцы» ничего не знали о Липецкѣ съѣздъ, который вообще былъ организовать въ строгой тайнѣ, изъ опасенія, чтобы новое направленіе не встрѣтило отпора, прежде чѣмъ окрѣпнеть. На съѣздъ приглашены были только тѣ изъ вліятельныхъ людей, которые уже раньше заявили себя сторонниками реформы.

Я считаю здѣсь необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно участія на съѣздѣ Гольденберга, такъ какъ онъ вообще сильно компрометируетъ съѣздъ, а въ частности и Желябова, бывшаго въ числѣ организаторовъ его.

Съѣздъ нуждался въ людяхъ вліятельныхъ. Гольденбергъ, какъ это ни странно, былъ чрезвычайно извѣстенъ. Разумѣется, никто не считалъ его умнымъ, но всѣ—и совершенно справедливо—смотрѣли на него, какъ на человѣка, вполне честнаго, безусловно преданнаго своему дѣлу и, сверхъ того, чрезвычайно дѣятельнаго. Знакомства и связи Гольденберга были очень обширны, какъ это онъ доказалъ вполнѣтъ, выдавши сотни двѣ человѣкъ. Во многихъ мѣстностяхъ онъ былъ популяренъ, и множество очень умныхъ и хорошихъ людей были его личными друзьями. Недостатокъ Гольденберга былъ тотъ, что онъ, вообще, былъ довольно ограниченъ и непостояненъ: безпрерывно увлеклся разными планами. Сверхъ того онъ вообще отличался большимъ честолюбіемъ. Обсуждая теперь дѣло а posteriori, я все-таки не нахожу, чтобы приглашеніе такого человѣка и при такихъ условіяхъ, въ какихъ находились новаторы, было *большой* ошибкой. Безъ сомнѣнія, лучше было бы не приглашать его, но никакое предсудомѣріе не могло указать въ приглашеніи его какой-либо особенной опасности, и тѣмъ не менѣе, все-таки на съѣздѣ большая часть присутствовавшихъ, посмотрѣвши къ этому человѣку ближе, рѣшила держать его въ сторонѣ и выдѣлить изъ будущей партіи. Это сдѣлано было не потому, что кому-либо могла прийти въ голову невозможная мысль о Гольденбергѣ, какъ о предателѣ, а потому, что онъ, по своей ограниченности, не могъ ни понять, ни поддержать новаго направленія. Такимъ образомъ, Гольденбергъ и остался на будущее время при народоуольцахъ, какъ союзникъ, рубака, террористъ, но о дѣлахъ партіи не имѣлъ уже больше никакого понятія. 1)

1) Мнѣ извѣстно, что во время петербургскихъ съѣздовъ, участвовавшіе тамъ народоуольцы отъ имени Исполнительнаго Комитета предупреждались не приглашать на тотъ время въ Петербургъ Гольденберга, а нѣкоторые изъ знакомыхъ его—по тому же предупрежденію—совершенно съ нимъ не выдѣлялись.

Скажу еще два слова о «предательствѣ» Гольденберга. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что онъ не былъ, въ сущности, измѣнникомъ. Во-первыхъ, несомнѣнно, что онъ былъ храбръ, жизнью не дорожилъ, и вѣслицы не могъ испугаться. Во-вторыхъ, онъ выдавалъ все и всѣхъ,—и себя, и свою неувѣсту, которую очень любилъ, и личныхъ друзей, которымъ былъ многимъ обязанъ, и о которыхъ онъ могъ молчать безъ всякаго опасенія за милость начальства, такъ какъ оно о нихъ не имѣло и подозрѣнія. Измѣнники такъ не поступаютъ: у измѣнника есть расчетъ,—у Гольденберга его вовсе не видно. Поведеніе Гольденберга мнѣ объясняется гораздо проще. Прежде всего, онъ недалеко отъ природы, а въ одиночномъ заключеніи совсѣмъ помѣшался, что видно даже изъ путаницы лицъ и событій въ его показаніяхъ. Во-вторыхъ, онъ крайне честолюбивъ. Слѣдовательно, ведшій его дѣло, человѣкъ, очевидно, умный, прекрасно воспользовался слабыми сторонами своего плѣнника. Онъ съ участіемъ выслушалъ всѣ горячія обвиненія Гольденбергомъ правительства въ томъ, что оно преслѣдуетъ истинныхъ друзей народа, притворяясь будто Гольденбергъ открываетъ ему Америку и, наконецъ, началъ убѣждать Гольденберга, что правительство, безъ сомнѣнія, измѣнило бы систему, если бы знало истинный характеръ партіи. Очевидно, что прямая обязанность честнаго человѣка уничтожить такое страшное недоразумѣніе. Гольденбергъ воодушевляется. Передъ нимъ—великое дѣло и великая слава: онъ примиритъ партію съ правительствомъ и откроетъ для нея возможность свободной дѣятельности въ народѣ. Для этого нужно лишь убѣдить правительство въ томъ, что истинное желаніе партіи—это мирная культурная работа въ народѣ, и что на борьбу ее вызываютъ лишь репрессаліи правительства. Съ этой цѣлью Гольденбергъ начинаетъ описывать всѣхъ извѣстныхъ ему дѣателей; вотъ такой-то, положимъ, началъ съ мирной дѣятельности, правительство ему мѣшало, не давало возможности дѣйствовать, и онъ, дошедши до ожесточенія, совершилъ такія-то и такія-то дѣянія. Такъ онъ изложилъ біографіи чуть не всѣхъ ему извѣстныхъ лицъ. А для того, чтобы не было даже тѣни сомнѣнія въ его искренности, онъ выложилъ всю душу, все, что могъ вспомнить его большой мозгъ, не щадя ни друзей, ни родныхъ, ни себя. Правда, онъ многое путаетъ, но путаница эта совершенно безцѣльна и, очевидно, происходитъ не преднамѣренно, а только потому, что факты и лица перепутались въ его помутившейся головѣ. 1)

Нѣкоторое время Гольденбергъ торжествовалъ. Но когда изъ него все выжили, обращеніе съ нимъ измѣнилось. Теперь уже ему не льстили, не говорили о примиреніи съ правительствомъ. Нѣкоторые лица прокурорскаго надзора позволяли себѣ даже неостро-

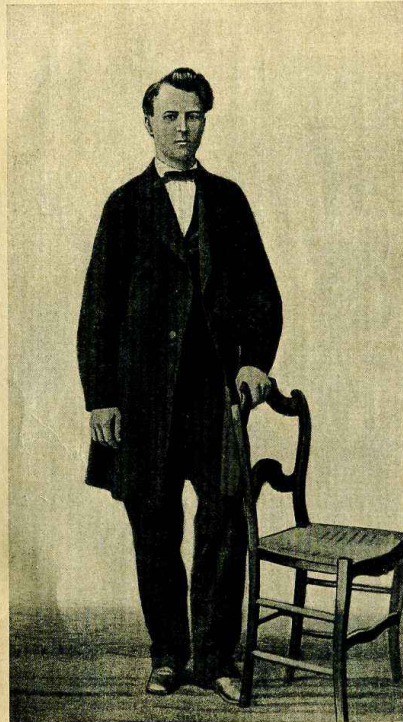
1) Я допускаю преднамѣренную ложь только въ тѣхъ частяхъ показаній, гдѣ Гольденбергъ говоритъ о вещахъ, ему совершенно неизвѣстныхъ. Тутъ онъ прямо считаетъ, чтобы не сознаться въ своемъ незнаніи, чтобы не показать, что онъ, Гольденбергъ, можетъ чего-нибудь не знать!

рожные выходки. Встрепанный насмѣшливымъ обращеніемъ прокурора (другого уже), Гольденбергъ говоритъ: «Помните, г. прокуроръ, что если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы моихъ товарищей, я себѣ этого не прошу».—«Уже не знаю на счетъ волосъ»,—отвѣчалъ остроумный прокуроръ,—ну, а что головъ много слетитъ, такъ это вѣрно». Вскорѣ послѣ этого разговора Гольденбергъ удавился.

Но возвратимся къ сѣзду. Роль Желябова на немъ была очень видная. Онъ неутомимо совѣщался и въ частныхъ разговорахъ и въ общихъ собраніяхъ, старался ознакомиться съ людьми, сговаривался, проводилъ собственные взгляды и т. д. Что касается этихъ взглядовъ, то ихъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: социально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что при ихъ отсутствіи никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская социально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ «идейная борьба». Въ виду этого мы должны остановиться, какъ на ближайшей цѣли, на чемъ-нибудь такомъ, достиженіе чего давало бы прочное основаніе политической свободѣ, и стремленіе къ чему могло бы объединить всѣ элементы, сколько-нибудь способные къ политической активности.

Такимъ основаніемъ нѣсколько позднѣе, какъ извѣстно, явилось «Учредительное Собраніе» и принципъ «Народной Воли».

Порѣшивши утвердительно—хотя въ довольно неопредѣленной формѣ—этотъ вопросъ, сѣздъ перешелъ къ обсужденію того, какъ социально-революціонная партія должна отнестись къ тѣмъ казнямъ, которыя, по всеобщимъ слухамъ, готовились въ видѣ отместки за 2-ое апрѣля. Въ этомъ отношеніи мнѣнія Желябова были еще болѣе опредѣленны. Онъ доказывалъ, что, если партія хоть сколько-нибудь считаетъ своею цѣлью обезпеченіе правъ личности, а деспотизмъ признаетъ вреднымъ, если она, наконецъ, вѣрить, что только смѣлой борьбой народъ можетъ достигнуть своего освобожденія, то тогда для партіи просто немислимо безучастно относиться къ такимъ крайнимъ проявленіямъ тираніи, какъ тотalebенскія и чертковскія расправы, инициатива которыхъ принадлежитъ царю. Партія должна сдѣлать все, что можетъ; если у нея есть силы низвергнуть деспота посредствомъ возстанія, она должна это сдѣлать; если у нея хватитъ силы только наказать его лично, она должна это сдѣлать; если бы у нея не хватило силы и на это, она обязана хоть громко протестовать... Но силъ хватитъ, безъ сомнѣнія, и силы будутъ расти тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мы станемъ дѣйствовать.

Андрей Иванович
ЖЕЛЯБОВЪ.

Гимназической поры жизни.

Въ такомъ духѣ говорилъ Желябовъ, и особенныхъ возраженій этому на сѣздѣ не было. Этотъ вопросъ былъ для всѣхъ ясенъ до очевидности, и дебаты только формулировали тѣ чувства, которыя все болѣе накопились въ это время на душѣ каждого порядочнаго человѣка. Я и безъ того такъ много принужденъ говорить не о Желябовѣ, а о постороннихъ обстоятельствахъ, что не могу, разумѣется, обрисовывать роли и мнѣнія другихъ лицъ сѣзда. Замѣчу только, что нѣкоторые лица указывали на терроръ, какъ на средство борьбы, даже какъ на единственное почти средство; нѣкоторые ставили задачей партіи достижение извѣстныхъ правъ, другіе—народоправленіе, третьи—захватъ власти самой партіей. Но, очевидно, что всѣ эти мнѣнія расходятся лишь въ отгѣнкахъ.

Третій вопросъ, подлежащій обсужденію, былъ вопросъ о типѣ организации. Желябовъ не былъ въ это время особенно яркимъ централистомъ, хотя признавалъ необходимость дисциплины и извѣстной степени подчиненія. Онъ только въслѣдствіи исполнѣ проникся организационными началами, выставленными вскорѣ «Народной Волей». Поэтому его роль на сѣздѣ по данному вопросу не была яркой. Подъ влияніемъ доказательствъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, сѣздъ порѣшилъ, однако, организационный вопросъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны.

Что касается задачъ практическихъ, то мимоходомъ замѣчу, что въ число ихъ не входила организація мести тирану. Относительно средствъ, которыми могла бы располагать партія въ этомъ случаѣ, велись, между прочимъ, частные разговоры, но и только. Самое рѣшеніе организационнаго вопроса сѣздомъ было таково, что практическое осуществленіе подобнаго дѣла возлагалось прямо на *организацию*. Сверхъ того, вопросъ зависѣлъ отъ поведения правительства. Вообще, главнымъ дѣломъ участниковъ сѣзда было распространеніе и укрѣпленіе новой партіи, въслѣдствіе чего они торопились разѣхаться. Нѣкоторые лица, въ томъ числѣ Желябовъ, должны были остаться по приглашенію землевольцевъ въ Липецкъ до тѣхъ поръ, пока участники Воронежскаго сѣзда не вызовутъ ихъ туда (если окажется возможнымъ).

Въ Воронежѣ въ это время собралось уже много народу. Липецкіе землевольцы заставили себя ждать дня четыре, и нѣкоторые изъ сѣхавшихся въ Воронежъ, наскучивъ ждать, уѣхали даже обратно въ свои деревни, такъ какъ имъ угрожала опасность потерять тамъ занимаемая ими положенія. Явившись, наконецъ, въ Воронежъ, «террористы» первымъ вопросомъ сѣзда поставили принятіе новыхъ членовъ (все больше изъ бывшихъ въ Липецкѣ), участіе которыхъ было необходимо для того, чтобы компанія содержала въ себѣ болѣе разносторонніе элементы. Сѣздъ, вообще, согласился, — нѣкоторыхъ принялъ, въ томъ числѣ Желябова, который, такимъ образомъ, явился въ Воронежъ.

Воронежскій сѣздъ, вообще говоря, былъ очень безсодержателенъ. Нужно отдать справедливость его участникамъ: громаднѣйшее большинство ихъ исполнѣ добросовѣстно старалось уяснить

себя задачи времени. Но состав съезда был такого рода, что решение, во всяком случае, могло быть только компромиссом. Вся деревенская часть съезда, составлявшая большинство, во-первых, слишком сильно сохранила старое отвращение к политике, некоторые же оказались даже вовсе не революционерами и проводили мысль, что задача партии—это сесть в народ, ознакомиться с ним и затѣм вести в его среде медленную культурную работу поднятия его умственного и нравственного развития. Съ этими людьми, разумеется, невозможно было столкнуться, как бы они ни были хороши сами по себе. Желябов, страшно злился, «Хороши ваши земледельцы, говорит он, и эти люди воображают себя революционерами!» Желябов, как и некоторые другие, был такого мнения, что разрыв неизбежен, и что не стоит даже оттягивать его. Он прямо, без малѣйших уступок, развил передъ съездомъ свою систему, свои взгляды, чѣмъ вызвалъ немалое изумление. «Да вѣдь онъ чистый конституционалист», говорили правѣрные социалисты...

Желябовъ относительно конституции, действительно, держался такого мнения, что она была бы очень полезна, что она облегчила бы возможность действовать, если не для «официальныхъ социалистовъ», то для людей вообще, и тѣмъ помогла бы народу выдвинуть своихъ дѣятелей, которые не хуже насъ сумѣли бы определить нужды народа и осуществить ихъ. «Я знаю,—говорилъ Желябовъ,—много очень умныхъ, энергичныхъ общественныхъ мужиковъ, которые теперь сторонятся отъ мірскихъ дѣлъ, потому что крупная общественная дѣла они себя не выработали, не имѣютъ, а дѣлать за мучениками изъ-за мелочей не желаютъ: они люди рабочие, здоровые, прелесть жизни понимаютъ и вовсе не хотятъ изъ-за пустяковъ лишиться всего, что имѣютъ. Конституция дала бы имъ возможность действовать по этимъ мелочамъ, не дѣлаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дѣло. А потомъ, выработавши себя крупный общественный идеалъ, не туманный, какъ теперь, а ясный, осязательный, и, создавши великое дѣло,—эти люди уже ни передъ чѣмъ не остановятся, станутъ тѣми героями, какихъ намъ показываешь иногда государство. Народная партия образуется именно такимъ путемъ.»

Большая часть съезда, однако, боялась разрыва. Особенно это страшнымъ казался для еще не оперившихся народолюбцевъ (т. е., будущихъ). Поэтому товарищи убѣждали Желябова не ставить вопроса слишкомъ рѣзко. Онъ согласился, но вмѣстѣ съ тѣмъ вообще замолчалъ на собраніяхъ и занялся исключительно частными бесѣдами, стараясь склонить на свою сторону отдѣльных лицъ. Особенно хлопоталъ онъ около Софьи Перовской, съ которой хотя и былъ знакомъ, но еще далеко не близокъ. Но Софья Перовская крѣпко стояла за свои взгляды, и не разъ Желябовъ говорилъ, пожимая по обыкновенію плечами: «Нѣтъ, съ этой бабой ничего невозможно сдѣлать».

Съездъ кончился компромиссомъ. Было рѣшено, что программа

«Земли и Воли» остается неизмѣнной, но что активная борьба съ правительствомъ должна быть усилена, и что—въ случаѣ казней—«Земля и Воля» должна принять самое дѣятельное участіе въ наказаніи тирана. Тенденціи «Земли и Воли» и «Листка Земли и Воли», которыхъ обвиняли въ измѣненіи программы (и, по моему, совершенно справедливо) были признаны согласными со взглядами партии. Поселенія въ народѣ рѣшено было сохранить.

Понятно, что эти рѣшенія совсѣмъ не удовлетворяли новаторовъ. Теперь энергическая дѣятельность становилась невозможной ни въ одну сторону. Единственная выгода, которую они приобрѣтали—нѣкоторые матеріальные средства, которая можно было пустить на живое дѣло. Всѣ ясно понимали неизбежность разрыва, если положеніе дѣлъ не измѣнится. Но у новаторовъ сохранилась надежда, что, при болѣе продолжительныхъ переговорахъ, при лучшемъ ознакомленіи съ дѣлами, если не всѣ, то большая часть консерваторовъ перейдетъ на ихъ сторону¹⁾. Во всякомъ случаѣ, разрывъ, при еще неустановившихся связяхъ и средствахъ, былъ для народолюбцевъ крайне нежелателенъ.

II.

Я былъ знакомъ съ Соней Перовской въ теченіе восьми лѣтъ, всегда былъ съ нею въ очень хорошихъ отношеніяхъ, иногда обстоятельства складывались такъ, что сами вызывали насъ на открытныя бесѣды, но, несмотря на все это, я плохо знаю ея жизнь. Знаю лишь то, что самъ видѣлъ или же слышалъ отъ другихъ, но что нея самой приходилось слышать очень мало.

Это была натура замѣчательно сдержанная, скрытая въ самой себѣ и какъ будто недовѣрчивая. Сверхъ того, жизнь ея, вообще говоря, была очень невеселая, а жаловаться она не любила. Я знаю много, очень много случаевъ, когда она поддерживала другихъ людей, дѣлая это охотно, просто и чрезвычайно деликатно, но она сама, полагаю, не встрѣчала людей, отъ которыхъ требовала бы нравственной поддержки себѣ; сильный не ищетъ поддержки у слабого, а Соня, по силѣ характера, на мой взглядъ, превосходила огромное большинство людей, съ которыми ее сталкивала судьба и не уступала даже двумъ-тремъ наиболее выдающимся... Поэтому-то ея внутренний міръ былъ и останется загадкой для самыхъ близкихъ ея друзей; эту загадку она не помогала разгадывать. Даже внѣшняя сторона ея жизни извѣстна очень мало, и нужно было бы переспросить сотню людей для того, чтобы возстановить,—да и то съ значительными пробѣлами,—хоть эту внѣшнюю сторону.

¹⁾ Эти надежды осуществились очень мало. Кое-что, дѣйствительно, перешло на сторону новаго направленія, но вообще разрывъ сталъ неизбеженъ. Приходилось действовать, приходилось устанавливать свою программу. Согласіе оказалось невозможнымъ. Послѣ многочисленныхъ дебатовъ, послѣдній Петербургскій съездъ «Земли и Воли» разрѣшилъ разрывъ кружка, а вмѣстѣ съ нимъ—и партію. Желябовъ не участвовалъ ни въ этихъ собраніяхъ, ни на этомъ конгрессѣ.

Дѣтство Сони прошло не весело. Она родилась въ барской семьѣ¹⁾. Мать ея—женщина очень умная, гуманная и честная; но отецъ представляетъ образцовый типъ мелочнаго, своекорыстнаго и безсердечнаго самодура. Общественное положеніе Перовскихъ, ихъ обязанности передъ «свѣтомъ» отнимали у матери возможность отдавать все свое время дѣтямъ. Семейная жизнь была полна раздора и тяжелыхъ сценъ. Соня, какъ послѣдняя дочь, родилась въ самый разгаръ семейной каторги. Къ старшимъ дѣтямъ отецъ еще чувствовалъ нѣкоторую привязанность, Сони же онъ сразу не взлюбилъ.

До трехъ лѣтъ она оставалась въ Петербургѣ подъ надзоромъ няни-нѣмки, которая ее очень любила. Затѣмъ отецъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Псковъ. Положеніе мужа обязывало Варвару Сергѣевну (мать Сони) тратить много времени на выѣзды, вечера и пр. Такой свѣтскій образъ жизни почти не оставлялъ ей возможности заниматься воспитаніемъ дѣтей. Но онъ продолжался не долго и болѣе не возобновлялся до тѣхъ поръ, пока не выросла старшая дочь, которую пришлось вывезти «въ свѣтъ». Въ этотъ промежутокъ времени Варвара Сергѣевна горячо отдалась дѣтямъ,—ея единственному утѣшенію. Она очень любила меньшую дочь, которая платила ей той же горячей привязанностью.

Соня была очень умный ребенокъ и исполняла малѣйшія желанія матери. Куколь она не любила, не играла ими никогда; ея игры носили, какъ называется, «мальчишескій» характеръ. Однажды мать увидѣла такую сцену: Василій бросалъ мячъ въ Сонию, которая служила мишенью. Мать разсердилась, но Вася объяснилъ, что онъ не хочетъ обижать сестру, а желаетъ только приучить ее защищаться, на случай, если на нее нападутъ разбойники. Вообще, очень живая и шаловливая, Соня слушалась только матери. Грамотѣ она выучилась только восьми лѣтъ и быстро пристрастилась къ чтенію.

«Въ дѣтствѣ,—рассказываетъ одна личность, близко знакомая съ семейной обстановкой Перовскихъ,—Сонѣ ничего не говорили ни о религіи, ни о Богѣ. Закона Божія она не учила. Отецъ, хотя и былъ вѣрующій, но рѣдко ходилъ въ церковь и для дѣтей не требовалъ религіознаго воспитанія. Постовъ въ домѣ никогда не соблюдали».

Училась Соня дома у приходящихъ учителей; французскій языкъ преподавался, разумѣется, одновременно съ русскимъ. Варвара Сергѣевна имѣла свой планъ воспитанія и не хотѣла помѣщать Сони въ учебное заведеніе, хотя послѣдняя и просила отдать ее въ гимназію. Провести свой планъ воспитанія матери, однако, не удалось, такъ какъ семейство, благодаря мотовству отца, скоро разорилось.

Впрочемъ, до того еще отецъ былъ переведенъ губернаторомъ

въ Петербургъ. Въ это время Соня съ матерью ѣздила за границу къ дядѣ, который умиралъ тамъ и выразилъ желаніе видѣть передъ смертію свою любимую племянницу. Нѣкоторое время она съ матерью провела въ Женевѣ, а затѣмъ онѣ вернулись въ Петербургъ.

Перовскіе стали жить открыто, старшую дочь «вывозили въ свѣтъ». Отецъ, благодаря своему положенію, имѣлъ огромный кредитъ и, не стѣняясь, имъ пользовался. Соня съ насмѣшкой и злобой вспоминала объ этомъ времени,—о нарядахъ, выѣздахъ, о томъ, что ее хотѣли приучить къ свѣту. Она въ это время оставалась совсѣмъ уединенною и еще болѣе погружалась въ свои книги.

Наступилъ 1866-й годъ. Каракозовскій выстрѣлъ низвергнулъ губернатора. Онъ палъ въ опалу и лишился мѣста за то, что не доглядѣлъ. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и разореніемъ семьи: кредитъ исчезъ, долги превышали стоимость имѣній, страшно, вдобавокъ, запущенныхъ. Давно желавшая отдѣлаться отъ супруга Варвара Сергѣевна, подъ тѣмъ предлогомъ, что жизнь въ Петербургѣ стала не по-средствамъ, отпросилась въ деревню вмѣстѣ съ дѣтми, вполне увѣренная, что мужъ за нею не послѣдуетъ. Такъ и случилось.

Въ имѣніи близъ Симферополя они прожили безвыѣздно два года. Планъ воспитанія Варвары Сергѣевны, за недостаткомъ средствъ, остался невыполненнымъ, и четырнадцатилѣтняя Соня пополняла свое образованіе чтеніемъ книгъ: ихъ бібліотека, кромя массы романовъ (которыми занимался отецъ), содержала много серьезныхъ книгъ по исторіи, естествовѣдѣнію и т. п.

Жизнь въ деревнѣ шла спокойно и однообразно. Днемъ сестры читали, гуляли, катались, особенно Соня, страстно любившая верховую ѣзду. Мать занималась хозяйствомъ. По вечерамъ кто-нибудь изъ дочерей читалъ вслухъ болѣею частью что-нибудь серьезное. Лѣтомъ жизнь разнообразилась пріѣздомъ братьевъ на каникулы; Василій привозилъ съ собою книги, Соня зачитывалась Писаревымъ. Въ уже шель 16-й годъ. Онѣ съ сестрой задумали поступить на Аларчинскіе курсы. Въ этомъ (1869) году имѣніе, гдѣ они жили, должно было продаваться за долги. Поэтому мать позволила дочерямъ продавать бывшія въ домѣ вещи, чтобы скопить себѣ сколько-нибудь денегъ. Обстановка дома была вполне барская, и вырученныя деньги дѣвушки рѣшили употребить для поступленія на курсы. Осенью пріѣхалъ отецъ для продажи имѣнія, а семья отправилась въ Петербургъ.

Здѣсь Варвара Сергѣевна наняла себѣ очень скромную квартиру. Отцу, по пріѣздѣ, такая обстановка не понравилась, и онъ нанялъ себѣ квартиру отдѣльно. Это было очень приятно всему семейству, особенно Сонѣ, которая терпѣть не могла отца. Она его и презирала, и не могла ему простить его поведеніе съ матерью, которую онъ всячески утѣшалъ. Мнѣ много разъ приходилось слышать ея отзывы объ отцѣ. Такъ враждебно она, кажется, не относилась къ нѣ одному человѣку на свѣтѣ. Въ это время Соня и Марія посту-

¹⁾ Въ Петербургѣ 1-го сентября 1853 г. Семейство Перовскихъ состояло изъ отца, матери и дѣтей: Николая, Маріи, Василия и Софьи.

пили на Аларчинские курсы; ходили к товаркам, принимали их у себя, хотя у каждой был свой кружок. Соня особенно сошлась с Вальбергом, Корниловой, Софьей Лешерн и др. Между тем отец заболел и должен был отправиться за границу. Он не мог ехать один, по болезни, а потому Варвара Сергеевна со старшей дочерью сопровождали его. Соня же отпросилась провести лето на даче в Лисном со своими друзьями (Вальберг, Корнилова и Лешерн¹⁾).

Это лето, проведенное на полной свободе, она всегда вспоминала с особенно теплым чувством. Но, когда осенью родные вернулись из-за границы, и Соня пришлось поселиться в дом отца (они жили теперь уже все вместе), положение ее стало невыносимым. Отец не только стеснял ее во всем, но еще запрещал принимать товарок, особенно Вальберга, державшуюся совсем нигилисткой. Он грозил сделать Вальберга скандалом, если еще хоть раз увидит ее в доме. Тогда Соня решилась уйти от родных. Друзья помогли ей скрыться. Отец развирьпел и обратился к полиции с требованием разыскать дочь. Однако, младшему из братьев, Василию, удалось выхлопотать паспорт для сестры; отец дал паспорт, но уже не хотел видеть Сони, так что она, посещая мать, ходила всегда с черного хода, чтобы не встретить отца.

Это было в начале 70-х годов. Разные влияния волновали молодежь и не могли, конечно, не коснуться такой натуры, как Соня. Она отправилась в Единово (Тверской губ.) на Верещинскую сыроварню и здесь, познакоившись с О., завывавшей школой, она стала помогать ей заниматься с детьми. Осенью она возвратилась в Петербург. С этого времени Соня впервые прикасается к тому умственному и социальному движению, которое совершалось в среде русской молодежи, и вместе с нею, проходя через все стадии его развития.

Вот что сообщает нам о Перовской одно лицо, знавшее ее в эти годы: «Я познакомилась с Софьей Львовной в Ставрополе в 1872 году, где я (вместе с одной моей приятельницей—П.) занималась приготовлением сельских учительниц. Софья Львовна приехала сюда в качестве оппонирующей, чтобы познакомиться с бытом крестьян. Для этого она пешком исходила все окрестные села, останавливаясь на несколько дней в каждом для прививания осы. Ночевала и столновалась она в первой попавшейся избе вместе с хозяевами и ничуть не тяготилась полным отсутствием удобства, к которым привыкла в детстве. Она была в то время в своем периоде рахматовщины: питалась молоком да кашей, спала на подушке с соломой и т. д. Здоровенная она была такая, как только можно себя представить, про

¹⁾ С тех пор тремя друзьями, из которых Корнилова и Лешерн, играли важную роль в революционном движении, и сестра Софья Львовна на фотографической карточке, копия которой мы воспроизводим в настоящем номере «Былого».

ея щеки ставропольцы выражались, что у неа словно два горшка на лице. Виделись мы, конечно, всякий день. Прививши всем ребятникам окрестных сел оспу, она стала помогать нам с П. в нашей школе. Ни скрытности, ни нелюбви к письмам я тогда в ней не замечала.—она охотно говорила о своих петербургских знакомых, которые в то время занимались изданием книг, о Крыме и, в особенности, о своей жизни в Лисном. А после ее отъезда к О. (в Единово), мы переписывались с нею все то же, так, без всякого дела, как люди, пожившие некоторое время вместе. Она и в то время уже внушала к себе уважение своею серьезностью и умом; видно было, что она пойдет по заданному себе пути, не увлекаясь по сторонам».

В конце 60-х и начале 70-х гг. русская молодежь уже имела себя «революционерами». И это были действительно революционеры, в том смысле, что желали радикального—социального и политического—переворота на началах социализма. Но в то же время в своих средствах это были мирные люди. Они слишком ненавидели насилие, чтобы не отворачиваться от него, даже для достижения своих целей. Они слишком верили в силу истины для того, чтобы считать нужным насилие. Тогда казалось, что стоит только сказать людям: «братя, любите друг друга!»—стоит только открыть им все сокровища науки, и здание грабежа и насилия рухнет само собою, быть может, даже не задавши ни одного человека. Для молодежи того времени единственно-реальными понятиями были любовь, самоотвержение, нравственное возрождение,—это мы понимали, потому что все это мы сами пережили. Но «бунт, кровь, революция»—все это были звуки. Мы слышали, что без этого нельзя обойтись, но совершенно не понимали, что это такое в действительности. Наша «кровь» не сопровождалась страданиями, наш «бунт» был строен и безобиден, наша «революция» была больше нравственным переждением, чем кровавой перетасовкой.

В конце 60-х гг. молодежь и вообще все передовые люди увлекались школами и ассоциациями. Школы должны были пересоздать народ умственно, ассоциации—подготовить экономической переворот. Через студию школ, народных книжек, ассоциаций прошла вся тогдашняя молодежь. Товарики Сони, Лешерн, начала со школы в Меглецах, Борвичского уезда, где у неа учителем и также секретарем судо-сберегательной кассы был Гамов, осужденный впоследствии к каторжным работам.

Я помню, в какое отчаяние пришла С. Лешерн, когда ее школу закрыли: «Боже мой, неужели у нас ничего нельзя сделать?» писала она высланному под надзор полиции Гамову. Пропаганда в школе никакой не было, если не считать за пропаганду хорошее обращение учителя с детьми и внушение им правил нравственности.

Соня также побывала в школе (в Единово). Но в это время уже начинались гонения. За школами усилили надзор до нелю-

пости. Для книг изменили цензурные правила, мотивируя это тем, что неблагонамеренные люди стараются дешево распространять вредные книги.

Кружок чайковцев, представлявший просто товарищество и занимавшийся до этого исключительно воздвиганием на студенчество, да изданием и распространением книг¹⁾, как народных, так и для интеллигенции, теперь увидев невозможность продолжать такую деятельность. Стали поговаривать, что пора перейти к воздвиганию на народ непосредственно, а книги начали издавать без цензуры за границей. Наиболее крайний кружок—долгушинский—отрицал вообще книжную деятельность, а ставил своей целью попытку поднять народ. Долгушины, впрочем, не имели последователей, и средства в связи их были ничтожны.

Соня была связана с чайковцами личным знакомством—которое для нея всегда имело много значения—так же, как и единством взглядов. Она присутствовала почти при самом зарождении кружка.

В 1873 г., весной, кружок, уже значительно сплотившийся и разросшийся до 24 человек, порешил серьезно взяться за работу, а также и за нецензурные издания. С деятельностью по собираванию чайковцев, за границей началось издание «Вперед!», туда же отправлено для печатания несколько рукописей народных книжек, а в Петербург привезли станок со шрифтом. Сношения с рабочими не систематически велись и раньше, но теперь были особенно расширены. Некоторые из членов поступили на фабрики и заводы, другие завели у себя нечто вроде вольных школ²⁾. Вообще говоря, несколько сот рабочих было затронуто так или иначе. В одном месте составилась чисто рабочий кружок, имевший библиотеку. Около чайковцев были еще подгруппы молодежи и множество отдельных лиц. В провинцию кружок посылал делегатов, которые побуждали к образованию таких же кружков и в других городах (в Москве, Одессе, Киеве), во многих губ. и уездных городах завели сношения с отдельными лицами. Наконец, двумя-тремя лицами сделаны попытки идти «в народ», в крестьянство.

Соня делала вообще все, что нужно было кружку, имела у себя специально кружковую квартиру, занималась с рабочими и заведывала сношениями с тюрьмами, в чем уже и тогда была нужна. С ноября 1873 г. в Петербурге начались страшные аресты. Тогда же было решено деятельность перенести, главным образом, в провинцию, но, прежде чем это совершилось, большая часть чайковцев была арестована.

Деятельность Соня за это время мне почти неизвестна. Новыми

¹⁾ Их им было издано множество; сверх того Чайковцы сходились с издателями, брали книги на комиссию и продавали на 50 проц. дешевле. Склады имели почти во всех главных городах.

²⁾ Занятия с рабочими были на Обводном канале, за Песковой и Парской заставами, на Петербургской и Выборгской сторонах и на Васильевском острове.

товарищами она, кажется, была недовольна: она вообще была консервативна, тяжело ей было свыкаться с новыми товарищами, тяжело—перемывать взгляды.

Летом 1874 г. она была арестована, но скоро выпущена на поруки за 5 тыс. р. и уехала с братом в Крым, в свое Приморское, единственное имение, которое Варварь Сергеевна удалось как-то спасти и тем обезопасить детей.

Проживши на родине некоторое время, Перовская отправилась в Тверскую губ., к одному знакомому врачу, при содействии которого решила изучить фельдшерское искусство. Все симпатии Перовской были на стороне деятельности в крестьянской среде, и, при первой возможности, она намеревалась отдаться ей всеми силами и энергией, для какой цели придавала большое значение фельдшерскому диплому.

В Тверской губ. Перовская пробыла несколько месяцев, в течение которых очень усердно ухаживала за больными, при чем также занималась и оспариванием. От одного моего знакомого, который часто встречался с Перовской в Тверской губ. и затем был с нею в одном кружке «Земли и Воли», я слышала, с какой заботливостью и нежностью Перовская ухаживала за больными.

К обязанностям простой сиделки Перовская относилась с такою же добросовестностью и аккуратностью, как и ко всей своей революционной деятельности. Она вообще ничего не могла делать на скорую руку, как-нибудь. Взявшись за самое маленькое дело, она исполняла его наилучшим образом.

Познакомившись несколько в Тверской губ. с медицинской практикой, Перовская нашла необходимым прослушать правильный курс, для чего вернулась обратно на родину и поступила в Симферопольскую фельдшерскую школу, которую и окончила в течение одного года. Жизнь ее в Симферополе ничем особенным не отличалась. Усердно занимаясь делом, она и здесь, как везде, приобрела любовь и уважение окружающих. Врачи фельдшерской школы относились к ней с полным доверием и, несмотря на то, что она еще не окончила курса, они часто предоставляли ей практику. В числе ее пациенток была одна, страдавшая раком на груди, старушка-еврейка, к которой Перовская, в течение нескольких месяцев каждый день ходила для перевязки. Своей заботой об этой больной, своей вечной улыбкой, она внушила ей такую любовь к себе, что та с нетерпением ждала ее прихода и уверяла при этом, что при одном ее виде, ей делается уже несравненно лучше.

Зимой 1877 г., получивши диплом, Перовская принялась искать место где-нибудь в деревне. Но в это время начался процесс 193-х, и ее повезли в Петербург в качестве подсудимой. Во время суда она оставалась на свободе, ходила на свидания в тюрьму к своим старым приятелям и товарищам, заботилась о них, носила им пищу, одежду, книги. На суд она была в

числѣ «протестовавшихъ» и всячески старалась, чтобы «протестъ» вышелъ, какъ можно, шире и дружнее. По суду она была оправдана.

Какъ извѣстно, по суду къ каторжнымъ работамъ приговоренъ былъ Мышкинъ, произведшій такое сильное впечатлѣніе своей рѣчью. Революционеры рѣшили освободить его во время перевозаки его изъ Петербурга въ центральную тюрьму. Перовская приняла въ этомъ планѣ самое горячее участіе. Но власти, узнавъ случайно объ этомъ замыслѣ, постарались ускорить и скрыть его отправку, и затѣявшіе его освобождение узнали объ этомъ только тогда, когда онъ былъ уже въ центральной тюрьмѣ (подъ Харьковомъ).

Трудно сказать, что дѣлалось съ Соней послѣ такой неудачи. Попавагося на глаза въ этотъ самый моментъ участника ни за что разругала самымъ несправедливымъ образомъ и, успокоившись, она просто застыла на мысли, непременно, во что бы то ни стало освободить другихъ. Ходила она злая-презлая, и только за своей больной (у нея на попеченіи была беременная госпожа С., страшно слабая и едва не умершая) ходила такъ же ласково и внимательно, какъ всегда.

Въ это время «троглодиты» были единственнымъ дѣятельнымъ кружкомъ въ Петербургѣ. Сонѣ они не нравились, но видя, что только при помощи этого кружка можетъ удался задуманное ею дѣло, она пристала къ нимъ.

Правила организаціи требовали безусловнаго подчиненія большинству. Соня скоро увидала, что безъ этого, дѣйствительно, ничего нельзя сдѣлать. Лично же она представляла образецъ дисциплины въ разѣ рѣшенномъ дѣлѣ. Не знаю, какова была роль ея въ возбужденіи вопроса объ освобожденіи центральныхъ ссыльных. Но компанія «троглодитовъ», начавшая вскорѣ изданіе «Земли и Воли», откуда и получила свое названіе землеvolцезь, произвела извѣстную попытку освобожденія Войнаральскаго. Соня принимала въ ней дѣятельное участіе и обнаружила все свое умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, никогда не измѣнявшее ей самообладанія и не женское мужество. Но когда попытка не удалась, она безжалостно упрекала участниковъ, и безъ того уже бывшихъ въ полномъ отчаяніи: «Зачѣмъ не гнали дальше! Какъ могли промахнуться!» и т. п. Вообще, такъ какъ я не желаю писать панигириковъ, въ которыхъ Соня не нуждается вовсе,—нужно сказать, что она въ дѣлѣ была жестоко-требовательна, и могла довести человека до самоубійства за малѣйшую слабость. Какъ это помирить съ ея нѣжностью къ больнымъ, слабымъ, и вообще ко всѣмъ, требующимъ поддержки,—я не знаю. Но обѣ черты принадлежать ей одинаково. Правда, что себя-то она уже окончательно не жалѣла и не берегла.

Послѣ харьковскаго дѣла Соня уѣхала къ себѣ въ Приморское и затѣмъ очень скоро была арестована: ее хотѣли выслать въ Повѣнчѣ административно, подобно большинству освобожденныхъ по процессу 193. Но она по дорогѣ бѣжала. Везше ее жандармы,

желая съэкономить нѣсколько денегъ, предложили ей ѣхать не по желѣзнымъ дорогѣ на Рыбинскъ, а пароходомъ. Она согласилась. Но для того, чтобы дождаться парохода, пришлось переночевать въ Чудовѣ. Соня спала въ дамской комнатѣ на вокзалѣ. Оба жандарма легли возлѣ дверей. Когда они заснули, Соня перешагнула черезъ нихъ, отворила двери, ушла съ вокзала и спряталась въ лѣсу, гдѣ и пробыла 6 часовъ, пока не улеглись поиски, а затѣмъ поѣхала въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени, она снова уѣхала въ Харьковъ — продолжать дѣло освобожденія. Съ этимъ освобожденіемъ она возилась цѣлый годъ. Работа была невозможно трудная. Соня подготовила очень многое и преодолѣла первыя препятствія. Ей удалось подыскать людей, устроить наблюденіе за центральной тюрьмой и сношенія съ заключенными. Живя въ городѣ и поступивъ на акушерскіе курсы, она въ то же время завела много знакомствъ среди молодежи, гдѣ ее не только любили, но относились даже съ нѣкоторымъ поклоненіемъ. Она положила начало кружку, просуществовавшему въ Харьковѣ болѣе 2-хъ лѣтъ. Что касается освобожденія, то оно не могло состояться, такъ какъ питейцы Соню скоро совершенно перестали поддерживать. Мѣсяца два спустя, послѣ мензевскаго дѣла, компанія «Земли и Воли» была сильно ослаблена: лучшіе люди перебраны, связи подорваны, притокъ средствъ, по отсутствію людей, сократился. Напрасно оставшіеся въ живыхъ обращались изъ Петербурга въ провинцію (гдѣ въ народѣ было еще множество землеvolцезь) за помощью: никто не прѣзжалъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что дѣла въ Петербургѣ не имѣютъ значенія, а увлеченіе терроромъ даже вредно. При такихъ условіяхъ, оставшимся приходилось работать каждому за десятерыхъ для того только, чтобы сохранить центръ. Можно сказать даже, что въ это время, *одино-два* человека вынесли на плечахъ своихъ честь революціи. Понятно, что оказывать еще помощь Сонѣ въ ея планѣ было невозможно.

Вотъ что сообщаетъ объ этомъ періодѣ жизни Перовской одна изъ ея харьковскихъ пріятельницъ.

«О Перовской я услышала въ первый разъ въ іюнѣ 1878 г. отъ лицъ, подготовлявшихъ освобожденіе Войнаральскаго. Судя по тому, какъ эти лица отзывались о ней и какъ ждали ея прѣзда въ Харьковъ, я тогда же заключила, что къ Перовской относятся въ этомъ кружкѣ съ глубокимъ уваженіемъ и какой-то особенной нѣжностью. Прѣехала она въ Харьковъ позже всѣхъ остальныхъ участниковъ освобожденія, такъ, за недѣлю до катастрофы, потому, мнѣ кажется, что на ея обязанности лежало слѣдить за отправкой осужденныхъ изъ Петербурга и вообще не терять ихъ изъ виду. Во время освобожденія Перовская исполняла роль простой горничной на одной изъ квартиръ участниковъ. Она и вообще, какъ я послѣ узнала, была вся охотнѣе за такія роли, гдѣ нужно было разыгрывать простого человека; роль же барыни ей, вѣроятно, была не по-натурѣ, и я сомнѣваюсь даже, чтобы она могла

ее выполнить так же безукоризненно хорошо, как свои обыкновенные роли. В качестве простой горничной, во время освобождения, Перовская являлась всюду, где нужно было слдить и высплывать. Особенно внимательно наблюдала она за вокзалом, где в это время был усилен полицейский персонал, вследствие ожидавшегося прибытия поезда с осужденными. Когда попытка окончилась неудачей, и участникам приходилось спасаться из Харькова, Перовская, замшавшись в толп, наблюдала за отбздом товарищей и видела, как арестовали явившагося первым на вокзал Фомина. Едва успли жандармы увести Фомина, как на вокзал явилось еще двое из участников освобождения, которые, наврне, были бы арестованы, если бы Перовская не успла во время предупредить их о случившемся. Тогда вс трое ушли с вокзала, переждали нсколько дней у своих знакомых и, когда жар полиции нсколько поутих, преспокойно ушли из Харькова.

В октябрь того же года Перовская снова прхлала в Харьков, и в этот раз мн удалось поближе узнать ее. Она в это время была вся поглощена устройством сношений с заключенными в централк и своим грандиозным планом освобождения. Первое ей удалось исполн, так что для заключенных это было по-истин блаженным временем: люди, просидвшие там по нскольку лтъ без всяких сношений с вншним миром, вдруг получили возможность переписываться со своими близкими, а также имть книги, еду и необходимую зимнюю одежду. Все это Перовская доставляла им с истинно материнской заботливостью. Она, напр., по нскольку дней расхаживала по лавкам, раньше чм покупала ту или другую вещь для центральных, объясняя при этом, что, мол, т теплая фуфайки или эти теплые чулки кажутся ей не достаточно прочными, и она боится, что они могут сидящим не хватить на цлую зиму. Посылая пишу в тюрьму, она заранее обдумывала, какая пища необходима заключенным, чтобы предохранить их от обыкновенных тюремных болзней, почему посылала им всегда сельдей, сыру, лимонов и яблок. И все это она длала так старательно и с такой нжностью, что часто приводила в умиление, как меня, так и других своих знакомых.

Я жила с Перовской в одной комнат, когда (в ноябр) получилось известие, что в Петербург многие из членов «Земли и Воли» арестованы¹⁾. Трудно изобразить, какое горе причинило ей это известие. Как человек чрезвычайно скрытный, она ни перед км не изливала его и казалась даже спокойной и не особенно убитой, но зато по ночам, когда она была уверена, что я сплю, и никто не слышит ее, она давала волю своему горю. Помню, как Перовская провела первая 3 ночи посл получения известия. Что это были за ночи!.. Я вынуждена была притворяться спя-

щей, из боязни своим присутствием или участием только стбнить ее, но как шло мое сердце при этих постоянно раздававшихся тихих рыданиях!.. Я тогда еще не знала, как этот погром может отразиться на план освобождения и думала, что Перовская так убивается только потому, что эти люди ей особенно близки. Впоследствии я лишь поняла, что с их арестом у нея явилось сомнние в возможности осуществить свой план. Разстаться с этим планом ей было невыносимо тяжело, но все же пришлось, так как за первыми арестами послдовали другие, и попытка освобождения не могла состояться.

... Наступило 2-е апреля 1879 г. Правительство приняло такое положение, что уже совершенно немисливо было уклониться от прямой борьбы с ним. На эту борьбу вызывали факты, эту борьбу стала освящать и нарождающаяся теория.

Освобождения заключенных из тюрем отошли совершенно на задний план.

В июн состоялся Липецкий съезд. Соня не была приглашена на него, но в Воронеж она была. Здсь она заявила себя против политической программы, но всми силами стремилась предупредить разрыв партии и была в числ лиц, успвших на два мсяца задержать этот раскол, но он все-таки произошел.

Как всегда чуткая, понимающая, где беет жизнь и правда, Соня не захотла оставаться в «Черном Передел», но, с другой стороны, и не тотчас присоединилась к «Народной Вол». Очень близкие и уважаемые люди, бывшие в таком же положении, звали ее за границу. «Я предпочитаю быть повешенной здсь, чм жить за границей», отвечала она, и наотрв отказалась ехать.

Распадение организации «Земли и Воли» на 2 группы в сущности произошло задолго до формального его санкционирования. Каждая группа посл Воронежского съезда дйствовала уже почти вполне независимо: привлекала к себе новых членов из лиц, не входивших в организацию «Земли и Воли», обсуждала условия соглашения и тх уступок, какия можно сделать, чтобы избежать разрыва и заранее готовилась к своим практическим задачам на случай разрыва. По поводу всего этого у так называемых «деревенщиков» (будущих чернопеределцев) происходили сходы (за Петербургом), в которых участвовала также и Софья Львовна. Большинство не видло возможности прийти к каким-нибудь соглашениям с террористами. Введение политического элемента в программу и сосредоточение главных сил партии на борьбу с правительством вызвали протест со стороны деревенщиков, — разрыв был неизбежен. Но Софья, как и многим другим, ужасно не хотлось его. Она доказывала, какой вред произойдет от распада организации «Земли и Воли» и скорбе молила, чм аргументировала, как его избежать. Она лично почти не видла существовавших разногласий между обими фракциями и находила, что расхождение происходит больше от недоразумний, которая

¹⁾ Андрианъ Михайловъ, Сабуровъ, Бузановъ, Малиновская, Козлякина и др., судившаяся въ маѣ 1880 г. по такъ, называемому, процессу „Вейхара“.

можно удалить взаимными объяснениями. Она соглашалась с деревенщиками, что не слѣдует оставлять дѣятельность въ народѣ, хотя и на время, какъ это предлагали террористы (будущіе народовольцы), но, рядомъ съ этимъ, находила необходимымъ убійство Александра II, на что въ то время было устремлено все вниманіе послѣднихъ. Относительно этого пункта она нѣсколько расходилась съ деревенщиками, которые признавали полезность этого факта лишь въ связи съ дѣятельностью въ народѣ. Они смотрѣли на убійство царя, какъ на агитационный фактъ, могущій послужить сигналомъ къ крупнымъ массовымъ движеніямъ. Поэтому моментъ совершенія убійства Александра II они ставили въ зависимость отъ результатовъ предварительной организационной работы въ народѣ, иначе, фактъ этотъ, думали они, или останется совсѣмъ безъ вліянія на народъ, или онъ вызоветъ стихійныя движенія, которыя, при отсутствіи революціонныхъ организацій, могутъ скорѣе принести вредъ, чѣмъ пользу. Но террористы рѣшительно не хотѣли подчинять время совершенія этого факта дѣятельности въ народѣ, находя эти соображенія не вполнѣ вѣрными и не всегда удобоисполнимыми, поэтому они стояли за выполнение своего намѣренія, какъ только представится къ тому возможность. Софія Львовна соглашалась съ деревенщиками, что убійство царя будетъ имѣть гораздо большее значеніе, если оно совершится при параллельной дѣятельности въ народѣ, при существованіи серьезныхъ сношеній съ нимъ и крупныхъ организацій; но всего этого въ то время почти совсѣмъ не было, поэтому она находила полезнымъ совершеніе убійства Александра II, ради одной уже мести за ужасныя преслѣдованія и казни социалистовъ, и такъ какъ приведеніе этого плана въ исполненіе само собою откладывалось на нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ деревенщики, какъ ей казалось, могли еще кое-что успѣть въ народѣ, то она и считала дѣятельность обѣихъ фракцій одна другую дополняющей; но пока деревенщикамъ удастся завязать серьезныя сношенія съ народомъ, она рѣшилась помогать террористамъ въ ихъ планахъ взрыва царя. Вотъ почему, при состоявшемся (въ началѣ августа 1879 г.) формальномъ распадѣи «Земли и Воли» на «Народную Волю» и «Черный Перевѣль», Софія Львовна не пристала ни къ одной изъ этихъ двухъ группъ цѣликомъ, но, тѣмъ не менѣе, помогала каждой. Такъ, передъ отъѣздомъ въ Москву (въ домъ Сухорукова), она передала чернопередрѣльцамъ кое-какія имѣвшіяся у нея связи въ провинціи, познакомила ихъ съ нѣкоторыми лицами, располагавшими материальными средствами и сочувствовавшими дѣятельности въ народѣ и отдала имъ имѣвшуюся у нея небольшую сумму для ихъ предпріятій.

Возвратившись послѣ 19 ноября въ Петербургъ, Софія Львовна точнѣе же постаралась повидаться съ нами. Почти съ первыхъ же словъ она прямо заявила намъ, что готова пристать къ чернопередрѣльцамъ, если у нихъ имѣется теперь (или въ скоромъ времени будетъ) крупное организационное предпріятіе въ народѣ. Наро-

довольцы подробно изложили ей настоящее положеніе дѣлъ: они рассказали ей, какъ велики теперь вышнія (политическія) препятствія для серьезной дѣятельности въ народѣ, какъ ничтожны тамъ связи («зацѣпки») чернопередрѣльцевъ, въ какомъ незавидномъ положеніи находятся всѣ, желающіе дѣйствовать въ деревнѣ, и какъ мало силъ и средствъ для возможной даже въ этомъ направленіи дѣятельности. Твердая увѣренность народовольцевъ въ томъ, что серьезное революціонное дѣло немислимо въ данное время въ народѣ, произвело на Софію Львовну очень тяжелое впечатлѣніе. «Такъ остается пристать къ народовольцамъ?»—не то спрашивала, не то рѣшала она.

Зная, что она не раздѣляетъ цѣликомъ воззрѣній «Народной Воли», что она мало вѣритъ въ возможность добиться политической свободы силами партіи, что она смотритъ на террористическіе факты больше, какъ на мѣста правительству, народовольцы старались отклонить ея намѣреніе, доказывая, что лучше уже выждать нѣкоторое время, а пока возможна будетъ дѣятельность въ народѣ, они предлагали ей ухать за границу. «Нѣтъ, нѣтъ!»—рѣшительно заявила она—я останусь здѣсь погибать вмѣстѣ съ бо- роющимися товарищами!

Трудно выразить, какъ тяжело товарищамъ Перовской было сознавать, что она остается для вѣрной и скорой гибели, но никакими доводами они не въ силахъ были переубѣдить ее.

На другой день, послѣ этой бесѣды, Желябовъ съ необычайной радостью сообщилъ намъ, что Софія Львовна уже формально вступила въ организацию «Народной Воли».

Въ декабрѣ 1879 г. Соня, такимъ образомъ, формально присоединилась къ фракціи «Народной Воли». Съ тѣхъ поръ она со всей энергіей работала на пользу «Народной Воли», а въ организационномъ отношеніи сдѣлалась значительно большей централисткой и горячо проповѣдывала необходимость дисциплины.

Почти сейчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Соня попала въ не-пріятное положеніе, обыкновенно наступающее послѣ всякихъ «покушеній» и т. п. Начались аресты. Взята была типографія «Народной Воли», а также многие изъ выдающихся ея дѣятелей. Соня въ это время была неподражаема по хладнокровію и находчивости.

Дѣятельность Сони за послѣдній годъ извѣстна мнѣ лучше, чѣмъ въ какой-нибудь другой періодъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ близко касается нашего времени для того, чтобы о ней можно было говорить. Одно можно сказать: она работала неутомимо. Особенно она занята была рабочимъ дѣломъ, а въ связи съ нимъ дѣйствовала и между студенчествомъ. Къ дѣятельности среди рабочихъ ее влекла всепашная ея симпатія и убѣжденія. Она очень серьезно вдумывалась въ планъ переворота, поставленный партіей, и всегда утверждала, что безъ широкаго участія рабочихъ и безъ поддержки войска, переворотъ немислимы.

Къ недостаткамъ Сони можно причислить ея крайнюю неосторожность. Себя она не берегла ни на волю. Да и вообще она

способна была увлекаться цѣлью до того, что не достаточно осторожно вела себя въ работѣ. Однако, она никогда не хотѣла признавать себя въ этомъ виновной, и нужно сознаться, что ея лѣность очень часто выкупала недостатокъ осторожности.

Послѣдній годъ жизни Сони былъ первымъ годомъ любви. Она полюбила Желябова,—единственный разъ въ жизни, если не ошибаюсь. Вообще она была большая «женская патриотка» и всегда утверждала, что мужчины въ сущности ниже женщинъ. Серьезное уваженіе она чувствовала къ очень немногимъ. Желябовъ оказался человѣкомъ по плечу Сони. Она крѣпко любила его, какъ я, признаюсь, считала ее неспособной полюбить мужчину. Недолго продолжался этотъ эпизодъ. Въ концѣ февраля 1881 г. Желябовъ былъ арестованъ.

Участіе Сони въ дѣлѣ 1 марта раскрыто ею на судѣ. Послѣ ареста Желябова, она успѣла очистить свою квартиру отъ всего цѣннаго и уйти на глазахъ искавшей ее полиціи. Послѣ 1-го марта друзья настаивали на ея отъѣздѣ. Она отказывалась, умоляя оставить ее въ Петербургѣ, гдѣ теперь такъ интересно быть. Нѣсколько дней спустя, ее арестовали на улицѣ, когда она бѣжала на извозчикѣ.

Безполезно говорить о томъ, что Соня встрѣтила смерть такъ же, какъ встрѣчала тяжелую жизнь: спокойно и съ достоинствомъ. Умереть хорошо легче, чѣмъ жить такъ, какъ умѣла жить она.

Приведу въ заключеніе письмо Сони, писанное ею матери передъ судомъ. Она старается шадить и осторожно приготовить мать къ страшному удару. Къ сожалѣнію, это единственное письмо Сони, которое я могъ достать. Впрочемъ, она и не любила писать, кромѣ чего-нибудь дѣлового. Вотъ это письмо:

«Дорогая моя, неощенная мамуля! Меня все давить и мучаетъ мысль, что съ тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя изъ-за меня, побереги себя, ради всѣхъ окружающихъ тебя, и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встрѣчаю ее, такъ какъ давно знала и ожидала, что рано или поздно, а такъ будетъ. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила такъ, какъ подсказывали мнѣ мои убѣжденія; поступать же противъ нихъ я была не въ состояніи: поэтому со спокойной совѣстью ожидаю все, предстоящее мнѣ. И единственно, что тяжелымъ гнетомъ лежитъ на мнѣ, это твое горе, моя неощенная, это одно меня терзаетъ, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые, и большіе, для которыхъ, для всѣхъ ты нужна, какъ великая своей нравственной силой. Я всегда отъ души сожалѣла, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь, но во всякія минуты колебанія твой образъ меня всегда поддерживалъ. Въ своей глубокой привязанности къ тебѣ я не стану увѣрять, такъ какъ ты знаешь, что съ самаго дѣтства ты была всегда моею самой постоянной и высокой любовью. Безпокойство о тебѣ

С. Л. ПЕРОВСКАЯ съ поругами,
Лешеръ фонъ-Герцфельдъ,
Корнилова. Вальбергъ.
Перовская.

С. Л. ПЕРОВСКАЯ въ дѣтствѣ.

было для меня всегда самым большим горемъ. Я надѣюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я теперь причиняю и не станешь меня сильно бранить: твой упрекъ единственно для меня тягостный.

Мысленно, крѣпко и крѣпко цѣлую твои ручки, и на колѣняхъ умоляю не сердиться на меня. Мой горячій привѣтъ всѣмъ роднымъ. Вотъ и просьба къ тебѣ есть, дорогая мамуля, купи мнѣ воротничекъ и рукавички, потому запонокъ не позволяютъ носить, и воротничекъ поуже, а то для суда хоть нѣсколько поправить свой костюмъ: тутъ онъ очень разстроился. До свиданія же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя изъ-за меня, моя участь вовсе не такая плачевная и тебѣ изъ-за меня горевать не стоитъ“.

22-го марта 1881 г.

Твоя Соня.

Какъ извѣстно, черезъ 12 дней послѣ написанія этихъ строкъ, Софья Львовна окончила свои дни на эшафотѣ...

Къ исторіи заговора Сухинова.

(Подлинный документъ).

КОМЕНДАНТА
при Нерчинскихъ рудникахъ
Генералъ-Майора и Кавале-
ра Лепарскаго.

По 29-го Ноября 1838. Секретно. Исправляющему Должность Начальника Нерчинскихъ Заводовъ Господину Бергаупману и Кавалеру Фонъ-Фрипу.

Ноября 29-го дня 1838 года.

Учрежденная въ Нерчинскомъ заводѣ Комисія Военнаго Суда, для сужденія намѣревавшихся къ побѣгу изъ Зерентуйскаго рудника ссыльных съ злоумышленіемъ ихъ, чтобы, составя партію до двадцати человекъ или болѣе, подъ предводительствомъ ссыльнаго же Сухинова здѣлать возмущеніе и противъ злодѣянія, представила ко мнѣ сего Ноября 4-го числа оконченное оной Военно Судное Дѣло, съ заключенною сентенціею. Разсмотрѣвъ Дѣло сіе, нахожу что Комисія Военнаго Суда заключила виновнымъ приговоръ сходно съ законами.—Но какъ Государь Императоръ Высочайшимъ ко мнѣ Повелѣніемъ за Собственноручнымъ подписаніемъ, послѣдовавшимъ отъ 13-го числа прошлаго августа, повѣлѣтъ созвать ко Дѣлу сему приговоръ Арміи исполнить мнѣ послѣдъ учрежденія параграфа 7-го о Дѣйствующихъ арміи; исполненіе того Высочайшаго Повелѣнія, слѣдую полевому уголовному уложенію для большой Дѣйствующей Арміи, приговоренныхъ Военнымъ Судомъ къ смертной казни, и имѣнно: ссыльнаго Ивана Сухинова, за соглашеніе ссыльныхъ Голикава и Бочарова къ общему съ ними побѣгу, принявшаго злоумышленіе набрать Партію Ссыльныхъ до двадцати человекъ и болѣе, съ ними взять насильственно въ Зерентуевскомъ рудникѣ и Нерчинскомъ заводѣ салдатскія ружья, порохи, пушки, девятную казну, идти по противимъ рудникамъ и заводамъ, разбивать всюду тюрьмы для присоединенія къ себѣ колодниковъ, приглашать и принуждать проживающихъ отдѣльно въ казармахъ рабочихъ ссыльныхъ и изъ жителей, къ общему бунту; истребляя все что только ему противиться будетъ; а чиновниковъ находящихся въ Зерентуевскомъ рудникѣ забрать въ тюрьму и заковать оную; усла же свою разбойническую шайку, пробравшись въ Читинской острогъ, гдѣ освободить Государственныхъ преступниковъ, принять тогда съ ними решительные мѣры къ дальнѣйшимъ злодѣяніямъ; и хотя онъ Сухиновъ ни въ чемъ пропсанномъ, соб-

ственного сознанія не учинилъ, а напротивъ опровергалъ то разнаго дѣла сего околичностями, и намѣненіями собственныхъ своихъ сознаній, но достаточно на очныхъ ставкахъ приблизить смыслими Голиковымъ и Бочаровымъ, а къ тому какъ онъ сослалъ въ Нерчинскія заводы въ работу за участіе въ возмущеніи противъ Высочайшей Власти, довольно доказывається виновнымъ; почему на основаніи Указа 1775-го года апреля 28-го дня, недомогаясь отъ нѣго, какъ шельмованнаго и лишеннаго всехъ правъ и довѣрія, собственнаго сознанія за вышеприсланныя его на сін злодѣйства покушенія, по силѣ узаконенія: Воинскихъ Артикуловъ на 99-й толкованія, 127-го, 135-го и 137-го съ толкованіемъ, и Указа 1754-го года мая 13-го пункта 8-го, учинить ему Сухинову смѣртную казнь, повѣсить, но сооразуясь съ силою Указовъ 1754 года сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня до восполнѣдованія разрѣшенія наказать его кнутомъ тремя стами ударами, поставить на лицѣ клейма, и дабы онъ въ предѣ подобныхъ къ преступленіямъ покушеній сдѣлать нѣмогъ, заключить его Сухинова въ тюрьму.—Въ мѣсто того согласно полевому уголовному уложенію главы II-ой § 7-го главы V-ой § 40-го опредѣляю: Павла Сухинова разстрѣлять.

Ссыльнаго Павла Голикава по собственному его сознанію и по обстоятельствамъ Дѣла оказавшагося склонившимся къ общему побѣгу и обольстѣнъ обѣщаніями Сухинова и давшимъ слово къ подговору другихъ ссыльныхъ; согласившимъ Бочарова сходить въ Нерчинскій заводъ для сегожь подговора и по возвращеніи Бочарова увѣдомить Сухинова, о нѣмъ здѣлани имѣ въ заводѣ успѣха.—Неоставившимъ отъ Сухинова, и тогда, когда оной ему объявилъ весь планъ злодѣйствъ предпринимаемыхъ имъ привести въ дѣйствіе послѣ побѣга; попустился учинить убійство бѣгшему въ обществѣ заговоръ Казакоу, открывшему наконѣцъ своему Начальнику о заговорѣ къ побѣгу, за утайку при неоднократныхъ спросахъ отомъ убійствѣ, и намѣненіе его показаніемъ, послѣ Соборнаго Уложенія 21-ой главы 72-го пункта Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-й толкованія, 127-го, 135-го, 137-го съ толкованіемъ и Указа 1754-го мая 13-го пункта 8-го учинить ему смѣртную казнь, повѣсить, но сооразуясь съ силою Указовъ 1754-го сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня до восполнѣдованія разрѣшенія, наказать кнутомъ четыреста ударами, и подновить штемпельные знаки, заключить въ тюрьму дабы онъ въ предѣ подобныхъ преступленій здѣлать нѣмогъ.—Въ мѣсто того согласно того же полевому уголовному положенію, и тѣхъ же параграфовъ опредѣляю: Павла Голикава разстрѣлять. Василья Бочарова, по собственному его сознанію, и обстоятельствамъ Дѣла, доказавшагося преступникомъ въ знаніи отъ ссыльныхъ Сухинова и Голикава о ихъ злоумышленіяхъ, за согласіе съ ними къ побѣгу, за подговоръ къ тому другихъ сообщниковъ за званіею и неисполненіе назначенной ему работы, дажъ и послѣ наказанія его Бочарова палками, за содѣйствіе Голикову при убійствѣ ссыльнаго Казакова, за оказаніе Надирателю нѣпослушаніе самовольнымъ уходомъ въ казарму, за учиненіи имѣ побѣгъ, за ложной звѣтъ на сдѣлателя Бергаупмана Кирилова, за утайку при спросахъ о здѣланныхъ имѣ преступленіяхъ, и за ложное показаніе, послѣ Соборнаго Уложенія Главы десятой 14-го двадцать первой 72-го пункта, Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ

45-го, 96-го на 99-й толкованія, 127-го, 135-го, 137-го съ толкованіемъ и 155-го, Воинскихъ процессовъ второй части 1-ой главы втораго пункта, и Указа 1754-го мая 13-го пункта 8-го, учинить ему смѣртную казнь, повѣсить, но соображаясь съ силою Указовъ 1754-го Сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня наказатъ кнутомъ тремястами пятидесяти ударами, подновить штемпельные знаки и заключить въ тюрьму, дабы онъ въ предѣ подобныхъ преступленій здѣлать немогъ. Въ мѣсто того, согласно тогожъ полтоваго уголовного положенія, и тѣхъ же параграфовъ опредѣляю: Василія Бочарова разстрѣлать.

Семьныхъ Федора Моршакова и Тимофея нѣпомнящаго прозванія, по собственному сознанию, а такъ жѣ обстоятельствами дѣла, обнаруженныхъ въ преступленіяхъ, 1-ой Моршаковъ, въ согласіи къ побѣгу; въ пятнадцатъ на щегъ Сухинова съ сѣмьными согласившимися къ побѣгу, въ знаніи частію замысловъ означеннаго Сухинова, въ открытіи нѣкоторымъ согласившимся къ побѣгу о томъ, что сѣмьной Казаковъ объявилъ управляющему ихъ намѣреніи, то чтобы имѣть осторожность и вѣдоупускать къ нѣму Казакова, чрезъ что подаль онъ Моршаковъ поводъ Голикову и Бочарову къ самому убійству того Казакова. 2-ой нѣпомнящій прозванія, въ согласіи къ общему побѣгу, въ знаніи частію о злоумышленіяхъ, въ отрицательствѣ при спросахъ того, въ чемъ прежде сознавался, и за согласіемъ съ Леоновымъ и Шинкаренкоу дать знатъ сообщникамъ о приходившемъ объявить о ихъ намѣреніи сѣмьнымъ Казаковъ и наконецъ обещать Моршакову Казакова къ управляющему вѣдоупускать: Послѣ Соборнаго уложенія Главн десяти 14-го пункта, воинскихъ Артикуловъ на 99-й толкованія 127-го, 136-го, 137-го съ толкованіемъ 155-го и Указа 1754-го мая 13-го пункта 8-го, а Моршакова и поснѣи воинскаго 43-го Артикула съ толкованіемъ учинить имъ смѣртную казнь повѣсить. Но соображаясь съ силою Указа 1754-го сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня наказатъ обоихъ кнутомъ каждого по триста ударовъ и подновя клѣтма заключить въ тюрьму, дабы они въ предѣ подобныхъ преступленій учинять нѣмогли. Въ мѣсто того, согласно тогожъ Полтоваго Уголовнаго Уложенія, и тѣхъ же параграфовъ опредѣляю: Федора Моршакова и Тимофея Нѣпомнящаго прозванія разстрѣлать.

Василія Михайлова, сознававшегося прежде что онъ былъ подговариваемъ къ побѣгу сѣмьнымъ Голиковымъ, что на оной согласился, и назвалъ о намѣреніяхъ причиненія разныхъ злодѣяній, а такъ же чтобы во время побѣга, кражею и грабежемъ приобрести себѣ вооруженіе, и собравши хорошую партію пробраться до Чилинскаго Острова и освободить изъ оного всѣхъ Государственныхъ преступниковъ, а послѣ при спросахъ учиняваго отрицательство, въ чемъ на оныхъ ставкахъ былъ изобличаеми другимъ участвовавшими въ семъ заговорѣ. На основаніи Указа 1775-го года апрѣля 28-го. Нѣдомогаясь отъ нѣго Михайлова какъ закоснѣлаго въ злодѣйствѣ собственного сознанія, за означенные преступленія, послѣ воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ на 99-й толкованія, 127-го, 136-го, 137-го съ толкованіемъ и Указа 1754-го мая 13-го пункта 8-го учинить ему смѣртную казнь, повѣснті; Но соображаясь съ силою Указовъ 1754-го года сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня наказатъ кнутомъ двумястами восьмидесяти ударами, подновить штемпельные знаки и заключить въ тюрьму

дабы онъ въ предѣ подобныхъ преступленій учинять нѣмогъ. Въ мѣсто того, по полтовому Уголовному Положенію, и тѣхъ жѣ параграфовъ Опредѣляю: Василія Михайлова разстрѣлать.

Сѣмьныхъ Авраама Леонова и Григорія Шинкаренка, за согласіе по подговору сѣмьнаго Бочарова къ общему побѣгу, за пите Леоновымъ отъ сѣмьнаго же Голикова съ прочими согласившимися къ тому побѣгу вина, и за токовоежъ пите ими Леоновымъ и Шинкаренкоу вина и отъ сѣмьнаго Семѣнцова, за отклоненіе Леоновымъ приходившаго въ домъ къ управляющему сѣмьнаго Казакова отъ доказательствъ о намѣреніи ихъ къ побѣгу; за согласіе ихъ со сѣмьнымъ нѣпомнящимъ чтобы извѣстить товарищей о приходившемъ Казаковъ къ управляющему, чѣмъ подаль они поводъ и на убійство Казакова. За такими означенныхъ Леонова и Шинкаренка преступленія, по слѣдъ Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-й толкованія, 129-го, 133-го, 155-го и указовъ 1754-го мая 13-го пункта 8-го 1754-го же сентября 30-го дня и 1817-го декабря 25-го дня наказатъ кнутомъ каждого по двести ударовъ, и подновить штемпельные знаки оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнитъ приговоръ Военнаго Суда.

Сѣмьнаго Семѣна Семѣнцова за посяеіе виномъ сѣмьныхъ Голикова, Бочарова, Моршакова, за сговоръ къ побѣгу и знаніе какъ о намѣреніи другихъ сѣмьныхъ и согласіе напоить Казакова до-пьяна и куда-либо отвезти, согласно Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-й толкованія, 129-го, 133-го, 155-го и указовъ 1754-го мая 13-го пункта 8-го и 1754-го сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня, наказатъ кнутомъ ствосьмидесяти ударами. подновить штемпельные знаки и оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнитъ приговоръ Военнаго Суда.

Григорія Глаухина, который въ Нерчинской горной копорѣ сознавалъ и послѣ утвердилъ, что сѣмьной Голиковъ, приглашая его къ побѣгу, сказалъ, что они пойдутъ отлично и на проходѣ до Иркутска и тамъ переимѣя имѣна и прозванія можетъ быть останутся на какихъ-либо заводахъ въ работахъ, на что онъ Глаухинъ хотѣ и далъ Голикову обещаніе, однако жѣ намѣренія якобы къ побѣгу нѣмѣлъ, и послѣ того бывши въ отгородъ сѣмьнаго Штицана укупанія по найму грядъ, по приглашенію того Голикова, пришелъ къ питевому дому пилъ отъ нѣго вино. Согласно Воинскихъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-й толкованія, 129-го, 133-го, 136 артикуловъ, и указовъ 1754-го сентября 30-го и 1817-го декабря 25-го дня наказатъ кнутомъ ста ударами и подновя клѣтма оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнитъ приговоръ Военнаго Суда.

Сѣмьныхъ Ивана Каверзенка и Никиту Колодина, которые при спросахъ утвердили, что по приглашенію сѣмьныхъ Голикова и Бочарова бывши у питейнаго дому пили съ прочими отъ Голикова вино, и когда ими были подговариваемы къ побѣгу, Каверзенко якобы отозвался, а Колодинъ почтѣ вызовъ тотъ шуточнымъ; а ушедши отъ питейнаго дому, что были соглашамъ къ побѣгу ни кому въ объявленіи. Посему согласно воинскихъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-й толкованія, 129-го, 133-го артикуловъ, какъ въ знавшихъ о злостномъ умыслѣ, наказатъ ихъ плетми каждого по пятидесяти ударовъ постановитъ въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнитъ приговоръ Военнаго Суда.

Сѣмьныхъ Николая Григорьева, Автона Ковальчука, Мирона Акатьева,

Павла Андеева, Ефима Ильина; которые хотя при спросах их утверждали, что были слышными Голиковымъ приглашены къ питейному дому, пили отъ него вино, но соглашались якобы тѣмъ Голиковымъ и нѣмъ другимъ къ побѣту не были, но какъ они свѣрхъ показанія на нихъ отъ слышнаго Голикова обвиняются, да и другія доказательства въ томъ достаточно явствуютъ, а поему на основаніи указа 1775-го года Апрѣля 28-го дня илдомогаясь отъ нихъ собственного сознанія, упомянутыхъ Григорьева, Ковальчука, Акатьева, Андеева и Ильина по силѣ Воинскихъ артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-ой толкованіи, и 133-го указа 1754-го года мая 13-го дня пункта 8-го наказатъ плетымъ каждого по восьмидесяти ударовъ и оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Слышнаго Алѣксея Рубцова, на котораго хотя радовой Кутузовъ показалъ, что во время содержанія слышнаго Голикова подъ стражей прикликалъ онъ слышнаго Алѣксея Рубцова и между прочтемъ якобы ему вызывался онъ Рубцовъ, что будутъ съ ними сидѣть въ тюрьмѣ за то, что будто бы обещался по убогъ снабжать ихъ хлѣбомъ и порохомъ; но какъ означенные Голиковъ и Рубцовъ въ томъ не сознались и на обвиненіе ихъ Кутузовъ ничего не представилъ, то согласно воинскихъ процессовъ второй части пятой главы 10-го пункта, обстоятельство сіе предать воли Божіей и Рубцова освободить.

Какъ же свѣрхъ того означенный слышной Рубцовъ доказывается слышными Сухиновымъ, Голиковымъ и Ковальчукомъ, что онъ за проданныя Голикову сапоги и лабу получилъ деньги въ пяти рублевой ассигнаціи отъ Сухинова; но онъ, Рубцовъ, противно ему утвердилъ, и на очныхъ ставкахъ при уличеніи тремя слышными, остался на томъ показаніи, что деньги получилъ не отъ Сухинова, а отъ Голикова, то поему какъ за должное его Рубцова показаніе такъ и за дачу слышнымъ Голикову и Бочарову на пьянство деньги съ покупкою у нихъ вещей, согласно Указа 1754-го года мая 13-го пункта 8-го наказатъ плетми пятидесяти ударами и оставить попрежнѣму въ работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Слышнаго Кирида Аписимова, за разнообразныя его показанія, а въ другихъ просяхъ и ложныя, согласно указа 1754-го года мая 13-го дня пункта 8-го наказатъ плетми тридцатью ударами и оставить по прежнему въ работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Комиссіею Военнаго Суда признаннымъ въ подлежащихъ къ наказанію.

Слышныхъ Вениамина Соловьева, и Александра Мозалевскаго, и имъющихъ противъ себя никакого къ обвиненію, и доказательствъ чтобы они принадежали къ заговору, и имѣли участіе въ злоумышленіи; согласно Воинскихъ процессовъ второй части пятой главы 9-го и 10-го пунктовъ, упоминаемыхъ слышныхъ Соловьева и Мозалевскаго, освободить отъ дѣла. Но дабы они мѣжду собой не могли въ предѣлѣхъ шлошеніи и свиданіи, разослатъ для опредѣленія въ работѣ въ разныя рудники, услугу мѣстному Начальству за ихъ поступками внимательной присмотръ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Слышнаго Константина Птицына, которой показалъ, будто-бы изъ отданной ему Птицыну Сухиновымъ пятирублевой ассигнаціи, заплатилъ Голи-

ковъ только 1 рубль 80 копѣекъ; но какъ онъ при вопросѣ въ Нерчинской горной (каторгѣ) Експедиціи вспомнилъ, что тѣ деньги 1 рубль 80 копѣекъ (въ томъ числѣ и за взятое Голиковымъ тогда жѣ по запискѣ Сухинова на 10-ть копѣекъ вино) сдѣлавали ему Птицыну съ Сухинова, а Голиковымъ забрано виномъ на 3 рубля 20 копѣекъ, и тѣмъ изобличилъ даже и слышнаго Сухинова, сдѣловательно и могло случиться, какъ тотъ Птицынъ показалъ, что онъ въ горной каторгѣ выводилъ томъ не съ умысла, а ошибочно и тѣмъ болѣе, что учеть пятирублевой ассигнаціи состоятъ изъ 3-хъ рублей 20-ти копѣекъ, а изъ 1-го рубля 80-ти копѣекъ, что и было имъ показано въ оборотъ въ приговорѣ комиссіи военнаго Суда заключающихся, представляю Вашему Высочайшему Судию съ кѣмъ сдѣловать будетъ Самому свѣтѣси, а по 17-му пункту по разсмотрѣнію своему распорядиться.

Итакъ же Вашему Высочайшему Судию заключеніе приговора Военно-Судной Комиссіи, и согласно учрежденія для большой Дѣйствующей Арміи, опредѣливъ къ наказанію осужденнымъ утвержденіе мое; предлагаю учинить съ Вашей стороны нужныя распоряженія касательно Експедиціи; а какъ мнѣ самому должно быть при оной, то не оставлю мѣня Вашимъ уведомленіемъ къ которому имѣнно числу можетъ быть все нужное приуготовлено.

Дѣло жѣ Военное Судное на триста семидесяти писанныхъ листахъ отъ Комиссіи ко мнѣ представленное, прислать для надлежачаго по 15-ть, 16-ть и 17-ть пунктамъ исполненія и послѣ приобщенія къ решеннымъ Дѣламъ къ Вашему Высочайшему Судию прислать препровождаю. Командантъ при Нерчинскихъ рудникахъ Генералъ-Маіоръ Лепарскій.

У подножія виєблицы.

День 15/27 января 1885 года навсегда будет памятенъ всѣмъ, осужденнымъ по дѣлу польской социалистической партіи «Пролетариатъ».

Со времени объявленія приговора прошель уже сорокъ одинъ день. Для всѣхъ было ясно, что всѣ ухищренія военной прокуратуры и военного суда не привели ни къ чему. Петербургъ не поддавался на аргументы, по которымъ польская социалистическая партія «Пролетариатъ» заключила союзъ съ «Народной Волей», а «Народная Воля» — это та партія, которая совершила ужасное злодѣяніе 1 марта 1881 года, слѣдовательно, всѣ участники «Пролетариата» подлежатъ смертной казни черезъ повѣшеніе...

Для суда, получавшаго прямая предписанія отъ Гурко, такіе аргументы не только были, но и должны были быть убѣдительны... но казнить въ то время 29 человекъ въ Варшавѣ было немислимо... Военному суду пришлось отдѣлить козловъ отъ агнцевъ, для послѣднихъ изобрѣсти «смягчающую вину обстоятельство», въ нѣкоторыхъ случаяхъ до того нелѣпыя, что вызывали улыбку: старикамъ смягчалось наказаніе «по молодости лѣтъ» (случай съ Блюхомъ, Дегурскимъ, Форминскимъ и другими); организаторамъ, вдохновителямъ, многотѣмнымъ борцамъ — «по легкомыслію» и т. д.

Въ итогъ такого отбора получилось всего шесть смертныхъ приговоровъ. Приговоры эти имѣли опредѣленную цѣль: терроризированіе соотвѣтственныхъ общественныхъ сферъ. Для устрашенія университетской молодежи приговорили къ смерти студента-путейца Станислава Куницкаго; смертный приговоръ, вынесенный русскому коронному мировому судѣй Петру Васильевичу Бардовскому, долженъ былъ устрашить чиновничью среду; приговоръ надъ военнымъ инженеромъ, капитаномъ Николаемъ Адольфовичемъ Люри, преслѣдовалъ ту же цѣль относительно военной среды. Наконецъ, для устрашенія рабочихъ были избраны жертвы въ лицѣ Яна Петрусинскаго, рабочаго-ткача изъ Згержа, Михаила Оссовскаго, рабочаго изъ Варшавы и Юсифа Шмауса, рабочаго изъ Лодзи. Въ этихъ трехъ городахъ рабочее движеніе было особенно сильно.

Я не стану описывать того впечатлѣнія, какое произвели эти приговоры на насъ, остальныхъ, которыхъ сія чаша миновала. Скажу только, что мы опасались, главнымъ образомъ, за участь

Куницкаго. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ «Народной Воле», онъ въ оное время увезъ изъ Петербурга разыскиваемого жандармами Дегаева, за поимку котораго была даже назначена награда, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ «Пролетариата», онъ, наконецъ, сыгралъ немаловажную роль при заключеніи союза между «Пролетариатомъ» и «Народной Волей»... На него не могъ не обрушиться гнѣвъ жандармовъ-всержителей...

Но остальные?... Бардовскій, типичный шестидесятникъ-конституціоналистъ, въ минуту глубокаго негодованія и возмущенія поведеніемъ военныхъ, разстрѣливавшихъ въ Жирардовѣ безоружныхъ рабочихъ (въ Польшѣ это практиковалось еще въ 1883—4 гг.!) составившій прокламацію къ военнымъ, найденную у него въ рукописи, но нигдѣ не напечатанную! Никогда не принадлежавшій къ партіи, о чемъ и жандармы, и суды знали... Онъ, этотъ заваленный съ утра до вечера служебной работой судья, чѣмъ былъ опасенъ? Его за что было казнить?

За что было казнить Н. А. Люри, относительно котораго даже военный судъ не нашелъ другихъ обвиненій, кромѣ того, что онъ давалъ средства для оказанія помощи семьямъ арестованныхъ рабочихъ?

Можно-ли было вѣрять въ исполненіе смертной казни надъ обремененнымъ семьей рабочимъ Шмаусомъ, обвинявшимся въ неудачномъ покушеніи на жизнь шпіона? Или надъ несовершеннолѣтнимъ Оссовскимъ, убившимъ провокатора? Или надъ юношей Петрусинскимъ, тоже несовершеннолѣтнимъ, обвиненнымъ въ убійствѣ провокатора, несмотря на то, что на судъ товарищъ Поллавскій прямо заявилъ: «Петрусинскій не виновенъ! Я убилъ Гельшера»...

Нѣтъ! Даже теперь, по истеченіи 20 лѣтъ, послѣ того, какъ пришлось быть свидѣтелемъ такихъ зѣвствъ, что при одномъ воспоминаніи объ нихъ волосы становятся дыбомъ, когда картины давно минувшаго прошлаго вновь воскресаютъ въ памяти, я нахожу вполне естественнымъ, что въ то время мы безпокоились, главнымъ образомъ, о судьбѣ Куницкаго...

Первые дни были невыносимо тяжелы... Приговоренныхъ къ смерти нельзя было оставлять однихъ, и мы такъ размѣстились по камерамъ, что на одного приговореннаго къ смерти приходилось двое неприговоренныхъ...

Со мной и съ Адамомъ Сѣрошевскимъ (двоюроднымъ братомъ извѣстнаго этнографа и беллетриста Вацлава Сѣрошевскаго) сидѣлъ Петрусинскій... Никогда въ жизни не выйдетъ у меня изъ памяти одна короткая фраза, случайно, не помню уже по какому поводу, сказанная имъ:

— Какъ-бы я хотѣлъ полюбить... Никогда еще я никакой женщины не любилъ, и совершенно не могу себѣ представить этого чувства...

Бѣднаго замученное дитя! Ему такъ и не пришлось испытать этого чувства! Но такіе моменты тоски и угнетенія случались

рѣдко... Мы прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы устрани́ть ма́лѣйшій поводъ къ нимъ, и намъ это удавалось блестяще. Мы организовали лекціи для рабочихъ, общія чтенія, отвоевали себѣ право общихъ прогулокъ, устраивали хорошея пѣнія, и за занятіями, за развлеченіями время шло быстро... Къ тому же всѣхъ бодрило сознание, что наша роль еще не сыграна до конца, что наше слово, слово обреченныхъ на смерть и на каторгу, можетъ еще сослужить службу рабочему дѣлу, что оно должно быть сказано... И вотъ вскорѣ было составлено письмо-завѣщаніе къ товарищамъ на волѣ, напечатанное послѣдствіемъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Политически-мертвые звали на борьбу живыхъ, и слово ихъ было подхвачено на лету... Мы еще находились въ Х павильонѣ варшавской цитадели, наши товарищи, приговоренные къ смерти, еще не были у насъ похищены, а уже извѣстіе о томъ въліяніи, какое имѣло наше письмо, проникло къ намъ за рѣшетку...

О, какъ оно скрасило тогда наше пребываніе въ душныхъ казематахъ...

А время шло... Прошла недѣля, другая... Мы понемногу начали успокаиваться и на счетъ Куницкаго... Ранѣе, въ первые дни, мы употребляли всевозможныя мѣры, чтобы устроить побѣгъ обреченнымъ на казнь, раздобыли напильники, достали даже революверъ. Чудеса изобрѣтательности проявлялись при этомъ Мечиславъ Маньковский... Онъ пропилилъ въ потолокъ камеры отверстие, черезъ которое можно было пробраться на чердакъ, а оттуда на крышу, выдѣлалъ туда, убѣдившись въ крайней рискованности этого пути, въ виду разставленныхъ часовыхъ, и задумалъ съ чердака пробуровать выходъ на парадную лѣстницу, ведущую въ квартиру заведывающаго... И это было рискованно, да притомъ являлся вопросъ, какъ выбраться изъ крѣпости послѣ того, какъ удастся благополучно выбраться изъ тюрьмы...

Пока опасность угрожала, въ первые дни, въ первую недѣлю, работа кипѣла, но, по мѣрѣ того, какъ время шло, во всѣхъ вселялась увѣренность, что невозможно держать людей подъ угрозой смертной казни цѣлыя недѣли, болѣе мѣсяца, и въ концѣ концовъ ихъ казнить, и руки опускались, и весь рискъ побѣга такимъ путемъ выступалъ ярче, и на смѣну прежнимъ планамъ появлялись новые, менѣе рискованные, планы побѣга съ пути...

А время шло... Прошла третья недѣля, четвертая, пятая... Уже была на исходѣ шестая... Тяжелый кошмаръ, давившій насъ столько времени, разсыпался... Всѣ были веселы, шутили, шалили, какъ школьники...

Такое настроеніе царило въ Х павильонѣ и 15 января...

Насъ позвали на прогулку. Съ юншескимъ гикомъ, смѣхомъ, шутками мы выбѣжали на тюремный дворъ.

День былъ морозный, свѣтлый. Скованный морозомъ, играющій на солнцѣ снѣгъ такъ и манилъ къ себѣ... Кто-то схватилъ комъ снѣга и бросилъ въ другого... Тотъ отвѣтилъ тѣмъ же. Примѣръ

заразительно подѣйствовало на другихъ, и мигомъ всѣ эти обреченные на смерть и каторгу, словно дѣти, забыли обо всемъ и съ головою ушли въ игру въ снѣжки. Шумъ, визгъ, хохотъ привлекъ на окна товарищей, недавно арестованныхъ и еще ожидавшихъ рѣшенія своей участи. Посыпались поощренія болѣе ловкимъ, шутки надъ неуклюжими... Мрачный тюремный дворъ сталъ незнаемъ... Даже серьезный Яновичъ и сравнительно пожилой Бардовскій увлеклись этимъ весельемъ и прервали безконечную бесѣду объ общинѣ, о ростѣ капитализма въ Россіи, о В. В.

Полтора часа прогулки промелькнуло, словно одна минута. Съ такимъ же шумомъ мы вошли обратно въ тюрьму и разбѣлись по камерамъ. Вскорѣ человѣкъ десять собралось въ камеру Куницкаго, который долженъ былъ читать лекцію объ электричествѣ...

Короткій зимній день близился къ концу. Начало смеркаться. Куницкій ужъ кончалъ урокъ, какъ вдругъ въ камеру зашелъ старшій жандармъ и пригласилъ его въ канцелярію...

Въ такомъ приглашеніи не было ничего подозрительнаго. Насъ часто вызывали для подсчета съ заведывающимъ, для проверки расходовъ, для выдачи писемъ и т. д.

Минутъ черезъ десять послѣ этого вызвали Бардовскаго...

Мы насторожились. Чудилось что-то недоброе. Одно, единственное слово, какъ бы винтомъ, сверлило мозгъ...

«Шлиссельбургъ!»

Пришли за Оссовскимъ...

Это путало, сбивало... Въ Шлиссельбургъ обыкновенно отправляли «особенно опасныхъ», вліятельныхъ, авторитетныхъ... 18-лѣтній Оссовскій таковымъ не былъ, не могъ быть...

Дошла очередь и до Петрусинскаго... Онъ, какъ и тѣ, ушелъ за жандармомъ даже не попрощавшись съ нами, безъ шапки, безъ пальто...

Мы терялись въ догадкахъ... Кто-то высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, объявляютъ о конфирмаціи и о смягченіи приговоровъ и для этого вызываютъ въ канцелярію...

Да, да, конечно, это такъ! Иначе это необъяснимо...

Всѣ волновались, въ особенности же Шмаусъ и Люри, тоже приговоренные къ смерти...

Минуты казались часами... Ни за кѣмъ болѣе не приходили... Это становилось подозрительнымъ...

Время шло. Уведенные жандармами не возвращались.

Мы стучали въ двери, спрашивали жандармовъ, но кромѣ мертвѣящаго душу: «не могу знаты!» не могли добиться никакого отвѣта...

Такъ прошло полчаса... Цѣлая вѣчность...

Во всѣхъ камерахъ все стихло, застыло, замерло...

Пахло смертью...

Мы лежали безъ движенія на койкахъ, не рѣшаясь даже въ мысляхъ строить ужасныя предположенія...

Вдругъ заржавѣвшій замокъ камерной двери заскрежеталъ, щелкнулъ засовъ, и въ камеру вошелъ старшій жандармъ...

— Гдѣ вещи Петрусинскаго?

Мы накинудись на него съ вопросами. Онъ не отвѣчалъ, и мы, чтобы заставить его, отказались безъ Петрусинскаго выдать его вещи...

— Онъ все равно сюда не придетъ больше...

— Какъ? Почему?

Опять молчаніе.

Но это заявленіе насъ сразило. Мы больше не сопротивлялись. Жандармы безпрепятственно унесли вещи...

То же повторилось и въ другихъ камерахъ...

Страшно подозрѣние прокралось въ душу.

— Шлиссельбургъ или смерть?

О, какъ мы желали, чтобы это было *только* Шлиссельбургъ...

«*Только* Шлиссельбургъ»... Мы знали тогда, что такое Шлиссельбургъ и все-таки молились въ душѣ, чтобы это было *только* Шлиссельбургъ.

Но, нѣтъ! У насъ украли, буквально украли, товарищей, чтобы ихъ предать смерти... Намъ не дали даже попрощаться съ ними...

Жандармы — дальновидные психологи... Они боялись столкновения и предпочли воровски увести отъ насъ жертвы, обреченная на закланіе...

Объ участи товарищей намъ сообщилъ завѣдывающій Х-имъ павильономъ, жандармскій поручикъ Фурса, рѣшившійся только полтора часа спустя явиться къ намъ въ камеры и то подъ прикрытіемъ солдатъ и жандармовъ... Но и подъ этимъ прикрытіемъ онъ трусилъ и въ разговорѣ вскользь упомянулъ о томъ, что въ павильонѣ удвоены караулы на случай протеста съ нашей стороны... Мы впоследствии проверили это сообщеніе. Это оказалось вѣрнымъ... Жандармы даже заготовили веревки, чтобы вязать насъ...

Фурса говорилъ грустнымъ голосомъ, какъ бы сочувствуя жертвамъ, жалѣя ихъ... Но слова его звучали фальшью... Мы не могли съ нимъ говорить...

Совершенно другое впечатлѣніе производилъ комендантъ цитадели генераль-лейтенантъ Унковскій. Этого честный, благородный старикъ, не разъ воевавшій изъ за насъ съ жандармами и даже-ски послушной имъ прокуратурой, явился къ намъ такой грустный, такой пристыженный, пришибленный, что его отношеніе къ совершавшемуся позорному преступленію было для всѣхъ очевидно... Онъ не смѣлъ поднять на насъ глазъ, словно чувствуя себя соучастникомъ этого преступленія... А когда нѣсколько часовъ спустя этому, убѣленному сѣдинами старiku, было дано приказаніе присутствовать при казни, онъ наотрѣзъ отказался... Говорятъ, даже подалъ немедленно въ отставку, но она не была принята...

Многіе жандармы тоже искренно были опечалены.

Но Фурса и «старшій» жандармъ Фоминъ — тѣ только трусили, ясно сознавая, что намъ терять нечего...

Но насъ на моментъ этотъ ударъ сразилъ... Мы не думали ни о какомъ бунтѣ, протестѣ, сопротивленіи... Мы ни о чемъ не думали. Въ головѣ вдругъ стало пусто... Мозгъ отказывался работать...

А нашихъ мучениковъ тѣмъ временемъ отвели въ другой конецъ Х павильона, посадили сначала въ одиночныя камеры, но затѣмъ на время разрѣшили видѣться другъ съ другомъ...

Вѣрны ли эти свѣдѣнія — не знаю. Такъ сообщали намъ впоследствии нѣкоторые жандармы, другія сообщенія которыхъ оправдались. Они же сообщали, что у Куницкаго было свиданіе съ родственниками, у Петрусинскаго — съ родными... Куницкій и Бардовскій отказались принять явившихся къ нимъ священниковъ, Петрусинскій и Оссовскій провели со священникомъ нѣсколько часовъ. На разсвѣтѣ ихъ казнили... Руководившій слѣдствіемъ по нашему дѣлу, жандармскій подполковникъ Бѣлановскій не утерпѣлъ и явился на мѣсто казни, чтобы насѣсть на уготованнымъ имъ же зрѣлищемъ.

Но и самая казнь производилась варварски, какъ будто съ цѣлю насытиться муками казнимыхъ. Первымъ казнили Куницкаго... Онъ, убѣжденный революционеръ, преданный до самоубійства дѣлу, непоколебимый и стойкій, былъ казненъ первымъ. Вторымъ казнили Бардовскаго. А двоихъ юношей, почти дѣтей, оставили на послѣдкомъ...

Но расчѣты палачей не оправдались. Имъ не удалось исторгнуть изъ груди убиваемыхъ ни стона, ни страха. Всѣ четверо геройски встрѣтили смерть и передъ тѣмъ, какъ имъ заслонили головы покрываломъ, громкими восклицаніями привѣтствовали свободу и революцію...

Оссовскій оборвался. Присутствовавшіе при казни жандармы, по ихъ рассказамъ, были увѣрены, что это его спасетъ... Не спасло... Палачъ вторично принялся за дѣло...

Четверть часа спустя, крѣпостной врачъ, присутствовавшій при казни, констатировалъ смерть всѣхъ четверыхъ... Ихъ похоронили тутъ же, у крѣпостной стѣны, шагахъ въ пятидесяти-шестидесяти отъ крѣпостныхъ воротъ, на берегу Вислы...

Было часовъ семь, четверть восьмого... Одинъ изъ насъ, не помню ужъ кто, влѣзъ на окно, желая открыть форточку... Мы помѣшались во второмъ этажѣ... Съ окна былъ виденъ берегъ Вислы...

— Смотрите! Смотрите! — ужаснымъ голосомъ крикнулъ открывавшій форточку.

Мы въ мгновеніе ока уже были съ нимъ рядомъ...

У крѣпостной стѣны возлизи люди, зарывали могилу, разбирали эшафотъ...

Жандармы готовили намъ страшное зрѣлище... нашихъ мучениковъ казнили передъ нашими окнами. Если мы не видѣли самой казни, то это ужъ не по ихъ винѣ... Они сдѣлали для этого все, что отъ нихъ зависѣло. Мы не подозрѣвали возможности такого звѣрскаго издѣательства, и это насъ спасло...

Ф. Я. Ковъ.

Мое знакомство съ И. М. Ковальскимъ.

Очень живо помню я свою первую встрѣчу съ И. М. Ковальскимъ. Это было въ двадцатыхъ числахъ декабря 1877-го года, незадолго до рождественскихъ праздниковъ, на второй день моего приѣзда въ Одессу послѣ побѣга изъ херсонской тюрьмы.

Дѣло было подъ вечеръ, на Садовой улицѣ, въ квартирѣ, занимаемой тогда Александрой Владиміровной Афанасьевой и Леонидой Михайловной Мержановой, служившими въ то время въ магазинѣ одесскаго общества потребителей, одна въ должности кассириши, другая — приказчицы. Упомяну объ этомъ потому, что тамъ, въ магазинѣ, произошло мое первое знакомство съ ними, и тамъ же было условлено, что вечеромъ я побываю у нихъ на квартирѣ.

На Садовую привелъ меня бывший въ то время ветеринарнымъ врачомъ расквартированного въ Одессѣ донскаго казачьяго полка Соковининъ, который, насколько мнѣ помнится, очень скоро куда-то ушелъ. По русскому обычаю, началось, конечно, чаепитіе, да и время-то было для того подходящее, и завязались разговоры, главнымъ образомъ, разспросы о томъ, какъ я устроилъ свой побѣгъ изъ тюрьмы.

— Что же это онъ не идетъ?—нѣсколько разъ, съ выраженіемъ нетерпѣнія и недовольства, обращалась Александра Владиміровна къ своей квартирной сожительницѣ—Мержановой.

— Такъ вѣдь онъ же сказалъ, что послѣ восьми, — отвѣчала та, — а теперь только половина девятого.

Кто былъ этотъ «онъ», я не зналъ, но считалъ неловкимъ разспрашивать. Мнѣ казалось только, что мои собесѣдницы придаютъ особенное значение ожидаемому человеку.

Часовъ около девяти въ комнату, въ которой мы сидѣли за остывшимъ самоваромъ, вошелъ невысокаго роста, коренастый человекъ, лѣтъ 28, одѣтый въ темный пиджакъ и такія же брюки.

— Ну, здравствуйте!—обратился онъ ко мнѣ, протягивая для пожатія руку и, придвинувъ къ столу одинъ изъ стульевъ, сѣлъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, былъ высокій, выпуклый, бѣлый лобъ пришедшаго, затѣмъ—каріе, слегка какъ бы выпученные глаза съ оттѣнкомъ добродушія, которое явственно проглядывало, благодаря тому, что вошедшій, очевидно, былъ чуть-чуть выпивши.

Насколько я помню, пришедшій, здороваясь со мной, не отре-

комендовался, не назвалъ никакой фамилии, а прямо началъ разговаривать, разспрашивая меня, какъ я устроился въ Одессѣ.

Онъ много и долго улыбался, не смѣялся, а лишь улыбался, когда я разсказалъ ему, что наканунѣ участвовалъ въ пирушкѣ, устроенной въ квартирѣ Соковнина по случаю производства какого-то казачьяго офицера въ есаулы, и допустилъ, повидимому, нѣкоторую безтактность. Когда праздновавшего свое производство всѣ поздравляли, выпивая за его здоровье рюмки и бокалы различныхъ виноградныхъ винъ, я, безъ всякой задней мысли, сталъ наливать себѣ краснаго удельнаго вина и при этомъ замѣтилъ: «я предпочитаю выпить своего, родного, отечественнаго», Соковнинъ, перебивая меня, сказалъ: «только, пожалуйста, безъ тенденцій».

— Да, такъ «только безъ тенденцій»,—нѣсколько разъ повторилъ, улыбаясь, мой собесѣдникъ; «только безъ тенденцій! Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ!»—глубоко вздыхая и переставая улыбаться, заканчивалъ онъ свои вставки въ мой разсказъ.

Стали говорить о моей дѣятельности до ареста, когда я въ послѣднее время велъ пропаганду среди рабочихъ на строившейся тогда очакской батарѣй, гдѣ нынѣ происходилъ «судъ» надъ казеннымъ на о. Березани лейтенантомъ П. П. Шмидтомъ.

Переживаемый тогда революціонной мыслью моментъ, мнѣ кажется, по справедливости, можно назвать безвременемъ. Пропанда въ народѣ почти потеряла окончательно кредитъ въ глазахъ революціонеровъ, называвшихся тогда радикалами, а новые пути воздѣйствія на инертную общественную массу не были еще открыты. Революционная мысль, если такъ можно выразиться, находилась на распутьи, и, дѣйствительно, человеку, жаждавшему активной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, тяжело было жить на свѣтѣ, какъ много разъ въ тотъ вечеръ съ глубокимъ вздохомъ повторялъ Ковальскій. Наибольше дѣятельная натура искала выхода своей энергіи и, не найдя ничего лучшаго, употребляли ее на различнаго рода предпріятія по освобожденію изъ тюремъ арестованныхъ товарищей; другія же, менѣе активныя, тратили запасъ своей энергіи на теоретическія, подчасъ принимавшія весьма бурный характеръ разсужденія о программахъ партій и фракцій.

Отношеніе покойнаго И. М. Ковальскаго къ послѣдняго рода «дѣятельности» было вполне отрицательное, и онъ не разъ въ тотъ вечеръ, да и позднѣе, съ иронической улыбкой, подчеркивая, говорилъ: «партіи, фракціи!.. Да у насъ столько партій и фракцій, сколько соберется людей; каждый причисляетъ себя къ своей собственной партіи или фракціи. Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ!»...

Отъ разсказа о томъ, что я дѣлалъ «въ народѣ», мы само собой перешли къ вопросу, что-же дѣлать, разъ такая форма пропаганды, какую я велъ, не удовлетворяетъ пропагандиста, потому что кажется безрезультатной.

Въ продолженіе года слишкомъ, что я провелъ въ одиночномъ заключеніи до своего побѣга, много думалось надъ этимъ вопросомъ, и теперь представилась возможность съ живыми людьми, въ

общем одинаково со мной мыслившими, поделиться своими выводами и заключениями. И я горячо стал передавать то, что я думал.

Я глубоко вбрился в философообразность пропаганды, но плодотворность ее обуславливалась тем, что пропагандист должен поселиться прочно в какой-нибудь избранной им деревне и стать там действительно своим человеком, сделаться таким же крестьянином-пахарем, как и остальные, слиться с своими односельчанами и вести пропаганду словом и делом на почве местных интересов, близких и понятных тем, на кого он желает воздействовать.

Слушатели мои не возражали мне и, повидимому, соглашались со мной. Ковальский не высказывался прямо; он делал лишь иногда поправки, когда я употреблял не вполне надлежащие выражения, или предлагал вопросы с целью более детального и обстоятельного выяснения какой-либо частности в практической постановке проектируемого мною образа действий. Интерес, с которым он меня слушал, его поправки и вопросы, в достаточной мере показывали мне, что он сочувственно относился к высказываемой мной идее. Он даже ни разу, во все время изложения моей, если так можно выразиться, теории, не вздохнул и не произнес: «Эх, тяжело жить на свете!»

Остальные явно сочувствовали моей мысли, что видно было хотя бы по одному тому, что во время моей речи, то одна, то другая, произвольно восклицали: «да, да», «вот, вот», «совершенно верно».

Развиваемый мною план вызывал сочувствие, как мне теперь кажется, не столько своей стройностью и логичностью аргументации, как общим настроением «на распутии» и горячей верой с моей стороны в то, что я проектировал.

Александра Владимировна Афанасьева до того увлеклась моим красноречием, что тут же стала строить планы, где лучше всего поселиться, и даже сама высказала желание принять лично непосредственное участие в осуществлении моих проектов. «Да, да, и я тоже, и я тоже,— с искренним увлечением говорила она.— Прекрасно, прекрасно, я могу тоже поселиться в деревне, я буду пракой, буду стирать белье»...

Мы невольно переглянулись с Ковальским, он улыбнулся мне глазами и, вздохнув, промолвил свое: «Эх, тяжело жить на свете!»

Я промолчал.

Маленькая, тоненькая фигурка, с тонкими чертами интеллигентного лица, с *prince-peg* в золотой оправе на носу «прачки», стирающей мужицкое белье, которое, разумеется, никаким-нибудь прачкам в стирку не отдается, невольно вызвала улыбку у нас и, несомненно, вызвала бы улыбку у самой Александры Владимировны, если бы она не увлеклась так всецело перспективой плодотворности идейной работы в народной среде при предполагавшихся мною в то время условиях.

Но то было время горячее, беззаветной любви к обездоленному страстотерпцу-народу, когда каждый из нас, самый слабый и даже увялый, готов был отдать все свои силы на служение ему... От А. В. Афанасьевой мы ушли довольно поздно и, так как я совершенно не знал Одессы, Ковальский проводил меня до квартиры Соковина.

О чем мы говорили дорогой и говорили ли вообще, я теперь уже не помню, но на другой день Иван Мартынович зашел ко мне.

Время было обремененное, желудок ощутительно предъявлял свои законные требования присвоенной ему работы, и Ковальский предложил мне пообедать вместе с ним в каком-то трактире, где, по его словам, кормят очень хорошо за недорогую плату.

Мы довольно долго шли по разным улицам, пока не очутились на какой-то базарной площади. Здесь-то, между лихими лавченками, притюслил весьма невзрачный деревянный домишко с крыльцом в два-три ступени.

— Это здесь,— проговорил Ковальский, когда мы подошли к крыльцу.

Я как-то непроизвольно поднял голову вверх и увидел над крыльцом нелюбо намазанную вывеску, на которой «художник» пытался изобразить тарелку с двумя экземплярами жареной камбалы и одним огурцом, но—довольно неудачно. По нижнему краю вывески шла надпись: «Блюда харчевня».

Мы вошли на крыльцо, толкнули дверь и очутились в довольно большой комнате с низким потолком. Первое, что меня неприятно поразило и поколебало доверие к заявлению Ивана Мартыновича относительно хорошего стола здесь, была сплошная грязь во всем помещении: грязный пол, грязные подоконники, оконная стекла, до отвращения грязная скатерти на столиках, разставленных вдоль стенок комнаты, грязные парни, так называемые трактирные половые, с грязнейшими салфетками под мышкой и в заключение жестокой кухонный чад от пригорелого постного масла, синими струйками наполнявший комнату.

Когда мы успели за один из грязных столиков, Ковальский потребовал обед. Подали какую-то мутную, грязную бурду с обрывками капустных листьев и двумя миниатюрными кусочками говядины самого низшего сорта, а затѣм— два же небольших кусочка такой же говядины с косточками, зажаренные, как мне поистинно показалось, в постном масле, долженствовавшие изображать собой антрекоты.

Гадость была положительно самая отвратительная, но с голоду мы ее бди; Ковальский, казалось, даже—с удовольствием, употребляя при этом много хлеба и горчицы.

Когда к концу трапезы я не удержался и замѣтил, что его определение—«хорошо кормят»—далеко не соответствует действительности, и нас накормили невозможной дрянью, Ковальский, добродушно улыбаясь, проговорил:

— Да, «Андрей-Коть», пожалуй, немножко подгулял, хотя, в общем, чего же вы хотите за 12 копеек?

Вообще, покойный Ковальский отличался крайней неразборчивостью в пище и чрезвычайно скромными потребностями; на свою внешность он не обращал никакого внимания, и платье, которое он носил, производило даже впечатленье некоторой как бы неряшливости. Происходило это у него не в силу недёльных quasi-принципов нигилизма, который в то время еще был, до известной степени, в модь среди радикалов, а просто потому, что ему некогда было заниматься этим, некогда было обращать внимание на то, как выглядишь, и в общей работе борьбы с правительством, тяжелой, трудной, опасной и крайне неблагоприятной, — потому что мы были совершенно одиноки, почти изоляцией среди общества и народа, от которых не могли ждать никакой поддержки, — забота о своей внешности отступала на самый последний план или, впрочем, совершенно отсутствовала; ей не было места...

Неразборчивость в пище Ковальского доходила до курьезов, и я хорошо помню, как однажды, уже в квартире Вёры Ивановны Виттенъ, мы много смеялись ея рассказу о том, как Иванъ Мартынович, познимъ вечером, когда всём захотѣлось ѣсть, принесъ изъ мелочной лавки испорченную, вонючую колбасу, которую всѣ отказались ѣсть; онъ же, не замѣчая ея негодности въ пищу, ѣлъ и похваливалъ, удивляясь лишь тому, что остальные, только что высказывавшіе сильное желаніе поѣсть, не кушаютъ такой вкусной колбасы. Скромность и ограниченность его привычекъ характеризуется до нѣкоторой степени другимъ эпизодомъ, о которомъ также рассказывала, кажется, та же Вёра Иванова. Дѣло въ томъ, что Иванъ Мартыновичъ обыкновенно сторонился или, правильнѣе сказать, стѣснялся, такъ называемой, чистой публики, въ средѣ которой онъ чувствовалъ себя, очевидно, чужимъ человѣкомъ; въ особенности его стѣсняло общество интеллигентныхъ, культурныхъ женщинъ, дамъ, передъ которыми онъ, видимо, нѣсколько робѣлъ, хотя старался не обнаруживать этого и, вслѣдствіе того, впадалъ иногда въ нѣкоторое излишество развязности, но отнюдь не переходившее границъ строгой приличности. Однажды лѣтомъ онъ гулялъ подвѣчеръ съ радикальными дамами, при чемъ, конечно, разговоры касались различныхъ конспиративныхъ дѣлъ.

Вдругъ одна изъ дамъ, шутя замѣтила:

— Ну, и кавалеръ же вы, Иванъ, не догадаетесь никакъ угодить насъ чѣмъ-нибудь прохладительнымъ.

Иванъ Мартыновичъ переконфузился и, желая поправить свою, какъ онъ, вѣроятно, думалъ, оплошность, со словами «а вотъ я сейчасъ васъ угошу», подвелъ своихъ дамъ къ квасному балаганчику и потребовалъ для себя и для нихъ по кружкѣ квасу. Съ наслажденіемъ выпивая свою порцію, онъ не замѣчалъ, гримасъ, какія дѣлали дамы, отбѣдая скверный и чрезвычайно кислый грошовой квасъ, отъ котораго онъ съ улыбочками начали отплевываться.

— Что же вы не пьете квасу? — обратился онъ къ нимъ, окончивъ свою кружку, — превосходный квасъ: холодный и кислый! Напрасно, напрасно, — и съ этими словами онъ взялся за невыпитую кружку и началъ ихъ опорожнять.

Дамы хохотали.

Покончивъ съ квасомъ, онъ методически расплатился съ квасникомъ, который, уразумѣвъ, очевидно, въ чемъ дѣло, замѣтилъ хохотавшимъ барынямъ:

— Да онъ у насъ всегда такой... блажной.

Рассказывалось это въ присутствіи самого Ковальскаго, какъ и про случай съ колбасой, и онъ, какъ теперь, такъ и тогда, только добродушно конфузливо улыбался, нерѣшительно какъ-то протестуя утвержденіемъ, что и колбаса, и квасъ были великодушные.

Будучи нелегальнымъ и не имѣя какихъ-нибудь опредѣленныхъ занятій, Иванъ Мартыновичъ существовалъ на средства, собираемые товарищами между собою и съ любительскихъ спектаклей и вечеринокъ, которыя устраивались довольно часто на святкахъ, и потому чрезвычайно бережливо расходовалъ на себя общественныя деньги. Вслѣдствіе такого отношенія къ этимъ средствамъ, онъ старался расходовать на себя какъ можно меньше и почти голодалъ. Обѣды въ «Бѣлой харчевнѣ» съ «Андрей-Котомъ» были рѣдкимъ случаемъ, чуть не пиршествомъ, обусловленнымъ моимъ появленіемъ на одесскомъ радикальномъ горизонтѣ. Въ обычное же время Ковальскій, какъ и большинство радикаловъ того времени, питался чаемъ, булкой и колбасой самого дешеваго сорта; обѣды, ужины и завтраки гдѣ-нибудь въ ресторанъ средней руки, «кухмистерской или харчевнѣ являлись рѣдкими, исключительными случаями.

Результатомъ такого неудовлетворительнаго питанія было то, что у Ковальскаго начали появляться признаки цынготнаго свойства. Онъ гдѣ-то слышалъ или читалъ, — скорѣе послѣднее, — что противъ цынги хорошимъ средствомъ служатъ фрукты, и онъ рѣшилъ лѣчиться этимъ средствомъ. И вотъ, чтобы, какъ говорится, капиталъ пріобрѣсти и невинность соблести, Иванъ Мартыновичъ, рѣшается кушать фрукты, при чемъ, такъ какъ сушеные стоятъ дешевле, а въ прочитанномъ не говорится, чтобы они должны были быть непременно свѣжіе, то онъ покупаетъ сушеные и при этомъ старается пріобрѣтать ихъ по возможно болѣе дешевой цѣнѣ. Преслѣдуя послѣднюю цѣль, онъ пріобрѣтаетъ ихъ въ самой захудалой мелочной лавченкѣ и, разумѣется, покупаетъ невозможную дрянь.

Переселившись скорѣе отъ Соковнина, гдѣ было крайне стѣснительно среди частенко заглядывавшихъ сюда офицеровъ, въ комнату Ковальскаго гдѣ-то на Ямской, я имѣлъ возможность наблюдать, какъ по утрамъ Иванъ Мартыновичъ лѣчился отъ цынги, поѣдая купленный имъ по дешевой цѣнѣ фруктовый мусоръ.

Однажды я не выдержалъ и замѣтилъ ему о нецѣлесообразности практикуемаго имъ способа лѣченія, такъ какъ противоязвотнымъ средствомъ до нѣкоторой степени считаются свѣжіе, а не сушеные фрукты, и указалъ на то, что поѣдаемые имъ, въ сущно-

сти, представляют собою грязный сор, который, съ грѣхомъ пополамъ, можно ѣсть только послѣ его тщательнаго промыванія.

Мое замѣчаніе нѣсколько смутило Ковальскаго, и онъ въ этотъ разъ, прежде, чѣмъ начать кушать свои «фрукты», рѣшилъ ихъ обмыть въ водѣ.

— Да, знаете, строго говоря, я дѣйствительно вводилъ изрядное количество драни,—сказалъ онъ, когда въ бурой, мутной водѣ, въ которой прополаскивался фруктовый мусоръ, оказался еще осадокъ самой обыкновенной уличной грязи.

Послѣ этого случая, кажется, Иванъ Мартыновичъ прекратилъ свое леченіе цыгнъ «фруктами», по крайней мѣрѣ, я не припомню, чтобы онъ ихъ при мнѣ когда-либо покушалъ.

Такъ какъ проживать мнѣ у Соковнина было весьма неудобно,—я видѣлъ, что его стѣсняю,—то чуть ли не на третій день моего пребыванія тамъ, я переселился къ Ковальскому на Ямскую. Онъ занималъ здѣсь одну небольшую комнату съ однимъ окномъ и стекляннѣею дверью на улицу. Меблировка комнаты была болѣе, чѣмъ скромна: кровать, два стола, два-три стула и тошій чемоданъ составляли всю мебель; въ комнатѣ, кромѣ перечисленнаго, не было абсолютно ничего. Строго говоря, Ковальскій, а послѣ и я съ нимъ, мы совершенно не жили на квартирѣ. Уходя часовъ около десяти утра изъ дому, мы возвращались обратно только ночевать, что случалось зачастую, въ особенности, когда начался рядъ вечеринокъ, даже совсѣмъ подѣ утро, часа въ три-четыре, а то и пять. При этомъ всегда продолжался слѣдующій маневръ. Сперва мы проходили вмѣстѣ по противоположной сторонѣ улицы мимо квартиры, затѣмъ переходили на другую и шли по одиночкѣ, въ первый разъ проходя тоже мимо нашей двери; затѣмъ возвращались, Ковальскій быстро открывалъ дверь и входилъ внутри квартиры, а я проходилъ еще разъ мимо и уже на обратномъ пути быстро нырялъ въ дверь, которая запиралась на ключъ. Огонь почти никогда не зажигался, мы раздѣвались впотѣмахъ и укладывались спать. Все это продолжалось въ цѣлыхъ предосторожности, чтобы не быть выслѣженными шпионами и жандармами.

Часамъ къ 9 утра мы вставали и пили чай съ булкой, перекидываясь изрѣдка короткими замѣчаніями о пережитомъ наканунѣ или видѣнномъ и слышанномъ; рѣдко, очень рѣдко кто-нибудь забѣгалъ въ это время къ намъ, обыкновенно за какой-нибудь конспиративной справкой у Ковальскаго. Послѣдній въ такихъ случаяхъ бывалъ очень недоволенъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они сюда шлятъся! Приведутъ за собой какого-нибудь шпиона, и квартира погибла, да и самому легко влопаться,—говаривалъ онъ тогда по уходѣ посѣтителя, которому лично тоже выговаривалъ.

Послѣ чаю, обыкновенно часовъ въ десять, мы уходили изъ дому, при чемъ Иванъ Мартыновичъ предвѣдительно, безъ пальто и шапки, выходилъ на улицу и оглядывалъ ближайшія окрестности, нѣтъ ли по-близости шпионовъ, и, увидѣвшись, что все обстоитъ

благополучно, возвращался въ комнату, одѣвалъ верхнее платье, и тогда уже мы выходили изъ дому.

Шли мы обыкновенно къ кому-нибудь изъ товарищей, гдѣ Ковальскій велъ какіе-то дѣловые разговоры, въ которые я, не будучи посвященъ, разумѣется, не вмѣшивался. Затѣмъ мы направлялись въ публичную бібліотеку, гдѣ проводили часа четыре-пять за чтеніемъ, а когда желудокъ начиналъ усиленно напоминать о своихъ потребностяхъ, уходили изъ бібліотеки либо чай пить съ булкой и колбасой, или, изрѣдка, обѣдать, послѣ чего опять посѣщали кого-нибудь изъ товарищей, съ которыми отправлялись на вечеринку, если таковая устраивалась, или къ кому-нибудь еще изъ товарищей, гдѣ казалось уютнѣе, напр., къ Александрѣ Владимировнѣ Афанасьевой, Вѣрѣ Ивановнѣ Виттенъ и др. Здѣсь, обыкновенно за самоваромъ, калыкали, вспоминали прошлое, шутили, смѣялись, рассказывали курьезные эпизоды, вродѣ вонючей колбасы или кваса. Иногда затѣвались разговоры и иного свойства, обсуждались теоретическіе вопросы программнаго характера и т. д.

Не могу не обратить вниманія на одну особенность Ковальскаго въ его сношеніяхъ съ людьми. Среди радикаловъ въ Одессѣ весьма распространено было обращеніе другъ съ другомъ на «ты», разъ только люди были мало-мальскіе въ пріятельскихъ отношеніяхъ; мѣстоименіе «ты» было въ употребленіи безразлично между мужчинами и женщинами, при чемъ принято было называть другъ друга по именамъ. Ковальскаго тоже, обращаясь къ нему, звали просто Иванъ, онъ, въ свою очередь, называлъ другихъ по именамъ, но никогда, никому не говорилъ «ты», точно такъ же, какъ и къ нему никто не обращался съ этимъ мѣстоименіемъ. Это неволью какъ-то бросалось въ глаза, и впоследствии, когда мы довольно близко сошлись съ Иваномъ Мартыновичемъ, я, однажды, спросилъ его о причинахъ такого его поведенія, потому что ясно видѣлъ здѣсь не отсутствіе у него пріятелей среди радикаловъ.

— Видите-ли,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—мѣстоименіе «вы» нѣсколько не мѣшается ни образованію дружескихъ отношеній, ни ихъ поддержкѣ, а въ то же время оно какъ-то неволью удерживаетъ отъ проявленія амикошества, къ которому многіе весьма склонны. Такъ—лучше.

Во время упомянутыхъ выше бесѣдъ теоретически-программнаго свойства, между прочимъ, опредѣленно, для меня, по крайней мѣрѣ, выяснился взглядъ Ковальскаго на теорію якобинства и на ткачевскій журналъ «Набатъ»; взглядъ этотъ былъ насмѣшливо отрицательный. Придерживаясь ли Иванъ Мартыновичъ бунтарскихъ теорій, я не знаю и оспаривать категорическаго утвержденія этого моимъ достопочтеннымъ товарищемъ по процессу, Николаемъ Алексѣевичемъ Виташевскимъ, высказавшимъ его въ помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ «Былого» воспоминаніяхъ о первомъ вооруженномъ сопротивленіи, не смѣю. Ему это лучше знать, ибо, признаюсь откровенно въ своемъ полномъ невѣжествѣ на этотъ счетъ, какъ и вообще невѣжествѣ во всякихъ революціонно-программныхъ

вопросах. Дѣло въ томъ, что вступилъ я на путь подготовительно-революционной дѣятельности въ направлении освободительнаго движенія совершенно самостоятельно, безъ какой бы то ни было связи съ существовавшими уже въ то время организованными кружками и безъ какой бы то ни было теоретической подготовки. Я пришелъ просто къ заключенію, что жить жизнью интеллигентнаго, культурнаго человѣка не въ правѣ, когда народъ прозябаетъ въ тѣмъ невѣжествѣ и безправіи, что нужно жить тою же жизнью, что и онъ, т. е. снискивать себѣ средства къ существованію физическимъ трудомъ, и въ то же время, по мѣрѣ возможности, просвѣщать его относительно его положенія, открывать ему глаза на тѣ условия, въ какихъ онъ живетъ и на тѣ причины, которыя создаютъ эти условия. Мое столкновенье съ радикалами въ Одессѣ было первымъ; здѣсь я увидѣлъ ихъ впервые на волѣ и присматривался лишь къ нимъ, наблюдалъ ихъ какъ людей, въ общемъ, одинаковаго образа мыслей со мной относительно положенія народа.

Тонкости программныхъ вопросовъ, тотъ или иной характеръ отгѣнковъ, по которымъ однѣ программы отличались отъ другихъ, не интересовали меня вовсе; я не придавалъ имъ никакого серьезнаго значенія, ибо всѣ эти дороги вели въ Римъ, а достиженіе этого Рима—освобожденія народа—было общей цѣлью всѣхъ революціонеровъ, къ какимъ бы партіямъ или партійнымъ фракціямъ они ни причисляли себя. Кромѣ того, наблюдая революціонную жизнь какъ бы нѣсколько со стороны, я видѣлъ, какъ впереди всякихъ революціонныхъ теорій и принципиальныхъ программъ шла живая дѣятельность, логически неизбежно толкавшая революціонно мыслящихъ людей на тотъ или другой рядъ поступковъ опредѣленнаго характера, поступковъ, отнюдь не входившихъ въ существовавшія уже въ то время программы практической революціонной дѣятельности. Партійныя программы опредѣленныхъ теорій, подкрѣпляемыхъ даже различными философскими концепціями, шли позади жизни, создавались уже послѣ того, какъ дѣятельность проявлялась въ опредѣленныхъ фактахъ, и служили, если позволено мнѣ такъ выразиться, историко-философскимъ объясненіемъ уже совершившагося. Если и замѣчается нѣкоторая преемственная связь между различными партійно-революционными программами, какъ сосуществовавшими одновременно, такъ и послѣдовательно возникавшими одна за другой, то это, по моему мнѣнію, зависитъ единственно отъ того, что въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ тотъ Римъ, къ достиженію котораго стремились и стремятся люди, не утратившіе понятія о правдѣ и справедливости, тотъ Карагенъ, разрушить который считаютъ своею священной обязанностью не могущіе удовольствоваться своимъ личнымъ благополучіемъ. Принадлежность же къ той или другой партіи, исповѣданіе той или иной программы зависитъ, я убѣжденъ въ этомъ, не отъ совершенства теорій программъ или организаций партій, а единственно или, правильнѣе, главнымъ образомъ, отъ темперамента и общаго склада ума личности, вступающей въ данную организацию, признающей данную программу.

Итакъ, повторяю, что не осмѣливаюсь оспаривать Н. А. Виташевскаго, утверждающаго, что Ковальскій принадлежалъ къ бунтарской партіи, но позволю себѣ лишь высказать сомнѣніе, чтобы покойный Иванъ Мартыновичъ былъ безусловно правовѣрнымъ бунтаремъ, абсолютно признававшимъ и хранившимъ въ чистотѣ всѣ принципы бунтарской программы.

Высказать такое сомнѣніе я рѣшаюсь потому, что Ковальскій былъ, безспорно, умный человѣкъ и уже въ силу одного этого не могъ свою мысль строго ограничить узкими рамками какой бы то ни было партійной программы, а затѣмъ онъ, не скрывая, высказывалъ сочувствіе моимъ планамъ реформированной, такъ сказать, пропаганды въ народѣ. Сочувствіе это выражалось не только въ безмолвномъ или гласномъ соглашеніи съ нѣкоторыми пожеланіями моихъ плановъ, но и въ дѣятельномъ участіи ихъ осуществленія. Почти немедленно послѣ моего прибытія въ Одессу мнѣ предложено было эмигрировать за-границу, но я отказался, стремясь пойти опять въ народъ, гдѣ я, строго говоря, ничего не успѣлъ сдѣлать. И вотъ въ этомъ направленіи, т. е. въ направленіи къ осуществленію моихъ стремленій въ народъ для продолженія дѣла пропаганды, въ цѣлесообразность которой я не извѣрился, Ковальскій дѣятельно мнѣ помогалъ. Наши странствованія, по выходѣ изъ квартиры на Ямской, по товарищамъ имѣли, между прочимъ, цѣлью устройство моей поѣздки на Волгу, гдѣ предвидѣлась возможность занять мнѣ мѣсто волостного писаря для болѣе успѣшнаго веденія пропаганды.

Мнѣ кажется, что послѣ сказаннаго станетъ совершенно ясною ошибочность заявленія Н. А. Виташевскаго въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ, гдѣ онъ говоритъ, что я былъ чистѣйшимъ пропагандистомъ, а потомъ присталъ къ бунтарству. Выше я высказалъ свой взглядъ на тогдашнее подраздѣленіе на партіи революціонно мыслящихъ людей и настроеніе ихъ въ то время. Ни о террорѣ, какъ формѣ систематической борьбы, ни о вооруженномъ сопротивленіи, строго говоря, никто не думалъ еще тогда, по крайней мѣрѣ, не высказывался прямо, хотя почему-то всѣ ходили съ революверами и кинжалами. Мнѣ думается, что, если бы спросили тогдашнихъ радикаловъ, зачѣмъ они носятъ съ собой оружіе, многіе не смогли бы опредѣленно отвѣтить на этотъ вопросъ. Когда я бѣжалъ изъ херсонской тюрьмы, меня снабдили революверомъ системы Кольта, пистоннымъ, и кинжаломъ; сперва, признаюсь, я и не подумалъ о томъ, къ чему мнѣ это оружіе, но потомъ рѣшилъ воспользоваться имъ въ томъ случаѣ, если бы меня захотѣли задержать на улицѣ, такъ какъ мнѣ, все равно предстояло наказаніе въ видѣ каторжныхъ работъ отъ 4 до 8 лѣтъ.

Ковальскій тоже носилъ съ собой за поясомъ кинжалъ и революверъ, что, конечно, было довольно-таки неудобно, и Акимовъ, о которомъ говоритъ въ своей статьѣ «Первое вооруженное сопротивленіе» Н. А. Виташевскій, однажды, хотя и самъ таскалъ съ собой за поясомъ брѣвчъ революверъ и кинжалъ, сострилъ. Онъ сказалъ, что, если признавать теорію Дарвина о происхожденіи

видовъ, по словамъ котораго, измѣненіе даннаго морфологическаго строенія нѣрѣдко обуславливается внѣшними условіями, къ которымъ данный организмъ приспосабливается, то у будущихъ поколѣній русскихъ революціонеровъ въ области живота образуются углубленія, куда будутъ вкладываться, съ одной стороны, револьверъ, а съ другой—кинжалъ.

Одѣваясь утромъ, чтобы куда-нибудь идти, когда дѣло доходило до нашего вооруженія, Иванъ Мартыновичъ почти каждый разъ вспоминалъ острогу «Николаича» и говорилъ:

— Да, пожалуй, у будущихъ поколѣній радикаловъ на животѣ образуется мѣсто для револьвера и кинжала. Ужасно неудобно съ ними, жметъ иной разъ, а то замѣтно, какъ жилетка оттопыривается; опытный глазъ сразу увидитъ.

Выстрѣлъ Вѣры Ивановны Засуличъ въ градоначальника Трепова, позволившаго себѣ подвергнуть позорному истязанію Боголюбова, всколыхнула нѣсколько сонливое и какъ-бы апатичное настроеніе одесскихъ радикаловъ, которые заволоновались, задвигались.

Часовъ около 10—11 утра въ тотъ день, когда случилось извѣстіе объ этомъ выстрѣлѣ, Ковальскій пришелъ ко мнѣ (я жилъ тогда на одной квартирѣ съ В. И. Виттенъ и Л. М. Мержановой; А. В. Афанасьева къ тому времени переехала на другую квартиру куда-то), одновременно съ нимъ или нѣсколько позже пришелъ Н. А. Виташевскій, потомъ еще кое-кто, и всѣ начали горячо обсуждать случившееся въ Петербургѣ. Всѣ сходились на томъ, что одесскіе радикалы обязаны чѣмъ-нибудь отозваться на выстрѣлъ Засуличъ, чѣмъ-нибудь проявить себя и, въ концѣ концовъ, рѣшено было составить, отпечатать и расклеить по городу соответствующее воззваніе. Ковальскій предложилъ присутствовавшимъ написать тексты такого воззванія и самъ началъ писать тоже, чтобы потомъ или выбрать изъ нѣсколькихъ лучшее, или скомпилировать изъ нихъ одно.

Всѣ были настроены такъ, что черезъ какой-нибудь часъ писавшіе окончили свою работу и начали по очереди каждый читать свое произведеніе. Остановились на воззваніи редакціи Ковальскаго, озаглавленномъ «Голосъ честныхъ людей», которое и рѣшено было напечатать, и набирать которое мы отравились тотчасъ же на квартиру къ нему. Я помню, какъ идя туда, онъ нѣсколько разъ вспоминалъ заключительныя слова одного изъ забраккованныхъ воззваній и много смѣялся имъ.

— Такъ, какъ?—говорилъ онъ—мы будемъ стрѣлять, будемъ вѣчно стрѣлять?—(онъ нѣсколько расщиповалъ)—таковы были эти заключительныя слова, и громко смѣялся.—Ничего себѣ, знаете, хорошая перспектива... «будемъ стрѣлять, будемъ вѣчно стрѣлять» и только. Совсѣмъ хорошо...

Немедленно по приходѣ на квартиру Ковальскаго (онъ жилъ тамъ же, на Ямской, но занималъ другую комнату съ окнами, выходившими во дворъ), изъ его тощаго чемодана извлечена была «тайная типографія», состоявшая изъ десятиа полутора фунтова

типографскаго шрифта, сооруженныхъ изъ сигарнаго ящика двухъ или трехъ подобій верстатокъ и деревянной же дощечки съ закрапинками, напоминающей не то маленькую гранку, не то «уголокъ»; на послѣдней и производилось само печатаніе, сперва сапожной щеткой, замѣненной впоследствии «природными дарованіями», по терминологіи Глѣба Ивановича Успенскаго.

Такъ какъ у насъ не было даже подобія типографской кассы, то нужныя буквы приходилось разыскивать въ кучкѣ шрифта, что, конечно, страшно замедляло наборъ. Но, кромѣ того, при такихъ условіяхъ, обнаружилось еще одно большое неудобство: то тотъ, то другой изъ насъ троихъ (начали набирать Ковальскій, В. Д. Кленовъ и я) обращались одинъ къ другому:

— Василий, дайте-ка мнѣ прописное К, никакъ не могу его найти.

— Иванъ, нѣтъ-ли у васъ точки съ запятой и твердаго знака? и т. д.

Изъ сосѣдней комнаты, гдѣ обитали квартирные хозяева, къ намъ доносились не только звуки ихъ голосовъ, но и ясно слышались отдѣльныя слова; точно такъ же, конечно, и въ ихъ помѣщеніи можно было слышать наши обращенія другъ къ другу за запятыми и точками.

Обративъ на это вниманіе, мы пришли, разумеется, къ заключенію, что набирать здѣсь неудобно и, по моему предложенію, рѣшили перенести все дѣло въ квартиру Виттенъ-Мержановой, гдѣ изъ послѣдней комнаты никто ничего не могъ слышать. Едва смерклось, «типографія» была разложена по карманамъ, и мы перенесли ее на Садовую, гдѣ черезъ день и произошло вооруженное сопротивленіе, повлекшее за собой разстрѣлываніе Ковальскаго по приговору военнаго суда...

Я не буду здѣсь касаться ни вооруженнаго сопротивленія, ни судебного процесса, о которыхъ, въ общемъ, Н. А. Виташевскій въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ сообщилъ довольно вѣрные свѣдѣнія (неточностей и ошибокъ въ его изложеніи, можетъ быть, я коснусь въ другое время и въ другомъ мѣстѣ), а перейду къ послѣднимъ днямъ жизни Ковальскаго, которые мы провели вмѣстѣ съ нимъ въ камерѣ подвальной этажа одесской тюрьмы вплоть до того момента, какъ его передъ разсвѣтомъ увели на казнь.

Въ первый день, когда насъ, послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ, перевезли изъ зданія военнаго суда въ тюрьму и водворили въ мрачной съ низкими сводами и асфальтовымъ поломъ камерѣ, подъ окномъ и дверьми которой поставили по часовому, мы почти не разговаривали другъ съ другомъ. Мы страшно устали. Нѣсколько дней судебного разбирательства и приговоръ истрепали нервы, а курятники (буквально курятники, даже со слѣдами недавняго пребыванія куръ), въ которыхъ насъ запирали на ночь въ зданіи суда, отозвались на мускулахъ и костяхъ до того ощутительно, что мы чувствовали себя страшно разбитыми и усталыми, и въ первый день просто отдыхали на тюремныхъ кой-

кахъ, высыпались. Ни мрачный видъ полутемной камеры, ни часовые, не спускавшие съ насъ глазъ, не производили на насъ никакого впечатлѣнія. Намъ былъ нуженъ отдыхъ, и мы его использовали въ первый день возвращенія въ тюрьму.

Сонъ, при условіи возможности вытянуться на койкѣ во всю длину своего тѣла, чего нельзя было за тѣсотой дѣлать въ курятникахъ суда, подкрѣпилъ насъ настолько, что на слѣдующій день мы себя чувствовали совершенно бодрыми.

Само собой разумѣется, что первой и главнѣйшей темой нашихъ разговоровъ былъ судъ и, въ особенности, его приговоръ въ отношеніи Ковальскаго. Иванъ Мартыновичъ былъ совершенно спокоенъ, отчасти, можетъ быть, потому, что нѣсколько надвѣялся на неприведеніе приговора въ исполненіе. Я говорю *нѣсколько* потому, что онъ вполне допускалъ также, что его разстрѣляютъ. Слабая, весьма слабая надежда шевелилась и у меня въ душѣ, и я старался укрѣпить ее въ Ковальскомъ.

— А, собственно говоря, интересно, подтверждаетъ Сенека (такъ, кажись, звали командующаго войсками одесскаго округа) приговоръ или нѣтъ?—нѣсколько разъ, обращаясь ко мнѣ, произносилъ Иванъ.

— Не думаю,—говорилъ я, хотя не вѣрилъ самъ своимъ словамъ,—не рѣшится онъ сдѣлать это, хотя бы въ виду того, что произошло на Гулевой, когда сталъ извѣстенъ только приговоръ.

— Ну, это, положимъ, никакого значенія имѣть не можетъ или даже, наоборотъ, должно повліять на него въ томъ смыслѣ, что побудить его рѣшительнѣе приговоръ утвердить,—возражалъ Ковальскій.

— Да, вѣдь, то или иное рѣшеніе и не отъ него зависитъ: какъ отвѣтитъ изъ Петербурга,—говорилъ опять я, намекая на слухъ, будто командующій войсками послалъ въ Петербургъ телеграмму съ запросомъ о томъ, какъ быть съ приговоромъ суда относительно смертной казни.

Ковальскій замолчалъ, наступала продолжительная пауза, каждаго изъ насъ погружалъ въ свои думы.

— Собственно говоря,—прерывалъ молчаніе Ковальскій,—я ничего не имѣю противъ того, чтобы умереть; смерти я не боюсь, и даже не жаль жизни, но важно лишь то, чтобы моя смерть была продуктивной для общаго нашего дѣла; вотъ что важно.

Относительно послѣдняго соображенія-вопроса я вполне искренно высказывался въ томъ смыслѣ, что, если бы приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе, то въ продуктивности этого акта для дѣла освобожденія народа не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я напоминалъ Ивану заключительныя слова рѣчи нашего защитника Бардовскаго, который сказалъ: «Не забывайте, господа судьи, что знафотъ, обогащенный кровью такого преступника, приноситъ совсѣмъ не тѣ плоды, какіе отъ него ожидаютъ пославшіе осужденнаго на казнь».

Это—не красивыя слова только, это—непреложный фактъ, про-

слѣдить который вовсе не трудно въ исторіи. И разговоръ переходитъ на другія темы. То вспоминаемъ мы отдѣльные эпизоды судебного слѣдствія, то обсуждаемъ происшедшее на Гулевой улицѣ, то припоминаемъ подробности вооруженнаго сопротивленія и т. п.

Время идетъ, но мы не замѣчаемъ этого. Передохнувшіе нервы вновь возбуждаются, и, почти не чувствуя усталости, мы говоримъ, говоримъ и говоримъ, не замѣчая, что уже далеко за полночь и, лишь спохватившись, что очень поздно, рѣшаемся уснуть.

— Это бы все ничего, я ничего не имѣю противъ моей смерти, лишь бы она была продуктивной,—говоритъ Ковальскій, уже лежа на койкѣ и готовясь заснуть.

Эту фразу онъ неоднократно повторяетъ и днемъ, во время разговоровъ, затрагивающихъ совершенно даже посторонніе судебному приговору предметы. Произноситъ ее Ковальскій совершенно спокойно и просто, нисколько ни рисуясь, не подчеркивая ея.

Мысль, ею выражаемая, несомнѣнно, все время занимаетъ его и, очевидно, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Но я каждый разъ стараюсь ихъ разсвѣять и, какъ мнѣ кажется, достигаю въ значительной мѣрѣ цѣли.

Послѣдняя ночь передъ казнью памятна мнѣ очень хорошо. Я какъ теперь вижу Ковальскаго въ сѣромъ пиджакѣ изъ какой-то дѣтной матеріи,—сшитомъ нашими дамами специально для суда, такъ какъ имѣвшійся у Ивана старый былъ уже чересчуръ истрепанъ,—шагающимъ въ своихъ истоптанныхъ безъ подошвъ ботинкахъ (все какъ-то собирались купить ему новые, но такъ и не собрались) отъ стола подъ окномъ къ двери, съ стаканомъ почти холоднаго чаю въ рукѣ. Прострѣленная нога у меня еще не зажила, нужно было прибѣгать къ помощи одного костыля, и потому я лишь изрѣдка прохаживался. Онъ прихлебываетъ чай и говоритъ. За все время моего знакомства и за послѣдніе дни до роковой ночи Ковальскій никогда не говорилъ мнѣ ничего о своей личной жизни. Я зналъ только, что онъ сынъ священника, бывшій воспитанникъ подольской семинаріи. Въ эту ночь онъ почему-то самъ заговорилъ объ Аннѣ Алексѣевой, которую сильно любилъ. Всегда сдержанный, занятый, повидимому, исключительно революціоннымъ дѣломъ, онъ вдругъ заговорилъ со мной свободно, откровенно о своихъ личныхъ чувствахъ. Признаюсь, несмотря на то, что я былъ отчасти польщенъ этимъ, такъ сказать, довѣріемъ, указывавшимъ на его близость и симпатію ко мнѣ, мнѣ все же это показалось нѣсколько неприятнымъ. Мнѣ почуялось въ этомъ какъ бы душевное ослабленіе и въ то же время полусознательно промелькнуло предчувствіе недобраго. Думая затѣмъ, что, можетъ быть, на другое утро (я не зналъ, что онъ его больше не увидитъ) онъ пожалѣетъ, что коснулся самыхъ интимныхъ сторонъ своей жизни, я старался навести разговоръ на другіе предметы. Но Иванъ, можетъ быть, инстинктивно предчувствуя, что послѣдній разъ говорить съ относительно близкимъ ему человекомъ, не унимался и много, и долго, съ увлеченіемъ говорилъ о любимой имъ дѣвушкѣ.

Припоминая иные из его отзывов о знакомых нам женщинах из радикального мира, я поражаюсь нѣжностью его сердца и тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, какое сквозило въ его теперешней рѣчи, къ женщинъ вообще и русской дѣвушкѣ въ частности.

Мы почти не касались въ эту ночь никакихъ общественныхъ вопросовъ, ничего уже не говорили о судѣ, о приговорѣ и провели время въ бесѣдѣ часовъ до трехъ утра. Ложась послѣдній разъ спать, Иванъ даже не произнесъ своей обычной фразы о томъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ своей смерти, если она будетъ только продуктивной. Онъ легъ, не раздѣваясь, какъ дѣлалъ это всегда въ послѣдніе дни, и моментально заснулъ спокойнымъ, глубокимъ сномъ.

Я не могъ уснуть, нервное возбужденіе не проходило и, лежа съ закрытыми глазами, пытался себя заставить заснуть и, можетъ быть, чуть-чуть задремалъ.

Шумъ шаговъ за дверью, звонъ ключей при отпирании замка, грохотъ желѣзнаго засова вмигъ прогнали дрему, и я открылъ глаза.

Распахнулась дверь, и въ камеру вошелъ смотритель, караульный офицеръ, ключникъ и нѣсколько солдатъ съ ружьями; послѣдніе съ офицеромъ и ключникомъ остановились кучкой у двери, ближе къ углу.

Необычное время прихода, блѣдныя, какъ бы испуганныя или, лучше, какъ бы угнетенныя сознаніемъ преступности совершаемаго лица сразу сдѣлали для меня понятнымъ происходящее. Я приподнялся на постели и взглянулъ сперва въ уголъ, гдѣ толпились солдаты съ фонарями. Совершенно неизрочно, на одинъ только мигъ, какъ молнія, мелькнуло воспоминаніе о видѣнной гдѣ-то, должно быть въ какомъ-нибудь журналѣ, гравюрѣ, изображавшей сцену въ Геосиманскомъ саду, когда Іуда привелъ римскихъ солдатъ и полицію, чтобы схватить Христа.

Блѣдный, съ какимъ-то искаженнымъ, измученнымъ лицомъ подошелъ смотритель къ койкѣ, на которой спокойно спалъ Ковальскій.

— Вставайте, вставайте!—слегка трогая за плечо спящаго, не вѣрнымъ, срывающимся голосомъ будилъ его смотритель. — Нужно идти, — проговорилъ онъ, когда Ковальскій проснулся и всталъ на ноги.

Ковальскій взглянулъ на кучку людей, столпившихся въ углу камеры, и протянулъ руку къ столу, чтобы взять свою шляпу.

— Не сомнѣвайтесь въ продуктивности, вспомните слова Бардовскаго, — проговорилъ я, подойдя къ нему и взявъ его за руку. — Прощайте...

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и, не произнеся ни слова, пошелъ за смотрителемъ. Солдаты заслонили его отъ моего взора, и я не видѣлъ, какъ онъ въ послѣдній разъ переступилъ порогъ камеры.

Шумъ шаговъ по корридору, глухой, отдаленный шумъ ихъ во

каменнымъ плитамъ двора, лязгъ открываемой и закрываемой калитки въ желѣзныхъ воротахъ тюрьмы были послѣдними звуками, что я слышалъ вблизи живого еще товарища.

Часовъ около одиннадцати утра въ тюрьмѣ, по обыкновенію, смѣнялся караулъ. Старыхъ часовыхъ у дверей и окна моей камеры смѣнили новые. Какъ и прежніе, эти зорко смотрѣли внутрь моего помѣщенія. Я подошелъ къ небольшому окну съ толстой желѣзной рѣшеткой. Сверху виднѣлся клочекъ чистаго, темнаго, лубого южнаго неба. Ярko и весело свѣтило солнце...

— Послушайте,—послышалось негромко за окномъ.—Товарища разстрѣляли. Наша рота была тоже на Кукиковомъ полѣ. Молодцомъ умеръ. Самъ подошелъ къ столбу, не вели...

За дверью стукнулъ ружейный прикладъ о плиты каменнаго пола корридора.

Голосъ за окномъ моментально смолкъ, и говорившій часовой, молодой еще очень солдатъ, нѣсколько отстранился отъ окна.

Постукивая костылемъ, я сталъ ходить по камерѣ. И въ моемъ воображеніи рисовалась картина:

Полумракъ предразсвѣта, безграничная степь, разомкнутое съ одной стороны каре вооруженныхъ солдатъ, привязанная къ столбу, покрытая бѣлымъ мѣшкомъ человѣческая фигура, грохотъ залпа, темныя пятна на бѣломъ саванѣ...

Что думали солдаты, отвязывавшіе отъ столба окровавленный тѣпый еще трупъ Ковальскаго, чтобы бросить его въ яму, когда увидели у него на ногахъ истоптанные, старые ботинки, сквозь дырку которыхъ ясно видно было его голое тѣло?—спрашивалъ я себя мысленно.

Уже въ этотъ моментъ смерть его стала проявлять свою продуктивность...

В. Иличъ-Свитычъ.

Къ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ въ началѣ 80-хъ годовъ.

Въ июльской книгѣ «Былого» мы напечатали воспоминанія М. Ю. Ашенбреннера о военныхъ организацияхъ, созданныхъ дѣятелями «Народной Воли» въ началѣ 80-хъ годовъ. Въ настоящей книгѣ мы имѣемъ возможность пополнить сообщенія М. Ю. Ашенбреннера данными официальнаго дознанія о распространеніи «преступной пропаганды среди военныхъ». Дознаніе было возбуждено въ первой половинѣ 1883 года и производилось въ течение года. Даннымъ жандармскаго дознанія была два раза сдѣлана сводка. Въ первый разъ писатели жандармскаго вѣдомства подвели итогъ дознанію съ 1 января по 1 июля 1883 года, во второй—съ 1 июля 1883 по 1 января 1884 г. Эти сводки мы и помѣщаемъ въ настоящей книгѣ. Читатель долженъ помнить, что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ «откровенныхъ показаніяхъ» одного или нѣсколькихъ офицеровъ, нужно почти всегда имѣть въ виду пространнѣйшій предательскій оговоръ Дегаева. И дознаніе въ этой первой стадіи, и впоследствии судъ, почерпнувъ всѣ данныя изъ показаній Дегаева, стыдливо не рѣшились произнести громко его фамилии. Само собою разумѣется, что мы печатаемъ эти жандармскія произведенія исключительно въ качествѣ матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія, при чемъ матеріаловъ такого рода, къ которымъ необходимо относиться весьма критически.

I.

«Въ течение послѣднихъ лѣтъ неоднократно получались указанія на отдѣльные случаи преступныхъ сношеній лицъ, состоявшихъ на дѣйствительной военной службѣ, съ членами тайныхъ обществъ и даже на принадлежность нѣкоторыхъ офицеровъ къ этимъ послѣднимъ. Выяснившіяся при этомъ данныя, удостоверяя виновныхъ тѣхъ или другихъ лицъ, не свидѣтельствовали, однако, о существованіи съ преступною цѣлью самостоятельныхъ военныхъ кружковъ. Съ развитіемъ, однако, дѣятельности народовольческаго общества, включившаго въ свою программу привлеченіе къ революціонной дѣятельности военныхъ, стали поступать свѣдѣнія о воз-

никновеніи въ средѣ офицеровъ арміи и флота особыхъ группъ съ социально-революціоннымъ направленіемъ. Опредѣлительныя въ сѣмъ отношеніи указанія были представлены весною 1882 г. покойному генералъ-майору Стрѣльникову оберъ-офицерскимъ сыномъ Дмитріемъ Петровымъ, который показалъ, что, подъ влияніемъ Вѣры Фигнеръ, въ Одессѣ образовался преступный кружокъ въ средѣ офицеровъ 59 Люблинскаго пѣхотнаго полка, состоявшій изъ слѣдующихъ лицъ: подполковника Ашенбреннера, штабсъ-капитана Крайскаго, поручиковъ Каменскаго и Телье и подпоручика Стратановича. Привлеченіе названныхъ офицеровъ къ ответственности признано было тогда преждевременнымъ, такъ какъ за ними, въ видахъ выясненія ихъ связей и дѣятельности, было учреждено негласное наблюденіе. Вслѣдствіи, однако, обнаруженіе въ концѣ того же 1882 года, по заявленію поручика 16-го гренадерскаго Мингрельскаго полка Анисимова, преступнаго кружка среди офицеровъ вышеназваннаго полка въ Тифлисѣ, выяснившіяся посредствомъ наблюденія въ Харьковѣ за Вѣрою Фигнеръ и ея единомышленниками сношенія этихъ лицъ съ штабсъ-капитаномъ 9 артиллерійской бригады Похитоновымъ и поручикомъ 28-ой артиллерійской бригады Рогачевымъ, наконецъ, доказанное участіе подпоручика 131-го Тираспольскаго пѣхотнаго полка Тихановича въ устройствѣ побѣга политическаго арестанта Василія Иванова изъ Кіевского тюремнаго замка въ августъ минувшаго года, дали достаточный матеріалъ для изслѣдованія значенія и размѣровъ социалистической пропаганды въ средѣ военныхъ, поэтому въ мартѣ сего года послѣдовало распоряженіе объ арестѣ всѣхъ названныхъ лицъ военнаго званія.

Откровенными показаніями нѣкоторыхъ изъ числа привлеченныхъ офицеровъ относительно образованія самостоятельныхъ военныхъ кружковъ для социалистической пропаганды выясняется ниже слѣдующее:

Организация кружковъ и возникновеніе централнаго военнаго кружка. Возникновеніе военныхъ кружковъ относится къ осени 1880 года и послѣдовало по инициативѣ казеннаго государственнаго преступника Желябова. Подробныя указанія по поводу этой организаціи даны поручикомъ Рогачевымъ, котораго Вѣра Фигнеръ, приглашая въ ноябрѣ минувшаго года на роль организатора террористическаго кружка въ Петербургѣ, познакомила съ организаціей социально-революціонной партіи вообще, ея текущими дѣлами и способами дѣйствія. Указанія, данныя по сему поводу Рогачевымъ, разъясняютъ, такимъ образомъ, устройство военныхъ кружковъ въ томъ видѣ, въ какомъ эта организація обрисовывалась Рогачеву по разсказамъ Фигнеръ.

Первая военная группа создалась въ концѣ 1880 г. и получила названіе центральною, въ составъ ея вошли: лейтенанты Сухановъ и Штрюмбергъ съ военной стороны, Желябовъ и Колодкевичъ—со стороны Исполнительнаго Комитета. Члены группы занялись разработкой «Устава военнаго централнаго кружка». Уставу этому, какъ показываетъ Похитоновъ, партія придавала такую важность,

что не рѣшалась его печатать, боясь огласки; единственный видимому, его экземпляр найденъ былъ въ числѣ бумагъ Колодкивича при его арестѣ. Уставъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ 15-ти пунктовъ:

1) Центральный военный кружокъ, имѣя своею цѣлью полное политическое и экономическое освобождение народа, впольнъ раздѣляетъ программу партіи «Народной Воли», отпечатанную въ 3 № ея органа.

2) Составляя развѣтвление существующей революціонной организации, кружокъ, какъ спеціально военный, ставитъ себѣ задачи: а) организовать въ войскѣ силу для активной борьбы съ правительствомъ и б) парализовать остальную часть войска, почему-либо неспособную къ активной борьбѣ.

3) Въ предѣлахъ программы, центральный кружокъ безусловно подчиняется рѣшенію Исполнительнаго Комитета, оставляя за собой право совѣщательнаго голоса: а) при начертаніи политики партіи на слѣдующій періодъ, б) во всѣхъ случаяхъ, когда исполненіе возлагается на военную организацию.

Примѣчаніе. Отдѣльные члены военной организации имѣютъ право самостоятельна, безъ совѣщанія съ кружкомъ, принять предложеніе Исполнительнаго Комитета.

4) При измѣненіи программы военная организация имѣетъ рѣшающую голосъ.

5) Условия вступленія въ центральный кружокъ: сознательный и дѣятельный социалистъ-революціонеръ.

6) Для приема въ члены требуется единогласное рѣшеніе кружка и согласіе Исполнительнаго Комитета.

7) Членъ обязывается ставить интересы партіи выше всѣхъ другихъ.

8) Рѣшенія кружка постановляются большинствомъ $\frac{1}{2}$ голосовъ.

9) Выходъ члена центрального кружка изъ организациі партіи безусловно воспрещается.

10) Выходъ его изъ центрального военного кружка допускается лишь съ согласія Исполнительнаго Комитета и единогласнаго рѣшенія самого кружка.

11) Агенты Исполнительнаго Комитета могутъ входить въ центральный кружокъ: а) какъ постоянные его члены со всѣми правами и обязанностями члена кружка и б) какъ временно прикомандированные съ голосомъ совѣщательнымъ по текущимъ дѣламъ кружка и голосомъ рѣшающимъ за Исполнительный Комитетъ.

12) Рѣшеніе кружка во всѣхъ дѣлахъ для члена обязательно.

13) Центральный военный кружокъ вѣдаетъ денежные средства всей военной организациі. Всѣ отступленія отъ военной организациі идутъ въ центральный кружокъ, при чемъ 75% передаются въ Исполнительный Комитетъ, а 25% остаются въ самостоятельномъ распоряженіи центрального кружка.

14) Центральный кружокъ избираетъ кассира, ведущаго отчетность.

15) Члены центрального военного кружка въ сношеніяхъ съ кружками военной организациі именуются «агентами центрального кружка».

Мѣсяца черезъ два послѣ образованія центральной группы число членовъ центрального военного кружка достигло 10—15 человекъ, а въ Петербургѣ и его окрестностяхъ составилось 7 кружковъ, число членовъ которыхъ, въ общей сложности, доходило до 50 человекъ. Въ составъ центрального кружка вошли артиллеристы: штабсъ-капитаны Дегаетъ и Похитоновъ, поручикъ Рогачевъ и подпоручикъ Панинъ; флотскіе офицеры: Буцевичъ, Завалишинъ и Дружининъ, а делегаты комитета по арестѣ Колодкивича и Желябова,—Савелій Златопольскій, Анна Корба и Вѣра Фингеръ (Филиппова)¹⁾. Дѣятельность центрального военного кружка на первыхъ же порахъ его существованія ознаменовалась появленіемъ въ подпольной литературѣ, въ августѣ 1881 г. двухъ преступныхъ воззваній: а) «Къ офицерамъ русской арміи» и б) «Славному казачеству войска Донского, Уральскаго и пр. объявленіе Исполнительнаго Комитета». Оба эти воззванія призывали офицеровъ присоединиться къ тайному обществу для защиты народа и, въ случаѣ открытаго возстанія, принять въ немъ участіе.

Въ составленіи и распространеніи названныхъ преступныхъ воззваній ближайшее участіе принимали, какъ оказывается, Савелій Златопольскій и Похитоновъ. По сему предмету этотъ послѣдній говоритъ въ своемъ показаніи слѣдующее:

«Воззваніе къ офицерамъ русской арміи Златопольскій читалъ мнѣ вчернѣ; съ редакціей его я не поплѣ былъ согласенъ, но такъ какъ своей не представилъ, то воззваніе было напечатано въ томъ видѣ, какъ его показывалъ мнѣ Златопольскій; когда воззванія были напечатаны, Златопольскій принесъ мнѣ цѣлую пачку, которую я распространилъ, какъ путемъ личныхъ сношеній, такъ и по почтѣ».

Поездка агентовъ центрального военного кружка по Россіи. Около того же времени, лѣтомъ 1881 года, членами центрального военного кружка предприняты были поездки въ различныя мѣстности Имперіи для вербовки новыхъ членовъ въ военную средѣ. Лейтенантъ Буцевичъ, получившій служебную командировку въ Николаевъ, принялъ на себя организацию военныхъ кружковъ какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ Одессѣ; туда же лѣтомъ отправлены Вѣра Фингеръ, Анна Корба, лѣтомъ 1881 года, ѣздила въ Тифлисъ и положила начало Мингрельскому кружку. Дружининъ былъ въ Кіевѣ, но поездка его осталась безъ результатовъ. Успѣхъ дѣятельности Корба и Буцевича объясняется тѣмъ, что на Кавказѣ и въ Одессѣ почва для пропаганды среди военныхъ была подготовлена мѣстными дѣятелями. Дмитрій Петровъ находился уже ко времени

¹⁾ Изъ числа названныхъ членовъ кружка въ настоящее время Буцевичъ, Златопольскій и Корба отбываютъ наказанія, Фингеръ, Похитоновъ, Рогачевъ, Завалишинъ, Панинъ, Дружининъ арестованы и привлечены къ дознанію, Дегаетъ разскаивается.

поѣздки Буцевича въ Одессу въ сношеніяхъ съ офицерами Крайскимъ, Стратановичемъ, Ашенбреннеромъ; этотъ послѣдній, будучи прикомандированъ къ 58 му Прагскому полку, расположенному въ Николаевѣ, перенесъ преступную пропаганду въ общество офицеровъ этого полка; на Кавказѣ поручикъ Антоновъ слѣдовалъ внушеніямъ учителя Кипіани и литератора Чрелаева.

Пропаганда среди военныхъ на Кавказѣ. По пріѣздѣ въ Тифлисъ Корба, она познакомилась съ Антоновымъ чрезъ Чрелаева и стала снабжать его изданіями «Народной Воли», которыя были передаваемы затѣмъ Антоновымъ для прочтенія нѣкоторымъ изъ товарищей по полку ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ Корба предложила ему устроить кружокъ изъ офицеровъ полка, сочувствующихъ революціоннымъ идеямъ. Предложеніе это было принято Антоновымъ и передано товарищамъ. Для обсужденія цѣлей кружка и его организаціи состоялось нѣсколько сходокъ; на одной изъ нихъ, на квартирѣ поручика Липпомана, Корба, заявивъ, что она дѣйствуетъ по порученію «исполнительнаго комитета», познакомила присутствовавшихъ съ ходомъ противоправительственнаго движенія, выяснила имъ значеніе и цѣль «исполнительнаго комитета» и предложила образовать военный кружокъ, который въ своихъ дѣйствіяхъ былъ бы обязанъ согласоваться съ программой комитета, тутъ же ею прочитанной собранію и организовать пожертвованія на цѣли тайнаго общества. Вслѣдъ за тѣмъ въ кружокъ мингрельцевъ былъ введенъ Анною Корба пріѣзжій въ Тифлисъ артиллерійскій офицеръ, отрекомендованный подъ фамиліей Кавелина ²⁾, и заявившій о своемъ присутствіи въ кружкѣ весьма туманными разсужденіями о социализмѣ. Убѣждая осенью 1881 г. изъ Тифлиса, Корба поручила кружокъ военнымъ туземцу Григоріану, какъ лицу, который по ея отъѣздѣ долженъ былъ снабжать офицеровъ запрещенными изданіями и поддерживать связь ихъ съ ней, что тотъ и исполнилъ, собравъ при этомъ съ офицеровъ 100 руб., предназначавшихся на устройство тайной типографіи.

По пріѣздѣ на Кавказъ весной 1882 г. Дегаева, послѣдній тотчасъ же сошелся съ Антоновымъ чрезъ княжну Шершадидзе, на состоявшейся по случаю его пріѣзда сходкѣ предложилъ кружку «исполнительному комитету», въ собираніи статистическихъ свѣдѣній о составѣ воинскихъ частей извѣстныхъ мѣстностей складовъ оружія и военныхъ запасовъ и въ вербованіи юнкеровъ и нижнихъ чиновъ, сочувствующихъ революціонному дѣлу. Тутъ же Дегаевъ разъяснилъ офицерамъ, что въ Петербургѣ существуетъ «высшій военный кружокъ», чрезъ который остальные военные кружки сносятся съ комитетомъ, не имѣя къ этому послѣднему

непосредственнаго отношенія, и что подчиненіе Тифлискаго военного кружка «Петербургскому высшему кружку» является, для пользы дѣла безусловно необходимымъ. Дегаевъ поддерживалъ сношенія съ членами военного кружка въ теченіе лѣта 1882 г. и, передавъ имъ листки для сбора пожертвованій въ пользу «Краснаго Креста Народной Воли», устроилъ ежемѣсячные вычеты изъ жалованья съ каждаго члена кружка, а передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса въ сентябрѣ 1882 года, познакомилъ Антонова съ Еленою Ивановною Дубенскою, т. е. съ Галиною Чернявскою. Чернявская, хотя продолжала видѣться съ Антоновымъ вплоть до его ареста, принимала, однако, относительно небольшое участіе въ дѣлахъ военного кружка, такъ какъ пріѣзжала въ Тифлисъ, какъ это установлено дознаніемъ, съ спеціальнымъ порученіемъ руководить обраблѣніемъ Горійскаго казначейства и пользовалась мѣстными революціонными элементами лишь настолько, насколько это было ей необходимо для успѣха указаннаго предпріятія.

Одесскій кружокъ. Сношенія подполковника Ашенбреннера, штабсъ-капитана Крайскаго и подпоручика Стратановича съ упомянутымъ Дмитріемъ Петровымъ относятся къ началу 1881 г., чрезъ Петрова же лица эти познакомились съ Вѣрой Фигнеръ (Филиповой), а впоследствии и съ Буцевичемъ, пріѣхавшимъ, по словамъ Крайскаго, осенью 1881 г. При первомъ же свиданіи Буцевичъ заявилъ Крайскому, что одного пріазнаго сочувствія противоправительственному движенію недостаточно, что необходимо такъ или иначе выразить свою дѣятельность, что военные могутъ принять участіе въ движеніи въ формѣ кружковъ, на какихъ бы то ни было началахъ, что изъ такихъ кружковъ будутъ выдѣляться люди, могущіе принять на себя болѣе серьезныя обязательства, кружокъ же первоначально могъ бы быть составленъ изъ самаго незначительнаго числа лицъ, которое, несомнѣнно, увеличится при развитіи дѣятельности кружка. Принявъ предложеніе организовать кружокъ, Крайскій пригласилъ принять въ немъ участіе поручиковъ Люблинскаго полка Каменскаго и Муравевича; въ согласіи подпоручика Стратановича, бывшаго въ это время въ отсутствіи изъ Одессы, Крайскій не сомнѣвался, такъ какъ Стратановичъ самъ раньше высказывалъ мысль о необходимости кружка и впередъ изъявилъ согласіе принять въ немъ участіе, если бы таковой составилсѣ, Муравевичъ, впрочемъ, изъявившій сначала согласіе, на свиданіе не пришелъ и затѣмъ отказался отъ участія въ кружкѣ. «Такимъ образомъ,—говоритъ Крайскій въ своемъ показаніи,—кружокъ составилсѣ изъ 3-хъ лицъ: меня, Стратановича и Каменскаго, на слѣдующихъ началахъ: кружокъ призналъ солидарность съ программой партіи «Народной Воли», которую изложилъ Буцевичъ; кружокъ принялъ обязательство увеличивать число своихъ членовъ путемъ пропаганды среди офицеровъ, и каждый членъ кружка обязался ежемѣсячно дѣлать извѣстный денежный взносъ, въ размѣрѣ по желанію, на разныя могущія встрѣтиться надобности; одно изъ лицъ кружка должно было хранить эти

¹⁾ Анисимову, Цицанову, Державинскому, Липпоману, Алхазанову и Махукину.

²⁾ По указаніямъ Антонова были произведены розыскы этого офицера, и онъ оказался поручикомъ Каро-Александропольской артиллерій Шенелевымъ. Шенелевъ арестованъ и привлеченъ къ тифлисскому дознанію.

взносы и вообще состоять в связи сь статскими; обязанности эту принять на себя я, притомъ Буцевичъ показалъ мнѣ употребленіе шифра и далъ кусокъ цѣнагого калі; письма, въ случаѣ надобности, я долженъ былъ писать на его имя».

Николаевскій кружокъ. Еще ранѣе прїѣзда въ Одессу, Буцевичъ, лѣтомъ 1881 года, находясь по дѣламъ службы въ Николаевѣ, былъ занятъ устройствомъ военного кружка въ этомъ городѣ изъ офицеровъ 58-го Прагскаго полка, въ которомъ, по словамъ штабсъ-капитана Талапиндова, къ этому времени уже было нѣсколько человекъ, начавшихъ, подъ вліяніемъ прикомандированнаго къ полку подполковника Ашенбреннера, сочувственно относиться къ противоправительственному движению. Квартира Ашенбреннера, проживавшаго вмѣстѣ съ офицерами Прагскаго полка Маймескуловымъ и Мицкевичемъ, служившая сначала мѣстомъ сборищъ для кутежей, мало-по-малу превращена была хозяиномъ въ мѣсто собраній для разсужденій и споровъ по разнымъ экономическимъ и политическимъ вопросамъ, а затѣмъ и открытой пропаганды социалистическихъ воззрѣній. Кромѣ Ашенбреннера, Маймескулова и Мицкевича, квартиру эту посѣщали и принимали участіе въ предсудительныхъ разговорахъ штабсъ-капитанъ Талапиндовъ и подпоручики Кирыковъ и Успенскій. Считая офицеровъ достаточно подготовленными, Ашенбреннеръ началъ затѣмъ снабжать ихъ изданіями «Народной Воли» и другими сочиненіями запрещенной литературы и завелъ особую квартиру для сборищъ сочувствующихъ противоправительственному движению, на средства, которыя должны были получаться путемъ вычетовъ изъ жалованья названныхъ офицеровъ. По прїѣздѣ Буцевича, онъ, по словамъ Талапиндова, «прямо обратился къ Ашенбреннеру и черезъ него познакомился со всѣми нами». Знакомство это произошло на указанной конспиративной квартирѣ, куда его привелъ Ашенбреннеръ. «Буцевича,—говоритъ Талапиндовъ,—какъ видно, очень занималъ вопросъ объ организаціи военныхъ кружковъ. До его прїѣзда нашъ кружокъ существовалъ безъ определенной программы, цѣли. Буцевичъ же предложилъ намъ выработать конституцію нашего кружка, т. е. изложить на бумагѣ, кто и въ какой степени готовъ принять участіе въ дѣлахъ революціонной партіи. Конституція эта тутъ же была выработана подъ его руководствомъ. Помню, что въ ней было сказано, что мы раздѣляемъ программу исполнительнаго комитета, была установлена степень подчиненности центру, опредѣленъ былъ порядокъ рѣшенія вопросовъ, возникающихъ въ кружкѣ, а также предложенъ, которая въ будущемъ можетъ сдѣлать центръ, установлена норма числа членовъ, могущихъ составить кружокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражена была степень готовности каждаго изъ насъ участвовать въ дѣлахъ партіи». Во время пребыванія Буцевича въ Николаевѣ, туда же прїѣзжала и «Елена Ивановна» (Вбра Фигнеръ) и также нѣсколько разъ была на «конспиративной» квартирѣ.

Результаты поѣздокъ членовъ центральнаго военного кружка,

такимъ образомъ, оказался успѣшнымъ. Помимо организаціи кружковъ въ названныхъ выше мѣстностяхъ, поѣздки эти, по словамъ поручика Рогачева, имѣли еще значеніе потому, что дали «центру» массу указаній на офицеровъ, готовыхъ вступить въ члены партіи (на основаніи этихъ указаній были составлены особые списки «офицерамъ-кандидатамъ»), и выяснили вообще, что военная среда представляется удобною для преступной пропаганды. Съ этого времени изъ многихъ военныхъ частей представляются требованія на постоянное полученіе запрещенныхъ изданій, и во многихъ мѣстахъ высказывается потребность въ изданіи спеціальнаго военного органа. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, центральный военный кружокъ рѣшилъ принять слѣдующія мѣры: въ наиболѣе важныхъ городахъ основать *окружные* кружки съ тѣми же обязанностями, въ отношеніи своихъ мѣстностей, какія центральный кружокъ имѣлъ относительно всей Россіи, затѣмъ предполагалось открыть особую типографію для изданія военного журнала и брошюръ, установить періодическія командировки агентовъ центральныхъ кружковъ, наконецъ, устраивать переводы офицеровъ изъ одной мѣстности въ другую сообразно потребностямъ. На выполненіе всѣхъ этихъ мѣръ потребовалась значительная сумма денегъ, которая и была потребована отъ комитета. «Между тѣмъ,—говоритъ Рогачевъ,—дѣла комитета сильно пошатнулись, люди, подвизавшіеся на революціонномъ поприщѣ 8—10 лѣтъ, почти всѣ были арестованы, вновь вступившіе членами въ комитетъ, на пополненіе убыли, еще не пріобрѣли необходимой опытности; находясь въ такомъ положеніи, комитетъ предложилъ центральному военному кружку прекратить на время свою дѣятельность, выжидая, пока дѣла центра поправятся». Это было, по мнѣнію комитета, тѣмъ болѣе необходимо, что аресты коснулись уже войска, и дальнѣйшая рѣшительная дѣятельность въ семъ направленіи могла привлечь все вниманіе полиціи на военную организацію.

Аресты офицеровъ. Таково было положеніе, въ которомъ застали преступную военную организацію распоряженія объ арестѣ тѣхъ членовъ ея, на коихъ имѣлись указанія. Аресты эти за время съ 1-го января по 1-е іюля сего года были произведены въ слѣдующей постепенности:

Въ Тифлисѣ арестованы:

12-го января, 16-го Мингрельскаго гренадерскаго полка: капитанъ Макухинъ, штабсъ-капитанъ Державновскій и Липпоманъ, поручики Антоновъ, Алихановъ и Цицановъ.

4-го марта, того же полка штабсъ-капитанъ Вачнадзе и поручикъ Митникъ.

Въ Кіевѣ:

20-го марта, 131-го Тираспольскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Тихановичъ.

Въ Смоленскѣ:

29-го марта, подполковникъ 59-го Люблинскаго пѣхотнаго полка Ашенбреннеръ,

Въ г. Кобелякахъ, Полтавской губ.:

31-го марта, штабсъ-капитанъ 9-й Артиллерійской бригады Похитоновъ.

Въ Одессѣ:

2-го апрѣля, 59-го Люблинскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Крайскій, поручикъ Стратановичъ.

Въ Москвѣ:

4-го апрѣля, поручикъ 28-й Артиллерійской бригады Рогачевъ.

Въ Кронштадтѣ:

4-го апрѣля, 7-го флотскаго экипажа лейтенантъ Куприановъ, Кронштадтской Крѣпостной Артиллеріи подпоручикъ Алексѣй Прокофьевъ и братъ его, корпуса флотскихъ штурмановъ поручикъ Александръ Прокофьевъ.

Въ Александрополѣ:

26-го апрѣля, Карсо-Александропольской крѣпостной артиллеріи поручикъ Шепелевъ.

(Дальнѣйшіе аресты офицеровъ, по даннымъ, выяснившимся дознаніемъ, произведены въ юль мѣсяцѣ, и свѣдѣнія о нихъ отчасти изложены въ приложеніи къ сей главѣ обзора, частью будутъ помѣщены въ слѣдующемъ обзорѣ).

«Изъ числа арестованныхъ офицеровъ какъ по характеру дѣятельности, такъ по значенію, которымъ они пользовались въ средѣ тайнаго преступнаго сообщества, несомнѣнно, выдѣляются: Похитоновъ, Рогачевъ и Ашенбреннеръ. Имѣя постоянныя и близкія сношенія съ руководящими членами преступнаго сообщества, они въ послѣднее время намѣчались, какъ лица, на коихъ предполагалось возложить отвѣтственные порученія и организцію отдѣльныхъ предпріятій. Дѣятельность первыхъ двухъ вполне выясняется данными ими подробными и откровенными показаніями, подтверждаемыми прочими обстоятельствами дѣла. Что же касается Ашенбреннера, то онъ призналъ лишь принадлежность свою къ «соціально-революціонной партіи», заявивъ, что вступилъ въ тайное сообщество въ теченіе 1882 г. вслѣдствіе личныхъ убѣжденій, которыя склады-

вались у него мало-по-малу въ теченіе многихъ лѣтъ. Руководясь тѣми же убѣжденіями, онъ, минувшей осенью взявъ 11-ти мѣсячный отпускъ и прѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы ближе познакомиться съ членами партіи, завязать съ ними сношенія, а затѣмъ, выйдя въ отставку, окончательно посвятить себя революціонной дѣятельности. Показаніе это не полнѣе точно: знакомство Ашенбреннера съ Петровымъ и Фигнеръ, по даннымъ дознанія, относится къ веснѣ 1881 г., и въ томъ же году Ашенбреннеръ уже положилъ начало Николаевскому военному кружку.

Показаніе Похитонова. Сношенія Похитонова съ преступнымъ сообществомъ начинаются съ конца 1880 г., когда онъ, находясь въ Артиллерійской Академіи, встрѣтился съ товарищемъ своимъ по Артиллерійскому училищу Дегаевымъ и принявъ предложеніе этого послѣдняго вступить въ ряды тайнаго сообщества. Разъясняя Похитонову цѣль дѣятельности партіи и средства къ ея достиженію, Дегаевъ указывалъ на необходимость революціонной организациі въ войскѣ, дабы лишить въ извѣстный моментъ правительство опоры въ борьбѣ его съ революціонными элементами. Такая организациа, по словамъ Дегаева, въ то время уже начала осуществляться, и съ членомъ ея Дегаевъ познакомилъ Похитонова въ лицѣ лейтенанта Суханова. Убѣжденія этого послѣдняго окончательно повліяли на Похитонова, и онъ согласился примкнуть къ военной организациі тайнаго преступнаго сообщества. Сухановъ познакомилъ Похитонова съ уставомъ военной организациі и ввелъ его въ теченіе зимы 1880—81 гг. въ революціонную среду, гдѣ онъ встрѣчалъ Вѣру Фигнеръ, Перовскую, Фроленко, Анну Корба и Буцевича; этого послѣдняго, впрочемъ, Похитоновъ видѣлъ еще ранѣе у своего знакомаго, капитана Савельева. По арестѣ весною 1881 г. Суханова и Дегаева и по отъѣздѣ около того же времени Буцевича на югъ, Похитоновъ вступилъ въ сношенія съ Савеліемъ, Златопольскимъ, и съ этого времени дѣятельность его перешла уже на практическую почву. По собственному его сознанію, онъ въ это время, получая отъ Златопольскаго различныя указанія, велъ революціонную пропаганду между офицерами, преимущественно товарищами по Академіи, и распространялъ преступныя изданія. Съ цѣлью имѣть квартиру для свиданій Златопольскій познакомилъ Похитонова осенью 1881 г. съ врачомъ Мартыновымъ, а на квартирѣ этого послѣдняго Похитоновъ встрѣчался съ Стефановичемъ, Зинаидой Зацѣпиной, сестрой ея Надеждой Якимовой и Телла-ловымъ.

Вслѣдъ за арестомъ Теллалова и Мартынова, у Похитонова въ декабрѣ 1881 г. произведенъ былъ обыскъ, и онъ, въ интересахъ тайнаго сообщества, временно устранился отъ всякихъ дѣлъ и свиданій. Положеніе это однако продолжалось не долго: вернувшись въ началѣ февраля изъ поѣздки Буцевичъ возобновилъ сношенія съ Похитоновымъ и свелъ его съ Грачевскимъ.

Въ маѣ 1882 г., по окончаніи Академіи, Похитоновъ уѣхалъ сначала на Кавказъ лечиться, а затѣмъ къ мѣсту расположенія

бригады, въ г. Кобеляки, Полтавской губ. Хотя для возобновления сношений по приѣздъ въ этотъ городъ, Буцевичъ далъ Похитонову адресъ въ Петербургъ, но Похитоновъ имъ не воспользовался, такъ какъ узналъ въ Кобелякахъ объ арестѣ Буцевича, Грачевскаго, Корба и др.

Въ началѣ ноября въ Кобеляки приѣхалъ Дегаевъ; цѣль его приѣзда, какъ онъ объяснилъ Похитонову, заключалась въ томъ, чтобы точно узнать мѣстопребываніе этого послѣдняго и завязать съ нимъ сношенія: Дегаевъ, кромѣ того, сообщилъ ему, что Вѣра Фигнеръ находится въ Харьковѣ, и что, въ случаѣ необходимости его видѣть, онъ пришлетъ ему условную телеграмму. Недѣлю черезъ двѣ такая телеграмма была получена, и Похитоновъ отправился въ Харьковъ, гдѣ его на вокзалѣ встрѣтилъ Дегаевъ, пришедшій затѣмъ къ нему вечеромъ съ Вѣрою Фигнеръ и какимъ-то неизвѣстнымъ господиномъ. Фигнеръ тотчасъ же приступила къ дѣловому разговору и, находя, что пребываніе Похитонova въ глуши невыгодно для революціонной партіи, убѣждала его выйти въ отставку, чтобы всецѣло посвятить себя преступной дѣятельности или же перейти на службу въ одинъ изъ революціонныхъ центровъ, дабы стать въ болѣе близкія отношенія къ партіи и расширить, насколько возможно, преступную пропаганду въ средѣ военныхъ. Фигнеръ послѣтила Похитонova нѣсколько разъ и на послѣднемъ свиданіи, снабдивъ деньгами для уплаты въ гостиницѣ, дала адресъ для писемъ. Рѣшительнаго отвѣта на сдѣланное ему предложеніе Похитоновъ не далъ, сказавъ, что подумаетъ. Вслѣдъ за тѣмъ, возвращаясь въ началѣ января сего года изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ по семейнымъ дѣламъ, онъ вновь видѣлся съ Фигнеръ, былъ у нея на квартирѣ и узнать отъ нея, что устроена въ Одессѣ тайная типографія обнаружена, и что задержавшій его Дегаевъ арестованъ. Вслѣдствіе этого было рѣшено, что Похитоновъ, возвратившись въ Кобеляки, тотчасъ же возьметъ четырехмѣсячный отпускъ и приѣдетъ въ Харьковъ; отпускъ, однако, разсрочился не было, о чемъ Похитоновъ увѣдомилъ Фигнеръ и въ отвѣтъ получилъ письмо, въ которомъ она увѣдомила, что Дегаеву удалось бѣжать изъ-подъ стражи. Вскорѣ затѣмъ состоялся арестъ Похитонova. Здѣсь необходимо указать, что найденная въ концѣ 1881 года у Теллалова при его арестѣ записка о приготовленіи ракетъ была писана Похитоновымъ, который объяснилъ, что составлялъ ее по просьбѣ Златопольскаго, интересовавшагося возможностью примѣненія ракетъ къ революціоннымъ цѣлямъ.

Показаніе Рогачева. Весною 1881 г. Похитоновъ, проживая въ С.-Петербургѣ, имѣлъ ближайшія отношенія съ поручикомъ Рогачевымъ. Подробности этихъ отношеній изложены въ показаніи поручика Рогачева. Знакомство Рогачева съ революціонерами началось еще въ 1874 г., когда принадлежавшій уже къ числу агитаторовъ братъ его Дмитрій (вслѣдствіи осужденъ въ каторжную работу) приѣхалъ изъ Петербурга въ Орелъ, и старался возбудить въ немъ интересъ къ социальнымъ вопросамъ и къ социальной

литературѣ. Приѣхавъ затѣмъ въ Петербургъ для поступленія въ Павловское училище, Рогачевъ встрѣтился съ товарищемъ своимъ по Орловской гимназіи Бараниковымъ, который ввелъ его на студенческую сходку и снабжалъ разными подпольными изданиями. Въ маѣ 1876 г. прибылъ въ Петербургъ братъ Рогачева Дмитрій. При свиданіи съ нимъ Николай Рогачевъ познакомился съ присутствовавшими при этомъ Желябовымъ и Вѣрою Фигнеръ. Рогачевъ, однако, былъ вскорѣ арестованъ, а Николай Рогачевъ, произведенный въ офицеры, уѣхалъ домой, а затѣмъ въ мѣсто расположенія бригады. Въ концѣ 1880 г., вернувшись въ Петербургъ для присканія какого-либо другаго рода службы, Рогачевъ вновь встрѣтился съ Бараниковымъ. Съ этого времени сношенія его съ членами преступнаго сообщества возобновляются: Бараниковъ познакомилъ его съ Колодевичемъ, отрекомендовавшимся подъ именемъ «Глѣба Николаевича», и Савеліемъ Златопольскимъ, — который назвался именемъ «Филиппа Даниловича» (подъ этимъ же именемъ Златопольскій былъ извѣстенъ и Похитонову). Въ трое часъ послѣдніи Рогачева, давали ему изданія «Народной Воли», «программу» Исполнительнаго Комитета, и разныя другія подпольныя изданія, а во время разговоровъ доказывали несостоятельность существующаго государственнаго строя, необходимость и полезность насильственныхъ дѣйствій со стороны партіи и пр. Въ январѣ 1881 г. Рогачевъ командированъ былъ по службѣ въ Гельсингфорсъ, гдѣ и пробылъ около 3-хъ мѣсяцевъ. Возвратившись весной въ Петербургъ, онъ встрѣтился съ знакомымъ ему ранше поручикомъ артиллеріи Похитоновымъ, находившимся тогда въ Академіи, и поселился съ нимъ на одной квартирѣ, гдѣ и проживалъ до конца мая мѣсяца, а затѣмъ опять уѣхалъ на службу въ 28-ю бригаду, расположенную въ виленскомъ военномъ округѣ. Осенью 1882 г. Рогачевъ получилъ отъ Похитонova письмо, въ коемъ этотъ послѣдній просилъ его непременно приѣхать въ Кобеляки.

«Какъ только явится возможность, взять отпускъ, — говоритъ Рогачевъ въ своемъ показаніи, — я отправился въ означенный городъ. Похитоновъ сообщилъ мнѣ, что Фигнеръ желаетъ меня видѣть, и если я ничего не имѣю противъ этого, то долженъ ѣхать въ Полтаву и тамъ ждать ее. Мнѣ была указана гостиница, гдѣ остановиться, и на другой день я уѣхалъ въ Полтаву. Черезъ день туда же приѣхала Фигнеръ. Дня два или три я прожилъ въ Полтавѣ, и каждый день мы встрѣчались, при чемъ просиживали по нѣскольку часовъ у меня въ номерѣ. Результатъ этихъ свиданій былъ тотъ, что я согласился выйти въ отставку и вступить въ партію въ качествѣ активнаго члена».

Намѣренія этого Рогачеву осуществить не пришлось, такъ какъ 4-го апрѣля сего года онъ былъ арестованъ.

Для полноты изложенія результатовъ познанія о преступной дѣятельности лицъ военнаго званія необходимо коснуться основаній привлеченія къ нему подпоручика Тихановича.

Арестъ подпоручика Тихановича въ Нievѣ и его показаніе. Въ ночь

на 17-е августа 1882 г. изъ Киевскаго тюремнаго замка бѣжалъ политическій арестантъ Василій Ивановъ ¹⁾, привлеченный къ дознанию, производимому покойнымъ генераль-майоромъ Стрѣльни-ковымъ. Подозрѣніе въ способствованіи побѣгу означеннаго арестанта пало на двухъ надзирателей тюремнаго замка, которые вслѣдствіе этого и были по этому дѣлу присуждены военно-окруж-нымъ судомъ въ каторжныя работы. Между тѣмъ въ послѣдствіи были получены указанія, что побѣгу совершенъ при содѣйствіи бывшаго въ этотъ день караульнымъ офицеромъ въ тюремномъ замкѣ, подпоручика 131-го Тираспольскаго пѣхотнаго полка Ти-хановича. На первомъ же допросѣ, Тихоновичъ показалъ: «Госу-дарственному преступнику Василію Иванову, содержавшагося въ Киевской тюрьмѣ и бѣжавша въ ту ночь, когда я былъ въ караулѣ, выпустилъ изъ тюрьмы лично я, безъ всякаго посторонняго участія; побудительной причиной этого поступка было мое давнишнее зна-комство съ Ивановымъ».

Изъ дальнѣйшаго показанія Тихановича видно, что бывший студентъ Киевскаго Университета Василій Ивановъ, съ которымъ онъ познакомился за нѣсколько мѣсяцевъ до своего ареста, часто посѣщая Тихановича, приносилъ ему для чтенія разныя революці-онныя изданія и познакомилъ его съ какой-то барышней, называ-вшейся «Антониной Николаевной». Эта послѣдняя также часто на-вѣщала Тихановича. Изъ разговоровъ съ ней Тихановичъ убѣдился, что она, подобно Иванову, принадлежитъ къ революціонной партіи. По арестѣ Иванова, Тихановичъ встрѣтился съ нимъ въ тюрьмѣ, въ первый же разъ, когда былъ въ караулѣ, имѣлъ возможность разговаривать съ нимъ, и подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ, а также личнаго расположенія къ Иванову, рѣшился освободить его при первой возможности. Продолжая видѣться съ Антониной Ни-колаевной, которая часто къ нему заходила, Тихановичъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи, а въ послѣдствіи указалъ и ночь, въ которую планъ освобожденія долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Со времени ареста Иванова и до его побѣга, Тихановичъ былъ въ караулѣ въ тюрьмѣ четыре раза и каждый разъ ночью, пользуясь отсутствіемъ внутренняго военнаго караула, говорилъ съ Ивановымъ чрезъ двери камеры и обсуждалъ съ нимъ планъ освобожденія.

Этотъ послѣдній, по словамъ Тихановича, состоялъ въ слѣдую-щемъ: Ивановъ долженъ былъ разобрать въ своей камерѣ часть печки, прилегающей къ корриду и такимъ образомъ выйти. Во время этой работы у него на окнѣ долженъ былъ горѣть ночникъ, который Ивановъ, при окончаніи работы, долженъ былъ потушить. Я же долженъ былъ наблюдать за окномъ камеры изъ офицерской комнаты. Побѣгу былъ рѣшенъ въ ночь на 17-е августа: пріяла 16-го въ караулъ, я принесъ съ собою купленные мною для Ива-нова пиджакъ и фуражку, затѣмъ рассчиталъ смѣны караула такъ, чтобы къ 3-мъ часамъ ночи въ караулѣ никакихъ служебныхъ

передвиженій не было. Такимъ образомъ, когда ночники у Иванова, согласно условію, были потушены, послѣдняя смѣна стояла на ча-сахъ, и на дворѣ ни солдатъ, ни сторожей не было. Пройдя изъ офицерской комнаты въ корридоръ тюрьмы, я встрѣтилъ тамъ Иванова, выльзшаго чрезъ сдѣланное имъ отверстіе въ печкѣ, пере-далъ ему заготовленное для него платье и, когда онъ его надѣлъ, вывелъ Иванова на караульный дворикъ, поставилъ его тамъ за будку. Увидавъ часового, я послалъ его на правый фастъ, подѣ предложомъ узнать, не спитъ ли тамъ часовая, а самъ, отворивъ калитку, вывелъ Иванова, который и пошелъ по направленію къ большій житомірской дорогѣ. Послѣ этого я Иванова больше не видѣлъ».

Затѣмъ Тихановичъ имѣлъ еще нѣсколько свиданій съ про-должавшей его посѣщать Антониной Николаевной и спрашивалъ ее о судьбѣ Иванова, но она отъ отвѣта уклонилась и вскоре исчезла изъ Кіева; въ послѣдствіи, въ февралѣ сего года, Тихановичъ отъ кого-то слышалъ, что Антонина Николаевна арестована на рожде-ственскихъ праздникахъ 1882 г. въ Москвѣ. По предьявленіи Тихановичу фотографической карточки арестованной 13-го января сего года въ Москвѣ, священнической дочери Софіи Васильевы Никитиной ¹⁾, онъ призналъ въ ней упоминаемую имъ Антонину Николаевну. Допрошенная по сему Никитина подтвердила показаніе Тихановича относительно знакомства его съ ней, какъ съ Ан-тониной Николаевной».

Вторая сводка относилась, какъ уже сказано, къ даннымъ до-знанія, добытымъ жандармами за время съ 1 июня 1883 по 1 января 1884 года.

II.

Сводка эта, нѣсколько повторяя предыдущую, но въ то же время и внося много вновь добытыхъ жандармами данныхъ, гласитъ слѣ-дующее:

«Дознаніе, произведенное генераль-майоромъ Середою, и откро-венныя показанія лицъ, привлеченныхъ имъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, дали нынѣ возможность значительно дополнить, из-ложенная въ предыдущемъ обзорѣ свѣдѣнія о возникновеніи и дѣятельности той отрасли народовольческаго сообщества, которая сдѣлалась извѣстною подъ названіемъ «военной организаціи» и изобразить ходъ и послѣдовательное развитіе ея въ точномъ, хро-нологическомъ, порядкѣ.

Начало народовольческой организаціи среди военныхъ должно быть отнесено къ веснѣ 1880 г., когда, по инициативѣ и подѣ ру-ководствомъ старыхъ членовъ партіи «Народной Воли» Желябова и Колодкевича, возникъ въ С.-Петербургѣ «Центральный, или глав-ный военный кружокъ», въ который, кромѣ вышеозначенныхъ лицъ,

¹⁾ Былъ извѣстенъ въ преступномъ сообществѣ подъ именемъ «Митрофана».

¹⁾ Проживала въ Москвѣ по подложному свидѣтельству на имя Протасовой.

вошли членами: Сухановъ, Штромбергъ и Рогачевъ ¹⁾. Тогда же былъ выработанъ уставъ этого кружка, черновой набросокъ котораго былъ найденъ въ числѣ бумагъ Колоткевича, при задержаніи послѣдняго 14-го января 1881 года, и напечатанъ въ предыдущемъ Обзорѣ; подлинность его засвидѣтельствована показаніемъ члена этого кружка, офицера Папина ²⁾.

Для обсужденія способовъ приведенія въ исполненіе, предположенной этимъ уставомъ, военной организаціи, члены Центрального военнаго кружка собирались регулярно, по два раза въ недѣлю, на квартирѣ Суханова, куда также, по вечерамъ, иногда были приглашаемы нѣкоторые изъ товарищей этого послѣдняго, передъ которыми Сухановъ и Желбловъ, въ страстныхъ рѣчахъ, увлекавшихъ слушателей, развивали свои взгляды на современное экономическое положеніе и указывали на необходимость борьбы для того, чтобы устранить лежащій, по ихъ словамъ, на обществѣ правительственный гнетъ, говорили объ обязанностяхъ образованныхъ классовъ придти на помощь простому народу и, въ концѣ концовъ, доказывали, что слѣдуетъ соединиться съ партіей «Народной Воли» въ виду безусловной справедливости преслѣдуемыхъ ею цѣлей. Путемъ подобныхъ собраний, мало-по-малу, устанавливалась связь, посѣщавшихъ квартиры Суханова и Люстия офицеровъ съ членами террористической шайки, которые, зимою 1880—1881 г., съѣхались въ Петербургъ въ полномъ составѣ. Офицеры эти были: Завалишинъ, Александръ Прокофьевъ, Гласко, Серебряковъ, Дружининъ, Папинъ, Чижовъ, Рогачевъ, Похитоновъ ³⁾ и нѣкоторые другіе, степень участія коихъ въ дѣятельности военной организаціи,

¹⁾ *Штромбергъ*, баронъ Александръ, сынъ землевладѣльца Курляндской губерніи, родился въ 1854 году, воспитывался въ Морскомъ училищѣ на казенный счетъ и окончилъ въ немъ курсъ въ 1875 г.; въ 1881 г. сдѣлалъ лейтенантомъ въ 3-мъ Балтійскомъ экипажѣ. Въ томъ же году сосланы въ Восточную Сибирь по обвиненію въ государственномъ преступленіи. (Въ 1883 г. Штромбергъ былъ присвоенъ къ Сибирѣ, причисленъ къ дѣлу о военно-революціонной организаціи, осужденъ по процессу Фингеръ и повѣшенъ вмѣстѣ съ Рогачевымъ въ Шлиссельбургѣ 10 октября 1884 года. *Ред.*).

Рогачевъ, Николай, дворянинъ, сынъ землевладѣльца Орловской губ., родился въ 1856 году; воспитывался въ Орловской военной гимназіи, а по окончаніи въ ней курса въ 1874 году поступилъ въ Павловское военное училище, откуда вышелъ въ офицеры по 1-му разряду въ 1876 году подпоручикомъ въ 23 артиллерійскую бригаду; братъ его Дмитрій Рогачевъ—государственный преступникъ, преслѣдуемый въ 1878 году за изменѣніе вѣрности и за сдѣланный въ казенную работу.

²⁾ *Папинъ*, Василій, сынъ губернскаго секретаря, родился въ гор. Тюмени въ 1855 году; воспитывался въ Тюболовской классической гимназіи и, по окончаніи въ ней курса въ 1878 году, поступилъ на физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, по чьей годъ вышелъ изъ него, не окончивъ курса; въ 1874 году былъ арестованъ и привлеченъ къ познанію о социально-революціонной пропагандѣ въ Имперіи, а съ 1875 года освободившись изъ-подъ стражи и отъгнавъ подъ надзоръ полиціи; по разсрѣшеніи дѣла, содержа на подѣ стражей вызванъ ему въ наказаніе, и за нимъ учреждено негласное наблюденіе; поступилъ вольноопредѣляющимся въ Кронштадтскую крѣпостную артиллерию и искорѣ произведенъ въ офицеры. Братъ его Иванъ въ 1874 году сосланъ за государственное преступленіе въ казенную работу.

³⁾ *Дружининъ*, Владиміръ, сынъ коллежскаго ассессора, родился въ 1860 году; воспитывался въ Морскомъ училищѣ и вышелъ изъ него въ 1879 году гардемари-

въ настоящее время, подлежащъ еще выясненію. Всѣ они послужили кадрами для незамедлившихъ, къ осени того же года, образоваться отдѣльныхъ военныхъ кружковъ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ.

Въ Петербургѣ, по инициативѣ Дегаева и Папина, къ концу 1880 г. были образованы кружки въ артиллерійской академіи, въ который въ числѣ прочихъ вошли: Похитоновъ, Николаевъ, Дубинскій; въ Константиновскомъ военномъ училищѣ: изъ Котова, Элява, Губаревича-Радобильскаго и др. ⁴⁾, и наконецъ, оберъ-фейерверкерскій, основанный при посредствѣ оберъ-фейерверкера Богородскаго ⁵⁾ въ средѣ служившихъ на пороховыхъ заводахъ оберъ-фейерверкеров. Въ слѣдующемъ году, въ Петербургѣ же образовался кружокъ изъ офицеровъ разныхъ частей войскъ, извѣстный подъ именемъ «Сборнаго», къ коему принадлежали тотъ же Похитоновъ, Рогачевъ, Дмитрій Чижовъ, Константинъ Степуринъ и другіе.

Въ Кронштадтѣ, къ тому же времени, уже существовала самостоятельно образованный кружокъ изъ морскихъ офицеровъ и гардемариновъ, группировавшихся около мичмана Дружинина и собиравшихся въ его квартирѣ. Къ кружку этому, получившему свое начало еще въ 1878 году въ Морскомъ училищѣ, въ то время, когда въ немъ обучались нѣкоторые изъ его членовъ, принадлежали кромѣ Дружинина и его сожителя Скорцова ⁶⁾ и Балка ⁴⁾,

номъ; въ 1880 году произведенъ въ мичманы и съ 1881 г. состоялъ адъютантомъ 3-го флотскаго экипажа.

Завалишинъ, Теодоръ, дворянинъ, Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда, родился въ 1853 году; воспитывался въ Морскомъ училищѣ и вышелъ изъ него въ 1874 г. гардемариномъ; въ 1875 г. произведенъ въ мичманы.

Серебряковъ, Оскаръ, сынъ дѣйствительнаго статскаго советника, правительственнаго инженера при С.-Петербургской Варшавской желѣзной дорогѣ; воспитывался въ Морскомъ училищѣ.

Чижовъ, Дмитрій, изъ духовнаго званія, троюродн. Тамбовской губерніи, родился въ 1852 году; воспитывался въ 3-мъ военномъ Александровскомъ училищѣ и въ 1876 году вынужденъ былъ него по 1 разряду парашникомъ въ Кронштадтскую крѣпостную артиллерию.

Похитоновъ, Николай, дворянинъ, Полтавской губерніи, сынъ генералъ-майора, начальника артиллеріи гренадерскаго корпуса, родился въ г. Миргородѣ въ 1857 г.; воспитывался въ Киевской военной гимназіи и съ 1874 г. въ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ по 1-му разряду и вынужденъ въ 3-ю артиллерійскую бригаду въ 1876 году; зпѣ 1879 года поступилъ въ артиллерійскую академию.

Гласко, Августъ, лейтенантъ 4-го флотскаго экипажа, принадлежалъ въ 1881 г. къ дознанію по поводу знакомства съ государственными преступниками, отставшимъ лейтенантомъ Николаемъ Сухановымъ, и въ Высочайшему повелѣнію, переведенъ на службу въ Каспійскую флотію, на станцію о-ва Амураде.

⁴⁾ *Дубинскій*, Андрей Николаевъ, штабс-капитанъ артиллеріи, состоялъ на 2 курсѣ артиллерійской академіи; воспитывался въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ, но курса не окончилъ.

Элява, Давидъ, подпоручикъ Селенгинскаго полка, воспитывался до поступления въ Константиновское училище въ Воронежской гимназіи.

Николаевъ, Андрей Михайловичъ, есаул казачьей артиллеріи, сынъ генералъ-майора.

⁵⁾ *Богородскій*, сынъ смотрителя Трубенскаго бастіона Петропавловской крѣпости.

⁶⁾ *Скорцова*, Григорій Ивановичъ, мичманъ 7-го флотскаго экипажа, былъ въ Екатерининской гимназіи и поступилъ выкоромъ по 2-й флотскій экипажъ.

⁴⁾ *Балка*, Александръ Александровъ, мичманъ 7-го флотскаго экипажа.

мичманъ Вурубовъ ¹⁾ и воспитанникъ Морскаго технического училища Иванъ Петровъ ²⁾, а также унтер-офицеръ Потихонинъ, оружейный мастеръ Вальтерсдорфъ и слесарь, отставной унтер-офицеръ Федоровъ ³⁾. Кругомъ этотъ, не имѣвшій еще пока связи съ Центральнымъ военнымъ кружкомъ, занимался, подъ руководствомъ Дружинина, чтеніемъ революціонныхъ изданій, которыя привозились изъ Петербурга мичманомъ Булановымъ и Лавровымъ и дѣятельною пропагандою между нижними чинами, слѣды которой уже усматривались изъ прежнихъ дознаній (дѣло Стемпневскаго и др.). Вслѣдствіи, за выходомъ Дружинина, перенесшаго въ 1881 году свою дѣятельность въ среду Центрального военного кружка, первоначальный кронштадтскій кружокъ соединился съ тѣмъ сообществомъ, которое, будучи извѣстно подъ именемъ «Кронштадтскаго морскаго кружка», было образовано зимою 1880 года Сухановымъ и Штромбергомъ.

Первый составъ этого кружка были слѣдующіи: Штромбергъ, Карабановичъ ⁴⁾, Серебряковъ и Завалишинъ. Вслѣдствіи къ нему примкнули лейтенанты: Разумовъ, Гласко, Добротворскій, мичманъ Скворцовъ, подпоручикъ Александръ Прокофьевъ ⁵⁾, и другія лица.

¹⁾ Вурубовъ, Сергій Александровъ, дворянинъ Владимирской губерніи, отставной мичманъ, родился въ 1858 г. Въ 1878 и 1879 гг., въ числѣ другихъ офицеровъ 8-го флотскаго экипажа, обратилъ на себя вниманіе начальства смененіями съ списками преступнаго сообщества, снабжавшими упомянутыхъ офицеровъ запрещенными изданіями. По увольненію въ отставку, онъ, въ юніѣ 1880 г., вмѣстѣ съ Владимиромъ Луцкимъ и другими лицами, былъ привлеченъ къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи и въ томъ же году, по Высочайшему повелѣнію, поданіемъ главному надзору полиціи на 2 года. Вслѣдствіи были получены указанія, что Вурубовъ участвовалъ въ устройствѣ въ Москвѣ, типографіи революціонной газеты «Зорно» а также, сообществомъ съ родственникомъ своимъ, сосланнымъ въ Сибирь, Анатоліемъ Булановымъ, авторизованъ въ средѣ рабочихъ, распространяла между ними вымышленную газету.

²⁾ Петровъ, Иванъ Ивановичъ, родился въ 1861 г., въ настоящее время прапорщикъ Морской артиллеріи; въ январѣ 1882 г. на него пало подозрѣніе въ храненіи запрещенныхъ изданій, найденныхъ въ артиллерійскомъ классѣ; дознаніе прекращено по недостатку доказательствъ.

³⁾ Федоровъ, Василій, состоявшій въ заавѣ флота унтер-офицеръ и Александръ Вальтерсдорфъ, рядовой, принадлежали въ 1881 г. къ дознанію по дѣлу о происходившихъ въ квартирѣ Федорова преступныхъ сходкахъ офицеровъ, матросовъ и мастеровыхъ, занимавшихся чтеніемъ запрещенныхъ изданій. Дознаніе это дальнейшимъ производствомъ прекращено съ учрежденіемъ надъ Вальтерсдорфовъ негласнаго надзора въ теченіе 3-хъ лѣтъ и съ пониженіемъ Федорова, признаннаго страдающимъ психическимъ расстройствомъ, въ домъ умалишенныхъ. Потихонинъ лишилъ себя жизни.

⁴⁾ Карабановичъ, Антонъ Касперовъ, подпоручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ, католикъ, воспитавшійся въ Техническомъ училищѣ морскаго флота, куда поступилъ изъ Виленской гимназіи; окончилъ курсъ въ 1880 г.

⁵⁾ Добротворскій, Леонидъ Федоровъ, лейтенантъ 6-го флотскаго экипажа, прикомандированъ къ учебному отдѣленію Морскаго Техническаго Комитета, воспитывался въ Морскомъ училищѣ.

Разумовъ, Иванъ Константиновичъ, сынъ врача, лейтенантъ 6-го флотскаго экипажа; воспитывался въ Морскомъ училищѣ и Академіи.

Прокофьевъ, Александръ Александровъ, подпоручикъ флотскихъ штурмановъ, воспитывался въ Штурманскомъ училищѣ.

Тотчасъ-же по образованіи этого кружка, лица, входившія первоначально въ его составъ, поѣхали въ одно изъ воскресеній въ Петербургъ и здѣсь были Сухановымъ представлены Желябову и Колодзевичу, какъ членамъ исполнительнаго комитета, познакомившимъ ихъ тогда-же съ различными фракціями революціонной партіи. (Чернаго Передѣла, Народной Воли и партіи Набата), и объяснившимъ существующую между ними разницу во взглядахъ.

Дѣятельность Кронштадтскаго морскаго кружка, на первое время, ограничивалась сходками, бывавшими разъ въ недѣлю на общей квартирѣ Завалишина, Штромберга и Суханова, на которой былъ выработанъ уставъ, впоследствии, однако, забракованный Сухановымъ, предложившимъ кружку принять составленную имъ программу, на что всѣ члены изъявили свое согласіе. Насколько, въ кружкѣ Дружинина, подготовкѣ и пропагандѣ путемъ чтенія революціонныхъ изданій придавалось большое значеніе, настолько же во вновь образованномъ морскомъ кружкѣ это признавалось излишнимъ, такъ какъ, по мнѣнію постоянного оратора кружка, Серебрякова, «дѣло и безъ чтенія представляется яснымъ, какъ день», вслѣдствіе этого члены кружка стали тяготиться отсутствіемъ всякой дѣятельности, и Центральному военному кружку представились необходимость занять ихъ различными порученіями, которыя передавались изъ Петербурга при посредствѣ Суханова и Штромберга. Въ этихъ видахъ Разумову было представлено отзвѣти въ Москву запрещенныхъ изданій, что онъ и исполнилъ, совершивъ поѣздку на средства, полученныя имъ отъ своего кружка. Завалишину Сухановъ поручилъ доставить нѣсколько запаловъ, четыре штуки которыхъ тотъ получилъ безъ всякихъ затрудненій въ Минномъ классѣ, гдѣ онъ обучался въ то время. Въ началѣ 1881 г. Карабановичъ былъ командированъ въ Петербургъ на заведеніе Центрального военного кружка, на которомъ Желябовъ сообщалъ о положеніи военной революціонной организаціи, говоря, что къ ней принадлежатъ много гвардейскихъ офицеровъ, академиковъ, а также лицъ съ солиднымъ положеніемъ, т. е. батальонныхъ и полковыхъ командировъ; на этомъ же собраніи было говорено о готовившемся, въ то время, покушеніи на жизнь Государя Императора, на которое Желябовъ указывалъ, какъ на средство для возбужденія къ всеобщему возстанію. Наконецъ, пріѣхавъ въ Кронштадтъ, Сухановъ обсуждалъ съ членами морскаго кружка планы освобожденія государственныхъ преступниковъ изъ Петропавловской крѣпости и ограбленія Кронштадтскаго банка, непризнанные въ исполненіе вслѣдствіе признанной членами кружка рискованности означенныхъ предпріятій. Въ началѣ февраля Штромбергъ передалъ Морскому кружку, что партія сильно нуждается въ деньгахъ и проситъ помощи; тогда кружкомъ, кассиромъ котораго состоялъ Серебряковъ, собранъ и переданъ Штромбергу 600 руб., изъ числа коихъ 100 рублей были внесены Завалишинымъ, 200 руб. — Штромбергомъ и 300 руб. — остальными членами.

Въ день 1-го марта 1881 г. изъ числа членовъ кронштадтскаго кружка, въ квартирѣ Суханова, въ Петербургѣ, находились Завалишинъ и Штрюмбергъ, при бытности коихъ къ Суханову приходила Перовская и со слезами говорила, что партія должна употребить всѣ средства для освобожденія Желябова.

Около половины того же мѣсяца Сухановъ предложилъ морскому кружку завести гектографъ, на которомъ были отпечатаны рѣчь профессора Соловьева и воззваніе по поводу событія 1-го марта. Въ этой работѣ принимали участіе Завалишинъ, Серебряковъ, Разумовъ, Штрюмбергъ и Скворцовъ. Вскорѣ послѣ этого Завалишинъ и Штрюмбергъ, вмѣстѣ съ Грачевскимъ и Сухановымъ, приняли участіе въ очищеніи квартиры Вѣро Фигнеръ отъ находившихся въ ней типографии и запаса динамита, при чемъ первая была отвезена на квартиру Суханова, а динамитъ опущенъ въ отхожее мѣсто. Остальныя вещи Фигнеръ, заключавшіяся въ революціонныхъ изданіяхъ и разномъ оружіи, были перевезены Сухановымъ и Грачевскимъ. На другой же день, по очищеніи квартиры, въ нее явилась полиція.

На страстной недѣлѣ того же года Сухановъ и Фигнеръ пріѣхали въ Кронштадтъ, при чемъ послѣдняя поселилась на квартирѣ, занимавшейся Завалишинымъ и Штрюмбергомъ, гдѣ все время ея пребыванія до 2-го дня Пасхи собирались члены морскаго кружка, и происходило чтеніе разныхъ книгъ и статей, указываемыхъ и объяснявшихся Вѣрою Фигнеръ; бесѣды съ нею, по собственному сознанію членовъ кружка, произвели на нихъ сильное впечатлѣніе. Такъ продолжалось до конца апрѣля, когда послѣдовалъ арестъ Глазко и Штрюмберга, и большинство остальныхъ членовъ кружка отправилось на разныхъ судахъ въ море.

Дѣятельность двухъ прочихъ военныхъ кружковъ въ Кронштадтѣ, извѣстныхъ подъ именами «артиллерійскаго» и «пѣхотнаго», до конца 1881 года ограничивалась исключительно вербовкою новыхъ членовъ путемъ пропаганды между военными ¹⁾.

Эти военные кружки не принимали дѣятельнаго участія въ приготовленіяхъ къ злодѣянію, совершенному 1-го марта, но нѣкоторые офицеры были посвящены въ тайну царубійственнаго замысла, между ними Рогачевъ, предупрежденный о томъ Желябовымъ.

Уже тогда офицеры, члены центральной группы, пользовались служебными своими командировками для распространенія преступныхъ учений въ частяхъ войскъ, расположенныхъ внѣ С.-Петербурга. Рогачевъ сознался, что въ февралѣ 1881 года, будучи отправленъ главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ по службѣ въ

Баронъ Александръ Павловичъ
ШТРОМБЕРГЪ.

¹⁾ Извѣстны изъ членовъ артиллерійскаго кружка: поручикъ С.-Петербургской крѣпостной артиллеріи Борисъ Павловичъ Налымовъ, штабсъ-капитанъ Кронштадтской крѣпост. арт. Михаилъ Павловичъ Налымовъ и уволенный гвар. Константинъ Семеновъ, а изъ пѣхоты — также названные выше офицеры: подполковникъ 145 Ново-чернаго полка Губаревъ-Радовильскій и подполковникъ 148 Каспійскаго — Котовъ, переведенный инѣ на службу въ Западно-Сибирскій линейный батальонъ, расположенный въ посадѣ Зайсанскомъ.

Гельсингфорсъ, онъ получилъ отъ Перовской и Желябова рекомендаціи къ разнымъ лицамъ въ этомъ городѣ и образовалъ тамъ мѣстный военный кружокъ. Изъ числа участниковъ его онъ называлъ лишь Шепелева, но можно предположить, что именно это кружокъ, основанный Рогачевымъ, сгруппировался въ послѣдствіи около Сикорскаго.

Послѣ 1-го марта центральный военный кружокъ продолжалъ свою дѣятельность, такъ какъ произведенные тогда аресты не коснулись его членовъ, за исключеніемъ Суханова, Штромберга и Дегаева. Наканунъ ареста Суханова, онъ предложилъ морскому кружку взять у него типографію и перевезти въ Кронштадтъ, что и было исполнено Завалишинымъ и Штромбергомъ; типографія была сдана на храненіе Александру Прокофьеву, и въ послѣдствіи Грачевскій приѣзжалъ въ Кронштадтъ учить моряковъ печатному дѣлу; эта типографія въ послѣдствіи, по указанію Дегаева, переслана Прокофьевымъ въ Одессу; въ самый же день ареста Суханова, 28 апрѣля, Рогачевъ вынесъ изъ его квартиры, когда-то хранившееся у Желябова, имущество общества: разные документы, динамитъ, снаряды, типографскія принадлежности и. т. п. Отнесъ эти вещи къ себѣ, онъ отправился на вокзалъ Балтійской жел. дороги предупредить нѣкоторыхъ кронштадтскихъ моряковъ, имѣвшихъ въ тотъ же день прибыть къ Суханову, но опоздалъ къ поѣзду и извѣстилъ Штромберга объ арестѣ Суханова, въ условленныхъ выраженіяхъ по телеграфу.

Весною 1881 года мѣстомъ сходокъ центрального кружка служила квартира на Кировой улицѣ, въ которой поселились Рогачевъ и Похитоновъ. Но обстоятельства не были благоприятны для пропаганды въ столицѣ. Штромбергъ высланъ былъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь; Дегаевъ, выпущенный на свободу, выдержавъ переходный экзаменъ на IV курсъ въ Институтъ Путей Сообщенія, отправился на инженерныя работы въ Архангельскую губернію; Буцевичъ получилъ служебную командировку въ Николаевъ; Рогачевъ поѣхалъ къ мѣсту своего служенія въ г. Вилькомиръ, гдѣ была расположена 29 артиллерійская бригада; наконецъ, Дружининъ, оказался скомпрометированнымъ сношеніями своими съ двумя матросами въ Кронштадтѣ, у которыхъ найдены были запрещенныя изданія. Хотя произведенный у него обыскъ и не далъ результатовъ, но онъ былъ тогда же уволенъ отъ должности экипажного адъютанта.

Къ тому же и наиболѣе выдающіеся члены руководящаго террористическаго кружка, направлявшіе центральную военную группу, вынуждены были въ то время оставить С.-Петербургъ. Дѣятельность послѣдней оживилась снова лишь по возвращеніи сюда въ концѣ лѣта Савелія Златопольскаго, а вскорѣ затѣмъ и Дегаева. Офицеры стали опять собираться у Похитонова, переѣхавшаго на новую квартиру, по Захарьевской улицѣ. Златопольскій, какъ показывалъ Папинъ, въ радужныхъ краскахъ описывалъ имъ положеніе общества. Тогда же появились и воззванія, обращенныя исполнитель-

нымъ комитетомъ «Къ офицерамъ русской арміи» отъ 24 августа и «Къ всѣмъ казачьимъ войскамъ» отъ 3-го сентября. Въ половинѣ декабря, привлеченъ Похитоновъ къ дознанію о врачѣ Мартыновѣ, въ квартирѣ котораго онъ былъ задержанъ, что побудило его, по освобожденіи изъ-подъ стражи, отстраниться на время отъ участія въ дѣятельности центрального военного кружка. Члены послѣдняго перестали сходитья у него на квартирѣ, и собранія свои перенесли въ Кронштадтъ, въ квартиру Серебрякова.

Тамъ, въ концѣ декабря, возвратившіяся въ С.-Петербургъ Корба и Буцевичъ сообщили имъ о результатахъ своей пропагандаторской дѣятельности, первая на Кавказѣ, а второй въ Одессѣ и Николаевѣ. Извѣстіе объ образованіи кружковъ въ трехъ армейскихъ пѣхотныхъ полкахъ: Мингрельскомъ, Люблинскомъ и Прагскомъ (кружокъ морскихъ офицеровъ въ Николаевѣ возникъ нѣсколько позже, а именно лѣтомъ 1882 г.) снова воскресило надежды центральной военной группы на успѣхъ и побудило ее съ новымъ усердіемъ возобновить свои преступныя дѣйствія. Начало 1882 года было временемъ ревностнѣйшаго проявленія дѣятельности этого общества для привлеченія въ ряды свои наибольшаго числа состоящихъ на дѣйствительной службѣ офицеровъ. Руководимое Буцевичемъ, оно рѣшило отправить специальныхъ военныхъ организаторовъ во всѣ концы Россіи. Составлены были шифрованныя книжки со списками офицеровъ, считавшихся расположенными къ вступленію въ партію. Офицеры, уже примкнувшие къ ней, снабжали организаторовъ рекомендаціями къ своимъ товарищамъ.

Однимъ изъ такихъ организаторовъ былъ Рогачевъ. Вызванный Буцевичемъ и заручившись двухмѣсячнымъ отпускомъ, онъ въ январѣ прибылъ въ С.-Петербургъ и, получивъ наставленіе центральной военной группы, отправился «вводить военную организацію» въ Сѣверо-Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ. Онъ поѣхалъ туда черезъ Москву, Орелъ, Смоленскъ, Витебскъ, посѣтилъ Динабургъ, Ригу, Митау, Либау, Вильно и Минск¹⁾.

Чтобы имѣть возможность побывать во всѣхъ названныхъ городахъ, онъ фактивно заболѣлъ въ Динабургѣ и, получивъ официальное свидѣтельство о болѣзни въ 28 артиллерійскую бригаду, продолжалъ свой путь. Такъ какъ, по военнымъ правиламъ, заболѣвшій офицеръ долженъ быть свидѣтельствуемъ черезъ каждые десять дней, то ему пришлось нѣсколько разъ возвращаться въ Динабургъ, что не представляло затрудненія, ибо большая часть посѣщенныхъ имъ мѣстностей отстоятъ не болѣе одного дня вѣды отъ Динабурга по желѣзной дорогѣ.

По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Рогачевъ отдалъ отчетъ въ своей поѣздкѣ не общему собранію центрального военного кружка, а лишь нѣкоторымъ его членамъ, облеченнымъ особымъ довѣріемъ

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что поездка Рогачева въ Сѣверо-Западный край совпадала съ перемѣнами въ Вильнѣ Греческаго, съ заведеніемъ тамъ тайной типографіи и, вообще, съ попытками ввести въ этотъ край народно-воинскую организацію.

общества. По словамъ Рогачева, предпріятіе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: всюду положено было имъ начало мѣстнымъ военнымъ кружкамъ, собрано множество указаній на офицеровъ, готовыхъ вступить въ партію, выяснилось также, что многие офицеры интересуются дѣлами общества и предъявляютъ требованія на постоянное полученіе запрещенныхъ изданій.

Такъ показываетъ Рогачевъ. Но, по свидѣтельству другаго члена центрального военного кружка, Папина — результаты поѣздки Рогачева были ничтожны. Командированный одновременно, съ одинаковою цѣлью въ Кіевъ, Дружининъ не имѣлъ никакого успѣха и вернулся разочарованнымъ.

Какъ бы то ни было, центральный военный кружокъ, продолжая собираться въ Кронштадтѣ у Серебрякова, занимался текущею революціонною политикою, которая захватывалась, главнымъ образомъ, въ укрѣпленіи въ умахъ членовъ военной организаціи мысли о возможности и необходимости инсurreкціи во имя осуществленія цѣлей партіи «Народной Воли». Еще въ апрѣлѣ 1881 года, на одномъ изъ засѣданій центрального кружка, Сухановъ произнесъ рѣчь, въ которой утверждалъ, что послѣднія событія доказали, что дѣла партіи идутъ хорошо, и что, въ виду этого, она можетъ черезъ годъ сдѣлать попытку произвести инсurreкціонное движеніе. Подъ этимъ движеніемъ разумѣлось не производство демонстрацій, вродѣ бывшей въ 1876 году на Казанской площади, а напротивъ, вооруженное возстаніе всей партіи въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, когда будетъ нѣкоторая надежда на успѣхъ, и возможно будетъ, хотя временно, прекратить дѣйствіе правительственной власти и популяризовать требованія и цѣли партіи путемъ печатнаго слова, при посредствѣ захваченныхъ типографій, воззваній на сходкахъ и площадяхъ. Въ видахъ практическаго осуществленія подобнаго движенія, признавалось крайнею необходимою заняться подготовительными работами, какъ-то: собираніемъ различныхъ свѣдѣній, приготвленіемъ складовъ, изученіемъ мѣстности будущаго возстанія и пр., но главное — упроченіемъ революціонной военной организаціи. Для этой цѣли рѣшено было учредить въ главныхъ городахъ Имперіи военные окружные центры, которые служили бы въ отношеніи мѣстныхъ кружковъ даннаго края тѣмъ же, чѣмъ центральный военный кружокъ долженъ былъ быть для всей Россіи. Во главѣ кружка долженъ былъ стоять представитель центральной группы, вѣдающій и направляющій всѣ дѣла мѣстныхъ кружковъ. Границы округовъ точно не обозначались, но размѣры ихъ зависѣли отъ многихъ условій, между прочимъ: 1) отъ количества желѣзныхъ дорогъ, проходившихъ въ данной мѣстности; 2) отъ числа войскъ, въ ней расположенныхъ; 3) отъ величины городовъ. Такъ, напримѣръ, въ районѣ Виленскаго округа должны были входить: Вильно, Динабургъ, Витебскъ, Рига, Митава, Либава, Ковно и Минскъ. Окружнымъ представителямъ предполагалось подчинить всѣ мѣстные кружки, которые должны были доносить имъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ, о привлеченіи новыхъ членовъ, о поѣзд-

каж офицеровъ въ отпуски или по казеннымъ надобностямъ. Офицеровъ этихъ окружной представитель имѣлъ снабжать разными указаніями и рекомендаціями въ города, расположенные по пути. Такими представителями центра были назначены: Рогачевъ въ Виленскомъ округѣ и Ашенбреннеръ, основатель Одесскаго и Николаевского кружковъ,—въ Новороссійскомъ краѣ. Въ февралѣ 1882 г. центральный военный кружокъ выработалъ образцовый уставъ частнаго офицерскаго кружка и инструкцію для чиновъ такого кружка ¹⁾. Кромѣ того центральный кружокъ намѣревался

¹⁾ Уставъ. 1. Кружокъ (или дружина, товарищество, братство) вполнѣ раздѣляетъ программу партіи „Народной Воли“, напечатанную въ третьемъ номерѣ газеты „Народная Воля“.

2. Кружокъ имѣетъ въ виду непререкаемое существующаго государственнаго устройства въ Россіи вооруженною рукою и замѣну его прочною конституціею, каковую признаетъ справедливою народъ во всей совокупности его классовъ.

3. Кружокъ, входя въ составъ народнополитической партіи, принимаетъ на себя обязательства передъ ней, то есть, въ мирное время обязывается исполнять всѣ порученія, какия только имѣетъ передать партію черезъ посредство своего агента, за изъятіемъ... (того-то и того-то: здѣсь каждому частному или младшему кружку предоставляется право одновременно оговорить, отъ какихъ дѣланій онъ отказывается,—дѣланій, кои не могутъ быть выполняемы или кои онъ не желаетъ бы принимать на себя); въ военное же время обязывается исполнять всѣ порученія безъ изъятія.

4. Кружокъ становится свободнымъ отъ дѣланій передъ партіей обязательствъ въ случаѣ измѣненія программы партіи.

5. Для сношеній съ партіей кружокъ избираетъ представителя изъ числа своихъ членовъ.

6. Рѣшеніе кружка по большинству голосовъ обязательно для его члена.

7. Кружокъ составляетъ изъ лицъ близко знакомыхъ, преимущественно сослуживцевъ.

8. Приемъ новаго члена производится по единогласному рѣшенію всѣхъ членовъ, если имѣть прѣпятствій отъ центра военной организаціи.

9. Выходъ изъ кружка допускается въ мирное время съ обязательствомъ хранить въ тайнѣ известное о революціонныхъ дѣлѣхъ.

10. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, о чемъ будетъ объявлено агентомъ партіи, выходъ изъ кружка воспрещается безусловно, и выходъ будетъ считаться ея предательствомъ.

11. Предательство карается смертью.

12. Кружокъ заботится о привлеченіи возможно большаго числа сторонниковъ народнополитической партіи, поэтому ведетъ пропаганду путемъ печатнаго и устнаго слова.

13. Кружокъ устраиваетъ бібліотеку партійныхъ изданій и тенденціозныхъ книгъ.

14. Для могущихъ встрѣтиться общепартійныхъ надобностей, а также въ виду кружковыхъ нуждъ и взаимной помощи (въ случаѣ, напримѣръ, ареста одного изъ членовъ) кружокъ имѣетъ кассу.

15. Для веденія счетовъ избирается кассиръ, а для храненія и зафиданія книгъ—бібліотекарь.

Инструкція. 1. Кружку вменяется въ обязанность собирать подробная и точная свѣдѣнія о расположеніи пороховыхъ погребовъ, оружейныхъ складовъ и складовъ съ различными боевыми запасами, узнавать, гдѣ и въ какомъ количествѣ находятся различные склады съ военными запасами военного снаряженія.

2. Кружокъ вменяется въ обязанность ознакомиться съ мѣстросложениемъ части въ тактическомъ отношеніи и по возможности также добывать въ тактическомъ отношеніи пункты близъ-лежащей мѣстности.

3. Кружокъ содѣйствуетъ способнымъ изъ своихъ членовъ занять важная въ

предпринять изданіе спеціальнаго революціоннаго органа для военныхъ (редакцію предполагалось ввѣрить Папину, а средства должны были получиться отъ Буцевича); завести для того собственную типографію, установить постоянныя и регулярныя командировки своихъ членовъ въ мѣстные кружки, наконецъ, достигнуть возможности перемѣщать офицеровъ сообразно требованіямъ партіи. Для приведенія всѣхъ этихъ мѣръ въ исполненіе требовались значительныя суммы, и центральный военный кружокъ обратился за ними къ исполнительному комитету. Но исполнительный комитетъ, сильно поколебленный задержаніемъ Богдановича и Савелія Златопольскаго, весною 1882 года, окончательно распался послѣ июньскихъ арестовъ, предавшихъ въ руки правосудія Грачевскаго и его ближайшихъ сообщниковъ и вызвавшихъ бѣгство Тихомірова и Бараникова за границу. Тогда же арестованъ и Буцевичъ, глава и руководитель центральнаго военнаго кружка, который съ этого времени можетъ считаться прекратившимъ свою преступную дѣятельность. Осенью того же года роль его покусался принять на себя одинъ изъ членовъ кружка артиллерійской академіи штабсъ-капитанъ Кунаевъ, старавшійся собрать разрозненные революціонные

служебнымъ отношеніи должности: адъютанта, казначея, зафиданнаго оружіемъ и т. п.

4. Для революціонной пропаганды среди офицеровъ и поддержки революціоннаго настроенія своихъ членовъ, кружокъ назначаетъ собранія, устраиваетъ совместныя чтенія тенденціозныхъ книгъ, равно и партійныхъ изданій.

5. Въ видахъ привлеченія новыхъ сторонниковъ партіи, кружокъ рекомендуетъ устраивать либеральные салоны (говорильни), легко доступные для офицеровъ части, кои могутъ подавать надежду на такое привлеченіе.

6. Кружокъ изыскиваетъ способы завязать сношенія съ вліятельными лицами города, мѣстности, дабы, на случай дѣйствія вооруженною рукою, воспользоваться ихъ помощью, или ослабить ихъ противодействие.

7. Кружокъ обращаетъ особенное вниманіе на добычаніе денежныхъ средствъ, для чего употребляетъ всѣ закономъ дозволенныя средства, напримѣръ, торговлю и т. п. Равнымъ образомъ, принимая даренія лицъ, кои принадлежатъ къ партіи, по какому-либо обстоятельству, не могутъ, но отъ матеріальной поддержки ея не отказываются.

8. Для испуганія лицъ, вновь привлекаемыхъ къ партіи, кружокъ можетъ давать имъ небольшія порученія революціоннаго характера.

9. Кассиромъ кружка рекомендуетъ выбирать лицо болѣе или менѣе состоятельное и по своему характеру предпочтительное уединеннаго жизни.

10. Бібліотека должна помѣщаться у лица, имѣющаго собственную квартиру или домъ, преимущественно у лица, не ведущаго пропаганды.

11. Бібліотека можетъ быть общою для всѣхъ кружковъ.

12. Кружковыя собранія не должны имѣть мѣсто у кассира или бібліотекаря.

13. Говорильни могутъ быть у лица, не принадлежащаго къ кружку.

14. Пароли надо знать наизусть.

15. Шифрованную переписку надо уничтожить немедленно по минованіи надобности, или вложить въ той переписки долженъ переписать ее по собственному, ея одному вѣдомому, паролю.

16. Обя исполненія революціоннаго порученія членъ сообщаетъ лишь одному представителю, или агенту партіи, смотря по тому, отъ кого принялъ порученіе.

17. Члены различныхъ кружковъ не должны знать другъ друга. Сношенія могутъ поддерживаться только черезъ представителя.

18. Спешиваться членамъ кружковъ, въ случаѣ разлуки, рекомендуется лишь по неотложнымъ дѣламъ партіи и частной переписки побѣгать.

элементы въ средѣ военныхъ въ Петербургѣ,—но безуспѣшно, какъ онъ самъ потомъ сообщалъ членамъ морского кружка, съ которыми видѣлся въ прїѣздъ свой, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Кронштадтѣ. Какъ видно изъ предыдущей главы, Вѣрѣ Фигнеръ также не удалось вовлечь въ свои разрушительные замыслы офицеровъ, остававшихся на службѣ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ и пришлось обратиться къ содѣйствию лицъ, ранѣе выбывшихъ изъ центрального военного кружка, а также членовъ мѣстныхъ военныхъ кружковъ, образованныхъ въ разныхъ городахъ, преимущественно на югѣ Россіи.

Переходя къ изложенію свѣдѣній, добытыхъ дознаніемъ о кружкахъ этой послѣдней категории, слѣдуетъ замѣтить, что первымъ изъ нихъ, по времени, былъ кружокъ Мингрельскаго полка, основанный Анною Корба, въ Тифлисѣ, весною 1881 г. Дѣятельность его подробно изложена въ предыдущемъ Обзорѣ.

Одновременно съ отправленіемъ Корба на Кавказъ, а именно въ началѣ апрѣля 1881 г., Вѣра Фигнеръ была послана въ Одессу для веденія мѣстныхъ революціонныхъ дѣлъ въ качествѣ агента «исполнительнаго комитета». Она не должна была заниматься сама пропагандою въ войскахъ, но лишь подготовитъ ее пріобрѣтеніемъ связей между офицерами. Организацию мѣстныхъ кружковъ въ Одессѣ и сосѣднихъ городахъ долженъ былъ заняться Сухановъ, намѣревавшійся взять для того продолжительный отпускъ, когда же онъ былъ задержанъ, то вожаки сообщества рѣшили поручить это дѣло Буцевичу, получившему отъ Министерства Путей Сообщенія служебную командировку въ Николаевъ, гдѣ онъ долженъ былъ провести все лѣто.

Прибывъ въ Одессу, Фигнеръ воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы черезъ Дмитрія Петрова ¹⁾ познакомиться съ двумя офицерами, расположеннаго въ Одессѣ, 59 пѣхотнаго Люблинскаго полка: Болеславомъ Крайскимъ и Ѳеодоромъ Стратановичемъ, а также, чтобы возобновить знакомство съ подполковникомъ того же полка, откомандированнымъ въ 58 пѣхотный Прагскій полкъ, стоящій въ Николаевѣ, Михаиломъ Ашенбреннеромъ ²⁾.

Въ началѣ іюня, по пути въ Николаевъ, Буцевичъ заѣхалъ въ Одессу и привезъ къ Фигнеръ письмо отъ «исполнительнаго комитета», приглашавшаго ее сообщить Буцевичу всѣ имѣющіяся у нея свѣдѣнія о военныхъ, познакомить его съ тѣми изъ нихъ, которыхъ считаетъ пригодными для цѣлей партіи, вообще, оказать ему полное содѣйствіе въ возложенномъ на него дѣлѣ.

¹⁾ Задержанный въ мартѣ 1882 года, Петровъ былъ вынужденъ на поруки, но въ началѣ 1883 года скрывается изъ Одессы, и нигдѣ не находится за границей.

²⁾ Ашенбреннеръ, Михаилъ, дворянинъ Московской губерніи, родился въ 1842 г., воспитывался въ 1-мъ Московскомъ кадѣтскомъ корпусѣ и въ 1860 г. выпущенъ изъ него поручикомъ въ 3-й резервный батальонъ; съ 1865 по 1870 годъ служилъ въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ поучаствовалъ многія боевыя отряды; въ 1870 г. переведенъ въ Одесскій военный округъ, сначала въ Прагскій, а въ 1876 г. въ Люблинскій полкъ; въ 1880 г. откомандированъ въ Прагскій полкъ и назначенъ командовать батальономъ.

Фигнеръ предложила Буцевичу свести его съ нѣкоторыми изъ одесскихъ офицеровъ, но онъ не могъ оставаться на этотъ разъ въ Одессѣ долѣе одного дня и ограничился тѣмъ, что взялъ у нея рекомендательное письмо въ Николаевъ къ Ашенбреннеру.

Михаилъ Ашенбреннеръ, одинъ изъ старыхъ штабъ-офицеровъ полка, командиръ батальона, украшенный боевыми отличіями, полученными имъ во время долголѣтней службы въ Туркестанскомъ краѣ, пользовался значительнымъ влияніемъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ полковыхъ товарищей, которыхъ привлекалъ къ себѣ частью превосходствомъ своего развитія надъ малосвѣдущими молодыми офицерами, дружескимъ съ нимъ обращеніемъ, увлекательностью своей рѣчи, частью же разгульнымъ образомъ жизни, общими съ ними пирушками и попойками. Вліяніемъ этимъ онъ воспользовался, чтобы проповѣдывать имъ социалистическія ученія сначала на отвлеченной почвѣ науки, потомъ, мало-по-малу, переходя на почву революціонную и проповѣдая ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, путемъ народнаго восстанія.

Такого рода бесѣды Ашенбреннера съ товарищами происходили, большую частію, за кушетками въ общей квартирѣ, занимаемой имъ съ казначеемъ полка, капитаномъ Николаемъ Маймескуловымъ и штабсъ-капитаномъ Адольфомъ Мицкевичемъ. Участиѣ въ нихъ принимали и другіе офицеры Прагскаго полка: капитанъ Петръ Зайнчевскій, штабсъ-капитанъ Николай Талапиндовъ, подпоручики: Николай Кирьяковъ, Иванъ Успенскій. Но вскорѣ признано было нужнымъ завести для сходакъ особую конспиративную квартиру, которая и была устроена въ помѣщеніи, занимаемомъ сообщами Кирьяковымъ и Успенскимъ.

Такимъ образомъ, была подготовлена почва въ Николаевѣ ко времени прібытія Буцевича, въ половинѣ іюня 1881 г. При его участіи и подъ его руководствомъ всѣ вышеназванные офицеры рѣшили образовать изъ себя мѣстный военный кружокъ съ опредѣленною программой. Она была выработана на одномъ изъ собраний, происходившихъ въ квартирѣ Кирьякова и Успенскаго. Въ ней было сказано, что кружокъ раздѣляетъ программу такъ называемого исполнительнаго комитета «Народной Воли»; устанавливалась степень подчиненности кружка центру; опредѣлялся способъ разрѣшенія возникавшихъ въ кружкѣ вопросовъ, а также предложенъ центръ большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ; ограничивалось число членовъ кружка; возлагалась на нихъ обязанность соглашаться на переводъ по службѣ, сообразно требованіямъ центра, и вообще, являться по первому призыву его въ мѣсто, назначенное для произведенія восстанія. Съ членовъ кружка назначенъ былъ постоянный сборъ въ размѣрѣ 3 руб. въ мѣсяцъ, которые и удерживались казначеемъ Маймескуловымъ изъ причитающагося имъ жалованья.

Въ теченіе лѣта 1881 г. члены кружка часто собирались на сходы, читали запрещенныя изданія, обсуждали разные вопросы, между прочимъ, объ освобожденіи содержавшейся въ тюремномъ

замѣ государственной преступницы Фанни Морейнисъ. Два раза посылала ихъ и Вѣра Фигнеръ, проѣзжавшая чрезъ Николаевъ, отправляясь въ сентябрѣ 1881 г. въ Москву на свиданіе съ вожакимъ главнаго террористическаго кружка, а также возвращаясь оттуда въ Одессу. Цѣлью ея было, между прочимъ, встрѣтиться съ Буцевичемъ, но первый разъ она не застала его въ Николаевѣ, такъ какъ онъ уѣхалъ въ гор. Вознесенскъ на работы. Она остановилась на квартирѣ Зои Ге, слушательницы акушерскихъ курсовъ, куда и послала Ашенбреннеръ Талалиндова провести ее на конспиративную квартиру офицеровъ. Кружокъ собрался въ полномъ составѣ привѣтствовать гостью, которую Ашенбреннеръ представилъ имъ подъ именемъ «Елены Ивановой». Разговоръ велся въ духѣ революціонномъ, при чемъ говорили больше Ашенбреннеръ и Вѣра Фигнеръ. Она интересовалась узнать настроеніе общества офицеровъ Прагскаго полка и произвела на нихъ большое впечатлѣніе красивою своею наружностью и увлекательнымъ красноречіемъ.

На возвратномъ пути изъ Москвы Вѣра Фигнеръ остановилась въ Николаевѣ у Леониды Голикова, одного изъ подсудимыхъ бывшаго нечаевского процесса, привлекавшагося съ тѣхъ поръ къ цѣлому ряду познаній о социально-революціонной пропагандѣ и занимавшему должность секретаря Николаевской Земской Управы. Онъ, хотя и былъ знакомъ съ Ашенбреннеромъ и Мицкевичемъ и даже, по всей вѣроятности, доставлялъ имъ запрещенныя изданія, но велъ себя крайне осторожно и никогда не показывался на собраніяхъ офицеровъ Прагскаго полка.

И въ этотъ пріѣздъ Вѣра Фигнеръ посылала сходку военнаго кружка, на которой присутствовали и Буцевичъ. Обсуждался вопросъ о возбужденіи возстанія. Высказывалось мнѣніе, что, смотря по силамъ партіи, его слѣдуетъ начать либо въ одной мѣстности, либо въ двухъ, или въ нѣсколькихъ одновременно; что для этого нужно предварительно стаянть въ эти мѣстности боевая сила общества двумя способами: 1) постепенными переводами въ намѣченные пункты членовъ организаціи, 2) одновременнымъ наплывомъ въ назначенную минуту значительнаго числа людей рѣшительныхъ и солидарныхъ между собою. Вѣра Фигнеръ сначала читала письмо, писанное изъ Сибири политическимъ съсылнымъ и описывающее тяжелое положеніе находящихся тамъ государственныхъ преступниковъ. Затѣмъ она стала упрекать Ашенбреннера въ бездѣйствіи, говоря, что партія возлагала на него большія надежды, и что самъ онъ обещалъ еще въ Одессѣ дѣйствовать энергично, а въ дѣйствительности не сдѣлалъ ничего, ибо, по мнѣнію ея, наемъ конспиративной квартиры и собранія на ней нельзя еще считать дѣломъ. Она замѣтила, что въ Харьковѣ еще не заведено офицерскихъ кружковъ, и что полезно было бы перевести туда на службу Талалиндова или Кирыкова, поручивъ имъ заняться образованіемъ такихъ кружковъ.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, Талалиндовъ ѣздилъ въ

Харьковъ по своимъ дѣламъ. Рекомендаціями въ этотъ городъ снабдилъ его, находившійся въ то время въ Николаевѣ, хорунжий № 7-го казачьяго полка Матвій Ооиминъ, съ которымъ познакомилъ его Ашенбреннеръ, какъ съ социально-революціоннымъ дѣятелемъ. Ооиминъ далъ Талалиндову письмо къ проживавшей въ Харьковѣ слушательницѣ акушерскихъ курсовъ Матвѣевой, которая, въ свою очередь, познакомила его съ Георгіемъ Кервили, французскимъ подданнымъ и резервнымъ офицеромъ французской службы, владѣвшимъ въ Харьковѣ книжнаго магазина и слушателемъ мѣстнаго Ветеринарнаго института. Кервили выразилъ согласіе заняться пропагандою среди офицеровъ расположенныхъ въ Харьковѣ частей войскъ, но самъ Талалиндовъ, возвратясь въ Николаевъ, рассказывалъ, что трудно что-либо подѣлать съ харьковскими офицерами, хотя между ними и есть сочувствующіе.

Между тѣмъ Буцевичъ, по окончаніи работъ комиссіи техническихъ, въ которой онъ состоялъ членомъ, въ декабрѣ 1881 года, оставилъ Николаевъ и отправился черезъ Одессу въ С.-Петербургъ. Въ Одессѣ онъ оставался нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ занялся организаціею мѣстнаго военнаго кружка изъ офицеровъ Люблинскаго полка. Прежде всего онъ познакомился съ Крайскимъ въ квартирѣ Дмитрія Петрова. Онъ объявилъ ему, что считаетъ недостаточнымъ праздное сочувствіе социально-революціоннымъ дѣламъ, что необходимо выражать его на дѣлѣ, что военные могутъ принять участіе въ революціонной дѣятельности въ формѣ кружковъ на какихъ бы то ни было началахъ, что изъ кружковъ, составленныхъ «на самомъ, такъ сказать, безобидномъ основаніи», будутъ выдѣляться люди, могущіе принять на себя со временемъ болѣе серьезныя обязательства, что кружокъ можетъ состоять сначала изъ самаго малаго числа лицъ, и что число это съ теченіемъ времени, при развитіи дѣятельности увеличится.

Убѣжденный этими доводами, Крайскій взялъ на себя устроеніе сходки. На ней присутствовали, кромѣ его самого, товарищи его по Люблинскому полку, поручики Павелъ Телье, Михаилъ Каменскій и Иринархъ Мураневичъ. Буцевичъ изложилъ имъ программу исполнительнаго комитета «Народной Воли» и всѣ они, за исключеніемъ Мураневича, выразили согласіе примкнуть къ ея организаціи, составивъ изъ себя особый мѣстный кружокъ, въ число членовъ котораго былъ включенъ и отсутствовавшій Стратановичъ, заранѣе выразившій на то свое согласіе. Подобно Николаевскому военному кружку, кружокъ Люблинскаго полка обязывался увеличивать число своихъ членовъ путемъ пропаганды между офицерами. Каждый членъ долженъ былъ ежемѣсячно дѣлать въ кассу кружка денежный взносъ, въ произвольномъ размѣрѣ, на могущія возникнуть общія надобности. Представителемъ кружка назначенъ былъ Крайскій. На обязанности его лежало храненіе взносовъ, сношеніе со штатскими, веденіе переписки. Уѣзжая изъ Одессы, Буцевичъ показалъ Крайскому употребленіе шифра, снабдилъ его цѣпистымъ каліи и пригласилъ писать ему о дѣлахъ кружка, адресуя письма

въ Кронштадтъ на имя подпоручика Кронштадтской крѣпостной артиллеріи Алексѣя Прокофьева. Самъ Бучевичъ дважды писалъ Крайскому изъ С.-Петербурга: тотчасъ по приѣздѣ, согласно условію, лишь для пробы, спрашивая, нѣтъ ли чего-нибудь новаго, и не прибыло ли членовъ въ кружокъ, и, лѣтомъ 1882 года, незадолго до ареста, съ просьбою сообщить подробности о задержаніи въ Одессѣ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ.

Въ течение всего 1882 года дѣятельность Одесскаго военного кружка не выразилась ни въ чемъ существенномъ. Ежемѣсячные членскіе взносы не превышали одного рубля, и за все время существованія кружка ихъ поступило не болѣе 60 рублей. Офицеры хотя и собирались на общей квартирѣ, но никакихъ вопросовъ не обсуждали, а ограничивались чтеніемъ социалистическихъ книгъ, какъ-то: «Капитала» — Маркса, «Сущности социализма» — Шеффле и т. п. Не было даже сдѣлано попытки распространить пропаганду на другіе полки, расположенные въ Одессѣ и окрестностяхъ.

Зато въ Николаевѣ Ашенбреннеру удалось образовать второй военный кружокъ изъ служившихъ, въ этомъ городѣ морскихъ офицеровъ.

Весною 1882 года онъ познакомился съ прапорщикомъ корпуса флотскихъ штурмановъ Иваномъ Ювачевымъ и, убѣдившись въ его сочувствіи социально-революционному цѣлямъ, посвятилъ его въ тайну военной организаціи и предложилъ ему составить мѣстный кружокъ изъ товарищей своихъ по флоту. Ювачевъ согласился и пригласилъ къ участію въ кружокъ мичмановъ Александра Аюнасыева и Николая Толмачева. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились Владиміръ Бубновъ, лейтенантъ Дмитрій Скаловскій и Сергій Янушевскій.

Николаевскій кружокъ морскихъ офицеровъ былъ образованъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и кружки Прагскаго и Люблинскаго полковъ. Члены его признали себя солидарными съ программой исполнительнаго комитета, а кружокъ свой — составною частью военной организаціи народовольческаго общества. И здѣсь были установлены ежемѣсячные денежные взносы, періодическія сходки, но послѣднія собирались не на особой квартирѣ, а частью у Ювачева, частью въ различныхъ ресторанахъ. Кружокъ испытывалъ большой недостатокъ въ деньгахъ, а потому въ средѣ его возникла мысль ограбить Николаевское отдѣленіе Государственнаго Банка, но она не вышла изъ области предположенія, за совершенною невозможностью привести такое предпріятіе въ исполненіе.

Всѣ вышепоименованные военные мѣстные кружки не имѣли между собою тѣснаго общенія. Несмотря, однако, на разрозненность, слѣдуетъ признать, что они были устроены по одному образцу и руководствовались одинаковыми правилами. Назначеніе ихъ было привлечь на сторону замышляемаго народовольческимъ сообществомъ возстанія, какъ можно больше офицеровъ, состоящихъ на службѣ. Но возлагая на каждого члена обязанность пропагандировать въ средѣ товарищей, основатели и руководители кружковъ

строго воспрещали офицерамъ распространять пропаганду на нижнихъ чиновъ, какъ въ пѣхотныхъ полкахъ, такъ и во флотѣ. Офицеры должны были лишь намѣчать, каждый въ своей части, солдатъ и матросовъ, наиболѣе способныхъ къ воспріятію социально-революционныхъ ученій, и дальнѣйшее ихъ развращеніе предполагалось возложить на особыхъ пропагандистовъ изъ примкнувшихъ къ обществу рабочихъ. Сами офицеры, члены кружковъ, не должны были участвовать въ какихъ бы то ни было предпріятіяхъ сообщества, пока состояли на службѣ. Наиболѣе пригодные для такихъ предпріятій и приглашенные къ участію въ нихъ офицеры обязывались предварительно выйти въ отставку и перейти на нелегальное положеніе.

„Дѣла Таврическаго губернскаго жандармскаго управленія о предсѣдателѣ Таврической земской управы Винбергъ и его единомышленникахъ“.

„Въ маѣ сего (1881) года предсѣдатель Симферопольской губернской земской управы и Симферопольскаго общества взаимнаго кредита Владимиръ Карловичъ Винбергъ, 46 лѣтъ, своимъ образомъ дѣйствій и отношеніемъ къ лицамъ социально-революціонной партіи напалекъ на себя подозрѣніе въ сочувствіи ихъ стремленіямъ.“

Произведеннымъ дознаніемъ выяснено, что въ учрежденіяхъ, подчиненныхъ Винбергъ, служили одновременно не только политически неблагонадежные лица, состоявшія подъ надзоромъ, но даже политическіе преступники; къ числу послѣднихъ принадлежали: Диковскій, Теллаловъ, Перовская и Кѣтточниковъ; къ первымъ: Гордынский, Скуловъ, Ренецкія, Голденбергъ, Журманъ, Морозовъ и Мержановъ, о противоправительственномъ направленіи которыхъ Винбергъ не могъ не знать. Лицамъ этимъ Винбергъ оказывалъ матеріальную поддержку; такъ, напримѣръ, Теллаловъ, а затѣмъ Скуловъ были воспитателями его дочерей и жили у него въ имѣніи на южномъ берегу Крыма; нѣкоторые изъ нихъ получали денежныя награды въ 80 и 100 р., а съ Теллаловымъ, Скуловымъ и Голденбергомъ Винбергъ былъ въ очень близкихъ, даже дружественныхъ отношеніяхъ.

Винбергъ обвиняется также въ укрывательствѣ въ имѣніи своемъ „Саяны“ государственныхъ преступниковъ и лицъ политически неблагонадежныхъ, а именно: Филиппова, жившаго у него подъ именемъ Лѣвкова, Коковского и Поддубскаго. Кроме того удостовѣрено, что Винбергъ вельзакъство съ политическимъ преступникомъ Тригономъ.

Къ дознанію о Винбергъ привлечены: 1) мѣщанинъ Михаилъ Федоровъ Голденбергъ, 25 лѣтъ, 2) Рижскій гражданинъ Александръ Федоровъ Ренецкій, 36 лѣтъ; оба участвуютъ свидѣтельскими показаніями въ сочувствіи социально-революціонной партіи, въ систематическомъ порицаніи распоряженій правительства и въ выраженіи злорадства по поводу событія 1-го марта, 3) ученый управляющій Ардавіонъ Ивановичъ Мержановъ, 45 лѣтъ, участвуетъ въ томъ, что, идя къ присягѣ нынѣ царствующему Государю Императору, говорилъ: „хорошо, что это случилось; новому государю не дадутъ тѣхъ правъ, которыми пользовался прежній, и социалисты получатъ права, которыхъ они добивались; кто поступитъ въ общество социалистовъ, тотъ безъ всякаго труда будетъ получать 25 р. въ мѣсяцъ“; 4) мѣщанинъ Сергій Ивановичъ Зибинъ, управляющій имѣніемъ Винберга, 32 лѣтъ, участвуетъ въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ Каковского и Филиппова и 5) смотрительница Симферопольскаго земскаго дѣтскаго пріюта Александра Николаевна Славичъ, 34 лѣтъ; обвиняется въ пособничествѣ государственному преступнику Филиппову скрытій отъ преслѣдованія властей“.

Рѣдчайшее революціонное изданіе ¹⁾.

СВОБОДА

№ 2.

Въ продолженіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ всѣхъ сословій подаются адресы, въ которыхъ предъ лицомъ Европы, готовой объявить намъ войну за истерзанную деспотизмомъ и солдатчиной Польшу,—громко говорится: „дерзай великій государь! Мы готовы принести на защиту отечества и себя, и дѣтей, и имущество, мы докажемъ завистливому западу, что Россія сильна и могуча!“ Слыша отовсюду такіе заявленія, можно подумать, что, съ одной стороны—и въ самомъ дѣлѣ, благодаря работамъ петербургскаго правительства, Россія благодаренствуетъ, что она загладила глубокіе слѣды Восточной войны; что она не чувствуетъ всей тяжести польской войны; что производительныя силы ея не въ застоѣ; что въ ней есть и кредитъ, и промышленность, и торговля и нѣтъ голода, безденежья, дороговизны; что свободные граждане Россіи пользуются безопасностью личной и имущественной и не знаютъ, что такое произволъ и насиліе, тюрьма и

¹⁾ Въ сборникѣ Богучарскаго „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“ имѣются такіе строки:

„Въ 1863 году въ Россіи дѣйствовало тайное общество „Земля и Воля“, которое вынудило нѣсколько листовъ и между прочимъ №№ 1 и 2 листа „Свобода“. Первый № этого листа былъ перепечатанъ въ № 164 „Колокола“. Въ Британскомъ музеѣ хранится въ двухъ экземплярахъ подлинникъ № 1 „Свободы“, откуда мы и сняли нижеслѣдующее копію. №-ра 2 „Свободы“ у насъ нѣтъ, но онъ, несомнѣнно существовалъ. О выходѣ его прямо говорится въ „Колоколѣ“, о немъ же упоминается въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Андрущенко (перепечатанъ также въ томъ же сборникѣ). Мы очень просимъ достать намъ 2 № „Свободы“, равно какъ и другія изданія Общества „Земля и Воля“, у насъ не имѣвшіяся“.

Первый № „Свободы“ извѣстенъ, такимъ образомъ, читателямъ по книгѣ Богучарскаго. (Загр. изданіе стр. 89—92; русское—стр. 65—67). Въ настоящее время мы имѣемъ возможность дать читателямъ текстъ и 2 № этого рѣдчайшаго революціоннаго изданія.

Ред.

сылка, плеть и палка, жандармы и шпионы; а с другой—что вся Европа завидуя этому благоденствию, хочеть, во что бы то ни стало, помышляеть ему и даже прозвить опасностью самому существованю нашего отечества.

Между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ и всѣ здравомыслящие люди, и Европа ясно видятъ, что тушумное русское правительство довело страну до положительнаго застоя матеріальнаго и духовнаго развитія.

Едва появилось въ Россіи стремленіе къ свободѣ, какъ благодушный, боясь потерять хотя самую ничтожную долю изъ завѣданнаго ему деспотизма, окружилъ себя шпионами, наполнилъ крѣпости защитниками свободы, снова протерли Владимірку, уничтожилъ всякую свободу слова, закрылъ воскресныя школы и университеты и все это, какъ увѣряютъ рабы правительства,—для блага народа!.. Тушумное правительство своими, такъ называемыми, прогрессивными реформами лишило страну кредита, столь необходимаго при переходѣ къ свободному труду и вызвало торговый и промышленный кризисъ; бумажныя деньги—отъ всеобщаго застоя и необеспеченности, отъ чрезмѣрнаго количества ихъ и недостатка звонкой монеты—упали на третью цѣну, что видно на дороговизнѣ,—а благодушное правительство, заботясь о благѣ народа, придумываетъ благодивный предлогъ, какъ бы выпустить снова бумажекъ; во всѣхъ концахъ Россіи народъ умираеть съ голода, отовсюду жалуются на дороговизну; отсутствіе заработковъ, однимъ словомъ, на крайній недостатокъ жизненныхъ средствъ, а доброе правительство для облегченія народа увеличило свой бюджетъ, въ теченіе семи лѣтъ мира, на сто милліоновъ и, увеличивъ въ нынѣшнемъ году одни прямые налоги на пятнадцать слишкомъ мил., выдмываетъ новые. Однимъ словомъ, правительство своими реформами и распоряженіями до такой степени парализировало производительныя силы страны, что всѣ классы народа страдаютъ, и страна переживаетъ самое тяжелое время.

Для выхода изъ такого затруднительнаго положенія необходимо полнѣйшее спокойствіе и безопасность внутренняя и внѣшняя, необходимъ долгій миръ, а правительство въ это именно время и вызвало, какъ оно само сознается, польское національное возстаніе.

Не говоря о правахъ каждаго народа, а слѣдовательно и польскаго, на полную самостоятельность,—Польша, по сознанию всѣхъ мыслящихъ людей, одна изъ причинъ истощенія Россіи. Обладаніе ею, необходимое развѣ для одного для его расчистовъ, для его безграничнаго произвола, для его жалкаго самолюбія и чести быть тираномъ двухъ націй,—стоитъ нашему бѣдному ограбленному народу и въ обыкновенное время двадцать милліоновъ лишняго ежегоднаго расхода и сто тысячъ лишнѣихъ солдатъ,—а теперь за каждый мѣсяць не нужной и позорной для Россіи войны съ Польшею народъ платитъ болѣе пяти милліоновъ, не считая пролитой крови братьевъ, мужей, сыновей!..

Но и этихъ жертвъ недостаточное правительство; для удовлетворенія своего тщеславія, для поддержанія деспотизма оно готово пожертвовать послѣдними силами истощеннаго народа и дерзко вызываетъ на войну цѣлую Европу—на войну, которая потребуетъ войска, и для которой правительство не задумается объявить народное ополченіе или страшний наборъ, т. е. въ концѣ убить въ странѣ всякую промышленно-торговую и сельско-хозяйственную дѣятельность, на войну, которая потребуетъ денегъ и, слѣдовательно, дастъ

правительству случай сдѣлать принудительный заемъ или прибѣгнуть къ болѣе легкому средству для него, но болѣе тяжелому для народа—къ выпуску бумажныхъ денегъ, что окончательно уронитъ ихъ, вызоветъ неслыханную дороговизну и непременно кончится банкротствомъ государства.

И все это для спасенія отечества! Какъ будто въ самомъ дѣлѣ не русское правительство своими жестокостями въ Польшѣ, презрѣніемъ народныхъ и человѣческихъ правъ, посылкою сатраповъ вродѣ изверга Муравьева, разстрѣливаньемъ и вѣшаньемъ лучшихъ людей польскихъ вызвало Европу, а Европа, единственно изъ зависти, хочеть стереть Россію съ лица земли!

И для того, чтобы прикрыть свой деспотизмъ, свои гнусныя дѣйствія, свое нравственное безсілие, напугать и придать ненужной и позорной для Россіи войнѣ видъ воли народной, правительство прибѣгло къ подачѣ адресовъ. Ни для кого не секретъ, что адресы вызваны секретными циркулярами Валуева къ представителямъ сословій и синода къ попамъ. Мы имѣемъ этому положительныя доказательства въ видѣ этихъ циркуляровъ, наущающихъ обманывать народъ!.. Большинство тѣхъ, которые подписываютъ адреса—сознательно-презрѣнные лстецы, измѣнники родины; они тѣмъ болѣе презрѣнны, что, подавая адреса и подталкивая правительство на войну, они очень хорошо знаютъ, что они ничѣмъ не жертвуютъ, что вся тяжесть войны падеть на бѣдный, честный, ослѣпленный, ничѣмъ не виноватый народъ, что даже месть народная за ихъ предательство падеть не на нихъ, а на ихъ потомковъ. Остальные подписываютъ унизительныя адреса по принужденію, рѣшительно не сознавая ихъ значенія, этому мы имѣемъ слишкомъ много примѣровъ, а крестьяне вынуждаютъ къ адресамъ исправниками, становыми и обманомъ и хитростью поповъ.

И такіе-то адреса выдаются за выраженіе воли народной! И такія то заявленія выдаются за искреннее высказываніе свободнаго мнѣнія! Но кто же не понимаетъ, что свободное выраженіе мысли у насъ невозможно и преслѣдуется съ жестокостью, и что можетъ высказываться одна грубая лѣсть правительству. Правительство, запрещающее газеты и журналы за одно полусвободное, полурабское слово, имѣть настолько безстыдства, что увѣряетъ, будто бы его поддерживаетъ общественное мнѣніе, и будто бы это мнѣніе независимо и свободно. И русское правительство, ведя войну, будетъ увѣрять, что оно ведетъ ее для блага народа!.. Бѣдный народъ! Когда ты избавишься отъ такихъ непростыхъ, безумныхъ, жестокосердыхъ благодѣтелей!

Эти благодѣтели—враги твои, тираны родины, слѣпо ведущіе ее, для своихъ корыстныхъ цѣлей къ погибели!.. Ихъ поддерживаютъ измѣнники, отдающие свой народъ на произволъ Мы всегда и вездѣ признаемъ, что война есть величайшее изъ золъ, что народъ не стадо барановъ, что кровь его не вода,—допускаемъ одну войну,—и то какъ неизбежное зло,—войну за свободу, войну противъ рабства и деспотизма, и за это насъ называютъ кровожадными. Но какъ назвать правительство, и насъ, его сообщниковъ, истратившихъ въ Восточной войнѣ, ради каприза деспота болѣе пятидесяти милліоновъ денегъ бѣднаго народа и погубившихъ триста тысячъ лучшаго населенія, и теперь воевающихся народъ въ войну еще болѣе ужасную, которая потребуетъ жертвъ вдвое болѣе и покроетъ страну незаслуженнымъ позоромъ? Какъ назвать того, кто начало крестьянской

свободы окропил кровью безденского и других побойщ, кто лучших сыновъ родины заточаетъ въ крѣпости, ссылаетъ въ Сибирь, стрѣляетъ? Нѣтъ вамъ другого имени, какъ презрѣнные рабы, тираны народа, измѣнники родины, высасывающіе изъ нея послѣднюю каплю крови!

Комитетъ по случаю выхода четвертаго номера „Великорусса“ получилъ отъ бывшихъ членовъ Комитета Великорусса слѣдующее заявленіе для опубликованія:

„Члены бывшаго комитета Великорусса, прекратившіе свое изданіе на третьемъ номерѣ и соединившіеся съ обществомъ „З. и В.“, во имя одной общей цѣли считаютъ долгомъ объявить, что листокъ, выпущенный подъ именемъ Великорусса—подлогъ, что легко замѣтить, какъ по внѣшнему виду, такъ и по содержанію“.

Пользуясь случаемъ, Р. Ц. К. извѣщаетъ, что онъ принимаетъ на себя отвѣтственность только за изданія, выходящія съ извѣстною печатью!).

Комитетъ считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія членовъ организаци, что лица, уполномоченныя имъ,—снабжены ясными документами и потому проситъ, во избѣжаніе повторенія случившихся недоразумѣній, ни въ какомъ случаѣ не исполнять требованій лицъ, не имѣющихъ этихъ документовъ.

Номера выданныхъ квитанцій напечатаны въ особомъ прибавленіи къ этому номеру „Свободы“ 2).

Типографія общества „З. и В.“

1) Четвертаго № „Великорусса“ у насъ нѣтъ. Если онъ у кого-нибудь имѣется, то убедительно просимъ достать намъ хотя бы только копію съ него. Было бы чрезвычайно любопытно распутать происхождение № 4 „Великорусса“, который сами члены бывшаго комитета „Великорусса“ считаютъ „подложнымъ“. Чье же это было дѣло? Не сохранилось ли у кого-нибудь изъ нашихъ читателей какиихъ-либо по этому предмету свѣдѣній?

Ред.

2) Этого „особаго прибавленія“ у васъ также нѣтъ.

Ред.

Изъ прошлаго.

I.

День 29-го марта 1878 года былъ для меня весьма хлопотливымъ. Братъ моей жены, ученикъ одной изъ кievскихъ гимназій, жестоко простудился, катаясь съ товарищами на лодкѣ по Днѣпру. Врачи опредѣлили уплотненіе верхушекъ легкаго и совѣтовали безотлагательно отправить юношу куда-нибудь на югъ—въ Италию или хотя бы въ Крымъ. Пришлось со всею поспѣшностью организовать отъѣздъ юноши изъ Кіева, и хлопоты по этому дѣлу заняли у меня весь день съ утра до вечера.

Крайне усталый вернулся я къ себѣ поздно ночью и, наскоро закусивъ, рѣшилъ немедленно же лечь спать. Я уже былъ полураздѣтъ, когда постучали во входную дверь. Накинувъ верхнее платье, я отворилъ. Вошелъ молодой человѣкъ въ мундиръ околочнаго.

— Чему обязанъ вашимъ визитомъ?

— А вотъ вамъ экстренная бумажка.

Въ бумажкѣ значилось, что я долженъ пожаловать въ Старо-кievскій участокъ „въслѣдствіе лично до него“, т. е. до меня „касающагося дѣла“.

— Какое тамъ у васъ до меня дѣло, и нельзя ли его устроить завтра утромъ?

— Нѣтъ, приставъ сказалъ, что надо сейчасъ. Я и то уже второй разъ къ вамъ захожу, васъ дома не было. А какое дѣло, право, не знаю.

Я одѣлся и, не прощаясь съ женой, отправился вмѣстѣ съ околочнымъ, предполагая неволѣ вернуться.

На улицѣ насъ ожидалъ извозчикъ. Участокъ былъ недалеко, и черезъ нѣсколько минутъ мой провожатый ввелъ меня въ кабинетъ пристава, вяло перебивавшаго при тускло горѣвшей лампѣ какія-то лежавшія на столѣ бумаги.

— Вотъ они-съ. На силу засталъ,—отрекомендовалъ меня околочный.

Приставъ равнодушно взглянулъ на меня и сказалъ:

— А-а. Хорошо. Ну, отвѣтите.

— Пожалуйста,—любезно пригласилъ меня околочный.

тогда по дѣлу Дейча и Стефановича Чигиринскомъ уѣздѣ. Благополучно отгостивъ, мы отправились обратно въ Киевъ. Въ Черкасахъ нужно было съѣзъ на пароходъ, а до Черкасъ проѣхати на лошадахъ. Ъхали мы въ тарантасѣ втроемъ: я, жена и ея братъ гимназистъ. Последнему вздумалось вздремнуть и, устраиваясь поспать, онъ какъ-то незамѣтно вытолкнулъ изъ тарантаса небольшой женинъ саквояжъ, въ которомъ находилась разная мелочь, туалетныя принадлежности и, между прочимъ, нѣсколько цѣнныхъ золотыхъ вещей. Какъ разъ вслѣдъ за нами ѡхалъ мѣстный становой приставъ, хорошо знавшій, кто мы, откуда и куда ѣдемъ. Онъ поднялъ саквояжъ, но вмѣсто того, чтобы крикнуть намъ, остановить и возвратитъ потерянное, рѣшилъ освѣдомиться относительно содержанія саквояжа. Цѣнныхъ золотыхъ вещей онъ почему-то не замѣтилъ, по крайней мѣрѣ не упомянулъ о нихъ въ протоколъ ни однимъ словомъ, и онъ навсегда для насъ и безслѣдно погибли. Зато онъ нашелъ нѣчто другое, а именно, двѣ или три революціонныхъ сказки, «Хитрую механику», кажется, «Сказку о чetyрехъ братьяхъ» или еще что-то. Невинная эти, въ сущности, литературныя произведенія, въ огромномъ количествѣ обращавшіяся въ публикѣ, признавались тогда правительствомъ страшно для государства опасными.

Пріѣхавъ въ Черкасы, мы тотчасъ же замѣтили отсутствіе саквояжа, заявили объ утратѣ пристанному полицейскому, пообѣщали его «поблагодарить», если онъ поможетъ отыскать потерянную вещь; жена пожалѣла нѣкоторыхъ дорогихъ, ей бывшихъ въ саквояжѣ предметовъ, и мы продолжали наше путешествіе, нисколько не подозрѣвая оборота, который тѣмъ временемъ принималъ этотъ совершенно, казалось, заурядный случай.

Приставъ заварилъ кашу. О своей находкѣ онъ сообщилъ въ Киевъ, и оттуда наряжено было разслѣдованіе. Наряжены въ имѣніе женщиныхъ родителей, подвергли опросу прислугу и всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ. Допытывались, что мы дѣлали, какъ бывали, какъ проводили время, не говорили ли чего «противъ царя», не раздавали ли какихъ книжекъ. «Разслѣдованіе» дало совершенно отрицательные результаты. И прислуга, и крестьяне въ одинъ голосъ свидѣльствовали, что жили мы все время «спокойно», сидѣли дома, гуляли въ саду, никому ничего предосудительнаго не говорили и никакихъ книжекъ не раздавали.

Тогда принялись за насъ. Жены въ Киевѣ не было, она была медичка и уѣхала въ Петербургъ на курсы. Справились у гимназическаго начальства о ея братѣ, какого онъ «поведенія» и не замѣченъ ли въ какихъ либо «неблагонамѣренныхъ» увлеченіяхъ. Начальство аттестовало юношу съ наилучшей стороны: поведенія расчуднаго, учится хорошо и ни въ чемъ другомъ не замѣченъ.

Потомъ пригласили въ жандармское правленіе меня и подвергли формальному допросу. Допрашивали очень извѣстный въ то время въ

Киевѣ товарищъ прокурора Котляревскій,¹⁾ и въ началѣ допроса присутствовалъ тоже всѣмъ тогда въ Киевѣ извѣстный адъютантъ жандармскаго управленія штабъ-ротмистръ баронъ Гейкинъ. На допросъ я впервые узналъ, во что обратился инцидентъ съ потерей саквояжа. Котляревскій спросилъ меня, не мнѣ ли принадлежали найденныя въ саквояжѣ брошюры, а Гейкинъ совѣтовалъ поступитъ «по-рыцарски» и принять «всю вину» на себя, такъ какъ иначе можетъ подвергнуться неспротивностямъ моя спутница. Я отвѣчалъ, что о найденныхъ въ саквояжѣ книжкахъ мнѣ ровно ничего неизвѣстно, что никто изъ насъ ихъ туда не клалъ, что въ невинности и моей спутницы, и ея брата я такъ же увѣренъ, какъ и въ своей собственной, и что поэтому не имѣю никакихъ поводовъ поступать по рекомендуемому мнѣ «рыцарскому» способу.

— Тогда объясните же намъ, какимъ образомъ могли попасть *въ вашъ* саквояжъ революціонныя изданія? Согласитесь сами: кто-нибудь ихъ туда положилъ же?

— Безъ сомнѣнія, разъ что они тамъ найдены. Но кто ихъ могъ туда положить, я рѣшительно не знаю. Вотъ что туда положены были не упоминаемая въ протоколъ золотыя вещи, это я хорошо знаю, потому что онѣ укладывались при мнѣ, и я самъ завертывалъ ихъ въ бумагу.

— Относительно золотыхъ вещей... по вашему заявленію я не могу возбуждать вопроса. Саквояжъ вскрытъ былъ при понятыхъ, и золотыхъ вещей въ немъ найдено не было.

— Но вѣдь онъ могъ быть вскрытъ и раньше, безъ понятыхъ, ключикъ вѣдь находился тутъ же.

— Хм... для такого предположенія я не имѣю никакихъ данныхъ.

Въ концѣ концовъ Котляревскій призналъ, что все «дѣло» не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Книжки найдены были въ одиночныхъ экземплярахъ, а показанія прислуги и крестьянъ исключаютъ всякую мысль о революціонной пропагандѣ. Я замѣтилъ, что въ данной мѣстности подобная пропаганда при посредствѣ найденныхъ книжекъ была бы нелѣпа: «сказки» написаны по-русски, а чигиринскіе хохлы съ трудомъ понимаютъ книжный русскій языкъ. Котляревскій призналъ справедливость этого довода. Въ заключеніе я спросилъ, неужели разныя эти «Хитрая механика» и «Сказки» такъ ужъ для государства опасны, что изъ-за нихъ стоитъ подымать столько шума? Котляревскій и тутъ согласился со мною и сказалъ, что, и по его мнѣнію, «Сказки» и «Механики», конечно, пустыя, но что жандармерія смотритъ на вопросъ иначе.

На томъ мы разстались. Составленъ былъ надлежащій прото-

¹⁾ Прославился Котляревскій, главнымъ образомъ, вслѣдствіе произведеннаго на его жизнь покушенія. Въ покушеніи на жизнь Котляревскаго принимали участіе Ивченко и Осинскій и др. Это было одно изъ первыхъ террористическихъ актовъ. Покушеніе произведено было на улицѣ ночью, но съ негодными средствами: пуля пробита спотовую рубу, въ которую закатанъ былъ Котляревскій, но не причинила лично ему ни малѣйшаго вреда; револьверъ былъ слишкомъ слабъ.

коль допроса, я подписал и затѣмъ былъ отпущенъ. Просясь Котляревскій заявилъ, что, по его мнѣнью, «дѣло» мое не будетъ имѣть послѣдствій.

Такъ были фактически всѣ мои тогдашнія политическія прегрѣшенія. Мнѣ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобъ именно они могли послужить причиною ареста. Многие изъ моихъ товарищей по курсу были «скомпрометированы» не меньше моего, но это не помѣшало имъ устроиться на государственную службу тотчасъ же послѣ выпускнаго экзамена. Могъ поступить по ихъ примѣру и я. Попечитель Антоновичъ предлагалъ мнѣ на выборъ цѣлый рядъ учительскихъ мѣстъ въ округѣ. Равнымъ образомъ я имѣлъ предложенія изъ другихъ округовъ, и одно время думалъ было взять мѣсто на Кавказѣ. Но мнѣ хотѣлось остаться въ Кіевѣ, гдѣ я могъ бы пользоваться богатой университетской библіотекъ и другими учеными пособиями, не разрывая въ то же время тѣсной связи, сложившейся у меня съ кружкомъ друзей-профессоровъ. Желаніе остаться въ Кіевѣ оказалось осуществимымъ. Одинъ изъ моихъ профессоровъ состоялъ также преподавателемъ въ старшихъ классахъ кіевской военной гимназіи. Получивъ повышение въ университетѣ, онъ рѣшилъ оставить гимназію и предложилъ уступить свое мѣсто мнѣ. Я, конечно, охотно принялъ это предложеніе. Профессоръ взялся откомендовать меня директору гимназіи генералу Юшенову, съ которымъ и мнѣ совѣтовалъ поглядѣться. Я побывалъ у Юшенова, и мы сговорились, что послѣ канікулъ я прочту такъ называемые пробные уроки и буду зачисленъ штатнымъ преподавателемъ гимназіи.

Что касается мартовской 1878 года студенческой «исторіи», то къ ней я вовсе не былъ причастенъ. Она еще не начиналась, когда я уѣхалъ въ Черниговъ, откуда вернулся уже послѣ всѣхъ совершившихся событій со времени вердикта, произнесеннаго университетскимъ судомъ. Съ тактической стороны самая «исторія» мнѣ очень не нравилась. Я находилъ, что при нѣскольکو болѣе искусной и умѣлой постановкѣ дѣла можно было добиться желанныхъ результатовъ безъ ненужнаго гвалта, безъ еще менѣе нужныхъ жертвъ и не обостряя отношеній ни съ властью, ни съ коллегіей профессоровъ. Поэтому въ разговорахъ со студентами я довольно рѣзко критиковалъ ихъ приемы, что подчасъ и со стороны студентовъ вызывало рѣзкую отвѣдь по моему адресу.

Итакъ, на чемъ же слѣдовало остановиться, чтобы объяснить случившееся со мною приключеніе? Не было ли у меня какихъ-либо скомпрометирующихъ знакомствъ? Въ послѣдніе годы своей студенческой жизни я всего болѣе вращался въ средѣ высшей кіевской интеллигенціи, въ средѣ профессоровъ. Близкіе со мною профессора, хотя и были люди либеральные, но не черезъ чуръ и, во всякомъ случаѣ, очень осторожные. Мои друзья-товарищи студенты были, правда, въ болѣе или менѣе степени прикосновенны къ освободительному движенію въ тогдашнихъ его формахъ, но опять-таки прикосновенность эта не заходила чрезмѣрно далеко.

Исключеніе составлялъ лишь медикъ Николай Колодкевичъ. Это была личность дивной нравственной чистоты. Колодкевичъ страстно любилъ обездоленный народъ и горячо принималъ всѣмъ сердцу его интересы, а такъ какъ слово у этого человѣка не расходилось съ дѣломъ, то онъ и старался активно, по мѣрѣ силъ и умѣнья, помочь народному горю. Въ періодъ увлеченія пропагандой Колодкевичъ отправился съ книжками «въ народъ». Разумѣется, усилие его не имѣло успѣха, что было причиною болѣе или менѣе серьезныхъ страданій. Вскорѣ онъ былъ гдѣ-то захваченъ въ одиночныхъ посяженъ въ тюрьму.

Продолжительное тюремное заключеніе крайне вредно повліяло на и безъ того слабый организмъ Колодкевича. Когда его наконецъ, освободили, онъ еле двигался, и врачи совѣтовали ему отправиться поскорѣе куда-нибудь поужиться и основательно отдохнуть. Но Колодкевичъ былъ бѣднякъ, и для праздныхъ путешествій у него не было средствъ. На товарищескомъ совѣщаніи мы рѣшили, что для него необходимо подыскать гдѣ-нибудь выходныхъ губерніяхъ хорошій урокъ въ богатой семьѣ. Случилось такъ, что мнѣ предложили очень выгодная канікулярныя занятія этого рода у помѣщика на югѣ Подольской губерніи. Я тотчасъ же рѣшилъ уступить урокъ Колодкевичу. Но вотъ была завовадка: онъ выпущенъ былъ изъ тюрьмы подъ надзоръ полиціи. Я былъ вынужденъ перенести мѣсто жительства. Нужно было добиться свободы передвиженія. Разрѣшить этотъ вопросъ зависѣло отъ барона Гейкинга, и я рѣшилъ схватить быка прямо за рога, повидѣться съ барономъ и лично попросить за Колодкевича. Я былъ еще настолько наивенъ, что серьезно рассчитывалъ вызвать въ жандармѣйскъ человѣкъ чувство состраданія къ измученному и духовно, и физически чужеземцу. Вѣрнѣе было бы подыскать подходящую барыньку и поддѣйствовать черезъ нее. Гейкингъ былъ очень чувствителенъ съ женщинами и по ходатайству хорошеюй дамы, навѣрно, отпустилъ бы дѣлать. Но такой методъ дѣйствія мнѣ претилъ и казался недостойнымъ, особенно въ дѣлѣ, касающемся Колодкевича.

Когда я произнесъ барону это имя, жандармъ сразу насторожился и сталъ пристально въ меня вглядываться. Скажите мнѣ, пожалуйста, что побуждаетъ васъ хлопотать за Колодкевича?

— Какъ что? Онъ мой товарищъ по университету, притомъ товарищъ, попавшій въ бѣду. Вы мнѣ какъ-то говорили, что въ свое время и сами вы были студентомъ Дерптскаго университета, значитъ, товарищескія чувства не могутъ быть вамъ неизвестны.

— Да, но товарищи бывають разные. Знаете ли вы, что это за господинъ этотъ Колодкевичъ?

— Онъ прекрасный человѣкъ, баронъ. Если онъ нѣсколько увлекся, ошибся, то вѣдь болѣе чѣмъ достаточно поплатился за свое увлеченіе. Вы его жестоко наказали, теперь онъ боленъ, еле ходитъ—дайте же ему отдохнуть и въ себя придти. Онъ оправится,

вернется въ университетъ къ наукѣ, окончить курсъ и будетъ полезнѣйшимъ членомъ общества.

— Знаете ли, что я вамъ посоветую: держите себя подалеже отъ такихъ господъ, какъ Колодкевичъ. Не то что дружба, а и знакомство съ ними до добра васъ не доведутъ. Просьбы вашей я исполнить не могу.

Нестерпимо тяжелыя условія полицейскаго надзора заставили Колодкевича перейти на нелегальное положеніе. Вслѣдствіи онъ примкнулъ къ террористамъ. Когда я его зналъ, онъ съ терроромъ не имѣлъ ничего общаго. Напротивъ того, и на сходкахъ, и въ кружковыхъ бесѣдахъ онъ горячо всѣмъ ставалъ противъ всякихъ прѣмовъ силія отъ кого бы оно ни исходило. Террористомъ его сдѣлала власти своими неустойчивыми преслѣдованіями и гоненіями. Безграничное беззаконіе создало и самый терроръ.¹⁾

Въ послѣдніе годы моего студенчества мнѣ уже не приходилось встрѣчаться съ Колодкевичемъ: онъ исчезъ съ моего горизонта²⁾.

Вспомнился, наконецъ, и совсѣмъ недавній разговоръ съ Гейкингомъ. Встрѣтились мы какъ-то на улицѣ, какъ разъ въ то время, когда я помышлялъ о Кавказѣ. Гейкингу весело поздравился со мною и въ своемъ обычномъ шутовскомъ тонѣ спросилъ:

— Ну, какъ дѣла?

— Такъ себѣ. Вотъ покончилъ съ экзаменами, получилъ кандидата и собираюсь поступить на службу.

— Куда же вы собираетесь?

— Хочу устроиться гдѣ-нибудь на Кавказѣ.

— Что такъ далеко?

— Да такъ. Drang nach Osten. Wo die Zitronen blühen.

— А не ощущаете ли вы Drang nach Nord-Osten wo, die Moroschka blüht?

Я въ такомъ же шутовскомъ тонѣ отвѣчалъ, что скверная флора нѣсколько меня не интересуетъ и штудировать ее я не предполагаю.

Наскоро перебравъ въ памяти все изложенное, я пришелъ къ заключенію, что никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ поводовъ для моего ареста не было и нѣтъ. Очевидно, онъ—простое полицейское недоразумѣніе. Плохо освѣдомленная небрежная полиція при-

¹⁾ Другой яркій примѣръ превращенія мирнаго человѣка въ террориста представляетъ Людмила Александровна Александрова, по мужу Волкенштейнъ. Я довольно близко зналъ ее дѣвухой, а когда она была въ выпускномъ классѣ гимназіи, занималась одно время съ нею по математикѣ. Въ то время это была необыкновенно красивая, вдумчивая, симпатичная, по совершенно мирная барышня, и я ни за что не представлялъ бы той печальной участи, которая ожидала ее въ недалекомъ будущемъ. Въ вѣзятъ новыхъ дружескихъ отношеній Людмила Александровна подарила мнѣ тогдашнюю свою фотографическую карточку, которую мнѣ удалось сберечь до сихъ поръ, несмотря на обиды и клеветы, которымъ пришлось подвергаться.

²⁾ Какъ вѣроятно, Н. Н. Колодкевичъ былъ въ 1889 году приговоренъ по дѣлу 20 варшавскихъ къ поимѣнию. Эта кара была ему замѣнена вѣчной каторгой. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ въ Алексѣевскомъ равнинѣ Петропавловской крѣпости.

путала меня къ студенческой исторіи и арестовала совершенно зря. Жандармерія хорошо извѣстно, что я не студентъ, а доказать свою непричастность къ мартовскимъ волненіямъ я, конечно, очень легко сумѣю. Надо подождать до утра, утромъ вызвать кого-нибудь изъ власть имущихъ и разъяснить дѣло. На томъ я и успокоился.

Между тѣмъ на гауптвахтѣ давно уже замѣчалось какое-то странное и все возрастающее движеніе. По корридолу то и дѣло ходили, слышенъ былъ лязгъ ключей, звонъ отпираемыхъ и запираемыхъ замковъ, скрежетъ дверныхъ засововъ. Стали доноситься чьи-то голоса, громкій смѣхъ, привѣтственные возгласы. Вотъ остановились у моей двери, отперли ее, и ко мнѣ влетѣлъ какой-то рослый юноша, за которымъ дверь тотчасъ же закрылась. Нѣсколько мгновений мы недоумѣвающе смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, я прервалъ молчаніе.

— Арестованы и вы?

— Арестованъ...

— Ваша фамилія?

— Гольденбергъ. А ваша?

Я назвалъ себя. Это былъ Гольденбергъ младшій. И онъ не былъ студентомъ. За «дурное поведеніе» его изгнали изъ какой-то кievской гимназіи, и онъ подготавливалъ къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Къ студенческимъ волненіямъ причастенъ не былъ и основаній своего ареста уяснить себѣ не могъ. — «Должно быть изъ-за брата. Братъ вотъ уже сколько времени сидитъ по дѣлу Котляревскаго¹⁾, а теперь арестовали и меня». Арестъ, впрочемъ, нисколько не смущалъ юношу; напротивъ того, онъ какъ бы гордился имъ и чувствовалъ себя героемъ.

А по корридолу все продолжали ходить и ходить. Заскрипѣла сосѣдняя дверь, и камера рядомъ съ нами сразу получила нѣсколько жильцовъ. Отдѣляющая стѣнка не была особенно массивна, и мы совершенно явственно услышали говоръ заключенныхъ. Гольденбергъ постучалъ въ стѣнку и спросилъ, кто сидитъ. Оказалось студенты братья Львовы и еще кто-то. Еще разъ подошли къ нашей двери и присоединили къ намъ студента первокурсника Муразаана. Какъ и Гольденберга, Муразаана я видѣлъ первый разъ въ жизни. Взяли его прямо съ постели, и онъ, поговоривъ немного съ нами, завернулся въ пальто и улегся спать на единственной въ нашей камерѣ кровати. Мы съ Гольденбергомъ не спали всю ночь. Къ утру гауптвахта была биткомъ набита заключенными и гудѣла, какъ взбодораженный пчелиный улей.

Въ урочный часъ произошла смѣна караула, и новый начальникъ нашей стражи, довольно пожилой армянинъ, обходилъ всѣ камеры. Муразаанъ, тоже армянинъ, выпалилъ по его адресу нѣсколько прѣуморительныхъ армянскихъ шутокъ. Офицеръ не остался въ долгу,

¹⁾ Гольденбергъ въ началѣ 1878 г. былъ арестованъ въ Кіевѣ по дѣлу о покушеніи на Котляревскаго, по обвиненію было совершенно ошибочно.

и оба весело хохотали. Я заявил, что прошу вызвать кого-либо из подлежащих начальников, так как считаю свое задержание недоразумением, которое желал бы выяснить. Офицер обещал передать кому следует мое заявление.

Спустя некоторое время начальник караула приказал открыть все камеры, предложил нам самим разбиться как удобно и подобрать себе подходящих компаньонов. Мы вышли в корридор, и тут я мог переснайтись со всеми моими товарищами по заключению. Из моих старых друзей-знакомых тут были: И. П. Ювенальев, мой одноклассник, кандидат университета, оставленный для подготовки к профессуре по кафедре физики, медики Лопатин и Фибровский, юристы Пугинок и Когутов. Остальные были все студенты молодежи, с которыми до этого мне не приходилось встречаться. Все принимали активное участие в мартовских волнениях, к которым причастны были и названные выше мои университетские товарищи. Все арестованы были в истекшую ночь внезапно и без объяснения причин, и отчасти поэтому все отнеслись к аресту легко, признавая его как бы придуманной Гейкингом шуткой, которая не может долго продолжаться и не будет иметь никаких особенных последствий. Только опытный и видавший виды Пугинок был иного мнения и относился к нашему положению пессимистичнее. Но заключения его все признавали совершенно неправдоподобными. Пугинок полагал, что нам грозит высылка в отдаленные губернии.

Я перешел в камеру Пугинюка. Кстати, он был выбран нашим старостой и просил меня кой-вы чем ему помочь.

Всего заключенных в маленький гауптвахт № 7 было, сколько помнится, человек до тридцати. Но говорили, что часть арестованных содержится в других арестных помешениях. Кое кого, кто несомненно был задержан, на гауптвахт не было. Обед нам доставили из города. Кто и как—мы не знали, но догадывались, что он был прислан друзьями.

После полудня мне доставили от жены небольшой чемодан с одеждой и вещами первой необходимости—со мною ничего ведь не было. Количество и подбор присланного несколько меня удивили. Я находил, что всего было слишком много, а кое что и вовсе ненужное. Неужели жена предполагает, что заключение мое продлится? Но ведь это вовсе невяроятно! При вещах был их перечень, писанный рукою жены, но иной какой-либо записки не было.

Еще новость! Пришел полицейский чиновник опрашивать, не нужно ли кому из нас казенных полушубков?..

Зачем нам полушубки? Ведь уже и в лютнем пальто ходить жарко!..

— Так то оно так,—возразил загадочно улыбаясь чиновник,—в Киев жарко, да может вы окажетесь где-нибудь в другой местности, так там полушубок-то и пригодится.

— Что-ж нас ссылают куда нибудь что ли?

— Мне ничего неизвестно, а только приказано предложить полушубки, я вот и предлагаю.—Но столкнуться с нами ему не удалось и, махнув рукой, он сказал, что выпишет всем по полушубку, а там, кому надо будет, тот возьмет, а кому не надо—не возьмет.

Вскоре после этого начальник караула попросил нас «зайти» в камеры и запер. Ожидалось какое-то начало. Вне камеры остался только староста Пугинок. У меня мелькнула мысль, не по моему ли это утреннему заявлению кто-нибудь пожаловал, и я стал обдумывать надлежащее объяснение. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, послышались шаги, залязгали ключи, отперлась дверь, и на пороге появился добродушный армянинь офицер, любезно объявивший, что начальство уже ушло, и теперь опять можно гулять по корридору... Пугинок сообщил мне, что это приехал Гейкинг. Он побывал у всех заключенных, никому ничего определенного и ясного не сказал, отделившись от настоящих категорических вопросов обычными пошлыми шутками, и удалился. Моя камера находилась на конц корридора последнюю, Гейкинг спросил: «а там кто?», ему ответили, и он ко мне не пошел.

Этот маневр убийдил меня, наконец, что в арест моем никакого недоразумения или ошибки не кроется. Но тогда в чем же дело? Что значить вся эта трагикомедия, зачем и кому она понадобилась? Удовлетворительного ответа на эти вопросы я подсказать не мог.

Между тем развязка приближалась. К вечеру явились новые полицейские чины со списками половины заключенных и предложили им уложиться, объявив, что «завтра» они оставят гауптвахту. На все вопросы, что и почему, переводят ли поименованных в список в другую тюрьму, высылают ли или предполагают освободить, чины отговаривались стереотипным ничем неизвестным и ссылались на приказанья.

Весьма, наконец, стало ясно, что дело принимает какой-то неожиданный оборот и что, пожалуй, Пугинок прав быть, проща ссылку. Перспектива ссылки однако-ж никого не смущала и не огорчила. Напротив того, гауптвахта, казалось, еще повеселела. Отовсюду слышались шутки и остроты по адресу Гейкинга и полиции. Большинство относилось к предстоящему подневольному путешествию, как к некоторой увеселительной экспедиции. Все, за исключением Пугинюка, были уврены, что ссылка долго не продлится. Ну—недли дв-три не болле. Да иначе ведь и быть не может! За что же, в самом деле, карать суровее? Были волнения—что ж тут особенного? Не проходит года, чтобы студенчество не поволновалось хоть немного. На то и молодость, чтобы живье, интенсивнее реагировать на факты окружающей действительности. Притом же волнения вызваны были вполне и всеми признанною несправедливостью. Правда—на сторон студен-

чества, и оно руководилось чистыми, морально прекрасными побуждениями. Такъ разсуждала почти вся гауптвахта. Тщетно Путинокъ и нѣкоторые другіе совѣтовали подготовиться къ худшему, ссылаясь на исконныя свойства режима, тупаго, холоднаго, безжалостнаго, бездушнаго, тщетно приводили недавніе, всѣмъ извѣстные примѣры,—никто почти не придавалъ должнаго значенія подобнымъ доводамъ. Иные полагали даже, что Путинокъ намѣренно злоупотребляетъ мрачными красками, чтобъ вызвать раздраженіе, внушить къ режиму ненависть и отвращеніе.

Изъ старыхъ моихъ товарищей въ объявленный полицейскій списокъ попали Ювенальевъ и Когутевъ. Укладка не заняла времени, такъ какъ вещей у всѣхъ было немного.

Начальникъ караула предложилъ намъ совместную прогулку на «воздухъ». Отъ плаца, на окраинѣ котораго стояла гауптвахта, она отбѣлялась галлереей вродѣ навѣса, поддерживаемаго со стороны плаца колоннами со сводами. Галлерея эта и была отведена намъ для прогулки и для свиданій; за колонною развѣшана была цѣпа часовыхъ, а потомъ протнута веревка, за которою стояли лица, пришедшія на свиданіе. Къ Путиноку пришла его жена, а къ Гольденбергу—его родители и двѣ сестры, молоденькія хорошенькія дѣвушки; впоследствии, сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ сосланъ въ Западную Сибирь. Старикъ Гольденбергъ плакалъ, глядя на сына, что сконфузило юношу, и онъ былъ свиданіемъ недоволенъ¹⁾. Ко мнѣ никто не пришелъ.

Вечеръ мы провели за общимъ чаемъ, для котораго группировались, по мѣрѣ возможности, то въ той, то въ другой камерѣ. Говорили, раздумывали, о предстоящемъ путешествіи, въ которомъ уже перестали сомнѣваться — женѣ Путинока сообщили по этому поводу совершенно опредѣленные свѣдѣнія—и изоцарились въ предположеніяхъ о томъ, что насъ ожидаетъ. Молодежь думала, что будетъ разослана домой къ родителямъ. Жена Путинока сообщила также, что нѣсколько предназначенныхъ къ высылкѣ человекъ си-

дять въ другихъ мѣстахъ заключенія и, что вслѣдъ за нами ожидается еще массовая высылка.

Главнымъ событіемъ слѣдующаго дня былъ отбѣздъ товарищей. Съ утра явились полицейскіе по одному на каждое изъ узювизныхъ и потомъ потребное количество извозчиковъ. Когда сборы были окончены и всѣ формальности выполнены, товарищи, сердечно съ нами простившись, размѣстились на извозникахъ, при чемъ рядомъ съ каждымъ усялся конвоиръ полицейскій. По данному начальникомъ короткаго сигналу извозчики тронулись, но направились, къ нашему удивленію, не черезъ плацъ въ сторону желѣзнодорожнаго вокзала, а въ прямо противоположную, и скоро отбѣжавше, провозжаемые съ галлереи нашими прощальными криками, скрылись за ближайшимъ выступомъ крѣпостного бруствера.

Отправлявшій товарищей чиновникъ объявилъ намъ, оставшимся, что на завтра наша очередь и просить подготовиться. Мы въ сущности были уже готовы.

Послѣ увоза товарищей гауптвахта казалась опустѣвшею, а оставшіеся заключенные сдѣлались сосредоточеннѣе. Разъ что выѣздъ былъ неизбѣженъ — всѣмъ хотѣлось, чтобъ онъ состоялся скорѣе. Разговоры какъ-то не клеились, и всѣ больше сидѣли по камерамъ, хотя онъ оставались открытыми. Послѣ полудня опять предложена была прогулка и свиданія. Къ Путиноку снова пришла жена, а къ Гольденбергу—родители и сестры. Путинокъ сообщила, что товарищей увезли по Курской дорогѣ и отправили не съ вокзала, а съ товарной станціи, расположенной ближе къ желѣзнодорожному днѣпровскому мосту въ районъ крѣпости. Вслѣдствіе этого проводы удались не вполне. Провожавшие разбѣлись на двѣ группы: одна дежурила у вокзала, а другая—на товарной станціи. Старикъ-Гольденбергъ сообщилъ сыну, что подаль генераль-губернатору Черткову прошеніе о смягченіи участи и невысылкѣ сына изъ Киева. Юноша былъ въ отчаяніи и рѣзко порицалъ предпринятую родителемъ мѣру. Ко мнѣ опять никто не пришелъ... Наканунъ я черезъ посредство Путиноку послалъ женѣ записку съ извѣщеніемъ, гдѣ я, что со мною случилось и просилъ повидаться. Сегодня Путинокъ сообщила, что записка передана по адресу. И все-таки жена на свиданіе не явилась!...

Настало, наконецъ, 1-ое апрѣля 1878 года. Утромъ на гауптвахту прибылъ нарядъ полицейскихъ и достаточное количество извозчиковъ дрожжекъ. Начальникъ наряда вызвалъ насъ поименно, а Гольденбергу объявилъ, что, вслѣдствіе ходатайства отца, онъ пока останется на гауптвахтѣ. Бѣдный юноша плакалъ отъ горя и досады.

Мы размѣстились на дрожкахъ по той же системѣ, какъ первая наша партія, и тою же дорогою черезъ крѣпость поѣхали на товарную станцію. Тутъ намъ нужно было подождать курскаго поѣзда, который долженъ былъ придти отъ главнаго пассажирскаго вокзала. На перронѣ станціи мы застали толпу провожающихъ численностью человекъ свыше ста. Нѣсколько въ сторонѣ стояла

¹⁾ Вся семья Гольденберговъ, не исключая и стариковъ, подверглась сильнымъ преслѣдованіямъ со стороны правительства. Къстати, нѣсколько словъ объ этомъ преслѣдованіи, которое повлекло за собою такіе колоссальныя послѣдствія. Вопросъ о немъ исторически далеко еще, къ сожалѣнію, не выясненъ. Явно мнѣ съ террористовъ Гольденберговъ никогда не приходило сталкиваться, и ко много о немъ слышать отъ общихъ знакомыхъ и, на основаніи всѣхъ разсказовъ, заключаю, что по своей натурѣ Гольденбергъ предателемъ не былъ. Былъ онъ человекомъ неважнаго ума, не твердыхъ нравовъ, мало развитымъ интеллектуально, нервнымъ, слезливымъ къ своему дому, но въ сущности своимъ искреннимъ и честнымъ. Продолжительное одиночное заключеніе расшатало его первую систему, возможно, что его и подманивали, и онъ совершенно добровольно поддавался на жандармскую уловку. Подлата счастья не то что появлялись въ бѣду товарищей, членовъ партіи, а всю Россію, онъ и далъ свои роковыя показанія. Онъ такъ былъ уверенъ, что дѣлать нѣчто великое и прекрасное, что однажды, когда мимо его она, проводилъ которую въ отравлявшихся на лагаторъ, онъ крикнулъ: «не умирай скоро и тебя, и всѣхъ основателей и дѣлателей правительства» переговоры относительно конституціи²⁾. Когда онъ уяснилъ себѣ, наконецъ, истинное значеніе того, что онъ дѣлалъ, онъ въ отчаяніи кончилъ съ собой.

моя жена, одѣтая по-дорожному съ вещами. Около жены стоялъ околочный. Рядомъ стояли тоже съ вещами Пугинюкъ и Когута, но при нихъ полицейскихъ не было.

На станціи насъ ожидала конвойная команда изъ солдатъ съ ружьями, предводительствуемая околочнымъ. Солдаты и полицейскіе окружили насъ и взялись за руки, чтобъ не допустить проважавшихъ. Но послѣдніе мигомъ разорвали эту слабую цѣпь и смѣшались съ нами. Начальникъ конвоя попробовалъ было протестовать, но настроеніе публики было таково, что онъ поспѣшилъ ступаться.

Проводы отличались восторженно сердечнымъ характеромъ. Состоявшая преимущественно изъ молодежи обоего пола толпа жала намъ руки, обнимала, цѣловала, высказывали наилучшія пожеланія и прежде всего пожеланія скорѣйшаго возвращенія... Просили подробно обо всемъ писать, все сообщать... предлагали посильную матеріальную помощь и сейчасъ, и въ будущемъ... На меня проводы эти произвели неизгладимое впечатлѣніе. Подобные моменты рѣдко бывають въ жизни, ихъ трудно описывать, но ихъ не забудешь до гробовой доски...

Если бы мы выразили желаніе, толпа по первому слову увела бы насъ назадъ, въ городъ. И вообще бѣжать со станціи и скрыться не представляло никакихъ затрудненій. Но никому изъ насъ и въ голову не приходило что-нибудь подобное.

Къ станціи подлѣлъ курскій поѣздъ. Съ нимъ пріѣхали тѣ, кто дежурилъ на пассажирскомъ вокзалѣ...

Наконецъ, начальникъ конвоя началъ умолять насъ поскорѣе садиться въ вагонъ, такъ какъ мы задерживаемъ отправку и губимъ его. Еще нѣсколько, крѣпкихъ, сердечныхъ рукопожатій, объятій, поцѣлуевъ, и мы очутились въ вагонѣ, куда вещи наши давно уже перенесены были полицейскими.

На перронѣ раздалась чудная прощальная малороссійская пѣсня, и подъ звуки этой пѣсни мы тронулись въ путь.

Въ вагонѣ жена рассказала мнѣ, что, между тѣмъ, происходило съ нею. Напрасно всю ночь продавъ моего возвращенія изъ участка, она утромъ отправилась къ профессору А. А. Козлову, который жилъ почти, что рядомъ, и съ которыми у насъ были самыя дружескія отношенія. Козловъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же вмѣстѣ съ женою отправился въ участокъ наводить справки. Въ участкѣ пристава не скрылъ истины, сказалъ, что я, по распоряженію жандармскаго управленія, арестованъ и сижу въ крѣпости. Въ то же время онъ освѣдомился, почему именно «сударыня» интересуется мною—родственникъ я ей что-ли?

— Это же мой мужъ.

— Мужъ? Да развѣ онъ женатъ? У насъ онъ значится холостымъ. Можете вы удостовѣрить, что вы за нимъ замужемъ?

Разсчитывая просить свиданія, жена, по совѣту Козлова, захватила съ собою подлежащій документъ и показала его приставу.

— Какъ! Вы бывшая госпожа Цимбалистова (дѣвичья фамилія

жены), а мы-то васъ, сударыня, по всей Россіи ищемъ! Писали въ Петербургъ—оттуда: «отмѣчена въ Кіевѣ»; искали здѣсь—нѣтъ васъ да и только! Какъ въ воду канули! А вы замужъ изволили выйти и фамилію переимѣнить.—Относительно свиданія пристава рекомендовалъ обратиться къ коменданту крѣпости, куда жена немедленно и отправилась вмѣстѣ съ Козловымъ. Комендантъ объявилъ, что, помимо сношенія съ жандармскимъ управленіемъ, онъ разрѣшить свиданія не можетъ, но что сейчасъ же пошлетъ по этому поводу запросъ, и просилъ зайти еще.

Между тѣмъ пристава донесъ жандармскому управленію, что Цимбалистова, наконецъ, разыскана. Оттуда послѣдовало распоряженіе: арестовать и выслать вмѣстѣ съ мужемъ. Надлежащее сообщеніе дано было и коменданту крѣпости. Когда жена явилась къ нему вторично, онъ сказалъ, что «къ сожалѣнію» разрѣшить свиданія не можетъ, но «сударыня» пусть не беспокоится, такъ какъ на основаніи самыхъ положительныхъ данныхъ онъ можетъ ее увѣрить, что разлука съ мужемъ будетъ непродолжительна, и что она скоро мужа увидитъ.

Вернувшись къ себѣ домой, жена застала полицейскаго, объявившаго, что она подвергнута домашнему аресту и затѣмъ вмѣстѣ съ мною будетъ выслана изъ Кіева. Домашній арестъ состоялъ въ томъ, что къ женѣ приставили передѣлѣтаго въ штатское городоваго, который дома сидѣлъ на кухнѣ, а на улицѣ ходилъ по противоположному тротуару. Утромъ 1-го апрѣля явился околочный и доставилъ жену на товарную станцію.

Что все это значило? Неужели и я, и жена подвергаемся административной ссылкѣ только изъ-за предприимчивости какого-то вора становаго пристава! Это казалось возмутительно невѣроятнымъ, и я рѣшилъ всѣми способами добиваться истины и справедливости.

Поѣздъ прошелъ между тѣмъ желѣзнодорожную мостъ, и я высунулся въ окошко, чтобъ взглянуть на Кіевъ. День былъ яркій, солнечный, теплый; сирень—въ полномъ цвѣту. Кіевъ представлялся во всей своей красѣ и казался засыпаннымъ нѣжно лиловыми и бѣлыми букетами...

Ад. Баловесній.

Въ Шлиссельбургской крѣпости ¹⁾.

Расцвѣтъ хозяйственной дѣятельности.

Политика внутренняя и внѣшняя.

I.

Переходя къ организации мастерскихъ, я вынужденъ снова вернуться назадъ. До какой степени въ первые годы были не ко двору у насъ какой бы то ни было ручной трудъ, можно видѣть изъ одного забавнаго случая, который я расскажу сейчасъ.

Это было болѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ моего водворенія здѣсь. Во время ванны, какъ я говорилъ ранѣе, камера обыскивалась, обыскивалась и только что снятая верхняя одежда самымъ тщательнымъ образомъ (хотя въ ней никакихъ кармановъ не полагалось). Обыскъ производился не менѣе, какъ двумя унтерами, при чемъ второй, очевидно, контролировалъ перваго. Если одежда требовала ремонта, ее тутъ же чинили, конечно, крайне примитивнымъ образомъ. Все это дѣлалось на глазахъ у мывшагося, такъ какъ ванна помѣщалась тогда въ дежурной комнатѣ.

Случилось какъ-то, что послѣ такой операции съ моимъ костюмомъ жандармы обнаружили у себя пропажу иголки. Вѣроятно, обыскавши всю свою комнату, они убѣдились, что иглолка не иначе, какъ осталась воткнутой въ одежду. Примѣрно черезъ $\frac{1}{2}$ часа послѣ того, какъ я вымылся, ко мнѣ въ камеру пришелъ упомянутый выше «Классикъ» съ жандармами и усердно просилъ поискать у себя, нѣтъ ли иголки, и затѣмъ возвратитъ ему. Я недоумѣваю, почему эта тревога, и что за бѣда, если бы она и совсѣмъ у меня осталась?

Классикъ отвѣчаетъ: «Что вы? Вѣдь это инструментъ!» И въ тонѣ его обнаружилась такая растерянность, точно онъ подлежалъ уголовному суду за тайную передачу арестанту какого-нибудь смертнаго орудія. Не найдя у меня ничего, они пошли къ Лукашевичу, который мылся ранѣе меня, и были чрезвычайно довольны,

отыскавши у него свою пропажу. Съ радости, или въ награду, «Классикъ» послѣ этого цѣлую недѣлю пускалъ насъ гулять вдвоемъ и притомъ по двѣ смѣны.

Понятно, поэтому, что дѣло о мастерскихъ туго подвиглось впередъ, хотя въ инструкцію давно внесено было разрѣшеніе заниматься работами. Вопросъ о нихъ поднимался постоянно, но особенно часто напоминали объ этомъ высокимъ посѣтителемъ наши рабочіе, привыкшіе къ ручному труду и скучавшіе безъ него больше, чѣмъ мы. Я же лично относился тогда къ физическимъ работамъ очень равнодушно. Я не цѣнилъ ихъ даже, какъ моціонъ, потому что съ первыхъ же мѣсяцевъ заключенія началъ заниматься гимнастикой и проводилъ каждое утро не менѣе $\frac{1}{2}$ часа въ различныхъ акробатическихъ упражненіяхъ.

Вставши утромъ, я обмызалъ водой, которой тамъ всегда было большое изобиліе, верхнюю часть туловища (и зимой и лѣтомъ). Конечно, при этомъ я страшно брызгался и потому принужденъ былъ потомъ вытирать полъ насухо. Это—фигура первая. Затѣмъ, все еще безъ рубашки, начинались попытки стать на руки голою внизъ, ногами къ небу — это фигура вторая, и т. д. Для дежурнаго, который неизмѣнно заглядывалъ въ стеклышко, должно быть это было занятное зрѣлище; оконную форточку при этомъ я держалъ открытой и зимой (наловчившись самъ лазить на окно и открывать ее), и, такимъ образомъ, приобрѣлъ сравнительную нечувствительность къ холоду. Со временемъ я сталъ хлопотать объ устройствѣ душа въ пустой свободной камерѣ; и онъ, дѣйствительно, былъ устроенъ (съ сильнымъ напоромъ воды), а затѣмъ туда же перенесли и ванну, такъ что мыться уже стали безъ сожалѣтаевъ. Подъ душъ я ходилъ регулярно каждый день, кажется, лѣтъ 12 и разстался съ нимъ не безъ сожалѣнія.

II.

Какъ я уже сказалъ, къ ремесламъ я былъ равнодушенъ. И когда дѣло разрѣшенія ихъ стояло уже на мази, и Федоровъ спросилъ меня однажды, какимъ именно ремесломъ я думаю заняться, я былъ въ большомъ затрудненіи.

— Башмачнымъ,—сказалъ я, наконецъ, думая, что это—самое легкое изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, и, значитъ, самое доступное. Притомъ, у сапожника мнѣ, какъ и всякому, приходилось бывать нѣрѣдко, а другихъ мастерскихъ я даже не видывалъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста.

Сначала открыли одну только столярную (кажется въ 90 г.) и представили ее Варыинскому, какъ человѣку, уже сильно страдавшему одышкой, для моціона. Онъ сдѣлалъ недурной сапожникъ столикъ, и когда кончилъ его, я приглашенъ былъ въ мастерскую въ «сарай»—двигать башмачное дѣло. Мнѣ дали колодку, кожу и инструменты и предложили сдѣлать башмаки для Лукашевича, такъ

¹⁾ См. «Бѣлое» кн. 4, 6 и 7.

какъ для его феноменальной ноги казенная обувь была тѣсна, и ему дѣлали ее на заказъ.

Не мало тутъ пришлось мнѣ поломать голову, чтобы собрать, какъ прикрѣпляется подошва. Можетъ быть, я и не рѣшилъ бы этой задачи, если бы не догадался спросить старые башмаки и распороть ихъ; вся премудрость обнаружилась съдѣс воочью. Но и сверхъ того, оставались еще многія детали, которая казались мнѣ неразрѣшимыми. Къ счастью, въ это время сидѣлъ рядомъ со мной П. Л. Антоновъ,—на всѣ руки мастеръ. Я возвращался домой и стукомъ передавалъ ему всѣ мои недоумѣнія и затрудненія, которая онъ тѣмъ же путемъ терпѣливо и разъяснял мнѣ, вѣроятно, не мало дивясь моей наивности.

Какъ бы тамъ ни было, но, примѣрно черезъ мѣсяцъ, пара башмаковъ была готова. Я утѣшалъ себя тогда тѣмъ, что первый русскій корабль въ Воронежѣ строился еще долѣе. Описывая всю тогдашнюю волокуту, Соловьевъ въ утѣшеніе читателя говоритъ: «какъ ни долго строили, а все-таки выстроили!» Выстроилъ и я свои башмаки. Впоследствии я слыхалъ, что, когда въ 70-хъ годахъ заводились артельные мастерскія людямъ, искавшимъ единенія съ народомъ, то у нихъ башмакодѣланіе шло не съ большой быстротой, чѣмъ у меня, предоставленнаго исключительно собственнымъ силамъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, при окончаніи рабочего времени (передъ чаемъ), когда за мной приходилъ вахмистръ, онъ кое-что указывалъ мнѣ. Но самъ онъ, кажется, не умѣлъ шить, а судилъ, какъ всякій солдатъ, постоянно выдавшій сапожную работу.

Таково было начало. Это же было началомъ и легализованныхъ разговоровъ съ унтерами, при чемъ вначалъ слово было предоставлено исключительно одному вахмистру.

III.

Послѣ этого подвига мнѣ предложено было зарекомендовать себя въ столярной такимъ же успѣхомъ. Варынский, должно быть, утомился, еще болѣе расхворался и не ходилъ уже въ мастерскую. На его мѣсто привели меня въ столярную, точно также послѣ обѣда, заперли и ушли. Смотрю я тутъ на разные инструменты, удивляюсь премудрости человѣческаго гения, изобрѣвшаго такіа остроумныя шунки, о назначеніи коихъ я никогда бы не догадался, хоть 100 лѣтъ просиди тамъ. Помню, особенно рейсмасъ поразилъ меня своимъ хитроуміемъ, и я мысленно порѣшилъ, что это, навѣрное, машинная работа, потому что такъ тонко не въ силахъ оборудовать его человѣческая рука.

Запирая дверь, мнѣ сказали, что нужно выстругать доску (около 2 арш. длиной). Я хвораю принялся за работу, усердно старался, еще усерднѣе утиралъ потъ, перебралъ всѣ инструменты, о которыхъ я могъ догадываться, что ими строгаютъ, и, увы, доски этой за 3 часа я все же не успѣлъ выстругать! Не знаю, сколько по-

томъ понадобилось мнѣ дней, (одинъ, два или три), пока я не догадался о причинѣ моей неудачи. Ларчикъ просто открывался: оказалось, что всѣ инструменты были безподобно тупы. Я гордился такимъ открытіемъ, потому что оно было продуктомъ исключительно единоличнаго моего разума. Но доискаться причины и удалить ее—далеко не одно и то же. Долго и много я точилъ, такъ долго, какъ это можно дѣлать только тамъ, гдѣ я сидѣлъ, и гдѣ спѣшить было рѣшительно некуда. Но все-таки я не сумѣлъ наточить! Не обошлось и здѣсь безъ помощи стука и разъясненій Антонова. Таково было второе начало.

Послѣ этого не прошло и двухъ лѣтъ, какъ я самъ уже могъ сдѣлать точно такой же рейсмасъ, который такъ удивилъ меня въ первый день тонкостью своей работы. А теперь, когда мои коллекціи и др. издѣлія разошлись довольно широко, не мнѣ уже говорить о результатахъ, къ которымъ привело это далеко не блестящее начало.

Долгое время дѣйствовали только эти двѣ мастерскіихъ. Были ли у жандармовъ недостатки въ средствахъ, чтобы завести ихъ разомъ нѣсколько штукъ, или, вѣрнѣе, всюду разлитая боязнь разрѣшать сразу какое бы то ни было нововведеніе, но только новыхъ мастерскихъ пока не открывали, а въ этихъ работали поочередно, при чемъ администрація допускала туда не всѣхъ одинаково охотно. Даже значительно позже, когда мы уже всѣ пользовались этой «льготой», Антонову еще не разрѣшали ее и держали его на особомъ положеніи. Между тѣмъ его «поведеніе», которое служило условіемъ получения льготы, ничѣмъ не отличалось отъ поведенія всѣхъ остальныхъ.

IV.

Когда и при какихъ условіяхъ была организована переплетная мастерская, я рѣшительно не помню. Не помню я также начала и расцвѣта ажурныхъ работъ, которая предшествовали всѣмъ другимъ, и которыми одно время, за неимѣніемъ ничего лучшаго, многіе увлекались, особенно дамы. Мануcharовъ, В. Ивановъ и Похионовъ были специалистами этого дѣла и создали много изящныхъ вещей, которая разошлись по рукамъ жандармовъ и департаментскихъ чиновниковъ. Но самъ я ажурными не занимался.

Точно также почему-то очень долго сторонился я и отъ переплетной работы. Мнѣ казалось, что она предназначена исключительно для больныхъ и слабосильныхъ, а здоровому человѣку не даетъ никакого упражненія. По единообразію же примѣновъ она представлялась мнѣ очень скучной, неспособной дать пищи творческому воображенію. И первый починъ въ переплетномъ дѣлѣ я сдѣлалъ только тогда, когда оно стало обязанностью для всѣхъ. Эту науку я началъ уже въ «сараѣ», подъ руководствомъ одновременно Вѣры Николаевны и М. Ф. Фроленко. Мы съ Фроленко расположились со всѣмъ переплетнымъ багажомъ на корридорѣ, возлѣ

двери столярной мастерской Вѣры Николаевны. Форточка въ ея двери была открыта, и мы поминутно передавали въ нее другъ другу книги и матеріалы. Прессы у насъ были на корридорѣ, и всякую деталь работы, не требующую зажатія, Вѣра Николаевна исполняла сама, а зажимать подавала намъ. Ученикомъ я оказался понятливѣе, судя по тому, что переплетя вмѣстѣ съ ними партію книгъ, я въ слѣдующій разъ приступилъ къ работѣ уже одинъ.

Токарная была открыта года черезъ 2 или 3 послѣ начала работъ. Помню, какъ Гангартъ во время какого-то обычного интервью по поводу нашихъ ремесленныхъ нуждъ впервые предупредилъ меня, что онъ скоро дастъ намъ токарный станокъ. Я сказалъ, что не имѣю ни малѣйшаго представленія объ этой работѣ, и сомнѣваюсь, буду ли въ состояніи оказывать въ ней какіе-нибудь успѣхи. Онъ отвѣтилъ, что это очень просто и даже рассказывалъ, какъ это дѣлается. Отъ этого мои представленія очень мало прояснились.

Когда же станокъ былъ оборудованъ, кажется, при помощи Антонова (старенькій и первобытный устройства), я пришелъ какъ-то къ нему впервые посмотри́тъ, что это за штука. Въ это время намъ уже разрѣшено было работать вдвоемъ и притомъ ходить въ мастерскую по собственному выбору къ тому или другому товарищу. Хотя въ дѣтствѣ я обнаруживалъ нѣкоторый интересъ къ ручному труду и, въ частности, къ сложнымъ механизмамъ, но не выдвигалъ почти ни одного изъ нихъ (кромѣ мельницы), и передъ машиной испытывалъ какую-то странную робость, точно это орудіе превосходитъ всякое мое разуміе. Такъ и токарный станокъ казался мнѣ машиной. Уже одно то, что эта штука постоянно вертится, и вертится какъ бы автоматически (ножное движеніе почти незамѣтно) приводило меня въ немалое смущеніе.

Антоновъ въ 5 минутъ рассказалъ мнѣ всѣ главные приемы работы и затѣмъ предоставилъ меня всецѣло самому себѣ. Это было четвертое начало, при обстоятельствахъ столь же благоприятныхъ для начинающаго, какъ и въ переплетной работѣ.

V.

Но это было значительно позднѣе. Прошло уже добрыхъ 2 года съ тѣхъ поръ, какъ устроены были столярная и сапожная, и какъ мы дѣлали въ нихъ въ одиночку свои первые мудреные опыты.

Корень ученія горекъ, должно быть всякаго ученія. У насъ же притомъ были всѣ данныя, чтобы обострить эту горечь. Трудно теперь представить всю массу неблагоприятныхъ условий, которая приходилось тогда преодолевать, чтобы сдѣлать хоть какіе-нибудь успѣхи. Едва ли гдѣ-нибудь и когда-нибудь дѣлались опыты обученія ремеслу въ условіяхъ аналогичныхъ нашимъ. Въ тюрьмахъ, какъ общее правило, научаютъ ремеслу. Но каждый новичекъ учится тамъ у какого-нибудь другого мастера, будетъ ли это товарищъ по

несчастью, надзиратель, или специально приставленный руководитель. Быть можетъ, наша администрація, разрѣшая намъ мастерскія, нарочно оставила ихъ въ тѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы жили, въ расчетѣ, что побалуется люди, да и перестанутъ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать что-нибудь путное, не выдавши ни разу въ жизни ни верстака, ни коловорота? Возможно ли что-нибудь задумать и осуществить въ пустой камерѣ, гдѣ брошены были точно на смѣхъ 2—3 обрубка дерева и нѣскольکو негодныхъ старыхъ досокъ?

Но нашему упорству не было границъ. Къ мастерскимъ мы не только не охладѣли, но скоро же воспользовались ими, какъ тараномъ, чтобы проламывать новыя бреши въ суровомъ режимѣ, недавно казавшемся нерушимымъ. Всякій вѣдъ режимъ разрушается жизнью, и разрушается тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше онъ не соответствуетъ требованіямъ жизни. Внеси во всякую китайщину новыя условія и новыя потребности, и старыя нормы тотчасъ заколеблются. Въ нашей жизни строго была проведена одна норма, бывшая устоѣмъ ея,—полное изолированіе насъ другъ отъ друга. Въ видѣ исключенія, которое соблюдалось неукоснительно, мы могли видѣться съ товарищами только на дворѣ, точно предполагалось, что два опасныхъ человѣка, сойдясь вмѣстѣ, образуютъ такую разрушительную силу, которую нельзя спускать съ глазъ, и предъ которой цѣлый десятокъ жандармовъ долженъ быть постоянно настрожѣн. А потому, ни свиданіе другъ съ другомъ въ камерахъ, ни передача другъ другу записокъ, рукописей и проч., ни, тѣмъ болѣе, встрѣчи разомъ втроемъ ни коимъ образомъ не были терпимы въ нашемъ пенитенціарномъ царствѣ.

Въ частности, свиданія въ жилыхъ камерахъ считались безусловно недозволительными. И на этотъ счетъ въ самой послѣдней инструкціи, созданной уже во время наибольшаго у насъ свободъ, былъ введенъ нелѣпѣйшій §. Въ немъ говорилось, что свиданіе въ спальнѣ можетъ состояться не иначе, какъ въ присутствіи смотрителя, и о каждомъ такомъ свиданіи, равно какъ о причинахъ оного, должно быть доводимо немедленно до свѣдѣнія департамента полиціи. Понятно, что такое правило или обходилось, или совсѣмъ не соблюдалось.

VI.

Разрѣшеніе мастерскихъ вскорѣ же выдвинуло на сцену всѣ дальнѣйшія разрѣшенія. Практика имѣетъ свою логику. Если вамъ разрѣшили, скажемъ, сѣять рѣпу, и при этомъ не прибавили, что вы можете для этого пользоваться почвой, то вы даже отъ жандармовъ можете вытребовать себѣ послѣднюю, руководясь даннымъ вамъ правомъ. Точно также и въ ремеслѣ. Когда оборудовано было 8 или 9 столярныхъ, и во всѣхъ нихъ работали, трудно было удержать ихъ въ той же изоляціи другъ отъ друга, въ какой держали жильцовъ совершенно пустыхъ камеръ.

Самый набор инструментов требовал постоянных сношений. Более редкие и дорогие из них находились всего в одном или двух экземплярах, и потому, в случае надобности, неизбежно приходилось посылать за ними дежурных к соседу. Дежурные, вообще незнакомые со столярным делом, были плохими передатчиками таких поручений и постоянно путали. Зенковка, коловорот, шпунтубель, цикубель, галтели, калевка — для них был звук пустой. А исполнивши поручение неправильно, дежурный рисковал попасть между двух огней и выдержать перепалку с той и другой стороны. Если же он не мог сам быть точным, он должен был передать записку от одного к другому, где об этом говорили также. Это было до такой степени очевидно для самих жандармов, что, когда позднее Карпович был совершенно изолирован от нас и однако пользовался мастерской, ему позволяли писать к нам записки по длам его ремесла и получать обратно ответы. Только вахмистр обязательно их переписывал и передавал не подлинник, а копию! Любопытно, что этого приема они почему-то не употребляли с нашими письмами к родным и ответами на них, а передавали их в подлинник, и притом без всяких следов реактива.

Далее. Допустивши мастерскую, трудно было отказаться в разрешении работать вдвоем. Сняли мы огород? мы вместе. Почему же строгать доски мы не можем вдвоем? И если, по существу дла, огород можно было разводить и в одиночку, то столярничать в одиночку просто немисливо: при склейке и сборке крупных частей необходимо был какой-нибудь помощник. Не дадут нам товарища, так мы будем звать для этого корридорных и подвергать их постоянному риску тлетворной заразы от частого соприкосновения с нами. Все эти соображения появлялись сами собой и неминуемо вели к разрешению парных работ.

VII.

Затем вскоре же открылась потребность выхода на корридор. Столярам постоянно требуется клей. Разогреться он дежурным тут же, в «сарае» на плит. Но клеянок было только две, а спрос на них непрерывный: одному, по ходу его дла, нужен был густой клей, другому — жидкий, одному — горячий, другому — чуть теплый. Никакое старание дежурного не могло угодить всем требованиям, а стараться ради наших интересов они вовсе не привыкли. Простой исход из этого затруднения подсказывался сам собой — выпустить разогретый клей самого мастера.

Но плит была почти на корридор, и здесь лежал запасный дль, который здесь только и можно было разгреть на требуемая части. Когда позволено было работать вдвоем, стали и на корридор выпускать по двое. Но в это время рабочих душ набралось в сарае до 16 человек. Потребность в выходе стала

настоятельные и чаще. Кому нужно было выйти, тот не мог принимать в соображение, что в этот момент кто-нибудь грет свой клей на плит и, конечно, не торопится уйти в душевую мастерскую, а другой ржет доски на корридор и тоже не имеет интереса спшить. Почему же меня не желают выпустить? Разв я могу помшать тому или другому? И разв кьм-то выдуманное требование на счет двойственного числа может быть обязательно для меня, как столяра? Вдь я пришел в мастерскую работать, а не сидть сложа руки да играть в бирюльки. Почему же меня заставляют ждать неведомо чего, когда и всего-то мне нужно выйти только на 2 минуты? Что нибудь одно: или разрешается работать, или запрещается. Если разрешается, почему же мне на практик не дают возможности пользоваться этим разрешением? и т. д. и т. д. Получается ряд коллизий, и все он ведут к одному исходу: новые потребности нельзя втискивать в старые законы.

Если бы мы жили в эпоху, когда вопрос о нашей жизни и смерти был безразличен для правящих нами сфер, он бы скоро сумели разрешить эти коллизии по-своему, как это и было потом в министерство Плеве: вы не хотите работать в тх рамках, какя мы нашли нужным прописать вам, — как хотите. Законы наши святы, и перемены в них вы не ждите. Но мы жили тогда в эпоху, когда массовая смерти не на шутку обезпожили наших бюстителей, и они во время сообразили, что мы для них настоящая курица, несущая золотыя яйца; если зарбать нас всех, всякому доходу конец, а если сохранять, и как можно дольше, то можно обезпечить себе воздз нас пожизненную ренту, притом в размбрах, чрезвычайной социализмных. Очевидно, надо дорожить нами (новых вдь уж больше не привозять!) и всячески обезпечивать наше долготье. В этих видах мастерскя по справедливости должны считаться наиболее рациональным средством для лчения от тюремной неирастени, апатии, желудочных и проч. недугов, связанных с безцельным и сидячим образом жизни, а равно и для предупреждения новых подобных заболваний.

VIII.

А тут еще как раз рядом, у самого «сарая», организовались сельско-хозяйственные работы. Я уже говорил, как сюда постепенно водворили парники. Двор раздвлялся на 2 неравные части проходящей по нему дорогой (панелью). Парники помшались по одну сторону ея, и всея них все пространство скоро было сплошь воздвлено. Другая, меньшая половина, оставалась еще пустыней, и при той жажде земли, которая овлаждала нами по мбр развития сельско-хозяйственной техники и соответствующего расширения наших замыслов, было не легко мириться с ея пустованием. В то же время начальство упорно противилось ея воз-

дѣланію, очевидно, желая сохранить ее въ такомъ видѣ на случай неожиданнаго спроса для сооруженія эшафота.

Однажды, въ началѣ лѣта, я, не мудруя лукаво, вооружился лопатой и вознѣлъ ее въ заповѣдную пустошь. Затѣмъ намѣтилъ направленіе будущей грядки вдоль панели и продолжалъ копать сообразно этому плану. Дежурные въ тревогѣ побѣждали за «Феклой» и поспѣшно привели его, очевидно, для пресѣненія самовольнаго захвата новыхъ земель. Начались распросы и препирательства. Я объяснилъ, что хочу только вдоль всей дороги протянуть грядку, дабы посадить на ней цвѣты, и затѣмъ пустился въ дипломатію. Цѣль моя,—доказывать я,—не только вполне невинная, но и достойная похвалы. Вѣдь ему же, будущему подполковнику, пріятнѣе на пути въ сарай видѣть кругомъ не сорную траву, а бордюры цвѣтовъ (Фекла начинается такъ). Не говорю уже о томъ, что и высшее начальство съ большимъ удовольствіемъ пройдетъ здѣсь среди цвѣточныхъ насажденій, чѣмъ среди лопуховъ, крапивы и чертополоха (Фекла побѣждается, предвкусная, что ему будетъ отъ начальства одобреніе за это удовольствіе).

Я привелъ наконецъ эту аргументацію, какъ образецъ того, какимъ образомъ приходилось завоевывать непринадлежащія намъ земли (или права), и какимъ образомъ мы добивались у подобнаго члена нашей администраціи того, въ чемъ открывалась надобность, и въ чемъ отказъ не имѣлъ ни смысла, ни основаній. Федоровъ теперь уступилъ, но съ условіемъ, что я сбѣлаю только то, что общалъ, и отнюдь не буду расширять своей культуры. Обязательство было дано, и цвѣты насажены.

Но мое обязательство не связывало никого другого изъ товарищей. И потому естественно, что черезъ годъ начались расширенія захватныхъ владѣній и новые дипломатическіе переговоры, не мнѣе краснорѣчивые и убедительные, чѣмъ тѣ, какіе вѣль я, вродѣ того, что Новорусское позволялъ, а мнѣ не позволялъ, что у него нѣтъ самаго элементарнаго принципа справедливости, что управлялъ цѣлымъ народомъ съ такой двойственной политикой, значить вызывать революцію; что расширеніе это дѣлается только на 1 годъ, и исключительно для салата, который, какъ доказано опытомъ и подтверждено докторомъ, полезенъ отъ цынги; что прѣпятствуя этому, онъ самъ обрекаетъ насъ на новыя заболѣванія и т. д. и т. д.

Разумѣется, кончилось тѣмъ, что весь дворъ былъ «завоеванъ» и обработанъ. Много труда было вложено въ него. Грунтъ, какъ я говорилъ, здѣсь былъ каменистый и почти на 1½ арш. сплошь состоялъ изъ остатковъ древнихъ строительныхъ матеріаловъ. Только изрѣдка кое гдѣ лежали тонкіе пласты почвы. Нужно было пробить всю толщу этого мусора и докопаться до настоящей рыхлой подпочвы, которая состояла частью изъ глины, частью изъ мелкаго, наноснаго бѣлаго песку. Чтобы добыть то и другое, проламывали ямы до 1½ саж. въ діаметрѣ, камень отбрасывали въ сторону, а со дна вычерпывали глину и песокъ до такой глубины, съ

какой только можно выбросить землю на поверхность. Иногда это искомое добывалось даже посредствомъ ведра, которое одинъ опускалъ въ яму, а другой, сидѣвшій тамъ, наполнялъ. Когда добывать больше оказывалось не подъ силу, на дно ямы сваливался мусоръ, бывшій на поверхности. И если яма подготовлялась для посадки дерева, то въ нее сверху сыпался значительный слой рыхлой смѣси, частью только что добытой изъ глубины, частью принесенной изъ огородовъ съ новаго двора, или вынутой изъ парниковъ. Если же здѣсь проектировались огородныя насажденія, то яма почти вся засыпалась камнемъ и мусоромъ и только на ¼ арш. сверху клалась рыхлая почва.

Благодаря такимъ трудамъ намъ удалось весь дворъ, такъ сказать, перевернуть вверхъ дномъ и сбѣлатъ его годнымъ для насаженій. Въ 1904 г., осенью, когда оказалось настоятельно необходимымъ очистить снова это лобное мѣсто, насъ, послѣ многихъ предупрежденій, рѣшительно погнали со двора. Парники, какъ я говорилъ, были цѣликомъ выстроены заново, а земля вся выношена болѣею частью на носилкахъ въ наши огороды: не пропадать же, стать, нашимъ трудамъ! Значительная часть этой земли, такимъ образомъ, дважды пробѣжалась на нашихъ плечахъ туда и обратно.

IX.

И вотъ, когда парники и проч. на дворѣ были оборудованы, и наступала весна, тотчасъ же опять жизни предьявлялъ къ нашему режиму самая разрушительная требованія. Нельзя было, находясь на дворѣ, не заходить въ «сарай». Всевозможныя мелочи сельскохозяйственныхъ работъ не могли быть предусмотрѣны заранее. То нужна подпорка для рамы, то залпата къ парнику, то молотокъ, то стамеска либо пила, то теплая вода для поливки, то зола для удобренія, то сѣмена, то горшки, оставшіеся въ мастерской. Ходьба была непрерывная, и нужды парниковыя—неотложныя. Онѣ не могли подчиняться инструкціямъ и ждать, когда освободится корридоръ, чтобы можно было пройти по нему; если разбилъ стекло въ парникѣ, и дуетъ сѣверный вѣтеръ, нужно закрыть или задѣлать дыру какъ можно скорѣе, чтобы не поморозить всѣ продукты своихъ трудовъ.

Такимъ образомъ, подъ дружнымъ натискомъ съ обоихъ фланговъ, со двора и съ корридора, исконныя основы нашей жизни были расшатаны въ концѣ: одна изъ самыхъ первыхъ брешей въ нихъ была сбѣлана мною и Н. Д. Похитоновымъ при участіи самоу содѣйствіи самой нашей администраціи. Гангартъ заказалъ намъ ограду для обнесенія «братской могилы» виномъ, павшихъ при взятіи крѣпости. По даннымъ чертежамъ, ограда должна была состоять изъ массивныхъ точеныхъ балесинъ, установленныхъ, кажется, по 25 штукъ между двумя вкопанными толстыми столбами. Специалисты токари (Лаговскій, Шебалинъ, В. Ивановъ и др.) взя-

лись точить балясины, а я, Похитоновъ, Панкратовъ, Мартиновъ и др.—устанавливать столбнячные части и дѣлать пробную установку.

Когда первая часть была готова, понадобилось сдѣлать ихъ примѣрную сборку и, значитъ, работать на корридорѣ, о чемъ въ то время даже и помышлять нельзя было. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ присутствіи властей, которые сами натолкнули на это. А известно вѣдь, какъ дорогъ первый опытъ!

Затѣмъ около того же времени къ намъ поступилъ младшимъ помощникомъ штабъ ротмистръ Пахаловичъ, котораго, по его словамъ, за симпатіи къ намъ впоследствии Гангартъ звалъ социалистомъ. Такъ какъ «сарай», какъ арена нашей рабочей дѣятельности, былъ подчиненъ непосредственно младшему помощнику, заведывавшему хозяйственной частью, и другому вахмистру, заведывавшему специально мастерскими, то въ немъ, при доброй волѣ ближайшаго начальника, очень скоро стали устанавливаться признаки «автономіи». Всякое двоевластіе, говорятъ, губительно, вопросъ только, для кого и для чего.

Первые шаги Пахаловича были чрезвычайно робки. Онъ самъ укладкой ловилъ тѣ немногія секунды, которая удавалось поймать, чтобы сказать наединѣ нѣсколько словъ. Кончилось же тѣмъ, что онъ разъ навсегда отогналъ отъ себя «нижнихъ чиновъ», согладаясь при офицерѣ, бесѣдовалъ съ нами по цѣлымъ часамъ наединѣ, съ глазу на глазъ и группами, даже—horribile dictu—называлъ насъ иногда по имени и отчеству и, въ концѣ концовъ, при нашемъ благосклонномъ содѣйствіи, разрушилъ окончательно все здание суровой толстовской одиночки и безмысленнаго формализма. Говорятъ, что въ Петербургѣ тогда онъ имѣлъ хорошую протекцію и, вѣроятно, пользовался какъ ею, такъ и временемъ, когда наши верховные аргусы, убаюканные полной побѣдой надъ революціей и взысканные за это великими и богатыми милостями, размякли отъ наслажденій. Часто онъ рисовалъ намъ эти «верхи» тѣми же самыми нелюбимыми красками, которые теперь только обыватель можетъ встрѣтить въ русской печати, и которая вскому историкъ хорошо известна въ характеристикахъ аналогичныхъ правящихъ классовъ прошлаго западной Европы: развратны, трусливы, жестоки, мстительны, глупы и слѣпы.

X.

Такъ вотъ, по совокупности этихъ причинъ, которая я изложила, можетъ быть, съ излишней подробностью, мы получили, наконецъ, нѣкоторое подобіе конституціи. Мнѣ кажется, что и въ нашемъ застѣнкѣ проявились тѣ же общіе законы, которые управляютъ жизнью большихъ организованныхъ обществъ; жизнь всюду можно задавить и всякое общество раздробить на части и уничтожить. Но разъ оно существуетъ и жизнеспособно, разъ у него сохраняется общее дѣло, оно разрушитъ или ослабитъ всякія пути, лежащая ему на пути и приспособитъ всякіе законы къ своимъ потребностямъ.

Расцвѣтъ нашихъ «свободъ» совпалъ съ манифестомъ, даннымъ по случаю бракосочетанія импер. Николая II. Въ немъ до такой степени ясно и недвусмысленно было сказано: «не изыѣмая и государственныхъ преступниковъ отъ милостей, дарованныхъ въ пунктѣ такомъ-то», что наша администрація поняла его «взаправду» и, кажется, на второй же день принесла намъ газету, гдѣ онъ былъ напечатанъ, подтверждая отъ себя, что еще нѣсколько дней, и многие изъ насъ увидятъ своихъ родныхъ... Манифестъ этотъ мы читали уже толпами на корридорѣ сарая, и камеры не запирались. Заперты были только дамы, у дверей которыхъ при открытыхъ форточкахъ собиравшиеся «клубы». И это исключительное положеніе дамамъ на первыхъ порахъ казалось до такой степени страннымъ даже жандармскому уму, что, когда на мѣсто Пахаловича поступилъ его преемникъ и увидалъ на корридорѣ впервые эту картину, то спросилъ съ недоумѣніемъ:

— А почему же онѣ заперты?

Надежды и увлеченія тогда были такъ заразительны, что, когда многіе наши «литераторы» стали подвергать сожженію подъ плитой плоды своихъ думъ, сжегъ и я нѣсколько рукописей. Послѣ я самъ съ большимъ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: чего это я-то заволовался? Какіе шансы были у меня на *непосредственный* выходъ?

Но быстро вспыхнувшія надежды еще быстрѣ потухли. Жандармы, пронюхавши гдѣ слѣдуетъ, облеклись въ непроницаемую броню, и ихъ многозначительное молчаніе скоро насъ отрезвило. Впоследствии мы узнали, что при обсужденіи вопроса о примѣненіи къ намъ манифеста компетентными въ нашей судьбѣ лицами, голоса раздѣлились, и перевѣсъ рѣшенію далъ Шебеко, тогдашній шефъ жандармовъ. Онъ заявилъ, что не ручается за спокойствіе Россіи, если манифестъ примѣнить и къ намъ. Очевидно, онъ не сообразилъ, что, въ случаѣ примѣненія манифеста, нашъ выходъ растянулся бы на цѣлыхъ 13 лѣтъ, и что думать объ этомъ спокойнѣе нужно было раньше, чѣмъ оглашены были публично вышеприведенныя слова манифеста.

Какъ бы тамъ ни было, манифеста мы не получили, а мѣстная администрація, какъ бы сконфуженная за свое высшее начальство, перестала придираться къ разнымъ мелочамъ нашихъ правонарушеній. Съ этихъ поръ и по мартъ 1902 г. упрочицалась въ нашемъ «сарай», такъ сказать, публичная жизнь. И хотъ были неоднократныя попытки возврата къ старому, особенно при смѣнѣ нашихъ ближайшихъ администраторовъ, когда они хотѣли показать своему преемнику незбылемость старыхъ основъ, но онѣ были недоговорены. И при каждой мѣстной реакціи болѣе проникательные изъ утѣровъ прямо говорили намъ:

— Все равно! Скоро опять все будетъ по-вашему.

XI.

Одну из таких попыток я прекрасно помню. Смотрителем тогда был Дубровинъ, только что замѣстившій прогнаннаго Федорова.

Одной из наших многочисленных конституцій было установлено, что на коридоръ могутъ быть только четверо (фигтивно говорилось не четверо, а двое на дворѣ и двое на кухнѣ). Форти же въ дверяхъ у всѣхъ мастерскихъ будутъ открыты, какъ для вентиляции, такъ и для удобства получать черезъ коридорныхъ клей, инструменты и проч.

Должно быть, Дубровину, какъ новичку, хотѣлось подтянуть насъ, и онъ, ни слова не сказавши намъ, велѣлъ вахмистру въ одинъ прекрасный день держать фортики на запорѣ. Приходимъ мы, ничего не подозревая въ мастерскихъ, дверь запираютъ и... Оказывается, мы опять, какъ въ мышеловкѣ! Я работалъ въ это время съ В. Г. Ивановымъ. Онъ, какъ только увидалъ такое «правонарушение», вспыхнулъ, какъ порохъ, схватилъ молотокъ и изо всей силы сталъ барабанить имъ въ дверь. Стукъ былъ ужасный, сосѣди подхватили его, и начался обычный тюремный концертъ, при которомъ обыкновенно стража совсѣмъ теряетъ голову. Нарочный побѣжалъ къ смотрителю, тотъ явился и, увидавши, въ какомъ градусѣ находятся лишенные прежней «льготы», тотчасъ же слался, сказавши, что онъ никакихъ распоряженій на этотъ счетъ вахмистру не давалъ. Фортики немедленно у всѣхъ были открыты, а дальнѣйшихъ покушеній на конституцію долго послѣ этого не было.

Другой казусъ изъ той же категоріи былъ серьезнѣе. Двери всѣхъ мастерскихъ въ это время уже держались открытыми. Я спокойно работалъ въ своей мастерской, а со двора нессли ко мнѣ громкіе возмущенные голоса спорящихъ: тамъ шли какіе-то перекоры съ вахмистромъ, тоже по поводу ограничения нашихъ льготъ. Въ чемъ именно было дѣло, точно я не знаю. Знаю только, что П. С. Поливановъ, доведенный пренемию до бѣлаго каленія, прибѣжалъ ко мнѣ въ мастерскую, схватилъ топоръ и моментально исчезъ. Говорили послѣ, что онъ хотѣлъ броситься съ нимъ на вахмистра, но товарищи, бывшіе тоже на дворѣ, во время удержали его. Черезъ минуту послѣ этого я вижу, какъ онъ покорно илетъ, влекомый Базилемъ (В. Ивановымъ) ко мнѣ въ мастерскую, кажется, съ тѣмъ же самымъ топоромъ въ рукахъ, и немедленно подставляетъ голову подъ кранъ, чтобы охладить возбужденную струей воды.

— Кровь, — говоритъ, — бросилась въ голову.

Благодаря тактичности Гангарта и умѣлому объясненію ему всей исторіи, она не имѣла никакихъ послѣдствій. Даже болѣе: въ тотъ же самый годъ (1896) былъ объявленъ нѣкоторымъ изъ насъ коронаціонный манифестъ, въ томъ числѣ и Поливанову, съ обычной оговоркой, сокращается срокъ «за хорошее поведение».

XII.

Весьма трудно воспроизвести теперь, какимъ образомъ я, изъ полнѣйшаго профана во всякомъ ремеслѣ, превратился въ человека, чуть не на всѣ руки мастера. По крайней мѣрѣ у жандармовъ сложилась такая репутация обо мнѣ. Когда поступаетъ новое лицо въ корпорацію служащихъ и желаетъ за чѣмъ-нибудь обратиться къ свѣдущему человѣку, его направляютъ ко мнѣ. И это даже въ такихъ вещахъ, на которыхъ моя специальность почти не простирается. Напр. послѣдній докторъ (Самчукъ) возымѣлъ какъ-то желаніе превратить свой комнатный лимонъ въ дерево, несущее плоды. Приходитъ ко мнѣ, очевидно, направленный чѣмъ-то, и обращается за содѣйствіемъ. Когда я, никогда на дѣлѣ не практиковавшій прививки, рассказалъ ему, какъ это дѣлается, и что для этого требуется, онъ ушелъ немножко сконфуженный. Ему казалось, что для этой цѣли достаточно сдѣлать обрѣзку или прищипку, и что это и будетъ той прививкой, которая здѣсь требуется, о которой говорилъ я.

Всякая наука дается не сразу. Тѣмъ болѣе — ремесленный навыкъ и сноровка. Не думаю, чтобы у меня на это были особые таланты, но терпѣнія запаса было огромное. А въ дѣлѣ ремесла въ большинствѣ случаевъ оно превосходитъ все. Въ столярномъ дѣлѣ меня интересовали больше самый процессъ творчества. Мнѣ кажется, если бы меня училъ опытный мастеръ, который заставлялъ все дѣлать по шаблону, я бы далеко не пошелъ, и самое ремесло стало бы для меня скучнымъ и постылымъ. Я же въ самомъ началѣ своихъ опытовъ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени Робинзономъ. Даже болѣе. Робинзонъ кое что знаетъ, и въ новой обстановкѣ, сравнительно обширной, примѣнялъ старые, извѣстные ему приемы. Я же ничего не зналъ, и каждую задачу, вродѣ пришиванія подошвы, нужно было сначала рѣшать теоретически, а затѣмъ осуществлять сдѣланное рѣшеніе на дѣлѣ. Въ случаѣ съ подошвой это рѣшеніе не представляло еще интереса, хотя и оно было когда-то продуктомъ человѣческаго гения. Въ столярномъ же дѣлѣ, какъ болѣе сложномъ и разнообразномъ, множество задачъ представляло чисто геометрический или механический интересъ, дающій много простора для пылливости, сметки и упражненія ума.

Главные приемы ремесла, конечно, давнымъ давно разработаны и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію въ готовомъ видѣ. Но въдъ они вырабатаны вѣками, въдъ надъ ними трудился коллективный человѣческій умъ, въдъ на нихъ трудовая часть человечества затратила огромное количество времени, силъ и творчества. Каждое издѣліе, ищущее видимыя у себя въ комнатѣ, и на которое не обращаютъ мольберты, есть не просто издѣліе столяра Ивана, а коллективный досѣдкій опытъ, зарегистрированный въ этомъ издѣліи и воплощенный въ одно цѣлое. Можетъ быть, понадобятся многіе вѣка постепенныхъ приобрѣтеній, прежде чѣмъ столяръ Иванъ

могъ сдѣлать для насъ простенькую этажерку и продѣлать надъ ней тѣ сложныя дѣйствія, которыя ему по завѣщанію были переданы сразу, и надъ сущностью которыхъ онъ никогда не задумывался.

Я же задумывался. Предъ каждымъ затрудненіемъ, простое оно или сложное, я ставилъ себѣ вопросъ: какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ первобытный человѣкъ прежде, чѣмъ рѣшеніе этого затрудненія было найдено впервые? Этотъ непрерывный процессъ изобрѣтательности до такой степени поглощалъ и интриговалъ меня, что я никогда не понималъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые предпочитали брать рѣшеніе задачи въ готовомъ видѣ отъ болѣе опытныхъ сосѣдей, вмѣсто того, чтобы раскинуть мозгами по-своему и дать имъ нѣкоторые новое упражненіе.

Такимъ образомъ, подобно тому, какъ эмбрионъ переживаетъ въ немногіе, сравнительно, дни своего роста всю многовѣковую исторію развитія своего вида, точно также и я переживалъ на своихъ опытахъ до нѣкоторой степени цѣлую исторію человѣческой культуры. Въ этихъ видахъ уже безъ всякой практической надобности, я однажды попробовалъ зажечь огонь треніемъ куска дерева о дерево, для чего даже нарочно устроилъ вращающийся кругъ («центрѣбжную машину»). Увы, опытъ этотъ былъ столь же неудаченъ, какъ неудаченъ онъ былъ, кажется, и у Дарвина.

Конечно, при этомъ мнѣ приходилось нѣрѣдко «дурака ваять»,—умствовать и продѣлывать пробные и невѣрные шаги тамъ, гдѣ ларчикъ просто открывался, и гдѣ открытіе его подсказалъ бы любой изъ товарищей, опытный въ мастерствѣ. Но я предпочиталъ эти невѣрные шаги и сомнительные опыты продѣлывать самостоятельно, полагая не безъ основанія, что масса ошибокъ не есть пустая и вредная трата времени. Эти ошибки въ то же время даютъ массу приобрѣтеній, хоть и отрицательнаго характера, и массу навыковъ, которыхъ иначе, можетъ быть, и не приобрѣлъ бы. Отрицательныя же приобрѣтенія въ практикѣ часто бываютъ не менѣе важны, ибо для насъ полезно знать не только то, куда нужно идти, но и то, куда ходить не нужно.

Первые шаги, какъ водится, я дѣлалъ не безъ помочей. Я уже упоминалъ какъ Антоновъ разъяснялъ мнѣ самыя капиталныя затрудненія. Помнится, что я спрашивалъ у него даже и о томъ, сколько времени нужно, чтобы считать клей вполне высохшимъ. Но скоро я почувствовалъ себя способнымъ ходить безъ чужой поддержки.

XIII.

Однимъ изъ первыхъ моихъ издѣлій было ^{одному объясненію} мелочь, не стоющая вниманія. Нѣтъ. Большому ^{прилично} большому плаванію. И я, точно предчувствуя ^{спѣхи} спѣхи въ этой области, началъ не больше, ни меньше, ^{чѣмъ} чѣмъ съ большого книжнаго шкафа.

Федоровъ самъ предложилъ мнѣ эту работу, спросивши предварительно, могу ли я сдѣлать такой шкафъ. Я отвѣчалъ, какъ будущій артистъ, котораго спросили, умѣетъ ли онъ играть на скрипкѣ?

— Не пробовалъ никогда. Попробую, можетъ быть, сумѣю.

Помню, что меня при этомъ подбавляло то обстоятельство, что ужъ если жандармы, которые влиять мое кропанье, обращаются ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ, такъ, значить, я не лыкомъ шить, и тоже кое-что могу.

Итакъ, я взялся за шкафъ, и тутъ начались мои первыя «исканія». Почти каждая часть этой сложной работы приводила меня въ затрудненіе, и я не мало размышлялъ надъ той или другой изъ нихъ, какъ это дѣлается у опытныхъ смертныхъ. Долго я его работалъ: можетъ быть, 2 мѣсяца, можетъ быть 3, даю 4. Но все-таки сработалъ. Онъ и до сихъ поръ, навѣрное, цѣлъ, и все время тамъ книги стояли. Но что это былъ за шкафъ! На немъ смѣло можно бы сдѣлать надпись: «прохожіи, стой и удивляйся!» И затѣмъ поставить въ какое-нибудь антропологическое учрежденіе, вродѣ русскаго музея, на ряду съ предметами домашней обстановки, характеризующими первобытное русское искусство. Дверцы у него тоже створчатые и съ филанками, въ тайну коихъ я проникъ, осмотрѣвши предварительно готовый купленный шкафъ. Но самая замѣчательная вещь въ немъ—это то, что одна дверца немного набекренъ. Составилъ ее я какъ слѣдуетъ. Но когда склеилъ, то оказалось, что я ее скоосилъ, и потому косые углы ея не могутъ совпадать съ прямыми углами отверстія шкафа, въ которое вставляются двери. Будь я опытенъ, я размочилъ бы ее, расклеилъ и снова склеилъ прямоугольно. Но тогда мнѣ ошибка эта казалась непоправимой, и мнѣ оставалось выправить углы посредствомъ состругиванія лишняго. Другая же была совершенно правильная. О прочихъ деталяхъ, не менѣе эстетичныхъ, я уже умолчу.

Послѣ этого у меня было сдѣлано не менѣе десятка разныхъ шкафовъ, большихъ и маленькихъ, не считая тѣхъ, которые я дѣлалъ совмѣстно съ другими. Два изъ нихъ даже вывезены отсюда, одинъ у меня, другой такой же у Н. А. Морозова. Въ случаѣ надобности, я могъ бы предъавить ихъ куда слѣдуетъ какъ пробное издѣліе для того, чтобы получить права цеховаго мастера. А сколько еще, и какихъ именно вещей было сдѣлано мною, теперь даже и приблизительно сказать нельзя. Очень можетъ быть, что списокъ ихъ занялъ бы нѣсколько страницъ. Могу сказать только, что изъ всѣхъ предметовъ домашняго обихода мнѣ не приходилось дѣлать кажется одной только кровати. А именно, я дѣлалъ: скамьи, стулья, кресла, табукеты, столы и столики, лѣстницы, комоды, сундуки, ящики, шкатулки, футляры, попирты, жардиньерки, этажерки, мольберты, кюты, рамы и рамки, вѣшалки, парты, верстаки, матиашныя доски, разные физическіе приборы и игрушки. Въ одномъ экземплярѣ были сдѣланы еще тачка и экранъ къ камину.

XIV.

На наши хозяйственные нужды, должно быть, с первых же дней их легализования, отпускаясь особая сумма. Но об этом, равно как и о разбѣрахъ ея, намъ ничего вначалѣ не говорили. Напротивъ, постоянно слышались жалобы, что мы очень много изводимъ матеріаловъ, и что все, что для насъ покупается, уходитъ невѣдомо куда. Въ 91 году даже требовали, чтобы мы вели списокъ всего, что нами сдѣлано, который имѣлось въ виду представить въ департаментъ, какъ аргументъ при получении дальнѣйшей ассигновки. До самого выхода оттуда у меня хранилась тетрадь со спискомъ этихъ издѣлій за одинъ 1891 годъ. Тогда же попросили насъ сдать для отсылки въ департаментъ накопившіяся у насъ разныя издѣлія все въ тѣхъ же видахъ, чтобы зарекомендовать свою трудоспособность и способность превращать покупаемый на казенныя деньги матеріалъ въ полезныя вещи.

Никакого порядка въ закупкѣ нужныхъ матеріаловъ сначала у насъ не было. Просто каждый, нуждающійся въ чемъ-нибудь, заявлялъ объ этомъ смотрителю. Понятно, какой кавардакъ получался при этомъ, когда приходилось заказывать невѣдомо на какія деньги и въ какихъ предѣлахъ и, можетъ быть, въ ущербъ другимъ товарищамъ. Сама собой являлась необходимость составлять одинъ общій списокъ заказовъ съ подведеніемъ общихъ итоговъ, въ размѣрѣ точно опредѣленной суммы, отвѣчающей нашимъ потребностямъ, и конечно, послѣ взаимнаго соглашенія. Словомъ, являлась необходимость не только въ самоуправленіи, но и въ формальномъ признаніи у насъ общинной жизни, что такъ радикально противорѣчило принципу одиночной тюрьмы.

Не знаю, кто первый сталъ составлять списки заказовъ. Помню только, что ихъ составляли то Оржихъ, то Похитоновъ и, вѣроятно, только въ предѣлахъ «своей досягаемости», т.-е. отъ тѣхъ, кого они могли опросить при тогдашнихъ первобытныхъ средствахъ сношенія. Помнится, что иногда приходилъ Федоровъ къ тому или другому составителю и просилъ внести въ списокъ какой-нибудь новый предметъ, который нуженъ Н-у такому-то, очевидно, жившему за предѣлами досягаемости.

Появились, такимъ образомъ, сами собой первые зародыши нашего старчества, которое, какъ и въ исторіи первобытныхъ обществъ, сначала было самозваннымъ. Брались за это люди, которые хоть что-нибудь смекали въ матеріалахъ и въ приблизительной оцѣнкѣ ихъ. Не мало неурядицъ пришлось пережить при урегулированіи нашихъ хозяйственныхъ отношеній, неурядицъ, безъ которыхъ въ нашихъ исключительныхъ условіяхъ и невозможно было обойтись, тѣмъ болѣе, что всѣ мы были съ закваской на-родниковъ 70-хъ гг., которые выше всего ставили отвлеченные принципы, а устраивая совѣстную хозяйственную жизнь, способны были не разъ создать какого-нибудь «принципальнаго телянка»,

Михаил Васильевичъ
НОВОРУССКІЙ.

Въ одеждѣ узника Шлиссельбургской тюрьмы.

какъ это было, по словамъ Каронина (Петропавловскаго) въ Барской колоніи. Больше всего смущалъ насъ вопросъ не о томъ, сколько денегъ я могу имѣть въ своемъ распоряженіи, и *какъ* располагать ими, согласно своимъ пробуждающимся нуждамъ, а какое я имѣю *право* на выдѣлъ себѣ той или другой доли изъ общей ассигновки, т.-е., выражаясь громкими словами, смущала не экономическая, а юридическая сторона дѣла, и сколько же копій было переломано во имя этой юстиціи!

Помню на этотъ счетъ одну презабавную стычку, которая произошла у меня тогда съ И. Л. Манучаровымъ. Я былъ въ это время ярымъ коммунистомъ и думалъ, что все, что поступаетъ въ нашу общину, принадлежитъ одинаково всѣмъ безраздѣльно, Манучаровъ же былъ не менѣе ярымъ индивидуалистомъ и оспаривалъ *свою долю* изъ общаго когла. При архаическомъ способѣ выписки, о которомъ я только что сказалъ, онъ купилъ себѣ маленькую бутылочку лаку (въ 12 коп.), такъ какъ дѣлалъ въ то время изящныя ажурныя вещицы и лакировалъ ихъ. Для какого-то пустяка понадобилось и мнѣ немного лаку. Мы еще были разъединены другъ отъ друга, и я гулялъ только съ нимъ. Въместо того, чтобы взять лаку, сколько было нужно, какъ это дѣлаютъ серьезные люди, какъ это дѣлали и мы сами впоследствии, — тѣмъ болѣе, что мы съ Манучаровымъ были дружны, а онъ всегда услужливъ, — мы устроили съ нимъ жестокую баталію по вопросу о томъ, имѣю ли я *право* на лакъ, который онъ выписалъ *себѣ*. Поломавши достаточно копій, можетъ быть, въ теченіи не одного дня, мы, какъ водится, остались каждый при своемъ. А такъ какъ спорный лакъ присутствовалъ здѣсь налицо, то Манучаровъ, подавая, наконецъ, его мнѣ, сказалъ: «даю Вамъ свой лакъ въ видѣ дружеской услуги». Я же, принимая его, отвѣчалъ: «беру его какъ лакъ, принадлежащій мнѣ столько же, сколько и Вамъ».

Къ этой именно эпохѣ относится одна изъ эпиграммъ Г. А. Лопатина, хотя и выпущенная по другому поводу, но вполне приложимая и къ нашему инциденту:

Въ клубѣ страшный кавардакъ:
Всюду слышишь: лакъ да лакъ!
И самъ чортъ едва-ли скажетъ.
Кто кого тѣмъ лакомъ мажетъ.

XVI.

Какъ бы то ни было, постепенно урегулировалось и наше общественное хозяйство. Способность къ самоуправленію никому и нигдѣ не дается отъ рожденія, а точно такъ же, какъ и всѣ навыки общественной жизни, приобретаются только путемъ опыта и послѣ предварительныхъ ошибокъ и конфликтовъ.

Уже въ 91 году я получилъ формальное избраніе на царство и 9 мѣсяцевъ велъ наши хозяйственныя дѣла. Какъ разъ въ это время,

независимо от ремесленных нужд, расширялись в огородах наши средства сношения друг с другом, сначала посредством шпелей, а затѣмъ окошекъ (см. ранѣе). И необходимостью во взаимныхъ сношеніяхъ и переговорахъ по дѣламъ ремесленнымъ, въ частности, по выпискѣ матеріаловъ, необходимость, которую наша администрація сама видѣла и понимала, сыграла большую роль въ дѣлѣ разрушенія начальственныхъ преградъ къ этимъ сношеніямъ. И даже ранѣе, чѣмъ окна были устроены, мы могли уже мѣнять товарища по прогулкѣ такъ часто, какъ это было нужно. И я отлично помню то впечатлѣніе, которое я пережилъ впервые, когда, по дѣламъ своей службы, встрѣтился въ одинъ день ровно съ лицами, — съ кѣмъ непосредственно, а съ кѣмъ только въ окна. Это было тоже «событіемъ» въ своемъ родѣ, настолько рѣдкимъ и вѣнзлительнымъ, что оно не забылось и до сихъ поръ.

нительными, что оно не завоёвывало и до сих пор не завоёвывает. Приступивши к самоуправлению робкими шагами, мы скоро вошли во вкус этого дела и распространили у себя разных «механств» в таком же количестве, как и в древней германской Gemeinde, где бывало иногда даже танцевать, заведывавший народными играми. У нас одно время их было члвчх четверть т. е. пятая часть нации состояла из властей! Один заведывал ремеслами, другой библиотекой, третий кухонным делом, четвертый прогулками. Меню мы начали составлять еще гораздо раньше, чмъ появились окошки для взаимоотношений, и сначала орудовали, конечно, стуком по углям. А такъ какъ сношения междуогульные были столь же затруднительны, какъ и международная, то долгое время меню составлялось поочереди: на неделю в одномъ углу, на другую в другомъ, и т. д. Потомъ, когда наши связи установились на дворъ, появилось «особо на сей счетъ уполномоченное лицо», которое, составивши огромный список блюдъ съ вопросами: «кто чего любитъ и чего не любитъ», произвело всенародную желудочную анкету. Записавши достояннымъ материаломъ къ осуществлению своихъ функций». Задача эта была не только не легкая, но прямо — таки неразрешимая. Противъ какого-нибудь картофельнаго киселя на молокъ стояла, напр., надпись: «хочу, чтобъ назначали его хоть каждый день», и рядомъ другая: «требую, чтобъ это омерзительное тѣсто ни разу не появлялось на столѣ, а употреблялось исключительно для переплетныхъ работъ».

а употреблялось исключительно для себя. Таких-то, уничтожающих друг друга напильник можно было бы считать немало пользы многими благами. Зато мы, меньшинство, рвущий так или иначе свою задачу и совершивший истинно гражданский подвиг при осуществлении своего глубоко продуманного пищевого расписания, получал со всех сторон должное злобозвудие: один упрекал его за то, что он не вял его голосу и назначил-таки негодную ему колбасу, другой вопил, зачѣмъ его любимое блюдо (вареники) снято съ очереди и ни разу не записано на цѣлыхъ два недѣли!

Так эти мещаньяны невзгоды,—въ основѣ которыхъ лежала невозможность держать на одномъ тощемъ столѣ лишь разной комплекции, съ катаральными желудкомъ и благопріобрѣтенными тюремными неудачами,—и продолжались затѣмъ непрерывно, вплоть до конца. Въ послѣдній годъ я предложилъ либо разбить все наличное население на пары съ болѣе или менѣе подходящими вкусами, съ тѣмъ, чтобы каждая пара составляла мено (на 2 недѣли) по очереди. Попробовали. Но, конечно, нашлись недовольные, которые сорвали реформу и предпочли народовластію прежнее единоначаліе.

Всё эти названные должности то сливались, то опять разъединялись. Функции променадмейстера были похоронены, наконец, за ненадобностью, а оставшаяся три должности потом слиты в одномъ лицѣ, когда народу стало не много и дѣла сократились. А между тѣмъ, какъ это ни странно, дѣла старостѣ было не мало. И чтобы выяснить его, я опишу наши денежные отношенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. В. Новорусский.

Михаиль Александрович Бакунин¹⁾.

(Переводъ съ доставленной авторомъ ея рукописи)

Биографическій очеркъ²⁾.

I.

Михаиль Александровичъ Бакунинъ родился 8-го мая 1814 г. въ деревнѣ Прамухино, Повоторжского уѣзда, Тверской губ. Его отецъ, служа по дипломатической части, въ молодости жилъ во Флоренціи и Неаполѣ въ качествѣ attaché при посольствахъ; оставивъ службу, онъ поселился въ родовомъ имѣніи, гдѣ женился на молодой восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ изъ семейства извѣстныхъ Муравьевыхъ. Онъ исповѣдывалъ либеральныя убѣждения и принадлежалъ къ одному изъ обществъ декабристовъ, но послѣ событий 14 декабря 1825 г. сдѣлался скептикомъ и рѣшилъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Михаилъ былъ старшимъ сыномъ, имѣлъ пять братьевъ и пять сестеръ; когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, онъ поступилъ въ артиллерійскую школу въ Петербургѣ, гдѣ пробылъ три года, и затѣмъ прапорщикомъ былъ посланъ въ батарею, квартировавшую въ Минской губерніи.

Это происходило тотчасъ же послѣ подавленія польской революціи тридцатого года; видъ терроризированной Польши произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на молодого офицера и

¹⁾ Статья эта принадлежитъ одному изъ немногихъ, еще оставшихся въ живыхъ участниковъ основанной въ 1864 г. К. Марксомъ и др. Международной Ассоціаціи Рабочихъ (Интернаціональ) Гильюма. Личный другъ Бакунина и сторонникъ того направленія въ Интернаціональ, выраженіемъ котораго былъ намъ знаменитый соотечественникъ, Гильюмъ излагаетъ, въ изданіи котораго мы имѣемъ настоящую жизнь опредѣленной партіи. Мы печатаемъ работу Гильюма (она въ скоромъ времени должна появиться и на французскомъ языкѣ) исключительно въ качествѣ матеріала для исторіи жизни и дѣятельности Бакунина, которая, конечно, еще ждетъ своего должнаго безпристрастнаго изслѣдователя.

Ред.

²⁾ При составленіи этого очерка, кромѣ всего лично мнѣ извѣстнаго, я пользовался огромнымъ матеріаломъ, собраннымъ и опубликованнымъ Максимъ Нетлау въ его monumentalномъ трудѣ: Michel Bakounine, eine Biographie, London 1896—1900, 3 vol. in-folio.

Л. Г.

вселилъ въ его душу омерзѣніе къ деспотизму. По истеченіи двухъ лѣтъ онъ подалъ въ отставку (1834 г.), навсегда отказавшись отъ военной карьеры, и перѣхалъ въ Москву, гдѣ жилъ въ теченіе шести лѣтъ почти постоянно, исключая нѣсколькихъ лѣтнихъ поѣздокъ въ отцовское имѣніе. Въ Москвѣ онъ отдался изученію философіи, началъ съ французскихъ энциклопедистовъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ своими друзьями Станкевичемъ и Вѣжинскимъ увлекся Фихте и переводилъ (1836 г.) его „*Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten*“. Послѣ этого перешелъ къ Гегелю, который тогда господствовалъ въ умахъ Германіи. Молодой Бакунинъ сдѣлался убѣжденнымъ послѣдователемъ гегелевской системы и даже одно время былъ ослѣпленъ знаменитымъ положеніемъ: „Все существующее разумно“, что оправдывало существованіе всякаго правительства. Въ 1839 г. Герценъ и Огаревъ, вернувшись въ Москву изъ ссылки, встрѣтились съ Бакунинымъ, но въ этотъ моментъ взгляды ихъ были настолько различны, что они не могли между собой согласиться.

Въ 1840 г. двадцатипятилѣтній Бакунинъ уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда къ Берлину съ намѣреніемъ изучать нѣмецкое философское движеніе; по его словамъ, у него былъ проектъ посвятить себя профессурѣ и со временемъ занять кафедру философіи или исторіи въ московскомъ университетѣ. Въ этомъ же году въ Италиі умеръ Станкевичъ; Бакунинъ тогда признавалъ еще вѣрованіе въ безсмертіе души, какъ необходимую доктрину (письмо къ Герцену 23 октября 1840 г.). Наконецъ, наступилъ моментъ, когда должна была совершиться его умственная эволюція, и философія Гегеля превратилась для него въ революціонную теорію. Людвига Фейербаха изъ гегелизма вывелъ логическія слѣдствія въ сферѣ религіозной, а Бакунинъ то же самое сдѣлалъ въ сферѣ политической и социальной.

Въ 1842 г. онъ переселился изъ Берлина въ Дрезденъ, гдѣ сошелся съ Арнольдомъ Руге, который тогда издавалъ „*Deutsche Jahrbücher*“. Вотъ въ этомъ-то журналѣ въ октябрѣ 1842 г. появилась статья Бакунина за подписью „Jul'es Elysard“, въ которой онъ приходитъ къ революціоннымъ заключеніямъ. Статья озаглавлена „*Реакція въ Германіи, замѣтки французца*“ и оканчивается фразой, сдѣланной знаменитой: „Довѣряться же вѣчному духу, который только потому разрушаетъ и уничтожаетъ, что онъ есть неисчерпаемый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни“. „*Страсть разрушенія есть въ то же время творческая страсть*“. Герценъ, полагая въ первое время, что статья эта действительно написана французомъ, отнѣмилъ въ своемъ „Дневникѣ“ послѣ ея прочтенія: „это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи...“. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, разумѣется появивши ее, тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung*.

Поэтъ Георгъ Гервегъ, авторъ знаменитыхъ „*Gedichte eines Lebendigen*“, явился въ Дрезденъ и остановился у Бакунина, съ которымъ онъ близко сошелся; здѣсь же Бакунинъ познакомился съ музыкантомъ Адольфомъ Рейхель, впоследствии ставшимъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ его друзей. Саксонское правительство начало обнаруживать враждебныя намѣренія въ отношеніи Руге и его сотрудниковъ, и тогда Бакунинъ и Гервегъ, въ январѣ 1843 г., оставили Саксонію и переехали въ Цюрихъ. Лѣто 1843 г. Бакунинъ провелъ въ Швейцаріи. Одно изъ его писемъ къ Руге съ острова Сентъ-Пьеръ на Виенскомъ озерѣ, датированное маемъ 1843 г., заканчивалось слѣдующимъ горячимъ восклицаніемъ: „Теперь, только теперь и начинается борьба! И правда нашего дѣла такъ сильна, что мы, разсѣянная горсточка людей, связанныхъ по рукамъ, приводимъ однимъ боевымъ кличемъ своимъ въ страхъ и трепетъ ихъ мприады! Въ добрый путь! Я—скитъ—разрушу ваши узлы, германцы, желающе уподобиться грекамъ! Присылайте мнѣ свои произведенія! Я начеку изъ на островъ Руссо и на страницахъ исторіи еще разъ запечатаю огненными буквами слова: „Да погибнутъ, персы!“

Въ Швейцаріи Бакунинъ встрѣтился съ нѣмецкими коммунистами, группировавшимися около Вейтлинга; а зимою 1843—1844 г.г. въ Бернѣ познакомился съ семействомъ Фогтовъ¹⁾, одинъ изъ четырехъ братьевъ котораго, Адольфъ Фогтъ (впоследствии профессоръ медицинскаго факультета Бернскаго университета) сдѣлался его очень близкимъ другомъ. Благодаря преслѣдованію швейцарской полиціи и требованіямъ русскаго посольства вернуться въ Россію, онъ вынужденъ былъ въ февралѣ 1844 г. уѣхать изъ Берна въ Брюссель, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ и прожилъ до декабря 1847 г.

II.

Приѣхавши въ Парижъ, Бакунинъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Рейхелемъ, нашелъ тамъ Гервега съ его молодою женою (Эмма Сигмундъ). Онъ познакомился съ Карломъ Марксомъ, который, живя здѣсь съ конца 1843 г., былъ также сотрудникомъ Арнольда Руге, и который съ Энгельсомъ тогда уже занимался обработкой специальной доктрины. Бакунинъ сошелся также съ Прудонъ и очень часто съ нимъ видѣлся; сходясь на извѣстныхъ существенныхъ пунктахъ и расходясь на другихъ, онъ вступалъ съ нимъ въ пренія, продолжавшіяся по цѣлымъ ночамъ напряденно. Тогда же познакомился онъ съ Жоржъ Зандъ, находившейся въ это время подъ вліяніемъ Пьера Леру, и восхищался

¹⁾ Профессоръ, Вильгельмъ Фогтъ въ 1835 г. по политическимъ причинамъ оставилъ Гиссенскій университетъ и переехалъ въ Бернскій. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей: Карлъ знаменитый естествоиспытатель, Эмилъ—юристъ, Адольфъ—медики, и Густавъ—адвокатъ.

ея талантомъ. Эти годы жизни въ Парижѣ для интеллектуальнаго развитія Бакунина были самыми плодотворными: въ это именно время въ его умѣ стали обрисовываться идеи, создавшія впоследствии его революціонную программу; но тогда онъ еще были не разработаны и не очищены отъ метафизическаго идеализма, отъ котораго онъ позднѣе совсѣмъ избавился.

Въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ (1871 г.) самъ Бакунинъ такъ объясняетъ свои отношенія къ Марксу и Прудону въ это время: „Марксъ тогда былъ болѣе крайній, чѣмъ я, и теперь—несравненно болѣе ученый, чѣмъ я. Я совсѣмъ незнакомъ былъ тогда съ политической экономіей; я не освободился еще отъ метафизическихъ абстракцій, и мой социализмъ былъ только инстинктивнымъ. Онъ же, хотя и моложе меня годами, былъ уже атеистомъ, научнымъ материалистомъ и сознательнымъ социалистомъ. Именно въ эту эпоху онъ вырабатывалъ первыя основанія своей настоящей системы. Мы довольно часто видѣлись другъ съ другомъ, потому что я очень уважалъ его за его знанія, за его страстную и серьезную преданность дѣлу пролетаріата, хотя всегда съ примѣсомъ личнаго тщесланія; я съ интересомъ слушалъ его разговоры, всегда поучительные и умные, если только они не вдохновлялись жалкой злобой, что, къ сожалѣнію, бывало очень часто. Однако между нами никогда не было полной близости; наши темпераменты не переносили этого. Онъ называлъ меня сентиментальнымъ идеалистомъ и былъ правъ; я его называлъ мрачнымъ вѣроломнымъ тщеславнымъ чеповкомъ и тоже былъ правъ.“

Что касается Энгельса, то Бакунинъ такъ его характеризуетъ, говоря о тайномъ обществѣ, основанномъ Марксомъ („Государственность и Анархія“, стр. 224. 1874 г.): „Около 1845 г. Марксъ сталъ во главѣ нѣмецкихъ коммунистовъ и велѣлъ за тѣмъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ, неизмѣннымъ своимъ другомъ, столь же умнымъ, хотя менѣе ученымъ, но зато болѣе практическимъ и не менѣе способнымъ къ политической клеветѣ, лжи и интригѣ, основать тайное общество германскихъ коммунистовъ или государственныхъ социалистовъ“.

О Прудонѣ вотъ что писалъ Бакунинъ въ 1870 г.: „Прудонъ, несмотря на всѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы сорвать съ себя традиціи классическаго идеализма, тѣмъ не менѣе всю свою жизнь оставался неисправимымъ идеалистомъ, вдохновляясь, какъ я ему говорилъ въ двухъ словахъ передъ его смертію¹⁾, то библіею, то римскимъ правомъ; онъ всегда былъ метафизикомъ до конца ногтей. Его большое несчастье состояло въ томъ, что онъ не изучалъ естественныхъ наукъ и не усповилъ себя ихъ метода. Онъ имѣлъ инстинкты гения, которые указывали ему истинную дорогу, но, увлекаемый дурными идеалистическими привычками своего ума всегда выдавалъ въ свои старія

¹⁾ Прудонъ умеръ 19-го января 1865 г.

ошибки, благодаря чему отличался непрерывными противоречиями, — сильный талант, революционный мыслитель, постоянно борется съ признаками идеализма и никогда не выходит ихъ побидителемъ.

„Марксъ, какъ мыслитель, идетъ правильнымъ путемъ. Онъ установилъ принципъ, что въ исторіи всѣ эволюціи политическія, религіозныя и юридическія не причины, а слѣдствія экономической эволюціи. Эта великая и плодотворная идея не имѣла придумана: она была предумотрѣна, отчасти выражена многими другими; но, во всякомъ случаѣ, онъ ее обосновалъ и положилъ какъ базу всей своей экономической системы. Съ другой стороны, Прудонъ лучше его понималъ и чувствовалъ свободу. Прудонъ обладаетъ истиннымъ инстинктомъ революціонера; когда онъ не занимался доктриной и метафизикой, онъ поклонялся сатанѣ и провозглашалъ анархію. Вполнѣ возможно, что Марксъ теоретически могъ возвыситься до системы свободы болѣе рациональной, чѣмъ Прудонъ, но у него нѣтъ инстинкта свободы, онъ съ головы до ногъ авторитаренъ“.

Въ 1847 г. въ Парижъ явился Герценъ, навсегда оставивъ Россію.

На банкетѣ 29 ноября 1847 г., въ годовщину польскаго возстанія 1830 г., Вакуиничъ произнесъ рѣчь, за которую его, по просьбѣ русскаго правительства, изгнали изъ Франціи. Русскій посланникъ въ Парижѣ Киселевъ, для прекращенія выраженія симпатій Вакуиничу, распространилъ слухъ, что послѣдній былъ на службѣ у посольства, которое принуждено было прервать съ нимъ всякія сношенія въ виду характера его послѣдней деятельности (письмо Вакуинича къ Фавелли 29 мая 1867). Графъ Дюпатель, министръ внутреннихъ дѣлъ, интердигированный въ палатѣ пэровъ, отбѣдла предвѣреннымъ молчаніемъ, чтобы придать вѣру клеветѣ, придуманной Киселевымъ, которому все-таки пришлось оправдываться въ другомъ мѣстѣ.

Вакуиничъ переселился въ Брюссель, гдѣ жилъ Марксъ, тоже изгнанный изъ Франціи еще въ 1845 г. Отсюда Вакуиничъ писалъ Гервегу: „Нѣмцы-ремесленники, Борнштейнъ, Марксъ и Энгельсъ, въ особенности Марксъ, слѣютъ здѣсь свое обычное зло. Тщеславіе, человѣконенавистничество, высокомеріе въ теоріи и малодушіе на практикѣ, рефлексія на счетъ жизни, деятельности и искренности... литературствующіе и диспутирующие ремесленники и отвратительное заигрываніе съ ними... Фейербахъ — буржуа; слово буржуа до тошноты надѣвшаая ругань, — а сами всѣ съ головы до ногъ, до мозга костей мелкіе буржуа. Однимъ словомъ, ложь и глупость, глупость и ложь. Въ этомъ обществѣ трудно и тяжело дышать. Я держусь вдалекѣ отъ нихъ и рѣшительно заявилъ, что не вступлю въ ихъ коммунистическое ремесленное общество и не желаю имѣть съ ними никакого дѣла“.

III.

Революція 24 февраля дала возможность Вакуиничу вернуться во Францію. Вернувшись изъ Брюсселя въ Парижъ, Вакуиничъ, — по словамъ Герцена, — съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньаровъ, ночевалъ у нихъ, бѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ коммунизмъ и l'égalité du salaire, инвестированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence, войну до набіенія послѣдняго прага“. Революціонныя событія въ Вѣнѣ и Берлинѣ, съ одной стороны, и порученія парижскихъ революціонеровъ, — съ другой, побудили его отправиться въ Германію, откуда онъ рассчитывалъ принять участіе въ польскомъ революціонномъ движеніи. Онъ направился черезъ Кельнъ, гдѣ Марксъ и Энгельсъ начали изданіе „*Neue Rheinische Zeitung*“. Какъ разъ въ этотъ моментъ нѣмекій демократическій легионъ въ Парижѣ, въ сопровожденіи Гервега, предпринялъ въ Баденскомъ герцогствѣ инсurreкціонную попытку, такъ печально окончившуюся. Марксъ по этому случаю жестоко напалъ на Гервега, а Вакуиничъ взялъ на себя защиту своего друга, что повлекло за собою разрывъ его съ Марксомъ. Позже, въ 1871 г., Вакуиничъ по этому случаю писалъ слѣдующее: „Въ этомъ вопросѣ, какъ я думаю теперь и скажу это откровенно, Марксъ и Энгельсъ были правы; они вѣрно обвиняли тогдашнее положеніе дѣлъ. Они напали на Гервега съ той безцеремонностью, которая характеризуетъ ихъ нападки, я же лично горячо защищать отсутствующаго противъ нихъ. Здѣсь начало нашей ссоры“.

Отсюда Вакуиничъ отправился въ Берлинъ, Бреслау, а затѣмъ въ Прагу, гдѣ онъ бесполезно пытался вести демократическую и революціонную пропаганду на конгрессѣ славянъ (іюнь), и гдѣ онъ принялъ участіе въ инсurreкціонномъ движеніи, сурово подавленномъ Виндигрецомъ; послѣ этого онъ вернулся въ Бреслау. Во время пребыванія его въ этомъ городѣ въ „*Neue Rheinische Zeitung*“ была помѣщена 6 іюля слѣдующая корреспонденція изъ Парижа: „Что касается славянскія пропаганды, то насъ вчера увѣрили, что Юржъ Зандъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи документы, сильно компрометирующие одного русскаго, отсюда изгнаннаго Михаила Бакунина, которые изображаютъ его, какъ орудіе или какъ агента Россіи, недавно завербованнаго, и которому приписываютъ главную роль въ недавнихъ арестахъ несчастныхъ поляковъ. Юржъ Зандъ показывала эти документы нѣкоторымъ изъ своихъ друзей“.

Вакуиничъ немедленно протестовалъ противъ этой гнусной клеветы въ письмѣ, напечатанномъ въ „*Allgemeine Oder-Zeitung*“ издаваемой въ Бреслау (письмо это воспроизведено въ „*Neue Rheinische Zeitung*“ отъ 16 іюля), и въ то же время обратился

къ Жоржъ Зандъ съ просьбою разъяснить всю эту исторію. Жоржъ Зандъ отвѣтилъ письмомъ на имя редактора „*Neue Rheinische Zeitung*“ отъ 20 июля 1848 г. изъ Шартра, въ которомъ пишетъ: „Факты, изложенные вашимъ корреспондентомъ, безусловно ложны. Я никогда не владалъ ни малѣйшими доказательствами инсинуаций, распространяемыхъ вами противъ М. Бакунина; я никогда не была уполномочена выразить какія бы то ни было сомнѣнія въ лояльности его характера и искренности его убѣждений. Я обращаюсь къ вашей чести и вашей совѣсти немедленно напечатать это письмо въ вашей газетѣ“. Марксъ напечаталъ письмо и въ то же время далъ слѣдующее объясненіе напечатанію клеветнической корреспонденціи изъ Парижа: „Такимъ образомъ, мы исполнили обязанность прессы строго наблюдать за поведеніемъ общественныхъ дѣятелей и дали возможность г. Бакунину разсвѣтить подозрѣнія, которыя дѣйствительно были распространены въ извѣстныхъ кругахъ Парижа“. Всползено говорить объ этой странной теоріи, по которой пресса обязана собирать клевету и распространять ее, не потрудившись проверить самыхъ фактовъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Бакунинъ встрѣтилъ Маркса въ Берлинѣ, и между ними состоялось видимое примиреніе. Въ 1871 г. Бакунинъ по этому случаю писалъ слѣдующее: „Общія друзья заставили насъ объясниться и тогда же, среди общаго разговора наполовину серьезнаго, наполовину шутившаго Марксъ сказалъ мнѣ: „Знаешь ли, что я нахожусь теперь во главѣ тайнаго коммунистическаго общества такъ хорошо дисциплинированнаго, что если я скажу кому-либо изъ его членовъ: „Иди убей Бакунина—и ты будешь убитъ“. Послѣ этого разговора мы не встрѣчались другъ съ другомъ до 1864 г.“.

Двадцать четыре года спустя Марксъ серьезно попытается сдѣлать съ Бакунинымъ то, что онъ говорилъ еще шути въ 1848 г.; когда въ Интернаціональ оппозиція революціоннаго анархиста дѣлается нестерпимой для личнаго господства Маркса, тогда онъ пытается уничтожить ее дѣйствительнымъ моральнымъ убійствомъ.

Бакунинъ, изгнанный изъ Пруссіи и Саксоніи, провелъ остатокъ 1848 г. въ герцогствѣ Ангальтъ. Здѣсь онъ напечаталъ по-нѣмецки свою брошюру: „*Aufruf an die Slaven, von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavencongresses*“. Въ ней онъ развилъ свою программу: союзъ славянскихъ революціонеровъ съ революціонерами другихъ націй, венгерской, нѣмецкой, итальянской для разрушенія трехъ притѣснительныхъ монархій, Россійской имперіи, Австрійской имперіи и Прусскаго королевства; и потомъ свободная федерація освобожденныхъ славянскихъ народовъ. Марксъ считъ своей обязанностью бороться съ этими идеями; онъ писалъ въ „*Neue Rheinische Zeitung*“ (14 февраля 1849 г.): „Бакунинъ—нашъ другъ, но это не помѣшаетъ намъ критиковать его брошюру“, и за-

тѣмъ онъ такъ формулируетъ свою точку зрѣнія: „исключая поляковъ, русскихъ и, быть можетъ, еще турецкихъ славянъ, никакой другой славянской народъ не имѣетъ будущности по той простой причинѣ, что у нихъ нѣтъ основныхъ условий историческихъ, географическихъ, политическихъ и промышленныхъ для самостоятельнаго существованія и жизнеспособности. Относительно различія во взглядахъ на славянской вопросъ между Бакунинымъ и Марксомъ первый писалъ въ 1871 г. слѣдующее: „Въ 1848 г. мы расходились во мнѣніяхъ, и теперь я могу сказать, что его взгляды были правильнѣе моихъ... Увлеченный революціоннымъ движеніемъ, я болѣе занимался отрицательной стороной революціи, а не положительной... Но въ славянскомъ вопросѣ я разсуждалъ основательнѣе его. Какъ славянинъ, я желалъ освобожденія славянской расы изъ подъ ига нѣмцевъ, а Марксъ, какъ нѣмецкій патріотъ, не допускалъ, да и теперь не допускаетъ права славянъ на эмансипацію отъ германскаго ига, полагая теперь, какъ и тогда, что германцы призваны ихъ цивилизовать, т. е. германизировать ихъ во что бы то ни стало“.

Въ январѣ 1849 года Бакунинъ секретно призываетъ въ Лейпцигъ; въ это время онъ, вмѣстѣ съ группою молодыхъ чеховъ изъ Праги, занятъ былъ организаціей восстанія въ Богеміи. Несмотря на прогрессъ реакціи во Франціи и Германіи, еще можно было рассчитывать на успѣхъ, потому что революція была раздѣлена еще не во всей Европѣ. Пій IX, изгнанный изъ Рима, уступилъ мѣсто римской республикѣ, управлявшейся триумвиратомъ изъ Мацини, Сафи и Арменини съ генераломъ Гарibaldi; Венеція, освободившись, выдерживала героическую осаду со стороны австрійцевъ; Венгрія, возставшая противъ Австріи подъ управленіемъ Комуа, провозгласила низверженіе дома Габсбурговъ. Между тѣмъ въ Дрезденѣ вспыхнуло (3 мая 1849) народное восстаніе вслѣдствіе отказа саксонскаго короля принять конституцію германской имперіи, воторанную франкфуртскимъ парламентомъ. Четвертаго мая король бѣжалъ; образовалось временное правительство изъ Гейбнера, Ширнера и Толда, и инсургенты владѣли городомъ въ теченіе пяти дней. Бакунинъ, перѣхавшій въ срединѣ апрѣля изъ Лейпцига въ Дрезденъ, сдѣлался однимъ изъ вождей восстанія, принялъ самыя энергичныя мѣры для защиты баррикадъ отъ прусскихъ войскъ (сначала военнымъ начальникомъ былъ полковникъ Гейнце, а затѣмъ, съ 8 мая, молодой типографъ Стефанъ Борнъ, который въ предшествующемъ году организовалъ первую ассоціацію нѣмецкихъ рабочихъ). Гигантская фигура Бакунина, титулъ его русскаго революціонера привлекали къ нему особенное вниманіе; тотчасъ же около него создалась цѣлая легенда: ему одному приписали пожары, произведенные въ цѣляхъ защиты; онъ былъ, какъ тогда писали, „истинною душою всей революціи“; онъ практиковалъ терроръ, распространявшій ужасъ; онъ совѣтовалъ поставить на баррикадахъ самыя цѣнныя картины изъ

знаменитой дрезденской галлерей, чтобы воспрепятствовать пруссакам стрелять по ним и т. д. и т. д.

Девятого инсургенты, уступая превосходным силам, совершили отступление въ Фрейбергъ; здѣсь Бакунинъ тщетно пытался уговорить Борна, чтобы онъ, съ оставшимися у него силами, перешелъ на территорию Богеміи и попытался тамъ поднять новое возстаніе; но Борнъ отказался и распустилъ свое войско. Тогда, видя, что ничего нельзя больше сдѣлать, Гейбнеръ, Бакунинъ и композиторъ Рихардъ Вагнеръ направились въ Хемницъ. Ночью съ 9 на 10 вооруженные буржуа арестовали Бакунина и Гейбнера и выдали ихъ пруссакамъ; Вагнеру же, скрывшемуся у своей сестры, удалось спастись.

Бакунинъ велъ себя въ Дрезденѣ, какъ энергичный и дальновидный предводитель и рѣшительный воинъ. Марксъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ „*New York Daily Tribune*“ отъ 2 октября 1852 „*On Revolution and contre Revolution in Germany*“ несмотря на свою враждебность къ Бакунину, долженъ былъ признать заслуги, оказанныя послѣднимъ революціонному дѣлу; онъ писалъ: „въ Дрезденѣ борьба продолжалась четыре дня на улицахъ города Лавочники Дрездена, „городская гвардія“, не только не сражались, но во многихъ случаяхъ оказывали помощь войскамъ противъ возставшихъ. Послѣдніе состояли почти исключительно изъ рабочихъ сосѣднихъ фабричныхъ мѣстностей. Они напали въ русскомъ изнанникѣ Бакунинъ способного и хладнокровнаго предводителя“.

IV.

Бакунина посадили въ крѣпость Кенигштейнъ въ Саксоніи и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, 14 января 1850, присудили къ смерти¹⁾; въ іюнѣ смертную казнь замѣнили пожизненнымъ заключеніемъ въ крѣпости и затѣмъ выдали его Австріи, въслѣдствіе ея требованія. Австрійское правительство сначала засадило его въ крѣпость въ Прагѣ, а потомъ (мартъ 1851) перевело въ Ольмюцкую цитадель, гдѣ судили 15 мая 1851 и приговорили къ повѣшенію, но смертную казнь еще разъ замѣнили пожизненнымъ заточеніемъ. Въ австрійскихъ тюрьмахъ его подвергали очень суровому режиму: онъ содержался въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, а въ Ольмюцѣ даже приковали дѣлаю къ стѣнѣ.

Вскорѣ послѣ приговора Австрія выдала Бакунина русскому правительству, которое засадило его въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости. Черезъ нѣкоторое время его посѣтилъ графъ Орловъ и передалъ ему желаніе царя Николая имѣть его исповѣдь. Бакунинъ, принявшій во вниманіе (см. письмо Герцену изъ Прукуса отъ 8 сентября 1860), что „онъ

находится во власти медвѣдя“, что кромѣ этого „вся его дѣятельность прекрасно известна и скрывать больше нечего“ рѣшилъ написать письмо къ царю, въ которомъ говоритъ: „Вы желаете имѣть мою исповѣдь, но Вы не должны игнорировать, что заключенный не обязанъ исповѣдывать грѣховъ другихъ. Мои честь и совѣсть никогда не дозволитъ мнѣ замѣнить кому бы то ни было довѣренному мнѣ, и поэтому я не сообщу Вамъ какихъ-либо именъ“. Николай, прочитавши письмо Бакунина, какъ рассказываетъ Герценъ въ „*Посмертныя Сочиненія*“, сказалъ: „Онъ умный и хороший малый, его надобно держать взаперти“.

При началѣ Крымской войны Бакунина изъ Петропавловской крѣпости перевели (1854 г.) въ Шлиссельбургъ изъ боязни, что первая можетъ быть бомбардирована и взята англичанами: здѣсь онъ заболѣлъ цынгой и потерялъ почти все зубы. Вотъ что писалъ авторъ нижеслѣдующихъ строкъ, написанныхъ имъ на другой день смерти Бакунина и слышанныхъ имъ лично отъ него объ этомъ періодѣ его заключенія въ крѣпости: „Жестокій крѣпостной режимъ совершенно испортилъ его желудокъ; въ концѣ концовъ онъ получилъ отравленіе ко всякой пицѣ и питался исключительно только чами изъ кислой капусты. Если тѣло его и ослабло, то духъ оставался непоколебимымъ. Онъ больше всего боялся ослабленія умственныхъ способностей подъ влияніемъ расслабляющаго дѣйствія тюрьмы, извѣстнымъ примѣромъ чего можетъ служить Сильвѣо Пелико; опасался потерять чувство ненависти и страсть бунтовать, которая его поддерживала, и дойти до состоянія всепрощенія своимъ палачамъ, покориться своей судьбѣ. Но страхъ этотъ оказался преувеличеннымъ; его энергія не оставляла его ни на одинъ день, и онъ вышелъ изъ тюрьмы такимъ же человекомъ, какимъ вошелъ въ нее. Чтобы развлечься отъ скуки долгаго одиночества онъ любилъ, по его словамъ, воспроизводить въ своемъ умѣ легенду о Прометѣѣ, титанѣ-благодѣлѣтѣ людей, прикованномъ къ скалѣ Кавказа по приказу царя Олимпа; онъ намѣревался написать драму съ этимъ сюжетомъ, и намъ помнится составленная имъ мелодія, пѣжная и жалостливая, которую поетъ хоръ нимфъ океана, несущихъ успокоеніе жертвамъ злобы Юпитера“. (См. Bulletin de la Fédération jurassienne de l'Internationale, supplément au numero du 9 juillet 1876 г.).

Со смертью Николая можно было надѣяться, что переимѣна царствования принесетъ облегченіе въ положеніи неукротимаго революціонера, но Александръ II своей собственной рукой вычеркнулъ имя Бакунина изъ списка амнистируемыхъ. Спустя мѣсяцы послѣ этого, мать узника обратилась къ царю съ просьбою о помилованіи ея сына, но самодержецъ отвѣтилъ ей: „Знайте, сударыня, что пока будетъ живъ вашъ сынъ, онъ никогда не выйдетъ на свободу“. Заключеніе Бакунина продол-

¹⁾ Въ отсѣченіи головы. Ред.

жалось еще два года послѣ смерти Николая. Александръ оставался глухъ ко всѣмъ просьбамъ о помилованіи, съ которыми къ нему обращались. Однажды царь, держа въ рукахъ письмо Бакунина, написанное имъ къ Николаю въ 1851 г., обратился къ князю Горчакову, министру иностранныхъ дѣлъ со словами: „Я не вижу ни малѣйшаго раскаянія въ этомъ письмѣ!“ Наконецъ, въ 1857 г. Александръ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился замѣнить ему вѣчное заключеніе ссылкой въ Сибирь.

Бакунина водворили въ Томскѣ. Въ концѣ 1858 г. онъ женился на молодой полькѣ Антонинѣ Квятковской. Вскорѣ послѣ этого, благодаря вмѣшательству его родственниковъ со стороны матери, генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурскаго, Бакунина перевели въ Иркутскъ (мартъ, 1859 г.), гдѣ онъ поступилъ на службу въ Амурскую компанію, а потомъ въ золотопромышленное предприятие. Онъ надѣялся, однако, на свое освобожденіе и возвратъ въ Россію; но Муравьевъ вынужденъ былъ оставить свой постъ, и тогда Бакунинъ увидѣлъ, что ему для достиженія свободы не остается другого средства, кромѣ побѣга изъ Сибири. Въ іюнѣ 1861 г. подъ предлогомъ побѣдки съ цѣлью торговой и изученія края, съ разрѣшенія начальства и какъ представитель фирмы Сабашниковыхъ, онъ отправился изъ Иркутска и добѣжать до Николаевска на Амурѣ (2 іюля), отсюда на казенномъ суднѣ „Стрѣлокъ“ добрался до порта Декастри, а отсюда уже на купеческомъ суднѣ „Викера“ приплылъ въ Хакоади. Изъ Хакоади черезъ Йокгаму, Санъ-Франциско и Нью-Йоркъ 27 октября 1861 г. приѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ по-братски былъ встрѣченъ Герценомъ и Огаревымъ.

V.

О первыхъ шести годахъ вторичнаго пребыванія Бакунина на Западѣ расскажемъ очень коротко. Бакунинъ скоро понялъ, что, несмотря на личную дружбу, связывавшую его съ Герценомъ и Огаревымъ, онъ не могъ объединиться съ ними въ политической дѣятельности, органомъ которой служилъ имъ „Колоколъ“. Въ продолженіе 1862 года онъ изложилъ свои идеи въ двухъ русскихъ брошюрахъ: „Русскимъ, польскимъ и всемъ славянскимъ оружіемъ“ и „Народное Дѣло. — Романовъ, Царевичъ или Пестель?“

Когда въ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе, онъ тотчасъ же попытался присоединиться къ руководившимъ имъ дѣтелямъ; но организация русскаго легіона не удалась; экспедиція Ланинскаго потерпѣла крушеніе, и Бакунинъ, уѣхавшій въ Стокгольмъ съ надеждою устроить вмѣшательство Швеціи, принужденъ былъ вернуться въ Лондонъ (октябрь), не достигнувъ цѣли. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Италію, откуда въ срединѣ 1864 г. совершилъ вторичную побѣдку въ Швецію, заѣмъ черезъ Лон-

донъ, гдѣ видѣлся съ Марксомъ, и Парижъ, гдѣ видѣлся съ Прудономъ, вернулся въ Италію, которая послѣ войны 1859 г. и героической экспедиціи Гарibaldi въ 1860 г. возродилась къ новой жизни; здѣсь онъ оставался до осени 1867 г., жияя сначала во Флоренціи, а потомъ въ Неаполѣ и его окрестностяхъ. Въ это время онъ выработалъ планъ тайной международной организаціи революціонеровъ съ цѣлью пропаганды, а когда наступалъ моментъ, то и дѣйствія. Съ 1864 г. ему удалось сгруппировать въ этомъ обществѣ извѣстное число итальянцевъ, французовъ, скандинавцевъ и славянъ; общество носило названіе *Международное Братство* или *Союзъ революціонныхъ социалистовъ*. Въ Италиі Бакунину съ его друзьями пришлось упорно бороться съ мадзянцами, которые были авторитарными и религиозными республиканцами съ девизомъ *Богъ и Народъ* (*Dio e popolo*). Въ Неаполѣ они основали журналъ „*Libertà e Giustizia*“, въ которомъ Бакунинъ развилъ свою программу. Въ іюлѣ 1866 г. онъ писалъ Герцену и Огареву о существованіи тайнаго общества, которому онъ посвятилъ всю свою дѣятельность послѣднихъ двухъ лѣтъ и сообщилъ имъ также программу его, которой, по его словамъ, два его старшихъ друга были „очень скандализированы“. Организация же къ тому времени, по свидѣтельству Бакунина, имѣла членовъ въ Швеціи, Норвегіи, Даниі, Англіи, Бельгіи, Франціи, Испаніи и Италиі, а также Польшѣ и Россіи.

Въ 1867 г. буржуазные демократы различныхъ національностей, главнымъ образомъ, французы и нѣмцы, основали *Лигу Мира и Свободы* и созвали первый конгрессъ ея въ Женевѣ, надѣявшій такъ много шуму. Бакунинъ питалъ еще тогда кое-какія надежды относительно демократовъ, поэтому явился на конгрессъ, произнесъ рѣчь, сдѣлался членомъ центральнаго комитета Лиги, самъ переселился въ Швейцарію, именно въ Веве и въ теченіе слѣдующаго года старался привести своихъ соотавицей по комитету къ революціонному социализму. На второмъ конгрессѣ Лиги, бывшемъ въ Бернѣ въ сентябрѣ 1768 г., онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими членами его тайной организаціи 1864 г. — Элизе Реклю, Аристидо Рей, Шарль Келлеръ, Викторъ Жакляръ, Джузеппе Фанелли, Саверио Фриши, Николай Жуковский, Валеріанъ Мрочковский и др. — сдѣлалъ попытки провести чисто социалистическія резолюціи, но послѣ нѣсколькихъ дней дебатовъ, революціонные социалисты, увидя себя въ меньшинствѣ, объявили о своемъ отдѣленіи отъ Лиги 25 сентября 1868 г. Въ этотъ же день они основали новое общество подъ именемъ *Международный Союзъ Соціалистической Демократіи*, программу котораго редактировалъ Бакунинъ.

Въ этой программѣ, резюмирующей идеи, въ которыхъ пришелъ авторъ послѣ долгой эволюціи, начавшейся въ Германіи въ 1842 г., говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„Союзъ объявляетъ себя атеистическимъ: онъ желаетъ окон-

чательного и полного уничтожения классов, уравнения политического, экономического и социального индивидуумов обоого пола; онъ желаетъ, чтобы земля, орудія труда и всякій другой капиталъ сдѣлался коллективной собственностью всего общества, могъ быть утилизированъ только рабочими, т. е. земледѣльческими и промышленными ассоціаціями рабочихъ.

„Онъ признаетъ, что всѣ существующія политическія и авторитарныя государства, превращаясь все болѣе и болѣе въ простыя административныя функціи общественныхъ службъ, должны исчезнуть во всеобщемъ союзѣ свободныхъ ассоціацій земледѣльческихъ и промышленныхъ“.

Затѣмъ *Международный Союзъ Соціалистической Демократіи* объявилъ себя вѣтвью *Международнаго Общества Рабочихъ*, статуты котораго онъ принялъ.

Перваго сентября 1868 г. въ Женевѣ появился первый номеръ русскаго журнала „*Народное Дѣло*“, подъ редакціей Бакунина и Н. Жуковскаго по „программѣ русской соціалистической демократіи“, одинаковой въ сущности съ программой *Международнаго Союза Соціалистической Демократіи*. Со втораго номера этого журнала редакция уже переимѣнилась, и „*Народное Дѣло*“ перешло въ руки Николая Утина, который придать ему совершенно другое направленіе.

VI.

Международное Общество Рабочихъ (Интернаціональ) основалось въ Лондонѣ 28 сентября 1864 г.; окончательная его организація и принятіе основныхъ статутровъ его произошло на первомъ конгрессѣ, происходившемъ въ Женевѣ съ 3 по 8 сентября 1866 г.

Бакунинъ не встрѣчался съ Марксомъ съ 1848 г. Когда въ октябрѣ 1864 г. Бакунинъ былъ проездомъ въ Лондонѣ, его посетилъ Марксъ и пожелалъ объясниться съ нимъ по поводу клеветы, когда-то напечатанной имъ въ „*Neue Rheinische Zeitung*“, и которую снова пустили въ обращеніе нѣмецкіе журналисты въ 1853 г. Мадзини и Герценъ приняли на себя защиту оклеветаннаго русскаго и заключеннаго въ крѣпости; Марксъ по этому случаю напечатать въ англійскомъ журналѣ „*Morning Advertiser*“, что клевета эта не имѣетъ рѣшительно никакого основанія и прибавилъ къ этому, что Бакунинъ—его другъ, а теперь же повторилъ ему тоже самое и при личномъ свиданіи. Послѣ этого разговора Марксъ предложилъ Бакунину присоединиться къ Интернаціоналу; но послѣдній, вернувшись въ Италію, предпочелъ посвятить себя организаціи тайнаго общества, о которомъ говорилось выше. Интернаціональ при самомъ началѣ, кромѣ Главнаго Совѣта въ Лондонѣ, имѣлъ еще въ Парижѣ одну группу рабочихъ мютоалистовъ, и ничто не указывало на то значеніе, которое онъ приобрѣлъ впоследствии. Только

Михаилъ Александровичъ
БАКУНИНЪ.
40-хъ годовъ.

послѣ своего второго Конгресса, бывшаго въ Лозаннѣ въ сентябрѣ 1867 г., послѣ двухъ процессовъ въ Парижѣ и большой стачки въ Женевѣ въ 1868 г., онъ привлекъ на себя серьезное вниманіе, сдѣлался огромной силой, роль которой, какъ рычага революціонной дѣятельности, невозможно было игнорировать. На третьемъ конгрессѣ въ Брюсселѣ, въ сентябрѣ 1868 г., начали обнаруживаться идеи коллективизма въ противоположность кооперативизму. Съ іюля 1868 г. Бакунинъ сталъ числиться членомъ Женевской секціи и послѣ Бернского конгресса онъ переселился въ Женеву съ цѣлью дѣятельно вмѣшаться въ рабочее движеніе этого города.

Тотчасъ же имъ данъ былъ энергичный толчекъ пропагандѣ и организаціи. Путешествіе итальянскаго социалиста Фанелли въ Испанію имѣло результатомъ основаніе интернаціональных секцій въ Мадридѣ и Барселонѣ. Секціи французской Швейцаріи объединились въ одну федерацію подъ именемъ Романской федераціи, которая имѣла своимъ органомъ журналъ „*Равенство*“, основанный въ январѣ 1869 г. Въ Швейцарской Юрѣ завязалась борьба съ мнимыми социалистами, тормозившими движеніе, и окончившаяся тѣмъ, что большинство юрскихъ рабочихъ примкнуло къ революціонному социализму. Въ это время Бакунинъ нѣсколько разъ прѣлажалъ въ Юру, чтобы поддержать своимъ словомъ борющихся противъ тѣхъ, кого называли „реакціей“, переряженной въ кооперацію“. Тогда же началась и дружба между нимъ и „юрцами“. Въ Женевѣ же столкновеніе между рабочими „строительными“, социалистами-революционерами по инстинкту, и рабочими „фабричными“ — часовщиками, ювелирами и пр., — стремившимися принимать участіе въ политикѣ вмѣстѣ съ мѣстными радикалами, благодаря вмѣшательству Бакунина окончилось побѣдой революціоннаго элемента, но, къ сожалѣнію, только временной. По этому случаю Бакунинъ велъ энергичную кампанію въ „*Равенствѣ*“, гдѣ въ рядѣ замѣчательныхъ статей изложилъ „политику Интернаціонала“. Интернаціональныя секціи во Франціи, Бельги и Испаніи дѣйствовали въ полномъ согласіи съ секціями французской Швейцаріи, и въ это время уже можно было предвидѣть, что на предстоящемъ конгрессѣ Ассоціаціи Рабочихъ коллективизмъ соберетъ огромное большинство голосовъ.

Главный Совѣтъ Ассоціаціи не захотѣлъ признать *Международный Союзъ Соціалистической Демократіи* (Альянсъ) какъ вѣтъ Интернаціонала, потому что онъ образовывалъ цѣлое международное общество и поэтому можетъ послужить причиной дезорганизаціи. Однимъ изъ мотивовъ такого рѣшенія было недоброжелательство Маркса къ Бакунину, въ которомъ знаменитый нѣмецкій коммунистъ хотѣлъ видѣть „интрижки“, желавшаго разрушить Интернаціоналъ и „преобразовать его въ послушное для себя орудіе“, но, независимо отъ личныхъ чувствъ Маркса, слѣдуетъ признать, что мысль создать рядомъ съ Интернаціо-

наломъ вторую подобную же организацію была неудачна, и бельгийские и юрские друзья Бакунина указали ему на это; онъ согласился съ этимъ и призвалъ справедливымъ рѣшеніе Главнаго Совѣта. Вслѣдствіе этого „Центральное Бюро Союза“, послѣ совѣщанія членовъ организаціи высказалось за распушеніе Союза. Мѣстная группа, создавшаяся въ Женевѣ, преобразовалась въ простую секцію Интернаціонала и, какъ таковая, была принята Главнымъ Совѣтомъ въ юлѣ 1869 г.

На четвертомъ конгрессѣ Интернаціонала, заседавшемъ въ Базелѣ съ 6 по 12 сентября 1869 г., почти единодушно всѣ делегаты высказались за коллективную собственность; слѣдуетъ въпрочемъ констатировать, что между ними образовалось двѣ различныхъ группы: одна—нѣмцы, нѣмецкіе швейцарцы, англичане были государственные коммунисты; другая—бельгийцы, французскіе швейцарцы, испанцы и почти всѣ французы—были коммунисты антигосударственные, или федералисты, или анархисты и которые приняли названіе себя *коллективистовъ*. Естественно, что Бакунинъ принадлежалъ къ послѣднимъ, гдѣ съ нимъ вмѣстѣ, между прочими, были бельгийцы Де-Панъ и парижанинъ Варленъ.

Тайная организація, основанная въ 1864 г., была распушена въ январѣ 1869 г. по причинамъ чисто внутреннимъ, но тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ ея членовъ сохранили между собою связь, и даже къ ихъ группѣ присоединилось еще нѣсколько новыхъ лицъ изъ швейцарцевъ, испанцевъ и французовъ и, между прочимъ, Варленъ. Такое совершенно свободное сближеніе людей, соединившихся для коллективной дѣятельности въ революціонное братство, придавало болѣе силы и связи великому движению, которому Интернаціоналъ служилъ выразителемъ.

Потомъ 1869 г. одинъ изъ друзей Маркса, Борхтейсъ, напечаталъ въ берлинской газетѣ „*Zukunft*“ старую клевету, что „Бакунинъ—агентъ русскаго правительства“, а Либкнехтъ повторялъ ее въ своей газетѣ „*Volksstaat*“. Когда послѣдній прѣхалъ на конгрессъ въ Базель, Бакунинъ пригласилъ его объясниться передъ третейскимъ судомъ. На этомъ судѣ саксонскій социалістъ утверждалъ, что онъ никогда не обвинялъ Бакунина, что онъ ограничился только повтореніемъ того, что было уже напечатано въ другой газетѣ. Судъ единогласно объявлялъ, что Либкнехтъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ съ преступнымъ легкомысліемъ и вручилъ Бакунину эту декларацію, подписанную всѣми членами суда; Либкнехтъ, признавая, что онъ введенъ былъ въ заблужденіе, показъ руку Бакунину, а послѣдній передъ всѣми зажегъ декларацію и закурилъ отъ нея свою сигаретку.

Послѣ Базельскаго конгресса Бакунинъ оставилъ Женеву и перѣхалъ въ Локарно. Это сдѣлано было только подъ влияніемъ личныхъ мотивовъ: нужно было посѣтиться въ мѣстности, гдѣ болѣе дешева условія жизни, и гдѣ возможно было бы

болѣе спокойно заниматься переводами, которые онъ разсчитывалъ имѣть отъ одного петербургскаго издателя (прежде всего долженъ былъ перевести „Капиталъ“ Маркса). Отъѣздъ Бакунина изъ Женевы, къ сожалѣнію, освободилъ поле дѣятельности для политическихъ интригановъ, группировавшихся около русскаго эмигранта Николая Утина, извѣстнаго печальной ролью, разыгранною имъ въ Интернаціоналѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ имъ удалось дезорганизовать Интернаціоналъ и въплоть овладѣть редакціей газеты „*Равенство*“. Марксъ, которого злоба и жалкая ненависть противъ Бакунина, совсѣмъ ослѣпили, не постыжлся унизиться до заключенія союза съ Утинымъ и кликой политиканствующихъ псевдо-соціалистовъ Женевы, дѣятелей Temple-Unique¹⁾. Въ то же время (28 марта 1870 г.) онъ расослалъ „конфиденціальное сообщеніе“ своимъ друзьямъ въ Германію, въ которомъ старается погубить Бакунина въ глазахъ нѣмецкихъ социалистовъ демократовъ, представляя его агентомъ панславистской партіи, отъ которой онъ, по утверженію Маркса, будто бы, получалъ ежегодно двадцать пять тысячъ франковъ.

Утину и его женевскимъ сподвижникамъ, благодаря интригамъ, удалось вызвать расколъ въ Романской Федерациі; она раздѣлилась на двѣ фракціи, изъ которыхъ одна, согласно съ интернационалистами Франціи, Бельгіи и Испаніи, высказалась за революціонную политику, объявивъ, что „всякое соучастіе рабочаго класса въ политикѣ господствующей буржуазіи всегда имѣетъ своимъ результатомъ укрѣпленіе существующаго порядка вещей“; между тѣмъ какъ другая фракція „пропагандировала политическое вмѣшательство и рабочія кандидатуры“. Главнымъ Совѣтъ въ Лондонѣ, нѣмцы и швейцарскіе нѣмцы присоединились къ послѣдней фракціи, фракціи Утина и Temple Unique, а французы, бельгийцы, испанцы—къ первой, т. е. фракціи Юры.

Въ этотъ моментъ Бакунинъ поглощенъ былъ русскими дѣлами. Уже съ весны 1869 г. онъ вошелъ въ сношенія съ Нечаевымъ; онъ вѣрилъ тогда въ возможность организовать огромное крестьянское возстаніе, какъ во времена Разина и Пугачева. Онъ напечаталъ тогда двѣ брошюры: „*Нѣсколько словъ молодымъ братьямъ изъ Россіи*“ и „*Наука и насущное революціонное дѣло*“. Нечаевъ вернулся въ Россію, но вынужденъ былъ снова бѣжать послѣ того, какъ были арестованы почти всѣ его друзья, и вся организація разрушена. Онъ возвратился въ Швейцарію въ январѣ 1870 г. Нечаевъ настаивалъ предъ Бакунинимъ, чтобы онъ оставилъ переводъ „Капитала“²⁾ и посвятить себя

¹⁾ Помѣщеніе, въ которомъ собирался тогдашній женевскій Интернаціоналъ, старій масонскій храмъ.

²⁾ За весь переводъ условлено было заплатить руб., изъ которыхъ триста руб. Бакунинъ получилъ авансомъ. Передела нѣсколько листовъ, онъ полагалъ, что переводъ можетъ окончить Жюльенъ и поэтому имъ не занимаясь, а Нечаевъ общалъ

вносил русской революционной пропаганды; отъ имени русского комитета, представителемъ котораго онъ себя называлъ, онъ получилъ отъ Огарева часть „Вахметьевскаго фонда“; другая часть этого фонда имъ была получена еще отъ Герцена въ предшествующемъ году. Бакунинъ написалъ еще двѣ брошюры: „*Ko officierамъ русской армии*“ и по-французски „*Les Ours des Borne et l'Ours de St. Petersburg*“; тогда же появилось нѣсколько номеровъ изъ новой серии „*Колокола*“ при его участіи. Вообще, въ это время онъ проявлялъ усиленную дѣятельность; но въ концѣ концовъ ему пришлось убедиться, что Печаевъ рассчитываетъ пользоваться имъ, какъ орудіемъ, для обеспечения своей личной диктатуры, прибѣгая къ изуевскимъ приемамъ. Послѣ рѣшительнаго объясненія между ними, имѣвшаго мѣсто въ іюлѣ 1878 г., онъ совсѣмъ прекратилъ всѣ свои отношенія къ молодому революционеру. Бакунину пришлось платиться за свою слишкомъ большую довѣрчивость и за поразившую его странную энергію Печаева. „Нечего говорить,—писалъ Бакунинъ Огареву послѣ этого разрыва,—какую роль глупцовъ сыграли мы. Если бы былъ живъ Герценъ, какъ бы онъ надъ нами зло посмѣялся, и какъ бы былъ онъ правъ! Теперь намъ остается только проглотить эту горькую пилюлю и быть осторожнѣе на будущее время (2 августа 1870)“.

VII.

Въ это время вспыхнула война между Франціей и Германіей, и Бакунинъ съ страстнымъ интересомъ слѣдилъ за ея перипетіями. 11 августа онъ писалъ Огареву: „ты—только русскій, между тѣмъ какъ я интернаціоналистъ“. Въ его глазахъ поражение Франціи феодальной и военной Германіей было бы триумфомъ контръ-революціи; избѣгнуть этого пораженія возможно было только призывомъ всего французскаго народа къ возстанію, чтобы не допустить иностраннаго нашествія и въ то же время избавиться отъ внутреннихъ тирановъ, державшихъ его въ политическомъ и экономическомъ рабствѣ. Онъ писалъ своимъ друзьямъ въ Лионѣ: „Патріотическое движеніе въ 1792 г.—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы должны сдѣлать теперь, чтобы спасти Францію... Итакъ, восстаньте, друзья, съ пѣніемъ Марсельезы, которая въ настоящий моментъ—законный гимнъ Франціи, гимнъ свободы, гимнъ народа, гимнъ человечества, потому что дѣло Франціи стало дѣломъ человечества. Становись патріотами, мы спасаемъ всемірную свободу... О. если бы и былъ молодъ, я не писалъ бы писемъ, а былъ бы среди васъ!“.

ему устроить все это дѣло; но вмѣсто того, чтобы окончить его пожеланіемъ, онъ, бѣзъ вѣдома Бакунина, написалъ издатель (Полыеву) письмо, въ которомъ говорилъ, что, по требованію революціоннаго комитета, переводъ не можетъ быть оконченъ Бакунинымъ; письмо оканчивалось угрозою по адресу издателя въ случаѣ его протеста.

Корреспондентъ „*Volkstaat*“ (газета Либкнехта) писалъ, что парижскіе рабочіе „индифферентны къ настоящей войнѣ“. Бакунинъ глубоко возмущался, что можно приписывать имъ такую преступную апатію, и писалъ имъ, что они не могутъ не интересоваться пѣмъ, чѣмъ насъ шествіемъ, что они безусловно обязаны защищать свободу противъ вооруженныхъ бандъ прусскаго деспотизма. „А,—восклиналъ онъ,—если бы Францію заняла армія пролетаріата Германіи, Англіи, Бельгіи, Испаніи, Италіи, высоко несущаго знамя революціоннаго социализма и объявляющаго міру окончательную эмансипацію труда, тогда я первый закрывалъ бы французскимъ рабочимъ: это ваши братья, встрѣчайте ихъ съ распростертыми объятіями и соединяйтесь съ ними, чтобы вывести остатки сгнившаго буржуазнаго міра!“. Но нашествіе, поразящее въ настоящій моментъ Францію, есть нашествіе аристократическое, монархическое, военное... Французскіе рабочіе, оставаясь предъ нимъ пассивными, измѣняютъ дѣлу не только своей собственной свободы, но измѣняютъ дѣлу пролетаріата всего міра, святому дѣлу революціоннаго социализма“.

Идеи Бакунина о тогдашнемъ положеніи дѣлъ и о томъ, какъ спасти Францію и дѣло свободы, были изложены имъ въ небольшой брошюрѣ, появившейся въ началѣ сентября подъ названіемъ „Письма къ Французу“.

Девятаго сентября онъ уѣхалъ изъ Локarno въ Лионъ и прибылъ туда пятнадцатаго. Тотчасъ же образовался „Комитетъ спасенія Франціи“, чтобы организовать революціонное восстаніе; Бакунинъ былъ самымъ дѣятельнымъ и самымъ смѣлымъ его членомъ; программа движенія была опубликована 26 сентября въ видѣ прокламаціи на красной бумагѣ, подписанной делегатами Лиона, Сентъ-Этьена, Тарара, Марселя. Бакунинъ, хотя и иностранецъ, ни минуты не колебался присоединить свою подпись къ подписямъ друзей, чтобы раздѣлить съ ними всѣ опасности и отвѣтственность. Прокламаціи эти объявляли, что „административная и правительственная машина государства, сдѣлавшись безсильною, отмигается“ и что „французскій народъ беретъ самъ въ свои руки все дѣло“ и затѣмъ предлагали всѣмъ общинамъ Франціи образовывать комитеты спасенія и немедленно прислать въ Лионъ по два делегата отъ каждаго районнаго комитета, изъ которыхъ „образуются революціонный конвентъ для спасенія Франціи“. Народное движеніе 26 сентября помогло революціонерамъ овладѣть ратушей (Hôtel de ville) Лиона; но измѣна генерала Клузере и трусость нѣкоторыхъ лицъ, обремененныхъ довѣріемъ народа, привели къ нарушенію этой попытки. Относительно Бакунина прокуроромъ Республики былъ изданъ приказъ о немедленномъ его арестѣ, но несмотря на это ему удалось уѣхать въ Марсель, гдѣ онъ, скрываясь нѣкоторое время, подготовлялъ новое движеніе. Французскія власти усердно распространяли тогда слухъ, что онъ служитъ агентомъ

Пруссии, и что правительство Национальной Защиты имѣетъ доказательства этого; а Либкнехтъ, съ своей стороны, напечатать въ „*Volksstaat*“ нѣсколько строкъ о движеніи 28 сентября въ Лонѣ и о прокламаціи на красивой бумагѣ въ заключеніе прибавляетъ: „чтобы служить замысламъ Висмарка даже полицейское бюро прессы въ Берлинѣ ничего не могло лучше этого сдѣлать“.

24 октября Бакунинъ, крайне огорченный положеніемъ Франціи, оставилъ Марсель, пересѣвъ на бортъ корабля, капитаномъ котораго былъ другъ его друзей, чтобы черезъ Геную и Миланъ вернуться въ Локарно. Наканунъ отъѣзда онъ писалъ письмо Сентиньону, истинному социалисту, пріѣхавшему во Францію съ надеждою вмѣшаться въ революціонное движеніе: „Французскій народъ совсѣмъ нереволюціоненъ... милитаризмъ, бюрократизмъ, дворянская надменность и протестантскій изуевизмъ Пруссіи, дружескіе соединившіеся съ кнутомъ моего дорогого суверена и императора всея Россіи, торжествуютъ побѣду на континентѣ Европы, вѣроятно, на очень продолжительное время. Прощайте всѣ наши мечты о грядущей эмансипаціи!“ Движеніе, вспыхнувшее въ Марселѣ 31 октября, спустя семь дней послѣ отъѣзда Бакунина подтвердило его пессимистическій приговоръ: революціонная коммуна, учрежденная въ Hôtel de Vill^e подѣ впечатлѣніемъ капитуляціи Базена, поддерживала только пять дней и 4 ноября передала свою власть въ руки комиссара Гента, присланнаго Гамбеттой.

Вернувшись въ Локарно, гдѣ онъ всю зиму прожилъ въ уединеніи, испытывая матеріальную нужду и лишения, Бакунинъ написалъ „*L'Empire kioodo-germanique et la révolution sociale*“, которая служить продолженіемъ „*Писемъ къ Французамъ*“ и высказываетъ новое положеніе Европы, созданное войною; брошюра эта появилась весною 1871 г. Извѣстіе о парижскомъ возстаніи 18-го марта отчасти опровергало его мрачныя предсказанія, показывая, что парижскій пролетаріатъ, по меньшей мѣрѣ, сохранилъ свою энергію и свой бунтовскій духъ. Но героизмъ парижскаго народа не въ силахъ былъ гальванизировать истощенную и побѣжденную Францію; многочисленные попытки въ разныхъ мѣстахъ провинцій распространить коммунальное движеніе, потерпѣли крушеніе, и храбрые парижскіе инсургенты были, наконецъ, раздавлены численнымъ превосходствомъ врага, и Бакунинъ, съ конца апрѣля жившій среди яростныхъ друзей, чтобы быть ближе французской границѣ, снова долженъ былъ вернуться въ Локарно первого іюня. Но на этотъ разъ онъ былъ далеко не обезкураженъ. Парижская Коммуна, предметъ страшной ненависти всей коализированной реакціи, зажгла искру надежды въ сердцахъ всѣхъ эксплуатируемыхъ; пролетаріатъ всего міра привѣтствовалъ героическій народъ, потоками проливавшій свою кровь за эмансипацію человечества; „современный Сатана, великій бунтовщикъ побѣжденъ, но не успокоенъ“

по выраженію Бакунина. Итальянскій патріотъ Мадзини присоединилъ свой голосъ къ тѣмъ, кто прокламалъ Парижъ и Интернаціоналъ; Бакунинъ написалъ „*Réponse d'un international à Mazzini*“, появившійся въ августѣ 1871 г. одновременно по-итальянски и по-французски; онъ произвелъ огромную сенсацію въ Италіи и среди молодежи и рабочихъ вызвалъ большое движеніе умовъ, послужившее основанію многочисленныхъ секцій Интернаціонала къ концу 1871 г. Вторая его брошюра „*La Théologie politique de Mazzini et l'Internationale*“ окончила начатое дѣло, и Бакунинъ, создавшій Интернаціональ въ Испаніи, благодаря отпраздъ туда Фанели въ 1868 году, теперь создалъ Интернаціональ въ Италіи, благодаря полемикѣ его съ Мадзини въ 1871 г. Итальянскій Интернаціональ съ жаромъ бросился въ борьбу не только противъ господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ, но и противъ покушеній отдѣльных лицъ, стремившихся въ этотъ моментъ установить принципы власти въ Международной Ассоціаціи Рабочихъ.

VIII.

Расколъ въ Романской Федерациі могъ бы окончиться примиреніемъ, если бы этого пожелалъ Главный Совѣтъ въ Лондонѣ, и если бы агенты Совѣта Утинъ не были вѣроломными; на самомъ же дѣлѣ онъ еще болѣе усилился и сталъ неподдающимся. Въ августѣ 1870 г. Бакунинъ и его трое друзей были исключены изъ Женевской секціи за то, что выразили свое сочувствіе юрпамъ. Въслѣдъ за окончаніемъ войны 1870—1871 гг. въ Женевѣ появились агенты Маркса съ цѣлью возобновить тамъ раздоры; члены Аллианса, закрывая свою секцію, полагали, что это послужитъ доказательствомъ ихъ мирныхъ намереній, но партизановъ Маркса и Утина это не обезоружило; новая секція пропаганды и революціонно-соціалистической дѣятельности, основанная въ Женевѣ эмигрантами Парижской Коммуны и въ которую вступили бывшіе члены Аллианса, не была принята въ Интернаціональ Главнымъ Совѣтомъ. Главный Совѣтъ, по настоянію Маркса и Энгельса, рѣшилъ созвать въ Лондонѣ, въ сентябрѣ 1871 г., вмѣсто общаго конгресса Интернаціонала тайную конференцію, составившуюся почти исключительно изъ приверженцевъ Маркса. Онъ же и побудилъ ее принять рѣшенія, нарушавшія автономію секцій и федераций Ассоціаціи, предоставивъ Главному Совѣту власть, противную Статутамъ Общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ конференція предполагала организовать подъ руководствомъ того же Совѣта такъ называемую „политическую дѣятельность рабочаго класса“.

Крайне необходимо было помѣшать небольшой группѣ сектантовъ, марксистовъ и бланкистовъ, поглотить Интернаціональ, такую обширную федерацію союзовъ, организованныхъ для борьбы на экономической почвѣ противъ эксплуатаціи ка-

питала. 12 ноября 1871 г. Юрская секция вместе с Женевской секцией пропаганды основали в Сонвилле Юрскую Федерацию и обратились ко всем федерациям Интернационала с воззванием, приглашавшим их присоединиться к этой организации с целью борьбы против захватов Главного Совета и энергичного отстаивания своих автономий. „Будущее общество—говорилось в воззвании—будет не что иное, как всемирное распространение организации Интернационала; поэтому мы должны употребить все наши силы, чтобы эту организацию по-возможности приблизить к нашему идеалу. Возможно ли, чтобы свободное и равноправное общество образовалось из авторитарной организации? Нет, невозможно. Интернационал, как зародыш будущего общества, должен теперь же быть вверным изображением наших принципов свободы и федерации и должен отвергать всякий принцип, клонящийся к власти и диктатуре“⁴.

Бакунин с энтузиазмом принял воззвание, составленное в Сонвилле и самым энергичным образом стал пропагандировать его принципы среди итальянских секций. Испания, Бельгия, большая часть секций Франции, превратившихся под влиянием версальской реакции в тайные союзы и большинство секций Соединенных Штатов, высказались в пользу Юрской Федерации. После этого можно было быть уверенным, что стремление Маркса и его сторонников подчинить Интернационал своей власти потерпит неудачу. В первой половине 1872 г. был издан Главным Советом „секретный циркуляр“, составленный Марксом и написанный отдельной брошюрой под названием: „Мнимый раскол в Интернационале“. Главные деятели автономистов, или федералистов подвергаются здесь личным нападкам и диффамации, а протесты, поднимавшиеся со всех сторон против известных действий Главного Совета, изображаются, как результат интриги, замышленной членами прежнего Международного Союза Социалистической Демократии, которые, под руководством „таинственного папы из Локарно“, работали над разрушением Интернационала. Бакунин совершенно верно сказал, чем заслуживает этот циркуляр в письмах к своим друзьям: „Дамоклов меч, которым так долго нам угрожали, наконец, пал на наши головы. Но, собственно говоря, это не меч, а обычное оружие г. Маркса—кула сквернословия“.

Лето и осень 1872 г. Бакунин провел в Цюрихе, где, по его инициативе, первого августа организовалась Славянская секция почти исключительно из студентов и студенток русских и сербов; они присоединились к Юрской Федерации Интернационала. Еще в апреле в Локарно он завязал сношения с несколькими студентами и организовал из них тайный кружок действий и пропаганды. Наиболее деятельным членом этого кружка был Армань Росс (Мих. Са-

жинь), который был тесно связан с Бакуниным с лета 1870 года и оставался до весны 1876 г. главным посредником между русской молодежью и великим революционным агитатором. Можно сказать, что пропаганда, веденная тогда Бакуниным, послужила импульсом для деятельности молодежи в течение следующих лет: это имь был дан парол, что молодежь должна „идти в народ“. Росс устроил русскую типографию в Цюрихе, в которой в 1878 г. под названием „Историческое развитие Интернационала“ напечатан был сборник статей, появлявшихся в бельгийских и швейцарских социалистических журналах, с некоторыми примечаниями разных авторов и, между прочим, со статей Бакунина об Альянсе; в 1874 г. издано было сочинение Бакунина „Государственность и Анархия“¹). Славянская секция прекратила свое существование в Цюрихе в 1873 г. вследствие разногласия между некоторыми членами, а также и благодаря столкновению с П. Л. Лавровым.

Между тем Главный Совет решил созвать общий конгресс 2-го сентября 1872 г. Местом заседаний конгресса он избрал Гагу, чтобы облегчить прибытие из Лондона возможно большему числу, снабженных фактивными или данными из любезности полномочными делегатами, воплоти преданных политик Совету, и с другой стороны, чтобы затруднить прибытие на конгресс делегатам отдаленных федераций, а для Бакунина сбывать его совершенно невозможным. Вновь учрежденная Итальянская федерация совсем воздержалась от послыки делегатов; Испанская федерация послала 4, Юрская федерация—2, Бельгийская—7, Голландская—4, Английская—5. Эти 22 делегата, единственно истинные представители Интернационала, образовали ядро меньшинства. Большинство, в числе 40 человек, в действительности было представителями только самого себя, и оно заране было исполнить все, что будет ему продиктовано которой, руководимой Марксом и Энгельсом. Мы коснемся здесь только одного акта конгресса в Гаге—исключения Бакунина из Интернационала; оно было принято в самый последний день заседаний (7 сентября), когда треть делегатов уже разбжалась при 27 голосах за, восьмью против и восьмью воздержавшихся. Мотивы, на основании которых, после жалкого подобия разбжования при закрытых дверях, в комиссии из 5 лиц, Маркс и его сторонники потребовали исключения Бакунина, сводились к двум следующим: „Доказывается проектом устава и письмами за подписью Бакунина, что этот гражданин стремился и, быть может, уже успел организовать общество в Европе под именем Союз (Альянс), устав которого как с социаль-

¹) Третий том: „Анархия по Прудону“, появившийся в Лондоне, куда была перенесена типография в 1874 г., не принадлежит Бакунину.

ной, так и съ политической точки зрѣнія совершенно расходится со статутами Международной Ассоціаціи Рабочихъ; что гражданинъ Бакунинъ прибѣгалъ къ безчестнымъ приемамъ съ цѣлью завладѣть частью или всѣмъ достояніемъ другого лица, что составляетъ дѣяніе мошенническое; что, кромѣ этого, чтобы отбѣлаться отъ исполненія своихъ обязательствъ, онъ или его агенты прибѣгали къ застрачиваніямъ⁴. Вотъ именно къ этой второй части обвинительнаго акта марксистовъ противъ Бакунина, гдѣ дѣлается указаніе на триста руб., полученныхъ вперёдъ Бакунинымъ за переводъ „Капитала“ и на письмо Нечаева къ издателю Полюкову, объ этомъ переводѣ я и указывалъ выше, какъ на покушеніе на нравственное убійство.

Противъ такой низости и подлости немедленно были начаты по-французски протесты группы русскихъ эмигрантовъ. Приводимъ здѣсь существующія выдержки изъ него: „Женева и Цюрихъ, 4 октября 1872 г.... Намъ другу Михаилу Бакунину осмѣлились бросить обвиненіе въ мошенничество и шантажъ... Мы не считаемъ ни необходимымъ, ни своевременнымъ опровергать здѣсь ложные факты, на которые рассчитывали опереться для подтвержденія нелѣпаго обвиненія, введеннаго на нашего соотечественника и друга. Факты эти намъ хорошо извѣстны, извѣстны до мельчайшихъ подробностей, и мы считаемъ своей обязанностью возстановить ихъ съ полной правдивостью тотчасъ же, какъ только явится возможность это сдѣлать. Въ настоящее время этому препятствуютъ несчастное положеніе другого нашего соотечественника, хотя не принадлежащаго къ числу нашихъ друзей, но въ данный моментъ сдѣлавшагося для насъ священнымъ въ виду преслѣдованія его со стороны русскаго правительства“¹). Г. Марксъ, доводъ котораго мы не намѣрены оспаривать, на этотъ разъ по меньшей мѣрѣ очень плохо рассчиталъ. Сердца честныхъ людей всоуду будутъ испытывать, безъ сомнѣнія, только негодованіе и отвращеніе въ виду такой грубой интриги и такого вопиющаго нарушенія самыхъ обыкновенныхъ принциповъ справедливости. Что же касается Россіи, то мы можемъ увѣрить г. Маркса, что всѣ его маневры потерпятъ полную неудачу: Бакунинъ тамъ пользуется слишкомъ большимъ уваженіемъ и извѣстностью, чтобы клевета могла его коснуться... (Подписали) Николай Огаревъ, Вароудомей Запѣвъ, Владиміръ Озеровъ, Армавъ Россъ, Владиміръ Гольштейнъ, Земфірій Разли, Александръ Эльшицъ, Валеріанъ Смирновъ“.

X.

Вслѣдъ за окончаніемъ конгресса въ Гаагѣ, 15 сентября собрался другой интернаціональный конгрессъ въ Сентъ-Имьѣ въ швейцар-

¹) 14 августа 1872 г. въ Цюрихѣ арестовали Нечаева, а 27 октября швейцарское правительство уже его выдало русскому правительству.

ской Юрь; въ немъ приняли участіе всѣ делегаты Итальянской, Испанской и Юрской Федераций и представители французскихъ и американскихъ секцій. Конгрессъ этотъ единогласно провозгласилъ: отвергнуть всѣ резолюціи Гаагскаго конгресса и относить не признавать полномочій избраннаго послѣднимъ новымъ Главнаго Совѣта⁴, переведеннаго въ Нью-Йоркъ. Итальянская Федерация еще 4 августа на конференціи въ Римини вотируетъ за резолюціи, принятія въ Сентъ-Имьѣ; Юрская Федерация утвердила ихъ на спеціальномъ конгрессѣ, состоявшемся тоже 15 сентября; большая часть французскихъ секцій посѣщили выразить свое полное ихъ одобреніе; Испанская и Бельгійская Федерация, въ свою очередь, утвердили эти резолюціи на своихъ мѣстныхъ конгрессахъ, происходившихъ въ Кордовѣ и Брюсселѣ на Рождествѣ 1872 г.; Американская Федерация, на засѣданіи своего федеральнаго конгресса 19 января 1873 г., и Английская Федерация, на своемъ конгрессѣ 26 января 1873 г. Къ Английской Федерациі принадлежали, между прочимъ, Эдкаръ и Юнгъ, два старыхъ друга Маркса, которые, вслѣдствіе его такихъ поступковъ, отбѣлились отъ него⁵).

Нью-Йоркскій Главный Совѣтъ, желая сдѣлать употребленіе изъ власти, предоставленной ему Гаагскимъ конгрессомъ, постановилъ 5 января 1873 г. закрытіе Юрской Федерациі, объявивъ ее мятежной. Единственнымъ результатомъ такого поступка явилось то, что Голландская Федерация, пытавшаяся до сихъ поръ сохранять нейтралитетъ, теперь отбросила свою сдержанность и присоединилась къ семи другимъ федерациямъ Интернаціонала, заявивъ 14 февраля 1873 г., что она не признаетъ закрытія Юрской Федерациі.

Во второй половинѣ 1873 г. Марксъ съ небольшою группою лицъ, оставшихся ему вѣрными, напечаталъ памфлетъ, наполненный самыми грубыми искаженіями истины подъ заглавіемъ „Совѣтъ Соціалистической Демократіи и Международная Ассоціація Рабочихъ“, единственнымъ результатомъ его было чувство отвращенія у всѣхъ, читавшихъ это печальное произведеніе слѣпой ненависти.

1-го сентября 1873 г. въ Женевѣ открылся шестой общій конгрессъ Интернаціонала, на которомъ присутствовали представители Федераций Бельгіи, Голландіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи и Швейцарской Юрь; Берлинскіе социалисты ласкальянцы прислали сочувственную телеграмму, подписанную Газенклеверомъ и Гассельманомъ. Конгрессъ занялся пересмотромъ статута Интернаціонала; онъ постановилъ уничтоженіе Главнаго Совѣта и создалъ изъ Интернаціонала свободную федерацию, не имѣющую болѣе во главѣ никакой господствующей власти: „Федерациі и секціи, входящія въ составъ Ассоціаціи,—

⁵) Бланкети отбѣлился отъ Маркса еще 6 сентября на Гаагскомъ конгрессѣ, обвинивъ его въ измѣнѣ.

как сказано в новых статутах (параграфъ 3),—сохраняютъ за собою полную автономію, т. е. право организоваться по собственному желанію, управлять своими дѣлами безъ всякаго внѣшняго вмѣшательства и определять самостоятельно путь, по которому онѣ предполагаютъ слѣдовать для достиженія эмансипаціи труда*.

Жизнь, преисполненная долгой борьбы, утомила Бакунина; тѣрпѣе преждевременно его состарила, здоровье его было сильно расшатано, и онъ жаждалъ теперь уединенія и покоя. Когда онъ увидѣлъ реорганизованный Интернаціональ благодаря триумфу принципа свободной федераціи, онъ думалъ, что теперь наступилъ моментъ разстаться съ своими товарищами и поэтому написалъ письмо членамъ Юрской Федераціи (12 октября 1873 г.), въ которомъ „проситъ ихъ принять его увольненіе изъ членовъ Юрской Федераціи и изъ Интернаціонала“, прибавляя: „я не чувствую въ себѣ болѣе необходимыхъ силъ для борьбы; въ лагерь пролетаріата я буду только помѣхой, а не пособникомъ... я удаляюсь, дорогие товарищи, полный приверженности къ вамъ и симпатіи къ вашему великому и святому дѣлу, дѣлу человечества. Я буду слѣдить съ братскимъ безпокойствомъ за вашими шагами и буду приветствовать съ восторгомъ каждый вашъ новый успѣхъ. До смерти я останусь вашимъ“. Послѣ этого письма онъ не прожилъ и трехъ лѣтъ.

Одинъ изъ друзей Бакунина, итальянскій революціонеръ Карло Кафiero далъ ему пріютъ въ виллѣ, купленной имъ близъ Локарно въ итальянской части Швейцаріи. Здѣсь Бакунинъ и жилъ до середины 1874 г., казалося, исключительно поглощенный новымъ образомъ жизни, въ которомъ онъ нашелъ, наконецъ, покой, безопасность и относительное благосостояніе. Однако онъ не переставалъ смотреть на себя, какъ на солдата революціи: итальянскіе друзья его подготовили возстаніе, и онъ отправился въ Болонью (іюль 1874), чтобы принять въ немъ участіе; но движеніе, плохо рассчитанное, не удалось, и Бакунинъ принужденъ былъ передѣльнымъ вернуться въ Швейцарію.

Въ это время небольшое облако омрачило дружбу Бакунина и Кафiero. Послѣдній, безразсѣтно передавая свое состояніе на революціонныя дѣла, оказался близокъ къ разоренію и поэтому вынужденъ былъ продать виллу, а Бакунинъ въ слѣдствіе этого переѣхалъ въ Лугано, гдѣ благодаря долгу насильства, полученной отъ братьевъ, онъ могъ существовать съ семьей. Временное охлажденіе между Бакунинымъ и Кафiero было непродолжительно, и дружескія отношенія между ними скоро возстановились. Между тѣмъ болѣзнь его прогрессировала, разрушая тѣло и духъ, и въ 1875 г. отъ Бакунина оставалась только одна тѣнь его. Въ іюль 1876 г., въ надеждѣ облегчить свои страданія, онъ отправился изъ Лугано въ Бернъ, куда прибылъ 14 іюня къ своему другу, доктору Адольфу Форту, и обратился къ нему со словами: „Я пріѣхалъ сюда, чтобы ты поставилъ меня на ноги или

же умереть здѣсь“. Его помѣстили въ клиникѣ Hug-Braun's, гдѣ въ продолженіе двухъ недѣль онъ окруженъ былъ нѣжными заботами своихъ старыхъ друзей Форта и Рейхеля. Въ одной изъ послѣднихъ бесѣдъ (15 іюня), отмѣченныхъ Рейхелемъ, говоря о Шпенгауэртѣ, Бакунинъ замѣтилъ, что вся наша философія исходитъ изъ ложной базы: „она рассматриваетъ человека, какъ индивида, вмѣсто того, чтобы рассматривать его, какъ существо, принадлежащее коллективности; отсюда большая часть философскихъ заблужденій, приводящихъ то къ грезѣ о заоблачномъ счастьи, то къ пессимизму Шпенгауэра и Гартмана“. 21 іюня на сожалѣніе, выраженное Рейхелемъ, что Бакунинъ не нашелъ времени написать свои воспоминанія, онъ отвѣтилъ: „скажи-ка, для кого я сталъ бы ихъ писать? Не стоить открывать рта. Въ настоящій моментъ народы всѣхъ странъ утратили революціонный инстинктъ... Пить, если я еще поправлюсь, я желаю бы лучше написать этику, основанную на принципахъ коллективизма безъ философскихъ и религіозныхъ фразъ“.

Бакунинъ умеръ первого іюля въ полдень.

Третьяго іюля съѣхались социалисты въ Бернъ изъ различныхъ мѣстностей Швейцаріи, чтобы отдать послѣдній долгъ Бакунину. Надъ гробомъ его были произнесены рѣчи нѣкоторыми изъ его друзей изъ Юрской Федераціи, какъ Адемаромъ Швигтсбелемъ, Жюзефомъ Гилломомъ, Элизе Реклю, Николаемъ Жуковскимъ отъ лица русскихъ, Поль Вруссомъ отъ французской революціонной молодежи; Карломъ Сальвиони отъ итальянской революціонной молодежи, Бетсиеномъ отъ имени нѣмецкаго пролетаріата. На собраніи, состоявшемся послѣ похоронъ, всѣ присутствующіе сошлись на единодушномъ желаніи предать забвенію на могилѣ Бакунина всѣ чисто личныя распри и объединить на почвѣ свободы всѣ фракціи социалистической партіи всего міра. Слѣдующая резолюція была единодушно принята:

„Собравшіеся въ Бернѣ по случаю смерти М. Бакунина рабочие пяти различныхъ національностей,—при чемъ одни партизаны рабочаго государства, другіе приверженцы свободной федераціи группъ производителей,—считаютъ, что примиреніе не только очень полезно, очень желательно, но и очень легко на почвѣ принциповъ Интернаціонала, какъ они формулированы третьимъ параграфомъ основныхъ статутовъ, пересмотрѣнныхъ на Женевскомъ конгрессѣ 1873 года.

„Въ силу этого собраніе, состоявшееся въ Бернѣ, предлагаетъ всѣмъ рабочимъ забыть вредныя и прискорбныя распри въ прошломъ и объединиться тѣсно на почвѣ принциповъ, изложенныхъ въ третьемъ параграфѣ вышеупомянутыхъ статутовъ“.

Желаете ли знать, какой данъ былъ отвѣтъ на это предложеніе объединенія на принципѣ свободы и забвенія прошлыхъ раздоромъ? Цюрихскій „*Tagesacht*“ (редакторъ Германъ Грейхль)

поместить у себя следующие строки въ номерѣ отъ 8 июля: „На Бакунина смотрѣли многіе хорошіе социалисты, люди безпартийные, какъ на *русскаго агента*; это подозрѣніе, ложное безъ сомнѣнія, основывалось на томъ, что разрушительная дѣятельность Бакунина приносила только зло революціонному движенію и въ то же время была очень полезна для реакціи“. Такая клевета „*Tagwacht*“ а, а также недоброжелательные отзывы лейпцигскаго „*Volksstaat*“ и лондонскаго „*Впередъ*“ показали друзьямъ Бакунина, что противники, преслѣдовавшіе его своей ненавистью, не расположены обезоружиться. Въ виду такихъ враждебныхъ манифестацій „*Bulletin de la Fédération Juraissienne*“ напечатать 10 сентября такое заявленіе: „Мы желаемъ, и наше поведеніе всегда доказывало это, сближенія по мѣрѣ возможности всѣхъ социалистическихъ группъ; мы готовы протянуть руку примиренія всѣмъ, кто искренно желаетъ бороться за освобожденіе труда; но въ то же время мы твердо рѣшились не допускать оскорблять памяти нашихъ дорогихъ покойниковъ“.

Не наступилъ ли, наконецъ, моментъ, когда потомство безпристрастно можетъ судить личность и дѣятельность М. А. Бакунина, и можно ли надѣяться, что желаніе, выраженное его друзьями надъ только что закрывшеюся могилою, наконецъ, осуществится?

Ж. Гильомъ.

Письмо М. А. Бакунина неизвѣстному ¹⁾.

12 мая 1862 года. Лондонъ.
10. Paddington Green. М.

Милый другъ! Ты изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы я передалъ тебѣ мой взглядъ на настоящее положеніе славянъ и сообщилъ письменно о средствѣхъ освобожденія ихъ отъ всякаго, а особенно отъ нѣмецкаго ига. Вскорѣ въ лондонскомъ „*Колоколѣ*“ появится мое сочиненіе объ этомъ предметѣ; родъ названія къ славянамъ, въ которомъ я пространнѣе и полнѣе разберу этотъ вопросъ; теперь же я удовольствуюсь общими указаніями.

Со времени Прагскаго конгресса начинается новая жизнь, новая исторія славянъ; только съ 1848 года они повали и сознали свое европейское значеніе. Но съ тѣхъ поръ они многое утратили. На мѣсто общаго великаго славянскаго движенія, коего душой былъ безсмертный Шафарикъ, а Прага—центромъ большей части славянскаго міра, была препоставлена хотя хитрая и умная, но крайне непрактическая и вредная политика централизаціи, вѣдѣніе чего у васъ большинство официальныхъ лицъ нѣмциская земля за себя, а чортъ за Австрію—вотъ избранная поговорка настоящихъ вашихъ предводителей. Софисты Палацкій и Ригеръ все у васъ перевернули; отравили юность, ложно руководили ее и морочили народъ. Заставили васъ измѣнить идеалу, коимъ столь могущественны были славяне, вмѣсто того внушали вамъ, что ваше единственное спасеніе заключается въ нѣмецкихъ теоріяхъ давно состарѣвшейся и нигуда негодной политики. Что вы приобрѣли? Вамъ измѣнили, васъ продали; вамъ навязали выборное начало, которое есть не что иное, какъ ошлеуха, данная историческимъ и національнымъ преданіямъ; и все это потому, что официальное большинство у васъ нѣмцы. Принявъ патентъ, посялавъ вашихъ выборныхъ въ Вѣну, вы этимъ утвердили зависимость Бѣлой Горы и тѣмъ дали постоерожествовать германцамъ надъ славянами. Вы своими собственными

¹⁾ Настоящее письмо очень характерно для опредѣленія панславистскихъ идей Бакунина въ 1862 году. Оно является прекраснымъ дополненіемъ его „Воззванія къ славянамъ“, прочитаннаго на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ 1848 года и напечатаннаго въ драгомановскомъ изданіи его рѣчей и воззваній. Письмо это было написано по-нѣмецки и, найденное австрійскимъ правительствомъ, было приложено нашему правительству въ литографированной копій. Переводъ съ нея сдѣланъ въ министерствѣ въ иностранныхъ дѣлъ

руками разорвали последнюю нить независимости Богемии. Не имея больше исторической опоры, вам остается только революция. Какъ пришло несчастіе? Измѣнѣ? Не думаю.

Палацкій и Ригеръ, люди по сердцу хорошіе, ошиблись въ ихъ годахъ, которая сдѣлалась совершенно нѣмецкими. Оба слишкомъ мало надѣются на народъ и слишкомъ много на себя. Самолюбіе и личная гордость ихъ погубила и сдѣлала не только безполезными для отечественнаго и общеславянскаго дѣла, но положительно вредными. Они вообразили себя столь умными, что думали не только обмануть весь свѣтъ, но и Австрію, это глѣздо исторической лжи. Громадное, живое хотѣли они перевернуть мелкими средствами, а теперь, когда потерпѣли совершенное пораженіе, они не имѣютъ ни великодушія, ни справедливости признаться въ ошибкѣ. Нѣтъ, отъ подобныхъ людей ожидать нечего. Наконецъ, какой представляли они вамъ идеаль? Славянскую Австрію или Австро-Славянскія владѣнія, т. е. грязную чистоту, или чистую грязь, дышащую рабствомъ свободѣ. Такая дикая мысль могла родиться въ головахъ, превратившейся совершенно въ нѣмецкую голову. Ничѣ славянское сердце ее не одобритъ, никакая славянская рука не подпишетъ, потому что каждому истинному славянину она отвратительна. Вы подумайте о Бѣлой Горѣ, если желаете, сдѣлаетесь австріяками. Молодежь въ Прагѣ не имѣетъ больше предводителя, она должна сама себя руководить безъ гордости и самолюбія, потому что гордость и самолюбіе не увеличиваютъ, а уменьшаютъ силу; тѣмъ болѣе, что настоящая молодежь не имѣетъ основанія быть гордой и самолюбивой, она позволяла себя слишкомъ долго обманывать и еще не сдѣлала ничего хорошаго; созная свою неопытность, она должна приступить къ дѣлу со смиреніемъ, которое чувствуетъ всякій разумный человѣкъ передъ великимъ событіемъ. Свое право должна она основывать на необходимости этого дѣла; положить всю силу свою, созная всю важность онаго безъ пустого самолюбія, но и безъ малодушія.

Я укажу на самый важный пунктъ.

Это отношеніе молодежи къ народу. Обыкновенно, эти отношенія высокомерныя и правительственно-аристократическія. Въ 1848 и 1849 годахъ мы это замѣтили во всѣхъ нѣмецкихъ студентахъ безъ исключенія; то же самое высказывается теперь въ парижской молодежи, не народъ и пролетаріатъ называетъ она въ своей пѣснѣ "Парижскимъ Львомъ". Эти отношенія крайне долги и предвѣстны, чтобы образованное юношество стояло выше народа. Въ народѣ, какъ бы онъ мало образованъ ни былъ, если онъ только живой народъ, таится источникъ жизни, истинная будущность; и юношество, какъ бы оно образовано ни было, до тѣхъ поръ живуче и дѣятельно, пока находится въ единеніи съ народомъ; иначе, оно засыхаетъ, какъ цвѣтокъ, оторванный отъ своего корня. Особенно справедливо это относительно славянскихъ юношей и всѣхъ образованныхъ сословій славянскихъ земель. Къ несчастію, образованіе наше совсѣмъ не славянское, у васъ оно нѣмецкое, у насъ—французское. Только народъ остался чисто славянскимъ. Вы, напримеръ, ненавидѣте нѣмцевъ, но, по вашему образу мыслей и роду жизни, большинство изъ васъ пропитано насѣвозъ нѣмецкими обычаями. Вы по настоящему не что болѣе, какъ овѣмѣвшіеся славяне, которые то что бы то ни стало и со всей энергіей

должны опять сдѣлаться славянами. Кто дастъ къ тому средства? Книгъ нѣтъ, потому что книги нѣмецкія. Жизни славянскія? Гдѣ вы находите славянскую жизнь, только въ вашемъ народѣ. Для того, чтобы не слушаться нѣмецкихъ книгъ, сбросить съ себя это иго, вы должны безогляательно примкнуть, слиться съ народомъ; потеряться въ немъ съ вашей нѣмецкой мудростью и ученостью. Вы передаете народу самосознаніе, а онъ вамъ дастъ жизнь и элементы чисто славянскіе.—Кто дастъ болѣе? Разумѣется, народъ. Итакъ, вы должны обитать и сблизиться съ народомъ; и особенно съ сельскимъ сословіемъ, какъ съ источникомъ славянской жизни, и не какъ надменные учителя, но какъ смиренные ученики. Когда онъ передастъ вамъ свою львиную силу, тогда вы будете въ правѣ предводить народомъ и сдѣлаетесь вполне сильны для блага своей земли. Когда вы сблизитесь съ вашимъ народомъ, вы увидите, что подвигнуть его можно не узкимъ взглядомъ и мелкими интригами конституціи, но матеріальными выгодами и великими идеалами. Понятія относительно матеріальныхъ выгодъ нужно вливать въ народъ не вдругъ, а постепенно и осторожно. Многое было бы уже своевременно, но въ Богеміи нѣмецкіе дворяне имѣютъ слишкомъ много помѣстій, которые должны принадлежать народу и только мѣстному народу. Идеаль, это возстановленіе древней славянской свободы, не по мысли русскаго царя, не въ смыслѣ древне-русской гегемоніи и преобладающаго господства, но въ смыслѣ полнѣйшей свободы.

Съ тѣхъ поръ, какъ умерли великіе славяне, Шафарикъ, Ганка и Штуръ, распалось славянское единство, которое они столь высоко цѣнили, и съ тѣхъ поръ никто не имѣлъ духа возстановить его. Съ тѣхъ поръ, какъ исчезли великія славянскія души, все славянское дѣло превратилось въ рядъ недостойныхъ интригъ. Этому должно положить конецъ. Оставьте ихъ. Палацкаго и Ригера интриговать въ Вѣнѣ, оставьте ихъ въ Прагѣ съ ихъ партіей доигрывать потерянную игру въ конституцію; пускай мертвые сами себя погребаютъ; вы, живые, обращайтесь къ живому, серьезному, практическому и, пока усющіе занимаются мелкой политикой, въ начатые большую.

Что должно быть программой и дѣлью вашей дѣятельности?

Разумѣется, это—*возстановленіе славянскихъ владѣній въ полной независимости и свободѣ.*

Вы должны сознаться сами, что положеніе славянскихъ народовъ, находящихся подъ владычествомъ Австріи, сдѣлалось несравненно хуже, чѣмъ было даже въ 1849 годахъ. Благодаря мелкой политикѣ вашихъ предводителей со смерти Шафарика и Ганки, извѣстный союзъ, хотя и мечтательно соединявшій въ себѣ славянскихъ народовъ, или, который такъ положительно высказался во время Прагскаго конгресса, почти совершенно уничтоженъ. Каждая земля отчуждена одна отъ другой; каждая преслѣдуетъ свои частныя дѣла; каждая слишкомъ слаба, чтобы самой достигнуть какого-нибудь результата. Несмотря на выраженіе симпатій, превратившейся въ пустую фразу, Богемія, напримеръ, не имѣетъ ничего общаго съ другими славянами, ни живого союза съ поляками, румынами, словаками, словенами, сербами, кроатами, далматами; она сама по себѣ, и желала бы фокусомъ, придуманнымъ г-номъ Палацкимъ, положеннымъ

на ноты г-мъ Ригеромъ и исполненнымъ г-мъ Браунеръ, а особенно графомъ Тумомъ, сделаться независимымъ Богемскимъ государствомъ. Что сдѣлалъ эти господа, мы уже видели; никогда не было такъ худо Богемскому королевству, какъ теперь. Долженъ ли я говорить о бѣдныхъ словакахъ въ Венгрии, полякахъ и румынахъ въ Галиціи? Хорваты, Сербия, Славония и Далматия мучаются для того, чтобы сделаться независимымъ королевствомъ, и пока они думаютъ, что дѣлать съ ними играютъ, какъ кошка съ мышью. Но, все-таки, они себя показали умней тѣхъ. Они не послали уподобоченныхъ въ Вѣну. Только турецкіе славяне вспомнили древнюю славянскую доблесть. Сербия, черногория, босняки и герцеговинцы сражаются, какъ мужи; и въместо того, чтобы посылать имъ на помощь, что дѣлать умные, осторожные, по-нѣмцки образованные славяне? Этому должно положить конецъ! Все славянскіе народы должны снова уразумѣть, что они могутъ быть сильными только посредствомъ крѣпкаго союза. Союзъ этотъ называется панславизмомъ. Прежде слово это пугало нѣмцевъ, теперь оно страшитъ славянъ, потому что имъ внушили, что панславизмъ, это—порабощение всѣхъ славянскихъ племенъ русскому царству. Если-бы въ самомъ дѣлѣ было бы такъ, то я первый посылалъ бы объявить себя явнымъ врагомъ панславизма. Русскіе, любящіе свободу, слишкомъ хорошо испытали на себѣ всю низость своего правительства, чтобы защитить вѣсть отъ него. Правительство это, какъ знаете, имѣетъ въ насъ самыхъ рѣшительныхъ и опасныхъ враговъ. Мы такіе рѣшительные его враги, что и изъ далека желаніе его распространять свое владычество со всевозможной энергіей стараемся уничтожить внутри нашего отечества. Противъ царско-русскаго панславизма я уже проповѣдывалъ въ 1848 и 49 годахъ. Тогда была еще большая партія какъ австрійскихъ, такъ и турецкихъ славянъ, которые въ казенномъ имъ столь могущественномъ русскомъ царствѣ думали найти освобожденіе отъ нѣмецкаго и турецкаго ига. Это заблужденіе было естественно. Россія была и есть до сихъ поръ одна славянская земля, которая сохранила свою независимость. Россія есть и будетъ большое государство. Изъ тому же страданію славянскихъ племенъ подъ нѣмецкимъ и турецкимъ игомъ возбудили въ нихъ непримиримую ненависть, особенно къ нѣмцамъ. Все бросясь въ Россію, несмотря на кнутъ и живую примѣрь несчастной Польши. Царь самъ поддерживалъ заблужденіе, выдавая себя чрезъ своихъ агентовъ въ Австріи и Турціи за гуманнаго друга славянъ и возбуждая и вскрывая надежду въ удрученныхъ сердцахъ славянъ. Это была и остается нѣпечерная игра, потому что русское правительство не хотѣло и не можетъ освободить славянъ. Раздѣленіемъ Польши и необходимостью держать ее въ мертвомъ спокойствіи оно привязано къ Австріи и Пруссіи желѣзными цѣпями. Какъ могло Русское государство помочь славянамъ? оно должно было объявить войну Австріи и Пруссіи, и, чтобы быть въ состояніи это сдѣлать, оно должно было бы прежде всего освободить Польшу. Пока будетъ существовать на неволѣ основанное и неволѣ поддерживаемое безобразное русское государство, оно будетъ неизбежнымъ врагомъ славянъ, развращая, ослабляя ихъ пропагандою и обманомъ, пока не будетъ вынуждено предать ихъ нѣмцамъ. То, что поддерживается кнутомъ, не можетъ дать свободы. Это государство есть не что иное, какъ безобразная, враждебная славянамъ нѣмецко-татарская центра-

лизация, навязанная намъ деспотизмомъ Петра Великаго и подавившая немилосердно 60 милліоновъ славянъ самымъ ужаснымъ образомъ. Мы, русскіе, несмотря на нашу кажущуюся независимость, точно такъ же подъ нѣмцкимъ игомъ живемъ, какъ и внутри. Внутри у насъ принятое нѣмецкое чиновничество и всеподличающіе нѣмцы канцелярскій порядковъ. Живемъ мы въ полномъ смыслѣ крѣпостные Пруссіи и Австріи; безъ ихъ позволенія мы не смѣемъ пошевелиться. Пока будетъ существовать эта система и это насиліе централизаціи государства, славянамъ отъ Россіи ожидать нечего; напротивъ, они должны смѣрять на нее, какъ на злѣйшаго врага. Теперь русское правительство вступило въ новый фазисъ; оно полагаетъ, что въ фазисъ самонахраненія, а мы говоримъ фазисъ самоуничтоженія. Оно помышляетъ о либеральныхъ реформахъ; мы же ожидаемъ революцію. Система такая ложная, такъ противонаціональна сама по себѣ, что не способна къ улучшеніямъ, но можетъ быть разрушительна. Нынѣшній государь и желалъ бы сдѣлать кое что хорошее, но онъ ничего не можетъ, положеніе и необходимость той системы, коей онъ самъ верхушка, сильнѣе его воли. Онъ уничтожаетъ крѣпостное право и стрѣляетъ въ народъ; онъ желалъ бы быть любящимъ поляками, а самъ кунается въ польской крови. Онъ охотно объявилъ бы себя врагомъ Австріи, потому что общее національное (народное) чувство русскаго народа это—ненависть къ заклятому врагу славянъ; онъ желалъ бы показать себя искреннимъ другомъ славянъ, но не можетъ; онъ даже не смѣетъ признать новаго Италійскаго королевства; Австріи и Пруссіи этого не позволяютъ; и потому славяне не должны ожидать отъ него больше, чѣмъ отъ Николая. Его агенты такіе же замѣнники славянскому дѣлу, какими были агенты его отца.

Опасность не въ этомъ. Со времени Крымской кампаніи и пораженія русскіихъ, расположеніе славянъ измѣнилось. Прежде всего ожидали отъ Россіи, теперь не ждутъ ничего. Въ то самое время, когда австрійскіе и богемскіе славяне не надѣются на русское правительство, они, кажется, забыли, что у этого правительства есть населеніе до 60-ти милліоновъ душъ славянскаго племени,—надежда, сила и настоящая опора всѣхъ славянъ. Исклѣчивъ эту массу, останется не болѣе 25 милліоновъ славянъ; и это меньшинство не хотѣло ничего знать о большинствѣ. Они не вѣдаютъ, да, кажется, и думаютъ имѣть право не вѣдать, что происходитъ въ этомъ мірѣ 60-ти милліоновъ людей; и они не предчувствуютъ, что въ настоящее время тамъ собирается гроза, настоящая славянская гроза, которая уничтожитъ все нѣмецкое не только внутри государства, но и извне, и даже самое нѣмецко-татарское царство и съ тѣмъ принесетъ славянамъ настоящую свободу. Я повторяю это славянамъ постоянно. Обратите вниманіе,—Россія находится накануне радикальной и громадной революціи, которую когда-либо выдѣлать съѣтъ. И что будетъ по окончаніи революціи? Многое останется тайной, но многое и теперь можемъ предсказать вѣрно, потому что она есть неизбежная потребность настоящаго положенія и жить въ каждомъ изомъ русское сердце: прежде всего, полное освобожденіе Россійскаго государства, не только освобожденіе Польши, Литвы, Малой и Вѣлкой Россіи, но и совершенное уничтоженіе царской бюрократической централизаціи и въ Вѣлкой Россіи, землѣ въ 40 милліоновъ душъ; всякая централизація противна русскому духу.

Великая Россия сама по себе будет федерацией, управляющей своими провинциями, иначе не может быть настоящей свободы. Провинция, или область—федерация округов, и округ—федерация волостей, а волости—федерация мира (gromada). У нас будут не лица, как в Германии, но настоящие политическая монада самостоятельная, самоуправляемая и с свободными выборами, соединившись в волости, в округ, в области и, наконец, составляя союз свободных городов,—и потому ни тьни бюрократического управления, централизации или царства, а снизу до верха самоуправление и политическая свобода. И тогда мы, 40 миллионов великороссов, будем в гораздо более близких отношениях с Польшей, Бельгией и Малой Россией, чем под гнетом, называемым нами российским государством; и свободно соединенные между собою, выступим мы на освобождение всех от всякого постороннего вмешательства; и тогда только возродится настоящая славянская свобода и превратится в действительность...

Это называю я панславизмом, в этом смысле и были панславистами? Шафарик, Ганка и Штур.—Тот, кто с нами и в нашем смысле не желает быть панславистом, тот по сердцу не славянин. Панславизм в обратном смысле есть нисконованств, потому что немцы первые, коренные и злейшие притеснители славян,—всех славян. Они приобрели себе рыцарские шпору угнетением и даже уничтожением славян; и перешедший немецкий мещанин сье удовлетворением сдвдлся бы нашим рыцарем. Они основали свое бытие, свою силу на славянских развалинах, они навязали славянам насильно свое образование, нам крайне противное, как смертельный яд, как заразительную чуму; и этим развратили, раздвдрили, разорвали связь для того, чтобы легче поработить. Они ненавидят и презирают славян, потому что чувствуют, что они отжившие, а мы полны жизни, их наследники сь будущностью.

Говоря положительно, панславизм это—вера и уверенность великой будущности славян; мы, славяне, составимъ свой собственный мир; мир, который тысячу лтъ был угнетаем разными врагами и, все-таки, не был уничтожен; мир, который был разрываемъ на части посторонними народностями, но, все-таки, соединился под одной формой но инстинктивному чувству братства. Святое слово для славянина. Такъ что поляк и русский, несмотря на историческую вражду между собою, ближе, чемъ каждый изъ нихъ кь англичанину, даже кь французу; оба ненавидятъ немца со всею силою душевной энергии. Мир, который овл, несмотря на развращение и чужое влияние, сохранили, и которымъ по своей натуре отличаются отъ другихъ племенъ. Братство, преобладание деревни надъ городомъ, сельского быта надъ городскимъ, всеобщая безразличная любовь къ свободѣ и патриархальное общество. Мир, который имѣетъ огромные виды, выразится въ Польшѣ, Богеміи, Сербіи и въ Россіи, но до сихъ поръ еще не высказавшіся и сохранившій свое послѣднее слово для приближающейся будущности.

Панславизмъ есть вера, что соединене всѣхъ славянскихъ племенъ, состоящихъ изъ 85 миллионовъ, внесетъ новую цивилизацію, новую живую истинную свободу въ миръ. Кто изъ насъ сомневается въ этомъ?

Славяне, исключая себя, имѣютъ мало друзей и мало союзниковъ. Германия—нашъ естественный врагъ, а Австрійское королевство есть отвратительное псчадіе немецкой жизни.

Кто другъ австрійцамъ, тотъ врагъ намъ; и враги Австріи—наши друзья. Славянинъ, не желающій совершеннаго уничтоженія Австрійскаго королевства и находящійся сь нимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ въ дружбѣ, не славянинъ.

Англія тоже враждебна славянамъ, какъ единомыслищая. Англія болѣею частью германскаго происхожденія и имѣетъ инстинктивное отвращеніе къ славянамъ и въ дружбѣ съ немцами. Кроме того, интересы англичанъ совершенно противоположны славянскимъ, сь Австріей, исключая Италійскаго вопроса, открытые друзья Габсбургскаго дома, въ Венгріи другъ мадярамъ, въ Турціи другъ турецкаго правительства, и когда оно уничтожится, то покажется другомъ грековъ противъ славянъ.

Франція ни другъ, ни врагъ славянамъ,—странно сказать, но, все-таки, справедливо, что французы издавна были народомъ эгонистическимъ, влюбленнымъ въ себя самого, ничего болѣе не чувствующимъ, не понимающимъ и не видящимъ. Революція образовала правила, которыми они воспользовались, чтобы увеличиться въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда нибудь. Франція сдѣдуетъ этой политикѣ; теперь она управляетъ безъ всякихъ правилъ. Единственная цѣль, это—удержать царскую власть, и, если возможно, во что бы то ни стало царскую династію. Если бы императору французовъ показались выгоднымъ насалить деспотизмъ въ Европѣ или навязать цѣлому міру панизмъ, онъ непременно сдѣлался бы защитникомъ деспотизма и панизма, и въ французской классической фразеологіи нашлось бы много прекрасныхъ фразъ, чтобы позолотить низость.

Къ счастью, порядокъ вещей въ Европѣ таковъ, что чтобы удержать власть какъ во Франціи, такъ и извѣтъ и желать прикрыть деспотизмъ, столь несомнѣнный сь конституционными началами, онъ вѣтъ своего государства по неволѣ долженъ служить революціи. Въ этомъ смыслѣ и по этой причинѣ сдѣлался онъ освободителемъ Италіи. Сь этою же цѣлью выискиваетъ онъ всѣ возможные хитрые средства, чтобы удержать ее въ своей зависимости, сдѣлавъ такъ много для ея освобожденія внутренней жизни и силы и столь быстрого развитія. И потому Наполеонъ—опасный другъ, какого помощью сдѣдуетъ воспользоваться въ извѣстныхъ случаяхъ, но вмѣстѣ сь тѣмъ надобно бояться. Его протекція и дружба распространяетъ на ту страну, которой ее оказываетъ, хоти сначала и незаметнымъ, но впоследствии смертельный ядъ. Къ славянамъ онъ точно такъ же равнодушенъ, какъ къ остальному свѣту; можетъ быть, и совершенно правдоподобно, что въ скоромъ времени ему будетъ полезно подать руку славянамъ, напр., если онъ предприметъ завоеваніе Рейнскихъ провинцій и Бельгіи, что надо ожидать рано или поздно; тогда должно будетъ этимъ воспользоваться соединившимся сь Италіей, мадярамъ, дать смертельный толчекъ Австріи.

Италія почти единственная натуральная союзница славянъ. О Триестѣ и Далмаціи у насъ споровъ не возникаетъ; наконецъ, италійскій Триестъ можетъ сдѣлаться вольнымъ городомъ Италіи, только непримиримый врагъ Австріи; Италія, какъ ни стара, гораздо моложе остальныхъ западныхъ народовъ; она имѣетъ въ себѣ зачатки живой будущности, которые невольно тянутъ ее къ славянскимъ народамъ. Италія, какъ я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, начинаетъ оказывать особенное, исключительное вниманіе славянамъ и имѣетъ серьезное намѣреніе соединиться сь намъ; Италія

наш единственный другъ въ Европѣ; мы должны подать ей руку. Но для того, чтобы это сдѣлать, мы должны соединиться воедино, потому что Италия не можетъ быть другомъ только Польшѣ или Далмаци, Кроаціи, Сербіи или Греціи отдѣльно; для насъ все это слишкомъ мелко; она можетъ сдѣлаться другомъ только соединеннаго славянскаго государства. Италия можетъ быть призвана играть роль посредника между нами, мадьярами, румынами и греками, съ мадьярами свое дѣло, — они желаютъ Венгерскаго королевства и потому желали бы имѣть венгерскими подданными славянъ и румынъ; пока они наши враги. Теперь они выступаютъ и врагами Австріи, потому что мы наши друзья. Что должно быть крѣпче, дружба или вражда? Я думаю, что въ настоящее время дружба, потому что Австрія, несмотря на поражение, которая она потерпѣла въ послѣднее время, на деморализацію и дурные финансы, все-таки гораздо могущественнѣе мадьяръ. Съ мадьярами возможно примиреніе и дружная жизнь славянъ. Они понадобятся тѣмъ болѣе, что невозможно будетъ погнать или уничтожить народъ изъ 6-ти миллионовъ. Когда славяне соединятся и въ благородной войнѣ съ общими притѣснителями покажутъ себя дѣятельными, мадьяры увидятъ, что для нихъ выгоднѣе вступить въ мирный союзъ, чѣмъ уничтожать себя несчастными войнами съ славянами. Посредствомъ войны, пролитія крови или безъ этого, мы заключимъ съ ними дружественный союзъ, основанный на одинаковыхъ выгодахъ. Съ Австріей примиреніе невозможно; или она отниметъ славянъ, или сама пойдетъ ко дну. Ея существованіе основано на совершенномъ отверженіи національности въ другихъ народахъ и на деморализаціи всѣхъ подвластныхъ народовъ. Середины нѣтъ. Сами славяне должны идти въ состояніе idiotизма и превратиться [словомъ не разобраво] или уничтожить Австрійскую монархію, но совершенно уничтожить.

Славяне должны подать руку мадьярамъ; прежде всего, мы должны убѣдить мадьяръ, что Венгерское королевство, о которомъ они мечтаютъ, невозможно и несправедливо, и что единственно національное разрѣшеніе вопроса — это Венгерская федеративная республика, съ уравненіемъ правъ мадьяръ, румынъ, и славянъ. Такого рода республика можетъ быть зародышемъ гораздо обширнѣйшей федераціи. Но если окажется, что мадьяръ никакимъ способомъ уговорить нельзя, что они могутъ быть убѣждены только тогда, когда славяне будутъ между собой соединены, и не могутъ отказаться отъ своего королевства, то все-таки, мы должны соединиться съ ними, чтобы побѣдить Австрію, заключить съ ними временный союзъ и, когда они возстанутъ, востать и намъ съ ними; и прежде всего и отъ всѣхъ смерть Австріи! Австрію совершенно уничтожить. Тогда съ оружіемъ въ рукахъ будемъ дѣлать дѣла съ мадьярами, а потомъ заключимъ съ ними миръ; на нашей сторонѣ право и большинство, когда мы соединены. Мы заключимъ договоръ не съ дипломатизирующимъ и политизирующимъ Венгерскимъ королевствомъ; возможно, что они получатъ уступки изъ Вѣны, немного помирятся съ австрійцами; тогда мадьяры, безъ сомнѣнія, наши враги.

Итакъ, вы видите, что положеніе славянъ очень плохо, потому что мы имѣемъ только одного друга — Италию, и то только въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть умъ и силу поддержать единство, чтобы что-нибудь сдѣлать.

Франція совершенно равнодушна, и сомнѣвается въ нашемъ возстаніи, — готовая пожиться около насъ, если мы окажемся слабыми или глупыми, и служить намъ, если мы покажемъ силу и единство; но это не должно вводить насъ въ заблужденіе, потому что спящая, болтающаяся раздѣленная Германія востанетъ какъ одинъ человекъ, если только узнаетъ о какомъ-либо возстаніи славянскаго племени. Ничто не можетъ такъ наэлектризовать состарившуюся націю, какъ только ненависть къ славянамъ; ненависть, которая въ послѣдній разъ, я надѣюсь, превратитъ старатаго финштера въ воина, и потому мы не должны играть съ этою ненавистью. Ни одно славянское племя отдѣльно къ нему не приросло, но, чтобы одержать побѣду надъ старымъ врагомъ, мы должны непремѣнно соединиться.

Это я называю панславизмомъ. Но чтобы намъ соединиться, мы должны имѣть чистую цѣль. Наша программа очень проста. Мы хотимъ всеобщую славянскую федерацію, основанную на равенствѣ и самоуправленіи племенъ, и возстановленіе полнѣйшей автономіи народа, какъ бы онъ малъ ни былъ.

1) *Заключеніе первое.* Не должно быть партіально-городской централизаціи; не терять угнетенія одного племени другимъ въ славянскомъ мірѣ. На счетъ Россіи я высказался уже прежде. Россійское государство должно быть безусловно раздѣлено и федерализовано, и Польша должна отказаться, отъ рутеновъ въ Галиціи, Литвѣ, Вѣлѣи и Малой Россіи; исключая того чѣмъ теперь насильственно владѣетъ Россія, она должна быть въ федеративномъ отношеніи къ этимъ землямъ. Историческое право ничего не значитъ; мы его не признаемъ, иначе мы должны будемъ признавать права Германіи на Богемію и мадьяровъ надъ славянами въ Венгріи. Мы признаемъ только справедливое настоящее желаніе народовъ, которые имѣютъ полное право управлять собой, какъ имъ заблагорассудится. Это наше неизмѣнное рѣшеніе и основаніе.

Въ вновь освобожденномъ славянскомъ государствѣ не должно быть ни одной области могущественнѣе другой, и ни одна не имѣть права входить въ непосредственные договоры и союзъ съ Германіей (или иностранцами). Свобода и участіе должно быть правомъ всѣхъ народовъ, но сила должна принадлежать соединенной федераціи.

2) *Заключеніе.* Единство должно быть только политическое, что же касается до административнаго, юридическаго и экономическаго порядка, то каждый народъ имѣть право управлять сообразно своему желанію, и никакое общество, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, не имѣть права вмешательства. Напр., мы, великороссы, удержимъ древнее общинное владѣніе землями. Земля у насъ, какъ воздухъ, какъ вода, такъ же какъ и лѣса, а въ лѣсахъ, лишь не должна никому принадлежать отдѣльно, а всѣмъ вообще. Это наше право, и мы крѣпко его придерживаемся. У васъ же, какъ въ Польшѣ и въ Малой Россіи, то же самое право совершенно измѣнилось въ чуждое вліяніемъ. У васъ личное право землевладѣльца. Вы можете оставить за собой это право, пока желаете. Всякая земля должна жить, какъ ей вздумается. Свобода, полнѣйшая свобода должна быть душой нашего отечества.

3) *Заключеніе.* Политическое единство между славянскими народами

должно быть настоящее, могущественное; къ этому побуждает насъ славянская национальность, которая, несмотря на историческое разнообразіе, внесенное въ ея жизнь, въ основаніи, все-таки, соединена между собою. Еще разъ замѣчу, что у насъ, славянъ, слова брать и братство имѣютъ гораздо болѣе глубокий смыслъ, чѣмъ у другихъ народовъ. Оттого все враждебное, чуждое должно быть исключено, по общинному духу славянъ. Потому оно должно имѣть общія условія, безъ которыхъ не можетъ существовать истинная свобода и не можетъ быть единства. Къ этому условію должно принадлежать уничтоженіе мѣстной централизаціи, бюрократіи, сословное различіе и пролетаріатъ, какъ главный источникъ неволи. Всякій славянинъ долженъ на славянской землѣ находить средства къ жизни.

Въ заключеніе. Часть освобожденія славянъ близокъ. Всѣ славяне должны приготовиться. Кто знаетъ, откуда придетъ гроза? Изъ Франціи, Польши или самой Австріи? или изъ Россіи? Но мы должны быть готовы встрѣтить ее и воспользоваться ею.

Мы должны понять другъ друга, устроиться. Мы должны покрыть славянскихъ братьевъ сѣтью тайныхъ обществъ. А эти тайныя общества должны выщипать въ себя все живое, развитое, энергическое и все, что чувствуетъ думаетъ и желаетъ чисто по-славянски. Послѣ должно все эти тайныя общества соединить воедино, привести въ движеніе въ одно время съ движеніемъ въ Италіи, Польшѣ и Россіи.

Такъ какъ ты полагаешь, что я могу быть полезнымъ въ этомъ святомъ дѣлѣ, я готовъ сдѣлать все, что могу, чтобы служить ему, — такъ какъ всю жизнь свою положилъ на него.

Бакуинъ.

Р. С. Ты говорилъ мнѣ о мѣстномъ легионѣ подъ предводительствомъ Гарибальди. Мысль очень хорошая, и ее можно и должно исполнить. Также было бы хорошо, если не лучше, послать подобные легионы для поддержки и помощи нашимъ славянскимъ братьямъ, сражающимся въ Турціи для пользы нашего общаго дѣла.

Извини мнѣ мой ужасный нѣмецкій языкъ; я славянинъ, не нѣмецъ, и то малое, что я знаю по-нѣмецки, забылъ въ разныхъ крѣпостяхъ и Сибири.

Судейкинъ и Дегаевъ ¹⁾.

Я близко знаю Сергѣя Дегаева: долгое время я была его лучшимъ другомъ и любимой сестрой. Съ другой стороны, двадцатилѣтняя разлука, все то, что я выстрадала, узнавъ объ его ужасномъ преступленіи, сознание безконечной виновности его какъ передъ жертвами его предательства, такъ и передъ всѣмъ человѣчествомъ, — все это дасть мнѣ, я думаю, право предполагать, что я способна отнестись къ оцѣнкѣ его личности безпристрастно. Что же касается до фактовъ его политической дѣятельности, относящихся къ періоду, закончившемуся убійствомъ Судейкина, — я передамъ разсказъ о нихъ со словъ самого Сергѣя Дегаева. Я давно уже собиралась написать все, что мнѣ известно о немъ, какъ о дѣятелѣ интереснѣйшаго періода въ исторіи русскаго общества и рада, что цензурная условія не помѣшаютъ мнѣ теперь говорить съ полной откровенностью.

Въ апрѣльской книжкѣ историческаго журнала «Былое» появились воспоминанія г-жи Корба о Сергѣѣ Дегаевѣ. Эти воспоминанія занимаютъ всего 17 страницъ печатнаго текста: изъ нихъ 4 посвящены тенденціозному описанію членовъ семьи Сергѣя Дегаева... Никто изъ членовъ этой семьи не принималъ участія въ политической дѣятельности Сергѣя, и никто изъ насъ не повиненъ въ его преступленіяхъ. Такъ или иначе, Сергѣй Дегаевъ — историческая личность: никто не имѣетъ права претендовать на самые злые, ненавидимые отзывы о немъ, но эти отзывы не касаются другихъ членовъ семьи Дегаева...

¹⁾ Эта статья принадлежитъ сестрѣ С. П. Дегаева, — Н. П. Маклеодовой. Редакція считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу помѣщенія этой статьи въ «Былое». Редакція представляетъ автору возможность охарактеризовать отношенія Сергѣя Дегаева къ его семьѣ, какъ они ему представляются. А. П. Прибылева-Корба въ своихъ воспоминаніяхъ («Былое», апрѣль) оспариваетъ эти отношенія иначе; до сихъ поръ мы ничего не знали объ отрицательномъ отношеніи семьи Дегаева къ Сергѣю Петровичу и къ тому, что составило сущность его «дѣятельности» въ началѣ 80-хъ гг.; наоборотъ, многое заставляло думать, что отношенія семьи Дегаева къ нему не изменились, и С. П. по-прежнему оставался ея любимцемъ. Въ нашихъ рукахъ находится рядъ писемъ Влад. Дегаева въ редакцію «Вѣстника Народной Воли» отъ начала 1885 г., гдѣ онъ горячо защищаетъ своего брата; это было, следовательно, полтора года спустя послѣ убійства Судейкина. Авторъ настоящей статьи — Наталія Петровна Дегаева — долго являлась и послѣ убійства Судейкина

Особенно я должна это сказать об отзывѣ г-жи Корба о матери Дегаева. По ея словамъ, мать Дегаева производила впечатлѣніе женщины неразвитой и мало образованной, а по наружности напоминала «чиновницу средней руки». Мать Дегаева была дочерью известнаго литератора Н. А. Полевого и вдовой старшаго врача московскаго кадетскаго корпуса. Она получила хорошее, по своему времени, образованіе въ пансіонѣ, знала иностранные языки и очень любила читать... О безмѣрной добротѣ я говорю и сама г-жа Корба: моя мать дѣйствительно предлагала взять на свое попеченіе ребенка Геси Гельфманъ, а въ то время это значило не только обременить себя заботами о чужомъ ребенкѣ, но и навлечь преслѣдованія со стороны правительства, и оттолкнуть родственниковъ, связью съ которыми моя мать очень дорожила.

Г-жа Корба говоритъ, что «намѣренно долго остановилась на описаніи семьи (Дегаева), такъ какъ она составляла ту среду, къ которой онъ самъ принадлежалъ». Но и въ данномъ случаѣ она права. Семья вообще составляетъ только небольшую часть среды, въ которой вращается человѣкъ, а семья Сергѣя не представляла его *среды* совершенно, даже въ смыслѣ воспитанія: ему еще не было 9-ти лѣтъ, когда онъ поступилъ въ *закрывтое* учебное заведеніе, второй Московскій кадетскій корпусъ, откуда, какъ лучший воспитанникъ и ученикъ, перешелъ въ Артиллерійское училище, гдѣ окончилъ курсъ въ числѣ первыхъ трехъ, получившихъ премію, юнкеровъ, затѣмъ онъ уѣхалъ офицеромъ на службу въ Кронштадтъ. Стало быть, среда, въ которой воспитался и вращался Сергѣй, была сначала средой закрытаго учебнаго заведенія, затѣмъ военной и, наконецъ, средой революціонной партіи.

Перейду теперь къ исторіи и обрисовкѣ личности Сергѣя, о которой только и должна идти рѣчь.

Самымъ чистымъ и прекраснымъ періодомъ въ жизни Сергѣя я считаю двухлѣтнее пребываніе его въ Кронштадтѣ. Я помню его тамъ еще до начала знакомства его съ революционными кружками. Въ то время онъ страстно увлекался политической экономіей, изучалъ Маркса, Милля и, по обыкновенію, очень много занимался математикой. Способности у Сергѣя были блестящія, умъ большой и оригинальный; характера въ то время онъ былъ веселаго и кроткаго, но въ немъ всегда замѣчалась одна особенность: все, что онъ начиналъ, онъ доводилъ непременно до конца, до крайности. Это

горячей защитницей брата, излившею довѣрія ему въ его объясненіяхъ своего предательства.

То, что было написано А. П. Прибыловой-Корба, и объясняется тѣмъ, что рѣчь шла о семьѣ враговъ, да еще какихъ враговъ! Если это такъ, то вѣнчаніе попросъ—дѣло членовъ семьи Дегаева. Лучше сдѣлать это поздно, чѣмъ не дѣлать этого совсѣмъ. При этомъ не слѣдуетъ винить тѣхъ, кто касается этой темы черезъ 20 лѣтъ, ибо виноваты не они, а тѣ, кто своимъ молчаніемъ или своими ошибками подали поводъ къ враждебному къ себѣ отношенію.

Ред.

свойство и погубило его. Отчаявшись послѣ 1-го марта въ торжествѣ революціонной партіи, онъ попробовалъ достигнуть переворота другимъ путемъ, черезъ правительство, и, конечно, сломалъ себѣ голову... Но объ этомъ—послѣ, теперь же я хочу прибавить еще нѣсколько словъ о личности Сергѣя Дегаева. Я не могу согласиться съ г-жей Корба, что «Дегаевъ не отличался привлекательностью». Я помню, что его очень любили въ кружкѣ товарищей офицеровъ, нашей многочисленной родни и вообще знакомыхъ; Сергѣй былъ некрасивъ, но веселъ, остроуменъ и всегда готовъ придти на помощь каждому словомъ и дѣломъ. Г-жа Корба «не знаетъ никого изъ революціонеровъ, кто бы относился къ нему когда-либо съ любовью или дружеской привязанностью». Мнѣ приходять на память имена двухъ-трехъ революціонеровъ, которые дружески относились къ Сергѣю, но я не смѣю ихъ произнести: доказательствъ фактическихъ у меня нѣтъ, а признаться въ настоящее время въ былой дружбѣ или привязанности къ такому преступнику, какъ Сергѣй, выходитъ изъ рамокъ обыкновеннаго мумства.

Какъ Сергѣй сдѣлался партійнымъ революціонеромъ, черезъ кого онъ впервые познакомился съ народолюбцами,—я не могу хорошо припомнить. Помню одно, что онъ страстно увлекался дѣлами партіи, отдавался имъ безкорыстно; къ революціоннымъ дѣтелямъ первое время онъ относился съ восторженнымъ обожаніемъ. Одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ: «Я бы счелъ за счастье поцѣловать Морозова». Это былъ медовый мѣсяцъ революціонной жизни Сергѣя.

Вскорѣ послѣ этого я уѣхала изъ Петербурга, и мы съ Сергѣемъ видѣлись не часто и урывками.

Теперь я перехожу ко второй, болѣе сложной части моего повѣствованія; къ разсказу о темныхъ, мало выясненныхъ отношеніяхъ Сергѣя къ Судейкину и къ его дѣятельности въ качествѣ поощника, а затѣмъ убійцы этого человѣка. Предупреждаю, что все, о чемъ я буду разсказывать, стало мнѣ извѣстнымъ черезъ самого Сергѣя, а потому на свою отвѣтственность я беру только вѣрность передачи его словъ.

Мнѣ пришлось прожить въ глухой деревнѣ около двухъ лѣтъ въ 82 и 83 мѣ г.г. Осенью 82-го года Сергѣй съ женой прѣхалъ къ намъ въ гости. Я уже говорила, что въ то время я была очень дружна съ Сергѣемъ. Онъ былъ со мной откровеннѣе и, такъ какъ тогда всѣ его мысли сосредоточивались на дѣятельности революціонной партіи, онъ нѣрѣдко разговаривалъ со мной на эту тему. Между прочимъ, я помню, какъ онъ сѣтовалъ на полный упадокъ силъ и дѣятельности партіи послѣ 1-го марта; онъ говорилъ, что послѣ удачнаго убійства царя, революціонеры точно обезумѣли, перестали принимать всякія мѣры предосторожности и, то и дѣло, попадаютъ въ руки правительства, какъ птицы въ сѣти. Затѣмъ онъ жаловался на недостатокъ энергіи въ партіи, что теперь не затѣвается никакихъ широкихъ плановъ, а партія занимается своимъ «меленькимъ хозяйствомъ»,—ссорятся, и подкапываются одинъ подъ другого... О такомъ состояніи партіи въ то время упоминаетъ въ своихъ за-

мѣтательно искреннихъ и правдивыхъ «Воспоминаніяхъ» и Дебогорій-Мокріевичъ. Вотъ что онъ по этому поводу говоритъ: «у народовольцевъ въ общемъ наблюдалось слѣдующее распределение силъ и задачъ: одни «старіки»—ихъ была ничтожная кучка—тамъ, гдѣ-то при глубочайшей конспиративной обстановкѣ, боролись съ правительствомъ на жизнь и на смерть; ихъ ловили и вѣшали; со всякимъ днемъ число ихъ уменьшалось. Другіе—такихъ было много—занимались тѣмъ, что рукоплескали своимъ главарямъ-героямъ, кое-когда исполняя неопасныя порученія вродѣ сбора пожертвованій и т. под. или-же *стремились занимать хорошія положенія въ обществѣ*, чтобы потомъ какъ-то сослужить службу народолюбчеству. Нѣрѣдко между ними можно было встрѣтить лицъ, серьезно трактовавшихъ о томъ, что они должны готовить себя къ будущимъ депутатскимъ обязанностямъ будущаго Земскаго Собора»¹⁾.

Дебогорій-Мокріевичъ говоритъ о времени, непосредственно предшествовавшемъ первому марта. Вспослѣдствіи деморализация, разумеется была еще сильнѣе.

Я видѣла, что Сергій сильно разочарованъ въ революціонномъ движеніи и нѣсколько разъ пытался убѣдить его оставить ряды партіи, ѣхать за границу, заняться математикой, которую онъ страстно любилъ; но тутъ я натолкнулась на непобѣдимое упорство. «Я не могу оставить дѣла,—отвѣчалъ онъ на всѣ мои доводы,—понимаешь, не могу... Вѣроятно, я погибну, а, можетъ быть, найду выходъ». Такъ мы и разстались: объ его арестѣ въ Одессѣ я узнала только по тому, что у насъ въ деревнѣ былъ произведенъ обыскъ наканунѣ Рождества. Я считала Сергія погибшимъ, какъ вдругъ,—не помню, какимъ образомъ,—получаю извѣстіе, что онъ бѣжалъ и просилъ меня прѣхать въ Харьковъ повидаться съ нимъ. Я, разумеется, сейчасъ же поѣхала, и мы съ нимъ встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ; онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ въ баню, чтобы не возбуждать подозрѣній, переговорить съ нимъ обо всемъ на свободѣ.

Я помню, что мы долго сидѣли въ предбанникѣ на диванѣ и молчали...

— Я сильно перемѣнился?—вдругъ спросилъ онъ меня. Мнѣ дѣйствительно, показалось, что онъ не тотъ, какъ былъ, и я сказала ему объ этомъ.

— Что-же ты не спрашиваешь, какъ я бѣжалъ?—проговорилъ онъ, усмѣхаясь, и началъ рассказывать.—Меня ночью повезъ жандармъ на вокзалъ; мы сидѣли рядомъ на извозчикѣ; когда мы стали перѣбѣжать площадь—въ Одессѣ передъ вокзаломъ огромная площадь,—мой жандармъ зазѣвался, я выпрыгнулъ и побѣжалъ. Потомъ меня устроили у знакомыхъ.

— Ты вѣришь мнѣ?—вдругъ спросилъ онъ меня.

Я вѣрила ему, но тонъ рассказа мнѣ показался неестественно вялымъ. Я сказала, что, вѣроятно, онъ уже много разъ рассказы-

валъ о своемъ побѣгѣ, и это ему надоѣло. Онъ посмотрѣлъ на меня, подумалъ и вдругъ сказалъ:

— Я все навралъ тебѣ, я не бѣжалъ, меня выпустили, слушай...

Сергій началъ рассказывать. Оказалось, что онъ еще раньше былъ знакомъ съ Судейкинымъ въ Петербургѣ... Но въ Одессѣ, послѣ своего ареста, Сергій не мало былъ удивленъ, увидѣвъ во время допроса своего стараго жандармскаго знакомого. Потомъ оказалось, что Судейкинъ нарочно прѣхалъ изъ Петербурга для допроса Сергія. Онъ остался съ Сергѣемъ надѣиѣ и началъ убѣждать его не губить себя напрасну, а лучше перемѣнить тактику и къ той же цѣли идти другими, болѣе вѣрными путями. Сергій говорилъ мнѣ тогда, что Судейкинъ показался ему скорѣе революціонеромъ, чѣмъ жандармомъ, такъ какъ откровенно признавалъ полную негодность существующаго строя и необходимости его коренной ломки; но при этомъ онъ добавлялъ, что «революціонная партія борется негодными средствами и только напрасну истощаетъ свои силы». «Вы сами знаете,—прибавилъ Судейкинъ,—какъ слаба теперь партія: съ каждымъ днемъ она теряетъ все болѣе и болѣе своихъ талантливыхъ членовъ; вотъ и вы погибнете, а съ вашимъ умомъ и способностями до чего вы могли бы дойти, если бы рѣшились дѣйствовать не противъ правительства, а съ нимъ заодно!» Сергій рассказалъ, что Судейкинъ развилъ ему подробный планъ захвата власти соединенными силами революціонной партіи и его, Судейкина. «Правительство, съ одной стороны, будетъ запугано удачными покушеніями, которыя я помогу вамъ устроить, а съ другой—я сумѣю кого слѣдуетъ убѣдить въ своей необходимости и представлю васъ, какъ своего помощника Государю, такъ уже вы сами будете дѣйствовать».

Вспослѣдствіи я поняла, что рѣчь между ними шла чуть не о диктатурѣ...

— И ты полагаешь, что дѣло обойдется безъ жертвъ, безъ выдачъ?—спросила я.

— Все это будетъ устроено съ обоюднаго согласія,—отвѣчалъ Сергій.

Не помню, тогда или впоследствии онъ сказалъ мнѣ, что дѣйствуетъ съ согласія Исполнительнаго Комитета... Но помню, что послѣ этого свиданія я продолжала считать Сергія вѣрнымъ членомъ революціонной партіи.

— Вѣдь безъ жертвъ людьми не обходится ни одно революціонное предпріятіе,—проговорилъ онъ. Я совсѣмъ не могла понять такой равнодушной жертвы людьми, но въ то время я уже давно совершенно разошлась съ революціонной партіей или, лучше сказать, потеряла всѣ знакомства, потому что дѣятельной революціонеркой никогда не была. Сергій же въ разговорѣ со мной опирался на авторитетъ Исполнительнаго Комитета и, кажется, самъ былъ въ то время его членомъ.

Я спросила Сергія, знаетъ ли жена объ его замыслахъ? Онъ отвѣчалъ, что заявилъ Судейкину съ самаго начала о необходи-

¹⁾ Воспоминанія Ва. Дебогорія-Мокріевича, стр. 503—504.

мости переговорить съ женой. Судейкинъ велѣлъ привести жену Дегаева въ комнату, гдѣ происходилъ допросъ, и оставилъ ихъ вдвоемъ.

Жена Сергѣя была самой простенькой женщиной, дѣйствительно, малообразованной, хотя она и прошла курсъ гимназій. Она вполне вѣрила мужу и, не разсуждая, любила его. Она, навѣрное, не играла никакой роли въ рѣшеніи кроваваго вопроса о предательствѣ», по выраженію г-жи Корбы. Сергѣй одинъ рѣшилъ этотъ вопросъ... Впрочемъ, какъ это ни странно, рѣши о предательствѣ между Судейкинымъ и Сергѣемъ въ то время, кажется, не было ¹⁾. Я замѣтила, что Сергѣй былъ совершенно очарованъ личностью Судейкина и убѣжденъ, что союзъ съ нимъ принесетъ огромную пользу партіи «Народной Воли».

Тутъ я должна прибавить, что отъ Сергѣя я не слыхала въ то время и въ слѣдующія свиданія о томъ, чтобы онъ кого-нибудь выдалъ. Поэтому послѣ убійства Судейкина я долго считала всѣ подобные слухи гнусной клеветой со стороны лицъ, желавшихъ себя выгородить. Потомъ я узнала, что я жестоко ошибалась...

Послѣднее мое свиданіе съ Сергѣемъ въ Россіи произошло не болѣе какъ за мѣсяцъ до убійства Судейкина (я не помню хорошенько числа и мѣсяца—въ ноябрѣ или въ концѣ октября). Мы ту зиму жили въ Харьковѣ. Сергѣй явился внезапно, показался мнѣ очень блѣднымъ, мрачнымъ; за обѣдомъ онъ просилъ послать за водкой и говорилъ, что теперь совсѣмъ не можетъ ничего вѣсть, не выпивши передъ этимъ. Оставшись со мной наединѣ, онъ сказалъ, что хочетъ убить Судейкина: «Этотъ мерзавецъ обманулъ меня кругомъ; царю онъ не представилъ меня, показали только Плеве и Поблдонскому; кажется, онъ хочетъ меня сдѣлать обыкновеннымъ шпиономъ; за это я ему отомщу»... Потомъ на мои вопросы Сергѣй опять повторилъ, что дѣйствуетъ съ полнога согласія Исполнительнаго Комитета...

Объ убійствѣ Судейкина я узнала изъ газетъ. Подробности этого ужаснаго дѣла я передамъ опять-таки со словъ Сергѣя, какъ онъ разсказывалъ мнѣ много лѣтъ спустя въ Лондонѣ.

Положеніе семьи Дегаева послѣ убійства Судейкина оказалось несравненно тяжелѣе и хуже, чѣмъ положеніе самого преступника. Моя мать переѣхала ко мнѣ. Каково было этой бѣдной женщинѣ видѣть на всѣхъ перекресткахъ обезображенный портретъ своего

¹⁾ Г-жа Макленова ошибается. Намъ безусловно известно, что въ доказательство «искренности» своихъ намереній, Дегаевъ, еще до фактичнаго дѣла своего изъ Одесской тюрьмы, изложилъ *письменно* передъ властями все, что только зналъ о революціонномъ движеніи и революціонныхъ дѣятеляхъ. Да безъ такой «гарантии» развѣ Судейкинъ и отпустилъ бы его когда-нибудь изъ тюрьмы на одно только «честное слово»?

Ред.

любимца съ обозначеніемъ цѣны за его голову! Мы жили тогда въ деревнѣ; становой и другіе чины шпионили за нами, стараясь заработать 10,000 за голову Дегаева. Одна моя сестра была арестована, другая выслана изъ Петербурга; моего мужа и меня постоянно тревожили обысками; когда мой мужъ получилъ хорошее мѣсто, его патрону жандармскій полковникъ немедленно далъ знать, что новый управляющій женатъ на «сестрѣ Дегаева».

Съ другой стороны, знакомые изъ революціонной партіи стали къ намъ относиться холодно и враждебно; я знаю случаи, что брату жены Сергѣя было отъ имени Исполнительнаго Комитета приказано (?) выѣхать изъ Петербурга; онъ бросилъ работу и уѣхалъ. Меня, разумѣется, тоже не щадили, тѣмъ болѣе, что я никогда не соглашалась бросить камень въ Сергѣя; я не могла считать его предателемъ изъ корыстныхъ цѣлей, даже въ предательство его я долго не могла повѣрить! Во всякомъ случаѣ, я его считала жертвою ужаснаго заблужденія, что, будто бы, можно, причиняя непоправимое зло однимъ, устроить благо другимъ. Я всегда считала его фанатикомъ, преступникомъ и безумнымъ, но не корыстнымъ, поэтому я не могла отказать ему въ участіи.

Такъ насъ травили съ двухъ сторонъ, травили долго, нѣсколько лѣтъ... За что?

А еще было тяжелѣе для меня сознаніе, когда я узнала обо всемъ, что мой братъ предалъ на мученіе столько прекрасныхъ людей... Когда пришла вѣсть объ освобожденіи В. Н. Фигнеръ изъ Шлиссельбурга, я думаю, никто изъ ея ближайшихъ друзей не былъ такъ счастливъ, какъ я, сестра человѣка, погубившаго ее!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлась съ Сергѣемъ Дегаевымъ за границей. Мнѣ давно хотѣлось узнать отъ него, какъ произошло убійство Судейкина, судъ въ Парижѣ и приговоръ надъ нимъ партіи народолюбцевъ.

Опять напоминаю, что передаю фактъ со словъ Сергѣя ¹⁾.

Рѣшивъ заманить Судейкина для того, чтобы убить его, Сергѣй сообщилъ ему, что въ такой-то день ожидаетъ къ себѣ на квартиру барыню изъ провинціи съ очень важными документами. Судейкинъ и раньше бывалъ у Сергѣя, поэтому не было ничего страннаго въ томъ, что Сергѣй просилъ его присутствовать лично при свиданіи съ пріѣзжей изъ провинціи. Между тѣмъ, Сергѣй спряталъ у себя на квартирѣ двухъ террористовъ, а самъ долженъ былъ встрѣтить Судейкина и подать знакъ къ нападенію выстрѣломъ. Судейкинъ явился съ племянникомъ. «А гдѣ же ваша барыня, Сергѣй Петровичъ?» спросилъ онъ Сергѣя. Сергѣй что-то отвѣчалъ и повелъ въ заднюю комнату. Когда они сѣли у стола, Сергѣй выхватилъ револьверъ и выстрѣломъ ранилъ Судейкина. «Дегаевъ! что вы дѣлаете?» закричалъ тотъ и бросился въ

¹⁾ Разсказъ Дегаева требуетъ провѣрки и поправки.

Ред.

переднюю, гдѣ въ то время уже убивали его племянника. Сергій вмѣстѣ съ другими участниками билъ Судейкина во время борьбы въ ватерклозетѣ... Затѣмъ, такъ какъ дѣло было кончено, онъ надѣлъ пальто и медленно спустился по лѣстницѣ. Въ ушахъ у него все время стоялъ страшный крикъ Судейкина, но на лицѣ, вѣроятно, не отражались ни ужасъ, ни растерянность, такъ какъ, когда ему пришлось проходить мимо швейцара, тотъ, по обыкновенію, всталъ, поклонился ему и пропустилъ мимо, не замѣтивъ въ немъ ничего особеннаго.

Сергій рассказывалъ, что другой ужасный моментъ онъ пережилъ, когда побѣздъ, на которомъ онъ ѣхалъ за границу, стоялъ почему-то долѣе обыкновеннаго къ Гатчинѣ... Каждую минуту онъ ожидалъ, что арестуютъ его.

На границѣ ему пришлось прожить два дня въ ожиданіи, когда привезутъ ему паспортъ. Затѣмъ онъ отправился въ Парижъ на судъ своихъ бывшихъ товарищей. Надо прибавить одну черту: жена Дегаева жила въ это время въ Парижѣ и каждый день ходила обѣдать къ Л. Тихомирову.

Сергій пришелъ тоже къ Тихомирову и, сообщивъ о смерти Судейкина, предложилъ самому привести надъ собой въ исполненіе смертный приговоръ, если народовольцы сочтутъ это дѣйствіе полезнымъ для партіи. Л. Тихомировъ обѣщалъ переговорить съ другими членами «Народной Воли» (имена ихъ я не могу припомнить) и сообщить Сергію рѣшеніе суда. Сергій ждалъ 3 дня... «Если бы тебѣ вынесли смертный приговоръ, ты бы исполнилъ его?» спросила я. «Разумѣется», отвѣчалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія.

Но приговоръ ему вынесли другой; иная его было предано безчестію, онъ былъ изгнанъ изъ партіи, и ему было запрещено когда бы то ни было, подъ страхомъ смерти, принимать участіе въ политической дѣятельности партіи.

Это былъ жестокой, но справедливый приговоръ.

Я сообщила все, что мнѣ извѣстно по дѣлу Судейкина и Дегаева. Я не позволила себѣ чернить Сергія Дегаева, какъ не позволила бы себѣ его оправдывать... Его преступленіе ужасно...

Н. П. Маилецова (Дегаева).

Письмо Г. Курицына и отвѣтъ на него редакціи.

Мы получили отъ заведывающаго ветеринарнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ г. Деодора Курицына слѣдующее письмо, которое печатаемъ, не выпуская въ немъ ни одного слова:

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ.

Съ начала текущаго года, какъ въ редактируемомъ Вами журналѣ, такъ равно и въ нѣкоторыхъ другихъ, означенныхъ ниже изданіяхъ, опубликованы воспоминанія о 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ которыхъ авторы воспоминаній (г.г. Виташевскій и Дѣйча) называютъ меня предателемъ.

Не допуская мысли, чтобы журналъ, помѣщая эти воспоминанія, хотѣлъ лишь бросить мнѣ эти тяжкія обвиненія, а не выяснять истину, я прошу васъ не отказать въ помѣщеніи въ журналѣ нижеслѣдующаго объясненія.

Къ величайшему сожалѣнію, изданія, въ которыхъ обнародованы обвиненія меня въ предательствѣ («Выпesc», «Вѣст. Общ. Ветеринаріи», «Ветеринар. Обзоръ» и Воспоминанія г. Дѣйча), попали мнѣ въ руки слишкомъ поздно и при томъ въ такихъ условіяхъ, когда ни о какихъ серьезныхъ возраженіяхъ и разясненіяхъ нельзя было и помышлять. Только возвратясь въ Ташкентъ изъ Семирѣчья, — гдѣ я былъ въ командировкѣ по сѣламъ, кишлакамъ и ауламъ, — я получилъ возможность 3 января по 27 мая лишь по сѣламъ, ознакомиться со изложенными на меня обвиненіями, возстановить въ памяти событія тридцатилѣтней давности и собрать матеріалы для предварительнаго опроверженія фактовъ и событій, сообщаемыхъ упомянутыми авторами, надѣясь въ недалекомъ будущемъ подкрѣпить свое опроверженіе документальными данными.

Г. Виташевскому, который бросаетъ мнѣ обвиненіе общаго характера («Выпesc», февраль, 1906, стр. 227), возражать трудно, такъ какъ онъ совершенно не указываетъ, въ чемъ состояло мое предательство. Голословно называя меня предателемъ, онъ заявляетъ, что ему неизвѣстно, какъ я воспользовался планами, которые онъ повѣлялъ мнѣ, сдѣлавъ со мной въ одной камерѣ, каковое заявленіе даетъ каждому право думать, что, по его мнѣнію, я воспользовался ими именно такъ, какъ долженъ былъ сдѣлать это предатель.

По поводу приведенныхъ словъ г. Виташевскаго я долженъ сказать, что въ одной камерѣ съ нимъ я не сидѣлъ, такъ какъ за три года моего пребыванія въ Олесской тюрьмѣ, непродолжительное время, когда, за переполненіемъ тюрьмы политическими, одиночныхъ камеръ не хватало, я сидѣлъ въ одной камерѣ сначала съ Дробязгинымъ, а затѣмъ съ Малинкой; но въ сосѣдней съ нимъ камерѣ я дѣйствительно одно время сидѣлъ. Самого Виташевскаго я на свободѣ не зналъ, знакомъ съ нимъ не былъ и, лишь по фразѣ въ его воспоминаніяхъ, «я пользовался довольно большимъ успѣхомъ на сценѣ», я вспомнилъ, что сидѣлъ съ нимъ одно время по сосѣдству, и что онъ рассказывалъ мнѣ черезъ дверную форточку, какъ они изъ социальной братіи составили странствующую труппу, съ цѣлью за-

работать деньги. Меня этот факт тогда сильно поразил, а потому до сего времени он остался в памяти, несмотря на тридцатилетнюю давность.

Видно, г. Виташевский лично с дьявол или дьябли, по которым меня другие обвиняют в предательстве, не знаком, но усвоить себе точку зрения некоторых лиц, так как мы тогда не знали, что такой взгляд на меня был довольно распространен между русскими революционерами и, в особенности, за границей между революционерами-эмигрантами. Почему мы понаблюдали опасения за сообщенные мне планы, и какие основания послужили к таким опасениям — не знаю. Думаю, однако, что г. Виташевский никаких оснований к этому не имел и не может их иметь, потому что, раз он не знает, как я ими воспользовался, то это с очевидностью указывает уже на то, что не было тех последствий, которыми были бы неизбежны, если бы я воспользовался ими, как предатель. Если же таких оснований нет и не было, то невольно напрашивается вопрос, зачем понаблюдали мы высказывать явное нелогичное опасения. Неужели только для того, чтобы внести лишь в воспоминания красивую по внешней форме тираду, не задумываясь над серьезностью высказываемого ими обвинения.

Что касается г. Дейча, то его обвинение носит более определенный характер: он обвиняет меня в том, что я, будто бы, выдал своих сороспечников — Дробягина, Малину, Майданского, Костюрина и Янковского, а кроме того, будто бы, из-за меня пострадал — Лизубов, Чубаров, Давиденко, Гобст и Виттенберг. Целый легион лиц. Ах г. Дейч, с какою необыкновенною легкостью вы сходите на почетное кресло судьи с какою поразительною широтой разбираете свои обвинительные акты, не затребовав даже объяснений от обвиняемого, в чем никогда и никакой суд не отказывал даже простому воршику, прежде чем предать его позору ссылки, заточения или какой-либо другой каре, а не только человеку, загубившему десять идеальных душ.

Для своего предварительного оправдания по обвинению г. Дейча я пока воспользуюсь лишь своими воспоминаниями и теми данными, которые до настоящего времени появились в русской литературе и стали мне известными.

Пробавляясь, Малину, Майданский, Костюрин и Янковский, как и сам г. Дейч, судились, как известно, по делу о покушении на жизнь Горинича. Дейчу не безызвестно, что все они были выданы прежде всего самим потерпевшим Гориничем, а затем адвокатом Краевым и, кажется, матерью Майданского. Что настоящее мое заявление не плод моей фантазии и не сваливание с больной головы на здоровую, — видно из воспоминаний М. Ф. Фроленко („Побег Алеша Поповича“ — так звали Костюрина — „Былое“, май, 1906), где автор подробно описывает самого Краева, его отношение к кружку Ковальских и выдачу им Костюрина. На роль Краева указывает также и г. Виташевский („Былое“, февраль, 1906, стр. 228). Почему г. Дейч в своих воспоминаниях ни словом не обмолвился о Краеве и все предательства его и других лиц лишь (Горинича и, кажется, матери Майданского) приписывает мне — я решительно не понимаю.

Краев был арестован точно так же после покушения на жизнь Горинича — в августе или сентябре 1876 г., т.-е. за 7 или 8 месяцев до моего ареста, и сидеть в Олесской тюрьме около полугода, т.-е. до ареста Костюрина, которого он немедленно и признал. Этих он убил ил жандармов в правдивости своих разоблачений, после чего он и был освобожден. Меня также он признал сначала по фотографии, снятой с меня по распоряжению жандармов в Николаеве, где я был арестован; когда же я был перевезен в Олесскую тюрьму (в мае 1877 г.), то на другой же день угрозы я услышал от форточки из двери, ведущей во общий коридор (меня посадили в башню, которая отдалась от общего коридора узким коридорчиком с двумя дверями) „здравствуй, Сеатор! Подожми к двери и вижу Краевка, но уже не знакомым и зеленым, как его описывает Фроленко, а ковыльно бодрым и веселым“. После сухого ответа с моей стороны (я уже знал, что Краев начал встать выпавать), он объяснил мне, что находится в тюремной больнице по соседству со мной. Действительно, башня, в которой я сидел, примыкала к тюремной больнице. Затем он начал оправдываться в том, что признал мою фотографию, объяснив мне, что иначе поступить он не мог.

так как меня по фотографическим карточкам уже раньше признала Майданская, и тут же добавил: „Ты пожалуйста не волнуйся, тебе будут объяснены не за участие в покушении на жизнь Горинича, а только за принадлежность к кружку бунтарей“. Вслед за этим он обратился ко мне с вопросом: „Скажи пожалуйста, где эти подполье (он назвал трех лиц, отравившихся, по его словам, в Одессу с Гориничем), которые устроили такое ужасное дело, и за которых мы должны вот тут сидеть?“. Я коротко и сухо ответил неизвестно. После этого он предложил мне чаю, сахар и табак, но я от них отказался. Затем мы разошлись, причем он сказал мне, что скоро увидимся; больше я его уже не видал. Вслед за этим вошел клочок и, заирая за мною вторую дверь, сказал, что будто бы он получил нагоняй за долгуный разговор мой с Краевым.

Подобным же образом Краев признал впоследствии Дробягина и Малину, которые были арестованы в 1878 г., т.-е. через год приблизительно после моего ареста.

Что же касается Майданского, то он жил вместе с своей матерью в Елисаветград, где отбывал воинскую повинность, а как-то вольноопределяющегося. Он был арестован точно так же после покушения на жизнь Горинича, так как, согласно показаниям последнего, Дейч выхал с ним в Одессу из квартиры Майданского в Елисаветград. Почему Майданский не бжал из Елисаветграда после покушения, как это сделали все другие, я и по настоящее время не могу себе объяснить.

Таким образом, ближайших участников в покушении на жизнь Горинича были указаны прежде всего самим Гориничем, а затем к этому Одессу были пристегнуты те члены кружка Киевских бунтарей, которые были в Елисаветграде, и которых звал Краев. Благодаря этому, во 1-х, был привлечен к этому делу и осужден по нему некоторые лица, решительно никакого отношения к покушению на жизнь Горинича не имевшие, и во 2-х, остались не замешанными в деле все остальные члены кружка бунтарей, которых Краев не знал по тем или другим причинам. Понятно, если бы решить купить себе свободу и благополучие позорной ролью предателя, то результаты моего предательства были бы совершенно иной, так как я близко стоял к указанному кружку, и дело о покушении на жизнь Горинича, несомненно, потеряло бы нескольких участников, но зато, также несомненно, возник бы какой-нибудь новый громкий процесс вообще о кружке бунтарей, к которому было бы привлечено, в качестве обвиняемых, много лиц, оставшихся на свободе.

На стр. 15 своих воспоминаний г. Дейч так формулирует обвинение меня в предательстве: „В тюрьме он стал предателем, о чем никто из товарищей не подозревал. Он не только выдал, что знает, но, беседуя с новыми прибывшими, узнавал, что делается на воле и немедленно передавал узнаное жандармам“.

Я просидел в Олесской тюрьме 1877, 1878 и 1879 г.г. Первоначально, почти в течение года, политических заключенных кроме меня в тюрьме не было; по крайней мере, такое впечатление сохранилось у меня до сих пор. Арестованный ранее меня Майданский, кажется, находился в Елисаветградской тюрьме, а арестованный вместе со мной в Николаеве Янковский остался в Николаевской тюрьме и, как впоследствии был перевезен в Одессу, а может быть, он был выпущен на свободу и вторично арестован — теперь не помню. Только в 1878 г., почти через год после моего ареста, тюрьма как-то сразу начала наполняться: арестованы были Малина и Пробавляясь, целый кружок Ковальского (человек 15), Чубаров с компанией, Лизубов, и другие. Все это, повторяю, нахлынуло сразу, почему Олесская тюрьма, приблизительно с марта 1878 г. по сентябрь 1879 г., была полна политическими заключенными; одиночных камер не хватало, и некоторые время садились по два человека в камеру. Вследствие такого переполнения тюрьмы, все политические жили общею жизнью, и каждый шаг сособа или находившегося в общем коридоре был известен всем.

Возможно ли при таких условиях, не возбуждая точно так же подозрения товарищей, передавать что-нибудь жандармам? Всякий вызов в контору, где происходили свидания с рогими, а также беседы с жандармами, возбуждал

вполне понятное любопытство соседей и остальных заключенных и не мог бы для них тайным, равно как и причина вызова. Вызовы меня в контуру были бы для них особенно интересны, потому что въ Одессу у меня не было никого из родных, а потому никакими свиданиями я и не пользовался. Не вызывали подозрѣнія и вызовы меня къ жандармам, потому, что я вызывался къ нимъ за все время моего пребывания въ тюрьмѣ всего лишь два раза, да и то въ течение первыхъ мѣсяцевъ своего заключенія для официального вопроса по дѣлу, когда тюрьма еще пугавала отъ политическѣхъ. Въ остальные же два года съ лишкомъ я не видѣлъ ни одного жандарма и ни разу не вызывался ни для какихъ свиданій въ контуру тюрьмы. Письменныя сношенія также были для меня невозможны, такъ какъ прежде всего заключенному нужно опасаться, ибо только черезъ ключниковъ велись сношенія заключенныхъ съ вѣнскими миромъ, и черезъ нихъ получали заключенные, конечно не даромъ, нѣкоторыя послабленія въ тюремномъ режимѣ, а потому само собою понятно, что заключенный, имѣющій тайная сношенія съ жандармами, представлялъ бы для самихъ ключниковъ серьезную опасность, которой они постарались бы избѣжать, предупредивъ о томъ остальныхъ заключенныхъ. Наконецъ, цѣлью такого преслѣдства могло бы быть лишь получение свободы отъ заключенія, которую, напр. Краевъ такимъ способомъ не удалось и получить; да и не одинъ Краевъ, подобные же случаи бывали и затѣмъ. Я былъ въ то время гораздо болѣе въ курсъ революціонныхъ дѣлъ, нежели Краевъ, а потому могъ бы дать жандармамъ болѣе цѣнные свиданія, освободивъ меня изъ тюрьмы съ отличеніемъ революціонныхъ кружковъ, потому что къ мнѣ предъявлялись сравнительно легкія обвиненія въ хожденіи въ народъ, въ качествѣ офицера, и знакомствѣ съ членами кружка кievскихъ бунтарей. Зачѣмъ, спрашивается, меня, предателя, услугами котораго съ гораздо болѣею пользою можно было бы воспользоваться на свободѣ, держали въ заточеніи три года, т. е., столько, сколько никто изъ арестованныхъ въ то время не сидѣлъ въ тюрьмѣ, да при этомъ деждалъ, какъ крестьянина, на крестьянскомъ положеніи, по которому на продовольствіе арестанта полагалось лишь 7 коп. въ день, а затѣмъ освободили изъ тюрьмы не только по окончаніи всѣхъ процессовъ, но даже по приведеніи въ исполненіе всѣхъ приговоровъ, состоявшихся по этимъ процессамъ. Нѣтъ, не было, да, полагаю, и не найдешь предателя, который согласился бы получить такую награду за тѣ давешнія жандармамъ важныя свиданія, которыя приписываютъ г. Дейчъ мнѣ.

Далѣе, Дейчъ говоритъ, что я рѣшалъ Лизогуба. До своего ареста я Лизогуба не зналъ, не видѣлъ и ничего о немъ не слышалъ и теперь не знаю, принадлежалъ ли онъ въ то время къ какому-либо социалистическому кружку. Точно также послѣ его ареста въ одной камерѣ съ нимъ я не сидѣлъ и только некоторое время сидѣлъ съ нимъ въ одномъ корридорѣ. Опроверженія по обвиненію меня въ предательствѣ Лизогуба имѣются въ „Исторіи революціонныхъ движеній“ Туна, гдѣ, на стр. 300, авторъ говоритъ, что Лизогуба выдали Дриго, воспользовавшись деньгами Лизогуба, предназначенными на революціонныя цѣли. Такое же доказательство, но болѣе сильное, моей непричастности къ аресту и предательству Лизогуба находится въ объясненіи Александра Михайлова, данномъ имъ на судѣ въ процессѣ 20 народолюбцевъ въ 1892 г. („Былое, январь“, 1906, стр. 297—299). Въ своемъ объясненіи Михайловъ подробно излагаетъ, какъ на Лизогуба палъ разговоръ Веландинаго, благодаря которому онъ былъ арестованъ, а затѣмъ съ тою же подробностью излагаетъ предательство Дриго, благодаря которому чуть не арестовали въ Черниговѣ и самого Михайлова. Эти три страницы объясненія Михайлова съ достаточной ясностью говорятъ, что къ дѣлу Лизогуба, я совершенно не причастенъ и, что обвиненіе меня въ предательствѣ Лизогуба—не болѣе, какъ плодъ незнанія обстоятельствъ дѣла и ошибочнаго заключенія.

Что касается Чубарова и Давиденко, то о нихъ въ трудѣ Туна „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи“, на стр. 218 говорится: „если я не ошибаюсь, то уже осенью 1878 г. южнорусскіе бунтари Давиденко, унтеръ-офицеръ Логенко, Чубаровъ и другіе, при содѣйствіи офицеровъ флота, подошли близъ города Николаева мину, единственную, которую была открыта послѣдней до покупки“. Дѣло идетъ о покушеніи на жизнь Императора Александра II.

Чубарова я до своего ареста зналъ, но Давиденко совершенно не зналъ и онъ, сколько мнѣ помнится, въ Одесской тюрьмѣ не сидѣлъ, а находился до процесса въ Кіевской тюрьмѣ. Въ бытность мою на свободѣ онъ, кажется, въ кружку бунтарей не принадлежалъ. Помнится мнѣ, что въ тюрьмѣ фигурировала фамилия моряка Скларова или Скорнякова, который вывѣлъ Чубарова Давиденко. Логенко и всѣхъ остальныхъ членовъ Николаевского кружка, указавъ, гдѣ заложена мина, и гдѣ добывался динамитъ. Я не понимаю, какимъ образомъ г. Дейчъ рѣшается обвинять меня въ предательствѣ Чубарова и Давиденко, когда я уже за годъ слишкомъ до дѣла, по которому они были привлечены, попалъ въ одиночное заключеніе и при томъ, сколько мнѣ помнится, сидѣлъ въ тюрьмѣ изъ политическѣхъ оцѣнокъ, такъ какъ арестованнаго до меня Красва выпустили послѣ за вылазкою мнѣ участниковъ дѣла о покушеніи на жизнь Горникова, а Костригъ еще до моего ареста изъ заключенія сбѣжалъ.

Кто были Гобель и Виттенбергъ, по какому дѣлу они были осуждены, и въ какомъ тюрьмѣ сидѣли,—не знаю, и фамили я ихъ впервые слышу; въ Одесской тюрьмѣ ихъ, кажется, не было.

Вотъ все, что я могу пока возразить на брошенное мнѣ обвиненіе г.г. Виташевскимъ и Дейчемъ въ предательствѣ. Думаю, что всякій непреубѣжденный читатель пойметъ, что обвиненія эти ошибочны. Возможность такой ошибки при отсутствіи объективнаго изслѣдованія обстоятельствъ дѣла, не могутъ отрицать даже умножаемые авторы. Тѣмъ не менѣе и, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ обвиненія, освѣщенія вопроса мною принятые въ настоящее время всѣ мѣры къ опроверженію извѣстныхъ на меня обвиненій при помощи документальныхъ данныхъ, которыя я тотчасъ по полученіи къ тому возможности не замедлю представить на судъ общества.

Мнѣ могутъ сказать, однако: дѣлу бѣе огня не бываетъ. Я это знаю, и вотъ это-то обстоятельство заставило меня искать въ моемъ прошломъ тотъ огонь, который далъ смрадный дымъ, въ формѣ обвиненія меня въ предательствѣ. Перебравъ въ своей памяти все прошлое, я, дѣйствительно, нахожу въ немъ нѣкоторые моменты, которые при недостаточномъ знакомствѣ съ сопровождавшими ихъ обстоятельствами, могли вызвать серьезныя предположенія, относительно моего образа дѣйствій, которыя выросли затѣмъ въ форменныя обвиненія. Эти моменты требуютъ объясненія, и поэтому я прошу еще нѣсколько минутъ вниманія. Возвращаясь къ моему сидѣнію въ тюрьмѣ.

Въ теченіе перваго года моего заключенія тюремный режимъ былъ необыкновенно суровъ; не было ни прогулокъ, ни книгъ. Первый выходъ мой изъ камеры былъ въ баню, послѣ пятимѣсячнаго сидѣнія въ четырехъ стѣнахъ, да еще на крестьянскихъ положеніи. Съ назначеніемъ одесскихъ градоначальникомъ генерала Гейна, дѣло измѣнилось значительно къ лучшему: были разрѣшены прогулки, начали почти ежедневнѣе водить въ баню и даже разрѣшили читать книги.

Въ 1878 г. Одесская тюрьма начала быстро наполняться политическими, и житье сдѣлалось лучше, такъ какъ явилась возможность переговоровъ въ деревную форточку, а кромѣ того, пошло перестукиваніе. У вновь прибывшихъ арестованныхъ по политическимъ дѣламъ и, болѣе всего, кажется, у арестованныхъ по дѣлу Ковальскаго, были въ Одесѣ родственники, при посредствѣ которыхъ была организована помощь извнѣ: приносились въ болѣею количествомъ табакъ, чай, сахаръ и даже одно время обывы. Въ половинѣ 1878 г. тюрьма была уже переполнена политическими, не хватало одиночныхъ камеръ, стали насъ сажать по двое и, помню, мнѣ пришлось сидѣть сначала съ Дробизяниномъ, а потомъ съ Малинкой. Устраивались развлеченія—пѣніе, бесѣды въ дверныя форточки съ сосѣдями и разсказы. Я обладалъ хорошимъ голосомъ, и меня часто просили пѣть, не душно пѣлъ Кравчевъ, съ которымъ мы и чередовались. Большое удовольствіе своими разсказами доставлялъ морякъ Логенко.

Съ ущемленіемъ террористическѣхъ актовъ со стороны революціонеровъ, находящихся на свободѣ, усиливалась строгость тюремнаго режима, что со стороны заключенныхъ вызывало протесты и, кажется, въ это именно время въ Одесской тюрьмѣ впервые устроена была голодовка.

Въ 1879 г. правительствомъ приступило къ ликвидаціи политическихъ дѣлъ, и къ сентябрю этого года тюрьма почти опустѣла, остались только причастные къ дѣлу о покушеніи на Горникова. Результатомъ ликвидаціи политическихъ

пированной обвинения. Вотъ глѣ, по моему глубокому убѣжденію, тотъ огонь, который черезъ тридцать лѣтъ далъ не дымъ, а прямо старательную гарь.

Я отнюдь не намѣренъ утверждать, что съ этической точки зрѣнія я совершенно неизвѣстенъ. Строгий анализъ факта подачи прошенія не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать, что доставило мнѣ много горькихъ минутъ, которыхъ не было бы, если бы я бросилъ революціонную дѣятельность прямо, безъ всякихъ прошеній. Необходимо, однако, при обсужденіи этого факта принять во вниманіе, съ одной стороны, мое душевное состояніе послѣ трехлѣтняго сидѣнія въ тюрьмѣ, съ другой—предстоящую необходимость отправиться въ ссылку на неопредѣленное время, необходимость для меня совершенно безмысленную, такъ какъ революціонныя идеи нисколько не оставлены и возвратиться къ нимъ я не намѣревался; съ третьей—что только такимъ и никакимъ другимъ способомъ я могъ избавиться отъ этой безмысленной для меня необходимости и, наконецъ, съ четвертой—что *поступокъ мой абсолютно не могъ принести никому никакого вреда.*

Такимъ образомъ, признавая, что, подавъ прошеніе генералъ-губернатору объ освобожденіи меня отъ ссылки, съ изложеніемъ обстоятельствъ революціоннаго движенія, добытыхъ уже судебнымъ слѣдствіемъ и отошедшихъ въ область исторіи, я пошелъ хотя и на вынужденный, но тѣмъ не менѣе прискорбный компромиссъ,—я считъ существующъ протесту противъ обвиненія меня въ предательствѣ.

Отказываясь отъ революціонныхъ идей, воспринять по неотъемлемому праву человека иную идею, воспользоваться историческими данными революціоннаго движенія, какъ единственнымъ способомъ поврѣсть съ революціонной дѣятельностью и ея послѣдствіями, отказавшемуся отъ этихъ идей,—это—одно. А сдѣлать предательствъ, т. е. перейти во враждебный лагерь и воспользоваться свѣдѣніями, которыя доверляли ему бывшіе единомышленники, не зная о переломѣ, совершившемся въ его обозѣ мыслей, для того, чтобы разгромить этихъ единомышленниковъ,—это—другое. Разница между тѣмъ и другимъ колоссальная, и обвиня въ предательствѣ человѣка, повиннаго въ первомъ—и неосновательно, и несправедливо.

Г. Тамментъ 7 іюля 1906.

Ф. Курицынъ.

Отъ редакціи

Хотя большая часть вышеприведеннаго письма г. Курицына посвящена возраженіямъ по журналу «Былое», а г. Дейчу, тѣмъ не менѣе, мы сочли своею обязанностью напечатать это письмо полностью. Но сдѣлавши это, не меньшею обязанностью своею мы считаемъ и сопроводить письмо г. Курицына такими данными, которыя объяснили бы читателямъ и смыслъ нашего примѣчанія къ напечатанной въ февральской книжкѣ нашего журнала статьѣ Н. А. Виташевскаго. Примѣчаніе это гласитъ: «Рѣчь идетъ о бывшемъ еще недавно старшимъ ветеринарнымъ врачомъ въ Саратовѣ, а нынѣ завыдающемся ветеринарнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ Фѣдорѣ Курицынѣ. Изъ имѣющихся у насъ матеріаловъ видно, что страницы нашего журнала будутъ украшены доблестнымъ именемъ г. Курицына еще не разъ, съ надлежащими къ этому имени комментаріями». (Былое, февраль, стр. 227).

Обратимся же къ тѣмъ даннымъ, о которыхъ мы въ этомъ примѣчаніи упоминали.

Въ 1893 году въ Женевѣ вышелъ № 3 издававшихся «группою старыхъ народовольцевъ» «Матеріаловъ для исторіи Русскаго Соціально-Революціоннаго движенія». Въ номерѣ этомъ помѣщена біографія умершаго на кариѣской каторгѣ, осужденнаго въ 1879 году

въ Одессѣ по дѣлу Лизогуба и другихъ, Григорія Анфимовича Попко. Въ біографіи этой имѣются, между прочимъ, такія строки:

«Въ это время (въ 1879 году) сидѣлъ въ Одесской тюрьмѣ студентъ Харьковскаго Ветеринарнаго Института Фѣдоръ Курицынъ. Арестованъ онъ былъ въ началѣ 77 года по, такъ называемому, Елисаветградскому дѣлу. Сидѣлъ да посиживалъ Курицынъ въ Одесской тюрьмѣ, болталъ немного по своему дѣлу, однако первое время совсѣмъ м—мъ¹⁾ его называть было нельзя. Но вотъ «хронически» сидѣть надобѣло Курицыну, и онъ предложилъ свои «услуги» жандармскому правленію. Особенно цѣнныхъ свѣдѣній Курицынъ не могъ дать, о творящемся на свободѣ, не могъ передать только своихъ прежнихъ товарищей, что и сдѣлать: *благодаря ему, повѣсили Виктора Малинку и Ивана Дробязкина.* Дабы сдѣлать услуги Курицына болѣе полезными, его сажать въ одну камеру съ однимъ изъ вновь арестованныхъ по дѣлу Чубарова. Выборъ оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ. Довѣрчивый и словоохотливый Н быстро сходится съ «Бѣдкой» и выкладываетъ ему все, что знаетъ, а нѣрѣдко выдаетъ за дѣйствительность плоды собственнаго воображенія, благо оно еще не остыло... Онъ и себя не жалѣетъ и рисуетъ «ужасное человѣкомъ». За довѣріе, за дружбу Ф. Курицынъ платилъ *ежедневными рапортами въ жандармское управленіе по двѣ а.д. и писемъ къ родителямъ*». Узнали предательство Ф. Курицына не скоро, и потому приговоръ по Одесскому дѣлу былъ совершенно непонятенъ. Присылали этотъ приговоръ показаніямъ А. Боломеза, Василія Веледницкаго, Суворова, а Курицына просмотрѣли. Н былъ знакомъ съ Г. А. Попко, благоговѣлъ передъ нимъ и въ яркихъ краскахъ расписывалъ революціонныя добродѣтели Григорія Анфимовича «другу». Къ счастью, Н мало зналъ о дѣлахъ Попко; зналъ только, что Попко принималъ участіе въ неудавшейся попыткѣ освободить Малинку и Студзинскаго, да что Попко—террористъ. «Попко—это самый умный, самый способный изъ террористовъ»—рекомендовалъ онъ Попко Курицыну. За хорошей отзывъ Н ждала Попко вѣчная каторга». («Матеріалы» стр. 177—178).

Біографія Попко напечатана въ «Матеріалахъ» безъ подписи, но теперь нѣтъ никакихъ основаній скрывать имя ея автора. Она написана нынѣ покойнымъ, осужденнымъ въ каторжную работу въ 1879 году въ Кіевѣ, по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи на Жилинской улицѣ (по этому дѣлу повѣшены Брандтнеръ и Свириденко-Антоновъ), Ростиславомъ Андреевичемъ Стеблинъ-Каменскимъ. Біографію Попко, близкимъ другомъ котораго былъ Каменскій, онъ заканчиваетъ страстнымъ призывомъ къ кровавой мести по отношенію къ г. Курицыну («кому суждено увидѣть родину—писалъ Каменскій—пусть такой счастливцевъ, прежде, чѣмъ облобызаетъ родную землю, прежде, чѣмъ обнять дорогихъ, близкихъ сердцу людей—пусть вспомнитъ, что убійца Лизогуба, Попко, Малинки, Дробязкина и многихъ другихъ еще живъ» и проч. и проч. Стр. 190), но мы,

¹⁾ Въ цитируемой статьѣ это выраженіе напечатано всѣми буквами.

разумѣтся, указываемъ на это обстоятельство исключительно лишь во свѣдѣтельство того настроенія, которое существовало въ карійской каторгѣ по отношенію къ г. Курицину.

Но, можетъ быть, и Р. А. Стеблинъ-Каменскій былъ также введенъ какими-либо обстоятельствами въ заблужденіе и, такимъ образомъ, хотя и bona fide, но все-таки «оклеветалъ» г. Курицина.

Допустимъ и это. Но какъ быть вотъ съ чѣмъ:

Въ нашемъ распоряженіи имѣется, изданная въ маѣ 1880 г. *департаментомъ полиціи*, разумѣется, исключительно для его собственныхъ надобностей, ультра-секретная книга, носящая заглавіе «*Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣлаю о государственныя преступленія*». Эту любопытную книгу мы имѣемъ въ виду дать со временемъ нашимъ читателямъ полностью на страницахъ «Былого» съ соотвѣствующими, разумѣется, комментаріями, а въ настоящее время ограничимся нѣсколькими изъ нея цитатами. Въ первой части книги рѣчь идетъ о «преступной организаціи отдѣльнаго сообщества украинофиловъ, сосредоточившагося въ Кіевѣ». Вотъ что говорится тамъ, между прочимъ, о профессорѣ кіевскаго университета Антоновичѣ и преподавателяхъ Житецкомъ и Беренштамъ.

«Относительно профессора Антоновича и вышеупомянутыхъ преподавателей Кіевской военной гимназіи Житецкаго и Беренштама *показываетъ Курицынъ* слѣдующее: когда въ Кіевѣ, въ концѣ декабря 1878 года, собрался съѣздъ партіи конституціоналистовъ, преимущественно земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли, *по словамъ Курицына*, Черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выделялся какой-то членъ Черниговскаго земства *Линдесъ* или *Линдесъ*,¹⁾ то на бывшей по этому поводу сходкѣ изъ представителей разныхъ социально-революціонныхъ партій и украинофиловъ присутствовали въ числѣ другихъ Антоновичъ, Житецкій и Беренштамъ, являвшіеся въ качествѣ представителей украинофиловъ, съцѣлю *отстаивать свои теоріи противъ предложеній конституціоналистовъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи*». ²⁾ («Сводъ», стр. 9).

Но что, разумѣется, «цвѣтики» сообщений г. Курицына. Перейдемъ къ «ягодкамъ».

Въ главѣ третьей «Свода» излагается революціонная дѣятельность Стефановича, Дейча, Левченко и другихъ. Тутъ находятся такіе строки:

«Содержась вмѣстѣ съ Левченко, *Курицынъ имѣлъ возможность сблизиться съ нимъ и узнать отъ него многое, какъ о немъ самомъ, такъ и о другихъ революціонныхъ дѣятеляхъ, съ которыми Левченко приходилъ въ соприкосновеніе*». («Сводъ» стр. 48).

¹⁾ Въѣтъ сомнѣнія, гласный Черниговскаго земства, нѣмъ покойный *Линдесъ*.
Ред.

²⁾ Да не смущается читатель вошедшимъ незнакомствомъ, заключеннымъ въ подчёркнутыхъ нами послѣднихъ строкахъ, да памятуя, что, что это цитируется произвѣденіе мудрецовъ изъ департамента полиціи.
Ред.

Идетъ обширное изложеніе дѣятельности Левченко (осужденъ въ каторгу), Мокрѣвича (каторга), Малинки (повѣшенъ), Савелия Златопольскаго (бывшаго тогда еще на свободѣ), Стефановича, Дейча и многихъ другихъ.

Приведемъ образчикъ:

«Засимъ, *изъ совоѣдній, сообщенныхъ Курицыномъ*, со словъ содержавшагося въ тюрьмѣ Левченко (онъ же Никитка), видно, что Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій возвратились изъ-за границы въ Россію въ половинѣ сентября 1879 года и поселились въ С.-Петербургѣ, куда Стефановичъ привезъ съ собою типографскія принадлежности, хрустальные бомбы и другіе снаряды для взрыва. Въ то время Левченко находился въ Одессѣ и, узнавъ изъ сообщенія Стефановича о намѣреніи его прибыть въ Кіевъ, отправился туда для предупрежденія избранныхъ лицъ о пріѣздѣ Стефановича.

«По прибытіи его оказалось, что Стефановичъ намѣренъ былъ устроить подпольную типографію для изданія органа революціонной партіи «народниковъ», подобно органу террористовъ «Земля и Воля». Такъ какъ для этой печатни понадобились нѣкоторыя типографскія принадлежности изъ числа тѣхъ, которыя уцѣлили отъ прежней типографіи революціонеровъ, спрятанныхъ въ одной деревнѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Кіева, то Левченко, по порученію Стефановича, отправился туда за ними и проч. (стр. 47).

Еще образчикъ:

«Въ концѣ 1878 года Никитка уѣхалъ въ Ростовъ на Дону, а потомъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ остановился въ той самой квартирѣ, гдѣ были арестованы Дебогорій-Мокрѣвичъ и много другихъ революціонеровъ; Левченко же избѣжалъ ареста только потому, что переѣхалъ съ этой квартиры за три дня до этого случая, а въ самый моментъ арестованія Мокрѣвича и другихъ, подходя къ квартирѣ, услышалъ выстрѣлы, вслѣдствіе чего, догадавшись въ чемъ дѣло, успѣлъ скрыться и предупредить о случившемся соумышленниковъ своихъ, которые приглашены были въ эту самую квартиру для принятія участія въ съѣздѣ социалстовъ.

«Съѣздъ этотъ, *по заявленію Курицына*, былъ назначенъ Дебогоріемъ-Мокрѣвичемъ, для обсужденія выработанной имъ съ Валеріаномъ Осинскимъ «грандіозной программъ» революціонной дѣятельности. Ко дню съѣзда, который назначенъ былъ черезъ недѣлю послѣ ареста Дебогорія-Мокрѣвича и другихъ лицъ, должны были прибыть социалисты изъ разныхъ мѣстностей Россіи, а потому Никита Левченко и другіе революціонные дѣятели, изъ числа проживавшихъ въ то время въ Кіевѣ, стали дежурить недалеко отъ дома, въ которомъ были арестованы упомянутыя лица и предупреждать всякаго, кто направляется въ этотъ домъ». И пр. и пр. и пр. (Стр. 50).

Еще примѣръ:

Рѣчь идетъ о революціонной дѣятельности одного учителя:

«*Фамилія означеннаго учителя Левченко Курицыну не назвала,*

но примѣты его характерны: у него кривыя ноги съ вывороченными во внутрь коленями; съ виду онъ еще молодой человѣкъ». (Стр. 51).

Мы могли бы привести еще многое изъ «сообщеній» въ этомъ же родѣ г. Курицына жандармамъ,—читатели все это прочтутъ, когда мы воспроизведемъ на страницахъ нашего журнала «Сводъ» полностью,—а пока перейдемъ къ главѣ VII-й, посвященной, главнымъ образомъ, описанію революціонной дѣятельности казеннаго Д. А. Лизогуба. Глава эта начинается слѣдующими строками:

«Для полноты картины, характеризующей дѣятельность различныхъ социально-революціонныхъ партій и кружковъ, образовавшихся преимущественно въ Киевской губерніи, необходимо указать на преступную дѣятельность Черниговскаго помѣщика Димитрія Лизогуба и его революціоннаго круга, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя изложены въ показаніи политическаго преступника, бывшаго студента Харьковскаго ветеринарнаго института Курицына, который содержался съ Лизогубомъ въ одной камерѣ, влѣсть съ другими политическими преступниками и потому имѣлъ возможность проверять все известное ему тѣмъ, что онъ слышалъ въ тюрьмѣ при откровенныхъ разговорахъ Лизогуба съ нимъ и другими преступниками, находившимися въ близкихъ отношеніяхъ съ Лизогубомъ, который, по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда, былъ казненъ въ августъ 1879 года». (Стр. 66—67).

Далѣе слѣдуетъ обширное, основанное на словахъ Курицына, изложеніе дѣятельности Лизогуба и его кружка.

Напр.

«Курицынъ, со словъ самого Лизогуба объясняетъ, что кружокъ послѣдняго располагалъ наличными денежными средствами, болѣе чѣмъ въ 100000 рублей, составившимися, какъ изъ собственнаго капитала его, Лизогуба, такъ равно и изъ сборовъ съ лицъ, сочувствующихъ стремленіямъ революціонной партіи». (Стр. 67).

«Выше уже было указано, что Лизогубъ намѣренъ былъ продолжать дѣло Стефановича, Дейча и Бохановскаго, поэтому бунтовская программа, разработанная этими представителями революціонной партіи «народниковъ-бунтарей», легла въ основаніе программы, разработанной Лизогубомъ, для своего революціоннаго кружка. Програ.му эту Курицынъ, со словъ самого Лизогуба и другихъ содержавшихся съ нимъ политическихъ преступниковъ, формулируетъ слѣдующимъ образомъ: всякій, принадлежащій къ этому кружку, обязанъ пользоваться каждымъ возникшимъ гдѣ-либо бунтомъ, а если такового нѣтъ, всеми возможными средствами стараться вызвать бунты. Средствами къ этому должны служить, главнымъ образомъ, возбужденіе въ народѣ разныхъ неудовольствій и страстей посредствомъ распусканія ложныхъ слуховъ, равно другими способами, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ» и т. д. и т. д. (стр. 68).

«Точно также, въ виду сдѣланныхъ Курицынымъ указаній, что Лизогубъ проектировалъ нѣчто, подобное Чигиринскому дѣлу, на Дону, представляется вѣроятнымъ, что члены образованнаго имъ

революціоннаго кружка принимали болѣе или менѣе близкое участіе въ вооруженномъ возстаніи, бывшемъ 2 апрѣля 1879 года въ городѣ Ростовѣ на Дону». (Стр. 70).

«Кромѣ сего, Курицынъ указываетъ на нѣкоторыхъ лицъ, которые, не принадлежа къ кружку Лизогуба, тѣмъ не менѣе, находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ». Таковыя лица—Козина, («По словамъ, Курицына Козина аристократическаго происхожденія, сотрудничаетъ въ журналѣ «Отечественныя Записки» подъ неполнымъ псевдонимомъ А—ва, пользуется большими связями въ Петербургѣ, живетъ то въ той, то въ другой мѣстности Россіи, то за границей, замужемъ, имѣетъ двухъ дочерей 11 и 13 лѣтъ, которая уже вполне усвоила себѣ социальныя ученія и даже находилась одно время подъ руководствомъ такого репетитора, какъ извѣстный революціонеръ Петръ Волошенко, имѣвшій въ революціонной средѣ прозваніе «Волкъ»), Пашенко («личность невнятная, но, по словамъ Курицына, весьма видная въ преступной средѣ»), Виноградскій («котораго, по словамъ Курицына, ввелъ въ революціонную среду Пашенко»), Миролюбовъ («ему приписывается Курицынымъ участіе въ дѣлѣ о кражѣ денегъ изъ Херсонскаго казначейства, такъ какъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ этого дѣла задержаннымъ нынѣ Юрксовскимъ. Тотъ же Миролюбовъ, по словамъ Курицына, поступилъ въ университетъ по подложному документу, писанному рукою осужденнаго въ каторжныя работы Кравцова»), Ліонъ («принималъ, по словамъ Курицына, близкое участіе во многихъ революціонныхъ дѣлахъ»), Кулишъ («офицеръ морской службы, принадлежалъ, несомнѣнно, къ революціонной партіи, такъ какъ Курицынъ встрѣчалъ его у лицъ, принадлежавшихъ къ кружку Ковальскаго. По словамъ Курицына, у Кулиша есть въ Николаевѣ свой революціонный кружокъ, состоящій изъ морскихъ офицеровъ»). (Стр. 70, 71, 72, 73).

Такимъ же точно образомъ въ IX главѣ «Свода» приводятся «сообщенія» г. Курицына о докторѣ Волкенштейнѣ, Львѣ Семиренко, И. П. Бѣлоконскомъ («по словамъ Курицына, Бѣлоконскій слылъ въ революціонной средѣ за старого и преданнаго социалиста, часто ѣздившаго въ Петербургъ, откуда онъ привозилъ для распространянія на югъ члѣны тѣки революціонной газеты «Земля и Воля»), Нестроевой и друг.

О Нестроевой въ «Сводѣ» говорится слѣдующее: «Курицынъ указываетъ, что въ прошломъ году Бѣлоконскій ѣздилъ за границу по порученію, между прочимъ, богатой помѣщицы Таврической губерніи Нестроевой, жены уѣзднаго предводителя дворянства, которая находится подъ надзоромъ полиціи въ Высочайшему повелѣнію. При этомъ Курицынъ сообщаетъ, что названная Нестроева извѣстна въ преступной средѣ за весьма сочувствующую революціонному дѣлу и дѣятельно помогающую его представителямъ какъ деньгами, такъ и другими, находящимися въ ея распоряженіи средствами. Она завѣдомо даетъ пропагандистамъ

пристанище въ своемъ имѣніи, выдавая ихъ за учителей, приказчиковъ, конторщиковъ, рабочихъ и работниковъ.

«Такъ, у нея жили, по словамъ Курицына, Дробязгинъ, привлеченный къ дѣлу Барановича; Добровольскій, высланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь; Варвара Виттенъ, осужденная въ Одессѣ по дѣлу Ковальскаго; Ивановская, привлекавшаяся къ тому же дѣлу; Елена Виттенъ, по мужу Россикова, главная участница кражи денегъ изъ Херсонскаго казначейства и многіе другіе революціонеры. Кромѣ сего, по словамъ Курицына, названная Нестроева привозила изъ-за границы запрещенныя сочиненія и снабдила одного пропагандиста деньгами, на которыхъ тотъ открылъ, будто бы, въ Киевской губерніи коженное мастерство, будучи самъ знатокомъ коженнаго ремесла» («Сводъ», стр. 85—86).

Въ главѣ XI-й «Свода» въ числѣ многихъ другихъ указаний на г. Курицына, какъ на источникъ, изъ котораго департаментъ полиціи заимствуетъ свои свѣдѣнія о личностяхъ различныхъ революціонеровъ и ихъ дѣятельности, имѣются и такія, напр., строки:

«Засимъ Курицынъ указываетъ, что въ числѣ участниковъ кружка Мошеноква и Быковцева находилось много лицъ изъ числа нѣтъ привлеченныхъ къ дѣлу о Харьковскомъ революціонномъ сообществѣ» (стр. 94).

Въ главѣ XIII идетъ, между прочимъ, разсказъ о дѣлѣ Засуличъ. «Курицынъ сообщаетъ, что, послѣ оправдательнаго приговора суда, Засуличъ скрывалась около мѣсяца у сотрудника журнала «Отечественныя Записки» Жемчужникова, гдѣ она познакомилась со многими революционными дѣятелями, до этого ее совершенно не знавшими» (стр. 101).

Тамъ же, по поводу убійства въ Киевѣ жандармскаго офицера барона Гейкинга, говорится слѣдующее:

«По поводу этого убійства Курицынъ, со словъ Никиты Левченко, говоритъ, что убійцею былъ социалистъ, прѣхавшій съ сѣвера, великороссъ, высокаго роста, стройный, красивый, съ русыми волосами» (стр. 102).

Но, не довольно ли? Все вышеизложенное стѣснить только сопоставить съ категорическимъ заявленіемъ г. Курицына томъ, что въ его «прошеніи» онъ говорилъ исключительно о «покойникахъ» и что «поступокъ его абсолютно не могъ принести никому никакого вреда», чтобы оцѣнить по достоинству все его вышеприведенное письмо. Если революціонеры «оклеветали» г. Курицына, то въ еще большей степени этого, очевидно, невиннаго человѣка «оклеветалъ»... департаментъ полиціи. Мы печатаемъ и письмо г. Курицына, и имѣющіяся у насъ данныя объ его «показаніяхъ», «указаніяхъ» и «сообщеніяхъ» о мертвыхъ и живыхъ, арестованныхъ и находившихся на свободѣ, мужчинахъ и женщинахъ, взрослыхъ и дѣтяхъ¹⁾... Судью здѣсь, какъ и вездѣ, будетъ, конечно, общественное мнѣніе.

¹⁾ Тринадцати и одиннадцати лѣтнихъ дочеряхъ г-жи Козиней, какъ о лицахъ, уже «усвоившихъ себѣ социальныя ученія»!!!

Историческая бібліографія.

Драгомановъ, М. П. Собраніе политическихъ сочиненій съ біографическими очерками и портретами автора. т. II. Парижъ. Изданіе редакціи «Освобожденія» на средства украинцевъ-демократовъ. Ц. 70 фр. 1906 г.

Вышедшій въ Парижѣ второй томъ политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова заставляетъ насъ снова вернуться къ личности и мыслямъ украинскаго безсмертнаго публициста. Если въ первомъ томѣ въ его изслѣдованіи «Историческая Польша и великоросская демократія», и въ его «Опытѣ украинской политико-соціальной программы» опредѣленно выразились взгляды Драгоманова на національный вопросъ и на автономію Польши и Украины, а также и на взаимныя отношенія украинцевъ, поляковъ и великороссовъ, то во второмъ томѣ передъ читателемъ выясняется вся широта общаго политическаго міросозерцанія автора. Совершенно цѣльное и опредѣленное, это міросозерцаніе давало Драгоманову всегда вѣрное пониманіе совершавшихся передъ нимъ политическимъ фактовъ жизни хорошо знакомаго ему славянскаго міра, а не одной только Россіи; оно же открывало передъ нимъ ошибки, дѣлаемые нашими политическими партіями, часто въ увлеченіи борьбы принимавшими чрезуръ одностороннее направленіе. Такова его критика и оцѣнка террора, какъ систематическаго способа борьбы (См. «Тираноубійство въ Россіи и поведеніе Западной Европы», «Терроризмъ и Свобода», «Обязательность энергіи» и др.), его упреки въ централизмѣ революціонеровъ, недостаточномъ уваженіи многихъ этическихъ требованій, одинаково обязательныхъ для всѣхъ людей, во имя чего бы они ни работали. Такъ же рѣзко осуждаетъ Драгомановъ, такъ называемая, «студенческая волненія» въ Россіи и держится того взгляда, что «академической свободы не можетъ быть безъ общей политической, а эта послѣдняя не можетъ быть достигнута усиліями студентовъ, она требуетъ усилій гражданъ общества». Широ- та взглядовъ Драгоманова позволяеть имъ сохранять свою вѣрность и свѣжесть и черезъ 20—30 лѣтъ послѣ того, какъ они впервые были печатно высказаны. Тридцать лѣтъ тому назадъ Драгомановъ, часто наперекоръ современному ему социальнымъ теоріямъ, ставилъ въ первую очередь для спасенія Россіи ясно сформулированное требованіе политической свободы и основаннаго на ней коренного пе-

реустройства всей внутренней и внешней политической жизни как центра России, так и составляющих ее разнообразных областей. Громко говорил он, обращая ко всей Европе, что все сторонники мира и противники национальных антагонизмов, все, кто не желает на восток Европы ни турецкого, ни берлинского, ни московского деспотизма, ни австрийского лицемерия,—все должны поддерживать своим сочувствием именно либеральное, федерально-демократическое движение среди народов России (См. стр. 511). Только теперь, когда заботливой и знающей рукой собраны все политические сочинения Драгоманова, начиная с самых обильных замѣток и кончая крупными исследованиями, можно оценить всю широту его политического развития и ту настоятельность, с какой он всю жизнь доказывал и развивал свои главные положения. Несомненно, что в настоящее время широкое распространение политических сочинений Драгоманова оказало бы самое плодотворное влияние на расширение политического сознания самого неподготовленного читателя, так как изложение Михаила Петровича вездѣ отличается ясностью и наглядностью.

Основные положения Драгоманова, высказанные им в разных программах, листках и статьях лежащего перед нами второго тома его сочинений, заключаются, главным образом, в следующие: 1) политическая свобода — необходимѣйшее условие социальной, экономической и политической, так же, как и культурной жизни каждого народа; 2) народы вполне воспользуются свободой только при полной демократизации и децентрализации всего государственного строя страны; 3) воплощать в своей жизни наилучшие социальные политические порядки и усваивать просвѣщенные народы могут только при совершенно свободном проявлении своих национальных особенностей и передачѣ научных истин на родном языке массы. Необходимость приложения к жизни России этих положений Драгоманов доказывал со всей страстью своего сердца, бывшего и большого за родину, со всей логикой своего сильного ума, и со всей яркостью своего публицистического таланта. Изгнанник, оторванный от своей дорогой земли, от Украины, он вездѣ ясно слѣдит за ее жизнью, радостно ловит малѣйшие проблески ее пробуждения. (См. статьи: «По вопросу о малорусской литературѣ», «Гете и Шекспир в переводѣ на малорусский языкъ», «Казакская традиция на Украинѣ» и др.). Он неутомимо осуждает все прѣсѣдования администрации какъ въ Украинѣ, так и въ Галиции, убивавшія жизнь, мысль и совѣсть его родного народа (см. «Война съ памятью о Шевченко», «Языки, конфискованные синодомъ», «Страхи украинского сепаратизма», «Среди галицкой сумятицы» и др.).

Но рядомъ съ родиной стоит у Драгоманова въ мыслях и вся Россия—его обширное отечество, давшее ему не мало для широты его умственного развития, а за предѣлами России встаютъ славянские народы, такъ тщательно изученные Драгомановымъ. Имъ посвящаетъ онъ нѣсколько самыхъ талантливыхъ статей. Говоритъ

о славянахъ Драгоманову пришлось очень скоро послѣ его перѣзда за границу, такъ какъ въ 1876 г. началось извѣстная война России за освобождение Болгаріи, и Драгомановъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльных брошюръ обличалъ всю лживость этой войны, гдѣ подъ шумихой громкихъ фразъ объ освобождении славянъ отъ чужеземного ига лежало самое некрасивое посягательство на довѣріе несчастной, доведенной до отчаянія, Болгаріи. Особенно сильно написано по этому поводу брошюра «Турки внутренние и внешніе», «Чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ» и «До чего довелись!» Во всѣхъ этихъ статьяхъ Драгомановъ ясно говоритъ, что страна, совершенно подавленная самодержавіемъ, не можетъ освобождать другой народъ; ей приходится или самымъ искреннимъ образомъ самообманываться, или просто участвовать въ авантюрѣ, придуманной администраціей далеко не съ безкорыстными намѣреніями. Онъ справедливо упрекаетъ тогдашнюю прессу въ невѣжество и совершенномъ непониманіи ни настоящаго положенія дѣла у славянъ, ни самаго значенія, такъ называемой, освободительной войны. «А между тѣмъ,—говоритъ Михаилъ Петровичъ—необходимо было бы, въ видахъ воспитанія общества, если не въ видахъ непосредственныхъ дѣйствій, выработать какія-нибудь общія представленія о томъ, что называется славянскимъ освобожденіемъ и въ политическомъ, и въ національномъ, и въ общественномъ смыслѣ, какъ въ цѣломъ, такъ и примѣнительно къ каждой славянской народности поразнь... Турецкое правительство плохо, но вѣдь не потому же одному, что оно допустило разбой баши-бузуковъ. Мадьяры ненавидятъ и угнетаютъ славянъ, но въ силу какихъ государственныхъ идей? Въ силу національного централизма. Нашей печати слѣдуетъ подвергнуть критикѣ самую эту основу, если она недовольна приложеніемъ ея къ славянамъ... Онъ напоминаетъ, что весь «секретъ» благополучнаго разрѣшенія, какъ славянскаго, такъ и русскаго вопроса можетъ быть выраженъ двумя словами: *политическая свобода*. Только она одна, т. е. всенародное земское представительство съ контролемъ надъ дѣйствіями исполнительной власти, съ неприкосновенной свободой лица, слова, сходокъ, обществъ и можетъ обезпечить хоть сколько-нибудь гармонію дѣятельности правительства съ национальными интересами и общественнымъ мнѣніемъ, своевременность проявленія этой дѣятельности, не жадней, чтобы турки вырвали десяти и сотни тысячъ нашихъ братьевъ прежде, чѣмъ мы надумаемся помочь имъ, и только политическая свобода можетъ хоть сколько-нибудь охранить нашего солдата отъ тѣхъ злоупотребленій и хищничества, которыя были причиной неудачи восточной войны 1854—56» (См. стр. 51).

Тридцать лѣтъ прошло послѣ этихъ словъ Драгоманова, и то же отсутствіе политической свободы заставило насъ претерпѣть столько горя и униженія въ новой восточной войнѣ. Недаромъ Михаилъ Петровичъ вездѣ предостерегаетъ русское общество отъ всякаго довѣрія къ этому всеугубяющему произволу администрации. Онъ съ увѣренностью говоритъ: «Поставьте въ России на мѣсто турокъ внутреннихъ са-

мую элементарную человеческую и национальную свободу, и турки вѣнские, а дальше и всякая мадьяризация и германизация славянъ, всякая колонизация русинъ и т. п., не продержится и трехъ дней». (См. стр. 68). А выходило наоборотъ: правительство, идя «освобождать» болгаръ, у себя дома создало такое положеніе дѣла на Кавказѣ, въ Польшѣ, по всей Россіи, что не могло выслать на Дунай достаточно военныхъ силъ, опасаясь ежеминутно внутреннихъ возстаній и борьбы съ ними въ тылу собственной армии (см. стр. 94). Въ доказательство невозможности положенія вещей въ тогдашней Россіи онъ критикуетъ всѣя учрежденія, общество, которое позорно молчало, и печать, по своему невѣжеству оказавшая «ниже себя». Драгомановъ былъ убежденъ, что именно тѣмъ временемъ позорно закончившейся войны 1876 г. и надо было воспользоваться, «чтобы образованнымъ людямъ всѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ Россіи, вырвать изъ рукъ недобросовѣстнаго и неумѣлаго чиновничества веденіе дѣла внутреннихъ и вѣнскихъ, привести въ гармонію внутреннюю и вѣнскую политику страны, основавъ ее на началѣ свободы и вывести страну изъ противорѣчій и губительной безтолковщины, по которой ташутъ ее чиновники къ разоренію и пораженію.» (см. стр. 100).

Такъ близко къ сердцу принималъ страданія всей Россіи тотъ самый украинецъ, въ которомъ многие хотѣли видѣть сепаратиста, ненавидящаго Россію. Такое невѣрное пониманіе Драгоманова должно совершенно разсѣяться при чтеніи второго тома его политическихъ сочиненій, почти всецѣло посвященныхъ общимъ вопросамъ политики, обсужденію общей программы освобожденія всей Россіи, конечно, съ полными освобожденіемъ всѣхъ входящихъ въ нее народностей.

Со вниманіемъ слѣдитъ Драгомановъ за всѣми настроеніями русскаго общества; въ этомъ отношеніи особенно интересна его замѣтка «Терроризмъ и свобода», «Муравьи и корова», въ которыхъ, возражая «Голосу», представившему совершенно невѣрную аллегорію оппозиціи, въ видѣ праздной лѣнливой коровы, раздавливающей всѣ труды трудолюбивыхъ муравьевъ, т.-е. маленькихъ дѣятелей безъ всякаго синтеза и темперамента, горячо вылилась у Михаила Петровича статья «Дѣтубійство», совершаемое русскимъ правительствомъ», написанная по поводу отошедшаго уже въ исторію московскаго процесса женщинъ-соціалистокъ (1877 г.); эта талантливая статья производитъ очень сильное впечатлѣніе. Особенный интересъ для нашихъ дней имѣютъ статьи: «Конституція и народъ». Остановившаяся на одной корреспонденціи изъ глубины Украины, въ которой всѣ народныя пожеланія лучшаго формулированы въ сжатой простой фразѣ: «Земли побольше, а начальства поменьше», — Драгомановъ съ удовольствіемъ устанавливаетъ точку соприкосновенія между конституционными стремленіями интеллигенціи и желаніями народа: эта точка — автономія волости, «громады». «Если, такъ называемая, интеллигенція, — говоритъ Драгомановъ, — сама отрѣшившись отъ централистическо-бюрократической метафизики, станетъ на реальную почву интересовъ лицъ и группъ, соорудитъ

естественному росту этихъ интересовъ, требующихъ для ихъ удовлетворенія все большихъ общественныхъ союзовъ, то интеллигенція этой не трудно будетъ сойтись съ народомъ и помочь ему»... «наполнить пропасть, раздѣляющую теперь конституціонныя стремленія интеллигенціи и народа, и эти стремленія сомкнутся въ цѣпь послѣдовательныхъ круговъ самоуправленія, наполняя эту форму жизни «реальнымъ содержаніемъ, — удовлетвореніемъ нуждъ населенія экономическихъ и культурныхъ». (Стр. 654).

Въ цѣломъ рядъ статей Драгомановъ подробно разбираетъ разные революціонные способы борьбы того времени, примѣняя къ нимъ европейскую критику, ставя нашу революціонную дѣятельность въ соотвѣтствіе съ западно-европейской.

Особенно содержательна его статья «Либерализмъ и Земство», гдѣ, послѣ обстоятельнаго историческаго очерка прогрессивнаго развитія земства въ Россіи и его отношеній съ революціонными элементами, Драгомановъ даетъ очень интересную табличку, въ которой онъ сопоставляетъ историческій ходъ политическихъ событій въ Россіи съ таковыми же во Франціи.

Въ короткой библиографической замѣткѣ невозможно исчерпать все богатое содержаніе этого тома сочиненій Драгоманова, больше, чѣмъ въ 800 страницъ. Его надо изучать, имъ пополнить можно недостаточное политическое образованіе средняго русскаго читателя. Украинцы найдутъ здѣсь особенно много для себя интереснаго въ статьяхъ «Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю», «Украинская Громада въ рецензіи Стефановича», «Страхи украинскаго сепаратизма» и въ замѣткѣ «Круговая побѣда украинцевъ отъ вѣры отцовъ» (1872 г.). Въ этой послѣдней указывается назрѣвшая въ украинскомъ населеніи страстная жажда новой вѣры, новой не официальной церкви; этому запросу народа, по словамъ Драгоманова, удовлетворитъ только полная свобода вѣроисповѣданія, а главное, — самое широкое распространеніе науки и искусства въ массу населенія.

Много поучительнаго найдутъ читатели и въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ Драгомановъ старается «разрѣшить для Украины еврейскій вопросъ». (См. «Еврейскій вопросъ на Украинѣ» и «Еврейскій вопросъ въ славянскомъ кружкѣ въ Лондонѣ»). Вездѣ Михаилъ Петровичъ остается вѣрнѣ своей ясной синтетической манерѣ изслѣдованія и видитъ главное устраненіе всѣхъ столкновѣній съ евреями въ широкомъ проникновеніи въ еврейскую среду демократическихъ и социалистическихъ идей. Жизнь показала, что онъ правъ, и дѣятельность создававшая въ наше время «Бунда», несомнѣнно, принесла громадные плоды, поднявъ уровень еврейской массы въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ. И, несмотря на вызываемые извнѣ страшные погромы евреевъ на югѣ Россіи, взаимная непосредственная отношенія населенія Украины къ евреямъ значительно улучшились.

Нельзя не поблагодарить издателей политическихъ сочиненій Драгоманова за ихъ столь тщательно и прекрасно выполненный трудъ. Парижское изданіе Драгоманова сдѣлано заботливой и знающей рукой. Во II томѣ собрано все, писанное покойнымъ украин-

ским публицистомъ по поводу всѣхъ малѣйшихъ событий какъ жизни его родины, такъ и Галиціи, и Россіи, переведены его замѣтки на разныхъ языкахъ—французскомъ, украинскомъ, польскомъ, итальянскомъ. Весь матеріалъ распределенъ въ хронологическомъ порядкѣ (съ весьма незначительными отступленіями, требуемыми ясностью самого изложенія) и сгруппированъ въ шесть крупныхъ темъ: статьи о Русско-турецкой войнѣ и политической свободѣ; о терроризмѣ и свободѣ, пропаганда социализма на плебейскихъ языкахъ; Украина, славянство и федерализмъ; Русское революціонное движеніе и централизмъ; галицкіе русины и борьба за свободу личности; земство и либерализмъ въ Россіи. Только теперь, на основаніи этихъ двухъ томовъ, можетъ быть сдѣлана настоящая оцѣнка Драгоманова, какъ политическаго писателя, и понято его значеніе для расширенія политическаго развитія не только Украины, но и всей Россіи. Сжатый біографическій очеркъ Драгоманова и его портретъ, приложенные ко 2-му тому, еще конкретнѣе обрисовываютъ передъ читателемъ весь симпатичный высокой образъ украинскаго патріота, такъ горячо преданнаго идеѣ прогресса, свободѣ и такъ много потрудившагося для выясненія лучшихъ способовъ ихъ практическаго осуществленія и въ Украинѣ, и въ Россіи, и во всемъ славянскомъ мірѣ. Авторъ біографіи Михаила Петровича совершенно правильно опредѣляетъ роль Драгоманова рядомъ съ современными ему русскими политическими писателями Герценомъ, Лавровымъ и др. «Среди полного невниманія къ самой насущной потребности русскаго народа — Михаилъ Петровичъ съ своей неутомимой проповѣдью личной и общественной свободы и представительныхъ конституціонныхъ учреждений, которую онъ велъ съ середины 70-хъ годовъ, занимаетъ первое мѣсто. Явившись первымъ русскимъ писателемъ, сдѣлавшимъ проповѣдь правъ личности и политической свободы своимъ главнымъ дѣломъ»..... «Михаилъ Петровичъ вполне опредѣленно выдвигается, какъ первый русскій конституціоналистъ-демократъ, какъ творецъ первой русской конституціонной теоріи, первой широкой политической программы для русской демократіи». (См. стр. XXXIV—XXXV).

Драгомановъ является величайшимъ воплощеніемъ плодотворнаго сліянія горячей любви къ своей родинѣ съ широкимъ міросозерцаніемъ и международнымъ опытомъ. У него национализмъ естественно вытекалъ изъ его демократизма и абсолютнаго уваженія всякой народной индивидуальности.

На этомъ широкомъ демократизмѣ и строилось его политическое ученіе, отличающееся отъ другихъ современныхъ ему политическихъ ученій ясно проведеннымъ принципомъ децентрализаціи и самостоятельности мелчайшихъ общественныхъ группъ, объединенныхъ свободнымъ федеративнымъ союзомъ. Это и является для нашего обширнаго отечества самымъ жизненнымъ началомъ, которое оно неизбѣжно и необходимо должно постепенно воплощать въ своемъ сложномъ государственномъ устройствѣ.

Софья Русова.

В. М. Ильинскій. *Архангельская ссылка. Бытовые очерки изъ исторіи архангельской политической ссылки.* Ц. 75 к. Стр. 285.

Если не считать неистовствъ П. Н. Дурново и его преемника Столыпина, превзошедшихъ всякую мѣру въ административной высылкѣ нежелательныхъ имъ элементовъ, — эпоха В. К. Плеве можетъ считаться кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи административной политической ссылки. Если въ настоящее время эксцессы въ этомъ отношеніи гг. Столыпина и Дурново доведены до предѣловъ, за которыми уже не остается даже мѣста для размѣшенія массы ссылаемыхъ, то въ этомъ не трудно усмотрѣть совершенную безразсудность въ дѣйствіяхъ зарвавшихся администраторовъ, которые, видя, что почва изъ-подъ ихъ ногъ ускользаетъ, идутъ на всякія крайности, лишь бы остановить это колебаніе почвы, готовое похоронить ихъ подъ обломками стараго режима. Словомъ, въ этихъ дѣйствіяхъ послѣднихъ самодержавныхъ министровъ видно желаніе ухватиться за административную ссылку, какъ за соломинку, при помощи которой они надѣются спастись отъ разрушительной силы революціоннаго потока. Совсѣмъ другой характеръ и значеніе имѣла ссылка до революціи. Это была излюбленная администраціей система, которая, какъ клапанъ въ паровомъ котлѣ, давала администраторамъ возможность избавляться отъ «излишковъ» революціонной энергіи, носителей, которой являлся весь цвѣтъ русскаго общества. Эта система доведена была до того, что почти всѣ, такъ называемыя, политическія преступленія карались административной ссылкой, и на долю уголовного суда долгое время почти не выпадало случаевъ разбирательства политическихъ дѣлъ. Правда, при В. К. Плеве былъ изданъ законъ, коимъ административная ссылка, хотя не упразднена, но фактически была отмѣнена, такъ какъ всѣ политическія дѣла поступали на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ при участіи сословныхъ представителей, но этотъ новый видъ борьбы съ политическими преступленіями сталъ практиковаться лишь съ половины 1904 года и на «системѣ» г. Плеве отразился не успѣлъ. Такимъ образомъ, административная ссылка въ «царствованіе» этого министра и, пожалуй, его предшественника Д. С. Сипягина, нашла свое наиболѣе полное выраженіе: всѣ мѣста ссылки были переполнены, а интеллигентные круги русскаго общества были изрядно разбѣжены рукою министра, выхватывавшаго оттуда «вредные элементы». Послѣ Сибири, излюбленнымъ мѣстомъ высылки «политиковъ» у В. К. Плеве былъ дальній сѣверъ Европейской Россіи и, въ особенности, Архангельская губернія, которая, со времени Русско-Японской войны, сдѣлалась почти единственнымъ мѣстомъ политической ссылки.

Въ виду сказаннаго, книга М. В. Ильинскаго представляетъ особенный интересъ. Въ ней разсказывается объ Архангельской ссылкѣ эпохи В. К. Плеве, т. е., именно о такомъ періодѣ ея, когда она достигла своихъ наиболѣешихъ размѣровъ. Дѣйствительно, въ описываемое время, т. е. въ 1904—1905 гг., Архангельская губернія была необыкновенно густо населена ссылными, число которыхъ

доходило до 700—800 человек и продолжало возрастать очень быстро до самого вступления въ управление министерством внутренних дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго. Но не только въ количественномъ отношеніи, а и въ качественномъ, Архангельская ссылка представляла огромный интересъ, такъ какъ, благодаря прекращенію, вслѣдствіе войны, высылкѣ въ Сибирь, здѣсь сосредоточивались политическіе дѣятели всевозможныхъ направлений, всѣхъ степеней. Характеристика многихъ ссыльныхъ этого періода могла бы дать богатый матеріалъ для исторіи революціонной борьбы въ Россіи и ея политическихъ партій. Но въ книгѣ г. Ильинскаго этихъ характеристикъ нѣтъ, можетъ быть, потому, что авторъ задался гораздо болѣе скромной цѣлью — дать бытовые очерки изъ жизни политическихъ ссыльныхъ, среди которыхъ онъ жилъ, какъ товарищъ по изгнанію. Если имѣть въ виду только одну эту цѣль, то можно признать, что она авторомъ достигнута: книга его написана живымъ и простымъ языкомъ и даетъ цѣлый рядъ интересныхъ картинъ жизни политической ссылки. Г. Ильинскій описываетъ условія, въ которыхъ приходится жить ссыльнымъ, и правдиво рассказываетъ о разныхъ эпизодахъ, которыми бываетъ переполнена жизнь ссылки. Попутно онъ описываетъ природу Архангельскаго края, отношеніе къ ссыльнымъ администраціи и обывателей, этапную пересылку ссылаемыхъ и т. д. Но этимъ не исчерпываются намѣренія автора; отъ бытовыхъ очерковъ онъ часто переходитъ къ характеристикѣ общихъ условий политической ссылки и къ положенію ссыльныхъ, какъ революціонеровъ, попавшихъ въ нереволуціонную среду. Но здѣсь автору мѣшаетъ недостаточное знакомство съ вопросомъ и даже съ той средой, которую онъ описываетъ. Дѣло въ томъ, что авторъ жилъ во время ссылки только въ Холмогорахъ и Архангельскѣ, описываетъ же онъ всѣ колоніи Архангельской губерніи, при чемъ большинство колоній описано имъ со словъ другихъ товарищей. При такихъ условіяхъ, не можетъ быть рѣчи не только о полнотѣ собраннаго авторомъ матеріала, но и о правильности его освѣщенія. И дѣйствительно, характеристики и заключенія автора нерѣдко грѣшатъ въ этомъ отношеніи. Такъ напримѣръ, говоря объ отношеніи мѣстныхъ обывателей къ политическимъ ссыльнымъ, авторъ замѣчаетъ:

«Тамъ, гдѣ послѣдніе (ссыльные) не жили замкнуто отъ населенія, не изолировали себя отъ него узкимъ кругомъ собственныхъ своихъ интересовъ, а пытались завязать связи на почвѣ его насущныхъ интересовъ, тамъ и отношенія устанавливались вполне порядочныя, исключаящую возможность всякихъ полицейскихъ подвоховъ и вытекавшихъ отсюда, какъ слѣдствіе, погромовъ политическихъ колоній.» Это заключеніе свое, основанное на нѣсколькихъ случаяхъ сближенія ссыльныхъ съ обывателями на почвѣ повседневныхъ бытовыхъ интересовъ, авторъ обобщаетъ на всю ссылку, вслѣдствіе чего можно подумать, что другихъ поводовъ для сближенія между ссыльными и обывателями не существо-

вало. Между тѣмъ, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и, въ особенности, въ Архангельскѣ ссыльные имѣли большое влияние на обывательскую среду и, особенно, на интеллигенцію и молодежь, которая охотно вступала въ общеніе съ «политиками» на почвѣ далеко не обывательскихъ интересовъ. Съ другой стороны, разгравшаяся 19 октября 1905 г. въ г. Архангельскѣ драма, завершившаяся убійствомъ черносотенцами ссыльнаго приватъ-доцента Петербургскаго университета М. Ю. Гольдштейна (кстати, объ этомъ погромѣ г. Ильинскій совсѣмъ не упоминаетъ въ своей книжкѣ) доказываетъ, что и хорошія отношенія политическихъ ссыльныхъ съ обывателями далеко не исключаютъ возможности всякихъ полицейскихъ подвоховъ. Такимъ образомъ, заключеніе автора совершенно расходится съ дѣйствительностью, потому, что оно основано на весьма поверхностномъ наблюденіи. Заключеніями такого рода изобилуетъ вся книга г. Ильинскаго, и поэтому цѣнность ее заключается не въ выводахъ автора, а въ томъ фактическомъ матеріалѣ, который собранъ въ его книгѣ. Матеріалъ этотъ не оставляетъ сомнѣнія въ его полнотѣ и истинности, и поэтому, несмотря на всѣ недостатки, книга г. Ильинскаго для будущаго историка революціонной Россіи окажется не безполезною. Еще большій интересъ она представляетъ для рядового читателя, интересующагося политическимъ движеніемъ въ Россіи. Книга снабжена 24-мя рисунками, изображающими группы различныхъ колоній политическихъ ссыльныхъ.

В. Русинъ.

В. Е. Якушкинъ. *Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Съ приложеніемъ проекта конституціи Никиты Муравьева.* Спб., 1906, изд. Г. О. Лвоича, 161 стр.

Очерки В. Е. Якушкина появляются въ отдѣльномъ изданіи съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Когда эти очерки печатались впервые на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей» (въ 1905 году, №№ 80, 87, 94, 99, 120, 125, 130, 132, 137 и 144), они читались съ большимъ интересомъ и пришли тогда какъ-разъ кстати. Въ русской легальной литературѣ они были первой попыткой дать связанную исторію конституціонныхъ движеній въ Россіи. Читатели ждали съ нетерпѣніемъ ихъ отдѣльнаго изданія, но оно не появлялось. Затѣмъ на книжномъ рынкѣ появилась остроумная книжка М. Н. Коваленскаго, очеркъ «Исторіи государственной власти въ Россіи» (къ сожалѣнію, разработанная не вездѣ равномерно и безъ желательной полноты), и работа С. Г. Сватикова «Общественное движеніе въ Россіи», представляющая собою цѣнный вкладъ въ русскую популярную историческую литературу. Соответственная потребность читателей была въ значительной мѣрѣ удовлетворена. Конечно, и появившіеся теперь въ отдѣльныхъ изданіи очерки В. Е. Якушкина далеко не издѣланы, но мы ожидали получить ихъ переработанными и дополненными въ соотвѣтствіи съ опубликованными новыми историческими матеріалами. Однако, авторъ перепечаталъ свою работу безъ зна-

чительных изменений. Девять глав книжки г. Якушкина охватывают следующие темы: Земские соборы XVI—XVII вв.—Послѣ Петръ Великаго.—Представительство въ законодательныхъ комиссіяхъ XVIII вѣка.—Конституціонные проекты гр. Н. И. Панина.—Комитетъ общественнаго спасенія.—Финляндская конституція.—Проектъ Сперанскаго.—Польская конституція.—Государственная уставная грамота Россійской имперіи.—Конституціонные проекты декабристовъ.—Конституціонные проекты въ началѣ царствования Александра II.—Конституція гр. Лорисъ-Меликова. Авторъ не претендуетъ на историческій прагматизмъ; онъ не углубляется въ исследование тѣхъ социально-политическихъ силъ, борьба коихъ обуславливала возникновение, теоретическое содержание и исходъ попытокъ ограниченія самодержавной власти въ Россіи. Въ этомъ отношеніи блестящее исследование П. Н. Милокова: «Верховники и шляхетство» остается въ русской историографіи непревзойденнымъ и, кажется, единственнымъ опытомъ. Просто, по-лѣтписному, В. Е. Якушкинъ пересказываетъ одинъ за другимъ эпизоды изъ истории русскаго конституціоннаго движенія. Его изложеніе кратко и концептивно. Онъ минуетъ не только детали событій, но и цѣлыя событія. Такъ, замолчена цѣлая серія любопытныхъ проектовъ, возникшихъ въ первые годы царствования Александра I.

Изъ ста тридцати страницъ текста царствованію Александра II уделено всего только десять, что совершенно непропорціонально историческому значенію эпохи, богатой политическимъ движеніемъ. Авторъ не даетъ свѣдѣній о тогдашнемъ земскомъ конституціонизмѣ; совсѣмъ не упоминаетъ о политическихъ программахъ тогдашнихъ тайныхъ и революціонныхъ организацій и т. д. Даже «Русская Правда» Пестеля изложена только по показаніямъ Никиты Муравьева. Авторъ еще не располагалъ текстомъ этого замѣчательнаго политическаго трактата, опубликованнаго теперь П. Е. Щеролевымъ, и показаніями Пестеля, оглашенными въ статьяхъ Н. П. Павлова-Сильванскаго.

Отмѣтимъ еще, что въ книжкѣ, рассчитанной на широкій кругъ читателей, необходимо было дать краткую, но избранную, библиографію, указывающую неопытному читателю пути для дальнѣйшаго ознакомленія съ предметомъ.

Однако, очерки В. Е. Якушкина имѣютъ и свои несомнѣнные достоинства. При изложеніи конституціонныхъ проектовъ и попытокъ авторъ уделѣетъ особое вниманіе организаціи избирательнаго права и государственной власти. Это, какъ и сжатость и точность изложенія вообще, придаетъ книгѣ г. Якушкина значительную цѣнность. Но главное, что является цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую науку, и что дѣлаетъ названную работу необходимой для специалистовъ-историковъ,—это данный авторомъ въ приложеніи (стр. 130—161) полный текстъ проекта конституціи Никиты Муравьева, доселѣ бывшаго извѣстнымъ только въ скудныхъ пере-

Кабанесь и Нассъ. Революціонный неврозъ. Пер. съ французскаго подъ редакціей Д. Ф. Коморскаго.

Книга Кабанеса и Насса посвящена изученію патологическихъ явленій, проявившихся, во время Великой французской революціи какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у народныхъ массъ. Представляютъ она нѣкоторый интересъ по обилію имѣющагося въ ней матеріала, хотя состоитъ, въ сущности, изъ ряда однихъ историческихъ анекдотовъ, случайно выхваченныхъ и непроанализированныхъ критически.

Мы обращаемъ, однако, вниманіе не на самую книгу, а на издателя и редактора перевода ея, лицо новое въ литературѣ, но сжавшее себѣ громкую извѣстность на иномъ общественномъ поприщѣ. Имя Коморскаго, инспектора каторги на Карѣ и Сахалинѣ, прославленнаго своею жестокостію, хорошо знакомо по печатнымъ воспоминаніямъ нашихъ революціонеровъ (Якубовича-Мельшина, Стефановича). Теперь этотъ господинъ пустился въ литературу и предпосылаетъ своему переводу слѣдующія строки предисловія.

«Наши идеалы, возжелѣнія и требованія стали теперь, спустя сто лѣтъ, несравненно глубже и радикальнѣе, чѣмъ были таковыя же desiderata Великой французской революціи. Изъ тошей тетрадки «правъ человѣка» современная программа общественныхъ реформъ разрослась въ объемистый и увѣсистый томъ... Тѣмъ труднѣе онъ достижимъ и тѣмъ, навѣрное, ожесточеннѣе будетъ борьба за ихъ завоеваніе.

«Очистить, по возможности, для этого торжественнаго, но легкаго шествія путь отъ терній, которыми онъ усыянъ, предостеречь самихъ себя отъ печальнаго повторенія того, что бесполезно омрачило на вѣки самыя свѣтлыя страницы народнаго возрожденія Франціи,—вотъ цѣль послѣдшаго изданія настоящей книги на русскомъ языкѣ.

«Пусть это объективное и спокойное социально патологическое изслѣдованіе «революціоннаго невроза»,—духовной чумы смутныхъ временъ, первые симптомы которой, къ сожалѣнію, уже начинаютъ болѣзненно переживать наше общество, поможетъ ему избѣжать слѣпота повторенія тѣхъ излишествъ, тѣхъ эксцессовъ, въ которыя столь часто впадала «учительница народнои свободы», революція французская. Издатель былъ бы щедро вознагражденъ за свой трудъ, если бы въ результатѣ онаго могли бы, хотя на одну сотую долю, сократиться всѣ безполезныя, скажемъ сильнѣе, всѣ зловредныя проявленія народнаго «невроза», сопутствующія, какъ въ жаркій день слѣпни ретивому коню, наше нарождающееся страстное, но законное свободонискательство».

Въ устахъ бывшаго тюремщика эти строки не требуютъ, кажется, комментарій...

Книгоиздательство Порамонова «Донская Рѣчь»:

«Впередъ» сбор. стихотв. и пѣсенъ состав. Михайлѣ Львовичѣ. СПБ. Ц. 20 к.

Книгоиздательство С. Дороватовскаго и А. Чарушника:

Густавъ Жеббурга. «Бланки, его жизнь и революціонная дѣятельность». 1906 г. Ц. 1 р.

Книгоиздательство Лугового:

«Маякъ» литературно-публицистич. сборникъ. Ц. 1 р. 35 к.

Книгоиздательство «Колоколь»:

- 1) Станиславъ (А. Вольскій). «Къ вопросу о націонализации земли». СПБ., 1906 г. Ц. 25 к;
- 2) «Объ анархизмѣ». СПБ., 1906 г. Ц. 15 к;
- 3) А. Безродный. «Ткачи». СПБ. Ц. 25 к;
- 4) А. М. Саймонс. «Американскій фермеръ». СПБ. Ц. 30 к;
- 5) А. Дорель. «Моисей или Дарвинъ». СПБ. Ц. 25 к;
- 6) Б. Торпашевъ. «Профессиональные союзы во Франціи». СПБ., 1906 г. Ц. 8 к;
- 7) В. Эленбогенъ. «Чего хотятъ Соціалъ-Демократы». СПБ., 1906 г. Ц. 8 к;
- 8) Stanislas le Char. «Летоходъ». СПБ., 1906 г. Ц. 40 к;
- 9) Б. Торпашевъ. «Рабочіе секретариаты». СПБ., 1906 г. Ц. 5 к;
- 10) Зомбартъ. «Фридрихъ Энгельсъ». СПБ., 1906 г. Ц. 8 к;
- 11) Орловъ. «Новое учение о государствахъ». СПБ., 1906 г. Ц. 15 к;
- 12) Карлъ Каутскій. «Интеллигенція и Соціалъ-Демократія». СПБ., 1906 г. Ц. 10 к;
- 13) А. Дивилковский. «Нынѣшнее крѣпостное право». СПБ., 1906 г. Ц. 15 к.

Книгоиздательство «Русское Богатство».

Л. Мельмишъ—Р. Бравскій. «Вмѣсто Шлиссельбурга». СПБ., 1906 г. Ц. 8 к.

Газеты: «Азіатская Русь» № 17. 1905 г. Чита.

- «Маньчжурія» № 5. Харбинъ.
- «Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» гор. Костромы.
- «Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» г. Одессы № 1 и № 2.
- «Забайкальскій Рабочій» № 2. Изд. Читинскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.
- «Красноярскій Рабочій». Спеціальный выпускъ № 5. Изд. Красноярскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. 1905 г.
- «Солдатская Мысль» № 1. 2 и 3. Июнь, 1906 г. Изд. Военной Организации Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.
- «Соціалъ-демократъ» № 11. 4 августа 1905 г. Изд. Р. С. Д. Р. П.
- «Листокъ». Изд. Военной Организации Моск. Комитета Р. С. Д. Р. П.
- «Солдаты». Военный органъ Севастопольскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.
- «Крестыянская Газета» № 1. Изд. Крестыянъ-Соціалистовъ. Самара. 1905 г.
- «Рабочая мысль». 1906 г. №№ 1—5.

Отчетъ Московскаго Комитета Краснаго Креста съ 7-го февраля по 15-е марта.

Издание Партіи Анархистовъ.—Прокламація 4 октября 1905 г. Издание Исполнительнаго Комитета Объединеннаго Союза Землячества и Организаций «Къ профессорамъ».

Прокламаціи 1861—1862 гг.: 1) «Проектъ адреса Государю», 2) «О ссылкѣ проф. Павлова», 3) «Земская Дума», 4) «Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти».

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Книгоиздательство «Трибуна»:

- 1) К. Дилль. «Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ». Ц. 80 к;
- 2) Проф. А. Додель. «Моисей или Дарвинъ». Ц. 25 к;
- 3) А. Дамачикъ. «Земельная реформа». Ц. 30 к;
- 4) Чезаре-Домброзо. «Антисемитизмъ». Ц. 20 к;
- 5) Куртъ-Эйсенеръ. «Соціальныя сказки». Ц. 20 к;
- 6) Теобальдъ-Циллеръ. «Индивидуализмъ и Соціализмъ въ умственной жизни XIX вѣка». Ц. 10 к;
- 7) Эрнстъ-Бранденбургъ. «Парламентская обструкция, ея исторія и значеніе». Ц. 15 к;
- 8) К. Гаммеръ. «Соціализация права». Ц. 12 к;
- 9) Максъ Мауреръ-Рехеръ. «Интеллигенція и Соціалъ-Демократія». Ц. 8 к.
- 10) В. В. Фаера: 1) «О событіяхъ 10, 11 и 12 октября 1905 г. въ г. Харькѣ». 2) «Дмитрій Борисовичъ Познанскій».

Книгоиздательство Артемьева:

- 1) К. Т. Веберъ. «Японія сейчасъ». СПБ., 1906 г. Ц. 1 р;
- 2) Ф. Н. Купчинскій. «Въ японской неволѣ». СПБ., 1906 г. Ц. 3 р;
- 3) П. Веревкинъ. «Странички изъ дневника». СПБ., 1906 г;
- 4) П. Ларенко. «Страдные дни Портъ-Артура» 2 части. Ц. по 2 р. 50 к;

Списокъ русскихъ повременныхъ изданій съ 1703 г. по 1899 г. со свѣдѣніями объ экземплярахъ, принадлежатъ библиотекѣ Импер. Академіи Наукъ. СПБ., 1901 г.

Книгоиздательство Распопова:

- 1) Дж. Кеннанъ. «Сибирь и ссылка». СПБ., 1906 г. Ц. 60 к.

Книгоиздательство Глаголева:

- П. Тепловъ. «Исторія якутскаго протеста». СПБ., 1906 г. Ц. 1 р.

Указатель общедоступныхъ книгъ по обществ.-полит. вопросамъ. Изд. Литер. Комиссіи при Всероссийскомъ Союзѣ учителей и дѣятелей по народному образованію. СПБ., 1906 г. Ц. 10 к.

Книгоиздательство Товарищ. бр. Гранатъ:

- 1) Д. Галевъ. «Очерки по исторіи рабочаго движенія во Франціи». Москва, 1906 г. Ц. 70 к;
- 2) Ш. Андерсъ. «Историческое введеніе и комментарий къ коммунистическому манифесту К. Марса и Ф. Энгельса». Москва, 1906 г. Ц. 60 к;
- 3) Поль-Луи. «Будущее социализма». Москва, 1906 г. Ц. 70 к.

- Издание Конституционно-Демократической партии—7 листов.
 Манифест Государственной Думы (Различные издания).
 Издания Союза Союзов—40 листов.
 Издание Трудовой Группы и Социал-Демократической фракции Государственной Думы—Манифест к армии и флоту. 1906 г. 12 июля.
 Декларация Дунайской фракции Р. С. Д. Р. П.
 Издания Симбирского Комитета Партии С. Р.:
 1) „Къ гражданамъ“. Февраль 1906 г.;
 2) „Хитрая механика“;
 3) „Къ крестьянамъ и рабочимъ“;
 4) „Не покупайте земли!“ Декабрь 1905 г.;
 5) „Къ крестьянамъ“. Январь 1906 г.;
 6) „Къ обществу“;
 7) Прокламация отъ Рабочаго Союза Симбирской Группы П. С. Р.;
 8) „О налогахъ“. Февраль 1906 г.;
 9) „Хватитъ ли въ всѣхъ земли, если разверстать ее правильно“;
 10) „О социалистическомъ строе“;
 Издания Тамбовскаго Комитета Партии С. Р.:
 1) „Къ казакамъ“. 29 июня 1906 г.;
 2) „Къ солдатамъ 7-го запаснаго кавалерійскаго полка“. 7 июля 1906 г.;
 3) „Къ Рабочимъ“. Издание Тамбовскаго Рабочаго Союза Партии С. Р. 30 июня 1906 г.
 „Къ крестьянамъ“. Изд. Комитета Областнаго Союза Бѣлоруссии и Литвы Р. С. Д. Р. П.
 Издания Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. Партии:
 1) „О партіяхъ въ Государственной Думѣ“;
 2) „Крестьяне, за вами очередь“;
 3) „Делутаты и Пролетаріатъ“;
 4) „Дума разогнана“;
 5) „Товарищи!“;
 6) „Къ крестьянамъ“;
 7) „Ко всѣмъ безработнымъ о безработицѣ“;
 8) Прокламация: „Ко всѣмъ рабочимъ“. „Ко всѣмъ безработнымъ“. Изд. Москов. Совѣта безработныхъ Моск. Группы Р. С. Д. Р. П.
 Издания Военной Организации Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.:
 1) „Постоянное войско и народная милиція“. Май 1906 г.;
 2) „Къ солдатамъ московскаго гарнизона“;
 3) „Право и справедливость въ войскахъ Е. И. В.“
 Издания Красноярскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.:
 1) Прокламация „Къ солдатамъ“;
 2) „Солдатамъ Красноярскаго полка“. 24 декабря;
 3) „Земскій Соборъ или Учредительное Собраніе?“ Апрель 1905 г.
 Издания Центрального Комитета Партии С. Р.:
 1) „Къ партійнымъ организациямъ“ июль 1906 г.;
 2) Извѣщеніе о предстоящемъ съѣздѣ товарищей, работающих въ крестьянствѣ“.
 Программа Партии С. Р.
 „Къ оружію, граждане!“ Изд. Самарскаго Комитета Партии С. Р. Июль 1906 г.
 Листокъ Центрального Комитета „Бунда“
 10 прокламаций Изд. Центрального Комитета Р. С. Д. Р. Партии.
 26 прокламаций Изд. СПб. Комитета Р. С. Д. Р. П.
 7 прокламаций Изд. СПб. Группы Р. С. Д. Р. П.
 2 прокламации Кубанскаго комитета Р. С. Д. Р. П.
 Прокламация Одесскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.
 Извѣщеніе о конференціи С. Д. Организаций России. Изд. Центр. Комитета Р. С. Д. Р. П.
 „Военщина и народное ополченіе“. Издан. Севастопольскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.

Издание Харбинской С. Д. Р. Группы: „Надаровскій манифестъ къ гражданамъ г. Харбина.“

Телеграммы: 1) Генерала Левашева въ г. Харбинъ. 2) Совѣта Депутатовъ служащихъ и рабочихъ Забайкальской ж. д. 13 декабря. Издан. Исполнительнаго бюро Совѣта депутатовъ служащ. и рабочихъ Забайкальской ж. д.

„Отъ солдатъ 2-го желѣзнодорожн. батальона“. Изд. Солдатскаго Комитета 2-го ж. дор. 6-на

Издания Казанскаго Комитета Партии С. Р.:

1) Программный листокъ № 1 июль 1906 г.;

2) Дея прокламации.

„Привѣтствіе съ 4-го Поволжскаго Областнаго Съѣзда Партии С. Р.“ Издан. Поволжскаго Областнаго Комитета июня 1906 г.

„Къ обществу“ Издан. Комитета Консультации повѣренныхъ при Вологодскомъ окружномъ судѣ по оказанію помощи ссыльнымъ г. Вологды 2 июля 1906 г.

Издания Союза Офицеровъ Русской Арміи:

1) Уставъ Союза, 2) Воззваніе.

Издание Военнаго Союза при Пензенскомъ Комитетѣ П. С. Р. „Гдѣ правда.“

Издания Пензенскаго Губернскаго Боеваго Комитета:

1) „Возстаніе“ № 2;

2) Форма „Приказа крестьянскому Братству.“

Издания Союза Русскаго Народа—22 прокламации.

Издания прогрессивной экономической Партии—5 листовъ.

Современная Лѣтопись.

Въ июльскихъ газетахъ находимъ слѣдующія сообщенія о смертныхъ казняхъ и судебныхъ приговорахъ по политическимъ дѣламъ:

1) Въ Грозномъ, 27 июня, начался разборъ судебной палатой, съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣла восемнадцати служащихъ Владикавказской желѣзной дороги, обвиняемыхъ по 100 и 102 статьи за декабрьскую забастовку. Четверо подсудимыхъ шесть мѣсяцевъ содержатся въ тюрьмѣ, а остальные на порукахъ. Засѣданіе публично. Слѣдствіе выяснило несостоятельность обвинительнаго акта и репрессій производившихъ слѣдствіе. Защита отказалась отъ своихъ свидѣтелей. Прокуроръ отказался отъ обвинения по 100 и 102 ст. и поддерживалъ по 103 ст. Защитой выяснена несостоятельность обвинения. Послѣ 45-минутнаго совѣщанія палата оправдала всѣхъ подсудимыхъ. Приговоръ встрѣченъ громогласнымъ „ура“ пятидесятыхъ толпы. Обвиняемыхъ публика вынесла на рукахъ.

2) Въ Москвѣ, 1 июля, окружной судъ разсматривалъ дѣло служащихъ государственнаго контроля Московско-Брестской жел. дороги, обвиняемыхъ въ томъ, что они вступили въ бюро союза, образованнаго въ октябрьскіе и декабрьскіе дни прошлаго года. Изъ обвиняемыхъ одинъ оправданъ, шестеро приговорены къ строгому выговору.

3) Въ главный военный судъ поступили смертные приговоры, вынесенные бакинскимъ военнымъ судомъ за убійство городского Агмаліяну и Даниельяну и не утвержденные бакинскимъ генералъ-губернаторомъ С. А. Фадѣевымъ.

4) По телеграммѣ изъ Петергофа приостановлена смертная казнь Кочаровскаго. Телеграмма о помилованіи получена черезъ часть послѣ телеграммы главнаго военнаго прокурора Павлова объ утвержденіи суда и объ оставленіи кассационной жалобы защитниковъ осужденнаго безъ послѣдствій. Въ тотъ моментъ, когда была получена телеграмма изъ Петергофа, Кочаровскаго уже вели на висѣлицу. Казнь замѣнена ему безсрочной каторгой. Кочаровскій осужденъ за покушеніе на жизнь чина полиціи.

5) Въ Самарѣ, 4 июля, за порукую лѣсъ въ имѣніи Самариныхъ, двое крестьянъ приговорены судомъ къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы. 13 человѣкъ оправдано.

6) Въ Пятигорскѣ, 4 июля, дѣло о такъ называемой „пятигорской республикѣ“ пошло на прекращеніе по 278 ст. устава угол. суд.

7) Въ Вильнѣ, 5 июля, въ мѣстной губернской тюрьмѣ разбиралось

дѣло мѣщанъ Бернштейна и Соболя, обвинявшихся въ храненіи оружія и нелегальной литературы. Подсудимые приговорены военно-окружнымъ судомъ къ четыремъ годамъ каторжной работы.

8) Въ Самарѣ, 7 июля, закончилось второе дѣло о разгромѣ имѣнія Самариныхъ. Изъ 34 обвиняемыхъ 5 приговорены къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ; остальные оправданы.

9) Въ Варшавѣ, 5 июля, военно-окружной судъ разбиралъ дѣло обвиняемыхъ по 279 ст. воен. код. Сюдка, Игнатія и Антона Висневскихъ, Пурки, Кочмарка и Кржиwickаго. Всѣ обвиняемые, которымъ угрожали смертные приговоры, оправданы.

10) Въ Лозаннѣ, 5 июля, судъ Швейцарскаго Союза единогласно постановилъ выдать русскимъ властямъ бѣжавшаго въ Швейцарію Бѣленцова, который съ шайкой изъ 19 человѣкъ, главаремъ которой онъ былъ, ограбилъ московское кредитное общество. Выдача будетъ произведена, однако, лишь съ условіемъ не возбуждать противъ Бѣленцова судебного преслѣдованія по обвиненію въ какомъ-либо государственномъ преступленіи.

11) Въ Варшавѣ, 5 июля, въ военномъ судѣ слушалось дѣло о 6 крестьянахъ, обвиняемыхъ въ нападеніи на воинскихъ чиновъ развѣзда съ сопровождавшимися покушеніемъ на убійство. Судъ призналъ обвиненіе доказаннымъ и всѣхъ оправдалъ.

12) 5 июля въ главномъ военномъ судѣ слушалось дѣло по кассационной жалобѣ кр. Милицера, Чичкина, Лобачева и Гетши, приговоренныхъ одесскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за рядъ разбоевъ, совершенныхъ въ г. Одессѣ въ лавкахъ и магазинахъ. При этомъ судъ постановилъ, въ виду смягчающихъ обстоятельствъ, ходатайствовать о смягченіи участи подсудимыхъ. Главный военный судъ постановилъ кассационную жалобу осужденныхъ оставить безъ послѣдствій.

13) Въ Вильнѣ, 6 июля, военно-окружной судъ приговорилъ вольноопредѣляющагося Павлюченко, обвиняющагося въ оскорбленіи, въ нерезвѣкомъ видѣ, Величества и призывѣ находившихся на вокзалѣ солдатъ не стрѣлять въ народъ,—къ лишенію правъ и поселенію въ Сибирь.

14) Въ Харьковѣ, 7 июля, окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло объ аграрныхъ беспорядкахъ въ Волчанскомъ уѣздѣ, въ экономіи Пассека, изъ двадцати пяти подсудимыхъ крестьянъ оправдалъ двухъ, приговорилъ двухъ къ каторжнымъ работамъ на шесть лѣтъ, одного на четыре года и 20—къ заключенію въ исправительномъ отдѣленіи на 15 мѣсяцевъ.

15) Въ Аткарскѣ, 7 июля, предсѣдатель аткарской земской управы Лапчикъ, обвиняемый въ освобожденіи, сообщая съ толпой, арестованныхъ въ октябрѣ при полиціи аграрниковъ, сегодня окружнымъ судомъ оправданъ.

16) Въ Одессѣ, 7 июля, одесскій военный судъ разсмотрѣлъ чрезвычайно характерное дѣло. Въ мартѣ мѣсяцѣ командиру одесской бригады пограничной стражи доставлено было письмо изъ Манчжуріи, адресованное гарнизону Овидіопольскаго отряда пограничной стражи, подписанное Стыцюра, Навѣи и всѣхъ ординарческя команда Любинскаго полка. Согласно обвинительному акту содержаніе письма таково: авторы его прочли въ газетѣ „Русская Рѣчь“ письмо въ редакцію, изъ котораго слѣдуетъ выводъ, что вѣрные слуги государя не забудутъ присяги и будутъ убивать своихъ братья.

евъ и товарищей, добивающихся свободы. Они поразились, что въ Россіи появились чудо-богатыри, готовые убить даже родного брата, отстаивающаго личную жизнь и общее благо; именно все, возмущенное въ манифестъ 17 октября. Указывая, что присягу слѣдуетъ исполнять, авторы продолжаютъ: теперь въ Россіи многие солдаты, назначенные патрулями, грабили и убивали мирныхъ жителей. Въмѣсто родной страны для общей безопасности этихъ храбрецовъ авторы приглашаютъ въ Манчжурію показатъ доблесть передъ японцами, а не передъ безоружными согражданами. На основаніи этого письма, вернушіеся съ войны Стацюра и Наевъ преданы были военному суду. Прокуроръ въ громовой рѣчи требовалъ суроваго наказанія. Судъ оправдалъ обоихъ.

17) Въ Варшавѣ, 7 іюля, военнымъ судомъ разсматривалось вторично дѣло о мѣщанинѣ Громанѣ, обвиняемомъ въ умышленномъ убійствѣ земскаго стражника. Судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ, въ отмѣну первоначальнаго приговора, къ тюрьмѣ на 8 лѣтъ; по первому опредѣленію суда онъ былъ приговоренъ на 10 лѣтъ въ тюрьму.

18) Въ Севастополѣ, 8 іюля, въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло Ципкина, обвинявшагося въ захватѣ типографіи въ Ялтѣ для напечатанія прокламаций и покушеніи на убійство гнавшася за нимъ съ цѣлью задержать его извозчика. Обвинение было предъявлено по статьямъ, карающимъ смертной казнью. Ципкинъ приговоренъ къ пятнадцати годамъ каторги.

19) Въ Орлѣ, 9 іюля, изъ 186 крестьянъ Малоархангельскаго уѣзда, обвинявшихся въ разгромѣ экономіи князя Куракина, окружный судъ съ участіемъ сословныхъ представителей приговорилъ: зачинщика разгрома, крестьянина Потапова, къ отдачѣ въ арестантскія роты на 5 лѣтъ, четверыхъ на 2½ года, 102 къ заключенію въ тюрьму на годъ съ лишеніемъ правъ, 43 на 6 мѣсяцевъ безъ лишенія правъ, 36 стариковъ и женщинъ оправдалъ.

20) Во Владимірѣ, 10 іюля, военный судъ, разсматривая дѣло рабочихъ Орѣхова-Зуева Ключева, Скобенникова, Новикова, Кобашева и Бурдина, обвиняемыхъ по 279 статьѣ, грозящей смертной казнью, приговорилъ Новикова и Бурдина къ шестилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, Кобашева къ четырехлѣтнимъ; Ключевъ и Скобенниковъ оправданы.

21) Во Владивостокѣ, 10 іюля, слушавшій ровно 21 день въ военномъ судѣ процессъ 17 уссурийскихъ желѣзнодорожниковъ: доктора Ланковского, инженеровъ Хорвата, Храповицкаго, Пестича, Барабашева, Піотровича, Голова, Гладецкаго, начальниковъ службъ дороги — Сѣвженскаго, Ашика, Ноликова, Померанцева, Константинова, агентовъ дороги — Ланковского, Писаренко, Кравца, Гасткевича и др., окончился присужденіемъ доктора Ланковского къ выговору, а инженеръ-электрика Піотровича къ аресту на гауптвахтѣ. Всѣ остальные, по недоказанности обвиненія, оправданы. Обвинение предъявлялось по 129 ст. новаго и 274, 344 статьямъ стараго уложенія.

22) Въ Харьковѣ, 10 іюля, въ распорядительномъ засѣданіи окружнаго суда признаны дѣйствовавшими безъ разумія 10 учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, подростковъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за участіе въ вооруженномъ сопротивленіи на заводѣ Гельфериха и на станціи Люботинѣ.

23) Въ Аткарскѣ, 10 іюля, по дѣлу о больше-екатеринославскихъ аграрныхъ безпорядкахъ судъ приговорилъ семерыхъ къ арестантскимъ ротамъ срокомъ отъ одного до двухъ лѣтъ, пятерыхъ къ тюремному заключенію отъ 8 мѣсяцевъ до одного года.

24) Въ Одессѣ, 11 іюля, рядовой ингульскаго полка Мазохъ, за оскорбленіе словами офицера, сопротивленіе и неисполненіе распоряженій начальства, приговоренъ военнымъ судомъ къ лишенію правъ состоянія, воинскаго званія исылкъ въ каторгу на двадцать лѣтъ.

25) Въ Варшавѣ, 11 іюля, военный судъ вынесъ оправдательный приговоръ тремъ лодзинскимъ рабочимъ, обвинявшимся въ убійствѣ одного жандармскаго унтеръ-офицера и въ покушеніи на убійство другого.

26) Въ Костромѣ, 13 іюля, военный судъ, разсматривая дѣло исключеннаго семинариста Василевскаго, обвиняемаго въ покушеніи на убійство епископа Слободскаго, призналъ его виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ и приговорилъ къ двумъ съ половиною годамъ тюремнаго заключенія.

27) 13 іюля главнымъ военнымъ судомъ разсмотрѣна кассационная жалоба крестьянъ Адменѣ, Соумитѣ, Руманѣ, Сѣрина и Озорова на приговоръ о нихъ временнаго военнаго суда въ Митавѣ, которымъ они присуждены къ смертной казни *черезъ повѣшеніе*. Кассационную жалобу главный военный судъ оставилъ безъ уваженія.

28) Дѣло кр. Гольберга, приговореннаго ревельскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни за покушеніе на убійство городского въ Юрьевѣ, вновь кассировано. Въ первый разъ оно разсматривалось вновь по прошенію сестры подсудимаго, а теперь, послѣ вторичнаго присужденія къ смертной казни, подсудимый подалъ кассационную жалобу, въ которой указываетъ на допущенныя судомъ нарушенія. Главный военный судъ, отмѣнивъ какъ приговоръ, такъ и самое преданіе суду, постановилъ направить его прокурору для новаго разсмотрѣнія.

29) Въ Суджѣ, 13 іюля, по дѣлу погрома въ экономіи дворянина Давыдова, 9 человекъ оправданы, 45 признаны виновными и приговорены каждый къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ. Судебная палата постановила ходатайствовать передъ государемъ императоромъ о смягченіи наказанія.

30) Въ Митавѣ, 14 іюля, поиманный на прошлой недѣлѣ виновникъ 5 политическихъ убійствъ, латышъ Пурингъ, приговоренъ митавскимъ военнымъ судомъ къ *пожизненію*. 21-го іюля приговоръ надъ Пурингомъ приведенъ въ исполненіе.

31) Въ Читѣ, 14 іюля, изъ арестованныхъ на митингѣ 9 іюля, студенты Бургманъ и Бронштейнъ приговорены въ административномъ порядкѣ къ двухмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ, а трое рабочихъ къ трехнедѣльному аресту.

32) Помощнику присяжнаго повѣреннаго Михайлову, недавно выпущенному изъ тюрьмы,сылка въ Сибирь замѣнена высылкою за границу на 2 года. Михайловъ былъ арестованъ по дѣлу о вооруженномъ возстаніи въ Москвѣ, въ связи съ дѣломъ фабриканта Шмидта.

33) Въ Севастополѣ, 10 іюля, послѣ 18-часоваго совѣщанія, въ присутствіи всѣхъ подсудимыхъ объявленъ приговоръ военнаго суда. Зиминъ Коссопиновъ, Кудымовскій и Рыбалка *приговорены къ смертной казни*. Лукьяно —

къ безсрочной каторгѣ, 32 матроса — къ каторгѣ отъ одного до 15 лѣтъ. 48 матросовъ — въ арестантскія отдѣленія отъ одного до 5 лѣтъ, одинъ — въ военную тюрьму на 4 мѣсяца одиночнаго заключенія, одинъ — въ гражданскую тюрьму на 2 года и 8 мѣсяцевъ, 6 человекъ оправданы.

34) По ходатайству присяжнаго повѣреннаго О. О. Грузенберга І. Дашевскій, приговоренный въ 1903 г. спб. окружнымъ судомъ въ исправительное арестантское отдѣленіе на 4 года, за покушеніе на убійство Крушевана. 12 іюля сего года освобожденъ по Высочайшему повелѣнію отъ дальнѣйшаго заключенія безъ возстановленія въ правахъ и преимуществахъ. Дашевскій находился до сего времени въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи въ Ярославлѣ.

35) Въ Киевѣ, 17 іюля, военно-окружный судъ приговорилъ крестьянина Шведченко, за распространеніе прокламаций въ войскахъ въ Житомирѣ, къ ссылкѣ на поселеніе.

36) Въ Одессѣ, 18 іюля, военный судъ приговорилъ мѣшанина Тателю къ каторжнымъ работамъ на 4 года за ношеніе бомбъ.

37) 18 іюля въ спб. судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію тартина Булатова, который 15 ноября прошлаго года, при встрѣчѣ на Галерной ул. съ двумя матросами 14 флотскаго экипажа, Бобылевымъ и Курочкомъ вручилъ имъ нѣсколько номеровъ „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“. Матросы арестовали Булатова и отвели его въ казармы, гдѣ при обыскѣ у него было найдено около 50 номеровъ „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“. Палата приговорила Булатова къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

Въ томъ же засѣданіи палаты разсматривалось дѣло по обвиненію кр. Мельникова, который въ д. Потерпѣлѣ, Боровичскаго у., Новгородской губ., распространялъ среди односельчанъ ученіе социалистовъ-революціонеровъ. Палата приговорила Мельникова на одинъ годъ въ крѣпость съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

38) Содержащимся въ Александровскомъ централѣ въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска матросамъ „Георгія Побѣдоносца“, въ числѣ 20-ти человекъ, объявлено объ уменьшеніи мѣры наказанія, по особому Высочайшему повелѣнію. 20—15 л. каторги замѣнены каторжной работой на 4—2 года, меньшіе сроки — исправительными арестантскими отдѣленіями на 3 г. и 1 г. 3 мѣс., при чемъ они считаются лишенными не всѣхъ, а лишь всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

39) Въ Орлѣ, 19 іюля, окружнымъ судомъ разобраны два дѣла о разгромѣ экономіи графа Рибопьера. По одному — изъ 20 подсудимыхъ приговорены пятеро къ заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. По другому дѣлу изъ 50 подсудимыхъ шестеро приговорены къ тюремному заключенію на 4 года, 28 — на 8 мѣсяцевъ съ лишеніемъ правъ, трое несовершеннолѣтнихъ — на 3 мѣсяца. Остальные подсудимы оправданы.

40) 20 іюля, въ главномъ военномъ судѣ слушалась кассационная жалоба бывшаго военного губернатора Забайкальской области Холщеникова, обвинявшагося по 100 ст., грозящей смертною казнью, и присужденнаго временнымъ военнымъ судомъ къ 1 г. 4 мѣс. крѣпости за бездѣйствіе власти. Жалоба оставлена безъ послѣдствій.

41) Въ Вильнѣ, 20 іюля, рядовой Ципкинъ за храненіе двухъ нелегаль-

ныхъ брошюръ приговоренъ военно-окружнымъ судомъ на три года въ дисциплинарный батальонъ.

42) Приговоромъ военно-полевого суда въ Кронштадтѣ, состоявшагося 20 іюля по дѣлу о безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Кронштадтѣ, въ ночь съ 19 на 20 сего іюля, семь нижнихъ чиновъ присуждены за убійство офицера къ смертной казни.

Приговоръ этотъ того же 20 іюля приведенъ въ исполненіе. Среди казенныхъ находился одинъ латышъ унтер-офицеръ.

43) 20 іюля главный военный судъ, разсмотрѣвъ протестъ военного прокурора на приговоръ временнаго военного суда въ г. Баку по дѣлу кутаисскаго двора. Коджай, приговоръ по дѣлу отмѣнилъ, передавъ его на новое разсмотрѣніе. Коджай обвинялся въ томъ, что 16 февраля сего года, на улицѣ г. Баку, вечеромъ, оказалъ сопротивление при его задержаніи и во избѣжаніе поимки, произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ пытавшихся его задержать казаковъ. Военный судъ оправдалъ его, но представилъ обвиненія приговоръ этотъ опротестовалъ, найдя неправильными постановку и разрѣшеніе поставленныхъ судомъ вопросовъ.

44) 20 іюля въ судебномъ засѣданіи Главнаго военного суда слушалось дѣло по протесту прокурора московскаго военно-окружнаго суда на приговоръ того же суда отъ 28 іюня сего года по дѣлу неизвѣстнаго званія человека, приговореннаго къ 10-лѣтней каторгѣ за убійство бывшего помощника пристава г. Тамбова Жданова изъ мести за истязанія, совершенныя послѣднимъ надъ М. Спиридоновой. Обвинитель ходатайствовалъ въ своемъ протестѣ о примѣненіи смертной казни черезъ повѣшеніе. Протестъ оставленъ безъ уваженія. Въ томъ же засѣданіи разсмотрѣна кассационная жалоба Ушацкаго, Коваленко. А. Галкина и Новожилова на приговоръ о нихъ харьковскаго военного суда, которымъ они присуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ каждый, по обвиненію въ покушеніи на разбойническое нападеніе на Харьковское отдѣленіе Волжско-Камскаго банка. Кассационная жалоба оставлена главнымъ военнымъ судомъ безъ уваженія.

45) Въ Митавѣ, 21 іюля, военный судъ приговорилъ мѣшанина Колата за участіе въ нападеніи на войска къ четыремъ годамъ каторги и унтер-офицера Верзинга за распространеніе прокламаций въ войскахъ къ поселенію въ Сибирь.

46) Въ Киевѣ, 24 іюля, кievскій военно-окружный судъ приговорилъ къ четыремъ годамъ каторги рядового 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка Дмитрія Латышева за оскорбленіе Величества.

47) Крестьянинъ Винманъ, обвинявшійся въ пропагандѣ антиправительственныхъ сужденій и сочиненій среди крестьянъ Луженской вол., Демянскаго у., приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ, съ зачетомъ предварительнаго заключенія около шести мѣсяцевъ. Мѣшанинъ Сычевскій и крестьяне Лузникъ и Ксенофонтовъ, привлекавшіеся за пропаганду среди войска, присуждены Сычевскій и Лузникъ къ тюрьмѣ на 4 мѣс. каждый съ зачетомъ предварительнаго заключенія, а Ксенофонтовъ оправданъ.

48) 25 іюля въ закрытомъ засѣданіи спб. военно-окружнаго суда заслушано дѣло музыканта рядового званія лейбъ-гвардіи Московскаго полка Медвѣдѣва, обвинявшагося въ распространеніи среди нижнихъ чиновъ войска

учений, возбуждающих къ нарушенію обязанности военной службы. Медвѣдь приговоренъ къ ссылкѣ на поселене.

49) Въ Варшавѣ 27 іюля, въ военномъ судѣ разсматривалось дѣло о Новикомъ и Валесинскомъ, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство трехъ стражниковъ подъ Эзержемъ. Подсудимые приговорены къ каторжнымъ работамъ: первый на 6 лѣтъ, второй на 4 года.

50) Въ Митавѣ, 27 іюля, за революціонные грабежи въ Виндавскомъ уѣздѣ митавскій военный судъ приговорилъ шестерыхъ мятежниковъ къ каторгѣ на сроки до восьми лѣтъ.

51) Въ Лепелѣ, 27 іюля, изъ девяти обвиняемыхъ въ аграрныхъ безпорядкахъ присуждены къ заключенію въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ: одинъ на 1 годъ и 3 мѣсяца и трое на 1 годъ. Остальные оправданы.

52) 27 іюля главнымъ военнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло рядового изъ вольноопредѣляющихся Шліома Пруссакова, отбывавшаго повинность въ крѣпости Ивангорода, преданнаго варшавскому военно-окружному суду по обвиненію въ томъ, что онъ, Пруссаковъ, собравъ возлѣ себя кучку солдатъ, читалъ имъ брошюру „Посланіе отца Гапона“, содержаніе которой предусмѣрено 131 ст. уг. ул. Приговоренный къ ссылкѣ на поселене, Пруссаковъ подалъ кассационную жалобу. Жалоба оставлена безъ уваженія.

53) Въ Митавѣ, 28 іюля, военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло Цируля, Розенфельда, Лагздина и Кенигсвальда, выступавшихъ террористами въ Виндавскомъ уѣздѣ, приговорилъ *первыхъ двоихъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, а остальныхъ къ четырехлѣтней каторгѣ.

54) Въ Варшавѣ, 28 іюля, судебная палата разсматривала дѣло о распространѣніи прокламаций и агитаціи въ войскахъ. Изъ 6 обвиняемыхъ приговорены къ заключенію въ тюрьму: Закревскій на 8 мѣсяцевъ, Венбергъ на 6 мѣсяцевъ, Елдаковский на 8 мѣсяцевъ, Храковский на 1 годъ, Ковракъ на 8 мѣсяцевъ и къ заключенію въ крѣпость—Сенгалъ на 8 мѣсяцевъ. Всѣмъ подсудимымъ будетъ зачтено предварительное заключеніе.

55) Въ Гельсингфорсѣ, 29 іюля, въ крѣпости *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военного суда въ отношеніи подпоручиковъ Емельянова, Коханскаго и пяти нижнихъ чиновъ.

56) 30 іюля, разсматривалось въ московскомъ окружномъ судѣ нашедшее въ Москвѣ дѣло о вооруженномъ нападеніи на будочную Алексѣева. Дѣло это, по предложенію московскаго градоначальника, должно было слушаться въ военномъ судѣ, но затѣмъ, согласно указаніямъ, полученнымъ изъ Петербурга, было передано на разсмотрѣніе суда присяжныхъ. Изъ всѣхъ участниковъ вооруженнаго нападенія задержанъ былъ только одинъ Яковлевъ, котораго городской ошеломили ударомъ револьвера по головѣ; онъ впалъ въ безсознательное состояніе и въ это же время былъ арестованъ. Присяжные признали фактъ нападенія установленнымъ и вынесли Яковлеву обвинительный приговоръ. Судъ, на основаніи обвинительнаго вердикта, приговорилъ подсудимаго къ каторжнымъ работамъ на 4 года и 5 мѣсяцевъ. Настоящее дѣло о вооруженномъ нападеніи является за послѣднее время первымъ, которое слушается судомъ присяжныхъ.

57) 30 іюля, въ военно-окружномъ судѣ разсматривалось дѣло младшаго врача московскаго военнаго госпиталя Бланше-де-ля-Роша и двухъ фельдъ-

шеровъ, обвинявшихся въ составленіи петиціи съ предъявленіемъ незаконныхъ требованій къ своему начальству и въ составленіи союза военно-служащихъ фельдшеровъ. Бланше-де-ля Рошъ кромѣ того обвинялся въ передачѣ по телефону угрозы убить начальника военнаго госпиталя генерала Синельникова. Въ виду высказаннаго сомнѣнія о нормальномъ состояніи умственныхъ способностей Бланше-де-ля-Роша судъ рѣшилъ освидѣтельствовать его черезъ психіатровъ; обоихъ же фельдшеровъ судъ призналъ невиновными.

58) Обвинявшіеся, на основаніи 117 ст. и 279 ст. XXII кн. св. в. п. 1869 г., изданіе третей. мѣщанинъ М. Фридманъ и крестьяне Прибалтійскаго края С. Домбровскій, В. Богданъ, Н. Якубанецъ, Спиридовскій и Жунда были оправданы 10-го іюля рижскимъ военнымъ судомъ. Теперь же приговоръ этотъ неожиданно опротестованъ, и имъ вновь грозитъ смертная казнь.

За іюль мѣсяца имѣли мѣсто слѣдующіе приговоры по литературнымъ дѣламъ и преслѣдованія печати:

1) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 28 іюня возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 ст., по 106 ст. и по VII и VIII отдѣламъ временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. семи редакторовъ газетъ.

2) 30 іюня с.-петербургскимъ комитетомъ наложенъ арестъ на газеты: № 5 „Крестыанскій Депутатъ“, № 9 „Голосъ Труда“ и на отдѣльные экстренные выпуски газеты „Народная Дума“, заключающія въ себѣ „Декларацию россійской социаль-демократической партіи“ и статью подъ заглавіемъ: „Государственная дума о положеніи казаковъ“.

3) Въ московской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, при закрытыхъ дверяхъ, слушалось сегодня дѣло редактора-издателя журнала „Правда“ В. И. Коженикова, обвинявшагося по 129 статьѣ Кожениковъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на полтора года. Изданіе журнала прекращается на этотъ же срокъ.

4) По сообщенію коменданта севастопольской крѣпости, возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ редактора газеты „Дума“ г. Винберга по 6 п. „в“ ст. 5 закона 24 ноября 1906 г. за напечатаніе въ № 19 этой газеты корреспонденціи подъ заглавіемъ „Въ застѣнкахъ“. Въ застѣлкѣ этой сообщалось объ избіеніи полиціей обвиняемыхъ по дѣлу о взрывѣ 14 мая въ Севастополѣ.

5) Конфискованъ листокъ: „Государственная дума о положеніи казаковъ“, какъ заключающій въ себѣ признаки 5 п. 129 ст. угол. улож. Изданіе члена государственной думы Ноя Жорданія, типографіи „Будущность“.

6) По сообщеніямъ прокурора варшавской судебной палаты возбуждено уголовное преслѣдованіе по п. „в“ ст. 6 закона 24 ноября 1905 г. противъ редакторовъ газетъ „Страна“ М. М. Ковалевскаго и И. И. Иванюкова за напечатаніе въ № 57 газеты замѣтки „Издѣвательство надъ узниками“.

7) Въ Ревелѣ, 3 іюля, конфискованы номера эстонской газеты „Ваатлея“.

8) 4 іюля конфискована брошюра „Якъ сбѣраются і куды повертаются народніи гроши“.

9) Въ Ревелѣ, 4 іюля, генераль-губернаторомъ приостановлено изданіе эстонской газеты „Ваатлея“ за вредное направленіе.

10) 4 іюля, въ 12 часовъ дня, полиційскій приставъ Коломенскаго уча-

стка, вместе с двумя помощниками, околоточными и цѣлымъ нарядомъ городовыхъ, явился въ редакцію журнала „Народная Жизнь“, помѣщающуюся на Коломенской улицѣ, въ домѣ 7, кв. 51. Спусти нѣсколько времени туда же явились и чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ. Совмѣстно они начали производить повальный обыскъ квартиры редакціи. На полу въ огромную гору сложили массу рукописей и книгъ. Арестованы пять мужчинъ и двѣ женщины, которые отправлены въ участокъ. Полиція, очевидно, не скоро думаетъ покинуть редакцію, т. к. запаслся разной провизіей: пивомъ, молокомъ и булками и т. п. Причины этого криминальнаго случая пока не извѣстны.

11) 4 іюля, въ московскій книжный магазинъ Д. П. Ефимова нагрянула полиція и произвела обыскъ. Искали книгу В. Климовъ „Расправы и разстрѣлы“, при чемъ предъявили неизвѣстно кѣмъ подписанную бумагу — въ случаѣ обнаруженія упомянутой книги владѣльца магазина арестовать и магазинъ опечатать. Поиски полиціи успѣхомъ не увѣчались.

12) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 1 и 2 іюля возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ уголовной ответственности по 129 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. пяти редакторовъ газетъ. Определеніями с.-петербургскаго судебнаго палаты оставлены въ силѣ постановленія с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста на десять разныхъ брошюръ.

Определеніями той же палаты оставлены въ силѣ постановленія с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста на слѣдующіе номера повременныхъ органовъ печати, издающихся въ С.-Петербургѣ: 1) на № 3 газеты „Обрывъ“, 2) на № 79 газеты „Двадцатый Вѣкъ“, 3) на № 9 журнала „Темы Жизни“, и 4) на № 6 журнала „Щитъ“.

13) 4 іюля. Интересная подробность сообщаютъ о преслѣдованіи „ХХ Вѣка“ бессарабскимъ губернаторомъ, камергеромъ А. Н. Харузинимъ. Не говоря уже о томъ, что весьма часто номера газеты совершенно не доставляются подписчикамъ съ почтой — какъ только приходитъ транспортъ петербургскихъ газетъ для розничной продажи, три номера „ХХ Вѣка“ немедленно доставляются г. Харузину и жандармскому начальству г. Чернолускому и Жилину. Начальство цензуритъ газету и, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, благосклонно разрѣшаетъ къ продажѣ номера, всего же чаще, послѣ инспекторскаго смотра слѣдуетъ конфискація. На почтѣ для перехвата прогрессивныхъ газетъ имѣется спеціальныя чиновники Журьяри, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ „союза русскаго народа“...

14) Въ Костромѣ, 4 іюля, конфискованъ первый номеръ газеты „Костромское Слово“.

15) 5 іюля, въ типографіи „Грамтосность“ конфискованъ въ машинѣ первый номеръ журнала „Огни Жизни“. Раскиданъ наборъ, арестованы, вопреки временныхъ правилъ о печати, клише. Затѣмъ полицією произведенъ обыскъ въ редакціи журнала, но ни одного номера не найдено.

16) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 4 іюля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 ст. пяти редакторовъ газетъ.

17) 5 іюля полиція явилась въ типографію газеты „Обрывъ“ и конфисковала №-ра газеты и стереотипы. Кромѣ того, полиціей были отобраны у

газетчиковъ — газеты „Мысль“, „Эхо“, „Голосъ Труда“, „Крестыанскій Депутатъ“.

18) Въ Ялтѣ, 5 іюля, керченскій генералъ-губернаторъ издалъ постановление, которымъ въвозъ и продажа ряда газетъ карается заключеніемъ до трехъ мѣсяцевъ или штрафомъ до трехъ тысячъ руб.

19) 5 іюля главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „ХХ Вѣкъ“ Н. Н. Долгова по 1 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ №№ 91 и 92 газеты „Резолюціи солдатъ казанскаго гарнизона“ и „Резолюціи сознательныхъ солдатъ петровскаго и Выборгскаго полковъ“; 2) „Наша Жизнь“ — К. И. Диксона по 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 483 „Наказъ за 31 сѣвскаго казачьяго полка донскимъ депутатамъ“; 3) „Мысль“ — И. Е. Соломо по 1 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 8 статьи „О всероссійскомъ желѣзнодорожномъ союзѣ“, „Заявленіе донскихъ казаковъ“, „Приговоръ казаковъ Усть-Медвѣдицкой станицы“ и др.; 4) „Сѣверная Земля“ — А. Ф. Иванова по 5 п. п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 5 статьи „О казакахъ“.

20) Въ Казани, 6 іюля, конфискованъ очередной номеръ „Волжскаго Вѣстника“.

21) Московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности по 281, 129, 379, 280, 281, 103 и 1036 ст. и по VII и VIII отдѣламъ временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. шести редакторовъ газетъ и журналовъ.

Возбуждены вопросы о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности по 129 и 181 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. семи редакторовъ провинціальныхъ газетъ и журналовъ.

22) 7 іюля, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Мысль“ И. Е. Соломо по 1 и 5 п. п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 12 статьи „Разложеніе въ арміи“, „Писемъ“ и пр., 2) „Крестыанскій Депутатъ“ А. Е. Тесля по 4 п. п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 6 статьи „Поднятый мечъ, отъ меча погибнетъ“, 3) „Обрывъ“ С. Дмитриовскаго по 1 п. п. 129 ст. угол. улож. и п. „г“ ст. 5-ой. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 13, 14 и 15 статей „Русская Варолюмевская ночь“, „Новые факты“, „Еще о черносотенныхъ планахъ“ и др., 4) „Голосъ Труда“ М. И. Свѣчиной по 1 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож. и п. „г“ ст. 5-ой. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 11 статей „Наканунъ“, „Севастополь“ и „Погромъ близокъ“ и 5) „Эхо“ Е. С. Милановой по 1 и 5 п. п. 129 ст. уг. улож. и п. „г“ ст. 5-ой. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 9 и 10 статей „Толки объ измѣнѣ“, „Армія и народъ“ и др.

23) Въ Ярославлѣ, 7 іюля, въ виду безпрерывной конфискаціи, „Сѣверная Рѣчь“ прекратила выпускъ номеровъ. Выпущенныя сегодня агентскія телеграммы конфискованы.

24) Въ Екатеринбургѣ, 7 іюля, конфискованъ 11 номеръ „Южной Руси“.

25) Разгромъ типографіи „Мысли“ 7 іюля продолжался до двухъ часовъ ночи. Арестованы 2 сторожа, 6 человекъ постороннихъ и весь редакціонный комитетъ, кромѣ редактора „Мысли“, члена Государств. Думы, Соломо. Вчера произведено нѣсколько обысковъ у сотрудниковъ закрытыхъ газетъ.

7 июля, главным управлением по делам печати возбужден вопрос о привлечении к ответственности редакторов газет: 1) „Мысль“ И. Е. Соломко по 1 п. 129 ст. уг. улож. за напечатание в № 15 статьи „Послѣдъ усмирения“; 2) „Эхо“ Е. С. Милановой по 1 п. 129 ст. уг. улож. за напечатание в № 13 статьи „Черная кость и бѣлая кость въ армии“; 3) „Наша Жизнь“ К. И. Диксона по 1 п. 129 ст. уг. улож. за напечатание в № 48 статьи „Конфликтъ по вопросу о погромахъ“.

26) 7 июля, конфискована брошюра: „Н. Васильевъ. Десять заповѣдей социаль-демократа“, издание Марии Малаховъ, какъ заключающая въ себѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго б п. 129 ст. уг. улож.

27) 8 июля конфискованы полиціей брошюры Новомирскаго подъ заглавіемъ: „Манифестъ анархистовъ-коммунистовъ“, „Свободная коммуна“ и книга М. К. Кольцова „Памяти павшихъ жертвъ изъ среды московскаго студенчества въ октябрьскіе и декабрьскіе дни“.

28) Въ Симферополѣ, 8 июля, редакторъ „Крыма“, судившійся за оскорбленіе министерства, оправданъ.

29) 8 июля четвертый номеръ „Адской Почты“, посвященный „землѣ и волѣ“, весь конфискованъ на типографскомъ станкѣ. У типографіи Р. Голикѣ и А. Вильборга поставленъ батальонъ пѣхоты и 4 пулемета.

30) Въ ночь на 7-е июля въ типографію газеты „Обрывъ“ явилась полиція, которая предъявила предписаніе с.-петербургскаго градоначальника и закрыла типографію. печатать въ ней все находящееся.

31) С.-Петербургскимъ комитетомъ по деламъ печати 5-го июля возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ уголовной ответственности по 129 и 103. ст. и по VII отдѣлу временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. восьми редакторовъ газетъ и журналовъ.

32) Въ Омскѣ, 8 июля, редакторъ „Стенного Голоса“ привлекается по 129 ст. за напечатаніе корреспонденціи изъ Красноярска о проводахъ и о посылкѣ наказа депутату Николаевскому.

33) Въ Екатеринбургѣ, 8 июля, редакторъ-издатель газеты „Голосъ Народа“ привлеченъ къ ответственности за перепечатку статей изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, возбуждающихъ одну часть населенія противъ другой, Газета прекращается.

34) 8 июля главнымъ управленіемъ по деламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ ответственности редакторовъ газетъ: 1) „Крестьянскій Депутатъ“ А. Е. Тесла по 1 и 5 пп. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе № 8 статьи „О казачьихъ движеніяхъ“; 2) „Мысль“ И. Е. Соломко по 1 и 5 пп. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 13 статьи: „Документы дѣятельности инженерныхъ войскъ“ и „Клевета на армію“ и др.; 3) „Военный Голосъ“ г. Шнеура по 5 п. 129 ст. уг. улож. и 6 ст. VIII отд. закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 146 статьи „Общество и офицеры“ и 4) „Голосъ Труда“ М. И. Савѣиной по 1 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 13 отдѣла: „Дума и народъ“.

35) 8 июля въ особомъ отдѣленіи департамента полиціи разсматривался вопросъ о приостановкѣ на время всѣхъ социалистическихъ газетъ, дабы не дать возможности опубликовать воззваній къ народу трудовой и социаль-демократической парламентскихъ группъ. Вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

36) 8 июля конфискована брошюра „Красная сотня“ книгоиздательства „Впередъ“, въ виду заключающихся въ ней признаковъ б п. 129 ст. уг. улож.

37) Въ Харьковѣ, 9 июля, преданы суду редакторы „Южнаго Края“, „Наканунъ“ и „Новостей“.

38) 9 июля въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“ старшимъ помощникомъ пристава Спасской части, по постановленію цензурнаго комитета и предписанію старшаго инспектора типографій, наложенъ арестъ на книгу „М. А. Бакунинъ“ т. I (Сочин.), издание Балашова. Составленъ протоколъ и находящіяся въ складѣ 227 экз. этой книги отобраны и препровождены въ участокъ.

39) С.-Петербургскій комитетъ по деламъ печати 8, 9 и 10 июля возбуждилъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 128 ст. уголовн. улож. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. десяти редакторовъ газетъ.

40) 10 июля Московскій комитетъ по деламъ печати возбудилъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 133, 281, 130, 107, 129 и 1036 ст. и по VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. четырехъ редакторовъ газетъ. Возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 281, 281, 131 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. тринадцати редакторовъ провинціальныхъ газетъ.

41) С.-Петербургская судебная палата, утвердивъ арестъ, наложенный с.-петербургскимъ комитетомъ по деламъ печати на отдѣльные номера газетъ: „Мысль“, „Эхо“, „Голосъ Труда“, „Крестьянскій Депутатъ“, „Современная Жизнь“ и „Свѣтлая Земля“, опредѣленіемъ отъ 10-го июля, постановила всѣ эти газеты, въ виду особенной важности учиненныхъ въ нихъ преступныхъ дѣяній, приостановить впредь до судебного приговора.

42) 8 июля, рано утромъ, въ типографію „Энергія“ (Загородный, 17) явился околоточный надзиратель и потребовалъ, чтобы ему указали, гдѣ находится наборъ готовящагося къ выпуску № 2 желѣзнодорожнаго органа „Семафоръ“. Когда ему указали, онъ сталъ около набора. Явившійся приставъ предъявилъ распоряженіе о закрытіи, на основаніи правилъ о чрезвычайной охранѣ, газеты „Семафоръ“ и потребовалъ немедленно же разбросать весь имѣвшійся наборъ.

43) 8 июля вышедшій № 1-й газеты „Народъ“—былъ конфискованъ.

44) Въ Харьковѣ, 10 июля, газета „Наканунъ“ закрыта. Типографія печатана.

45) Въ Саратовѣ, 10 июля, конфискованъ номеръ „Саратовскаго Дневника“. Арестованы редакторъ и сотрудникъ „Приволжскаго Края“.

46) Въ Камышинѣ, 10 июля, издание „Приволжской Газеты“ приостановлено.

47) Въ Вильнѣ, 10 июля, номера „Сѣверо-западнаго Голоса“ и „Свободнаго Слова“ конфискованы полиціей.

48) Въ Читѣ, 10 июля, администрація закрыта на время военнаго положенія газета „Коммерческій Вѣстникъ“ за вредное направленіе: послѣдніе номера газеты конфискованы.

49) Въ Казани, 11 июля, редакторъ „Вечерняго Эха“ Стадырновъ арестованъ. Газета приостановлена. Владѣлецъ типографіи, гдѣ печатается „Волжскій Курьеръ“, отказался печатать номеръ въ томъ видѣ, въ какомъ его прислала редакція. Газета вышла безъ оригинальныхъ статей.

50) 11 июня инспекция по делам печати конфисковала сборник стихотворений на политическую тему под названием „Набатъ“, изданный книгоиздательством Прибой. Конфискованы также журнал „Стойте во свободѣ“.

51) 11 июля администрация, на основании положения о чрезвычайной охранѣ, приостановила газету „Народное Дѣло“.

52) 11 июля, закрыта, по распоряженію спб. градоначальника, на основании положения о чрезвычайной охранѣ газета „Наша Жизнь“.

53) Въ Самарѣ, 11 июля, конфискованъ „Самарскій Курьеръ“.

54) Въ Казани, 11 июля, конфискованъ очередной номеръ „Волжскаго Вѣстника“.

55) Въ Перми, 11 июля, приостановлена газета „Камскій Край“.

56) Въ Симферополь, 11 июля, всѣ мѣстныя газеты лѣваго направленія конфискованы.

57) Въ Царицынѣ, 11 июля, конфискованъ номеръ газеты „Царицинскій Путь“.

58) 11 июля, по полученнымъ въ Петербургѣ телеграфнымъ свѣдѣніямъ, въ городахъ Россіи, за исключеніемъ Петербурга, закрыто 17 газетъ.

59) 12 июля, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, приостановлена газета „Новая Жизнь“.

60) 12 июля въ Москвѣ нельзя было достать ни одной петербургской газеты: все конфисковано.

„Путь“ и „Новости Дня“ приостановлены за выпущенныя вечернія приобщенія.

61) Въ Митавѣ, 12 июля, генераль-губернаторомъ воспрещены въ Курляндіи всѣ радикальныя латшскія газеты, вслѣдствіе помѣщенія статей, подстрекающихъ къ безпорядкамъ.

62) Въ Казани, 12 июля, конфискованъ первый номеръ лѣвой татарской газеты „Полярная Звѣзда“.

63) Въ Вильнѣ, 12 июля, конфискованы очередные номера „Свободнаго Слова“ и „Газмана“.

64) Въ Симферополь, 12 июля, номера газетъ „Жизнь Крыма“ и „Южный Голосъ“ конфискованы.

65) Въ Костромѣ, 12 июля, номеръ „Костромскаго Слова“ конфискованъ. Въ редакціи, конторѣ и типографіи произведенъ обыскъ. Судебный слѣдователь производитъ слѣдствіе по обвиненію издательницы газеты, Андрониковой, о несоблюденіи ею закона о печати. Вызваны эксперты.

66) Въ Симферополь, 12 июля, конфискована газета „Отклики Крыма“. Редакторъ привлекается по 129 ст.

67) Въ Москвѣ, 12 июля, конфискованъ номеръ „Русскихъ Вѣдомостей“ за напечатаніе выдержки изъ обращенія къ народу членовъ Государственной Думы.

68) Въ Читѣ, 12 июля, изданіе въ Верхнеудинскѣ газеты „Байкальская Волна“ приостановлено на все время военного положенія, въ виду „вреднаго направленія“ газеты.

69) „Уральская Жизнь“, мирно выходившая въ теченіе 7 лѣтъ, не выпустила 13 июля очереднаго номера по слѣдующимъ отъ нея „независѣвшимъ“ обстоятельствамъ.

12 июля, около 7 час. утра, въ домъ редактора-издателя газеты „Ураль-

ская Жизнь“ П. И. Пѣвина явилась полиція и жандармы, во главѣ съ приставомъ 2-й части Землевиичемъ, и заявила П. И. Пѣвину, что, по словесному распоряженію мѣстной администраціи, она должна произвести обыскъ въ помѣщеніяхъ типографіи, редакціи, а также и въ квартирѣ редактора-издателя.

Обыскъ начался съ кабинета редактора, затѣмъ перешли въ контору, типографію и кладовыя. Закончивъ осмотръ нижняго этажа, перешли во второй этажъ, гдѣ обыскали квартиру редактора П. И. Пѣвина, кладовыя и чердачныя помѣщенія.

Пересмотрѣвъ все, полиція взяла изъ редакціи всѣ неприютныя къ печати и лежащія въ особомъ шкафу рукописи.

Въ кладовыхъ полиція отобрала всѣ выпущенныя съ октября 1905 г. и продаваемыя всюду брошюры. Въ кабинетѣ и квартирѣ редактора-издателя П. И. Пѣвина взята часть разнаго редакціоннаго матеріала, поступившаго въ редакцію.

Начавшійся около 7 ч. утра обыскъ былъ законченъ лишь къ 2 час. дня.

Съ такой же тщательностью была обыскана небольшая типографія въ Смоленскѣ.

70) На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, московскимъ градоначальникомъ закрыты сегодня еще двѣ газеты: „Народное Дѣло“ и „Трудовая Рѣчь“. Приостановлено также изданіе еженедѣльнаго журнала „Ходите въ свѣтъ“.

71) Инспекторомъ по деламъ печати конфискована книга Аскелърода „Изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“.

72) Въ Таганрогѣ, 13 июля, по распоряженію наказанаго атамана приостановлена газета „Таганрогскій Вѣстникъ“.

73) Въ Красноярскѣ, 13 июля, распоряженіемъ иркутскаго генераль-губернатора газета „Сибирскій Вѣсти“ закрыта на десятомъ номерѣ. Редакторъ-издатель, врачъ Козловъ, высылается въ Енисейскій уѣздъ.

74) 14 июля, главнымъ управленіемъ по деламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Рѣчь“ г. Харитона по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 123 статей „Въ Выборгѣ“ и „Чего ждать въ деревнѣ?“, 2) „Наша Жизнь“ по 1 и 3 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 494 статьи „Гос. Дума въ Выборгѣ“ и отдѣла „Иностранное обозрѣніе“, 3) „Петербургскій Листокъ“ г. Скробатова по 1 и 3 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 187 статьи „Бышше депутаты въ Выборгѣ“, 4) „XX Вѣкъ“ г. Долгова по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 102 статьи „Волненіе въ самарскомъ гарнизонѣ“ и 5) „Страна“ гг. Коналевскаго и Иванюкова по 1 и 3 п. 129 ст. и 128 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 121 и 122 статей „Роспускъ гос. думы“ и „Собраніе въ Выборгѣ“.

75) 14 июля, главнымъ управленіемъ по деламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности автора помѣщеннаго въ № 9 газеты „Мысль“, открытаго письма къ англійскому народу“ кн. Н. П. Долгорукова по 129 ст. уг. улож.

76) 14 июля, изъ Варшавы сообщаютъ что лодзинскій военный губернаторъ предупредилъ редакторовъ мѣстныхъ газетъ, что напечатаніе въ газетахъ обращенія членовъ государственной думы къ народу или чего-нибудь подобнаго, хотя бы этотъ матеріалъ былъ заимствованъ даже изъ агент-

ских телеграмм, повлечь за собою прекращение издания, печатание редакции и арест всех сотрудников.

77) С 14 июля конфискация газет в Москвѣ поручена специально командированным околоточным надзирателям, разбѣгающимся по городу на велосипедахъ.

78) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 15 и 16 июля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 128 и 129 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. четырехъ редакторовъ газетъ.

Тѣмъ же комитетомъ возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 и 107 ст. трехъ издателей брошюръ.

Возбуждены вопросы объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 281, 281^а, 1039 и 1040 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. шестнадцати редакторовъ провинціальныхъ газетъ.

Опредѣленіями с.-петербургской судебной палаты отъ 10 июля оставлены въ силѣ распоряженія с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста: 1) на № 1 газеты „Крестянский Депутатъ“, 2) на № 3 журнала „Застѣблщикъ“, и 3) на № 3 журнала „Поединокъ“.

79) 16 июля. Последніе дни на всѣхъ петербургскихъ вокзалахъ полиціей осматривались тюки газетъ, отправляемыхъ въ провинцію для розничной продажи багажомъ. Пропустивъ захватъ типографіи Бусселя, полиція хотѣла задержать отпечатанное обращеніе депутатовъ при отправкѣ. Ничего найдено не было, и результатъ получился лишь тотъ, что при осмотрѣ „XX Вѣка“ въ воскресенье, на варш. вокзалѣ, околоточнымъ Кузнецовымъ и жандармскимъ унтеръ-офицеромъ Черникимъ, — пропали два тюка этой газеты съ 225 экземплярами.

80) 16 июля, по распоряженію министра внутри. дѣлъ, отъ владѣльцевъ всѣхъ въ Россіи типографій отбираются подписки, обязывающія ихъ не печатать воззванія бывшихъ народныхъ представителей.

81) Въ Царицинѣ, 17 июля, по распоряженію губернатора, запечатана типографія газеты „Царицинскій Путь“. Газета не выходитъ.

82) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 17 июля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 года одного редактора газеты.

Тѣмъ же комитетомъ возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 119 и 103 ст. уголовн. улож. четырехъ издателей брошюръ.

Возбуждены вопросы объ уголовномъ преслѣдованіи по 181, 182, 279, 280, 281, 129 ст. уголовн. улож. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. пяти редакторовъ провинціальныхъ газетъ.

83) 17 июля, въ помѣщеніи книгоиздательства „Марія Малихъ“ (б-я Рождественская 22) въ отсутствіи книгоиздательницы, находящейся на излѣченіи въ клиникѣ, явилась полиція и запечатала складъ. Никакого предписанія не было предъявлено.

84) Въ Москвѣ, 18 июля, арестована издательница конфискованнаго журнала „Духа не угашаетъ“, — г-жа Ивашева. Типографія Печковскаго-Булланже, въ которой печатался этотъ журналъ, закрыта администраціей.

85) Въ Москвѣ, 18 июля, закрыта типографія Печковской, за напечатаніе запрещенной брошюры.

86) Въ Казани, 18 июля, конфискованъ очередной номеръ „Волжскаго Курьера“.

87) Въ Брянскѣ, 19 июля, въ полдень, толпа городовыхъ и жандармовъ ворвалась въ редакцію газеты „Брянскій Голосъ“ для конфискаціи №№ газеты и ареста ея редактора М. Ив. Юдина, а при случаѣ, какъ предполагалось, съ полиціиннымъ матеріаломъ и гг. крамовыхъ сотрудниковъ. Но на мѣстѣ оказались всѣ мирно бесѣдующими и съ нетерпѣніемъ ожидающими „милыхъ и дорогихъ сердцу гостей“. Надежды старательной администраціи не оправдались. „Крамовальное“ въ редакціи не оказалось ничего. Полицеймейстеръ, обращаясь къ редактору, объявляя его своимъ плѣнникомъ, но добавляя, что редакторъ можетъ быть свободнымъ до суда при условіи внесенія залога въ 1000 руб., „не сходя съ мѣста“. На это редакторъ, „не сходя съ мѣста“ улыбаясь заявилъ, что не обладая искусствомъ „чародѣйства“, „не сходя съ мѣста“, денегъ достать не можетъ. Сотрудники помогли достать удовлетвореніе для полиціи. Последняя, обшаривъ всѣ щели и углы — безъ плѣнныхъ тружениковъ печатнаго слова и социаль-демократовъ — удалилась. У подъѣзда стоялъ отрядъ казаковъ въ полномъ боевомъ снаряженіи. Въ уѣздѣ и въ ближайшихъ городахъ тщательно разыскиваются сотрудники газеты „Брянскій Голосъ“, на взглядъ мѣстной администраціи, отягченные крамовальниками“.

88) Въ Тулѣ, 19-го июля, губернаторъ закрылъ типографію „Тулской Жизни“ на все время дѣйствія положенія усиленной охраны. Изданіе прекращено издателемъ.

89) Въ Кобелякахъ, 19-го июля, мѣстная социаль-демократическая газета „Земля“ временно закрыта. Редакторъ привлекается къ отвѣтственности.

90) Въ Казани, 19-го июля, редакторъ „Вечернаго Эха“, Стадноровъ, освобожденъ изъ тюрьмы подъ залогъ.

91) Въ Новоросійскѣ, 19 июля, закрыта типографія „Трудъ“ за напечатаніе воззванія бывшихъ депутатовъ къ народу.

92) Въ Екатеринбургѣ, 19 июля, по распоряженію губернатора, закрыта типографія газеты „Уральскій Край“, органа к-д. партіи.

93) Ръ. Кутаисѣ, 19 июля, по предписанію петербургскаго жандармскаго управленія, кутаисская жандармерія и полиція, въ числѣ 30 человекъ, подвергли тщательному обыску книжный магазинъ и контуру газеты „Колхида“, а также квартиру владѣльца магазина Квициридзе. Не найдя ничего преступнаго, ротмистръ оставилъ Квициридзе на свободѣ.

94) Въ Казани, 19 июля, административный произволъ по отношенію къ прогрессивной прессѣ достигъ высшаго предѣла. Сегодня конфискованы всѣ газеты. Положеніе печати хуже, чѣмъ было до 17 октября. Каждую ночь типографіи, гдѣ печатаются газеты, окружаютъ лѣшіе и конные городовые. Работа невозможна.

95) Во Владикавказѣ, 20 июля, генераль-губернаторомъ закрыта газета „Черкешенка“.

96) Въ Вяткѣ исполняющій должность губернатора графъ Комаровскій закрылъ на мѣсяцъ типографію Харитонову, гдѣ печатались „Вятская Жизнь“ и „Крестянская Газета“. Типографія никакого повода къ закрытію не дала. Вятка останется безъ газеты на все время усиленной охраны, ибо теперь ни одна типографія не возьмется печатать прогрессивную газету.

97) С.-Петербургским комитетом по делам печати 20 июля возбужден вопрос об уголовном преследовании редактора газет «Реформа» и «Речь» пом. прис. пом. Бориса Иосифовича Харитона по п. п. в г. ст. 5 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, ст. призывающим к № 95 газ. «Реформа», № 131 газ. «Речь» п. а. ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 г.

98) Комитетом по дѣламъ печати конфискована брошюра А. Безроднаго „Ткачи“, повѣсть изъ жизни русскихъ ткачей. Книгоиздательство Ч. Д. Мягкова „Колоколь“. Типографія „Народная Польза“.

99) Определеніємъ судебной палаты прекращено уголовное преслѣдованіе редактора газеты „XX Вѣкъ“ Н. Долгова, возбужденное по 3 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 66 статьи „Изъ Кронштадта“.

100) 20 іюля въ помѣщеніе книгоиздательства „Молоть“ явилась поліція и, по распоряженію градоначальника, запечатала помѣщеніе.

101) Въ Саратовѣ, 21-го іюля, распоряженіемъ губернатора опечатана типографія «Саратовскаго Дневника».

102) В Казани, 21 июня, произведены ночью многочисленные обыски и аресты. Арестованы пять сотрудников "Волжского Вѣстника", секретарь "Курьера", редактор "Крестянской Газеты", которая приостановлена.

103) Комитетом по дѣламъ печати конфискованы 4 и 5 выпуски сочинений Н. Шебуева подъ заглавіемъ „Провокаторъ“ и „Хвостунъ“, напечатанные въ типографіи Отто Упфугъ. Шебуевъ привлекается къ отвѣтственности по 6 ст. VIII отд. закона 24 ноября 1905 г.

104) Въ Омскѣ закрыть „Степной Голосъ“ на время военного поло-
женія.

105) Въ Варшавѣ окружной судъ оправдалъ редакторовъ Лозинскаго, Штаркмана и Накончинскаго.

106) Въ Кременчугѣ, 23 іюля, во время печатанія воззванія бывшихъ членовъ Государственной Думы въ типографію явилась полиція, захватила наборъ, арестовала владѣльца и наборщиковъ и опечатала типографію.

107) Въ Симферополѣ, 25 іюля, по постановленію судебной палаты при-
остановленъ ученической журналъ „Первый Лучъ“

108) 25 июля в особом присутствии спб. судебной палаты с участием сопоставимых представителей рассмотрено несколько политических дѣлъ. Дѣло книгоиздателя фирмы „Молотъ“ Саркиса Баліева направлено на доислѣдованіе. Обвиненіе было предъявлено по п. 129 ст. уг. ул. за печатаніе и распространеніе путемъ продажи брошюры, переведенной съ французскаго „Программа французской рабочей партіи“, соч. Геда и Лафарга, безъ разрѣшенія цензуры, въ содержаніи которой цензурный комитетъ усмотрѣлъ возбужденіе къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ строя. Однако, по указанію пом. пр. пов. Гальберштадта, при дѣлѣ быль найдены представленный оффиціальный документъ о томъ, что печатаніе инкриминируемой брошюры было дозволено цензурою въ Екатеринбургѣ, печаталась же брошюра въ Петербургѣ. Несмотря на доводы защиты, что найденный документъ опровергаетъ весь обвинительный актъ, тов. прокурора требовалъ направить дѣло на доислѣдованіе на предметъ выясненія, что была разрѣшена къ печатанію именно трактруемая рукопись.

109) Въ Ялтѣ, 25 іюля, комендантъ ген. Неплюевъ выслать изъ Севастополя сотрудника „Крымскаго Вѣстника“ Энгеля за статью „Распускъ Думы“, весьма сдержанную

110) Редактор издающейся в г. Вольскъ (Сарат. г.) газ. „Волжанинъ“ сдѣлалъ попытку насадить практику, установившуюся въ Австріи, гдѣ администрація можетъ конфисковать отдѣльную статью или даже нѣсколько строкъ въ газетѣ, не задерживая самой газеты. Мѣстный полицеймейстеръ, однако, отнесся къ такому новаторству несочувственно. Обстоятельства этого дѣла таковы.

Привлечение к № 751 было конфисковано за напечатание резолюции саратовского съезда выборщиков и крестьянских уполномоченных. Редакция издала точно же второе привлечение, тоже самое с первым, где на мбств этой резолюции было написано крупным шрифтом: "Часть выкинута по требованию полиции". Полицией же нашел и это недопустимым и конфисковал и новое привлечение.

Конечно, следующий № 752 был также конфискован, для чего еще во время печатания типография была окружена нарядами городовых. Полиция продежурила всю ночь и на утро забрала больше тысячи экземпляров. Полицеймейстер приказал разобрать набор в присутствии пристава...

При таких условиях, когда ни одна оригинальная статья не может увидеть света, редакция рѣшила выпускать временно одни только объявления, чтобы не потерять права на издание газеты.

111) Въ Саратовѣ, 25 іюля, типографія „Саратовскаго Дневника“ вновь открыта.

112) Въ Одессѣ, 26 іюля, временнымъ генералъ-губернаторомъ приостановлена на время военнаго положенія газета „Новое Обозрѣніе“, какъ являющаяся по направленію продолженіемъ приостановленнаго «Южнаго Обозрѣнія».

113) 26 июля вечеромъ въ книжный складъ «Право», на Владимирскомъ проспектѣ, явилась полиція и запечатала складъ; 27-го июля было запечатано книгоиздательство «Донская Рѣчь».

114) Изъ Мотовиловки, 26 июля, сообщаютъ, что на ст. Киевъ телеграфисты отказались принять депеши, адресованныя редакціямъ прогрессивныхъ газетъ, ссылаясь на циркуляръ Немѣшаева.

115) Въ Варшавѣ, 27 іюля, приістановлено изданіе газеты „Со дня на день“ на время военнаго положенія.

116) Въ Ригѣ, 27 іюля, номеръ латышской газеты «Balss» конфискуется полиціей.

117) Въ Тифлисъ, 27 іюля, распоряженіемъ тифлискаго комитета по дѣламъ печати, конфискованъ вышедшій номеръ журнала „Воля Народѣ“. Противъ скрывшагося редактора Алибекова возбуждено преслѣдованіе по 129 ст. ул.

118) 27-го юля, по распоряженію градоначальника, опечатано книгоиздательство „Новый Мір“.

119) Слѣдствіе объ арестованномъ, по распоряженію петербургскаго градоначальника управляющаго типографіей г. Буссея, А. Г. Абрамовичъ-Безпрозваннаго, какъ мы слышали, прекращено, и г. Абрамовичъ подвергнутъ аресту на три мѣсяца въ административномъ порядкѣ. Типографія г.

Бусселя, запечатанная 16 июля, до сих пор еще не открыта, и ходатайство владельца об ее открытии градоначальником отклонено.

120) Въ Тифлисъ, 29 июля, по распоряжению намѣстника, отъ всѣхъ мѣстныхъ редакторовъ отбирается подписка о томъ, чтобы безъ особаго разрѣшенія генераль-губернатора не печатать никакихъ сообщений о событіяхъ въ частяхъ войскъ и о расположении оныхъ на Кавказѣ.

121) Инспекція по дѣламъ печати отобрала отъ всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазиновъ подписку не продавать портретовъ преступниковъ, осужденныхъ за убійство должностныхъ лицъ, и карикатуръ на правительственныхъ чиновниковъ и не торговать книгами и брошюрами, не снабженными обозначеніемъ фирмы типографіи.

122) Въ Тулѣ, 29 июля, вмѣсто закрывшейся газеты „Тулская Жизнь“ начато изданіе газеты „Тулскія Извѣстія“. Первый вышедшій номеръ конфискованъ.

123) Въ Саратовѣ, 29 июля, палата оправдала редактора газеты „Школа и Жизнь“, Морисона, обвинявшагося по 128 и 129 статьямъ уложенія.

124) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 ст. и по VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. четырехъ редакторовъ газетъ и журналовъ.

125) Въ Москвѣ, 30 июня, въ судебной палатѣ съ сословными представителями разсматривались три литературныхъ дѣла. Редакторъ журнала „Правда“ Кожевниковъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости, а журналъ приостановленъ на полтора года; редакторъ „Смоленскаго Голоса“ Горбатовскій оправданъ; редакторъ книгоиздательства „Искра“ Леоновъ за выпускъ брошюры „Пауки и Мухи“ и „За что они борятся“ приговоренъ къ годичному заключенію въ крѣпости. Дѣла редакторовъ „Борьбы“ и „Вечерней Почты“ отложены.

126) Въ Ревелѣ, 30 июня, за напечатаніе секретнаго донесенія объ октябрьскихъ событіяхъ прокурора окружнаго суда прокурору судебной палаты, редакторъ закрытой нынѣ мѣстной эстонской газеты Нейманъ присужденъ къ 4-хъ недѣльному аресту при полиціи и штрафу въ 500 р.

127) Конфискована книга „Стихотворенія и Разсказы“ Левиной-Сисоевой, какъ заключающая въ себѣ признаки 1 и 4 пп. 129 ст. угол. улож.

128) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 30 июня, произведенъ обыскъ въ типографіи тружениковъ печатнаго дѣла. Конфискована печатавшаяся брошюра Девяткова „Устройство Россіи“.

129) Въ Одессѣ, 30 июля, генераль-губернаторомъ воспрещена продажа издаваемой на еврейскомъ жаргонѣ газеты „Табеллаттъ“.

130) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 30 июля, на основаніи чрезвычайной охраны, губернаторомъ приостановлено изданіе „Нижегородской Земской Газеты“.

131) Въ Петербургѣ, въ книгоиздательствѣ Н. Парамонова (Донская Рѣчь) полиція, предъявивъ соотвѣтствующее предписаніе, конфисковала около 200 экземпляровъ сочиненія Роля: „Какъ происходили революціи на западѣ“, въ которомъ комитетъ по дѣламъ печати усмотрѣлъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 129 ст. ул.

132) Военнымъ министерствомъ разосланъ секретный циркуляръ во войскамъ гвардіи и арміи, которымъ воспрещается офицерамъ подписываться

на газету „Военный Голосъ“. Часті, получающія упомянутую газету, должны, подѣ страхомъ репрессій, немедленно отказаться отъ подписки. Полковымъ командирамъ предписывается вести строжайшее наблюденіе за исполненіемъ этого приказанія и, въ случаѣ нарушенія его, тотчасъ же доносить о виновныхъ въ главный штабъ.

133) Много разъ въ теченіе іюля въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ конфисковались номера петербургскихъ газетъ: „Мысль“, „Голосъ Труда“, „Эхо“, „Обрывъ“, „Крестыянский Депутатъ“, „Рѣчь“, „Сѣверная Звѣзда“, „XX вѣкъ“, „Наша Жизнь“, „Страна“, „Равенство“, Новая Жизнь“ и др. Къ концу мѣсяца всѣ эти газеты, за исключеніемъ „Страны“, приостановлены“.

134) Драматическая цензура осталась до сих поръ въ полной неприкосновенности, и вплоть произвольно, безконтрольно и безапелляционно гг. драматическіе цензоры зачеркиваютъ пьесу за пьесой. Теперь, въ виду близости новаго сезона въ драматическую цензуру при главномъ управленіи по дѣламъ печати представляется много новыхъ пьесъ, а значительная часть ихъ подвергнута запрету. Къ числу запрещенныхъ относятся: пьеса Хейермана „Панцирь“, (рисующая голландскаго офицера, отказывающагося стрѣлять въ стачечниковъ); пьеса „Гапонъ“ (рисующая важнѣйшіе моменты изъ жизни Гапона); новѣйшая пьеса Шибишевскаго (въ которой нѣкій король отказывается отъ престола); „На станціи“ (въ которой изображена желѣзнодорожная стачка въ Австріи) и т. д. Въ другихъ пьесахъ зачеркиваются цѣлыя или отдѣльныя реплики. Не обходится безъ курьезовъ. Въ одной пьесѣ сказано: „попаль по протекціи въ министерство“ и цензоръ перечеркнулъ слова „по протекціи“...

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я:

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Невскій пр., 19, книжный магазинъ «Наша Жизнь».

Поступили въ продажу:

- 1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. 75 к.
- 2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Антонова, Балмашева, Волкеништейнъ, Гершуни, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Новорусскаго, Поливанова, Иванова, Каляева, Карповича, Попова, Сазонова, Стародворскаго, Фигнеръ. Ц. 35 к.

Доходъ отъ изданія поступить въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

Готовятся къ печати портреты:

ТРИГОНИ, ФРОЛЕНКА, МЫШКИНА, АШЕНБРЕННЕРА.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.

XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „КУЛЬТУРА“, С.-Петербургъ,
Загородный, 28.